ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВАГО

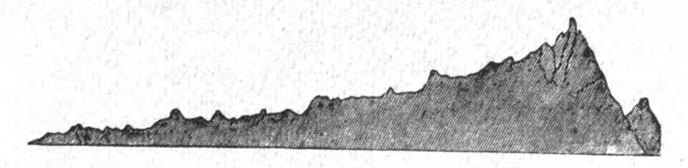
ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ КОРИНѲЯНАМЪ.

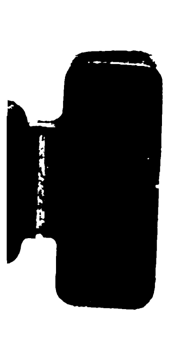
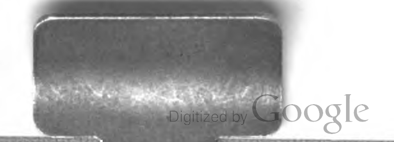
Епископа Ѳеофана.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, домъ Смирновой.
1893.

ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВАГО

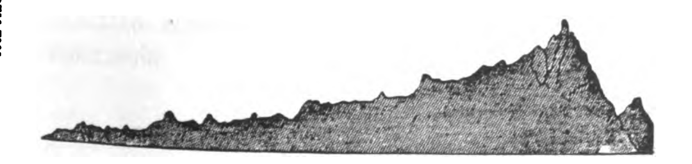
ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ КОРИНѲЯНАМЪ.

Епископа Ѳеофана.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка. домъ Смирновой
1893.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. 12 апрѣля 1893 года.

Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*

Reprinted by
JUH

ВВЕДЕНІЕ.

1.

Свѣдѣнія о Коринѳѣ и Коринѳянахъ.

Коринѳъ лежитъ на перешейкѣ, соединяющемъ собственно Грецію съ Мореею или Пелопонезомъ. Построенъ онъ будто тысячи за полторы (1400) до Р. Х. Сизифомъ и назывался Ефирою; потомъ разоренъ былъ кѣмъ-то и возстановленъ Коринѳомъ, сыномъ Мараѳона, или Пелопса, отъ котораго и имя получилъ. Въ Ахайскую войну Луцій Муммій разорилъ его до основанія въ 146 г. до Р. Х., а въ 44-мъ Юлій кесарь возстановилъ его, послѣ чего онъ быстро поднялся и сталъ первымъ городомъ Ахаіи, мѣстопребываніемъ проконсуловъ: умножился числомъ жителей, процвѣлъ науками, искусствами и веселою жизнію. Отличіе его составляли истмійскія игры и храмъ Афродиты съ особымъ при немъ заведеніемъ. То и другое привлекало въ него множество народа. Коринѳъ — представитель греческаго легкомыслія, вѣтренности и чувственныхъ наслажденій.

2.

Основаніе въ немъ Церкви Христовой.

(Дѣян. гл. 18).

Святую вѣру принесъ сюда и Церковь Христову здѣсь основалъ св. Павелъ, во второе свое Апостольское путе-

шествіе, послѣ того какъ просвѣтилъ вѣрою Филиппы, Солунь, Берію и Аѳины. Злые Евреи вытѣсняли его, послѣ Филиппъ, и изъ Солуни съ Берією. Почему, оставивъ въ Македоніи Силу и Тимоѳея, для наблюденія за ходомъ дѣлъ, онъ направился въ Элладу и, послѣ краткаго, не безполезнаго однакожъ, пребыванія въ Аѳинахъ, перешелъ въ Коринѳъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ добрыхъ и гостепріимныхъ Акилу и Прискиллу, Іудеянъ родомъ изъ Понта, которые прежде жили въ Римѣ и въ Коринѳъ переселились по случаю изгнанія Клавдіемъ всѣхъ Іудеевъ изъ Рима. Акила былъ скинотворецъ, и св. Павелъ зналъ это мастерство; они сошлись, и св. Павелъ сталъ жить въ ихъ домѣ.

Если Акила и Прискилла не были прежде научены пути Господню, то теперь, надо полагать, они первые узнали о немъ отъ св. Павла, увѣровали и крестились, и стали ему помощниками въ семъ дѣлѣ. Св. Павелъ жилъ у нихъ, питаясь трудами рукъ своихъ, а на проповѣдь ходилъ по субботамъ въ іудейскую синагогу, гдѣ убѣждалъ Іудеевъ и Еллиновъ, исповѣдывавшихъ Бога истиннаго, хотя не принимавшихъ обрѣзанія,— что спасенія нѣтъ, какъ только въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Рѣчь о Спасителѣ для Іудеевъ не была странною. Это—ихъ Грядый, Обѣтованный Избавитель. Надлежало только доказать, что Іисусъ Христосъ есть точно сей Чаемый, исполненіемъ на Немъ всѣхъ пророчествъ. Около этого вращалась вся бесѣда у Апостола какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь.

Судя по важности предмета, не могло быть, чтобы бесѣды св. Павла ограничивались синагогою. Вѣроятно и къ нему приходили на домъ, и его къ себѣ приглашали иные, желавшіе поточнѣе узнать истину и поскорѣе удовлетворить возраждавшемуся радостному предчувствію, что она наконецъ открылась и предлагается

всѣмъ. Но, какъ видно, на первыхъ порахъ Апостолъ нѣсколько сдерживалъ себя, не зная, какой оборотъ примутъ дѣла въ Македоніи. Когда же пришли оттуда Сила и Тимоѳей съ радостными вѣстями, тогда Духъ побуждалъ его настойчивѣе свидѣтельствовать Іудеямъ, что Іисусъ есть Христосъ. Это обыкновенно дѣлалъ онъ доказываніемъ, что на Господѣ Іисусѣ точно исполнились всѣ пророчества.

Надо полагать, что Іудеевъ было не мало въ Коринѳѣ: гдѣ торговля, обѣщающая прибыль, тутъ и Еврей. Особенно число ихъ увеличилось здѣсь послѣ распоряженія Клавдіева. (Можно думать, что привѣтствія Апостола въ посланіи къ Римлянамъ, такъ необычайно многія, относились къ Іудеямъ, имъ обращеннымъ въ Ахаіи и потомъ возвратившимся въ Римъ.) Въ Дѣяніяхъ поминается о двухъ начальникахъ синагоги (— 18, 8. 17) Криспѣ и Сосѳенѣ. Если тамъ было не двѣ синагоги, то одна, столь много собиравшая народа, что одного начальника для нея было недостаточно. Если же много было Іудеевъ, то не мало было и увѣровавшихъ изъ нихъ; не такъ однакожъ и много, чтобъ могли заслонять собою невѣровавшихъ. Но какъ послѣдніе были посмѣлѣе и чувствовали себя хозяевами въ синагогѣ, то не ограничились однимъ молчаливымъ невѣріемъ, а гласно воспротивились Апостолу, злословя и его и Господень путь, имъ проповѣдуемый. Почему св. Павелъ, не надѣясь болѣе въ этомъ мѣстѣ дѣйствовать на братій своихъ, оставилъ синагогу съ вразумительнымъ однакожъ для Іудеевъ дѣйствіемъ и словомъ. Онъ отрясъ прахъ одеждъ своихъ и сказалъ имъ: *кровь ваша на главахъ вашихъ; я чистъ; отнынѣ иду къ язычникамъ* (Дѣян. 18, 6). Одежду отрясъ по заповѣди Господа, а кровную угрозу изрекъ, можетъ быть, потому, что въ ту пору разсказывалъ обстоятельства смерти Спа-

сителя и помянулъ о словѣ іерусалимскихъ Іудеевъ: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Мѳ. 27, 25). Смыслъ словъ его такой: вина въ вашей погибели на васъ самихъ; я чистъ отъ ней. Я указывалъ вамъ путь спасенія и доказывалъ, что другаго нѣтъ. Не хотите вѣрить? Оставайтесь въ вашей пагубѣ.

Побужденіемъ къ такому слову служили не ненависть и отверженіе братій своихъ, а надежда раздражить ихъ и возбудить ревность ко взысканію спасенія. Почему онъ и не отходилъ отъ нихъ далеко, а тутъ же подлѣ синагоги, въ домѣ нѣкоего Іуста, чтущаго Бога, учредилъ собранія христіанскія и мѣсто оглашенія еще неувѣровавшихъ, желавшихъ однакожъ слышать слово Евангелія. Сюда собирались уже не одни Іудеи, но и язычники, не только чтущіе Бога, но можетъ быть невѣровавшіе и ни въ какого Бога. Дѣло благовѣстія пошло успѣшнѣе и многіе увѣровали и крестились изъ Коринѳянъ.

Между тѣмъ однакожъ, тогда какъ разумныхъ Іудеевъ образъ дѣйствованія Ап. Павла точно могъ вразумить, у неразумныхъ и злыхъ онъ возбуждалъ противъ него непримиримую ярость и враждованіе. Особенно такое дѣйствіе могло произвесть то обстоятельство, что Апостолъ оставилъ синагогу съ такимъ похуленіемъ ея и еще болѣе то, что къ нему перешли многіе Іудеи и прозелиты, если не всѣ, то почти всѣ, и что прочіе Коринѳяне, искавшіе истины, тянулись уже не въ синагогу, а къ нему. Такое враждованіе не могло укрыться отъ св. Павла и не могло не безпокоить его по испытаннымъ уже слѣдствіямъ его въ Солуни и Беріи такъ недавно. Почему пиша къ Солунянамъ, въ это начальное время пребыванія своего въ Коринѳѣ, онъ просилъ ихъ молиться, *да избавится отъ злыхъ человѣкъ* (2 Сол. 3, 2). Это, вѣрно, обстоятельство разумѣлъ онъ и когда къ

самимъ Коринѳянамъ писалъ: *и азъ въ страсѣ и трепетѣ мнозѣ быхъ въ васъ* (1 Кор. 2, 3). Не думалъ ли онъ даже оставить городъ, по заповѣди Спасителя— бѣжать въ другой, когда гонятъ въ одномъ (Мѳ. 10, 14). По крайней мѣрѣ этимъ хорошо можно объяснять необходимость явленія ему Господа, для воодушевленія его. Господь явился ему въ видѣніи ночью и сказалъ: *не бойся, но говори и не умолкай; ибо Я съ тобою и никто не сдѣлаетъ тебѣ зла; потому что у Меня много людей въ семъ городѣ* (Дѣян. 18, 9. 10).

Укрѣпленный этимъ явленіемъ, Апостолъ остался въ Коринѳѣ и пробылъ тамъ полтора года, поучая Коринѳянъ слову Божію. Кромѣ сего дивнаго явленія Господа Апостолу было ли еще что свыше, книга Дѣяній не говоритъ; но самъ Апостолъ свидѣтельствуетъ, что Богъ не лишилъ Коринѳянъ осязательнаго удостовѣренія въ томъ, что онъ есть истинный Апостолъ, посредствомъ знаменій, чудесъ и силъ (2 Кор. 12, 12). Слѣдовательно и тамъ Апостолъ исцѣлялъ больныхъ, изгонялъ бѣсовъ, открывалъ помышленія сердечныя, повелѣвалъ стихіями, и подобное. Такія знаменія были всюду неотлучными спутниками проповѣди Евангельской. И они обращали, а не слово мудрое, за которымъ св. Павелъ и не гонялся, несмотря на присутствіе среди слушавшихъ слово его мудрецовъ. Самъ онъ говоритъ, что особенно въ Коринѳѣ слово проповѣди его было коротко; онъ говорилъ только о Іисусѣ Христѣ распятомъ, яко единственномъ Спасителѣ людей, подъ условіемъ вѣры въ Него. А что это несомнѣнно такъ есть, какъ могъ онъ доказать это язычнику? Онъ и не доказывалъ, а говорилъ только: вотъ смотри, именемъ сего Распятаго я говорю больному: будь здоровъ, и онъ оздоравливаетъ. Вѣруй же, что Онъ точно есть Спаситель. И вѣровали всѣ, у кого не ожесточено было

сердце, и у кого богъ вѣка не успѣлъ такъ ослѣпить очи, чтобъ они не видѣли свѣта даже среди бѣлаго дня.

Такъ-то трудами Апостола, Господу поспѣшествующу и слово утверждающу послѣдствующими знаменьми. основалась наконецъ многочисленная Церковь въ Коринѳѣ. Были вѣрующіе и въ Кенхреѣ (Римл. 16, 1), гавани и предмѣстіи Коринѳа, и въ другихъ мѣстахъ Ахаіи (2 Кор. 1, 1). Надо полагать, что св. Павелъ не все сидѣлъ въ Коринѳѣ, а выходилъ и въ другіе города и веси съ проповѣдію Евангелія, какъ руководилъ его и внушалъ ему Духъ Божій.

Въ составъ сей Церкви вошли преимущественно язычники, по большинству языческаго населенія; но не мало было, какъ замѣчалось уже, и Іудеевъ. По мірскимъ судя отношеніямъ, въ числѣ вѣрующихъ не много было мудрыхъ, однакоже были; не много было знатныхъ, однакожъ были; не много было богатыхъ, однакоже были. Ихъ и вездѣ не много. Большинство было изъ простецовъ, небогатыхъ и неученыхъ, однакоже были ученые, и богатые, и сильные. Эти внѣшнія отличія сглаживались однакожъ больше или меньше вліяніемъ совершенствъ духовныхъ; и вообще о составѣ Церкви можно было словомъ Апостола къ Галатамъ сказать: нѣсть Іудей, ни Еллинъ, ни рабъ, ни свободь, ни мужескій полъ, ни женскій. Тѣло Церкви было здраво и отличалось всѣми дарованіями, какими благоволилъ тогда Господь преисполнять вѣрующихъ. Тутъ открывалось слово премудрости и разума, дарованія исцѣленій, дѣйствія силъ, пророчество, разсужденіе духовомъ, роди языковъ, сказанія языковъ, вѣра, горы преставлять могущая и прочее (1 Кор. 12, 7—10; 13, 1—3; 14, 26). Такія проявленія силы Божіей въ вѣрующихъ можетъ быть еще болѣе привлекали къ вѣрѣ, нежели чрезвычайныя дѣйствія отъ лица самого Апостола. Ибо этимъ

осязательное давалось удостовѣреніе, что вѣра въ Господа не тща есть, но вводитъ въ такую близость съ Богомъ, что вѣрующій содѣлывается орудіемъ проявленія силы Его. Вѣроятно все сіе совершалось въ бытность еще тамъ св. Апостола.

По имени изъ увѣровавшихъ поминаются—Іустъ, въ домѣ котораго были, надо думать, и первыя церковныя собранія; Криспъ—начальникъ синагоги, вѣровавшій со всѣмъ домомъ и крещенный самимъ Апостоломъ Павломъ (Дѣян. 18, 7. 8); Гаій—послѣ страннопріимецъ Павловъ (Римл. 16, 23; 1 Кор. 1, 14), тоже крещенный св. Павломъ; Стефанъ, имъ же крещенный и столько похваленный со всѣмъ домомъ (1 Кор. 16, 15); Хлоя съ домашними ея (1 Кор. 1, 11); Фортунатъ. Ахаикъ (1 Кор. 16. 17) и нѣкто Епенетъ возлюбленный (Римл. 16, 5): Фива, діаконисса кенхрейская (Римл. 16, 1. 2). Сосѳенъ, битый по случаю возстанія на Павла не какъ христіанинъ (Дѣян. 18, 17), вѣроятно потомъ сталъ искренно вѣрующимъ и былъ при св. Павлѣ въ Ефесѣ, когда писалось посланіе (1 Кор. 1, 1). Еще Ерастъ строитель градскій (экономъ) и Куартъ (Римл. 16, 23; 2 Тим. 4, 20). Не даромъ память о всѣхъ ихъ сохранилась и предана письмени. Вѣрно они были ближайшими сотрудниками св. Апостола въ устроеніи тамъ Церкви и усердными продолжателями его дѣла.

Когда Церковь устроилась и порядки ея установились прочно, Апостолу предлежало направиться въ другое мѣсто. Это конечно состоялось бы и само собою: но случилось обстоятельство, ускорившее отходъ Апостола изъ Коринѳа. Тамошніе Евреи крайне раздражились противъ св. Павла и схвативъ его привели на судъ къ Галліону проконсулу, *говоря, что онъ учитъ людей чтить Бога не по закону* (Дѣян. 18, 13). Галліонъ отказался разбирать дѣло вѣры, а не гражданскихъ отношеній

касающееся, и отослалъ ихъ отъ себя. Неизвѣстно, какимъ образомъ св. Павелъ избавился отъ рукъ ихъ; но его никто не смѣлъ коснуться, хотя проконсулъ явно выразилъ: разбирайтесь, какъ знаете, и св. Павелъ былъ въ рукахъ ихъ — враговъ своихъ. Только Сосѳену, начальнику синагоги, досталось: его били тутъ же предъ судилищемъ, били всѣ, вѣроятно тѣ же, которые *единодушно напали на Павла* (Дѣян. 18, 12) *). Надъ главою св. Павла явно былъ Божій покровъ; однакожъ не безопасно было долѣе искушать Господа, и онъ положилъ оставить Коринѳъ, уступая злобѣ враговъ своихъ и Евангелія. Остальные *дни довольны* (—18) вѣроятно употреблены св. Павломъ на окончательныя распоряженія относительно порядковъ въ Церкви и управленія ею, на избраніе и рукоположеніе предстоятелей, какъ обычно дѣлалъ это св. Павелъ во всѣхъ мѣстахъ. Устроивъ все и простившись съ братіею, онъ отбылъ наконецъ изъ Кенхрейской гавани прямо на Ефесъ, взявъ съ собою Прискиллу и Акилу.

По отбытіи св. Павла изъ Коринѳа Евреи, можетъ быть, начали бы не безъ успѣха отклонять отъ вѣры въ Господа увѣровавшихъ и мѣшать обращаться не увѣровавшимъ еще, настаивая на божественномъ достоинствѣ закона Моисеева и всѣхъ учрежденій ветхозавѣтной Церкви. Но Господь устроилъ противодѣйствіе имъ въ одномъ сильномъ въ словѣ мужѣ, который, по мановенію Его, сначала изъ Александріи прибылъ въ Ефесъ, а оттуда въ Коринѳъ. Это былъ Аполлосъ, Іудеянинъ, родившійся и воспитавшійся въ

*) Били *вси Еллины*. Но въ Син. и Ватик. рукописи читается только *вси* безъ Еллины; тоже и въ другихъ лучшихъ рукописяхъ. Соглашаясь не читать *Еллины*, понимаемъ подъ *вси* приведшихъ св. Павла Евреевъ. Они же били Сосѳена, вѣроятно за то, что мало обнаружилъ энергіи противъ Павла, или даже защищалъ его, неохотно шелъ въ судъ, а можетъ быть и склонность къ христіанству обнаруживалъ. Полагать надо, что онъ обратился ко Христу, и есть одно лице съ поминаемымъ въ надписи посланія.

Александріи, человѣкъ краснорѣчивый и свѣдущій въ Писаніяхъ. Св. Павелъ, отплывши изъ Коринѳа, на короткое время заходилъ въ Ефесъ, обѣщаясь нарочно прибыть къ нимъ и пожить у нихъ подольше. Затѣмъ онъ отправился въ Іерусалимъ, оттуда въ Антіохію, гдѣ пробывъ немного, предпринялъ третье свое апостольское путешествіе, чтобъ, посѣтивъ насажденныя прежде Церкви, достигнуть Ефеса. Между тѣмъ какъ св. Павелъ совершалъ этотъ широкій обходъ, въ Ефесъ прибылъ изъ Александріи означенный Аполлосъ. Онъ горѣлъ духомъ по вѣрѣ въ Господа; но наученъ былъ только начаткамъ пути Господня, зная лишь крещеніе Іоанново. Онъ смѣло началъ говорить въ синагогѣ. Акила и Прискилла, услышавъ его, приняли его и точнѣе сказали ему путь Господень. Ему предлежала нужда отправиться въ Ахаію. Когда вознамѣрился онъ отбыть туда, вѣрующіе Ефесскіе, во главѣ ихъ конечно Акила и Прискилла, дали ему рекомендательныя письма къ тамошнимъ христіанамъ. Прибывъ туда, Аполлосъ, благодатію Божіею, много содѣйствовалъ увѣровавшимъ. Ибо онъ сильно опровергалъ Іудеевъ всенародно, доказывая Писаніями, что Іисусъ есть Христосъ (Дѣян. 18, 24—28).

Дѣйствованіе Аполлоса въ Коринѳѣ много принесло пользы тамошнимъ христіанамъ, и св. Павелъ уподобилъ его тамъ проповѣдь напоенію садовыхъ или огородныхъ растеній поливаніемъ. Это значитъ, что слово его текло обильно и напаяло души всѣхъ, собирая въ нихъ все большія и большія удостовѣренія, что теперь сила закона должна прейти и что послѣ него единственно-истинною вѣрою остается одна вѣра въ Господа Іисуса Христа. Слово его направлялось будто преимущественно къ Іудеямъ, но оно не менѣе назидательно было для вѣровавшихъ изъ язычниковъ, увѣряя, что вѣра въ

Господа есть не новое что-либо, а есть отъ вѣка предопредѣленный образъ спасенія не Іудеевъ только, но и всѣхъ людей. Это и утѣшало ихъ и одобряло, давая разумѣть, что и объ нихъ Богъ изначала думалъ не менѣе, чѣмъ объ Іудеяхъ. Долго ли Аполлосъ пробылъ въ Коринѳѣ, неизвѣстно. При написаніи посланія онъ былъ опять въ Ефесѣ съ Апостоломъ. Что онъ оставилъ впечатлѣніе въ Коринѳѣ, можно судить по тому, что Коринѳяне желали опять видѣть его у себя и просили св. Павла послать его къ нимъ; но самого его не влекло въ Коринѳъ, потому онъ не спѣшилъ туда, несмотря на умаливаніе св. Павла (1 Кор. 16, 12).

Этимъ ограничиваются дѣйствія совнѣ на созиданіе Церкви Коринѳской. Ей предстояло теперь зрѣть самой, подъ руководствомъ Богомъ данныхъ чрезъ св. Павла предстоятелей, и дѣйствіемъ воспринятой и пріемлемой ею благодати таинствъ и силы преподаннаго ей Божественнаго ученія. Она и зрѣла.—Предполагаютъ, будто св. Павелъ былъ въ Коринѳѣ еще разъ до написанія посланія, и не только былъ тамъ, но и писалъ посланіе туда раньше того, которое мы имѣемъ первымъ посланіемъ. То и другое предположеніе хорошо объясняютъ двѣ-три фразы въ настоящихъ посланіяхъ, но къ пониманію содержанія ихъ нисколько не способствуютъ, а напротивъ дѣлаютъ совсѣмъ необъяснимымъ, какъ могли образоваться въ Коринѳѣ тѣ нестроенія, къ исправленію которыхъ направлено первое посланіе. Если Аполлосъ пробылъ въ Коринѳѣ полгода, годъ, потомъ спустя полгода или годъ посѣщалъ его св. Павелъ, затѣмъ еще писалъ спустя сколько-нибудь времени, то когда тутъ вкрасться какимъ-либо неисправностямъ? Напротивъ безъ этихъ предположеній, Коринѳяне представляются дѣйствующими сами по себѣ въ продолженіи двухъ или двухъ съ половиною лѣтъ. Что

дивнаго, если подлежа вліянію окружающаго нестройнаго общества, они мало-по-малу допустили нѣкоторыя уклоненія отъ строго-согласнаго съ христіанскими началами дѣйствованія? И св. Павелъ только при этомъ могъ сказать Коринѳянамъ: *не грядущу ми къ вамъ разгордѣшася нѣцыи* (1 Кор. 4, 18). Какъ долго не былъ онъ у нихъ, то нѣкоторые и начали небрежничать и по гордости ума вводить нѣчто новое, что оказалось непорядочнымъ. Такъ думается, что лучше дѣлаютъ тѣ, которые не держатся такихъ предположеній.

3.

Поводъ къ написанію посланія.

Св. Павелъ трудился въ устроеніи Церкви въ Ефесѣ и въ другихъ мѣстахъ Асіи, когда дошли до него вѣсти о блуженіи одного изъ Коринѳскихъ христіанъ столь необычайномъ, что его и между язычниками не встрѣтишь (1 Кор. 5, 1). Этотъ неопредѣленный въ началѣ слухъ получилъ опредѣленность отъ домашнихъ Хлои Коринѳянки, которые, находясь, вѣроятно по торговымъ дѣламъ, въ Ефесѣ, разсказали Апостолу и объ этомъ и о томъ особенно, что въ нѣкоторой части Коринѳскихъ христіанъ *рвенія суть* (1 Кор. 1, 11),—споры, состязанія, конечно о предметахъ вѣры, основываемые однакожъ не на началахъ вѣры, а на соображеніяхъ ума,—и что эти споры дошли до того, что одни изъ вѣрующихъ пристаютъ къ одному, другіе къ другому, третьи къ третьему изъ главныхъ зачинщиковъ и коноводовъ спора: отъ сего начало въ Коринѳской Церкви обнаруживаться нѣчто такое, что похоже на образованіе партій. Въ чемъ именно состояло дѣло, возвѣщатели не объяснили. Апостолъ видѣлъ, что надобно дѣйствовать на прекра-

щеніе зла, но не могъ приступить къ сему дѣлу, не понимая хорошо, что именно происходитъ въ Коринѳѣ. Съ этою цѣлію онъ отправилъ туда св. Тимоѳея, чтобъ онъ разобралъ, что̀ такое тамъ, и сколько могъ прекратилъ безпорядки (1 Кор. 4, 17). Между тѣмъ и самому св. Павлу подходило уже время оставить Ефесъ и Асію, и онъ положилъ, устроивъ все нужное здѣсь, посѣтить македонскія и ахайскія Церкви, побыть въ Іерусалимѣ, а потомъ направиться въ Римъ. Почему, посылая св. Тимоѳея, онъ велѣлъ ему держать путь чрезъ Македонію, намѣреваясь и самъ вслѣдъ за нимъ идти, или двинуться въ путь по полученіи отъ него извѣстія о Коринѳскихъ состязаніяхъ. Распорядившись такъ, Апостолъ самъ остался на время въ Асіи (Дѣян. 19, 22).

Въ эту пору пришли къ нему посланные отъ Коринѳской Церкви Стефанъ, Фортунатъ и Ахаикъ съ посланіемъ отъ ней и съ словесными порученіями. Посланіе, можетъ быть, все ограничивалось прошеніемъ разрѣшенія нѣкоторыхъ недоумѣній, но на словахъ посланные подробно разсказали Апостолу все, что происходило въ Коринѳѣ. Много указали они нестроеній, но какъ они касались частныхъ лицъ и частныхъ случаевъ, тѣло же Церкви пребывало здраво и сіяло совершенствомъ и благодатію, то Апостолъ засвидѣтельствовалъ, что посланные успокоили духъ его (1 Кор. 16, 18). Вѣрно, онъ ожидалъ, что тамъ не знать что такое дѣлается; а когда тѣ разсказали все, онъ увидѣлъ, что это все такія случайности, которыя очень легко исправить; почему успокоился, хотя не равнодушно отнесся ко всему тамъ дѣявшемуся; ибо послѣ говорилъ, что писалъ къ нимъ объ этихъ неисправностяхъ въ тугѣ сердца (2 Кор. 2, 4).

Посланные подтвердили сказанное домашними Хлои о состязаніяхъ и блуженіи и сверхъ того передали

многое другое вновь, какъ-то о тяжбахъ въ языческихъ судахъ, о безпорядкахъ на вечеряхъ любви, о покушеніи нѣкоторыхъ женщинъ не покрывать головы въ Церкви и, можетъ быть, о невѣріи нѣкоторыхъ въ воскресеніе мертвыхъ; въ посланіи предлагались вопросы о брачномъ и безбрачномъ состояніи, о яденіи идоложертвеннаго и объ употребленіи дара языковъ въ Церкви; а можетъ быть, въ немъ было писано предстоятелями и о всѣхъ неисправностяхъ, посланные же только подтверждали то и точнѣе опредѣляли въ чемъ дѣло.

Изъ одного перечисленія этихъ неисправностей видно, что онѣ не касались всего тѣла Церкви, а частныхъ лицъ и частныхъ случаевъ. Но какъ онѣ могли и всю Церковь попортить, еслибъ ихъ оставить безъ исправленія, то св. Павелъ ничего не оставилъ безъ вниманія, а все обсудилъ по началамъ Христовой вѣры, чтобъ неисправное исправить, недоумѣнія разрѣшить и сомнѣнія разсѣять. Въ этомъ-побужденіе и цѣль посланія.

Въ чемъ состояла каждая неисправность, видно изъ самаго посланія и пояснится при толкованіи. Но считаемъ нужнымъ напередъ сдѣлать замѣчаніе относительно того, что значатъ бывшія въ Коринѳѣ *рвенія*. Новые западные толковники взглянули на это слишкомъ глубокомысленно. По ихнему между христіанами Коринѳскими образовались цѣлыя общины, каждая съ своимъ именемъ: то Павлова, то Аполлосова, то Кифина, то Христова; и не только съ именемъ. но и съ своимъ особымъ ученіемъ, которое они и стараются изображать, какъ кто съумѣетъ. Но такъ смотрѣть не позволяетъ самое содержаніе тѣхъ главъ, въ которыхъ говоритъ св. Павелъ о *рвеніяхъ* Коринѳскихъ. Правда, въ самомъ началѣ онъ перечислилъ, что въ Коринѳѣ будто говорятъ: *азъ убо Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ, азъ же Христовъ* (—1, 12); но далѣе во всей

рѣчи его, простирающейся на четыре главы, вы не найдете ни одного слова, которое прямо относилось бы то къ Павлову, то къ Аполлосову, то къ Кифину ученію. Идетъ только разсужденіе о неблагонадежности мудрости человѣческой и о слѣпотѣ ея въ дѣлахъ Божіихъ. Если самый простой человѣкъ, сдѣлавъ подобное означенному раздѣленіе, не оставилъ бы его въ сторонѣ, чтобъ разсуждать совсѣмъ о другомъ предметѣ; то тѣмъ паче нельзя ожидать сего отъ св. Павла. Изъ этого выводимъ, что предполагаемыхъ общинъ съ означенными именами между Коринѳскими христіанами не было.

Предполагающіе это увлекаются удобствомъ пріурочить къ каждой общинѣ нѣсколько ученій въ отличіе ея отъ другихъ; удобство же это подаетъ имъ только: *азъ убо Кифинъ*. Кифинъ?! Это непремѣнно іудействующій. Какъ мнѣнія іудействующихъ опредѣлились, то предполагатели наши безъ затрудненія постраиваютъ систему ученія общины Кифиныхъ. Это сходитъ съ рукъ. Но увлекшись этимъ успѣхомъ, они берутся строить и системы Павловыхъ, Аполлосовыхъ, Христовыхъ; много словъ набираютъ, но ничего опредѣленнаго сказать не могутъ—говорятъ на вѣтеръ. Это должно бы вразумить ихъ, но не хочется отстать отъ такой радужной гипотезы.

Итакъ у предполагателей нашихъ изображенія ученій Павловыхъ, Аполлосовыхъ, Христовыхъ суть пусторѣчія. Что говорятъ они о Кифиныхъ, даетъ опредѣленную мысль; но спрашивается, откуда берутъ они указанія для охарактеризованія сей общины? Изъ этого ли посланія, изъ тѣхъ ли словъ, кои слѣдуютъ вслѣдъ за указаніемъ того раздѣленія у св. Павла? Нѣтъ; все берется изъ другихъ посланій, особенно изъ посланія къ Галатамъ. Отчего же не изъ этого посланія? Оттого, что здѣсь не говорится объ этомъ ни

слова. Разсуди же теперь всякій, возможно ли, чтобы св. Павелъ удержался и не сказалъ ни слова противъ іудействующихъ, еслибъ онъ зналъ, что они есть въ Коринѳѣ, и ихъ именно онъ означилъ подъ: *азъ Кифинъ*? Невозможно. Еслибъ онъ даже предполагалъ только, что они издали какъ-нибудь подходятъ къ Коринѳу, и тогда онъ не преминулъ бы сказать объ нихъ увѣровавшимъ Коринѳянамъ: а тутъ онъ умолчалъ бы, зная, что они уже въ Коринѳѣ и величаются Кифиными? Думать этого нельзя. Отсюда прямо слѣдуетъ, что іудействующихъ въ Коринѳѣ не было, и что Апостолъ подъ говорящими: *азъ Кифинъ* не ихъ разумѣлъ. А если: *азъ Кифинъ* не общину Кифиныхъ означаетъ, то и: „азъ убо Павловъ, азъ же Аполлосовъ," тоже не означаетъ общинъ. И все построеніе предполагателей не болѣе какъ только греза.

Но если не это, то что же значатъ слова Апостола? Наши всѣ толковники: св. Златоустъ, блаж. Ѳеодоритъ, св. Дамаскинъ, Экуменій, Ѳеофилактъ и Амвросіастъ говорятъ, что въ Коринѳѣ не подъ эти, а подъ другія лица ставили себя нѣкоторые христіане; но Апостолъ, не желая ихъ рѣзко обличить, поставилъ свое и другія имена, чтобы тѣмъ выразить, что если не слѣдуетъ этими высокими именами величаться, отдѣляясь отъ прочихъ, то тѣмъ болѣе какими-нибудь менѣе значительными изъ самихъ Коринѳянъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Коринѳяне не говорили такъ ни о немъ (св. Павлѣ), ни о Петрѣ, ни объ Аполлосѣ; но онъ показываетъ, что если и такихъ лицъ не слѣдуетъ ставить въ такое къ себѣ отношеніе (какъ главу и исключительнаго учителя), то тѣмъ болѣе другихъ. Ибо если не слѣдуетъ называться именами Павла, Аполлоса и Кифы, то тѣмъ болѣе другихъ. Такимъ образомъ онъ только примѣнительно перечисляетъ эти

имена, дабы скорѣе исцѣлить ихъ болѣзнь. Притомъ дѣлаетъ рѣчь свою менѣе непріятною, не упоминая по имени раздѣлявшихъ Церковь.“ Вотъ слова блаж. Ѳеодорита: „Коринѳяне именовали себя по именамъ другихъ учителей; но Павелъ выставилъ свое и Аполлосово имя; приложилъ же и имя первоверховнаго Апостола, научая тѣмъ, что несправедливо даже и изъ сихъ именъ дѣлать такое употребленіе (т.-е. считать себя учениками какого-либо одного изъ нихъ исключительно, съ небреженіемъ о другихъ).“ Такъ выражаются и другіе.

Эти же, коихъ имена скрылъ Апостолъ, кто суть? Не еретики и не лжеучители какіе-либо, а нѣкоторые изъ славившихся мудростію мірскою, которые, принявъ христіанство, не вошли въ духъ его, не отказались отъ высокаго мнѣнія о сей мудрости и, опираясь на ней, брались судить о предметахъ вѣры. Отъ этого естественно возникали споры и состязанія. Въ спорахъ же одинъ побѣждаетъ, другой побѣждаемъ бываетъ. Побѣдитель дѣлается предметомъ удивленія и привлекаетъ къ себѣ чтителей. Такъ одинъ въ одномъ, другой въ другомъ, третій въ третьемъ случаѣ, или предметѣ, оставался побѣдителемъ, привлекалъ чтителей и становился ихъ коноводомъ. Вотъ и раздѣленія, совершенно пустыя, дѣтскія. Главную роль играли тутъ притязанія на мудрость и искусство въ словѣ. Это не могло занимать и увлекать всѣхъ христіанъ; но кого занимало и увлекало, тотъ приставалъ къ какому-нибудь, задававшему въ какомъ-либо отношеніи тонъ, лицу, величался имъ, и хвастался предъ другими, укоряя ихъ: вашъ что? Вотъ мой избранникъ—образецъ совершенства. Вы безвкусные и выбрать-то не умѣете, кто того стоитъ. Что точно такого рода раздѣленія были, Апостолъ хорошо опредѣлилъ это словами: *сія преобразихъ на себе и Аполлоса... да не единъ по еди-*

ному гордится на другаго,—ἵνα μὴ εἷς ὑπὲρ τοῦ ἑνὸς φυσιοῦσθε κατὰ τοῦ ἑτέρου. Εἷς—кто-нибудь, ὑπὲρ τοῦ ἑνὸς, изъ-за одного, т.-е. того, кого кто считаетъ умнѣе и краснорѣчивѣе, и готовъ во всемъ его слушать,—κατὰ του ἑτέρου, предъ другимъ, товарищемъ своимъ (1 Кор. 4, 6). То-есть, вся у нихъ размолвка происходила изъ-за того, что одинъ говорилъ другому: мой умнѣе и краснорѣчивѣе, ты съ своимъ ничего не стоишь. Это дѣтскія рѣчи и не стоило серьезно на нихъ взирать; но кто знаетъ греческое легкомысліе и увлеченность, тотъ не сочтетъ этого ничтожнымъ. Было время, когда цѣлый Константинополь раздѣлялся на три части, стоявшія одна за св. Златоуста, другая за Василія Великаго, третья за Григорія Богослова. Весь споръ вращался около—*лучше*... Для меня Златоустъ лучше, слушать никого не хочу, поди прочь. Другой говорилъ тоже о Василіи Великомъ, третій о Григоріи Богословѣ. Дѣтскій споръ, а движеніе было большое и стоило труда пресѣчь его. Подобное сему, надо полагать, происходило и въ Коринѳѣ. Никакихъ лжеученій тамъ не было. Все разногласіе вращалось около: мой лучше. Но надо полагать, что и сами тѣ, которые возбуждали удивленіе къ себѣ кто мудростію, кто искусствомъ слова, не только не противились такому движенію, но еще чѣмъ нибудь поддерживали его. Почему и стоили обличенія и стоили пощадѣнія. Св. Павелъ и прикрылъ ихъ. Желая же прекратить зло, не говоритъ ни противъ кого въ частности, а заграждаетъ самый источникъ зла, крайнее уваженіе къ мудрости человѣческой и къ искусству слова. Объ этомъ у него вся рѣчь въ первомъ отдѣленіи.

Св. Златоустъ въ своемъ предисловіи къ бесѣдамъ о семъ посланіи такъ говоритъ объ нихъ: „нѣкоторые самопроизвольно сдѣлали себя предстоятелями народа,

который приставалъ то къ однимъ, то къ другимъ,— къ однимъ, какъ къ богатымъ, къ другимъ, какъ къ мудрымъ и способнымъ научить чему-то бо́льшему; а эти, привлекши его къ себѣ, хвастались, что они преподаютъ ученіе лучше, чѣмъ другіе. Все это происходило отъ безумія внѣшней философіи; она была источникомъ золъ; оттого и раздѣлились они, научившись этому также отъ философовъ, которые возставали другъ противъ друга, постоянно противорѣча ученію одинъ другаго и стараясь къ прежнему прибавить что-нибудь новое. Они страдали такимъ недугомъ потому, что во всемъ полагались на свои умствованія. Такъ какъ тѣ, которые были причиною раздѣленія Церкви, стыдясь показаться дѣлающими это изъ честолюбія, прикрывали свою страсть тѣмъ, что будто они преподаютъ ученіе совершеннѣйшее и мудрѣе другихъ, то Павелъ прежде всего возстаетъ противъ этого недуга, желая вырвать корень зла и прекратить происшедшее оттуда раздѣленіе, и возстаетъ съ великою силою. Такимъ образомъ, поелику все зло происходило отъ гордости и отъ того, что нѣкоторые почитали себя знающими болѣе другихъ, то онъ низлагаетъ ее прежде всего.“

4.

Время и мѣсто написанія.

Разсказанное предъ симъ теченіе дѣлъ указываетъ мѣстомъ написанія перваго посланія къ Коринѳянамъ— Ефесъ. Довольно въ подтвержденіе этого привесть слова Апостола: *пребуду же во Ефесѣ до пентикостіи* (—16, 8). Написано оно въ концѣ его тамъ пребыванія. Ибо въ посланіи онъ пишетъ, что послалъ къ Коринѳянамъ св. Тимоѳея (—4, 17), наказывая, чтобъ

приняли его получше (—16, 10), а въ Дѣяніяхъ пишется, что онъ послалъ его изъ Ефеса уже предъ тѣмъ, какъ и самъ собирался выходить изъ него (19, 21. 22). По разсчету годовъ, это приходится въ 58 или 59 году.

Въ дополненіе къ обстоятельствамъ происхожденія сего посланія настоитъ необходимость въ такомъ предположеніи: св. Павелъ предполагалъ пробыть въ Ефесѣ до пятьдесятницы, но возмущеніе противъ него Димитрія сребророковача не дало ему пробыть тамъ до этого времени. Онъ вышелъ оттуда раньше. Но это не измѣнило его плана. Что здѣсь ускорено, то промедлено въ Троадѣ, которая не входила въ разсчетъ. — Въ Троадѣ же промедлилъ онъ нѣсколько, ожидая св. Тита, котораго онъ, предъ быстрымъ и вынужденнымъ отбытіемъ изъ Ефеса, послалъ въ Коринѳъ моремъ, для точнаго наблюденія, какое дѣйствіе произведетъ его посланіе на Коринѳянъ, заповѣдавъ ему поспѣшить къ нему на встрѣчу съ извѣстіемъ о томъ. Его и ожидалъ св. Павелъ въ Троадѣ, и не дождавшись, переправился въ Македонію, гдѣ засталъ еще св. Тимоѳея. не успѣвшаго отбыть въ Коринѳъ,—и гдѣ встрѣтилъ его св. Титъ, съ извѣстіемъ о дѣлахъ Коринѳской Церкви, кои подали св. Павлу поводъ написать второе къ Коринѳянамъ посланіе. Этимъ объясняется, почему во второмъ посланіи является дѣйствующимъ преимущественно Титъ, тогда какъ въ первомъ поминается только о Тимоѳеѣ.

5.

Раздѣленіе.

Содержаніе посланія, какъ требовалъ и поводъ къ написанію его, разнообразно. Не одинъ предметъ из-

лагаетъ Апостолъ, а къ чему подавало поводъ состояніе Коринѳской Церкви, о томъ и писалъ. Посланіе писано, какъ пишутъ отвѣтныя письма, пунктъ за пунктомъ. Почему въ раздѣленіи его нельзя указать двѣ или три части, чтобъ потомъ исчислять и подчасти. Всѣ предметы посланія одни другимъ равны и разсматриваются особо. Лучше потому разложить его на отдѣленія.

За предисловіемъ, въ коемъ *надпись* и *привѣтствіе*, 1, 1—3, и слѣдущее за тѣмъ *начало посланія*, 1, 4—9, будутъ идти:

Первое отдѣленіе: пресѣченіе начавшихся разнорѣчій, 1, 10—4, 31.

Второе отдѣленіе: обличеніе и исправленіе нравственныхъ недостатковъ, гл. 5 и 6.

Третье отдѣленіе: о бракѣ и безбрачіи, гл. 7.

Четвертое отдѣленіе: запрещеніе вкушать идоложертвенное, гл. 8—11, 1.

Пятое отдѣленіе: обличеніе и исправленіе нѣкоторыхъ непорядковъ при церковныхъ собраніяхъ, 11, 2—34.

Шестое отдѣленіе: о дарахъ духовныхъ, гл. 12—14.

Седьмое отдѣленіе: о воскресеніи мертвыхъ, гл. 15.

Послѣднее заключительное *отдѣленіе*, гл. 16.

Послѣсловіе.

ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

къ

КОРИНѲЯНАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1.

Надпись и привѣтствіе

1, 1—3.

Надпись и привѣтствіе, въ общемъ, такія же, какъ и во всѣхъ посланіяхъ. Но въ частности нѣкоторыя реченія, надо полагать, вставлены св. Апостоломъ по цѣлямъ посланія,—таковы: *званъ, волею Божіею, освященнымъ о Христѣ Іисусѣ, со всѣми призывающими имя Господа нашего Іисуса Христа.* Они очень вразумительно могли отозваться въ сердцѣ тѣхъ, кои недуговали разладомъ изъ-за избранія себѣ учителей, по уваженіямъ, какія предъявляло имъ ихъ суемудріе. Но если эти слова были приняты читавшими въ такомъ значеніи, то отъ нихъ подобный же оттѣнокъ переходилъ и на всѣ другія; такъ что въ этомъ самомъ обычномъ началѣ посланія положено было начало вразумленію.

Ст. 1. *Павелъ, званъ Апостолъ Іисусъ Христовъ, волею Божіею, и Ѳосѳенъ братъ.*

Св. Павелъ называетъ себя званнымъ, потому что такъ было, чтобъ показать, что хотя онъ былъ не изъ числа 12-ти, но подобно имъ призванъ непосредственно Самимъ Господомъ, потому одинаковый съ ними имѣетъ авторитетъ. Но какъ онъ не во всякомъ посланіи это

выставляетъ, то причиною, почему онъ выставилъ это здѣсь, вѣроятно были особыя цѣли посланія. Такъ на это смотрятъ наши толковники, съ разныхъ сторонъ стараясь очертить мысль Апостола. Въ производствѣ разлада между Коринѳянами, которые раздѣлились по учителямъ, конечно были зачинщики, которые выставляли себя точно понимающими дѣло Христово и Церкви, истолкователями воли Божіей, какъ бы вторыми Апостолами. Называя себя званнымъ, Апостолъ говоритъ имъ: я званъ, а вы какъ? „Я, говоритъ, не саморукоположенный Апостолъ, какъ же вы сами себя рукоположили въ Апостолы?“ (Экум.). Тоже напоминаетъ онъ и тѣмъ, кои увлекались ихъ умствованіями. „Я посланъ Христомъ, не саморукоположенъ, какъ ваши теперешніе новые учители“ (Ѳеоф.).

Апостолъ Іисусъ Христовъ. Послѣ того и эти слова, обычныя, получали особый оттѣнокъ, такой напримѣръ: „вы заимствуете себѣ имена отъ людей, а я именую себя не отъ людей, но отъ призвавшаго меня и поставившаго меня Апостоломъ Іисуса Христа“ (Ѳеод.),— или такой: „учитель нашъ Христосъ, зачѣмъ людей сдѣлали вы своими учителями?“ (Экум.). „Зачѣмъ вносите вы себя въ списокъ учениковъ учителей-человѣковъ?“ (Ѳеоф.).—Или такой: „не самъ я, говоритъ, изобрѣлъ то, чему наученъ, и не своею мудростію постигъ это, но бывъ призванъ, тогда какъ гналъ и опустошалъ Церковь. Здѣсь, можно сказать, все принадлежитъ Призвавшему, а призванному ничего, развѣ только послушаніе. Учитель вашъ—Христосъ; а вы людей считаете начальниками ученія“ (св. Злат.).

Волею Божіею. Воля Божія была на то, чтобы призвать меня и поставить Апостоломъ языковъ. Ему благоугодно было и къ вамъ меня привесть и сдѣлать, чтобъ вы услышали слово Его. „Богъ восхотѣлъ, чтобы вы

спаслись такимъ образомъ“ (св. Злат.), „Онъ хотѣлъ, чтобъ я былъ вашимъ Апостоломъ. Какъ же вы другихъ теперь хотите учителей? Противъ Бога хотите идти?“ (Ѳеоф.).

Сосѳенъ братъ. Вѣрно, Сосѳенъ былъ извѣстенъ Коринѳянамъ и пользовался у нихъ почетомъ; иначе не сопричислилъ бы его къ себѣ св. Павелъ. Но кто онъ былъ? Очень вѣроятно, что это былъ тотъ начальникъ синагоги въ Коринѳѣ, который подвергся побоямъ, по случаю возмущенія тамъ противъ св. Павла (Дѣян. 18, 17). Этихъ побоевъ нельзя иначе объяснить, какъ какою-либо соприкосновенностію Сосѳена къ проповѣди св. Павла. Если онъ и не былъ тогда еще христіаниномъ, то склонялся на то; побои за Христа не могли оставаться безъ слѣда для него: они привлекали обычно благодать. Очень вѣроятно, что онъ бросилъ іудейство, прилѣпился къ св. Павлу и былъ ему помощникомъ. Отъ того и братомъ названъ, не какъ только христіанинъ, но и какъ единодушный сотрудникъ. Такъ полагаетъ Ѳеодоритъ; согласенъ съ нимъ св. Димитрій Ростовскій. Св. Златоустъ и другіе ничего не говорятъ о семъ, а только дѣлаютъ нравственныя наведенія изъ сего поставленія съ собою—Апостоломъ и Сосѳена. Такъ св. Златоустъ говоритъ, что св. Павелъ „выразилъ смиреніе, поставляя на ряду съ собою того, кто былъ гораздо меньше его; ибо великое разстояніе между Павломъ и Сосѳеномъ. Если же онъ, несмотря на такое разстояніе, поставилъ низшаго на ряду съ собою, то что могутъ сказать тѣ, которые презираютъ равночестныхъ?“ Такъ сдѣлалъ Апостолъ „къ пристыженію высокомудрыхъ Коринѳянъ, на всѣхъ свысока смотрѣвшихъ“ (Ѳеоф.). Апостолъ этимъ сказалъ какъбы: „не думайте, что присвояя себѣ достоинство учителя, я вышусь надъ вами. Се, на ряду съ собою ставлю Сосѳе-

на, и братомъ его нарицаю, и вмѣстѣ съ нимъ посылаю посланіе, дѣлая его общникомъ всего моего. Зачѣмъ же на васъ нападаю? Затѣмъ, что пагубно для васъ возношеніе ученостію. Вамъ это нисколько не полезно, а тѣ, которые слушаютъ васъ, отступаютъ изъ-за васъ отъ должнаго порядка, и чрезъ это раздѣляется на части единое тѣло Церкви“ (Экум.).

Ст. 2. *Церкви Божіей, сущей въ Коринѳѣ, освященнымъ о Христѣ Іисусѣ, званнымъ святымъ, со всѣми призывающими имя Господа нашего Іисуса Христа, во всякомъ мѣстѣ, тѣхъ же и нашемъ.*

„Все сказанное содержитъ въ себѣ врачевство отъ недуга, потому что связуетъ то, въ чемъ къ несчастію произошло раздѣленіе. И вопервыхъ Апостолъ называетъ Коринѳянъ единою Церковію Божіею, и прилагаетъ: *о Христѣ Іисусѣ*, а не о томъ или другомъ. Называетъ же ихъ и званными и святыми и связуетъ съ увѣровавшими въ цѣлой вселенной, научая, что надлежитъ не имъ только пребывать въ единомысліи, но и всѣмъ, повѣрившимъ спасительной проповѣди, имѣть одинъ образъ мыслей, какъ составляющимъ единое тѣло Владыки Христа“ (Ѳеод.).

Это общее представленіе содержанія настоящаго мѣста. Другими нашими толковниками нѣкоторыя реченія объясняются обстоятельнѣе. *Церкви Божіей сущей въ Коринѳѣ.* — „*Церкви* не того или другаго, но *Божіей*. Видишь ли, какъ онъ каждымъ выраженіемъ низлагаетъ ихъ надменность, всячески возводя умъ ихъ къ небу? *Церковь* называетъ *Божіею*, выражая, что въ ней должно быть единеніе; ибо если она *Божія*, то соединена и есть едина не только въ Коринѳѣ, но и во всей вселенной. Имя Церкви есть имя не раздѣленія, а единенія, и согласія“ (св. Злат.). Къ тому же „если вы Церковь Божія, то какъ вы по людямъ себя распредѣляете?“ (Экум.).

Освященнымъ о Христѣ Іисусѣ. Этимъ объясняется, почему они — Церковь Божія. Потому, что освящены; а освящены они, когда по увѣрованіи приняли св. крещеніе и возложеніе рукъ или мѵропомазаніе. Вселившаяся въ нихъ благодать Св. Духа сдѣлала ихъ освященными. „Что такое освященіе? Омовеніе, очищеніе. Напоминаетъ имъ о той нечистотѣ, отъ которой онъ избавилъ ихъ, и научаетъ смиренномудрію; ибо они освящены не за собственныя добрыя дѣла, но по человѣколюбію Божію“ (св. Злат.). „И вотъ что важно, а не мудрость земная, которою вы превозноситесь“ (Ѳеоф.).

Званнымъ святымъ. Призваны къ святости, дали слово жить въ святости и благодать Св. Духа получили въ таинствахъ на то, чтобы въ точности исполнить это слово. Исполняющіе его святы. Но источникъ всему званіе. Пришло званіе свыше, они повѣрили, и вслѣдствіе того святы стали. „И то самое, что вы спасаетесь вѣрою, не отъ васъ, говоритъ: ибо не вы первые приступили, но были призваны, такъ что и это малое не вполнѣ принадлежитъ вамъ. Хотя вы приступили, бывъ виновны во множествѣ золъ, но и этимъ обязаны не себѣ самимъ, а Богу. Посему и въ посланіи къ Ефесеямъ онъ говоритъ: *благодатію есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ* (Еф. 2, 8). И вѣра не вполнѣ принадлежитъ вамъ; ибо вы не сами, предваривъ Бога, увѣровали, но послушались, когда были призваны“ (св. Злат.).

Со всѣми призывающими имя Господа Іисуса во всякомъ мѣстѣ. „Имя не того-то и того-то, но Господа. *Во всякомъ мѣстѣ.* Хотя посланіе писано только къ Коринѳянамъ, но онъ упоминаетъ о всѣхъ вѣрующихъ по всей вселенной, выражая, что Церковь должна быть едина вездѣ, хотя она находится въ разныхъ мѣстахъ. Мѣсто раздѣляетъ, но Господь соединяетъ, какъ общій

всѣхъ Господь. Какъ находящіеся въ одномъ мѣстѣ, когда имѣютъ многихъ несогласныхъ между собою господъ, бываютъ раздѣлены, и мѣсто нисколько не способствуетъ имъ быть въ единеніи, потому что господа даютъ имъ приказанія различныя и каждый требуетъ своего, такъ и находящіеся въ различныхъ мѣстахъ, когда имѣютъ не различныхъ господъ, а только одного, отъ мѣстъ не теряютъ согласія, потому что одинъ Господь соединяетъ ихъ. Итакъ, говоритъ, вы, Коринөяне, должны быть въ согласіи не только съ Коринөянами, но и со всѣми вѣрующими по всей вселенной, какъ имѣющіе общаго Владыку" (св. Злат.).

Слова: *тѣхъ же и нашемъ*—ближе будто относятся къ *во всякомъ мѣстѣ*, какъ поясненіе. Иные такъ и принимаютъ. И пусть ихъ принимаютъ. Но слова—*во всякомъ мѣстѣ* и сами по себѣ ясны и поясненіе ихъ излишне. Потому св. наши толковники αὐτῶν τε καὶ ἡμῶν—ихъ и насъ относятъ не къ *во всякомъ мѣстѣ*, а къ *со всѣми призывающими Господа* и отсюда выводятъ важную мысль въ побужденіе къ единенію, ту, что Господь есть одинаково Господь и ихъ, т.-е. всѣхъ призывающихъ, и нашъ съ вами. Св. Златоустъ говоритъ, что все это мѣсто такъ надо понимать, какъ бы читалось: „благодать и миръ вамъ, находящимся въ Коринөѣ, званнымъ святымъ, не однимъ вамъ, но вмѣстѣ со всѣми во всякомъ мѣстѣ призывающими имя Господа нашего Іисуса Христа,—Господа ихъ и нашего." Вторично присовокупилъ Апостолъ — ἡμῶν, дабы кто-либо изъ неразумныхъ не подумалъ, что онъ допускаетъ раздѣленіе, когда сказалъ: *имя Господа нашего*. Посему въ концѣ снова присовокупилъ αὐτῶν τε καὶ ἡμων, дабы дать знать, что онъ разумѣетъ: *Господа нашего и ихъ*. Такъ и Өеодоритъ съ Экуменіемъ и Өеофилактомъ.

Ст. 3. *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего, и Господа Іисуса Христа.*

„Благовременно пожелалъ имъ Апостолъ благодати и мира, какъ раздѣлившимся и бывшимъ въ раздорѣ другъ съ другомъ; подателемъ же благодати и мира представилъ не Отца только, но и Сына, доказывая симъ равенство Отца и Сына“ (Ѳеод.). И благодать и миръ отъ Бога. Благодать приноситъ миръ; и гдѣ нѣтъ мира, сомнительно, чтобъ была тамъ благодать. „Потому желаю, чтобъ оба эти блага были у васъ всегда, чтобы вы ни отъ благодати не отпадали, ни отъ мира, разноглася другъ съ другомъ. Но какъ же вы распредѣлили себя по разнымъ лицамъ — людямъ, и у нихъ ищете благодати и благоволенія, будто у учителей?“ (Ѳеоф.).

2.

Начало посланія

1, 4—9.

а) Благодаритъ Апостолъ Бога за данную Коринѳянамъ благодать вѣры и дарованій духовныхъ (4—7), б) надѣясь, что Онъ сохранитъ ихъ неповинными до конца (8—9).

а).

Благодаря Бога за благодать вѣры и за дарованія Коринѳянамъ, св. Павелъ изъ дарованій именуетъ только даръ слова и разума, потому что этихъ предметовъ касались неправости Коринѳянъ, о прочихъ же дарахъ поминаетъ вообще, что они ни одного не лишены. Такимъ началомъ онъ, „намѣреваясь обличать, услаждаетъ сперва слухъ, чтобы содѣлать способными къ прія-

тію врачевства; между тѣмъ сказанное имъ и не ложно, потому что благодаритъ Бога за дары, дѣйствительно данные имъ“ (Θеод.).

Ст. 4. *Благодарю Бога моего всегда о васъ, о благодати Божіей даннѣй вамъ о Христѣ Іисусѣ.*

Благодарю Бога. „Чему другихъ научаетъ св. Павелъ, когда говоритъ: *со благодареніемъ прошенія ваша да сказуются Богу* (Фил. 4, 6), то дѣлаетъ и самъ, внушая намъ начинать все этими словами и благодарить Бога прежде всего. Ибо ничто такъ не угодно Богу, какъ благодарность и за себя и за другихъ. Почему св. Павелъ начинаетъ такъ почти каждое посланіе; здѣсь же сдѣлать это было необходимѣе, нежели въ другихъ. Ибо кто благодаритъ, тотъ благодаритъ, какъ чувствующій благодѣяніе и какъбы воздаетъ за дарованную благодать; благодать же не есть ни долгъ, ни награда, ни воздаяніе. Это нужно знать всѣмъ, тѣмъ болѣе Коринеянамъ, которые склонялись на сторону раздѣлявшихъ Церковь“ (св. Злат.).

Бога моего. „По великой любви онъ усвояетъ себѣ принадлежащее всѣмъ, и называетъ Бога своимъ, какъ обыкновенно выражались и Пророки: *Боже, Боже, мой!* Вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ и имъ (Коринеянамъ и намъ) говорить то же. Кто говоритъ такъ, тотъ, оставивъ все человѣческое, обращается къ Тому, Кого призываетъ съ великою любовію. Ибо такъ говорить можетъ тотъ, кто, отъ житейскаго постоянно обращаясь къ Богу, предпочитаетъ Его всему и непрестанно благодаритъ не только за благодать уже дарованную, но и за всякое благо, какое ни получитъ, возноситъ Ему хвалу. Посему не просто сказалъ: *благодарю*, но *всегда о васъ*, научая ихъ благодарить всегда, и не другаго кого, а только Бога“ (св. Злат.).

Въ словѣ *всегда* нѣтъ преувеличенія, и для поясне-

нія его нѣтъ нужды доразумѣвать: всегда, когда становлюсь на молитву: ибо благодарное сердце можно имѣть постоянно, не смотря ни на какія занятія и дѣла. Равно и всѣ другія благоговѣйныя къ Богу чувства—страха Божія, упованія, преданія себя въ волю Божію, а наипаче любви—тоже и можно и должно имѣть постоянно. Кто ихъ имѣетъ, тотъ непрестанно съ Богомъ пребываетъ и непрестанно молится.

Благодаритъ за Коринѳянъ, а между тѣмъ сколько послѣ обличаетъ въ нихъ неисправностей! Изъ этого надо заключить, что корпусъ Церкви былъ здравъ, и что немощи прорывались только по окраинамъ, безпокоя конечно и подвергая опасности всю Церковь, но не всю ее проникая.

О благодати Божіей, даннѣй вамъ о Христѣ Іисусѣ. Здѣсь разумѣется благодать вѣры во Христа Господа со всѣми благами духовными, коихъ причастниками дѣлаетъ она вѣрующихъ. Великое благодѣяніе Божіе, когда какая мѣстность и тѣмъ паче народъ какой просвѣщается вѣрою! Во Христѣ Іисусѣ — неизслѣдимое богатство духовное. Которые вѣрою прилѣпляются къ Нему, тотчасъ получаютъ все существенное, что̀ необходимо для того, чтобы быть настоящимъ христіаниномъ, а потомъ, по мѣрѣ вѣрности и успѣха въ жизни о Христѣ Господѣ, преподается постепенно и прочее, и сему восполненію конца нѣтъ. Апостолъ поминаетъ здѣсь о всемъ, что уже сообщено Коринѳской церкви, чѣмъ уже они обладали. Тѣмъ, которые среди ихъ были неисправны, этими словами напоминалось: „итакъ, если вамъ дана благодать, то что̀ высокомудрствуете? Почему надмеваетесь? И черезъ кого она дана? Черезъ меня ли, или чрезъ другаго Апостола? Нѣтъ, но чрезъ Іисуса Христа; ибо это означаетъ выраженіе: *о Христѣ Іисусѣ*“ (св. Злат.). „Чрезъ Іисуса Христа, а не

чрезъ такого-то или такого-то. Чего же вы человѣкамъ внимаете (какъ будто все отъ нихъ)?“ (Ѳеоф.). „Чрезъ Христа Господа все даровалъ вамъ Отецъ“ (Экум.).

Ст. 5. *Яко во всемъ обогатистеся о Немъ, во всякомъ словѣ и всякомъ разумѣ.*

„*Во всемъ обогатистеся.* Чрезъ кого? опять чрезъ Него (т.-е. Господа Іисуса Христа). И не просто *обогатистеся*, но *во всемъ.* Итакъ у васъ есть богатство, и богатство Божіе, и во всемъ, и чрезъ Единороднаго; какое неизреченное сокровище“ (св. Злат.).

Причину представляетъ, почему сказалъ, что благодать дана имъ о Христѣ Іисусѣ. Потому, говоритъ, что если вы богаты всѣмъ въ духовномъ отношеніи, то богаты чрезъ Него. Припомните, что вы были, и посмотрите, что стали теперь. Ничего того не было у васъ, что теперь имѣете; но какъ только увѣровали и прилѣпились къ Господу, видите, какъ стали богаты въ духѣ. Или ударъ мысли на *во всемъ*, и *яко* ὅτι—относится къ *благодарю.* Благодарю Бога за благодать—что всѣмъ обогатилъ васъ.

Во всякомъ словѣ и всякомъ разумѣ. „Вотъ частные виды духовныхъ дарованій; ибо сказано: *овому дадеся слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Дусѣ* (1 Кор. 12, 8)“ (Ѳеод.).

Подъ *словомъ* можно разумѣть слово Божіе — Божественное откровеніе, все, что угодно было Богу открыть въ Господѣ Іисусѣ Христѣ и чрезъ Апостоловъ сообщить людямъ. Все это слово, говоритъ, вамъ передано, вы имъ обогащены. Далѣе прибавляетъ: *и разумѣ.* Не слово только вамъ передано, но и смыслъ его истолкованъ, и вы доведены до разумѣнія его; все домостроительство спасенія вы разумѣете полно, богато. Итакъ Апостолъ хотѣлъ выразить: вамъ сказана

вся воля Божія и вы ее уразумѣли, то и другое богато. Это вамъ даръ о Христѣ Іисусѣ отъ Бога Отца. И я благодарю Его ради сего за васъ.

Или подъ *словомъ* разумѣетъ Апостолъ даръ слова, не естественный, но благодатный, даръ ясно, точно и убѣдительно излагать Божественное ученіе. И мысль его такая: не только вы полно все разумѣете, но и умѣете все хорошо высказать. Такъ св. Златоустъ: „*во всякомъ словѣ*—не внѣшнемъ, но Божіемъ. Есть разумѣніе безъ слова, и есть разумѣніе съ словомъ. Есть много имѣющихъ разумъ и неимѣющихъ слова, каковы невѣжды и не умѣющіе ясно выразить того, что содержатъ въ умѣ. А вы, говоритъ, не таковы, но способны и разумѣть и говорить.“ Такъ и всѣ наши. Поелику неисправности у Коринѳянъ были и въ употребленіи дара слова, то очень умѣстно допустить, что сей даръ и здѣсь разумѣетъ Апостолъ. Даръ слова, или достодолжнаго предлаганія ученія христіанскаго въ церкви есть даръ высокой цѣны. Онъ выше разумѣнія: ибо этимъ въ себѣ только богатится человѣкъ, а тѣмъ богатитъ и другихъ.

Ст. 6. *Якоже свидѣтельство Христово извѣстися въ васъ.*

Якоже—καθὼς, такъ какъ, судя потому, что *свидѣтельство Христово*, свидѣтельство о Христѣ, о Его Божествѣ, воплощеніи, страданіи и смерти, воскресеніи и вознесеніи, объ отпущеніи ради Его грѣховъ и дарованіи благодати, и о будущихъ надеждахъ, на Немъ утверждающихся,—вообще проповѣдь Христова или Евангельская (Фотій у Экум. и Ѳеод.),—*извѣстися*—ἐβεβαιώθη, твердо удостовѣрено. Двѣ мысли возможны: утвердилось въ умѣ вашемъ, вы нашли твердыми основанія его и убѣдились въ истинѣ его; и подтверждено, доказано неопровержимыми доводами, что

оно истинно, свыше идетъ и обязываетъ принять его. Эти доводы были знаменія и чудеса, сопровождавшія благовѣстіе. „Извѣщеніемъ Евангелія называетъ Апостолъ совершеніе чудесныхъ знаменій, потому что ими доказывалась истинность проповѣди“ (Ѳеод.). „Не по доводамъ внѣшней мудрости приняли вы проповѣдь, но чрезъ знаменія и благодатные дары, какихъ сподобились“ (Ѳеоф.). Въ этомъ послѣднемъ свидѣтельствѣ соединяется та и другая мысль. Соединяются онѣ и св. Златоустомъ: „не внѣшнею философіею, говоритъ, и не внѣшнимъ наученіемъ, но благодатію Божіею вы научились догматамъ истины и утвердились во свидѣтельствѣ Господнемъ, т.-е. въ проповѣди. Ибо вы удостоились многихъ знаменій, многихъ чудесъ, неизреченной благодати, когда приняли проповѣдь. Итакъ, если вы утвердились знаменіями и благодатію, то для чего колеблетесь?“

Что подтверждаетъ этимъ Апостолъ? То, что благодать Божія богато излилась на нихъ. Что это точно такъ, я, говоритъ, сужу объ этомъ по тому, какъ утвердилась у васъ проповѣдь.

Ст. 7. *Яко вамъ не лишитися ни во единомъ дарованіи, чающимъ откровенія Господа нашего Іисуса Христа.*

Яко—ὥστε, такъ что. Богато излилась на васъ благодать; такъ что я долженъ сказать, что вы не лишены ни одного дарованія. Что всюду дается, то и вамъ. Никакая Церковь не имѣетъ чего-либо больше, чѣмъ это есть у васъ. Но какія дарованія разумѣетъ Апостолъ? Или тѣ, которыми они были обогащены: „ибо были причастны и пророческой благодати, говорили и разными языками, что яснѣе показываетъ Апостолъ впослѣдствіи“ (Ѳеодор.); или тѣ, какія явилъ Апостолъ въ себѣ среди нихъ, „т.-е. знаменія, явленныя имъ у нихъ, какъ онъ говоритъ во второмъ къ

нимъ посланіи: *знаменія бо Апостолова содѣяшася въ васъ—въ знаменіихъ, и чудесѣхъ и силахъ. Что бо есть, егоже лишистеся паче прочихъ церквей* (2 Кор. 12, 12. 13)?“ (св. Злат.).

И то и другое—все дѣло благодати, щедроты которой Апостолъ и выставляетъ во всемъ этомъ небольшомъ начальномъ отдѣленіи, чтобъ потомъ смѣлѣе высказывать имъ исправительные уроки. Св. Златоустъ видитъ здѣсь указаніе и на первый родъ дарованій. Но это родило у него такой важный вопросъ: „если они обогащены всякимъ словомъ и не имѣютъ недостатка ни въ какомъ дарованіи, то какъ они называются плотскими? Если они въ началѣ имѣли все это, то не тѣмъ ли паче теперь? Почему же онъ называетъ ихъ плотскими? *Не могохъ*, говоритъ, *глаголати вамъ, яко духовнымъ, но яко плотскимъ* (3, 1). Что сказать на это? То, что они, въ началѣ увѣровавъ и получивъ всякія дарованія, впослѣдствіи сдѣлались нерадивыми. Или если не такъ, то не ко всѣмъ говорится то и другое, но одно къ достойнымъ обличенія, а другое къ достойнымъ похвалы. А что у нихъ еще были дарованія, объ этомъ онъ говоритъ такъ: *иной псаломъ имать, откровеніе имать, языкъ имать, сказаніе имать: вся же къ созиданію да бываютъ...* и еще: *пророцы же два или тріе да сказуютъ* (—14, 26. 29). Можно сказать и то, что, какъ мы обыкновенно о большей части говоримъ какъ о цѣломъ, такъ и онъ здѣсь сказалъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, онъ намекаетъ на свои дѣянія, т.-е. на знаменія. Такимъ образомъ онъ, или, какъ я сказалъ, напоминаетъ о своихъ дѣяніяхъ, или говоритъ это къ тѣмъ, которые еще болѣе достойны похвалы. Ибо тамъ было много святыхъ, которые посвятили себя на служеніе святымъ и содѣлались начаткомъ Ахаіи, какъ онъ говоритъ въ концѣ посланія

(1 Кор. 16, 15). Съ другой стороны, если похвалы и не весьма близки были къ истинѣ, но онѣ предусмотрительно приводятся для того, чтобы предрасположить ихъ къ принятію слова. Кто съ самаго начала говоритъ строго, тотъ у немощныхъ заграждаетъ слухъ для своего слова. Если слушатели равны ему по достоинству, то гнѣваются; если гораздо ниже его, то предаются скорби. Дабы не случилось этого, онъ и начинаетъ повидимому похвалою: самая похвала относилась не къ нимъ, а къ благодати Божіей; ибо отпущеніе грѣховъ и оправданіе есть даръ свыше. Посему онъ и распространяется особенно о томъ, въ чемъ выражается человѣколюбіе Божіе, дабы лучше исцѣлить ихъ отъ недуга.“

Чающимъ откровенія Господа нашего Іисуса Христа.

Чающимъ—ἀπεκδεχομένους, съ сильнымъ, напряженнымъ желаніемъ ожидающимъ, какъ-бы простертыя впередъ руки держащимъ для того, чтобы принять чаемое. *Откровенія*—втораго пришествія Господа, когда Онъ открыто всѣмъ явится и всѣми увидѣнъ будетъ. Онъ и теперь есть со всѣми, какъ обѣтовалъ: *се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка.* Но есть сокровенно; а тогда открыто явится. Тогда же во всемъ блескѣ откроется Его могущество, величіе и слава, яко Судіи всей вселенной; откроется и все величіе Его царства.

Въ какой связи эти слова съ предыдущею рѣчью? Впереди сказано: призвалъ васъ Господь, открылъ вамъ волю Свою, снабдилъ васъ всѣми дарами; теперь вамъ отъ Него нечего ожидать, все имѣете. Одного ожидать вамъ предлежитъ—втораго Его пришествія. Вы его и чаете. И будьте въ семъ чаяніи, дѣлая конечно и все то, къ чему это васъ обязываетъ, т.-е., пребывая непоколебимо вѣрными св. волѣ Его. Выразивъ такъ мысль Апостола, мы прямо подходимъ къ

тому, что говорится въ слѣдующемъ стихѣ, гдѣ Апостолъ выражаетъ надежду, что Господь дѣйствительно сохранитъ ихъ таковыми до конца. Слѣдовательно слова сіи стоятъ здѣсь, какъ переходъ къ слѣдующимъ. Догматы наши кончаются вторымъ пришествіемъ Господнимъ, воскресеніемъ мертвыхъ и жизнію будущаго вѣка. Въ нравственномъ строѣ христіанина, когда онъ настоящимъ образомъ идетъ, все вниманіе тоже упирается на сіи послѣдніе моменты. Въ нихъ онъ стоитъ, и ими поддерживаетъ свою энергію и бодренность. Этому научились Коринѳяне у Апостола, который всегда почти сводитъ свои рѣчи къ симъ послѣднимъ надеждамъ христіанъ, когда выражаетъ свои благожеланія. Тоже дѣлаетъ онъ и теперь, пиша къ Коринѳянамъ. Помянулъ онъ объ этомъ будто мимоходомъ, чтобъ выразить слѣдующее за симъ благожеланіе; но слова его уже сами собою вызывали цѣлый рядъ вразумительныхъ мыслей. Св. Златоустъ говоритъ: „смотри, съ какою мудростію, отклонивъ ихъ отъ всего человѣческаго, онъ приводитъ ихъ въ страхъ, напомнивъ о страшномъ судѣ и показавъ, что не начало только требуется доброе, но и конецъ. При дарованіяхъ и при всякой добродѣтели нужно помнить объ этомъ днѣ; и нужно много трудовъ, чтобы дойти до конца. Онъ называетъ этотъ день *откровеніемъ*, выражая, что хотя онъ еще невидимъ, но онъ есть, предстоитъ и теперь, а тогда явится. Посему нужно имѣть терпѣніе; для того вы и удостоились чудесъ, чтобы пребывать твердыми.“

б).

Ст. 8. *Иже и утвердитъ васъ даже до конца неповинныхъ въ день Господа нашего Іисуса Христа.*

Сказалъ, что всѣмъ снабжены и снаряжены въ путь; впереди только откровеніе Христово. Но промежутокъ

великъ. Апостолъ говоритъ: не думайте, что вы оставлены одни. Господь, Котораго чаете, Онъ же будетъ вамъ помощникомъ и блюстителемъ въ пути. Онъ утвердитъ васъ въ вѣрѣ и жизни по вѣрѣ и представитъ васъ ко дню Своему неповинными ни въ чемъ. Такова надежда моя о васъ! Таково мое вамъ благожеланіе! — *Утвердитъ* — βεβαιώσει, — и нравственную твердость вамъ дастъ, и удостовѣритъ васъ въ томъ, что не поколеблетесь, твердыми пребудете *до конца*— до конца ли жизни, до минуты ли явленія Господня— всяко до того момента, когда должна рѣшиться вѣчная участь ваша.

Неповинныхъ—цѣль и плодъ утвержденія,—такъ что вы явитесь неповинными какъ по вѣрѣ, такъ и по жизни. „Пожелалъ имъ и утвержденія и безукоризненности" (Ѳеод.). — *Въ день Господа нашего Іисуса Христа*, т.-е. въ день суда: ибо онъ есть день Господень.

Ст. 9. *Вѣренъ Богъ, Имже звани бысте во общеніе Сына Его Іисуса Христа Господа нашего.*

Вотъ на чемъ основываетъ надежду свою св. Павелъ! На вѣрности Бога самому себѣ, своимъ обѣтованіямъ и распоряженіямъ.—Уже то, что получаетъ кто бытіе, есть знакъ великаго Божія благоволенія—желанія Его облаженствовать человѣка: ибо Богъ не можетъ давать бытіе для страданій. Но то, что призванъ кто въ общеніе Сына Божія, есть такое распоряженіе, какъ взялъ бы кто кого за руку и ввелъ его въ покои обвеселительные. Вы призваны, говоритъ, въ общеніе Сына Божія. Сынъ же Божій сказалъ, что гдѣ Онъ, тамъ и слуга Его будетъ; а Онъ одесную Бога въ славѣ и величіи. Слѣдовательно и васъ ожидаетъ тоже. Такова Божья о васъ воля!—Остается за вами одно—пребыть вѣрными слугами Сыну Божію. Въ этомъ-то и утвер-

дитъ васъ Господь,—утвердитъ, если вы сами не помѣшаете Ему сдѣлать это для васъ.

Св. Златоустъ говоритъ на это: „*вѣренъ*, говоритъ, *Богъ*, т.-е. истиненъ. Если Онъ вѣренъ, то и сотворитъ, что обѣщалъ; а обѣщалъ Онъ сдѣлать васъ общниками Единороднаго Сына; для этого Онъ и призвалъ, *нераскаянна бо дарованія и званіе Божія* (Римл. 11, 29). Объ этомъ онъ говоритъ теперь прежде всего, дабы послѣ сильныхъ обличеній они не впали въ отчаяніе. Обѣщанное Богомъ непремѣнно исполнится, если только мы сами не будемъ сильно противиться, подобно какъ Іудеи, бывъ призываемы, не захотѣли принять благъ. Это зависѣло уже не отъ Призывающаго, но отъ ихъ неблагодарности. Онъ хотѣлъ даровать, а они не хотѣли принять и такимъ образомъ лишили сами себя того, что предлагалось. Еслибы Онъ призывалъ ихъ къ дѣлу трудному и тяжкому, то хотя бы неповиновеніе ихъ и тогда не заслуживало прощенія, но, по крайней мѣрѣ, они могли бы сослаться на это. Если же призываются къ очищенію, къ оправданію, къ освященію, къ искупленію, къ благодати, къ дару, къ уготованнымъ благамъ, *ихже око не видѣ и ухо не слыша* (1 Кор. 2, 9), если призываетъ Богъ, и призываетъ Самъ, то могутъ ли быть достойны прощенія необращающіеся къ Нему? Посему пусть никто не обвиняетъ Бога. Ибо не отъ Призывающаго происходитъ невѣріе, а отъ неповинующихся. Но скажешь: можно бы привести и нежелающихъ? Нѣтъ; Богъ не дѣлаетъ насилія или принужденія. И кто, призывая къ почестямъ, вѣнцамъ, торжествамъ, станетъ влечь кого-либо противъ воли связаннаго? Никто; потому что это свойственно принуждающему. Въ геенну Онъ посылаетъ противъ воли, а въ царствіе призываетъ добровольно; въ огонь ведетъ связанныхъ и плачущихъ, а

къ безчисленнымъ благамъ не такъ; ибо самыя блага не были бы вожделённы, еслибы они по свойству своему не были таковы, чтобы къ нимъ стремились добровольно и по сознанію великаго ихъ достоинства.“

ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ПРЕСѢЧЕНІЕ НАЧАВШИХСЯ РАЗНОРѢЧІЙ

1, 10—4, 31.

Разнорѣчія, какъ видно, неглубокіе пустившія корни, а болѣе исходившія изъ легкомыслія, состояли въ томъ, что иной приставалъ преимущественно къ одному изъ своихъ ученыхъ или вообще знаменитостей, другой къ другому, третій къ третьему. Прежде, въ язычествѣ, имѣвшіе обычай дѣлиться по философамъ, думали, что и въ христіанствѣ тоже позволительно ставить себя подъ титло того или другаго учителя; и начали въ этомъ родѣ вести рѣчи. Они не отъособлялись другъ отъ друга, не составляли особыхъ партій, общинъ и сборищъ, а были въ ладахъ, какъ христіане, только такія рѣчи себѣ позволяли. Исходило это отъ слишкомъ большаго довѣрія къ рѣшеніямъ своего ума или къ мудрости человѣческой, и отъ непониманія того, что̀ суть учители—люди въ дѣлѣ устроенія Церкви Божіей на землѣ. Узнавъ объ этомъ, св. Павелъ *сначала* 1) кратко, но сильно обличаетъ нелѣпость такихъ рѣчей (1. 10—16); *потомъ* 2) заграждаетъ источники, изъ которыхъ исходили тѣ нелѣпыя рѣчи (1, 17—4, 16); 3) *въ заключеніе* извѣщаетъ о посланіи къ нимъ св. Тимоѳея и о своемъ скоромъ прибытіи, со внушеніями, могущими отрезвлять (4, 17—21).

1.

Краткое обличеніе начавшихся разнорѣчій

1, 10—16.

Предпославъ, какъ выводъ изъ предыдущаго, а) увѣщаніе къ единорѣчію и единомыслію—10, и б) указавъ, въ чемъ у нихъ разнорѣчія — 11. 12, показываетъ, в) какъ это нелѣпо—13—16.

а) Увѣщаніе къ единорѣчію и единомыслію.

Ст. 10. *Молю же вы, братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будутъ въ васъ распри, да будете же утверждени въ томже разумѣніи и въ тойже мысли.*

Молю же вы, братіе. „Обличеніе надо дѣлать постепенно и мало-по-малу; такъ Павелъ здѣсь и дѣлаетъ. Приступая къ предмету, исполненному великихъ опасностей и могшему поколебать церковь до самаго основанія, онъ начинаетъ рѣчь съ кротостію. Такъ всегда, если вдругъ станешь рѣзко обличать кого-нибудь, то онъ ожесточится и сдѣлается безстыднымъ; если же сдѣлаешь (кроткое) внушеніе, то преклонишь его выю, укротишь его дерзость и заставишь стыдиться. Это Павелъ и дѣлаетъ, умоляя именемъ Христа“ (св. Злат.).

Молю именемъ Господа нашего Іисуса Христа. Св. Златоустъ, усмотрѣвъ, что въ предыдущихъ девяти стихахъ девять разъ поминалось драгоцѣнное и сладчайшее имя Господа Іисуса Христа, замѣчаетъ, „что св. Павелъ не напрасно и не просто дѣлаетъ это, но частымъ употребленіемъ этого высокаго имени желаетъ низложить ихъ надменность и истребить злой ихъ не-

дугъ" (подъ 8 ст.). Умоляя именемъ Господа Іисуса, онъ и любовь къ Нему Коринѳянъ и сознаніе долга покорствовать Ему беретъ въ содѣйствователи силѣ своего слова. Именемъ Господа, къ Которому вы прилѣпились любовію, предъ Которымъ благоговѣете, Котораго мановеніямъ готовы слѣдовать, Его именемъ умоляю. Какое сердце могло противостоять такому убѣжденію? Вмѣстѣ же съ тѣмъ, какъ ни мягка такая рѣчь, она не могла не напоминать, что хоть Апостолъ и умоляетъ, но какъ умоляетъ именемъ Христовымъ, то этимъ вмѣстѣ строго обязываетъ. Это отеческая, не разблажающая, но отрезвляющая рѣчь!

Да тожде глаголете вси. Языкъ говоритъ то, что въ душѣ и сердцѣ. Объедини мысли и чувства, одна будетъ и рѣчь. Но рѣчь распространяетъ разномысліе, и зло раздѣленія расширяется. Это и пресѣкаетъ вопервыхъ св. Павелъ, говоря какъ-бы: перестаньте вы разнорѣчить, говорите всѣ въ одно слово; иначе увеличится раздѣленіе между вами. И потому, можетъ быть, сказалъ онъ объ этомъ въ началѣ, что вѣроятно и все дѣло состояло болѣе въ легкомысленномъ разнорѣчіи, чѣмъ въ серьезномъ раздѣленіи взаимномъ. Потому вслѣдъ за симъ и говоритъ Апостолъ: *и да не будутъ въ васъ распри*—σχίσματα, то-есть раздѣленія на партіи. Такого распаденія нѣтъ еще; Апостолъ только будто опасается его, и говоритъ какъ-бы: перестаньте вы толковать: „я такого-то, я такого-то", чтобъ не произвесть раздѣленія въ сердцѣ и не породить партій, не разбить всего общества на части, какъ раздираютъ на клочки одежду. Когда одежду раздираютъ на части, и части никуда негожи, и одежда пропала. Тоже будетъ и у васъ. И части, на какія раздѣлитесь, не представятъ ничего здраваго, и цѣлое уничтожится. Такъ св. Златоустъ и Ѳеофилактъ.

Да будете же утверждени въ томже разумѣніи и въ тойже мысли. — *Утверждени* — κατηρτισμένοι. Слово это означаетъ слаживаніе одной части съ другою, чтобъ изо всѣхъ ихъ, вмѣстѣ слаженныхъ, составилось одно крѣпкое и прочное цѣлое. Имъ наводитъ Апостолъ на сравненіе, что какъ, напримѣръ, столяръ, слаживая часть съ частію, достигаетъ того, что получается нужная и надежная вещь—столъ, или еще что; такъ будьте слажены во всемъ и вы. Св. Златоустъ говоритъ: „послѣ словъ: *да тожде глаголете вси,* не подумайте, говоритъ Апостолъ, что я разумѣю согласіе только въ словахъ; нѣтъ, я желаю согласія и въ мысляхъ. А такъ какъ можно имѣть и одинаковыя мысли, но не о всѣхъ предметахъ, то присовокупляетъ: *да будете же утверждени* (κατηρτισμένοι—слажены во всемъ). Ибо кто согласенъ въ одномъ, но не согласенъ въ другомъ, тотъ еще не утвержденъ (не слаженъ), не достигъ совершеннаго единомыслія.“

Различіе въ словахъ: *въ томже разумѣніи*—νοΐ *и въ тойже мысли*—γνώμῃ, бл. Ѳеодоритъ объясняетъ такъ: „не за разность догматовъ укоряетъ ихъ, но за споры и соперничество о предстоятеляхъ: смыслъ проповѣди, говоритъ Апостолъ, одинъ (сіе и выражаетъ словами: *въ томже разумѣніи*), но расположеніе уже не одно (сіе и означаетъ словами: *въ тойже мысли).* Посему умоляетъ ихъ, одно содержа въ мысли и одинаково разумѣя, не дѣлать раздора, и не препираться напрасно о настоятеляхъ.“ Св. Златоустъ опредѣленнѣе сказываетъ, что есть—γνώμη. „Бываетъ и то, что при согласіи въ мысляхъ еще нѣтъ согласія въ духѣ, напримѣръ, когда мы, имѣя одну и ту же вѣру, не соединены между собою любовію. Въ этомъ случаѣ мы согласны въ мысляхъ: ибо думаемъ одинаково; но еще несогласны по духу γνώμη. То же было и въ Коринѳѣ, гдѣ

одинъ держалъ сторону того, а другой другаго. Посему Павелъ и говоритъ, что надобно быть *утвержденными* (слаженными) *въ томже разумѣніи и въ тойже мысли.* Ибо распри у нихъ происходили не отъ различія въ вѣрѣ, но отъ несогласія въ духѣ, по человѣческому тщеславію."

Такимъ образомъ можемъ положить, что *въ томже разумѣніи* означаетъ—въ единомысліи; а *въ тойже мысли*—въ единодушіи: да будетъ у васъ одинъ умъ и одна душа, одно сердце; тоже что: *тщитесь блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Еф. 4, 3). Этимъ очень опредѣлительно выясняется, въ чемъ былъ разладъ. Въ одномъ легкомысленномъ любопреніи: этотъ учитель лучше; нѣтъ, вотъ этотъ.

б) Указаніе въ чемъ разнорѣчіе.

Ст. 11. *Возвѣстися бо ми о васъ, братіе моя, посланнымъ отъ Хлоиса* (отъ домашнихъ Хлои), *яко рвенія въ васъ суть.*

Возвѣстися ми. „Какъ обвиняемый безъ свидѣтелей можетъ остаться упорнымъ до безстыдства, то, дабы они не могли отвергать сказаннаго, приводитъ свидѣтелей. Не вдругъ сказалъ это, но напередъ изложилъ обличеніе; потому что вѣрилъ возвѣстившимъ; ибо еслибъ не вѣрилъ, то не сталъ бы и обличать, а повѣрить слѣпо Павелъ не могъ. Такимъ образомъ онъ не вдругъ сказалъ: *возвѣстися ми,* дабы не показалось, что онъ обвиняетъ ихъ только по словамъ возвѣстившихъ, и не умолчалъ объ этомъ, дабы не показалось, что онъ говоритъ только самъ отъ себя" (св. Злат.).

Братіе моя. „Здѣсь опять называетъ ихъ братьями. Хотя грѣхъ ихъ былъ явный, но ничто еще не препятствовало называть ихъ братьями" (св. Злат.). Если

споры ихъ не касались догматовъ, а представляли только увлеченіе легкомысліемъ, то причины къ раздѣленію съ ними и другому никому не было, тѣмъ паче Апостолу, который надѣялся уврачевать недугъ обличеніемъ ихъ неразумія.

Посланнымъ отъ Хлоиса (отъ домашнихъ Хлои),—ὑπὸ τῶν Χλόης—отъ Хлоиныхъ. Хлоя, надо полагать, была извѣстная въ Коринѳѣ особа, изъ вѣрующихъ. Если предположить, что она занималась торговлею, а Ефесъ, гдѣ тогда былъ св. Павелъ, находился въ семъ отношеніи въ прямыхъ сношеніяхъ съ Коринѳомъ, то само собою видно, какъ домашніе Хлои по дѣламъ торговли могли быть въ Ефесѣ и сообщить св. Павлу о всемъ, чтò происходило въ Коринѳѣ. „Замѣть мудрость св. Павла! Онъ не указалъ на отдѣльное лице, но на цѣлый домъ, дабы они не возстали на возвѣстившаго. Такъ онъ и его сокрылъ, и вину ихъ прямо открылъ. Онъ зналъ, чтò полезно для однихъ, и что нужно для другихъ“ (св. Злат.).

Яко рвенія въ васъ суть. Рвенія—ἔριδες, задорные споры, съ желаніемъ переспорить и поставить на своемъ. Вся вина ихъ, выходитъ, состояла въ спорливости, раздражающей и нарушающей братскій союзъ любви. Чтобы они уклонялись въ какое-либо заблужденіе, не видно. Св. Златоустъ уже замѣтилъ, что они въ предметахъ вѣры были единомудренны. О чемъ же споры?

Ст. 12. *Глаголю же се, яко кійждо васъ глаголетъ: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ, азъ же Христовъ.*

Глаголю же се: говорю къ примѣру. Дѣло у васъ похоже на то, какъбы одинъ изъ васъ говорилъ: я Павловъ, Павла люблю, ему слѣдую, его предпочитаю всѣмъ, его сторону держу, за него стою горою, за него умереть пожалуй готовъ. Другой такимъ же имѣлъ

бы для себя Аполлоса, третій — Петра, четвертый — Самого Христа.—*Кійждо,* не изъ членовъ Церкви, а изъ увлекшихся въ это движеніе. Наибольшая часть оставалась спокойною, тѣло Церкви не колебалось. Чтобъ съ этимъ вмѣстѣ были соединяемы какія-либо ложныя мнѣнія, это и не видно, и въ догадку не должно входить. Еслибъ подъ каждымъ титломъ скрывалось какое заблужденіе, св. Павелъ выставилъ бы каждое и обличилъ; а онъ потомъ обличаетъ только мудрость человѣческую вообще и объясняетъ значеніе учителей въ распространеніи вѣры христіанской. Это значитъ, что Коринѳяне упражняли свою мудрость лишь въ томъ, чтобы выставлять съ искусствомъ отличныя стороны того или другаго лица, подъ знамя котораго они себя ставили. Въ этомъ они показывали свою мудрость и хвастались ею. Какъ въ язычествѣ мудрецы занимались пустяками, такъ и въ христіанство вступивши люди ученые вздумали заниматься предметами, въ дѣлѣ спасенія важности не имѣющими. Имъ и довольно было сказать: не дѣти ли вы? (—3, 1—3), какъ и сказалъ св. Павелъ по обличеніи ничтожества мудрости человѣческой. Несмотря однакожъ на то, что подъ означенными титлами не скрывались заблужденія, самое распредѣленіе себя подъ такія будто знамена не могло быть одобрено; такъ какъ оно обличало непониманіе дѣла спасенія о Христѣ Іисусѣ и отношенія къ Нему вѣрующихъ. И это было терпимо всѣми! Никто не видѣлъ, сколько это нелѣпо! Имъ и говоритъ св. Павелъ: ну, замудрились вы! И обличивши потомъ слѣпоту мудрости человѣческой и указавши, что̀ суть учители въ дѣлѣ христіанства, наводитъ: такъ видите, Павелъ ли, Аполлосъ ли, Кифа ли—всѣ ваши, для васъ, а вы всѣ Христовы, Христосъ же Божій (3, 22. 23). Христа не должно ставить ни съ кѣмъ наравнѣ.

Такимъ образомъ не настоитъ никакой необходимости допытываться, кто такіе были Павловы, кто Аполлосовы, кто Кифины, кто Христовы, опредѣлять ихъ образъ мыслей и сочинять школы. Дѣло не заходило такъ далеко. Коринөяне распредѣляли только себя, какъбы подъ знамена, подъ какія-то у нихъ знаменитости, и каждая партія защищала свой выборъ. Въ этомъ и споры ихъ состояли. Это совершенно сходно съ тѣмъ, что потомъ было въ Константинополѣ, какъ замѣчено уже, относительно великихъ святителей. Надобно предположить, что въ число вѣрующихъ поступило не мало ученыхъ и они-то все это тамъ и намутили. Въ каждой части были и коноводы. Коноводы эти были ближайшіе руководители каждой части. Св. Златоустъ и другіе наши толковники полагаютъ, что св. Павелъ ихъ-то собственно и имѣлъ въ мысли, но не поименовалъ, чтобъ не ожесточить ихъ. Между тѣмъ цѣль достигалась и такимъ образомъ рѣчи. Ибо если нельзя ставить себя подъ знамя Апостоловъ, тѣмъ болѣе нелѣпо ставить себя подъ знамя тѣхъ, которые несравненно ниже ихъ.

в) Обличеніе нелѣпости такихъ толковъ.

Ст. 13. *Еда раздѣлися Христосъ? Еда Павелъ распятся по васъ, или во имя Павлово креститеся?*

Однихъ этихъ вопросовъ достаточно было, чтобы разорить паутинныя сплетенія Коринөскихъ мудрецовъ: „Апостолъ не доказываетъ, а только предлагаетъ вопросъ, въ знакъ очевидной нелѣпости заключающейся въ немъ мысли“ (св. Злат.). *Еда раздѣлися Христосъ?* Христосъ есть единый глава Церкви; и Церковь есть едино тѣло подъ главою Христомъ. Какъ же вы надѣлали себѣ столько главъ? Какъ при этомъ и тѣло Церкви пребудетъ едино, будучи поставлено подъ разныя главы?

„Значитъ вы раздѣлили Христа и расторгли тѣло Его“ (св. Злат.). Св. Златоустъ прибавляетъ затѣмъ: „нѣкоторые находятъ здѣсь и такую мысль: „развѣ Христосъ расторгъ и раздѣлилъ Церковь между людьми, и одну часть взялъ Себѣ, а другую отдалъ имъ?“

Апостолъ, сказавши этимъ, что мы всѣ соединены подъ единымъ Христомъ Господомъ и потому нелѣпо избирать себѣ въ головы человѣка, хочетъ сказать теперь, что и всѣ блага духовныя мы имѣемъ непосредственно отъ Него. И потому нелѣпо прилѣпляться такъ къ людямъ и какъбы чаять отъ нихъ всего. Онъ умеръ за насъ и мы чрезъ св. крещеніе, вступая въ общеніе смерти Его, пріемлемъ отпущеніе грѣховъ и ветхую жизнь перемѣняемъ на новую благодатную. Въ этотъ собственно моментъ мы становимся и христіанами. Сказать бы только: какъ же все это вы перезабыли? Но св. Павелъ сильнѣе и впечатлительнѣе выражаетъ все это вопросами: *еда Павелъ распятся по васъ? Или во имя Павлово креститеся?* Бл. Ѳеодоритъ мысль Апостола здѣсь сокрытую такъ изображаетъ: „Не Онъ ли одинъ за всѣхъ васъ пріялъ смерть? Не въ Его ли имя пріяли вы благодать крещенія? Человѣческихъ ли именъ призываніе даровало вамъ оставленіе грѣховъ?“ Но контрастъ въ словѣ Апостола поразителенъ. Онъ долженъ былъ заставить встрепенуться всѣхъ противностію толковъ ихъ первымъ основамъ вѣры во Христа Господа. Они не могли послѣ сего не сказать себѣ: какъ эта простая мысль не пришла намъ въ голову, при нашихъ пустыхъ спорахъ. Теперь ясно, какъ день, какъ неосновательно наше смышленіе. Вразумленіе отсюда исходящее должно было быть полное. Св. Павелъ и не продолжалъ болѣе говорить о семъ. „Ясно доказано, что честь, какую воздавали Коринѳяне своимъ учителямъ, никому не можетъ принадлежать кромѣ Господа“ (св. Злат.).

Ст. 14. *Благодарю Бога, яко ни единаго отъ васъ крестихъ, точію Кріспа и Гаіа.*

Благодаритъ Бога, что не крестилъ, не потому, чтобы совершать крещеніе не считалъ дѣломъ важнымъ или бы унижалъ силу крещенія; но потому, что чрезъ это избавился отъ невиннаго даже поданія повода къ раздѣленію или усиленію толковъ, кои раздѣляли тамъ вѣрующихъ. Надо положить, что въ числѣ причинъ, почему кто избиралъ себѣ кого въ головы предпочтительно предъ другими, было и то, что крещенъ имъ. Если и при томъ, что Апостолъ никого почти не крестилъ, составилась часть, считавшая его своимъ главою, что было бы, еслибъ онъ всѣхъ, имъ обращенныхъ, крестилъ? Онъ и благодаритъ Бога, что не крестилъ, и чрезъ то не подалъ никому повода отклоняться вниманіемъ отъ Христа Господа. Онъ всѣхъ къ Господу приводилъ и радовался, когда кто подобно ему могъ говорить: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ.* Видя, что крещенные ближе къ себѣ ставили крестившихъ, чѣмъ Господа, во имя Коего крещены, благодаритъ Бога, что никакого участія не имѣетъ въ этомъ неугодномъ Господу направленіи умовъ. Еслибъ было такъ, говоритъ какъ-бы онъ, тогда моей скорби и болѣзнямъ сердца моего не было бы конца, что хотя безъ вины, но былъ причиною того, что иной ближе бы имѣлъ во вниманіи его, нежели Господа. Языкомъ Апостола движетъ его безмѣрная любовь къ Господу. Этимъ онъ и всѣмъ даетъ такой урокъ: „не говори мнѣ, кто тебя крестилъ, но во чье имя? Важно не то, кто крестилъ, но кто призывается въ крещеніи; ибо Этотъ отпускаетъ грѣхи. Крещеніе важно, но эту важность сообщаетъ ему не крещающій, а Призываемый въ крещеніи. Совершеніе крещенія ничего не значитъ относительно труда человѣческаго; но само по

себѣ столь важно, что безъ него невозможно получить царствія небеснаго. Но такова сила его не отъ того, кто креститъ, а во имя Кого крещеніе совершается“ (св. Злат.).

Ст. 15. *Да не кто речетъ, яко въ мое имя крестихъ.*

Еще большую предполагаетъ бѣду. Если говоритъ, когда я никого почти не крестилъ, вы составили партію подъ моимъ именемъ, то, еслибъ крестилъ всѣхъ, пожалуй иной провозгласилъ бы, что я въ свое имя крестилъ, и изъ васъ, подъ мое имя себя собравшихъ, образовалась бы новая часть считающихъ себя крещенными въ мое имя. Я, говоритъ, считаю и это возможнымъ, и „опасаюсь, чтобы болѣзнь не достигла до такой степени“ (св. Злат.). Ибо послѣ тѣхъ пустыхъ толковъ, которые васъ раздѣлили, отъ васъ всего можно ожидать. Крестить въ свое имя значитъ поставить себя богомъ спасителемъ для кого-либо. Отъ Еллиновъ этого очень можно было ожидать. Въ одномъ мѣстѣ св. Павла сочли было уже богомъ въ образѣ человѣка; и ему стоило труда увѣрить ихъ, что онъ простой человѣкъ. Почему не ожидать подобнаго чего и отъ Коринѳянъ, когда они обнаружили уже немалое легкомысліе? Св. Павелъ и говоритъ: Слава Богу, что я никого не крестилъ. Вѣдь, вотъ еще что могло случиться!

Ст. 16. *Крестихъ же и Стефаниновъ домъ; прочее не вѣмъ, аще кого иного крестихъ.*

Поименно перечислилъ Апостолъ всѣхъ крещенныхъ имъ. *Криспъ*, начальникъ синагоги, первый увѣровалъ въ Господа со всѣмъ домомъ своимъ; по его примѣру и другіе многіе вѣровали и крестились, какъ только св. Павелъ, оставя Іудеевъ, сталъ учить въ домѣ Іуста (Дѣян. 18, 8). Въ Постановленіяхъ апостольскихъ говорится, что этотъ Криспъ былъ поставленъ епископомъ египетскимъ (кн. 7, гл. 46). *Гаій*, у котораго

св. Павелъ останавливался, когда послѣ сего посланія прибылъ въ Коринѳъ. Изъ его дома писалъ Апостолъ посланіе къ Римлянамъ и привѣтъ имъ отъ него передалъ: *цѣлуетъ вы Гаіе страннопріимецъ мой и всея Церкви* (Римл. 16, 23). „Страннопріимецъ всей Церкви" даетъ мысль, что всѣ вѣрующіе, изъ какой бы страны ни были, прибывая въ Коринѳъ, находили себѣ пріютъ въ его домѣ. Св. Димитрій Ростовскій полагаетъ, что онъ былъ потомъ епископомъ въ Ефесѣ. О *домѣ Стефаниновѣ* пишетъ св. Павелъ въ концѣ сего посланія, что это былъ начатокъ Ахаіи, т.-е., лица сего дома первыя изъ Ахайцевъ посвятили себя на служеніе святымъ, чтобы споспѣшествовать Евангелію и трудиться вмѣстѣ съ трудящимися въ семъ дѣлѣ. Самъ Стефанъ былъ вмѣстѣ съ Фортунатомъ и Ахаикомъ присланъ теперь къ св. Павлу съ письмомъ отъ Коринѳянъ, на которое онъ отвѣчаетъ ниже (16, 15—17; 7, 1). Вотъ и всѣ, говоритъ, мною крещенные. Крестилъ ли я еще кого, *не знаю*. Оборотъ рѣчи означаетъ совершенное отрицаніе. Онъ выражаетъ: никого другаго не крестилъ. Не имѣлъ я заботы о томъ, чтобы крестить. „Не старался снискивать себѣ честь отъ народа такимъ дѣломъ" (св. Злат.). Это исполняли помощники мои, и даже первые обращенные и крещенные. Несомнѣнно, что изъ Коринѳянъ не всѣ увлекались толпами суемудрыхъ, и указанныя Апостоломъ лица, имъ крещенныя, не принадлежали къ кругу ихъ. Указывая на нихъ, онъ какъ-бы говоритъ: вѣдь, вотъ эти, мною крещенные, не считаютъ же меня своимъ главою; чего ради вы, прочіе, впали въ такой недугъ ума и въ немъ остаетесь? Образумтесь; идите по слѣдамъ этихъ. Что такая мысль умѣстна — показываютъ слова Апостола въ концѣ посланія о Стефаниновѣ домѣ: *и вы повинуйтеся таковымъ* (16, 16). И къ благодаренію эта мысль прямѣе под-

ходитъ: слава Богу, что никого почти не крестилъ; и кого крестилъ, тѣ здравы, и не только здравы, но и послужатъ къ образумленію другихъ.

2.

Загражденіе источниковъ, изъ которыхъ исходили толки Коринѳянъ

1, 17—4, 16.

Толки среди Коринѳянъ были столь нелѣпы, что достаточно было двухъ-трехъ вопросовъ, чтобъ обличить эту нелѣпость и заставить образумиться толковавшихъ. Но св. Павелъ вознамѣрился и на будущее время отвратить всякую возможность подобныхъ явленій, заградивъ производящіе ихъ источники. Такими источниками были: А) слишкомъ большое довѣріе къ рѣшеніямъ своего ума, какъ вообще къ мудрости человѣческой, и Б) неправое понятіе о томъ, что суть люди, и даже сами Апостолы, въ дѣлѣ насажденія на землѣ спасительной вѣры Христовой. *Первый* заграждается въ 1, 17—2, 16; *второй* въ 3, 1—4, 16.

А).

Первый источникъ толковъ есть допущеніе своей человѣческой мудрости входить въ область вѣры въ качествѣ рѣшительницы вопросовъ и законодательной постановительницы опредѣленій. Чтобъ впередъ Коринѳяне не впали еще въ какое-либо суемудріе, Апостолъ раскрываетъ теперь, что мудрость человѣческая и Евангеліе—двѣ противоположности. Надобно отказаться отъ первой, чтобы принять второе. Евангеліе есть истинная мудрость Божія; но человѣческой му-

дрости оно не кажется таковымъ. Потому, кто хочетъ быть ученикомъ мудрости евангельской, тотъ долженъ отказаться отъ мудрости человѣческой и согласиться быть по-человѣчески буіимъ. Въ этомъ урокъ Апостола на всѣ времена: ибо тутъ опредѣляется отношеніе умовыхъ соображеній къ простотѣ евангельской истины.

Евангеліе есть истинная мудрость; но оно является въ совершенно простой формѣ. Тѣ, которые спознались съ мудростію человѣческою и привыкли къ мудрованіямъ, не могутъ вмѣстить его. Вмѣщаютъ его только тѣ, которые не опутаны этою мудрующею мудростію. Но принимая его простымъ сердцемъ, въ его обнаженной простотѣ, они становятся мудрѣе мудрецовъ. Что это такъ, смотрите, говоритъ Апостолъ: аа) что мы проповѣдуемъ? Мы говоримъ: распятый Христосъ есть Спаситель міра; вѣруйте и спасетесь; которые вѣруютъ, тѣ и умудряются во спасеніе (1, 17—25). Но мудрствующимъ по-человѣчески это не подручно. Ибо сколько, напримѣръ, у васъ въ Коринѳѣ вѣрующихъ! Но посмотрите, бб) кто они? Много ли въ числѣ ихъ мудрыхъ по плоти? Но эти не мудрые по плоти умудряются отъ Господа (1, 26—31). Такъ уже Богъ сему судилъ быть. Потому-то вв) пришедши къ вамъ, я никакихъ мудростей не предлагалъ, а говорилъ только о Господѣ распятомъ, чтобъ въ увѣрованіи вашемъ никакого участія не имѣла мудрость человѣческая (2, 1—5). Но съ такою простотою проповѣди мы только сначала являемся, чтобы сами собою, безъ всякаго участія человѣческихъ усилій, обнаружились и отдѣлились тѣ, которые способны или Богомъ избраны быть учениками мудрости Божіей. Когда же кто увѣруетъ и пойдетъ путемъ Евангелія, гг) тогда мы раскрываемъ ему полнѣе истинную мудрость

Божію, которая обнимаетъ и небо и землю, и безначальное и безконечное. И не мы только, но паче благодать Св. Духа, исполняющая искренно вѣрующихъ и право живущихъ по вѣрѣ (2, 6—16).

аа).

Предметъ Евангельской проповѣди невмѣстимъ для мудрости человѣческой, и это по намѣренію Божію 1, 17—25.

Ст. 17. *Не посла бо мене Христосъ крестити, но благовѣстити, не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ.*

Этотъ текстъ стоитъ на переходѣ отъ прежней къ настоящей рѣчи. Сначала представляетъ Апостолъ причину, почему не крестилъ многихъ. Не посланъ, говоритъ, на это. Апостоламъ говорилъ Господь: *шедше научите, — крестяще* (Мѳ. 28, 19). Слѣдовательно они должны были совершать то и другое. О святомъ же Апостолѣ Павлѣ Ананіи сказалъ Господь: *сосудъ избранъ Ми есть сей, пронести имя Мое предъ языки* (Дѣян. 9, 15). Самому же Павлу: *отверзти очи ихъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ* (Дѣян. 26, 18). Но какъ другіе Апостолы могли поручать крещеніе другимъ, такъ св. Павелъ могъ совершать крещеніе не самъ. Св. Павла всегда сопровождали помощники, посвященные имъ на дѣло Божіе. Чрезъ нихъ и совершалъ онъ святое крещеніе, а самъ преимущественно занимался проповѣдію; когда же нужно было, совершалъ его и самъ. Онъ это и хотѣлъ сказать: мое главное дѣло просвѣщать вѣрою, а увѣровавшихъ крестятъ у меня другіе. Такъ св. Златоустъ: „благовѣстить гораздо труднѣе, требовало большихъ усилій и особенной твердости духа и заключало въ себѣ все; потому оно и поручено было

Павлу. Но почему онъ, не бывъ посланъ крестить, крестилъ? Онъ дѣлалъ это не изъ противленія Пославшему, но отъ избытка усердія. Не сказалъ, что ему было это запрещено, но: я не былъ посланъ на это дѣло, а на гораздо важнѣйшее. Благовѣствованіе предоставлено было не многимъ, а крестить могъ всякій, имѣющій священство. Ибо человѣка, наставленнаго въ вѣрѣ и увѣровавшаго, крестить можетъ и всякій другой; расположеніе приступающаго и благодать Божія довершаютъ все; а чтобы невѣрныхъ наставить въ вѣрѣ, это требуетъ великаго труда, великой мудрости, и даже представляетъ опасности. Тамъ уже все сдѣлано, желающій принять таинство убѣжденъ въ вѣрѣ, и нисколько не трудно крестить увѣровавшаго; а здѣсь нуженъ великій трудъ, чтобы перемѣнить расположеніе, исправить нравъ, уничтожить заблужденіе и насадить истину. Такъ и нынѣ мы поручаемъ это дѣло (крещеніе) простѣйшимъ изъ пресвитеровъ, а преподаваніе ученія благоразумнѣйшимъ; потому что здѣсь нуженъ трудъ и усиліе. Посему и самъ онъ говоритъ: *прилѣжащіи добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. 5, 17). Ибо какъ для обученія ратоборцевъ нуженъ учитель мужественный и искусный, а возлагать вѣнецъ на побѣдителя можетъ и неискусный въ борьбѣ, хотя вѣнецъ и прославляетъ побѣдителя, такъ и въ крещеніи; хотя безъ него невозможно спастись, но не великое дѣло совершаетъ тотъ, кто креститъ, принимая расположеннаго и предуготованнаго къ тому."

Не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ. „Здѣсь переходитъ Апостолъ къ обличенію гордившихся внѣшнею мудростію, и говоритъ противъ нихъ съ особенною силою" (св. Злат.).

Премудрость слова означаетъ слово, украшенное искус-

ствомъ краснорѣчія и приправленное всевозможными соображеніями ума. Я посланъ, говоритъ Апостолъ, благовѣстить безъ этихъ орудій человѣческой мудрости, посланъ предлагать одну голую истину о крестѣ Христовомъ,—говорить: Богъ воплотился, пострадалъ, умеръ на крестѣ и спасъ насъ; вѣруйте сему и спасетесь. Такъ я всегда дѣлалъ и дѣлаю: не раскрашиваю слова, не обставляю крестной смерти патетическими картинами, не придумываю никакихъ соображеній умственныхъ о необходимости и пригодности такой смерти къ дѣлу нашего спасенія; одну эту голую истину всюду благовѣствую: Богъ умеръ на крестѣ и спасъ насъ; вѣруйте и спасетесь. На сердца и умы я предоставляю дѣйствовать самой сей истинѣ, безъ всякаго посредства человѣческихъ пособій. Она и находитъ своихъ. Все одно, какъ если навесть магнитъ на частицы изъ разныхъ металловъ, магнитъ изъ всѣхъ ихъ выберетъ и къ себѣ притянетъ желѣзныя частицы; такъ, когда я простираю слово благовѣстія предъ цѣлымъ собраніемъ людей, слово мое само находитъ своихъ, и тѣ, кои суть отъ истины, сами къ нему обращаются и прилѣпляются. То, что мое слово такое дѣйствіе оказываетъ, надо приписать не моей рѣчи, а самой истинѣ голой и безприкрасной: Богъ умеръ на крестѣ и спасъ насъ. Еслибъ я сталъ ее прикрашивать, то съ нею было бы тоже, что и съ магнитомъ, когда его обернуть тѣмъ, что мѣшаетъ ему дѣйствовать на желѣзо. Оберни я слово крестное прикрасами слова и соображеніями мудрости человѣческой,—я преградилъ бы ему путь дѣйствовать на простыя сердца. И этимъ упразднилъ бы силу его. Никого бы и не обратилъ. И это очень естественно. Раздѣлимъ слушающихъ на двѣ половины: на причастныхъ мудрости человѣческой, и на непричастныхъ ей. Для первыхъ слово о крестѣ, какъ его ни раскра-

шивай, какъ его ни обставляй соображеніями, никакъ не можетъ быть вмѣстительно. Трудиться для нихъ надъ такимъ словомъ значитъ напрасно терять время и силы. Если есть возможность кому изъ нихъ увѣровать, то развѣ по предложенію имъ голой истины о крестѣ. Въ прикрасахъ же и соображеніяхъ они всегда найдутъ множество возраженій противъ сей истины, которыя не дадутъ ей установиться въ ихъ умѣ и пройти до сердца, чтобы тамъ положить начатки вѣры. Такъ для ученыхъ прикраса и соображенія не помощь успѣху слова крестнаго, а напротивъ преграда. Преграда они и для неученыхъ, потому что для непривычнаго ума запутываютъ истину въ хитросплетенія рѣчи и въ мудрованія недоступныя простецамъ; и потому еще, что ухищренія рѣчи и изворотливость мыслей всегда наводятъ подозрѣніе, истина ли предлагается. Если истина, говори прямо и просто: что хитрить? Таковъ законъ сердецъ простыхъ.

Такимъ образомъ прикраса слова и запутаніе его соображеніями испраздняли бы крестъ Христовъ. Св. Павлу и не велѣно было примѣшивать къ своему благовѣстію этой мудрости слова. И онъ не дѣлалъ этого.

Эта рѣчь Апостола была очень вразумительна для тѣхъ, которые, слишкомъ высоко цѣня человѣческую мудрость, нагородили столько толковъ въ Коринѳѣ. Онъ говорилъ какъ-бы каждому изъ нихъ: „Что ты гордишься тѣмъ, чего слѣдовало бы стыдиться? Ибо если эта мудрость враждебна кресту и противна Евангелію, то слѣдуетъ не хвалиться, а стыдиться ея“ (св. Злат.).

И до сихъ поръ однимъ изъ сильныхъ доказательствъ истины Евангелія служитъ то, что оно побѣдило міръ безхитростною простотою своею. Св. Златоустъ хорошо изображаетъ эту сторону дѣла: „Потому-то Апостолы

и не были изъ мудрецовъ, не по недостатку дарованій, но дабы проповѣдь не потерпѣла вреда. Мудрецы не содѣйствовали проповѣди, а вредили ей; немудрецы же утверждали ее. Проповѣдь одержала побѣду не человѣческою мудростію, но благодатію Божіею. Итакъ, когда будутъ говорить, что Апостолы были люди простые, то мы прибавимъ, что они были и неученые, и некнижные, и бѣдные, и незнатные, и немудрые, и неизвѣстные. Не къ безчестію, а къ славѣ Апостоловъ служитъ то, что они, будучи такими, явились славнѣе всей вселенной. Ибо эти простые, некнижные и неученые мудрыхъ, сильныхъ и державныхъ, хвалившихся богатствомъ, славою и всѣмъ внѣшнимъ, побѣдили такъ, какъ будто это не были люди. Отсюда ясно, что велика сила креста и что все это совершено не человѣческою силою. Ибо такія дѣла не въ природѣ вещей, а выше природы.".

Ст. 18. *Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть.*

Почему посланъ благовѣстить не въ премудрости слова? Потому что слово о крестѣ, само по себѣ, для спасаемыхъ есть сила Божія. Слѣдовательно цѣль его достигается и безъ премудрости слова. А для погибающихъ оно юродство есть; и сколько ни раскрашивай его и ни обставляй соображеніями, пользы не будетъ: погибающіе все будутъ юродствомъ его считать и гибнуть.

Слово крестное есть сіе: Богъ воплотившись умеръ на крестѣ и спасъ насъ; вѣруй въ Него и спасешься. *Погибающіе и спасаемые*—какъ будто и опредѣлены—одни на пагубу, а другіе на спасеніе; такъ что какъ ни бейся погибающій, погибнетъ, а спасаемый спасется, сколько ни уклоняйся по временамъ отъ пути спасительнаго. Наблюденіе надъ людьми наводитъ на мысль,

что точно есть будто что-то роковое въ путяхъ человѣческихъ. Но вѣра удостовѣряетъ, что жизнь человѣка—вся есть дѣло его свободнаго произволенія, и если онъ погибаетъ, самъ себя губитъ, и если спасется, не противъ воли влекомъ бываетъ ко спасенію. Образомъ жизни своей иной дѣйствительно доходитъ до того, что не можетъ принять слова крестнаго; а иной тѣмъ же образомъ жизни доходитъ до того, что охотно принимаетъ слово сіе. Первый гибнетъ, второй спасается. Теченіе жизни со всѣми соприкосновенностями ея хотя не въ нашей волѣ, но нравственный строй всегда въ нашей волѣ. Потому—то, что одинъ не принимаетъ крестнаго слова, по образу своихъ мыслей и сложившемуся нраву, и чрезъ то гибнетъ, самъ виноватъ; и то, что другой никакого противленія сему слову не встрѣчаетъ ни со стороны ума своего, ни со стороны нрава, потому охотно принимаетъ его и спасается, тоже не имѣетъ ничего, опредѣляющаго его къ вѣрѣ механически, помимо его произволенія. Св. Апостолъ беретъ тѣ и другія лица, какими они являлись предъ лицемъ его проповѣди. Говоритъ онъ слово въ синагогѣ, въ ареопагѣ, или въ частномъ домѣ: одни глумятся, другіе предлагаютъ вопросы, а третьи, въ молчаніи скрывъ слово въ сердцѣ, тайкомъ приходятъ къ Апостолу на домъ, и окончательно обращаются. Кто привлекъ послѣднихъ? И кто оттолкнулъ первыхъ? Не знаемъ кто, можемъ сказать и прибавить: но не Богъ оттолкнулъ первыхъ, потому что Онъ хощетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити; не Онъ одинъ влекъ и послѣднихъ, ибо еслибъ Онъ началъ влечь всякаго, то всѣ были бы спасены. Такъ исповѣдуемъ. Хотя здѣсь есть нѣчто непостижимое, но то несомнѣнно, что ничего нѣтъ противнаго благости Божіей и правдѣ. Апостолъ словомъ своимъ только утверждаетъ фактъ, то, что

онъ вынесъ изъ наблюденія надъ обращеніями. Одно слово, и слушаютъ его люди одного рода и одной мѣстности, но одни вѣруютъ и спасаются, а другіе не вѣруютъ и гибнутъ. Тѣ у него спасаемые, а эти погибающіе.

Слово крестное для погибающихъ есть безуміе; ожидалось бы, что для спасаемыхъ оно есть премудрость, а онъ говоритъ: для спасаемыхъ сила Божія есть. Не желалъ ли Апостолъ, чтобы читающіе дополнили опущенныя будто противоположности, и къ безумію прибавили немощь и безсилие, а къ силѣ—мудрость? По крайней мѣрѣ въ дальнѣйшемъ раскрытіи своей мысли онъ касается обѣихъ противоположностей и къ концу сводитъ, что Христосъ распятый есть Божія сила и Божія премудрость. Или Апостолъ хотѣлъ выставить то, чѣмъ болѣе отталкивается отъ креста гибнущій невѣръ, и чѣмъ болѣе привлекается къ нему спасающійся вѣрующій. Первому крестъ кажется безуміемъ, и онъ отвращается отъ него, а второму видится силою, и онъ прилѣпляется къ нему.

Намѣреніе у Апостола только то, чтобъ сказать, что слово крестное само производитъ свое дѣло, гдѣ нужно, и въ пособіи со стороны мудрости человѣческой не нуждается. Но нельзя не видѣть, что онъ очень неблаговолительно смотритъ на человѣческую мудрость и подъ погибающими разумѣетъ преимущественно знакомыхъ съ сею мудростію, ей слѣдующихъ и ее одну считающихъ вѣрною руководительницею. Во внѣшней жизни точно эта мудрость господствуетъ, и безвредно: но кто съ нею въ этомъ же значеніи входитъ въ область спасенія, тотъ всегда портитъ дѣло. Образъ спасенія Богъ опредѣляетъ; его надо принять съ покорностью, какъ онъ предлагается. Мудрость же наша, безъ ея покоренія велѣнію Божію, и въ началѣ мѣшаетъ принятію спасительной вѣры, и если, по по-

корномъ принятіи вѣры, вмѣшивается потомъ, то всегда все перепутываетъ. Путь спасенія рѣшительно несовмѣстимъ съ человѣческою мудростію. Въ словѣ крестномъ она ничего понять не можетъ; а сіе слово— начало и конецъ всего.

Св. Златоустъ говоритъ: „для страждущихъ смертельно бываетъ непріятна и здоровая пища, непріятны друзья и близкіе, которыхъ часто и не узнаютъ они и даже тяготятся ихъ присутствіемъ. Такъ обыкновенно бываетъ и съ страждущими душевно: они не знаютъ, что нужно для спасенія, и тяготятся тѣми, кто печется о нихъ. Это происходитъ не отъ свойства самаго дѣла, а отъ болѣзни. Какъ помѣшавшіеся въ умѣ не терпятъ тѣхъ, кто заботится о нихъ, и даже порицаютъ ихъ, такъ поступаютъ и невѣрующіе. Будемъ плакать о нихъ, о томъ, что слово о крестѣ, которое есть премудрость и сила, для нихъ есть безуміе. *Слово бо крестное*, говоритъ Павелъ, *погибающимъ юродство есть*. Такъ какъ у язычниковъ крестъ подвергался осмѣянію, то они, вѣроятно, называли ученіе о немъ противнымъ своей мудрости и несогласнымъ съ своимъ ученіемъ; посему Павелъ, вразумляя ихъ, говоритъ: не почитайте его страннымъ и нелѣпымъ; это дѣло по свойству своему таково, что погибающіе не могутъ постигнуть силы его, ибо они потеряли умъ и впали въ безуміе. Потому они поносятъ и ненавидятъ спасительныя врачевства. Что ты говоришь, человѣкъ? Богъ сдѣлался рабомъ, принявъ для тебя *зракъ раба*, былъ распятъ и воскресъ; слѣдовало бы поклониться Воскресшему и подивиться Его человѣколюбію, какъ все то, чего не сдѣлалъ для тебя ни отецъ, ни другъ, ни сынъ, сдѣлалъ Онъ для тебя, своего врага и оскорбителя; слѣдовало бы удивляться Ему за это; а ты называешь безуміемъ дѣло, испол-

ненное такой мудрости! И неудивительно; ибо погибающимъ свойственно не познавать необходимаго для спасенія. Посему не смущайтесь; нѣтъ ничего страннаго и неожиданнаго въ томъ, что надъ предметами великими смѣются безумные. Такихъ людей невозможно убѣдить человѣческою мудростію; и если станешь убѣждать ихъ такимъ образомъ, то сдѣлаешь противное: ибо для того, что превышаетъ разумъ, нужна одна вѣра. Подлинно, если мы посредствомъ сужденій разума захотимъ объяснять (мудрымъ о себѣ), какъ Богъ сдѣлался человѣкомъ, вселившись во чрево Дѣвы, и не признаемъ этого предметомъ вѣры, то они будутъ только смѣяться. Желающіе постигнуть это посредствомъ разума, они-то и суть погибающіе."

Ст. 19. *Писано бо есть: погублю премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергу.*

Написано это у Исаіи Пророка (29, 14). Тамъ, какъ полагаютъ, слова сіи сказаны въ обличеніе тогдашнихъ мудрыхъ людей, которые царю Езекіи, находившемуся въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, предлагали совѣты, казавшіеся имъ мудрыми и очень пригожими къ дѣлу. Богъ же, чрезъ Исаію Пророка, объявляетъ, что будетъ то, что у Него положено въ Его божественномъ совѣтѣ. Совѣтъ же сей есть книга запечатанная, которой никто прочитать не можетъ; тутъ и грамотный, какъ неграмотный. Никому не догадаться, что Я сдѣлаю, и когда сдѣлаю, никакая мудрость не разберетъ, почему такъ сдѣлано... *Погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ сокрыю.* Мудрость посрамлена будетъ тѣмъ и разумъ скроется, уничижится, какъ-бы спрячется. Мудрость посрамится, потому что всѣ ея способы ни къ чему негожими окажутся, и разумъ скроется, потому что не разберетъ ничего въ томъ, какъ что Мною сдѣлано. Таковы вообще промысли-

тельные суды Божіи, неоднократно оправданные въ исторіи Израильтянъ. Св. Павелъ и приводитъ это мѣсто не какъ пророчество, а какъ законъ промыслительныхъ дѣйствій Божіихъ. Онъ какъ бы говоритъ: что такъ Господу угодно было сдѣлать, сему дивиться нечего; таковъ законъ Божія Промысла, что поворотовъ въ судьбахъ Его никто постигнуть не можетъ. Никто постигнуть не можетъ и того, почему Онъ устроилъ спасеніе наше крестомъ, и проповѣдь о немъ повелѣлъ вести не въ мудрости слова. Нечего слѣдовательно сюда и втѣсняться съ своею мудростію, и тѣмъ, что она тутъ ничего понять не можетъ, оправдывать свое невѣріе и предлагаемый Богомъ образъ спасенія почитать безуміемъ. По всей исторіи такъ было, что устрояемое Богомъ казалось мудрецамъ-людямъ несообразнымъ съ ходомъ дѣлъ и не ведущимъ къ цѣли, на дѣлѣ же оно оказывалось самымъ цѣлесообразнымъ и тѣмъ посрамляло мудрость человѣческую. Вотъ и слово крестное! Смотрятъ на него мудрецы и говорятъ: какое это средство спасенія? Какъ этимъ можно спасать и спасаться? А на дѣлѣ оказывается, что оно-то и есть самое дѣйственное средство ко спасенію, и которые принимаютъ его съ вѣрою, спасаются, живо ощущая его спасительную силу. Погубилъ Господь имъ премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергъ,— оттолкнулъ, такъ что ему осталось только бѣжать и скрыться.

Ст. 20. *Гдѣ премудръ? гдѣ книжникъ? гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуи ли Богъ премудрость вѣка сего?*

Что я говорю правду, продолжимъ рѣчь Апостола, вотъ вамъ доказательство: се крестъ, слово о коемъ спасаетъ вѣрующихъ. Спасительности его отвергать нельзя, ибо опыты сего у всѣхъ предъ глазами: слышатъ слово крестное, вѣруютъ, принимаютъ крещеніе,

и являются новою тварію; новыми себя они ощущаютъ, новыми видятъ ихъ другіе. Другой у нихъ умъ, другія чувства, другія дѣла. Тѣ, которые за часъ были тоже, что всѣ, по выходѣ изъ купѣли стали совсѣмъ иные. Тамъ они пріобщились силѣ крестной. Итакъ не спасительна ли сила креста? Но объясните намъ ее! Гдѣ вы премудрые? Гдѣ книжники? Гдѣ совопросники вѣка сего? Придите, углубитесь вашею мудростію въ дивное дѣло сіе и растолкуйте намъ, отъ чего такъ, что повѣрь только, что Богъ воплотившись умеръ на крестѣ для спасенія нашего, и крестись, и вдругъ сдѣлаешься совсѣмъ другой! Вотъ вамъ цѣлыя общества этихъ обновленныхъ дивнымъ образомъ людей! И никто ни слова. И вотъ дѣло, которымъ Богъ показалъ, что вся мудрость вѣка сего есть безуміе, обуи—обезумилъ ее. А что они называютъ слово крестное, проповѣдь о Распятомъ и вѣру въ Него безуміемъ, то тѣмъ еще болѣе обличаютъ свое безуміе: ибо не безумно ли называть дѣло безумнымъ, когда оно предъ очами всѣхъ оправдываетъ свою мудрость?

„Сказавъ: *писано есть: погублю премудрость премудрыхъ,* онъ присовокупляетъ доказательство на это отъ дѣлъ и говоритъ: *гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ*“ (св. Злат.)? Всѣхъ ихъ препобѣдила проповѣдь крестная. Называетъ же *премудрымъ* украшающагося еллинскимъ велерѣчіемъ, *книжникомъ*—іудейскаго учителя, величающагося вѣдѣніемъ закона, а *совопросникомъ* Іудея и Еллина, долго упражнявшагося въ искусствѣ словопренія (Ѳеод.). Апостолъ хотѣлъ сказать: какого бы ранга ни былъ человѣкъ, хвалящійся мудростію человѣческою, всѣхъ ихъ посрамилъ крестъ; чрезъ него Богъ мудрость ихъ *обуи,* т.-е. „показалъ, что она безумна и къ дѣлу вѣры не гожа. Такъ какъ люди высоко думали о ней, то Онъ прямо обличилъ ее. Что это за мудрость, если

она не можетъ не только найти, даже понять, гдѣ главное благо наше? Онъ обличилъ ея безуміе, потому что она напередъ обличила въ этомъ сама себя“ (св. Злат.).

Ст. 21. *Понеже бо въ премудрости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ.*

„Приводитъ причину, почему такъ было сдѣлано“ (св. Злат.); т.-е. почему благоугодно было Богу такимъ способомъ устроить наше спасеніе, что онъ мудрости человѣческой кажется буйствомъ. Спасалъ, говоритъ, Богъ мудростію, не поняли: Онъ и благоизволилъ теперь спасать буйствомъ проповѣди, т.-е. словомъ о крестѣ или Богѣ распеншемся, которое мудрости нашей кажется безуміемъ.—Какою премудростію не уразумѣлъ міръ, т.-е. люди Бога? Тою, которую Онъ вложилъ въ насъ, разумомъ, способнымъ различать добро отъ зла, познавать Бога и воздавать Ему достодолжное поклоненіе. Въ какой премудрости не разумѣлъ? Въ премудромъ устроеніи міра, гдѣ Богъ такіе осязательные отпечатлѣлъ слѣды Свои, что непознаніе Его въ твореніи неизвинительно. Апостолъ говоритъ здѣсь о естественномъ богопознаніи и богопочтеніи; но не въ томъ смыслѣ, чтобы они были достаточны ко спасенію, когда бы явились въ совершенствѣ, а въ такомъ: вы ратующіе за разумность и мудрость человѣческую такъ высоко ставящіе, что не хотите ничего принять, что̀ ей кажется непонятнымъ, хотя за истину того ручается Богъ устрояющій и открывающій то, скажите, сдѣлали-ль вы своею разумностію, что̀ могли сдѣлать и должны были сдѣлать? Предъ вами открылъ Богъ великую Свою книгу—премудро устроенный міръ. Свидѣтельство здѣсь о Богѣ такъ очевидно, что Его какъ бы осязать можно. Что же, вы уразумѣли въ сей премудрости Божіей Бога? Нѣтъ. Если же не уразумѣли, то что̀ еще тре-

буете разумнаго? Всякое право на то потеряли вы тѣмъ, что не умѣли пользоваться разумностію. Если не умѣли, сознайтесь въ томъ и смиренно покоритесь Божію изволенію спасать насъ буйствомъ проповѣди. Но предоставимъ рѣчь св. Златоусту.

„*Понеже въ премудрости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога*, то явился крестъ. Что значитъ *въ премудрости Божіей?* Въ твореніяхъ, посредствомъ которыхъ Онъ благоволилъ открываться, Онъ устроилъ все такъ, чтобы человѣкъ, переходя отъ предметовъ видимыхъ къ Творцу, удивлялся Ему. Велико небо и необъятна земля; подивись же Творцу ихъ, ибо это великое небо не только Имъ сотворено, но и сотворено легко, и эта необъятная земля произведена Имъ, какъ ничто. Посему о первомъ сказано: *дѣла руку Твоею суть небеса* (Пс. 101, 26); а о землѣ: *сотвори землю, аки ничтоже* (Ис. 40, 23). Такъ какъ міръ не хотѣлъ познать Бога посредствомъ этой премудрости, то Онъ научилъ мнимымъ *буйствомъ проповѣди*, не чрезъ сужденія (соображенія ума), а чрезъ вѣру. Гдѣ премудрость Божія, тамъ нѣтъ нужды въ человѣческой. Ибо сказать, что Существо, сотворившее столь прекрасный и столь великій міръ, есть Богъ, имѣющій безпредѣльную и неизреченную силу, это было дѣломъ сужденій (соображеній) человѣческой мудрости, и значило постигать Его посредствомъ нихъ; но теперь нужны не сужденія, а одна вѣра. Дабы принять и убѣдиться, что Распятый и Погребенный воскресъ и сѣдитъ горѣ, для этого нужны не сужденія, но вѣра. Апостолы шли не съ мудростію, но съ вѣрою, и явились мудрѣе и выше внѣшнихъ мудрецовъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ принятіе предметовъ божественныхъ вѣрою выше разсужденій, ибо это превышаетъ человѣческій разумъ. Какъ же Онъ погубилъ премудрость? Открывшись намъ чрезъ Павла и

подобныхъ мужей и показавъ, что она безполезна. Ибо къ принятію Евангельской проповѣди ни мудрость нисколько не помогаетъ мудрому, ни невѣжество нисколько не препятствуетъ неученому; и даже къ удивленію надобно сказать, невѣжество гораздо скорѣе и легче можетъ принять ее, нежели мудрость. Пастухъ и земледѣлецъ, не увлекаясь сужденіями и предавая себя Господу, скорѣе примутъ ее. Такъ Онъ погубилъ премудрость! Такъ какъ она сама прежде посрамила себя, то и стала затѣмъ ни къ чему негодною. Ибо когда она должна была показать себя и познавать Господа изъ дѣлъ Его, она не хотѣла; а теперь хотя бы и хотѣла содѣйствовать этому, не можетъ; потому что теперь не таково положеніе дѣлъ; есть путь къ богопочтенію гораздо лучше ея. Теперь нужна простая вѣра; ее вездѣ надобно искать и предпочитать внѣшней мудрости. Ибо если эта мудрость не открыла ничего тогда, когда можно было изслѣдовать посредствомъ сужденій, то какого успѣха ожидать отъ ней теперь, когда предстоятъ предметы высшіе, когда нужна одна вѣра, а не искусство сужденій. Такъ Богъ показалъ ея безуміе; благоизволилъ же спасти *буйствомъ проповѣди*, впрочемъ буйствомъ не дѣйствительнымъ, но кажущимся."

Только выразился такъ Апостолъ: *буйствомъ проповѣди;* мысль же его та, что Богъ спасаетъ вѣрующихъ посредствомъ высочайшей премудрости, такой мудрости, предъ которою самый великій умъ безумѣетъ, ничего не постигая въ ней. Какъ великій свѣтъ мы называемъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, такъ высочайшая премудрость есть обуявающая умъ премудрость. Этой-то премудрости проповѣдію благоизволилъ Богъ спасать теперь вѣрующихъ. Ибо когда умъ обуявается сею премудростію, то принимать ее уже нечѣмъ, кромѣ вѣры.

Ст. 22. 23. *Понеже и Іудее знаменія просятъ, и Еллини премудрости ищутъ: мы же проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе.*

Объясняетъ св. Павелъ, что проповѣдь, какую онъ и другіе Апостолы ведутъ по Божію повелѣнію, точно есть буйство, и что однакожъ несмотря на это она спасаетъ. Онъ говоритъ какъ бы: что точно Богъ устрояетъ спасеніе всѣхъ буйствомъ проповѣди, на это не нужны умственныя доказательства, а смотрите на то, что дѣлается во очію всѣхъ и увидите, что такъ есть. Богъ насъ избралъ и послалъ проповѣдать спасеніе и Іудеямъ и Еллинамъ. Что же именно проповѣдать?—Вѣруйте во Христа распятаго и спасетесь. Мы такъ и дѣлаемъ: куда ни придемъ, и Іудеямъ и Еллинамъ говоримъ: вѣруйте во Христа распятаго и спасетесь. Смотря на насъ, не долженъ ли всякій сказать: не безуміе ли вести такую проповѣдь? Какого успѣха можете вы ожидать отъ такой проповѣди? Вы говорите: вѣруйте въ Распятаго и спасетесь. Но для Іудея это соблазнъ, а для Еллина безуміе. Кто васъ станетъ слушать и вѣровать? Іудею дай знаменіе, Еллину представь какую-нибудь мудрую систему философскую и предложи ее въ привлекательной формѣ, тогда можетъ быть они откроютъ ухо для вашей проповѣди, а такъ, какъ вы дѣлаете,—это настоящее буйство: ибо это значитъ хотѣть достигнуть цѣли средствами не только не ведущими къ цѣли, а напротивъ отдаляющими отъ ней.—Такъ и смотрѣли на сію проповѣдь погибающіе. Апостолъ приводитъ здѣсь свидѣтельство опыта.

Іудее знаменія просятъ. Но вѣдь и были знаменія, и отъ Христа Спасителя и отъ Апостоловъ. Что же хочетъ сказать симъ Апостолъ? Или то, что они все просятъ знаменій и чудесъ,—просятъ все больше и

больше знаменій, не удовлетворяясь тѣми, какія видятъ. Сколько знаменій явилъ Господь?! И однакожъ они, видѣвъ многія изъ нихъ, подходятъ къ Нему и говорятъ: Учитель, хочемъ отъ Тебя знаменія видѣти. Хотятъ они знаменій, но когда ихъ дадутъ, не хотятъ, чтобы на основаніи этого заставляли ихъ измѣнить свои надежды и убѣжденія: а безъ этого обойтись нельзя: вотъ они и начинаютъ криво толковать видѣнное знаменіе и желать другаго. Такъ безъ конца.

Или то разумѣлъ Апостолъ: знаменія просятъ, а мы не можемъ ихъ давать, когда ни захотимъ. Это дѣло Божіе. Когда угодно Богу, тогда Онъ творитъ чрезъ насъ знаменіе; а когда не угодно, не творитъ. А проповѣдь все-таки мы должны предлагать и предлагаемъ.

Или та мысль у него,—что Іудеи ждутъ какого-либо разительнаго знаменія, въ родѣ того, какъ сдѣлалъ Моисей, избавивши Израильтянъ отъ Египта и проведши ихъ сквозь море, въ коемъ погрязъ Фараонъ съ воинствомъ. Тогда по всѣмъ народамъ огласилось это чудо. И теперь бы такъ. Еслибы Господь явился въ свѣтлости Божія величія и поразилъ всѣ народы, а Израиля возвеличилъ, то больше этого знаменія для Іудея не нужно бы.

Христосъ Господь, живя среди Іудеевъ, оставилъ по Себѣ благоговѣйную память и Своимъ нравственнымъ характеромъ, и ученіемъ, и знаменіями. Память объ этомъ много могла бы содѣйствовать проповѣди. Но крестная смерть все разстроила. Ибо въ глазахъ Іудея смерть на крестѣ есть нѣкая кара небесная. Между тѣмъ проповѣдь говорила имъ: вѣруй въ Распятаго и спасешься. Мысль о распятіи соблазняла ихъ, и они отвращали слухъ отъ сей проповѣди.

Еллини премудрости ищутъ. Желаютъ, чтобы имъ предложено было какое-либо мудрое ученіе и притомъ

рѣчью прекрасною по формѣ; а имъ предлагаютъ сказаніе объ одномъ событіи, самомъ непріятномъ—распятіи человѣка, и говорятъ: вѣруй и спасешься. Чего можно ожидать отъ нихъ каждому проповѣднику, кромѣ: *что хощетъ суесловивый сей глаголати?* (Дѣян. 17, 18). Ученіе о спасеніи крестною смертію Бога воплощеннаго, какъ она раскрыта потомъ Апостолами, представляетъ возвышеннѣйшую и стройнѣйшую метафизическую систему, начинающуюся въ предвѣчности, обнимающую все временное и кончающуюся въ безконечной вѣчности. Но ученіе въ такомъ объемѣ предлагалось не въ началѣ, не новичкамъ, а уже преуспѣвшимъ въ христіанствѣ, какъ ниже и пишетъ св. Павелъ (2, 6 и д.). Въ началѣ же проповѣдь всегда была проста: Богъ воплотившись умеръ на крестѣ; вѣруй и спасешься. Еллину эта проповѣдь не могла не казаться безуміемъ. Какой Богъ, когда распятъ? Если распятъ, значитъ Себя не могъ спасти: какъ же можетъ Онъ спасать другихъ,—и еще всѣхъ, всю вселенную? Это ни съ чѣмъ не сообразно (св. Злат.). Смотря же такъ на проповѣдь, какъ могъ онъ вѣровать?

Такимъ образомъ очевидно, что Богъ устроилъ во спасеніе проповѣдь, которая для всѣхъ должна была представляться буйствомъ. Буйствомъ она казалась и однакоже спасала, и тѣмъ доказывала, что въ ней сокрыта высочайшая премудрость и божественная сила.

Ст. 24. *Самимъ же званнымъ, Іудеемъ же и Еллиномъ Христа, Божію силу и Божію премудрость.*

Какимъ образомъ дѣлалось, что иныя души, несмотря на этотъ кажущійся соблазнъ и это видимое безуміе, проникали сквозь этотъ невзрачный покровъ и узрѣвали въ существѣ проповѣди спасительную силу и премудрость, это тайна Божія. Св. Павелъ и не объясняетъ этого, а только свидѣтельствуетъ, что такъ бы-

ло. Такъ было это съ душами, которыя выше онъ назвалъ спасаемыми, а здѣсь наименовалъ званными. То и другое указываетъ на Божіе избраніе, и хотя конечно не безъ участія произволенія человѣческаго, такъ однакожъ, что мудрость человѣческая никакого въ этомъ участія не имѣла.

И вотъ этимъ-то блаженнымъ душамъ, изъ Іудеевъ и Еллиновъ, проповѣдь, бывшая для другихъ соблазномъ и безуміемъ, представляла божественную силу и божественную премудрость. Въ такомъ смыслѣ принявши ее, онѣ вѣровали и спасались. Заподлинно онѣ удостовѣрялись въ сей силѣ и премудрости, когда въ крещеніи спогребались распятому Господу, и вкушали спасительность креста. Но все, что здѣсь получалось. предображалось въ вѣрѣ; и потому получалось, что увѣровано было.

„Одно и тоже—и премудрость и буйство, и сила и немощь; буйство и немощь невѣрующимъ, премудрость же и сила вѣрующимъ. Ибо и солнце—видящимъ свѣтъ, а слѣпотствующимъ тьма. Но не оно приноситъ тьму, а болѣзнь задерживаетъ свѣтлость луча. Такъ и гной невѣрія возбраняетъ свѣту боговѣдѣнія озарить душу“ (Ѳеод.).

Св. Златоустъ говоритъ: „Великая сила заключается въ этихъ словахъ Апостола! Онъ хочетъ показать, какъ Богъ побѣдилъ тѣмъ, что повидимому не обѣщало побѣды, и какъ проповѣдь не есть дѣло человѣческое. Слова его означаютъ слѣдующее: когда мы говоримъ Іудеямъ: вѣруйте, то они возражаютъ: воскресите мертвыхъ, исцѣлите бѣснующихся, покажите намъ знаменія. Что же вмѣсто этого говоримъ мы? Говоримъ, что Проповѣдуемый нами распятъ и умеръ. Это повидимому не только не можетъ привлечь противляющихся, но можетъ отогнать и непротивляющихся; однако-

же не отгоняетъ, а привлекаетъ, удерживаетъ и покоряетъ. Язычники съ своей стороны требуютъ отъ насъ краснорѣчія и искусства въ сужденіяхъ; а мы и имъ проповѣдуемъ крестъ. Іудеямъ это кажется безсиліемъ, а Еллинамъ безуміемъ. Если же мы предлагаемъ имъ не только не то, чего они требуютъ, но и противное тому, ибо крестъ по сужденію разума представляется не только не знаменіемъ, но чѣмъ-то противнымъ знаменію, не только не знакомъ силы, но знакомъ безсилія, не только не выраженіемъ мудрости, но доказательствомъ безумія,—если требующіе знаменій и мудрости не только не получаютъ требуемаго, но еще слышатъ отъ насъ противное тому, чего требуютъ, и однакожъ этимъ противнымъ убѣждаются, то не есть ли это дѣло неизреченной силы Проповѣдуемаго? Апостолы побѣдили не только не знаменіями, но тѣмъ, что повидимому противно знаменіямъ. Такъ Христосъ поступилъ съ слѣпымъ: желая даровать ему исцѣленіе, Онъ уничтожилъ слѣпоту тѣмъ, что производитъ слѣпоту, *положи бреніе* (Іоан. 9, 15). Какъ слѣпаго Онъ исцѣлилъ бреніемъ, такъ вселенную привлекъ къ Себѣ крестомъ, тѣмъ, что повидимому увеличивало соблазнъ, а не уничтожило его. Такъ сдѣлалъ Онъ и при сотвореніи, устроя противное противнымъ: оградилъ море пескомъ, обуздавъ сильное слабымъ. Чрезъ Пророковъ творилъ, что желѣзо всплывало изъ воды посредствомъ малаго дерева (4 Цар. 6, 6). Такъ и вселенную Онъ возстановилъ посредствомъ креста. Такимъ образомъ убѣждать противнымъ есть знакъ великой силы и премудрости. Крестъ повидимому производитъ соблазнъ, и однако онъ не только не соблазняетъ, но и привлекаетъ. Все это представляя и удивляясь, Павелъ говоритъ:“

Ст. 25. *Зане буее Божіе, премудрѣе человѣкъ есть: и немощное Божіе, крѣпчае человѣкъ есть.*

Т.-е. что Богъ учреждаетъ и вводитъ въ жизнь, то, хотя нашей мудрости кажется буіимъ и немощнымъ, на дѣлѣ премудрѣе есть всего мудраго, что могутъ придумать люди, и сильнѣе всего, что могутъ сдѣлать люди. „Апостолъ буіимъ и немощнымъ Божіимъ, по мнѣнію несмысленныхъ, называетъ тайну креста, и доказываетъ, что она превозмогла и мудрыхъ, и сильныхъ" (Ѳеод.). Казалось мудрости человѣческой, что крестъ — свидѣтельство немощи и вѣровать въ него неразуміе; а на дѣлѣ совсѣмъ другое было: вѣрующіе въ него исполнялись силою и премудростію. „Говоря о буйствѣ и немощи креста, Апостолъ разумѣетъ не то, чтобы онъ былъ дѣйствительно таковъ, но кажется такимъ; ибо онъ говоритъ примѣнительно къ мнѣнію противниковъ. Чего не могли сдѣлать философы посредствомъ разсужденій, то сдѣлано кажущимся безуміемъ. Кто же мудрѣе? Тотъ ли, кто убѣждаетъ многихъ или тотъ, кто не убѣждаетъ никого? Платонъ сколько старался доказать, что душа безсмертна, но не сказалъ ничего яснаго и не убѣдилъ никого! Напротивъ крестъ чрезъ неученыхъ убѣдилъ и обратилъ цѣлую вселенную, убѣдилъ не въ предметахъ маловажныхъ, но въ ученіи о Богѣ, истинномъ благочестіи, Евангельской жизни и будущемъ судѣ; онъ сдѣлалъ любомудрыми всѣхъ, и земледѣльцевъ, и неученыхъ. Такъ буее Божіе премудрѣе и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть. Чѣмъ крѣпчае? Тѣмъ, что оно распространилось по всей вселенной, покорило всѣхъ своей власти, и, тогда какъ безчисленное множество людей усиливалось истребить имя Распятаго, сдѣлало противное. Это имя прославлялось и возрастало болѣе и болѣе, а они погибали и исчезали: живые, возставая противъ

Преданнаго смерти, не могли сдѣлать ничего. Что благодатію Божіею совершили мытари и рыбари, того и философы, и риторы, и властелины, и вообще вся вселенная, при безчисленныхъ усиліяхъ, не могли даже и представить. Чего не сдѣлалъ крестъ? Онъ ввелъ ученіе о безсмертіи души, о воскресеніи тѣлъ, о презрѣніи настоящихъ благъ и надеждѣ благъ будущихъ; онъ сдѣлалъ людей ангелами: имъ всѣ и вездѣ стали любомудрыми и способными ко всякой добродѣтели" (св. Злат.).

бб).

И въ числѣ вѣрующихъ немного мудрыхъ и видныхъ лицъ; но увѣровавъ, они получаютъ высокое духовное достоинство

1. 26—31.

„Выше выразилъ Апостолъ, что мудрость человѣческая отвергнута, и доказалъ это, какъ свидѣтельствомъ Писаній, такъ и самыми событіями; свидѣтельствомъ Писаній, въ словахъ: *погублю премудрость премудрыхъ;* а событіями въ предложенномъ вопросѣ: *гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ?* За тѣмъ доказалъ, что это было и полезно, и нужно: *понеже бо въ премудрости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога, благоизволи Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ;* что крестъ есть доказательство неизреченной силы и премудрости, и что *буее Божіе* гораздо выше человѣческой мудрости. Теперь онъ доказываетъ тоже не со стороны учителей, но и со стороны самыхъ учениковъ: *видите бо,* говоритъ, *званіе ваше*" (св. Злат.).

Ст. 26. *Видите бо званіе ваше, братіе: яко не мнози премудри по плоти, не мнози сильни, не мнози благородни.*

Одно къ одному идетъ. Какъ Богу угодно было устроить спасеніе крестомъ, на видъ немощнымъ, безславнымъ

и ничего мудраго не представляющимъ, то на проповѣдь о немъ изъ мудрыхъ, славныхъ и сильныхъ міра никто почти и не идетъ, а идутъ большею частію немудрые, несильные и незнатные. Осмотрите всѣхъ братій вѣрующихъ, и удостовѣритесь, что такъ есть. Но это ни креста не унижаетъ, ни васъ. Ибо такъ быть дѣлу Богъ благоволилъ. Онъ позвалъ васъ. Это *званіе* и избраніе честь ваша, высшая всѣхъ славъ земныхъ. Честь же креста въ томъ, что увѣровавъ вы не остаетесь, какъ были, но преобразуетесь въ духѣ, и получаете такія преимущества, предъ которыми всѣ преимущества міра ничто. Словомъ: *званіе* означаетъ званныхъ всѣхъ.

„*Яко не мнози*. Не сказалъ: ни одного нѣтъ премудраго, ни одного сильнаго, ни одного благороднаго; потому что и изъ нихъ были увѣровавшіе, но говоритъ: *не мнози*, потому что большее число увѣровавшихъ было изъ людей бѣдныхъ“ (Ѳеод.). Виднымъ по плоти мѣшала вѣровать гордость, а невиднымъ, смиреннымъ, не мѣшали вѣровать ни неразвитость ума, ни грубость нравовъ. Смиренная вѣра ихъ силою креста облекала духъ ихъ высокими совершенствами. Св. Златоустъ пишетъ на сіе: „Не только учители неученые, но и ученики избраны такіе же: *яко не мнози*, говоритъ, *мудри по плоти*. Такъ открывается большая сила и большая премудрость, когда убѣждаются многіе и притомъ немудрые. Ибо самое трудное дѣло убѣдить невѣжду, особенно когда внушаются предметы важные и великіе. И однако ихъ убѣдили, чему свидѣтелями представляетъ ихъ же самихъ: *видите бо званіе ваше, братіе*, т.-е. посмотрите, помыслите. Что значитъ: *по плоти?* По видимости, по-житейски, по внѣшнему ученію. Дабы не подумали, что онъ противорѣчитъ себѣ (ибо онъ убѣдилъ и проконсула и ареопагита, и Аполлоса, и другіе

мудрые, какъ мы знаемъ, принимали проповѣдь), не говоритъ: никто изъ мудрыхъ, но: ***не мнози мудри.*** Ибо онъ не исключительно призывалъ невѣждъ, а мудрыхъ отвергалъ, но принималъ и послѣднихъ, а гораздо больше первыхъ. Почему же? Потому что мудрый по плоти исполненъ великаго неразумія, и особенно онъ бываетъ неразумнымъ тогда, когда не хочетъ отвергнуть нечестиваго ученія. Какъ въ томъ случаѣ, когда какой нибудь врачъ хочетъ научить другихъ своему искусству, люди, знающіе кое-что, но худо и превратно пользующіеся этимъ искусствомъ и упорные, не скоро могутъ научиться, а незнающіе ничего могутъ скорѣе принять ученіе; такъ было и здѣсь. Невѣжды убѣждались скорѣе. потому что они не имѣли того крайняго безумія, чтобы считать себя мудрыми. ***Не мнози сильни, не мнози благородни.*** Ибо и такіе люди бываютъ исполнены гордости; а ничто столько не вредитъ истинному Богопознанію, какъ гордость и пристрастіе къ богатству; потому что преданные имъ за великое считаютъ настоящее, нисколько не заботятся о будущемъ и заграждаютъ слухъ свой множествомъ попеченій.“

Крестъ сдѣлалъ, что стали презирать все, чѣмъ показенъ бываетъ человѣкъ совнѣ, и напротивъ ревновать о совершенствахъ въ духѣ, кои суть и настоящее благородство, и настоящее властвованіе, и настоящая мудрость, посрамляющія мудрость, силу и благородство внѣшнія.

Ст. 27. 28. ***Но буяя міра избра Бога, да премудрыя посрамитъ: и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ.***

Буяя міра—люди необразованные, невѣжды не въ словѣ только, но и въ познаніяхъ; ***немощная міра***—бѣдные, никакого вѣса въ обществѣ и власти не имѣю-

щіе; *худородная міра и уничиженная*—люди простаго званія, низкаго происхожденія; *не сущая*, которыхъ всѣ за ничто почитаютъ. Противоположные имъ люди *премудрые*, не образованные только, но паче высящіеся своимъ образованіемъ и знаніемъ; *крѣпкіе* — сильные властію и вѣсомъ, и богатствомъ въ обществѣ, и на нихъ опирающіеся, и прочность состоянія своего въ нихъ полагающіе; *сущіе* — которые одни будто и есть въ обществѣ, а тѣхъ нѣтъ, знатные и по рожденію и по чести. Богъ избралъ, говоритъ, первыхъ, чтобы *посрамить и упразднить* послѣднихъ. Но какъ? Если бы Богъ, избравъ первыхъ, оставилъ ихъ, какъ они есть, то чрезъ это никакого бы посрамленія не было послѣднимъ. Но Онъ, оставляя первыхъ по внѣшности, какъ и были, исполнилъ ихъ совершенствами въ духѣ, такими высокими и такъ рѣзко выдававшимися, что послѣдніе не могли ихъ не замѣтить и не могли не сознать, что эти совершенства несравненно выше тѣхъ, какія они имѣютъ. Сознать, что тѣ, которыхъ они ни во что вмѣняли, стали несравненно выше ихъ, — вотъ въ чемъ посрамленіе. Входя въ соприкосновеніе съ ними, благородные видѣли въ уничиженныхъ высокое благородство нрава, чувствъ и расположеній, которыхъ сами не имѣли и которыхъ не давало имъ рожденіе по плоти: крѣпкіе видѣли въ немощныхъ власть надъ собою, не нарушаемую никакими страстями, и спокойствіе духа, не колеблемое никакимъ стеченіемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, видѣли власть и спокойствіе, которыхъ были чужды сами и которыхъ не давала имъ ихъ внѣшняя власть; премудрые видѣли въ буіихъ свѣтлость понятій о всемъ, и о Богѣ, и о мірѣ, и паче о человѣкѣ, зачѣмъ онъ на землѣ, что его ожидаетъ за гробомъ, и какъ сдѣлать, чтобы перейти туда не на муки, а на блаженство, — видѣли

понятія, предъ которыми ихъ собственныя, съ такимъ трудомъ добытыя, ничто и по скудости, и по недалекости, и по темнотѣ и неопредѣленности. Увидѣвъ все это, лица видныя по плоти не могли не чувствовать себя посрамленными. Опыты показали многократно, что восчувствовавъ себя посрамленными, они бросали все, что считали цѣннымъ, обращались къ вѣрѣ и вступали смиренно въ общество тѣхъ, которыхъ прежде вмѣняли ни во что. Такъ Богъ устроилъ потому, что нельзя было иначе отвлечь умы отъ плотскаго и видимаго, какъ представивъ предъ очи ихъ такъ разительно преимущества совершенствъ духовныхъ, при внѣшней невидности и обнаженіи отъ преимуществъ плоти.

„Апостолъ буіимъ, немощнымъ и худороднымъ называлъ по мнѣнію человѣческому; ибо истинное буйство (безуміе) не неопытность въ словѣ, но неимѣніе вѣры: и немощность и худородство—не нищета, но нечестіе и порочность нравовъ. Богъ же всяческихъ неучеными побѣдилъ ученыхъ, нищими — богатыхъ, и рыбарями уловилъ вселенную“ (Ѳеод.).

„Великая побѣда — побѣждать посредствомъ немудрыхъ. Ибо язычники не столько посрамляются тогда, когда побѣждаются мудрецами, сколько тогда, когда видятъ, что люди, работающіе собственными руками и принадлежащіе къ простому народу, любомудрствуютъ лучше ихъ. Посему Павелъ и сказалъ: *да премудрыя посрамитъ*. И не только съ этимъ, но то же сдѣлалъ Богъ и съ другими преимуществами житейскими. *И немощная міра избра, да посрамитъ крѣпкая*. Не только неученыхъ, но и бѣдныхъ, презираемыхъ и незнатныхъ Онъ призвалъ, чтобы посрамить сильныхъ. *И худородная міра, уничиженная и не сущая, да сущая упразднитъ*. Что здѣсь называется *не сущая?* Тѣ, которыхъ за ничто считаютъ. Такъ Онъ явилъ великую силу, низлагая великихъ чрезъ тѣхъ, которые ка-

зались ничѣмъ, какъ Онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *сила моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Ибо нужна великая сила, чтобы людей, уничиженнѣйшихъ и никогда не занимавшихся никакимъ ученіемъ, вдругъ научить любомудрствовать о томъ, что выше неба. Врачу и ритору и всѣмъ другимъ мы удивляемся особенно тогда, когда они успѣшно убѣждаютъ и научаютъ невѣждъ. Если же великое дѣло—внушить невѣждѣ ученіе о какомъ-нибудь искусствѣ, то тѣмъ болѣе такую мудрость. Впрочемъ Богъ сдѣлалъ это не только для удивленія или для показанія Своей силы, но и для того, чтобы смирить превозносящихся. Посему Апостолъ, какъ выше сказалъ: *да премудрыя посрамитъ, да сущія упразднитъ*, такъ и здѣсь говоритъ" (св. Злат.).

Ст. 29. *Яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ.*

Да не похвалится всяка плоть, т.-е. всякій человѣкъ предъ Богомъ. Ибо нечѣмъ похвалиться. Людямъ виднымъ по плоти нечѣмъ хвалиться, ибо духовнаго ничего не имѣютъ, а внѣшняя ихъ показность обличена и посрамлена, какъ неимѣющая никакой цѣны. Люди невидные по плоти, бывъ призваны къ духовнымъ совершенствамъ, внѣшно оставлены въ той же смиренной долѣ; внутреннее же ихъ, какъ ни высоко, сознается осязательно даромъ благодати, ничѣмъ со стороны ихъ не заслуженнымъ. Такимъ образомъ устроенное Богомъ спасеніе вѣрою въ слово крестное ведетъ прямо къ тому, чтобы ни одна плоть не хвалилась предъ Богомъ.

Или подъ *плотію* разумѣется плотское, внѣшнее, видимое, и мысль здѣсь такая: да не похваляется ничто плотское, да не считается оно чѣмъ-либо важнымъ, стоющимъ вниманія, и обладающіе имъ да не хвалятся:

я богатъ, я ученъ, я знатенъ. Все это ни къ чему достойному цѣненія не ведетъ, напротивъ отклоняетъ отъ него. Вотъ Богъ призвалъ не тѣхъ, которые обладаютъ ими, а тѣхъ, которые не имѣютъ ихъ, и когда призвалъ, не ими обогатилъ ихъ, а совершенствами въ духѣ; ихъ же и по призваніи такъ же отвергъ, какъ не воззрѣлъ на нихъ въ призваніи. Такъ-то не стоитъ хвалить видное по плоти, или хвалиться имъ. Высоко-назидательныя наведенія дѣлаетъ подъ этимъ мѣстомъ св. Златоустъ.

„Такъ сдѣлалъ Богъ для того, чтобы смирить гордость и надменность, чтобы низложить самохвальство. Особенно же Онъ этимъ показалъ, что намъ невозможно спастись самимъ собою. Такъ Онъ устроилъ и въ началѣ: ибо и тогда невозможно было достигать спасенія самимъ собою, а нужно было созерцать красоту неба и величіе земли и изслѣдовать природу другихъ созданій, чтобы восходить къ Творцу тварей. Этимъ Онъ хотѣлъ низложить имѣвшую явиться надменность. Подобно тому, какъ учитель, приказавшій своему ученику слѣдовать туда, куда ведетъ его, когда видитъ, что ученикъ забѣгаетъ впередъ и хочетъ научиться всему самъ собою, то оставляетъ его блуждать и давъ ему испытать, что онъ самъ собою научиться не можетъ, тогда уже начинаетъ самъ руководить его, такъ и Богъ въ началѣ повелѣлъ идти путемъ созерцанія тварей, а когда люди не захотѣли этого, то Онъ, давъ имъ испытать, что они сами собою идти не могутъ, сталъ вести ихъ къ Себѣ иначе. Онъ намъ далъ міръ, какъ бы дщицу (скрижаль); но философы объ этомъ не думали, не хотѣли повиноваться Ему и идти къ Нему тѣмъ путемъ, которымъ Онъ повелѣлъ. Посему Онъ предложилъ другой путь яснѣйшій перваго и научающій, что человѣкъ одинъ самъ по себѣ не-

достаточенъ для себя. Прежде можно было предаваться и разсужденіямъ, пользоваться и внѣшнею мудростію, при руководствѣ природы; а теперь кто не будетъ *буіимъ*, т.-е. не оставитъ всякія разсужденія и всякое мудрованіе и не предастся вѣрѣ, тотъ не можетъ спастись. Такимъ образомъ Онъ совершилъ не маловажное дѣло: предложилъ удобный путь, а вмѣстѣ уничтожилъ бывшую болѣзнь и научилъ не хвалиться и не высокомудрствовать: *яко да не похвалится всяка плоть*. Много бѣды происходитъ отъ того, что люди хотятъ быть мудрѣе законовъ Божіихъ и не хотятъ учиться такъ, какъ Онъ заповѣдалъ: потому ничему и не научаются. Такъ было и въ началѣ. Богъ сказалъ Адаму: это дѣлай, а этого не дѣлай; но онъ, думая найти что-то большее, не послушался, и потерялъ то, что имѣлъ. Потомъ Онъ сказалъ: не останавливайтесь на тваряхъ, но чрезъ нихъ познавайте Творца, а люди, какъ бы отыскивая что-то мудрѣйшее, построили себѣ безчисленные лабиринты; потомъ и сами потерялись и другъ съ другомъ пришли въ столкновеніе, ни Бога не нашли, ни о тваряхъ не узнали ничего яснаго и не составили о нихъ надлежащаго и вѣрнаго понятія. Послѣ этого, желая рѣшительно уничтожить ихъ высокомѣріе, Онъ призвалъ прежде всего людей простыхъ, и тѣмъ показалъ, что всѣ имѣютъ нужду въ премудрости свыше. Не только въ отношеніи къ познанію, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ люди и всѣ прочія твари имѣютъ великую въ Немъ нужду; и это Онъ сдѣлалъ для того, чтобы дать имъ сильное побужденіе къ покорности и преданности, дабы они, отлучившись отъ Него, не погибли. Посему Онъ и не попустилъ имъ быть самодовольными. Ибо если и теперь, когда имѣютъ въ Немъ нужду, многіе оставляютъ Его, то если бы этого не было, до какого забвенія дошли бы они? Не по зави-

сти Онъ лишилъ ихъ основанія къ самохвальству, но чтобы избавить ихъ отъ погибели, происходящей отсюда."

Ст. 30 *Изъ Негоже вы есте о Христѣ Іисусѣ, Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе.*

Избралъ Богъ буіихъ, немощныхъ, худородныхъ, такъ что съ этой стороны нечѣмъ намъ похвалиться. „Не думайте однакоже, что лишивъ насъ основанія похвалиться чѣмъ либо, Онъ такъ и оставилъ насъ; нѣтъ, Онъ даровалъ намъ другую похвалу, большую" (св. Злат.). Вмѣсто видимыхъ ничтожныхъ преимуществъ, Онъ обогащаетъ вѣрующихъ премуществами духовными, самаго высокаго достоинства. Не имѣютъ они благородства крови по плотскому происхожденію; на мѣсто этого дается имъ богородство по духовному происхожденію. Изъ *Негоже,* говоритъ, *вы есте,* т.-е. изъ Бога. Этимъ указываетъ Апостолъ не на начало бытія, а на новое рожденіе духовное, о коемъ сказано: *елицы пріяша Его* (Христа Господа, Сына Божія воплотившагося), *даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его. Иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (Іоан. 1, 12—13). Почему и говоритъ: *изъ Негоже вы есте о Христѣ Іисусѣ.* По вѣрѣ во Христа Іисуса распятаго вы стали рожденными отъ Бога въ купѣли крещенія. Вы—чада Его и сдѣлались ими чрезъ Христа. Вы стали благороднѣе всѣхъ, потому что имѣете Отцемъ Бога; и виновникъ этого благородства Христосъ Господь (св. Злат., Өеод.).

Иже бысть намъ премудрость отъ Бога. Мірская мудрость не принята въ область вѣры и въ дѣло спасенія. Вмѣсто ея вѣрующіе исполняются премудростію божественною, тою, которая отъ Бога. Премудрость сія совмѣщаетъ свѣтлыя понятія о всемъ сущемъ и

бывающемъ о Богѣ, въ Троицѣ поклоняемомъ, о твореніи и промышленіи, о паденіи и возстаніи, о воплощеніи Бога Слова, Его крестной смерти, воскресеніи, сѣдѣніи одесную Отца, и Духа Святаго ниспосланіи, объ устроеніи Церкви, о дарахъ христіанамъ, о надеждахъ ихъ и способахъ не сдѣлать ихъ тщетными, о томъ, что есть жизнь настоящая, и какъ устроиться, чтобы сподобиться блаженной вѣчности. Всѣ эти понятія, изъ которыхъ каждое недосязаемо для самой высокой философіи, дѣлаются достояніемъ всякаго крещаемаго, въ первыхъ начаткахъ жизни его о Христѣ Іисусѣ. Христосъ Іисусъ есть намъ сія *премудрость отъ Бога*, потому что Онъ принесъ ее съ неба отъ Отца и сообщилъ намъ сначала Самъ, а потомъ чрезъ Апостоловъ. „Но почему Апостолъ не сказалъ: умудрилъ насъ, а: *бысть намъ премудрость?* Этимъ Онъ показываетъ обиліе дара“ (св. Златоустъ). И потому такъ сказано, что Христосъ Господь самъ въ себѣ совмѣщаетъ всѣ исчисленныя понятія и другія многія. Стань разсуждать объ Немъ, то въ одномъ Его лицѣ найдешь всю премудрость. Тутъ и троичность Лицъ, и твореніе съ промышленіемъ, отъ паденія искупленіе, и облагодатствованіе, и надежды въ будущемъ съ обязательствами въ настоящемъ, и всѣ таинства спасенія. И большее еще нѣчто можно при семъ помыслить. Поелику Онъ есть самая премудрость, вѣрующіе же, сочетаваясь съ Нимъ, бываютъ единъ духъ съ Нимъ; то, общась съ Нимъ такъ пріискренно, они дѣлаются причастниками и Его мудрости. Но всячески здѣсь показывается, что единственный источникъ христіанской мудрости есть Христосъ Господь. Другаго источника ей нѣтъ. Есть слово откровенное; но оно только начальное руководство. Настоящей мудрости надлежитъ быть научену Богомъ, по древнему еще обѣтованію.

Правда же и освященіе и избавленіе. Нѣтъ у вѣрующихъ богатства и силы внѣшней; но есть богатство духовное и сила нравственная: правда, освященіе и избавленіе. Господь Іисусъ Христосъ — наша *правда*, потому что о имени Его дается отпущеніе грѣховъ и благодать, укрѣпляющая на дѣланіе всякаго добра. Онъ—наше *освященіе*, потому что подъ знаменемъ Его, подъ Его руководствомъ и Его силою ведемъ борьбу со страстьми и похотьми, а чрезъ нихъ съ міромъ и діаволомъ, и достигаемъ чистоты не по внѣшнему только поведенію, но и по потаенному сердца человѣку, чистоты, въ коей истинная святость, водворяющаяся во всемъ составѣ естества нашего. Это и есть освященіе наше. Оно отъ Христа Господа, ибо приходитъ чрезъ облеченіе въ Него. Онъ и наше *избавленіе*. Съ освященнаго всѣ узы спадаютъ: и узы грѣха и плоти, и узы міра, и діавола. Онъ вступаетъ въ полную свободу чадъ. Какъ свободная птичка райская, паритъ онъ въ поднебесьѣ. Онъ Христа носитъ въ себѣ и Имъ носимъ есть, и не онъ уже боится прежнихъ вязателей его по рукамъ и ногамъ, а они его. Это верхъ благъ духовныхъ и духовнаго совершенства во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

Такъ изображаетъ это св. Златоустъ, который говоритъ: „смотри, какую соблюдаетъ Апостолъ постепенность. Сначала Богъ сдѣлалъ насъ мудрыми, освободивъ отъ заблужденія, потомъ праведными и святыми, даровавъ Духа, и такимъ образомъ избавилъ насъ отъ всѣхъ золъ, такъ что мы стали Его (достояніемъ или частію).“ Тоже пишетъ и Ѳеодоритъ: „Онъ даровалъ намъ истинную премудрость. Онъ даровалъ намъ отпущеніе грѣховъ, сподобилъ оправданія, содѣлалъ святыми, избавивъ отъ діавольскаго мучительства.“

Ст. 31. *Да, якоже пишется: хваляйся, о Господѣ да хвалится.*

Внѣшнія преимущества ничто; вся цѣна принадлежитъ преимуществамъ духовнымъ. Но какъ они всѣ пріемлются отъ Господа и въ Господѣ, то если хочешь хвалиться, хвались только о Господѣ. Хвалиться о Господѣ, потому, будетъ,—не языкомъ только, но постояннымъ чувствомъ сердца исповѣдать, что если есть что въ духѣ, все то есть отъ Господа и Господне, и что если есть надежда на сохраненіе имѣющагося и пріобрѣтеніе большаго, она вся опирается на Господа. Хвалиться о Господѣ значитъ, тоже есть, что славословить Господа за милости Его съ исповѣданіемъ надеждъ на продленіе ихъ. Такая мысль и въ томъ мѣстѣ Пророка Іереміи, примѣнительно къ которому говоритъ здѣсь Апостолъ. *Тако глаголетъ Господь: да не хвалится мудрый мудростію своею, и да не хвалится крѣпкій крѣпостію своею, и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ, но о семъ да хвалится хваляйся, еже разумѣти и знати, яко Азъ есмь Господь, творяй милость и судъ* (Іер. 9, 23. 24). „Посему не приписывай ничего себѣ, но во всемъ хвались Богомъ. Не приписывай никогда ничего никакому человѣку, ибо если не слѣдуетъ ничего приписывать Павлу, то тѣмъ болѣе другимъ. *Азъ,* говоритъ онъ, *насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти* (1 Кор. 3, 6). Кто научился хвалиться Господомъ, тотъ никогда не будетъ превозноситься, но всегда будетъ смиряться и за все благодарить Его“ (св. Злат.).

вв).

И апостолъ въ Коринѳъ приходилъ въ смиренномъ видѣ, съ простымъ словомъ о распятомъ, чтобъ увѣрованіе ихъ ничѣмъ не было обязано мудрости человѣческой, а все Богу

2, 1—5.

„И прежде сказаннаго достаточно было для низложенія гордости превозносившихся своею мудростію; даже довольно было и части сказаннаго. Но дабы побѣда была славнѣе, онъ продолжаетъ рѣчь свою, попирая уже поверженныхъ противниковъ. Указавъ, что Богъ положилъ буйствомъ проповѣди спасать вѣрующихъ, *губя премудрость премудрыхъ*,—и что потому и призвалъ Онъ больше неученыхъ (и невидныхъ), теперь онъ доказываетъ, что и самый способъ проповѣдованія могъ бы смутить, однако не смутилъ. Не только ученики, говоритъ, люди простые, но и проповѣдущій таковъ же“ (св. Злат.).

Ст. 1. *И азъ пришедъ къ вамъ, братіе, пріидохъ не по превосходному словеси или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе.*

Поелику посланъ благовѣстить не въ премудрости слова, и поелику положено было буйствомъ проповѣди спасать, то я и пришелъ къ вамъ благовѣстить и возвѣщалъ у васъ свидѣтельство Божіе не въ красномъ словѣ и не съ мудрыми соображеніями. *Не по превосходному словеси или мудрости*, οὐ καθ' ὑπεροχὴν λόγου ἢ σοφίας—не по превосходству слова или премудрости.—*Свидѣтельство Божіе*—Божіе откровеніе; ученіе Богомъ свидѣтельствуемое или засвидѣтельствованное, что оно истинно, и истинный предлагаетъ путь спасенія, помимо котораго невозможно спастись. — *И пришедъ къ*

вамъ пріидохъ. Идя къ вамъ и пришедши, и въ мысляхъ не имѣлъ вести къ вамъ бесѣду съ отличнымъ искусствомъ краснорѣчія или съ мудрыми соображеніями. Но какъ посланъ, и какъ Богъ положилъ, такъ и я имѣлъ на сердцѣ возвѣщать вамъ свидѣтельство Божіе голо, какъ оно есть, и простою рѣчью.

Ст. 2. *Не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята.*

Выше сказалъ, что пришелъ къ нимъ возвѣщать волю Божію не въ премудрости слова, а какъ повелѣлъ Христосъ; теперь говоритъ, что будучи у нихъ исполнялъ Божіе опредѣленіе буйствомъ проповѣди спасать вѣрующихъ и возвѣщалъ только слово крестное. Училъ, говоритъ, но такъ, что будто ничего другаго не зналъ кромѣ Іисуса Христа распятаго, или такъ, что не хотѣлъ, чтобъ вы другое что знали кромѣ Іисуса Христа распятаго. Только и рѣчей было что о Христѣ Іисусѣ. Но и о Христѣ Іисусѣ можно многое говорить, не касаясь крестной смерти; я же, говоритъ, только и говорилъ, что о распятіи Господа. Съ него начиналъ, имъ кончалъ и имъ наполнялъ бесѣду. Впрочемъ слово Апостола не отвергаетъ той мысли, что бесѣды его касались другихъ предметовъ вѣры, только то утверждаетъ, что о чемъ ни начиналъ говорить, всегда исходилъ отъ креста и къ нему возвращался. Распятый Господь господствовалъ въ моихъ бесѣдахъ къ вамъ надъ всѣмъ. Само слово о Распятомъ кратко: Богъ воплотился и для спасенія нашего умеръ на крестѣ; вѣруйте въ Него и спасетесь. Но чтобы къ Нему подойти, надо сказать, что мы падшіе Бога прогнѣвали и спастись сами не можемъ; скажи, что мы падшіе, надо сказать и о первобытномъ состояніи, а далѣе и о твореніи съ промышленіемъ, а еще далѣе и о Пресвятой Троицѣ. Потомъ сказавши о воплощеніи Бога Слова, о Его дѣяніяхъ

и ученіи, и наконецъ о Его распятіи, нельзя было остановиться на этомъ, а надлежало сказать и о воскресеніи, о вознесеніи на небо, сѣдѣніи одесную Отца, ниспосланіи Духа Святаго на Апостоловъ, о посланіи ихъ на проповѣдь, и о томъ наконецъ, что должно дѣлать слышащимъ проповѣдь и вѣрующимъ, т.-е. что надо креститься, затѣмъ чрезъ возложеніе рукъ (муропомазаніе) пріять Духа, и, силою Его побѣждая страсти, жить потомъ свято по заповѣдямъ, въ надеждѣ блаженной жизни въ вѣчности. Всѣ эти предметы, входя въ бесѣду, ничего лишняго не вводили въ нее, а дѣлали только рѣчь о Христѣ Господѣ распятомъ округленною. И предметовъ этихъ будто много, но всѣ они сводятся на рѣчь о Распятомъ, — такъ что Апостолъ и о многомъ говоря, говорилъ только о Христѣ Іисусѣ, и притомъ Распятомъ.

Ст. 3. *И азъ въ немощи и страсѣ и трепетѣ мнозѣ быхъ въ васъ.*

И рѣчь моя у васъ была проста, не красна и предметъ рѣчи такой, который однимъ казался соблазномъ, другимъ безуміемъ, наконецъ и внѣшній мой видъ и положеніе мое внѣшнее не имѣли ничего представительнаго. *Въ немощи,* кто разумѣетъ слабое вообще здоровье, или прилучившуюся тогда болѣзнь, кто — слабость голоса, кто—бѣдность, нищенскій видъ, кто— другое что. Приводимъ рѣчь св. Златоуста, объясняющую весь этотъ текстъ. „Вотъ еще другое обстоятельство. Не только вѣрующіе—люди простые, не только проповѣдующій—человѣкъ простой, не только способъ ученія исполненъ простоты, не только самый предметъ проповѣди можетъ смущать (слушателей), ибо этотъ предметъ крестъ и смерть; но вмѣстѣ съ тѣмъ были и другія препятствія, именно бѣдствія и козни, ежедневныя опасности и гоненія. Немощію онъ часто на-

зываетъ гоненія, какъ напримѣръ: *аще хвалитися ми подобаетъ, о немощи моей похвалюся* (2 Кор. 11, 30). О какой немощи? *Языческій князь Ареѳы царя стрежаше Дамаскъ яти мя хотя* (—ст. 32). И еще: *тѣмже благоволю въ немощехъ;* а въ какихъ, объясняетъ далѣе: *въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, во изгнаніихъ, въ тѣснотахъ* (2 Кор. 12, 10). То же говоритъ и теперь, ибо сказавъ, *и азъ въ немощи,* онъ не останавливается на этомъ, но дабы показать, что подъ немощію онъ разумѣетъ опасности, присовокупляетъ: *и страсѣ и трепетѣ многѣ быхъ въ васъ.* Что это? Неужели и Павелъ боялся опасностей? Боялся и сильно боялся. Ибо онъ былъ хотя и Павелъ, но вмѣстѣ и человѣкъ. Это не вина Павла, но слабость (человѣческой) природы, а вмѣстѣ и похвала его произволенію, если онъ, и боясь смерти и ранъ, отъ страха не дѣлалъ ничего недостойнаго. Посему тѣ, которые говорятъ, что онъ не боялся ранъ, не только не дѣлаютъ ему чести, но и много унижаютъ его достоинство. Ибо, еслибы онъ не боялся, то какая твердость, или какое любомудріе было бы въ перенесеніи бѣдствій? А я потому и удивляюсь ему, что онъ хотя боялся, и не просто боялся, а трепеталъ бѣдствій, однако всегда подвизался со славою, и ни при какой опасности не ослабѣвалъ, очищая вселенную и вездѣ, на землѣ и на морѣ, посѣвая сѣмена проповѣди."

Ст. 4. *И слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи Духа и силы.*

Что онъ разумѣетъ? Слово его и проповѣдь таковы были у нихъ, или вообще таковы? Говоритъ, что таковы были у нихъ, ибо вслѣдъ за симъ говоритъ: *да вѣра ваша.* Въ *препрѣтельныхъ* — πειθοῖς — убѣдительныхъ, убѣждающихъ. Хочетъ сказать, что слово его не было приправлено оборотами и пріемами, какіе обычно

употребляетъ человѣческая мудрость, чтобы убѣдить кого и склонить на свою сторону. Такихъ пріемовъ, говоритъ, я не употреблялъ, а говорилъ просто. Объ этомъ онъ и выше уже сказалъ; теперь снова повторяетъ лишь за тѣмъ, чтобы указать за симъ, чѣмъ же убѣждались слышавшіе, какъ склонялись на слово и вѣровали. Сила проповѣди моей, говоритъ Апостолъ на это, состояла *въ явленіи Духа и силы*. Что значитъ это? Не что другое, какъ то, что проповѣдь моя сопровождалась знаменіями и убѣждала, какъ и Евангелистъ Маркъ говоритъ, что когда Апостолы пошли проповѣдывать, то имъ всюду *споспѣшествовалъ и слово ихъ утверждалъ Господь послѣдствовавшими знаменіями* (Мр. 16, 20). Что у другихъ всѣхъ было, то было и у св. Павла. Нѣтъ сомнѣнія, что благодать Духа дѣйствовала и чрезъ слово Павла на души, и располагала ихъ къ вѣрѣ: таково всегда бываетъ помазанное слово. Но однимъ этимъ утвержденія вѣры объяснить нельзя: ибо переворотъ, производимый ею, былъ крайне великъ. и чтобы кто рѣшился на него, надо произвесть на него разительное впечатлѣніе, потрясающее, въ которомъ было бы вмѣстѣ свидѣтельство, что ученіе предлагаемое идетъ свыше, что Богъ послалъ его и требуетъ повиновенія. Какъ обращенъ Апостолъ Павелъ самъ, такъ потомъ далъ ему Господь обращать и всѣ народы. Вездѣ проповѣдь его сопровождалась знаменіями—сими явленіями Духа и силы, которыя и запечатлѣвали окончательно убѣжденіе и вѣру. Такъ разумѣютъ это всѣ наши толковники. Ѳеодоритъ пишетъ: „свидѣтельствомъ проповѣди служило чудотвореніе Духа. Весьма прилично Апостолъ на ряду съ немощію страданій поставилъ и силу Духа.“ Св. Златоустъ говоритъ пространнѣе: „если проповѣдь не имѣла въ себѣ ничего софистическаго, и призываемые были люди простые, и

проповѣдующіе таковы же, и кромѣ того были гоненія, страхъ и трепетъ, то скажи мнѣ, какимъ образомъ они одержали побѣду? Божественною силою. Посему Павелъ и присовокупилъ: *но въ явленіи Духа и силы.* Проповѣдники простые, стѣсняемые и гонимые побѣдили гонителей. Почему? Потому что проповѣдь ихъ сопровождалась явленіями силы Духа. Ибо, скажи мнѣ, кто не увѣруетъ, видя воскресеніе мертвыхъ и изгнаніе бѣсовъ? Это собственно и доказывало, что она божественна и имѣетъ высшее, небесное происхожденіе."

Ст. 5. *Да вѣра ваша не въ мудрости человѣчестѣй, но въ силѣ Божіей будетъ.*

Такъ устроилъ Господь, чтобы увѣрованіе ваше не было ничѣмъ обязано мудрости человѣческой, а все силѣ Божіей. И проповѣдниковъ прислалъ вамъ Богъ, и убѣдилъ васъ Богъ силами и знаменіями. Нечѣмъ человѣческимъ хвалиться. Все въ вѣрѣ вашей отъ Бога. О Господѣ и хвалитесь. И не колеблитесь. Ибо если такія осязательныя свидѣтельства имѣете, что ученіе наше отъ Бога, то увѣровавъ, стойте твердо въ вѣрѣ. Затѣмъ все такъ и устроилъ Господь, чтобы сомнѣнія и подозрѣнія не находили себѣ никакой опоры въ образѣ вашего увѣрованія. Не можете не сознать, что Богъ такъ повелѣваетъ; Богу же покорствовать должно вседушно. Вотъ какое благо послалъ вамъ Богъ, пославъ проповѣдь въ простой рѣчи, но съ явленіемъ Духа и силы. Ѳеодоритъ пишетъ: „Для того именно Владыка не позволилъ намъ пользоваться краснорѣчіемъ, чтобы вѣра ваша оказалась не подлежащею подозрѣніямъ и колебаніямъ, какъ не силою слова возбужденная, а путеводимая силою Духа."

Св. Златоустъ говоритъ по сему пространное наставленіе, которое приложимо во всѣ времена: „Видишь ли, какъ ясно онъ представляетъ великую пользу простоты

и великій вредъ мудрости? Послѣдняя унижала крестъ, а первая возвѣщала силу Божію; эта производила то, что люди не познавали должнаго и хвалились самими собою, а та располагала принять истину и хвалиться Богомъ; мудрость внушила многимъ считать ученіе Апостольское человѣческимъ, а простота ясно выражала, что оно Божественное и низошло съ неба. Когда доказательство составляется изъ мудрыхъ словъ, тогда часто и недостойные, будучи сильнѣе въ словѣ, одерживаютъ верхъ надъ достойнѣйшими, и ложь заступаетъ мѣсто истины. Но здѣсь не такъ: Святый Духъ не входитъ въ нечистую душу, а вошедши (въ возжелавшую чистоты), не можетъ быть побѣжденъ, хотя бы противъ него возстала вся сила краснорѣчія; ибо доказательство посредствомъ дѣлъ и знаменій гораздо яснѣе доказательства посредствомъ словъ. Но можетъ быть кто скажетъ: если проповѣдь должна побѣждать и не имѣетъ нужды въ силѣ слова, *да не упразднится крестъ*, то почему нынѣ прекратились знаменія?—Почему?!—Не вѣришь ты, и думаешь, что ихъ не было и при Апостолахъ, или въ самомъ дѣлѣ лишь хочешь знать, почему? — Если не вѣришь, то я остановлюсь прежде на этомъ. Если тогда не было знаменій, то такимъ образомъ Апостолы, бывъ гонимы, притѣсняемы, подвергаясь страху и узамъ, бывъ общими всѣмъ врагами и ненавистными для всѣхъ, не имѣя въ себѣ ничего привлекательнаго, ни краснорѣчія, ни знатности, ни богатства, ни извѣстности по городу, по народу, по происхожденію, или по искусству, и ничего другаго подобнаго, но имѣя все противное тому,—неученость, незнатность, бѣдность, простоту и уничиженіе, и притомъ возставая противъ цѣлыхъ народовъ и возвѣщая такія истины,—производили убѣжденіе?—Правила ихъ были не легки, догматы трудны (для разумѣнія), а слу-

шатели, которыхъ надлежало убѣждать, преданы были сластолюбію, пьянству и великому нечестію. Какъ же они убѣдили, скажи мнѣ? Какъ пріобрѣли довѣріе? Если они, какъ я и прежде говорилъ, убѣдили безъ знаменій, то это есть еще большее знаменіе. Итакъ изъ того, что теперь нѣтъ знаменій, не заключай, что ихъ не было и тогда. Тогда они были съ пользою, а теперь полезно, что нѣтъ ихъ. Впрочемъ изъ того, что теперь убѣжденіе производится однимъ словомъ, не слѣдуетъ, будто теперь проповѣдь зависитъ отъ мудрости. Какъ первоначальные сѣятели слова были простые и неученые и ничего не говорили отъ себя, но что̀ приняли отъ Бога, то и преподали вселенной; такъ и мы теперь предлагаемъ не свое, но что̀ приняли отъ нихъ, то и возвѣщаемъ всѣмъ. И теперь мы убѣждаемъ не умозаключеніями, но свидѣтельствами Божественныхъ Писаній и тогдашними знаменіями внушаемъ вѣрить возвѣщаемому. Впрочемъ и Апостолы убѣждали тогда не одними знаменіями, но и бесѣдами; только слова ихъ получали больше силы отъ знаменій и свидѣтельствъ ветхозавѣтнаго Писанія, а не отъ искусства краснорѣчія.“

гг).

ПРОПОВѢДЬ, ПРИ ПЕРВОМЪ ОГЛАШЕНІИ ПРОСТА; НО УВѢРОВАВШІЕ ПОТОМЪ ВЪ ОБЛАСТИ ВѢРЫ ПОЛУЧАЮТЪ ВѢДѢНІЕ ИСТИННОЙ МУДРОСТИ, НЕДОСЯЗАЕМОЙ МУДРЕЦАМЪ МІРА

2, 6—16.

Господь говорилъ притчами—для чего? Для того говоритъ, что кто имѣетъ сѣмя жизни по Богу, тотъ и подъ приточною оболочкою узрѣть могъ сокрытое сокровище; а потомъ, прилѣпившись вѣрою къ Нему и

вступивъ въ число учениковъ, наряду съ ними получалъ открытое объясненіе сокровеннаго. То же самое велѣно было дѣлать Апостолу: предлагать всѣмъ слово крестное, просто безъ прикрасъ и соображеній ума. Кто несмотря на эту простоту приступалъ къ вѣрѣ, и чрезъ крещеніе вступалъ въ число вѣрующихъ, кто т.-е. дѣлался совершеннымъ христіаниномъ, а не оглашенъ только бывалъ христіанскимъ ученіемъ, тотъ затѣмъ слушалъ внутри полное раскрытіе мудрости христіанской. Объ этомъ теперь и говоритъ Апостолъ, поясняя вмѣстѣ, что иначе нельзя дѣйствовать: ибо для усвоенія мудрости христіанской потребна благодать Духа, которая дается внутри вѣры. Духовный только разумѣетъ христіанскую мудрость; духовнымъ же дѣлаетъ Духъ Божій.

Ст. 6. *Премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ: премудрость же не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ.*

Эта рѣчь объ истинной премудрости противополагается всему, что̀ говорено было Апостоломъ, начиная съ того мѣста, гдѣ онъ сказалъ, что посланъ благовѣстить не въ премудрости слова (1, 17). Тутъ онъ сказалъ, что и Богъ положилъ привлекать ко спасенію буйствомъ проповѣди, и принявшіе проповѣдь—все больше буіи и невидные по-мірски, и самъ онъ проповѣдалъ просто и только простое слово крестное. Выслушавъ это, всякій могъ подумать: такъ вѣрно христіанство не содержитъ ничего питательнаго для ума, скудно содержаніемъ: премудрость его не велика. Противъ этого говоритъ Апостолъ, что буйство проповѣди и вся смиренная обстановка ея приняты, по распоряженію Господа, только съ тою цѣлію, чтобы сами собою оказались сыны мудрости. Когда же таковые обращаются дѣйствіемъ простой проповѣди, тогда уже обогащаются такою мудростію, которая недосязаема для сыновъ вѣка.

Какую же премудрость слышатъ они? Полнѣйшее раскрытіе того, какъ спасеніе совершено Господомъ чрезъ крестную смерть и какъ сіе спасеніе усвояется обращающимися къ Господу посредствомъ вѣры; затѣмъ—изъ какихъ источниковъ исходило устроеніе такого образа спасенія, и какіе плоды его въ кругу тварей. Все это раскрываетъ по мѣстамъ Апостолъ въ посланіяхъ, особенно въ посланіи къ Ефесеямъ и Колоссаямъ. Въ постиженіе же отношеній къ Богу вводятся они постепенно благодатію Духа подъ условіемъ нравственнаго совершенства. Здѣсь раскрывается духовная, Божественная область, и раскрытію сему нѣтъ конца. Наши толковники о сей премудрости выражаются такъ: „премудростію Апостолъ называетъ проповѣдь Евангелія и способъ спасенія посредствомъ креста“ (св. Злат.). „Проповѣдь, названная прежде буйствомъ, для принявшихъ истинную и совершенную вѣру дѣйствительно есть и именуется премудростію“ (Ѳеод.). „Премудростію называетъ проповѣдь и способъ спасенія, какъ спасаются чрезъ крестъ“ (св. Дамаск.),—„какъ крестомъ спасается вся поднебесная“ (Экум.). „Ибо смертію смерть упразднить есть дѣло величайшей премудрости“ (Ѳеоф.).

Кого разумѣетъ Апостолъ подъ совершенными?—Это понимаютъ разно. Противополагая сихъ совершенныхъ христіанъ оглашеннымъ, которые только готовятся къ тому, чтобы стать христіанами, надо подъ ними разумѣть всѣхъ вѣрующихъ, которые крещены, Духа благодати пріяли чрезъ возложеніе рукъ (мѵропомазаніе) и причащаются св. Христовыхъ Таинъ. Божественныя таинства сіи и назывались совершительными, ибо совершали христіанина. Пріявшій ихъ почитался совершеннымъ христіаниномъ, ему предлежала послѣ сего забота уже не о томъ, какъ стать христіаниномъ, но о томъ, какъ далѣе слѣдуетъ жить и дѣйствовать по-

христіански, храня данную благодать. Другіе, противополагая сихъ совершенныхъ младенцамъ о Христѣ, только что ставшимъ христіанами, разумѣютъ подъ ними преуспѣвшихъ въ христіанской жизни, достигшихъ высшихъ въ ней степеней безстрастія, дѣйственнаго проявленія благодати Св. Духа, или осязательнаго освященія. Сдается, будто бы здѣсь умѣстнѣе разумѣть послѣднихъ. Но надо взять во вниманіе, что въ первыя времена обращающіеся приступали къ Господу съ пламенною вѣрою, съ полнымъ самоотверженіемъ и нераскаянною готовностію на все, что бы ни потребовалось для угожденія Ему; почему благодать Божія, нисходя въ нихъ чрезъ таинства, находила сосудъ сердца ихъ готовымъ ко вмѣщенію ея, и проявляла свое дѣйствіе въ нихъ, не сокращая руки. Духовныя въ нихъ совершенства просіявали вдругъ,—и это измѣненіе для всѣхъ было явно. Судя по этому, совершенныхъ христіанъ Апостольскаго времени нельзя такъ отдалять отъ начала ихъ христіанства, какъ это дѣлается нынѣ. Наши толковники поступаютъ осторожнѣе, разумѣя подъ совершенными истинныхъ христіанъ, вѣрующихъ, вѣрныхъ. Такъ св. Златоустъ и другіе. Св. Златоустъ говоритъ: „совершенными называетъ вѣрующихъ. Ибо дѣйствительно совершенны тѣ, которые знаютъ, что все человѣческое весьма немощно, презираютъ все это и увѣрены, что оно не служитъ имъ ни къ чему; а таковы и суть вѣрующіе.“—Св. Златоустъ хочетъ сказать, что это такіе вѣрующіе, которые, оставя все временное и земное, умомъ и сердцемъ возжелали небеснаго, вѣчнаго, духовнаго, Божественнаго, живутъ не въ интересахъ вѣка сего, а въ видахъ вѣка онаго. Другіе такъ пишутъ: „совершенными называетъ вѣрныхъ, которые, все презрѣвъ, воспаряютъ къ небесному“ (Ѳеоф.).—„Богу себя предаютъ“ (Экум.).

Премудрость же не вѣка сего. Это земный образъ мыслей, въ познаніи не заходящій за предѣлы видимаго, и въ жизни ограничивающійся умѣніемъ такъ вести дѣла, чтобъ жить въ покоѣ и довольствѣ. Св. Златоустъ разумѣетъ подъ симъ „внѣшнюю мудрость, которая ограничивается здѣшнимъ міромъ и далѣе его не простирается, и которая даже и здѣсь не можетъ принести никакой пользы обладающимъ ею.“

Ни князей вѣка сего престающихъ. Это не лица только властныя, но вообще заправители и блюстители заведенныхъ въ вѣкѣ семъ порядковъ,—коноводы мірскіе. „Князьями вѣка сего, говоритъ Златоустъ, онъ называетъ здѣсь не бѣсовъ, какъ думаютъ нѣкоторые, но людей, облеченныхъ отличіями и властію, и почитающихъ ее чѣмъ-то весьма важнымъ, философовъ, риторовъ и писателей, которые часто обладали властію и бывали народными правителями. Князьями *вѣка сего* называетъ ихъ потому, что власть ихъ не простирается далѣе настоящаго вѣка; посему и присовокупляетъ: *престающихъ*, и такимъ образомъ доказываетъ ничтожность внѣшней мудрости какъ самымъ ея свойствомъ, такъ и свойствомъ тѣхъ, кои обладаютъ ею. Доказавъ, что она ложна и безумна, что она не можетъ открыть ничего, что она безсильна, теперь онъ показываетъ, что она и кратковременна.“

Ст. 7. *Но глаголемъ премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную, юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу.*

Премудрость Божія есть образъ устроенія нашего спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, съ исходными его началами, и съ необъятными послѣдствіями, имѣющими отразиться во всѣхъ областяхъ тварнаго бытія, какъ изображаетъ св. Павелъ въ посланіи къ Ефесеямъ (1, 9. 10). Первое очертаніе ея совмѣщается въ словѣ

крестномъ, предлагаемомъ оглашеннымъ, вѣрующіе же вводятся въ полнѣйшее ея созерцаніе; чѣмъ совершеннѣе кто, тѣмъ глубже входитъ и больше видитъ.

Въ какой *тайнѣ сокровенна* сія премудрость? Она была сокрыта въ тайнѣ Божества и до явленія ея никто не зналъ ея, какъ должно. „Ни Ангелъ, ни Архангелъ, и никакая другая сотворенная сила не знали ея прежде, нежели она открылась. Посему Апостолъ и говоритъ: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ Церковію многоразличная премудрость Божія* (Еф. 3, 10). Такъ Богъ почтилъ насъ, что и они услышали ее вмѣстѣ съ нами“ (св. Злат.).

Тайною она называется и потому, что мы созерцаемъ въ ней не то, что видимъ; но одно видимъ, а другому вѣруемъ. Таково свойство нашихъ таинствъ. Иначе взираю на нихъ я, иначе невѣрный. Слышу я, что Христосъ сдѣлался рабомъ, и удивляюсь Его промышленію; слышитъ невѣрный, и считаетъ это безчестіемъ. Слышу я, что Христосъ распятъ и умеръ, и удивляюсь Его человѣколюбію, изумляюсь силѣ, какъ Онъ, подвергшись смерти, не былъ удержанъ ею, но еще разрушилъ смерть; слышитъ невѣрный, и приписываетъ это Его немощи и безсилію. Слыша о воскресеніи, онъ называетъ это баснею; а я удостовѣрясь въ томъ самыми событіями, поклоняюсь домостроительству Божію. Слыша о крещеніи, онъ представляетъ одну воду; а я вижу не только видимое, но и невидимое очищеніе души, совершаемое Духомъ. Онъ думаетъ, что у меня только омыто тѣло; а я вѣрую, что и душа стала чистою и святою, и представляю гробъ, воскресеніе, освященіе, оправданіе, искупленіе, усыновленіе, наслѣдіе, небесное царствіе, дарованіе Духа; ибо я взираю на видимое не простымъ зрѣніемъ, но очами духовными. Говорится о тѣлѣ Христовомъ, и иначе разумѣю сказанное я, иначе

невѣрный. Такъ и въ отношеніи ко всѣмъ таинствамъ: невѣрные, слыша о нихъ, какъ будто не слышатъ, а вѣрующіе, бывъ научены Духомъ, разумѣютъ силу сокровеннаго. Посему Павелъ говоритъ, что *и нынѣ есть покровенно благовѣствованіе: въ гибнущихъ—покровенно* (2 Кор. 4, 3). Ибо одни суть люди душевные и не разумѣютъ, другіе имѣютъ покрывало на сердцѣ своемъ и не видятъ" (св. Злат.).

И потому еще премудрость сія есть сокровенная тайна, что и нынѣ, когда она предана письмени, разумѣется не иначе, какъ просвѣщеніемъ Духа Святаго, безъ Коего читаешь и не разумѣешь. Но хотя бы и все кто уразумѣлъ, позналъ бы только часть ея, а не всю. „*Тайна* есть премудрость Божія, говоритъ св. Златоустъ, и потому, что хотя и проповѣдуется вездѣ, но не постигается неимѣющими здраваго ума, и открывается не помощію мудрости, но Духомъ Святымъ, сколько мы можемъ вмѣстить. Посему не погрѣшитъ тотъ, кто по этому самому назоветъ ее недовѣдомою тайною; ибо и намъ вѣрующимъ не дано полное и совершенное вѣдѣніе, какъ говоритъ Павелъ: *отчасти разумѣваемъ*" (1 Кор. 13, 9. 12).

Юже предустави Богъ, говоритъ, выражая этимъ попеченіе Божіе о насъ. Ибо обыкновенно тѣ почитаются наиболѣе пекущимися о насъ и любящими насъ, которые издавна расположены дѣлать намъ добро, какъ поступаютъ родители съ дѣтьми: они хотя отдаютъ имъ имущество впослѣдствіи, но бываютъ расположены къ тому за долгое время и съ самаго начала. Такъ и Павелъ старается здѣсь показать, что Богъ любитъ насъ издревле и всегда, даже и тогда, какъ мы еще не существовали; ибо если бы Онъ не любилъ насъ, то не предназначилъ бы намъ богатства. Посему не представляй вражды, бывшей между Имъ и нами:

любовь древнѣе ея. Слова: *прежде вѣкъ*, означаютъ вѣчность, подобно какъ въ другомъ мѣстѣ говорится: *Сый прежде вѣкъ* (Пс. 54, 20).—*Въ славу нашу*, „потому что не спасеніе только, но и славу подаетъ вѣрующимъ“ (Ѳеод.). Слава въ будущемъ — дарованіе царствія; но ей предшествуетъ слава здѣсь. Это—очищеніе нашего естества, преисполненіе его свѣтлостію благодати, до того, что оно не только становится свѣтлымъ, но и свѣтоноснымъ,—слава совершенства духовнаго во Христѣ Іисусѣ.

Ст. 8. *Юже никтоже отъ князей вѣка сего разумѣ: аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли.*

Князьями вѣка сего называетъ тѣхъ же, что и прежде—руководителей и заправителей жизни по духу вѣка сего, по началамъ мудрости человѣческой, со властію ли они, или безъ ней, только всегда вліятельны, и своимъ вліяніемъ ведутъ за собою прочихъ въ пагубу, тогда какъ при лучшемъ направленіи собственномъ могли бы вести ихъ на добро. Прежде сказалъ, что премудрость проповѣдуемая не та, что есть у этихъ князей; теперь больше говоритъ, что она такова, что ее никто изъ этихъ князей и разумѣть не могъ и не можетъ. Такъ она противоположна тому духу и тѣмъ началамъ, которыхъ даржатся сіи князи.

Аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли. Поелику онъ говоритъ вообще, то о распявшихъ Господа поминаетъ только какъ о представителяхъ князей вѣка. Тутъ былъ и Пилатъ — представитель князей вѣка изъ язычниковъ, и Иродъ и Каіаѳа съ первосвященниками и книжниками—представители князей вѣка изъ Іудеевъ. И о распятіи поминаетъ, какъ о разительнѣйшемъ свидѣтельствѣ слѣпоты князей вѣка, когда бывъ лицемъ къ лицу съ самою Премудростію не уразумѣли ея. Распятіе совершилось въ Іудеѣ, въ

Іерусалимѣ, и нельзя было сему быть иначе, по бывшимъ пророчествамъ и прообразованіямъ; но оно, по существу дѣла, могло бы совершиться вездѣ. Князи вѣка вездѣ одного духа, и что сдѣлали въ Іерусалимѣ, то же могли сдѣлать и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Неразумѣніе премудрости Божіей продолжается, продолжается и распинаніе Господа славы,—все князьями вѣка, заправителями жизни по духу вѣка и коноводами мудрости человѣческой. Ибо премудрость Божія не для тогдашнихъ только князей вѣка недосязаема, но вообще для всѣхъ ихъ, и поколику они князи вѣка. И не только недосязаема, но и раздражаетъ ихъ и есть предметъ ихъ ненависти, гоненія и притѣсненій, что и дѣлаютъ они во всякое время, какъ только мудрость ихъ найдетъ сподручныя средства и увидитъ, что это можно дѣлать не мѣшая своимъ главнымъ цѣлямъ, какія преслѣдуетъ, т.-е. покою и довольству въ сей жизни.

Господа славы распяли.—Распяли они человѣка Іисуса, но какъ Онъ былъ Богъ воплотившійся, Который есть Господь славы, то распиная Его распяли Господа славы. Такъ говоритъ Апостолъ по единству ѵпостаси въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Скажетъ кто, чѣмъ же они виноваты? ибо сдѣлали такъ по невѣдѣнію. Но самое невѣдѣніе ихъ виновно, Господь не несвидѣтельствована Себе оставилъ. Іудеи сколько имѣли свидѣтельствъ и удостовѣреній, кто есть Іисусъ Христосъ! Онъ и прямо имъ говорилъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю*, и они поняли, что Онъ ставитъ Себя наравнѣ съ Богомъ. И притчею вразумлялъ, говоря въ ней: *усрамятся Сына..*, и они тоже поняли, что къ нимъ говоритъ притчу сію. И пророчествами внушалъ: Давидъ Христа называетъ Господомъ, какъ Сынъ Ему есть? И они умолчали, потому что отвѣтъ велъ ихъ

прямо къ признанію Его Господомъ славы. Также и Пилатъ не былъ оставленъ безъ вразумленія. Что значили краткія слова къ нему Господа: царство Мое не отъ міра, и прочія, какъ не вразумленіе? Особенно это значеніе имѣлъ сонъ жены его. Такимъ образомъ всѣ распинатели могли уразумѣть, но не уразумѣли. Премудрость Божія была здѣсь прикровенна, и они видя не видѣли. Но почему не имѣли очей видѣть, въ этомъ ихъ была вина. Ибо что они всѣ пропитаны были духомъ вѣка и ничего не хотѣли знать, кромѣ мудрованій по-человѣчески, это не по неволѣ какой было у нихъ, а было плодомъ ихъ свободной жизни. Духъ вѣка противоположенъ премудрости Божіей, и князи вѣка не разумѣютъ ея, потому что у нихъ совсѣмъ не тотъ складъ ума, не тѣ вкусы сердца, не тѣ планы жизни. Но какъ тогда, такъ и всегда. И всегда князи и сыны вѣка не разумѣютъ премудрости Божіей и готовы распинать ее по той же причинѣ,—что она невмѣстима для нихъ и противоположна ихъ началамъ.

Ст. 9. *Но якоже есть писано: ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его.*

Но—противоположеніе. Чему?—неразумѣнію князей вѣка. Не уразумѣли: не подумалъ бы кто, что это есть нѣчто такое. что и взглянуть не на что. Нѣтъ, говоритъ, не такъ. Они не разумѣли по слѣпотѣ; но на дѣлѣ это есть столь высокое благо, что подобнаго нѣтъ, не было и не будетъ. „Поелику Апостолъ упомянулъ о невѣдѣніи Іудеевъ и сказалъ, что тайна домостроительства была сокрыта, то по необходимости присовокупилъ, что о чемъ никто не слыхалъ, чего никто никогда не видалъ и не помышлялъ самый ненасытный умъ, то уготовалъ Богъ всяческихъ имѣющимъ къ Нему горячую любовь“ (Ѳеод.).

Писано. Гдѣ? Такого мѣста нѣтъ въ ветхозавѣтныхъ Писаніяхъ. Но Апостолъ беретъ его изъ духа всего Писанія, или заимствовавъ изъ духа Писанія мысль, слово для выраженія его взялъ изъ разныхъ мѣстъ онаго. Напримѣръ: *отъ вѣка не слышахомъ, ниже очи наши видѣша Бога, развѣ Тебе* (Ис. 64, 4). Или еще: *такъ удивятся языцы мнози о Немъ, и заградятъ царіе уста своя: яко имже не возвѣстися о Немъ, узрятъ, и иже не слышаша, уразумѣютъ* (Ис. 52, 15). Первое приводитъ Өеодоритъ, на второе указываетъ св. Златоустъ, а можетъ быть и слово въ слово было написано такъ, но писаніе то потеряно. Такъ рѣшаетъ сіе св. Златоустъ: „итакъ говорится (т.-е. написано) и тогда, когда что-нибудь изображено не словами, а самыми дѣйствіями, или когда выражена та же мысль, хотя и не тѣми же словами, какъ здѣсь. Такимъ образомъ Апостолъ или это выражаетъ, или, можетъ быть, дѣйствительно было писано въ книгахъ, но самыя книги утратились.“

Словами: *око не видѣ, ухо не слыша, на сердце не взыдоша*, выражается необычайность, великость, превосходящая всякое ожиданіе, непостижимость и необъятность благъ, дарованныхъ намъ во Христѣ Іисусѣ, и самаго образа доставленія ихъ, или домостроительства спасенія. Богъ воплощается, пріемлетъ зракъ раба и образомъ обрѣтается, якоже человѣкъ, смиряетъ Себя даже до смерти, смерти же крестныя, и это для того, чтобы людей противъ Него преступныхъ оправдать, всыновить, одухотворить, обожить, явить не свѣтлыми только, но и свѣтоносными, и еще паче, чтобы всяческая возглавить въ себѣ, аще земная, аще ли небесная. Это не до совершенія только и явленія дѣломъ непостижимо, но и по явленіи и совершеніи пребываетъ необъятнымъ и невмѣстимымъ для всѣхъ, кромѣ самихъ

сподобляющихся тѣхъ благъ, и вводимыхъ въ причастіе ихъ; но и они вкушаютъ и видятъ, но постигнуть того не могутъ. Уготовано все это, говоритъ, *любящимъ Бога*, т.-е. тѣмъ, кои оставя все, къ Богу прилѣпляются всѣмъ сердцемъ, и въ сердечное живое общеніе и единеніе съ Нимъ входятъ путемъ, отъ Него самого указаннымъ и предписаннымъ, изображеніе котораго тоже составляетъ часть премудрости Божіей, сокровенной прежде, нынѣ же всѣмъ являемой и открываемой.

Св. Златоустъ говоритъ: „что же? Ужели око не видало того, что уготовалъ Богъ? Точно не видало: ибо кто изъ людей видѣлъ имѣвшее быть домостроительство Божіе? Ужели и ухо не слыхало, и на сердце человѣку не входило? Такъ ли это? Если Пророки предвозвѣстили, то какъ ухо не слыхало и на сердце человѣку не входило? Точно не входило. Апостолъ говоритъ не о Пророкахъ только, но о всемъ естествѣ человѣческомъ. Какъ же? Ужели и Пророки не слыхали? Они слышали, но пророческій слухъ ихъ не былъ слухомъ человѣческимъ; они слышали, не какъ люди, а какъ Пророки. Посему и говоритъ Исаія: *приложи ми ухо, еже слышати* (50, 4), разумѣя приложеніе, даруемое Духомъ. Отсюда видно, что прежде нежели они услышали, человѣку и на сердце не входило; ибо послѣ дарованія Духа сердце Пророковъ было не сердцемъ человѣческимъ, но сердцемъ духовнымъ, какъ и самъ Павелъ говоритъ: *умъ Христовъ имамы* (1 Кор. 2, 16). Смыслъ словъ его слѣдующій: прежде нежели дарованъ намъ Духъ и открыты недовѣдомыя тайны, не разумѣлъ ихъ никто ни изъ насъ, ни изъ Пророковъ. И могло ли быть иначе, если не знали ихъ даже Ангелы? Что же послѣ этого говорить о князьяхъ вѣка сего, если никто изъ людей и даже горнія Силы

не знали этого? Чего? того, что кажущимся безуміемъ проповѣди будетъ побѣждена вселенная, обращены народы, совершено примиреніе Бога съ человѣками и дарованы намъ столь великія блага.“

Ст. 10. *Намъ же Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ: Духъ бо вся испытуетъ, и глубины Божія.*

Домостроительство спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ совершено во очію всѣхъ; и никто не уразумѣлъ его. Сами Апостолы до удостовѣренія въ воскресеніи Господа были въ крайнемъ недоумѣніи отъ крестной смерти. Естественно спросить: да какъ же вы теперь знаете тайны сего премудраго домостроительства, и видите, яже уготова Богъ любящимъ Его?—Апостолъ отвѣчаетъ: *намъ Богъ открылъ Духомъ Своимъ*, т.-е. Духомъ Святымъ, для Коего, какъ единаго отъ Святыя Троицы, ничего нѣтъ сокровеннаго въ тайнахъ Божества.

Намъ. Кому? Очевидно св. Апостоламъ, а потомъ по ихъ руководству и всѣмъ вѣрующимъ; ибо и всѣхъ научаетъ тотъ же Духъ Святый. Онъ и обращеніе устрояетъ, и вѣру образуетъ, и на жизнь укрѣпляетъ. и чрезъ очищеніе сердца вводитъ всякаго христіанина въ созерцаніе таинъ Божіихъ. Въ семъ отношеніи, *намъ* противополагаетъ Апостолъ князьямъ вѣка со всѣми сынами его. Св. Златоустъ говоритъ: „какъ же мы познали это? *Намъ же*, говоритъ, *Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ*. Не внѣшнею мудростію, которой, какъ презрѣнной рабѣ, не дозволено входить внутрь и видѣть тайны Господни. Видишь ли, какое различіе между тою и другою мудростію? Одна научила насъ тому, чего не знали Ангелы; а внѣшняя сдѣлала противное; не только не научила, но еще служила къ тому препятствіемъ и, когда уже все совершилось, затмѣвала событія и уничижала крестъ. Такимъ образомъ Павелъ

воздаетъ намъ честь, показывая, что мы не только научились, и притомъ вмѣстѣ съ Ангелами, но и научились отъ Самого Духа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показываетъ и важность знанія, давая разумѣть, что еслибы намъ не открылъ этого Духъ, вѣдущій тайны Божіи, то не познали бы и мы. Такъ Богъ благоволилъ хранить дѣло это въ тайнѣ. Посему мы имѣли нужду въ такомъ Учителѣ, который бы зналъ это ясно. Таковъ и есть Духъ Божій.—*Духъ бо испытуетъ вся. и глубины Божія*. Здѣсь слово *испытуетъ* означаетъ не невѣдѣніе, а точное вѣдѣніе. Такое же выраженіе онъ употребляетъ и о Богѣ, когда говоритъ: *испытаяй же сердца вѣсть, что есть мудрованіе Духа*" (Римл. 8, 27).—*Вся* вѣдаетъ, т.-е. все сущее и бывающее. Но можетъ быть не знаетъ того, что сокрыто въ Богѣ?!—Нѣтъ, знаетъ и все то, что сокрыто въ сокровенностяхъ Божества,—испытуетъ самыя глубины Божіи,—такъ что ничего не остается для него тайнаго и сокрытаго.

Ст. 11. *Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ? Такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій.*

Объясняетъ Апостолъ, какъ Духъ Божій вѣдаетъ вcѣ глубины Божіи, общепонятнымъ сравненіемъ сего съ тѣмъ, что происходитъ въ каждомъ человѣкѣ. Что ни происходитъ въ духѣ человѣка, все то сокрыто отъ внѣшнихъ чрезъ тѣло, самъ же духъ человѣка, себя сознающій, все то вѣдаетъ и не можетъ не вѣдать, хотя бы не хотѣлъ: ибо все то въ немъ самомъ происходитъ. Такъ Духъ Божій въ Богѣ все вѣдаетъ, потому что все, что есть въ Богѣ, въ Немъ есть, яко нераздѣльно съ другими Лицами сущемъ Богѣ единомъ. А Сынъ Божій развѣ не вѣдаетъ всего? Вѣдаетъ. И Богъ Отецъ все вѣдаетъ. Вѣдѣніе нераздѣльно въ Божествѣ

и одинаково всѣмъ Лицамъ принадлежитъ. О Духѣ же поминаетъ св. Павелъ потому, что рѣчь о Немъ, открывающемъ тайны Божіи. Или можетъ быть онъ указываетъ здѣсь на духъ Божества, всѣ vпостаси объединяющій въ единомъ сознаніи единаго Божества, говоря по-человѣчески.

Впрочемъ у Апостола Павла намѣреніе не то, чтобы вводить насъ въ тайны Божества, а то, чтобы пояснить, что Божія никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія. Сокрыто то отъ всѣхъ тварей, и никто постигнуть того самъ не можетъ, на какой бы высокой ступени въ лѣствицѣ творенія ни стоялъ. Сказалъ онъ, что намъ открылъ Духъ Святый. Теперь, какъ бы кто не подумалъ: вамъ Духъ Святый открылъ, а мы другою дорогою до того же дойдемъ, дополняетъ: Божія никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія. Иного пути, слѣдовательно, къ познанію премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной, нѣтъ и быть не можетъ. Или у насъ учитесь, или оставайтесь внѣ, въ невѣдѣніи и непониманіи дѣла. И намъ послѣдуя, не нами будете научены, а Духомъ Божіимъ, всѣхъ научающимъ и просвѣщающимъ, Котораго подаетъ распятый Господь, вѣры ради.

Ст. 12. *Мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, Иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ.*

Апостолу предлежало сказать: сего-то Духа, вѣдущаго глубины Божіи и все Божіе, мы и пріяли; но какъ чрезъ противопоставленіе мысль утверждаемая становится яснѣе, то онъ напередъ сказалъ о духѣ міра, что не его пріяли мы,—не этотъ духъ пріяли, предъ которымъ затворена дверь таинъ Божіихъ,—и который какъ самъ во тьмѣ сидитъ, какъ тьмою покрываетъ и всѣхъ, которые хотя мало нѣчто вдохнутъ его въ себя. И князья вѣка съ сынами его исполнены духа, который

тоже вѣдаетъ глубины, но не Божіи, а сатанины. Или сатана самъ и есть этотъ духъ міра, который омрачаетъ разумъ невѣрныхъ, чтобы не возсіялъ въ нихъ свѣтъ благодатный. Всячески духъ міра здѣсь не есть идея,—или образъ мыслей и начинаній сыновъ міра, надежды ими питаемыя, цѣли ими преслѣдуемыя, обычаи и нравы, заправляющіе всѣмъ среди ихъ,—но духъ, властвующій надъ всѣмъ этимъ, все это приводящій въ движеніе и кружащій тѣмъ міролюбцевъ. Такъ заставляетъ полагать противопоставленіе его Духу Божію.

Не этого духа, но *Духа, Иже отъ Бога* пріяли мы,— отъ Бога—ἐκ θεοῦ—изъ Бога, т.-е. Духа, изъ Бога Отца исходящаго. Апостолы приняли Его въ день пятидесятницы. Отъ нихъ потомъ приняли Его и всѣ вѣрующіе чрезъ возложеніе рукъ (мѵропомазаніе). Такъ началось, такъ и доселѣ есть. Въ какихъ общинахъ нѣтъ сего таинства, тамъ нѣтъ и Духа Божія. Если безъ Духа Божія нѣтъ вѣдѣнія христіанства истиннаго, то слѣдствіе очевидно. Говорить можно, но не въ наученныхъ Духа.

Да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ. „Самъ, отъ Отца исходящій, Духъ научилъ насъ сокровеннымъ тайнамъ“ (Ѳеод.). „Свѣтъ есть Духъ Божій, и мы пріяли сей свѣтъ, да имъ просвѣщаемые узримъ сокровенное доселѣ. Что же именно? То, что даровано намъ отъ Бога, даровано по домостроительству Христову, т.-е. какъ Онъ за насъ умеръ, какъ содѣлалъ насъ сынами Богу, и какъ спосадилъ въ себѣ на небесахъ одесную Отца; такъ что Духа неимѣющіе не вѣдаютъ сего“ (Экум.). Это вѣдѣніе Божественное дѣйствительно возсіяло на землѣ со времени сошествія Св. Духа, и доселѣ Имъ хранится въ Церкви Божіей и Имъ сообщается достойнымъ. Апостолъ говоритъ не о себѣ только и своемъ времени, но о христіанахъ во всѣ времена.

Написано это въ книгахъ Новаго Завѣта; всякій читать можетъ и оглашаемымъ ко крещенію все то передается. Но вѣдѣніе настоящее всего всегда сообщается Св. Духомъ. Вѣра сильная и искренняя преданность Богу дѣлаютъ душу хартіею, на которой Духъ Божій начертываетъ тайны Божіи.

Ст. 13. *Яже и глаголемъ не въ наученыхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ наученыхъ Духа Святаго, духовная духовными сразсуждающе.*

„Сказавъ о совершенномъ вѣдѣніи Духа, показавъ, что оно равно вѣдѣнію Божію, какъ вѣдѣніе человѣческое равно самому себѣ, и доказавъ, что мы познали все отъ Него, Апостолъ продолжаетъ: *яже глаголемъ*... Видишь ли, какъ онъ возвеличилъ насъ достоинствомъ Учителя? Мы столько мудрѣе язычниковъ, сколько Платонъ отстоитъ отъ Св. Духа. Они имѣютъ своими учителями риторовъ, а мы—Святаго Духа“ (св. Злат.).

Прежде сказалъ о предметахъ открытыхъ Духомъ, или о содержаніи своей проповѣди, теперь говоритъ о формѣ, въ какой предлагали Апостолы свое ученіе. *Яже и глаголемъ. Яже*—то, что вѣмы чрезъ Духа, котораго пріяли отъ Бога, т.-е. всѣ тайны царствія, все домостроительство спасенія. *Глаголемъ*—проповѣдуемъ, возвѣщаемъ всѣмъ; *не въ наученыхъ человѣческія премудрости словесѣхъ*, не въ такой формѣ словесной, какую придумала человѣческая мудрость для передаванія своего ученія другимъ. Мысль здѣсь таже, что и въ словахъ: *не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ*, или: *не въ премудрости слова.* Отрицается всякое словесное искусство, которому учатъ риторы. Существо сего искусства въ томъ, чтобы разными оборотами и пріемами рѣчи возбуждать движенія сердца и страсти, и посредствомъ сего овладѣвать умами и склонять ихъ на свою сторону. Поелику все страстное можетъ быть

обращаемо только на земное, житейское, плотское; мудрость же Божія принадлежитъ совершенно къ противоположной области; то придуманные къ возбужденію страстей пріемы рѣчи и неприняты Духомъ при преподаніи премудрости Божіей людямъ. Мы, говоритъ, и не пользовались ими. У насъ были свои пріемы. Какъ училъ Духъ Божій, такъ мы и говорили. Духъ Божій внушалъ опредѣленныя истины; онѣ вызывали опредѣленныя понятія, а понятія привлекали опредѣленныя слова. Слова сіи браты были изъ суммы словъ, какими обладалъ тотъ, кому открывалась истина, равно и образъ рѣчи пробуждался тоже тотъ. къ какому привыкъ, или сроденъ пріемлющій откровеніе. Но когда надлежало предлагать ученіе, онъ не только не ходилъ за искусствомъ въ риторики, но и совсѣмъ не заботился о словѣ. Оно лилось изъ сердца, приведеннаго въ движеніе Духомъ, печатлѣвшимъ тамъ тайны царствія. Это и выразилъ Апостолъ, сказавши: *глаголемъ... въ наученыхъ Духа Святаго*. Тоже самое обѣтовалъ еще и Господь говоря: *не пецытеся, како или что возглаголете, дастбося вамъ въ той часъ, что возглаголете: не вы бо будете глаголющіи, но Духъ Отца вашего глаголяй въ васъ* (Матѳ. 10, 19. 20).

Духовная духовными сразсуждающе.—Сразсуждающе— συγκρίνοντες. Глаголъ сей значитъ: подбирать одинъ предметъ къ другому такъ, чтобъ они подходили другъ къ другу. *Духовная*—премудрость Божія, всѣ истины Духомъ Божіимъ внушаемыя: *духовными*—духовными словами, оборотами рѣчи, способами выраженія открываемыхъ истинъ. Итакъ Апостолъ говоритъ: для духовныхъ истинъ подбирая соотвѣтственныя тѣмъ предметамъ слова и обороты рѣчи, которые тоже надлежитъ назвать духовными. Мы никогда не позволяли себѣ спускаться долу съ той высоты, на которую ставило насъ созер-

цаніе, Духомъ Божіимъ производимое, чтобъ здѣсь, въ сферѣ суетной мудрости человѣческой, находить способы для выраженія Божественныхъ истинъ. Хотя Духъ Божій двигалъ языкъ благовѣстниковъ, но они не теряли самообладанія, и рѣчь свою направляли сознательно.

Св. Златоустъ объясняетъ, гдѣ браты нужные для поясненія предметы. Говоритъ—изъ прообразовъ и пророчествъ. Вотъ его рѣчь: „что значитъ: *духовная духовными сразсуждающе?* Если касательно духовнаго встрѣчается какое-либо недоумѣніе, то мы приводимъ и объясненія отъ предметовъ духовныхъ, напримѣръ: я говорю, что Христосъ воскресъ, что Онъ родился отъ Дѣвы, и для объясненія привожу свидѣтельства и прообразованія—пребываніе Іоны внутри кита и послѣдующее освобожденіе оттуда, рожденіе безплодныхъ женъ Сарры, Ревекки и другихъ, произрастеніе деревъ въ раю, тогда какъ еще не были брошены сѣмена, не проливался дождь, не были проведены бразды. Ибо будущія событія были начертаны и прообразованы, какъ бы въ тѣни, прежними, дабы увѣровали въ нихъ, когда они совершились. Показываю еще, какъ человѣкъ произошелъ изъ земли, какъ безъ всякаго совокупленія жена произошла отъ одного мужа, какъ самая земля произошла изъ ничего, какъ вездѣ и во всемъ достаточно было могущество Создателя. Такъ я объясняю духовное духовнымъ, и нигдѣ не прибѣгаю къ внѣшней мудрости, къ разсужденіямъ и умозаключеніямъ. Языческіе мудрецы напрягаютъ и терзаютъ слабый разумъ свой, и никакъ не могутъ объяснить того, о чемъ говорятъ, но еще дѣлаютъ противное, приводятъ въ большее замѣшательство, и увеличиваютъ мракъ и недоумѣніе.“ Такъ и всѣ наши—Ѳеодоритъ, Экуменій, Ѳеофилактъ.

Ѳеофилактъ между прочимъ выразилъ еще и такую мысль: „*духовная духовными сразсуждающе,* т.-е. духов-

ныя истины духовнымъ лицамъ предлагая, или о духовномъ съ духовными разсуждая: ибо одни такіе могутъ вмѣстить ихъ.“ Πνευματικα πνευματικοις συγκρινοντες... Πνευματικοις можетъ быть и дательнымъ падежомъ переводимо. Къ нему пристали нѣкоторые и новые толковники, и образовалось мнѣніе, что это именно и хотѣлъ сказать здѣсь Апостолъ. Предпочесть такое мнѣніе первому можетъ быть будетъ слишкомъ много, но и совсѣмъ презрѣть его не слѣдуетъ. Ему даетъ вѣроятность слѣдующій текстъ: *душевенъ же человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія,* какъ будто вызванный тѣмъ, что сказано, т.-е. мы стараемся духовное предлагать духовнымъ,—или о духовномъ съ духовными разсуждать, ибо они только способны принять то; душевный же человѣкъ не пріемлетъ духовнаго. Подразумѣвается: мы ему и не предлагаемъ. Такъ и Спаситель заповѣдалъ: *не пометать бисера.*

Ст. 14. *Душевенъ же человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія, юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовнѣ востязуется.*

Душевный человѣкъ—тотъ, кто познать все хочетъ своимъ умомъ, и то только признаетъ истиннымъ, что ему кажется таковымъ,—кто жизнь свою и всѣ начинанія свои устрояетъ собственными своими способами, на нихъ однихъ опираясь, какъ на прочной основѣ,—кто цѣлію жизни поставляетъ покой и счастіе земные, и все обращаетъ въ средство къ тому,—кто такъ привыкъ къ осязаемому и чувствуемому, что невидимое и духовное не считаетъ и существующимъ. *Яже Духа Божія*—то, что предлагаетъ премудрость Божія, Духомъ Божіимъ внушаемая, совершенно этому противоположно. Она открываетъ догматы, которые принимаются вѣрою наперекоръ уму, заповѣдуетъ отказаться отъ всѣхъ своихъ способовъ, и предать жизнь и внѣшнюю

и тѣмъ паче духовную въ руки Божіи, указываетъ цѣль за гробомъ и для достиженія требуетъ принесть въ жертву счастіе, довольство и покой земной, велитъ такъ жить, какъ бы ни тѣла и ничего видимаго не было, а было одно невидимое, которое вкушать и значитъ жить.

По такой противоположности требованій духовной премудрости Божіей и настроенія душевнаго человѣка, очень естественно, что послѣдній не принимаетъ ничего изъ требованій первой. Невмѣстимы для него вѣщанія Духа, юродствомъ кажутся они ему, и онъ ничего въ нихъ понять не можетъ. Чтобы принять и разумѣть духовное и узрѣть въ немъ мудрость, для этого надобно душевному человѣку перестать быть душевнымъ, или покрайней мѣрѣ возжелать сего. Мы имѣемъ въ естествѣ своемъ духовный элементъ—духъ, вдунутый въ лице первозданнаго. Ему свойственъ страхъ Божій, ему принадлежатъ требованія совѣсти, онъ вселяетъ недовольство всѣмъ тварнымъ. Когда душа, сила, коей предоставлено завѣдываніе земнымъ бытомъ, возьметъ верхъ надъ духомъ, онъ бываетъ заглушенъ, но никогда не уничтожается, и всегда есть внутри, и тотчасъ подаетъ голосъ, какъ только откроется случай. Когда Апостолы пошли на проповѣдь, чтобы возвѣщать яже Духа Божія и въ наученыхъ Духа Святаго, тогда они повсюду, особенно среди язычниковъ, встрѣчали преимущественно людей душевныхъ. На чемъ же основывалась надежда успѣха, когда душевный не пріемлетъ яже Духа Божія? На томъ, что какъ ни душевенъ кто, въ немъ сокрытъ духъ, который, подъ дѣйствіемъ благодатнаго благовѣстія, возвышалъ голосъ въ душевномъ человѣкѣ и понуждалъ его и слушать, и соглашаться на слышанное. И это въ разной степени. У иного духъ едва приходилъ въ движеніе, у иного онъ возставалъ съ такою силою, что тотчасъ совершалось и обращеніе.

Но совсѣмъ душевный затыкалъ уши и бѣжалъ отъ проповѣди Апостольской, или возставалъ противъ нея. Апостолъ всюду былъ свидѣтелемъ сего явленія и свидѣтельствуетъ, что погрязшій въ душевность не вмѣщаетъ вѣщаній Духа, не разумѣетъ ихъ и не пріемлетъ.

Зане духовнѣ востязуется. Востязуется—ἀνακρίνεται—обсуждается. Въ комъ не заглушены естественныя движенія и проявленія духа, особенно страхъ Божій и совѣсть, тотъ, слушая Апостольское благовѣстіе, находилъ въ немъ сродный элементъ, приковывался къ нему вниманіемъ, обсуждалъ его, и видя, какъ оно соотвѣтствуетъ требованіямъ его собственнаго духа, прилѣплялся къ нему, вѣровалъ, и обновлялся въ таинствахъ. Съ сей минуты онъ уже не своимъ однимъ духомъ обсуждалъ яже Духа Божія, но и оживотворившею его и вселившеюся въ него благодатію. Онъ вступалъ въ область духовную и благодать Духа вводила его постепенно въ вѣдѣніе того, яже Духа Божія. И таковымъ-то лицемъ духовное собственно духовно востязуется. Естественный духъ, возбужденный благовѣстіемъ, востязывалъ духовное только вѣроятностію, чаяніемъ, а этотъ востязуетъ теперь яко дѣйствительное, обладаемое, вкушаемое.

Ст. 15. *Духовный же востязуетъ убо вся, а самъ той ни отъ единаго востязуется.*

Сопоставляетъ Апостолъ кругозоръ духовнаго человѣка и человѣка душевнаго. Хотя онъ не называетъ послѣдняго, но очевидно, что его онъ разумѣетъ подъ немогущимъ востязывать духовнаго. Духовный, говоритъ, обсуждаетъ, обозрѣваетъ, и опредѣляетъ *вся:* свою область духовную онъ востязуетъ, ибо въ ней пребываетъ, почему и знаетъ ее, какъ знаютъ обыкновенно домъ, въ которымъ живутъ; и душевную область востязуетъ и обозрѣваетъ, и понимаетъ, ибо хотя онъ не

въ ней уже, но знаетъ ее хорошо, потому что столько томился подъ игомъ ея, знаетъ всѣ извороты душевности, и все, на чемъ она опирается и куда мѣтитъ, когда то, или другое говоритъ, то или другое начинаетъ. Съ первыхъ словъ онъ узнаетъ душевнаго и духовнаго, и соотвѣтственно тому распоряжается своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ нимъ. Душевный же человѣкъ не можетъ понять духовнаго ни съ какой стороны, ибо то, въ чемъ тотъ живетъ, для него невѣдомая земля. Видитъ только, что онъ не тотъ, и что вмѣсто того, чтобъ въ извѣстномъ случаѣ ожидать такого-то проявленія въ немъ, является въ немъ совсѣмъ другое. И это для него непостижимо. Ни образа мыслей его, ни правилъ жизни понять и объяснить онъ себѣ не можетъ. Для душевнаго человѣка духовный не понятенъ, не востязуется имъ. Тутъ бываетъ тоже что напримѣръ, когда, въ двухъ или трехъ-этажномъ домѣ, человѣкъ, жившій въ нижнихъ этажахъ, переходитъ въ верхній. Онъ свой этажъ хорошо знаетъ, знаетъ и нижніе этажи, а тѣ, которые живутъ въ нижнихъ этажахъ, и которымъ не удавалось побывать въ верхнихъ, ничего тамошняго не знаютъ и судить о томъ не могутъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „видящій видитъ все и даже то, что относится къ невидящему; а что къ нему относится, того не видитъ никто изъ невидящихъ. Такъ и здѣсь, мы знаемъ и свое, и все то, что относится къ невѣрнымъ, а они нашего не знаютъ. Ибо мы знаемъ, каково свойство предметовъ настоящихъ и каково достоинство будущихъ, что будетъ съ міромъ впослѣдствіи, какое понесутъ наказаніе грѣшники и чѣмъ будутъ наслаждаться праведники; знаемъ, что блага настоящія не имѣютъ никакого достоинства, и обличаемъ ничтожность ихъ, а будущія вѣчны и неизмѣнны. Духовный знаетъ все это, и то, какое понесетъ наказаніе чело-

вѣкъ душевный въ жизни будущей, и то, чѣмъ будетъ наслаждаться вѣрующій, переселившись отсюда; а душевный не знаетъ ничего такого.“

Ст. 16. *Кто бо разумѣ умъ Господень, иже изъяснитъ и? Мы же умъ Христовъ имамы.*

Причину приводитъ, по которой никто изъ душевныхъ духовнаго человѣка понять и обсудить не можетъ. Ибо, говоритъ, что въ духовномъ человѣкѣ есть, то̀ есть умъ Христовъ,—духъ Христовъ, Христовы у него созерцанія, Христовы расположенія, Христовы силы, планы, надежды—все Христово. Христова же ума, ума Господня никто изъ душевныхъ разумѣть не можетъ, такъ чтобы понятно было въ немъ все. Какъ этого никто изъ нихъ не можетъ разумѣть, то не можетъ разумѣть и духовнаго, потому что у него тотъ же умъ. Слова: *иже изъяснитъ и,*—кто относитъ къ уму Господню, такъ: кто знаетъ умъ Господень, чтобъ ясно понимать его и согласовать съ своими понятіями? (Ѳеоф.). Кто относитъ къ духовному человѣку, такъ: кто разумѣетъ умъ Господень, чтобъ понять и обсуждать духовнаго человѣка? А въ насъ духовныхъ—Христовъ умъ, т.-е. Господень. Главная мысль и при томъ и другомъ разумѣніи сихъ словъ остается одна и таже: духовная область—съ тѣмъ, что въ ней содержится, и съ лицами и предметами—недоступна для душевнаго человѣка: понять онъ въ ней ничего не можетъ, не только какъ она есть въ себѣ, но и какъ открывается въ лицахъ, духовно живущихъ.

Вотъ что говоритъ на это св. Златоустъ:

„*Умъ Христовъ имамы,*—т.-е. мы знаемъ то, что въ умѣ Христовомъ, чего Онъ хочетъ, и что открылъ намъ. Такъ какъ Апостолъ выше сказалъ, что Духъ открылъ намъ, то, дабы кто не отвергъ Сына, присовокупляетъ, что и Христосъ открылъ, выражая не то, будто мы знаемъ все, что знаетъ Христосъ, но что все наше

знаніе не есть человѣческое, и потому подверженное сомнѣнію, но есть знаніе ума Христова и духовное. Разумѣніе, какое мы имѣемъ, есть Христово, т.-е. познаніе, которое мы имѣемъ о предметахъ вѣры, есть познаніе духовное, а потому дѣйствительно о насъ судить никто не можетъ, ибо человѣкъ душевный не можетъ знать предметовъ Божественныхъ. Посему Апостолъ и сказалъ: *кто бо разумѣ умъ Господенъ*, утверждая, что наше разумѣніе этихъ предметовъ есть Его разумѣніе. И слова: *иже изъяснитъ и*—онъ прибавилъ не напрасно, но соотвѣтственно вышесказаннымъ словамъ, *духовный ни отъ единаго востязуется*.—Видишь ли, какъ разнообразно онъ опровергаетъ внѣшнюю мудрость и показываетъ, что духовный человѣкъ знаетъ больше и лучше? — Мы только такимъ образомъ (т.-е. имѣя умъ Христовъ) можемъ видѣть и познавать предметы высокіе, таинственные и находящіеся выше насъ; а разумъ оказался недостаточнымъ, потому что посредствомъ мірской мудрости мы не можемъ постигнуть то, что выше насъ. — *Мы же умъ Христовъ имамы*, — т.-е. духовный, Божественный, не имѣющій въ себѣ ничего человѣческаго; Свое вѣдѣніе Христосъ сообщилъ нашему разуму.—И Христосъ Самъ доказательствомъ совершеннаго дружества представляетъ то, что Онъ открылъ намъ тайны: *не ктому*, говоритъ, *васъ глаголю рабы: вы друзи Мои есте: яко вся, яже слышахъ отъ Отца, сказалъ вамъ*, т.-е. ввѣрилъ вамъ (Іоан. 15, 14. 15). Если же и одно только довѣріе служитъ знакомъ дружества, то помысли, какую любовь выразилъ Онъ, ввѣривъ намъ тайны не на словахъ только, но сообщивъ ихъ намъ на самомъ дѣлѣ.—Устыдимся же; и если не слишкомъ устрашаетъ насъ геенна, то пусть будетъ для насъ страшнѣе геенны—оказаться непризнательными и неблагодарными къ такому другу и благодѣтелю.“

б).

Второй источникъ толковъ, раздѣлявшихъ Коринѳянъ — неправильное понятіе о томъ, что суть Апостолы въ дѣлѣ проповѣди, а за ними и всѣ другіе учители,—и если судить объ нихъ, то съ какой точки зрѣнія надо судить объ нихъ. То и другое объясняетъ теперь св. Павелъ, направляя рѣчь къ вразумленію коноводовъ, заправлявшихъ партіями. Съ сею цѣлію св. Павелъ показываетъ аа) что Апостолы суть только работники на нивѣ Божіей (гл. 3),—и бб) что судить ихъ надо не почему-либо внѣшнему, а по тому, вѣрны ли они своему призванію и назначенію (4, 1—16).

аа).

Что суть Апостолы въ дѣлѣ проповѣди, въ устроеніи спасенія вѣрою въ Господа?

α) Переходъ къ рѣчи объ этомъ Апостолъ устрояетъ изъ предыдущихъ мыслей. Душевный, говорилъ онъ, не понимаетъ духовнаго. Потому и предлагать ему объ этомъ пространное ученіе не подобаетъ. По этой причинѣ, говоритъ, и я вамъ не предлагалъ высокаго, ибо вы еще не духовны. А что вы не духовны, видно изъ вашихъ толковъ (3, 1—4). Вы ясно этимъ показали, что не понимаете духовнаго порядка вещей. Зачѣмъ вы распредѣлялись по людямъ? Развѣ мы—источники проповѣди евангельской и производители спасенія?

β) Все устрояетъ Богъ, а мы только орудія Его (3, 5—9). Исходя изъ сей мысли далѣе Апостолъ дѣлаетъ γ) наведенія, вразумительныя для вождей раздѣленія.

а).

Переходъ къ указанію значенія Апостоловъ въ дѣлѣ устроенія спасенія проповѣдію Евангелія.

3,1—4.

Ст. 1. *И азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ, яко младенцемъ о Христѣ.*

Объяснивши такъ полно отношеніе внѣшней мудрости къ премудрости Божіей и жизни душевной къ духовной, св. Павелъ приготовилъ себѣ твердую точку опоры, утверждаясь на которой онъ теперь начинаетъ понемногу вразумлять заблудившихся и уклонившихся съ пути истины въ слѣдъ своихъ мудрованій. Чтобы объяснить, почему св. Павелъ говоритъ теперь о томъ, что онъ не могъ предлагать Коринѳянамъ высокаго ученія, надо предположить, что заправлявшіе коринѳскими толками въ основаніе предпочтенія св. Павлу, напр. Аполлоса, ставили то, что св. Павелъ говоритъ просто и не высокія истины, не то, что Аполлосъ, который и краснорѣчивъ и многознающъ. Онъ точно сильно доказывалъ Писаніями, что Іисусъ есть Христосъ (Дѣян. 18, 28). Оставляя совершенство Аполлоса или другаго кого въ сторонѣ, св. Павелъ беретъ одно,—почему самъ онъ не предлагалъ у нихъ высокихъ истинъ, и объявляетъ, что точно не предлагалъ, но причина этому не въ немъ, а въ нихъ самихъ. Не могъ я, говоритъ, возвѣщать вамъ высокихъ истинъ, какъ духовнымъ, когда вы плотскіе, или какъ мужамъ совершеннымъ, когда вы младенцы.

Мы возвѣщаемъ высшую премудрость, но совершеннымъ (—2, 6). тотчасъ ли по крещеніи кто является

таковымъ, или восходитъ къ такому совершенству постепенно; только пока несовершенъ кто, тому не возвѣщаемъ высшихъ истинъ. Таковъ законъ у насъ—духовныя бесѣды соразмѣрять съ духовностію слышащихъ (—2, 13), чтобъ не тратить понапрасну труда сѣянія и сѣмянъ, когда нива не подготовлена къ принятію ихъ и возращенію. Такъ дѣйствовать, какъ я у васъ дѣйствовалъ, обязывалъ меня Апостольскій долгъ. „Я не потому умалчивалъ, чтобы не могъ сказать вамъ ничего больше, но потому, что вы *плотстіи есте*" (св. Злат.).

Въ какомъ смыслѣ плотскіе? Въ томъ, что еще не совсѣмъ отрѣшились отъ плотскаго и душевнаго образа мыслей и цѣлей. Они уже увѣровали, уже пріяли крещеніе, ожили духомъ; но плотское и душевное мудрованіе еще живо было въ нихъ и вмѣшивалось въ область духовную, какъ видно даже въ употребленіи чрезвычайныхъ даровъ Св. Духа. „Апостолъ назвалъ Коринѳянъ плотяными, какъ пристрастныхъ къ жизни сей, домогающихся того, что славно по людскому мнѣнію, и обращающихъ вниманіе на богатство и краснорѣчіе (внѣшнія преимущества)" (бл. Ѳеод.).

Апостолъ назвалъ ихъ плотяными; но чтобы показать, что эта плотяность не такая, какъ у некрещенныхъ, прибавляетъ, что они *суть младенцы о Христѣ*. У некрещенныхъ и начатка нѣтъ духовной жизни, а у нихъ она есть, они уже возродились въ духѣ, но рожденный въ нихъ новый человѣкъ—еще въ младенчествѣ, еще вокругъ его прорываются проявленія плотской и душевной жизни, только эти должны малиться и совсѣмъ кончиться, а тотъ расти и мужать. „Поелику сказанное (т.-е. что плотяны) могло поразить ихъ, то смягчая наносимый ударъ нѣкоторымъ подобіемъ, говоритъ: *яко младенцемъ о Христѣ*, т.-е. вы плотяны еще, какъ новорожденные и несовершенные" (Ѳеод.).

Если св. Павелъ, живя съ ними полтора года, не могъ достигнуть того, чтобы подвигнуть ихъ къ совершенству въ духовной жизни, то надо признать за несомнѣнное, что внѣшняя образованность, лоскъ жизни, утонченность житейскихъ нравовъ и вкусовъ—чѣмъ отличались Коринөяне—служатъ наибольшимъ препятствіемъ къ совершенству христіанскому, задерживая ревнующихъ о томъ плотскими понятіями и видами, а у другихъ погашая и самую ревность о томъ.

Св. Златоустъ рѣшаетъ при этомъ вопросъ, какъ же они имѣли столько дарованій духовныхъ, какъ ниже поминается,—и рѣшивъ его, дѣлаетъ примѣненіе къ совершителямъ таинъ, которое назидательно поминать во всякое время: „но какъ онъ называетъ плотскими людей, которые получили столько даровъ Духа и которыхъ онъ въ началѣ посланія превозносилъ такими похвалами? Точно также, какъ были плотскими тѣ, которымъ говорилъ Господь: *отыдите отъ Мене, не вѣмъ васъ, дѣлающіи беззаконіе* (Мө. 7, 23), хотя они изгоняли бѣсовъ, воскрешали мертвыхъ и изрекали пророчества. Слѣдовательно и тотъ, кто совершалъ знаменія, можетъ быть плотскимъ. Такъ Богъ дѣйствовалъ и чрезъ Валаама, открывалъ будущее (во снѣ) и Фараону, и Навуходоносору, и Каіаөа пророчествовалъ, самъ не зная, что говорилъ, и другіе нѣкоторые изгоняли бѣсовъ именемъ Христа, хотя сами не были Христовыми; потому что все это бываетъ не для совершающихъ, а для другихъ. Часто это совершалось и чрезъ недостойныхъ. Случается, что начальники бываютъ злые и невоздержные, а подчиненные — добрые и воздержные,—міряне живутъ благочестиво, а священники порочно; и еслибы благодать всегда искала достойныхъ, то не было бы ни крещенія, ни совершенія тѣла Христова, ни приношеній. Но теперь Богъ дѣйствуетъ и чрезъ недостойныхъ,

и благодать крещенія нисколько не терпитъ вреда отъ жизни священника; ибо иначе и пріемлющій терпѣлъ бы вредъ. Хотя это бываетъ рѣдко, однако бываетъ. Говорю это для того, чтобы кто-нибудь изъ предстоящихъ, наблюдая за жизнію священника, не соблазнялся касательно совершаемыхъ имъ таинствъ. Человѣкъ ничего не приноситъ въ нихъ отъ себя, но все это есть дѣло силы Божіей; Онъ дѣйствуетъ на васъ въ таинствахъ.“

Ст. 2. *Млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ: ибо не у можасте, но ниже еще можете нынѣ.*

Млекомъ называетъ Апостолъ начатки христіанскаго ученія, а *брашномъ* — полное преподаніе премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной. Первое прилично младенцамъ о Христѣ, а второе мужамъ совершеннымъ. Какъ вы еще младенцы, то я и преподалъ вамъ только начатки ученія, и напоилъ васъ имъ, какъ дѣтей поятъ молокомъ. „Ученіе, говоритъ, соразмѣрялъ я съ немощію слуха, и подражалъ отцу, который новорожденнымъ младенцамъ предлагаетъ соразмѣрную съ возрастомъ пищу“ (Ѳеод.).

Чтò млеко и чтò брашно въ христіанскомъ ученіи? Одинъ толковникъ, отвѣчая на это, говоритъ: *млеко* — фактическая сторона устроенія спасенія, а *брашно* — восхожденіе къ основаніямъ, почему такъ, и проведеніе къ слѣдствіямъ, что изъ того. Это можно принять. Ибо вѣрующій приступающій къ Господу долженъ вѣровать, что Богъ, въ Троицѣ поклоняемый, міръ создалъ и о немъ промышляетъ, что Онъ, создавъ человѣка по образу и подобію Своему, поставилъ его въ раю для блаженной жизни, что онъ палъ и отъ паденія своего возставляется только Сыномъ Божіимъ воплотившимся, Который воплотившись умеръ на крестѣ и тѣмъ спасъ падшаго, что вѣрующій и крещаемый вступаетъ въ общеніе сей смерти и получаетъ новую жизнь, въ ко-

ей съ помощію благодати среди скорбей и лишеній въ борьбѣ со страстьми и похотьми, пребывъ вѣрнымъ Господу чрезъ исполненіе Его заповѣдей, дѣлается онъ достойнымъ того, что по второмъ пришествіи Господь прославитъ его съ Собою въ царствіи небесномъ. Такіе очерки всего домостроительства спасенія часто дѣлаетъ св. Павелъ въ посланіяхъ. И можно положить, что это служило для него символомъ, какой преподавалъ онъ всѣмъ, оглашая ихъ въ первый разъ призыванія къ вѣрѣ и спасенію. Это же конечно преподалъ онъ и Коринөянамъ, и теперь называетъ млекомъ. Тутъ точно всѣ факты содержатся, то уже совершившіеся, то имѣющіе совершиться. Когда созерцаніе христіанское углубится въ нихъ и дойдетъ до основанія, и пройдетъ до слѣдствій, тогда получится брашно духовной мудрости, отъ преподаванія которой Апостолъ воздержался въ Коринөѣ.

Не у можасте. Что тогда не могли, не дивно, ибо только приступили къ Господу; но что и *донынѣ* (когда писалось посланіе) *не могутъ,* это заставляетъ предполагать большія препятствія къ духовному преспѣянію въ порядкахъ обычной коринөской жизни. Можетъ быть они тѣ же, что и во всѣхъ столичныхъ и вообще въ большихъ городахъ,—слишкомъ большое развитіе плотской, самоугодливой жизни. Во внѣшней мудрости они преуспѣвали, а въ духовной отставали, не отъ того ли, что онѣ одна съ другою не уживаются. Пять лѣтъ уже, какъ христіанами, а все дѣти. Поелику Апостолъ говоритъ, то надо положить, что такъ и было, т.-е. что Коринөяне и не могли, и не могутъ еще (въ часъ писанія посланія) принять уроки духовной премудрости Божіей. Св. Златоустъ говоритъ: „если они не могли въ началѣ, то это, можетъ быть, зависѣло отъ сущности самыхъ предметовъ, хотя и такого оправданія, какъ онъ доказалъ, представить они не могутъ, ибо потому,

говоритъ, предметы были для нихъ невмѣстимы, что сами они были плотяны. Впрочемъ въ началѣ это было еще не столь предосудительно; а не достигнуть вѣдѣнія предметовъ совершенныхъ въ теченіе столь долгаго времени, это уже знакъ крайней безпечности.“

Ст. 3. *Еще бо плотстіи есте. Идѣже бо въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстіи ли есте, и по человѣку ходите?*

Сказалъ, что не могутъ еще принять уроковъ высшей мудрости христіанской; теперь указываетъ, почему онъ такъ судитъ. Потому, говоритъ, что вы еще плотскіе, а что вы плотскіе, видно изъ того, что въ васъ дѣйствуютъ страсти, зависть, рвенія, распри. И въ посланіи къ Галатамъ, перечисляя дѣла плотскія, поставлялъ въ нихъ *рвенія, завиды, распри* (Гал. 5, 20). Почему и теперь къ Коринѳянамъ говоритъ: если въ васъ дѣйствуютъ эти страсти, то не плотскіе ли вы? и не по человѣку ли ходите? По человѣку, т.-е. падшему, поврежденному, по возбужденіямъ и требованіямъ падшей, поврежденной природы. Осязательнѣйшій слѣдъ и признакъ поврежденія—страсти: онѣ привзошли вслѣдствіе паденія въ чистую и безстрастную природу человѣка. Благодать Духа приходитъ, чтобы истребить ихъ и очистить отъ нихъ природу нашу; но истребляетъ не сама, а помогаетъ въ этомъ произволенію, которое одно никакого въ семъ дѣлѣ успѣха имѣть не можетъ. Какъ произволеніе, и пріявъ Духа, не съ одинаковою ревностію возстаетъ противъ своихъ страстей, то въ иныхъ скоро, въ иныхъ медленно истаяваютъ и испаряются страсти. Оттого и Духа пріявшій страстнымъ является; потому что не вседушно противостоитъ имъ. Пока такой внутри порядокъ держится, до тѣхъ поръ человѣкъ плотянъ, страстенъ. Когда же онъ заставитъ совсѣмъ замолкнуть страсти помощію благодати, тогда

благодать Духа просіяваетъ въ немъ, и онъ является духовнымъ. Такой и есть достойное вмѣстилище таинъ премудрости Божіей.

Зависти, ревнія и распри разумѣетъ Апостолъ тѣ, которыя обнаруживались по случаю толковъ. Изъ-за этого спорили одни передъ другими, рвались изъ всѣхъ силъ, чтобъ доказать превосходство своей стороны, и завидовали, когда одному удавалось переспорить другаго. „Все это доказываетъ, говоритъ, что вы не размышляете ни о чемъ духовномъ, но привязаны къ земному" (Өеод.). „Онъ могъ бы укорять ихъ и въ прелюбодѣяніи, и въ невоздержаніи, но особенно указываетъ на тотъ грѣхъ, который теперь старается искоренить. Отсюда мы научаемся, какъ справедливо сказалъ Христосъ, что *всякъ дѣлаяй злая не приходитъ къ свѣту* (Іоан. 3, 20), что нечистая жизнь препятствуетъ уразумѣнію великихъ истинъ, не позволяя разуму проявлять свою мыслительность. Ведущему порочную жизнь нельзя возвыситься до разумѣнія нашихъ догматовъ, но должно очиститься отъ всѣхъ страстей каждому, желающему постигнуть истину. Кто очистится отъ нихъ, тотъ избавится и отъ заблужденія, и познаетъ истину. Не думай, что для этого тебѣ довольно только не быть корыстолюбивымъ и не прелюбодѣйствовать; нѣтъ, кто ищетъ истины, въ томъ должны соединиться всѣ добродѣтели" (св. Злат.).

Ст. 4. *Егда бо глаголетъ кто: азъ убо есмь Павловъ: другій же: азъ Аполлосовъ: не плотстіи ли есте?*

Вотъ въ чемъ распри и чего касаются ревнія! Кажется, будто ревніе ихъ вращается въ духовной области; но то, что разжигало сіе ревніе, было совершенно плотскаго свойства. Всякій рвался лишь къ тому, чтобы устоять на своемъ, чего бы это ни стоило: истина тутъ въ сторонѣ. Рвались, чтобъ себя не ударить въ грязь

лицемъ. Самость все приводила въ движенiе; а она источникъ плотяности. Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь онъ обращается къ подчиненнымъ; въ предыдущихъ словахъ (гл. 2) онъ обличалъ начальниковъ и говорилъ, что мудрость краснорѣчiя не имѣетъ никакого достоинства, а теперь обличаетъ подчиненныхъ и показываетъ, что это (я Павловъ, Аполлосовъ) не только не принесло имъ никакой пользы, или прiобрѣтенiя, но и заградило имъ путь къ полученiю высшаго, ибо это произвело зависть; зависть сдѣлала ихъ плотскими; а когда сдѣлались они плотскими, то стали неспособны къ уразумѣнiю высшихъ предметовъ.“

β).

Значенiе Апостоловъ и учителей въ дѣлѣ устроенiя спасенiя проповѣдiю Евангелiя

3, 5—9.

Ст. 5. *Кто убо есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ? но точiю служителiе, имиже вѣровасте, и комуждо якоже Господь даде.*

„Объяснивъ и доказавъ свою мысль, онъ уже открыто приступаетъ къ обличенiю“ (св. Злат.). Я приходилъ къ вамъ съ проповѣдiю, потомъ Аполлосъ. Мы не сами отъ себя дѣйствовали; но вы, какъ плотскiе, остановились вниманiемъ на томъ, что предъ глазами,—на мнѣ съ Аполлосомъ, и какъ мы по личнымъ своимъ свойствамъ были не одинаковы и одинъ нравился болѣе однимъ, а другой другимъ, то естественно одни къ одному больше льнули, другiе къ другому. Еслибъ вы, минуя насъ больше внимали ученiю нашему, то, не нашедши въ немъ никакого различiя, и между собою не расходились бы. И еще болѣе объединились бы, еслибъ помышляли только о Томъ, Кто поручилъ намъ

проповѣдь и привелъ къ вамъ. Увидѣли бы вы тогда, что мы только служители, служители Божіи, какъ исполнители Его порученія, и служители ваши, какъ принесшіе вамъ даръ спасенія. Мы—орудіе въ рукахъ Божіихъ, чрезъ которое вы увѣровали. „Конечно и это важно, и достойно вниманія и уваженія, но въ сравненіи съ первообразомъ и источникомъ благъ—ничто. Ибо не тотъ благодѣтель, кто служитъ при раздаяніи благъ, а тотъ, кто сообщаетъ и даруетъ ихъ.—Не сказалъ: приведшіе васъ къ вѣрѣ, но: *имиже вѣровасте*, дабы опять и вѣрующимъ воздать должное, и показать, кто—служители (и что увѣрованіе шло помимо ихъ, не безъ дѣйствія свыше).—*И коемуждо якоже Господь даде*. И это малое дѣло (служеніе благовѣстію) зависѣло не отъ нихъ самихъ, а отъ Бога даровавшаго имъ (и въ такой мѣрѣ, какъ Онъ даровалъ). — Но неужели мы, могли бы они сказать, не должны любить служащихъ намъ? Такъ, говоритъ, но надобно знать, до какой степени; ибо дѣло ихъ не отъ нихъ самихъ, а отъ Бога даровавшаго имъ“ (св. Злат.).

Хочетъ Апостолъ этими словами отвесть ихъ вниманіе отъ себя и Аполлоса, и перевесть его къ Господу, отъ Котораго и благовѣстіе, и ихъ посланіе съ проповѣдію, и самое увѣрованіе Коринѳянъ. И этой простой истины не дало имъ хорошо понять и усвоить плотское воззрѣніе на благовѣстниковъ, и суетное цѣненіе лицъ мѣркою внѣшней мудрости и внѣшняго вида и представительности.

Ст. 6. *Азъ насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти*.

Объясняетъ, что каждому изъ нихъ далъ Господь сдѣлать въ насажденіи въ Коринѳянахъ вѣры. „Я, говоритъ, посѣялъ слово; а дабы сѣмена не засохли отъ искушеній, Аполлосъ прибавилъ нѣчто съ своей сто-

роны; но все было дѣломъ Божіимъ“ (св. Злат.). „Успѣхъ зависитъ отъ благодати Божіей“ (Ѳеод.). Слушающіе внимаютъ проповѣди и желаніемъ склоняются принять ее. Богъ запечатлѣваетъ сіе желаніе благодатію и оно становится дѣломъ. Принявшимъ вѣру предлежитъ жизнь по вѣрѣ: и она невозможна безъ Божіей благодати. Желаніе возводитъ до усерднаго дѣйствованія и во все время дѣйствованія поддерживаетъ терпѣніе въ трудахъ по нему,—какъ вообще въ жизни, такъ и въ каждомъ частномъ дѣлѣ и начинаніи—Богъ. Если ростъ въ духовной жизни опредѣляется дѣйствованіемъ, то очевидно, почему говоритъ Апостолъ: *Богъ возрасти.*—Но что же возрасти, когда они еще плотскіе?—Во-первыхъ, вѣру: ибо они въ вѣрѣ были крѣпки; во-вторыхъ въ извѣстной степени и жизнь по вѣрѣ. Ибо упоминаемые Апостоломъ недостатки нравственные касались частныхъ лицъ: въ общности же у нихъ проявлялись порывы и къ совершеннѣйшей жизни, какъ видно изъ вопроса ихъ о безбрачной жизни.—Можно и такъ сказать, что Апостолъ не высокую степень роста духовнаго въ нихъ опредѣляетъ, а только хочетъ внушить, что все, что есть въ нихъ добраго, духовнаго,—все то Богъ въ нихъ возрастилъ, а они съ Аполлосомъ были только орудія сѣянія добрыхъ сѣмянъ, которыя тоже получены отъ Бога.

Ст. 7. *Тѣмже ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Богъ.*

„Ибо безъ Божія содѣйствія напрасенъ трудъ“ (Ѳеод.). Почему „все и относитъ Апостолъ къ Богу, даровавшему все“ (св. Злат.), — „научая, что Ему единому должно внимать, и къ Нему относить все, утверждающееся въ насъ, доброе“ (Ѳеоф.). Насаждаяй же и напаяй—не суть что-либо, рѣшительно и исключительно важное въ дѣлѣ устроенія вашего спасенія. Трудъ ихъ

не ничто, какъ послѣ скажетъ, но ваше обращеніе къ вѣрѣ и ваше утвержденіе въ ней дѣйствовалось среди васъ не ихъ силою. Мы говорили слово, но съ словомъ шла благодать и совершила въ васъ вѣру. Мы совершали для васъ таинства, но благодать вселилась въ васъ и стала обитать въ васъ не отъ нашего дѣйствованія, а отъ Божія устроенія (Августинъ de gratia Christi L. 1, с. 25).

Ст. 8. *Насаждаяй же и напаяяй едино суть: кійждо же свою мзду пріиметъ по своему труду.*

Едино суть, — какъ орудія, чрезъ кои дѣйствуетъ Богъ. У Него же и ослица говоритъ, и каменіе возопіютъ, если то занадобится. „*Едино* называетъ ихъ въ томъ отношеніи, что они ничего не могутъ безъ возращающаго Бога“ (св. Злат.). „Потому что оба одинаково служатъ Божіей волѣ“ (Өеод.), которая дѣйствуетъ чрезъ нихъ, не поколику одинъ таковъ, а другой инаковъ, а поколику то ей угодно.

„Но будучи одно по отношенію къ дѣлу Божію, они не одно по трудамъ своимъ“ (св. Злат.). „Не просто, говоритъ, по исполненію дѣла, но по труду въ дѣлѣ. Одинъ часто съ большимъ удобствомъ приводитъ къ Спасителю двѣсти, а другой, подъявъ большой трудъ, одного или двоихъ освобождаетъ отъ прелести. Тоже видѣть можно въ разсужденіи поста и цѣломудрія. Одинъ, вспомоществуемый природою, безъ трудовъ преспѣваетъ въ цѣломудріи; другой, борясь съ естественными наклонностями, съ великими трудами достигаетъ желаемаго. Одинъ, имѣя горячее сложеніе, съ большимъ мученіемъ ждетъ вечера, не вкусивъ пищи; другой проводитъ два и три дня, не вкушая пищи, и однакоже не терпитъ большаго труда. Посему-то праведный Судія взираетъ не на дѣло, а на трудъ“ (Өеод.).

Какое утѣшеніе высказано здѣсь трудящимся надъ

чѣмъ-либо добрымъ, въ себѣ или другихъ, и не видящимъ успѣха! — Св. Златоустъ ту и цѣль видитъ въ прибавленіи сихъ словъ Апостоломъ, чтобы у достигшихъ многаго безъ большаго труда отъять поводъ къ превозношенію, а много трудившимся и мало успѣвшимъ доставить утѣшеніе,—всѣхъ же воодушевить на трудъ во благо свое и другихъ. Трудись: мѣра труда—мѣра воздаянія.

Ст. 9. *Богу бо есмы споспѣшницы: Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте.*

Показываетъ причину, почему трудъ цѣнится. Потому что мы сотрудники Божіи. Ему угодно было избрать насъ въ орудія содѣланія спасенія вашего и другихъ; Онъ и цѣнилъ трудъ нашъ, ибо чрезъ него исполняется Его отеческое хотѣніе спасать. „Мы, учащіе, говоритъ, есмы сотрудники Божіи, содѣйствующіе намѣренію Его, спасти всѣхъ хотящаго; но не мы содѣватели или дарователи самаго спасенія. Ни презирать насъ не слѣдуетъ, яко сотрудниковъ Божіихъ, ни намъ возноситься: ибо все Божіе“ (Ѳеоф.).

Мы соработники Богу, а вы—Божіе тяжаніе—γεώργιον,—Божія нива, но не праздно стоящая, а воздѣлываемая, — вы — земледѣлище. Божія нива есть и Богу принадлежащая, и Богомъ воздѣлываемая.—Къ этому сравненію прежде начатому прилагаетъ новое—со зданіемъ. Вы—Божіе зданіе,—οἰκοδομή,—не конченное и праздно стоящее, но зданіе, въ процессѣ созиданія, вы — созидаемое Богомъ зданіе. — Отсюда слѣдуетъ: итакъ вы должны все свое къ Богу относить, и Божіими себя считать, а не Павловыми или Аполлосовыми. „Если вы—Божія нива, то вамъ слѣдуетъ носить имя не воздѣлывающихъ, но Божіе; ибо нива называется именемъ не земледѣльца, а господина ея. *Божіе зданіе есте.* Также и зданіе принадлежитъ не строителю, а

господину... Если вы—зданіе, то вамъ не должно распадаться на части; иначе не будетъ зданія. Если вы—нива, то вамъ не должно раздѣляться, но ограждаться однимъ оплотомъ единомыслія" (св. Злат.).

Это разъясненіе значенія св. Апостоловъ должно было отрезвить и заправлявшихъ толками, и тѣхъ, кои увлекались ими.—Они вѣрно представляли себѣ Апостоловъ философами, которые сами изобрѣтали свою философію и свое имя давали и философіи, и послѣдователямъ: Апостолъ показалъ, что такое понятіе неприложимо къ нимъ, и тѣмъ разорилъ основу, на которой утверждались толки. Это похоже на прежнее: *Еда Павелъ распятся по васъ?*

γ).

Вразумительныя для заправителей коринѳскихъ толковъ наведенія

3, 10—23.

На переходѣ къ этимъ наведеніямъ, св. Павелъ къ прежнему сравненію, которымъ объяснялъ свое и другихъ Апостоловъ значеніе, т.-е. воздѣлывателя нивы и сѣятеля,—прибавилъ другое—здателя, зиждущаго зданія по указаніямъ хозяина. И изъ перваго сравненія можно бы извлечь нужныя вразумленія, но изъ этого удобнѣе, и мысли, подаваемыя имъ, общедоступнѣе; почему оно взято св. Павломъ за исходную точку къ вразумленію. Вы, говоритъ онъ къ Коринѳянамъ, Божіе зданіе есте. Я и другіе подобные мнѣ—работники Божіи въ устроеніи изъ васъ сего зданія, или каждаго изъ васъ въ зданіе.

Чтобы яснѣе представить дальнѣйшее теченіе мыслей Апостола во вразумленіе заправлявшихъ толками, должно имѣть во вниманіи, что когда св. Павелъ былъ

въ Коринѳѣ, то не основаніе только положилъ, но и зданіе возвелъ; ибо и каждый изъ Коринѳянъ былъ уже полный христіанинъ, и всѣ вмѣстѣ составляли настоящую Церковь Божію; почему впереди сказалъ: вы— зданіе,—и послѣ скажетъ: вы — храмъ Божій. Но въ духовномъ созиданіи дѣло такъ идетъ, что каждое предшествующее состояніе служитъ основаніемъ для послѣдующаго, хотя оно въ существѣ своемъ представляетъ полное зданіе. Почему въ каждый моментъ зданія можно говорить: основаніе положилъ, и можно говорить: вы— храмъ, т.-е. полное зданіе. Такъ и дѣлаетъ св. Павелъ: *αα*) сначала смотритъ на дѣло устроенія имъ церкви въ Коринѳѣ, какъ на положеніе основанія (10—15), а *ββ*) потомъ, какъ на полное зданіе (16. 17). Тѣмъ и другимъ дѣлаетъ сильныя вразумленія вождямъ толковъ и самымъ водимымъ ими. Положимъ, говоритъ, что я положилъ только основаніе. Вамъ слѣдуетъ смотрѣть, каково основаніе, чтобы по нему подбирать матеріалы. Можно строить изъ прочныхъ матеріаловъ и строить изъ непрочныхъ, каковы: дерево, солома, тростникъ. Если вы построите изъ этихъ послѣднихъ, то придетъ огнь суда и все попалитъ; вамъ ничего не останется, и еще самимъ не безбѣдно будетъ (10 — 15). Толки, возникшіе тамъ, точно были солома, между тѣмъ ими величались, думая, что состроили нѣчто величественное. Но Апостолъ не дѣлаетъ примѣненія слово въ слово, а даетъ это разумѣть, кому слѣдуетъ, самимъ. Понявъ, къ чему такая рѣчь, они должны были поразиться страхомъ. Но еще болѣе этотъ страхъ долженъ былъ возрасти изъ послѣдующихъ словъ. Да вѣдь у васъ тамъ было мною поставлено полное зданіе (16. 17). Вы взялись пристраивать, да надстраивать. Когда это дѣлается съ умѣніемъ, это хорошо; но можно, взявшись за дѣло безъ умѣнія, разорить зданіе. Зданіе

же это не простое, а Божіе; а кто храмъ Божій растлитъ, растлитъ сего Богъ.—Примѣненія слово въ слово и здѣсь не дѣлаетъ св. Павелъ. Кого касалась рѣчь, тѣ не могли не понять, къ чему она шла.

Если поняли, а не понять не могли, то вмѣстѣ съ этимъ должны были отказаться отъ толковъ и возвратиться къ простотѣ евангельскаго исповѣданія. Поставивъ ихъ въ такое положеніе, св. Павелъ γγ) окончательно поражаетъ ихъ мудрованіе, говоря какъ бы: такъ-то бросить надо мудрость вѣка сего. Что вы нагородили, все отъ ней; она по природѣ своей враждебна и Богу, и божественнымъ порядкамъ вещей (18—20). Это къ вождямъ; за тѣмъ и ко всѣмъ прилагаетъ заключительное внушеніе: и вамъ не слѣдуетъ останавливаться вниманіемъ на комъ-либо изъ людей или на чемъ-либо человѣческомъ. Все окрестъ васъ—для васъ, чтобъ приводить васъ ко Христу. Приведены,—и будьте въ Немъ, не преграждая общенія съ Нимъ вставкою посреди человѣческихъ личностей. Все дѣло въ томъ, чтобы быть со Христомъ, и чрезъ Христа съ Богомъ. Вы—Христовы; Христосъ же—Божій (21—23).

аа).

Ст. 10. *По благодати Божіей даннѣй мнѣ яко премудръ архитектонъ основаніе положихъ, инъ же назидаетъ: кійждо же да блюдетъ, како назидаетъ.*

Вы Божіе зданіе, сказалъ онъ. Но Богъ устроилъ изъ васъ зданіе чрезъ меня, какъ сотрудника Своего. Его благодатными пособіями снаряженный, — т.-е. и вѣдѣніемъ премудрости Божіей, и нравственною силою, и даромъ чудотвореній, — я, какъ знающій свое дѣло строитель, положилъ основаніе зданію изъ васъ Божію и возвелъ его до нѣкоторой полноты.—Но все, что я сдѣлалъ, можно считать только положеніемъ основанія.—

И примемъ это за исходную мысль: пусть я положилъ основаніе, а другой строитъ на немъ, возводитъ зданіе. Къ чему обязывается прежде всего сей надздатель? Къ тому, чтобы внимательно вникнуть и достаточно уяснить себѣ, какъ слѣдуетъ возводить зданіе. Хотя мною только основаніе положено, но тутъ уже дано и полное предначертаніе зданія. Въ вещественныхъ зданіяхъ основаніе указываетъ только наружную форму зданія, а въ духовныхъ не такъ: тутъ основаніе предуказываетъ и планъ всего зданія, и характеръ его, и то, изъ какихъ матеріаловъ оно должно быть построеваемо. Кто берется назидать, тотъ долженъ все это хорошо уразумѣть, и потомъ со всѣмъ вниманіемъ возводить зданіе: *да блюдетъ, како назидаетъ.*

Къ чему такая рѣчь, послѣ выясняется. Здѣсь Апостолъ останавливаетъ вниманіе лишь на томъ, чтобъ взявшагося возводить зданіе заставить призадуматься, понялъ ли онъ, какъ слѣдуетъ, что и какъ долженъ дѣлать, начавъ зданіе на готовомъ основаніи, и притомъ такомъ, которое все указываетъ. Основавши церковь въ Коринѳѣ, Апостолъ пошелъ въ другое мѣсто; послѣ него приходилъ Аполлосъ, и продолжалъ созиданіе церкви. Этотъ продолжалъ дѣло совершенно въ духѣ св. Ап. Павла, слѣдовательно вѣрно, безукоризненно. Не его и имѣетъ св. Павелъ въ виду. Но когда и Аполлосъ отбылъ оттуда, тамъ поднялись изъ мѣстныхъ мудрецовъ болѣе другихъ способные, и болѣе другихъ образованные и говорливые, и выступили въ качествѣ вождей для братій меньшихъ. На нихъ онъ мѣтитъ. Но вмѣстѣ, какъ и всякій христіанинъ есть маленькій образчикъ Церкви, и тоже получилъ отъ Апостола основаніе въ себѣ созиданію спасенія вѣрою въ Господа; то и всякій долженъ былъ видѣть въ этомъ доброе себѣ напоминаніе: блюди, какъ

ты назидаешь. Св. Златоустъ и говоритъ: „здѣсь, мнѣ кажется, онъ обращаетъ ихъ къ подвигамъ жизни.“—Экуменій продолжаетъ: „призываетъ ихъ къ достодолжной жизни, именуя назиданіемъ дѣятельность каждаго. И блюди каждый, какъ назидать на основаніи положенномъ, т.-е. имѣя вѣру, и самого Христа, чтобъ творить благія дѣла.“

Въ словахъ: *яко премудръ архитектонъ*, не та мысль, что онъ называетъ себя премудрымъ; тутъ только сравненіе; когда какой мудрый архитектонъ кладетъ основаніе, то кладетъ должное, прочное, самое лучшее основаніе. Такое именно основаніе и я положилъ, или лучше Богъ чрезъ меня; ибо все, что дѣлаю, дѣлаю по данной мнѣ благодати. Ударъ мысли не на мудрости полагателя основанія, а на прочности основанія, или его неотмѣнности, на томъ, что положено основаніе, котораго нельзя измѣнять, ибо оно есть единственное въ зданіи духовномъ. Объ этомъ онъ и говоритъ тотчасъ. Но хоть и то принять, что онъ себя назвалъ премудрымъ, то и это не въ той мысли, что „превозноситъ себя, но представляетъ имъ примѣръ и показываетъ, что мудрому свойственно полагать одно (единственное) основаніе. — И смотри, какъ онъ и здѣсь соблюдаетъ смиреніе. Назвавъ себя премудрымъ, онъ не приписалъ этого себѣ, но напередъ всего себя предалъ Богу, и тогда уже такъ назвалъ себя: *по благодати*, говоритъ, *Божіей, даннѣй мнѣ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушаетъ, что все—Божіе“ (св. Злат.).

Ст. 11. *Основанія бо инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ.*

Какъ мудрый архитекторъ кладетъ самое лучшее основаніе, котораго замѣнить лучшимъ нельзя, такъ я положилъ въ васъ такое основаніе, котораго другаго и быть не можетъ. Единственное основаніе духовнаго

зданія церкви и душъ вѣрующихъ есть то, которое я положилъ, т.-е. Іисусъ Христосъ. Это тоже, что: *нѣсть иного имене подъ небесемъ, о немже подобаетъ намъ спастися*. Или что выше: *не судихъ вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа и сего распята*. Все таинство вѣры въ этомъ. Коротко можно описать его такъ: Богъ, въ Троицѣ покланяемый, спасаетъ насъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ единородномъ, воплотившемся и умершемъ на крестѣ; вѣрующіе въ это, чрезъ крещеніе вводятся въ общеніе сей крестной смерти, и, получая всепрощеніе, сподобляются начатковъ обновленія духа, въ который потомъ вселившись Духъ Божій ведетъ обновляемаго чрезъ труды добродѣланія и чрезъ подвиги самоотверженія и самоумерщвленія, и чрезъ благодушное терпѣніе всего находящаго, къ совершенному обновленію, чтобы совершенно чистымъ и безукоризненнымъ предстать онъ могъ предъ лице Господа въ день втораго пришествія Его. Основаніе спасенія, посему, въ таинственномъ сочетаніи съ распеньшимся Господомъ, и затѣмъ въ устроеніи такой жизни, которая вся была бы спостраданіе Господу. Чрезъ это св. Апостолъ сказалъ вожакамъ: вотъ куда надобно направлять умъ всѣхъ, къ чему возбуждать желанія и начинанія; и всѣмъ вотъ о чемъ заботиться вамъ должно, какъ бы пребыть въ сочетаніи съ Господомъ распятымъ, чрезъ сораспятіе съ Нимъ—распятіемъ страстей и похотей, и несеніемъ креста своего.

„Будемъ строить, учитъ св. Златоустъ, на этомъ основаніи и держаться на немъ, какъ вѣтвь на лозѣ виноградной, и пусть не будетъ никакого раздѣленія между нами и Христомъ; ибо, если отдѣлимся отъ Него, то немедленно погибнемъ. Вѣтвь втягиваетъ въ себя сокъ потому, что соединена съ лозою, и зданіе стоитъ потому, что связано (съ основаніемъ и съ собою); а

что отрывается, то погибаетъ, потому что ни на чемъ не держится. Посему будемъ не просто держаться Христа, но прилѣпляться къ Нему: ибо, если отдѣлимся, погибнемъ. *Удаляющіи себе отъ Тебе, погибнутъ*, говоритъ Писаніе (Пс. 72, 27). Будемъ же прилѣпляться къ Нему, и прилѣпляться дѣлами; ибо *соблюдаяй*, говоритъ, *заповѣди Моя, той во Мнѣ пребываетъ* (Іоан. 14, 20. 21). Онъ (Апостолъ) внушаетъ единеніе съ Нимъ многими сравненіями. Смотри: Онъ глава, мы тѣло; между главою и тѣломъ можетъ ли быть какое разстояніе? Онъ основаніе, мы зданіе; Онъ лоза, мы вѣтви; Онъ женихъ, мы невѣсты; Онъ пастырь, мы овцы; Онъ путь, мы идущіе; мы храмъ, Онъ обитатель; Онъ первенецъ, мы братія; Онъ наслѣдникъ, мы сонаслѣдники; Онъ жизнь, мы живущіе; Онъ воскресеніе, мы воскресающіе; Онъ свѣтъ, мы просвѣщаемые. Все это означаетъ единеніе и не допускаетъ никакого раздѣленія, даже малѣйшаго. Ибо кто отдѣлился немного, тотъ потомъ отдѣлится и много. Такъ тѣло, получивъ хотя малую рану отъ меча, портится; зданіе, разщелившись хотя немного, разрушается; и вѣтвь, отломившись отъ корня хотя немного, дѣлается негодною. Такимъ образомъ это малое есть уже не малое, но все почти. Посему когда мы погрѣшимъ въ чемъ-либо такомъ, или почувствуемъ лѣность, не будемъ презирать этого малаго; потому что, будучи оставлено въ небреженіи, оно скоро сдѣлается великимъ. Такъ одежда, если начнетъ раздираться и будетъ оставлена въ небреженіи, вся раздирается, и кровля, если обнажится отъ нѣсколькихъ черепицъ и будетъ оставлена въ небреженіи, разрушится весь домъ.“

Ст. 12. 13. *Аще ли кто назидаетъ на основаніи семъ, злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе: когождо дѣло явлено будетъ: день бо явитъ, зане огнемъ*

открывается: и когождо дѣло, яковоже есть, огнь искуситъ.

Указавши основаніе и въ немъ планъ, масштабъ и характеръ зданія, Апостолъ далѣе этихъ предметовъ не касается, потому что для его цѣли достаточно было остановить вниманіе лишь не матеріалахъ зданія. Эти матеріалы онъ указываетъ не поименно, а метафорически, давая свободу разумнымъ самимъ понять, въ чемъ дѣло. Видно только, что онъ хотѣлъ означить матеріалы прочные, и матеріалы непрочные. Прочные— золото, серебро, камни дорогіе, а непрочные—дерево, сѣно и тростникъ. Нѣтъ нужды доискиваться, что подъ каждымъ изъ нихъ въ частности разумѣетъ Апостолъ; довольно опредѣлить, что прочно и что непрочно. Прочно, что сообразно съ основаніемъ, непрочно, что несообразно съ нимъ. Ибо само основаніе столько прочно, что его ни сдвинуть, ни замѣнить невозможно; потому и все сообразное съ нимъ будетъ твердо и прочно.

Но напередъ надо опредѣлить, что разумѣть подъ назданіемъ, ученіе ли учителей, или жизнь каждаго христіанина?—По цѣли Апостола, ближе бы разумѣть ученіе учителей; но какъ онъ говоритъ вообще, то не дивно, что то и другое хотѣлъ внушить,—учителямъ, чтобъ здраво учили, и каждому христіанину, чтобъ жилъ какъ должно. Ѳеодоритъ пишетъ: „иные утверждаютъ, что сіе у Апостола сказано о догматахъ: а я думаю, что онъ говоритъ сіе о дѣятельной добродѣтели.“— Стало, въ его время мнѣнія раздвоялись. Св. Златоустъ подъ словомъ: кійждо да блюдетъ, како назидаетъ, сказалъ: „здѣсь, мнѣ кажется, онъ обращаетъ ихъ къ подвигамъ жизни.“—Но потомъ, изъясняя смыслъ положеннаго основанія, говоритъ: „слова Апостола означаютъ слѣдующее: я возвѣстилъ Христа, далъ вамъ

основаніе; смотрите, какъ вы строите на немъ,—не съ цѣлью ли—отклонять отъ Него учениковъ и привлекать къ какимъ-нибудь людямъ? Не будемъ же увлекаться ересями."—Изъ сего видно, что св. Златоустъ подъназданіемъ разумѣлъ ученіе и учителей, и жизнь вѣрующихъ. Хотя онъ потомъ преимущественно бесѣдуетъ о послѣдней, но этого требовали цѣли его бесѣдъ, всегда нравственныя.

Какое же ученіе прочно?—То, которое прямо развивается изъ положеннаго основанія и на немъ утверждается. Т.-е. когда учители о томъ только и стараются толковать своимъ ученикамъ, какъ устроилось спасеніе и какъ спастись; т.-е. какъ Богъ создалъ насъ и въ раю поставилъ, какъ пали мы, какъ милосердый Богъ не оставилъ насъ въ нашемъ паденіи, а благоволилъ устроить намъ спасеніе, не пощадивъ Сына Своего единороднаго, какъ Сынъ Божій пришелъ на землю, воплотился, пострадалъ и умеръ на крестѣ ради нашего спасенія; какъ затѣмъ воскресъ, вознесся на небеса, и Духа Святаго ниспослалъ для устроенія спасенія каждаго лица; какъ сіи лица благодатію Божіею призываются ко спасенію, пріобщаются таинственно смерти Господней и, получивъ новую жизнь, ведутся къ совершенству чрезъ произвольныя и непроизвольныя лишенія и скорби, и чрезъ смерть препровождаются въ область предначинательнаго блаженства съ Господомъ. Кто учитъ все объ этомъ, и притомъ такъ, какъ все сіе изображено въ Новомъ Завѣтѣ, предъизображено въ Ветхомъ, какъ изъяснено св. отцами и содержится св. Церковію, учитъ просто, внятно, имѣя въ виду одно то, чтобы созидать души слышащихъ,—того ученіе прочно, какъ золото, серебро и каменіе честное.—Но кто уча, хотя не нарушаетъ догматовъ, но учитъ все о стороннихъ предметахъ, которые только голову забиваютъ и гордое

мнѣніе объ учености возбуждаютъ,—и въ немъ, и въ тѣхъ, которые наслушаются его, или кто уча излагаетъ предметы вѣры болѣе по соображеніямъ разума, чѣмъ какъ они преподаны въ откровеніи, какъ будто они отъ этихъ соображеній собственно и силу получаютъ,—или кто, уча о жизни христіанской, всячески старается прикрыть обязательную суровость сей жизни, вмѣсто креста вводя самоугодіе и утѣшность, и тѣмъ испраздняя крестъ Христовъ,—кто такъ и подобно сему учитъ, того ученіе непрочно—оно сѣно, тростникъ, хворостъ. Сюда относятся и толки коринѳскихъ партій,—мелочные,—плодъ легкомыслія и праздности.

Чья жизнь прочна?—Того, кто сочетавшись таинственно съ смертію Христовою и получивъ новую жизнь во Христѣ, и благодатію Св. Духа укрѣпившись въ сердцѣ своемъ, умѣетъ глубже и глубже входить въ сораспятіе Господу, ни въ чемъ не поблажая самоугодію, постоянно распиная плоть со страстьми и похотьми, готовъ будучи скорѣе умереть, чѣмъ поблажить въ чемъ себѣ, или нарушить въ чемъ хотя малую сознаваемую заповѣдь, и все это дѣлая не изъ страха какого, а изъ любви къ Господу распеньшемуся и животъ намъ смертію Своею даровавшему. Кто такъ настроенъ, того правила жизни и дѣла суть злато, сребро и каменіе честное.—Кто же, не нарушая заповѣдей явно, хотя ведетъ исправную жизнь, но о томъ, чтобы хранить для Господа сердце чисто, и для того быть съ собою въ борьбѣ и въ пособіе къ ней держать себя въ подвигахъ самоотверженія, никакой заботы не имѣетъ и потому ни въ какихъ утѣхахъ и удовольствіяхъ, возможныхъ на землѣ и введенныхъ духомъ вѣка сего въ порядки жизни, себѣ не отказываетъ, не считая ихъ противными кресту Христову, который нести обязанъ всякій христіанинъ, того правила жизни и дѣла непрочны. Они—сѣно, тростникъ, хворостъ.

Замѣтить надобно, что въ этой половинѣ вразумленія (—10—15), Апостолъ здравому ученію учителей и истинно-христіанской жизни христіанъ, противополагаетъ не лжеучителей и не явныхъ грѣшниковъ, а такихъ учителей, кои держатся на положенномъ основаніи и трудятся на семъ основаніи возводить зданіе ученія, только матеріалъ берутъ непрочный—ученость къ дѣлу не относящуюся и подобное,—и такихъ христіанъ, которые не хотятъ душу свою губить, но мнятся спасать ее и дѣлаютъ для того дѣла подручныя, т.-е. тоже возводятъ зданіе спасенія, но при этомъ и отказывать себѣ ни въ чемъ не отказываютъ, — матерьялъ у нихъ—сѣно и тростникъ.

Когождо дѣло явлено будетъ. Теперь не видно, говоритъ. И учители пользуются славою, и христіане степенные почетомъ. Но придетъ день, когда все приведено будетъ въ явь. Явлено будетъ и дѣло каждаго, которое наздалъ онъ на принятомъ основаніи вѣры,—учителей зданіе ученія, и всѣхъ христіанъ—зданіе дѣлъ во спасеніе. *День бо явитъ.* Это день суда. Явленіе Господа на судъ изображается такъ, что ему предшествуетъ огненная рѣка. Она есть знаменіе неумытности суда, отъ котораго ничто укрыться не можетъ, и все открытое получитъ праведную, нелицепріятную оцѣнку, и затѣмъ воздаяніе. Это же выражаетъ и Апостолъ, говоря, что день тотъ *огнемъ открывается: и когождо дѣло, яковоже есть, огнь искуситъ.* Апостолъ представляетъ такую картину, что всякій долженъ пройти сквозь огонь, предшедствующій Господу, чтобъ представъ Ему получить награду. Этотъ проходимый огонь искуситъ дѣло каждаго, каково оно,—прочно или непрочно. Тутъ—образное выраженіе того, что судъ Божій точно опредѣлитъ, чего стоятъ дѣла каждаго.

Ст. 14. 15. *И егоже аще дѣло пребудетъ, еже назда.*

мзду пріиметъ: а егоже дѣло сгоритъ, отщетится: самъ же спасется, такожде якоже огнемъ.

Вотъ какая картина! Каждый, какой наздалъ на основаніи вѣры домикъ себѣ, въ томъ и живетъ, какъ здѣсь, такъ и за гробомъ; въ томъ станетъ онъ и предъ лице огненной рѣки, текущей предъ Господомъ. Она перекатится чрезъ каждаго. Чей домикъ останется цѣлъ при переходѣ чрезъ него огня, тотъ получитъ мзду отъ Господа Судіи; а чей сгоритъ, тотъ *отщетится*, т.-е. увидитъ, что весь трудъ его былъ тщетенъ: напрасно протрудился, тщетную питалъ надежду, самъ себя обманывалъ, думая, что строитъ дѣльно. Очевидно, кого разумѣетъ подъ сими послѣдними Апостолъ, и кого подъ первыми. Подъ этими — такихъ, которыхъ ученіе и жизнь – сѣно и тростникъ, а подъ тѣми такихъ, которыхъ ученіе и жизнь—золото и серебро.

Что же будетъ тѣмъ, котораго домикъ сгоритъ?!— Онъ *спасется, такожде якоже огнемъ*. Мѣсто это темно и подало поводъ къ разнымъ толкованіямъ. Слово: *спасется* означаетъ, что онъ останется цѣлъ: домикъ его сгоритъ, а онъ не сгоритъ, не уничтожится. Что же будетъ съ нимъ? Слова: *такожде якоже огнемъ*—указываютъ на сравненіе. Возьмемъ это сравненіе, и получимъ: спасется такъ же, какъ спасаются тѣ, которыхъ огонь захватываетъ въ домѣ. Кругомъ огонь, надо бѣжать сквозь него. Что тутъ бываетъ? Иной пробѣжитъ почти не опаленный, другіе — въ разныхъ степеняхъ опаленія, а иной такъ и остается въ огнѣ. Подобное сему будетъ и съ тѣми, коихъ на огнѣ суда домики погорятъ. Одни пойдутъ въ огонь, другіе получатъ иныя разныя степени наказанія; а иные и помилованы будутъ. Ибо хотя всѣ они виноваты, что строили не изъ прочнаго матеріала; но виновность ихъ можетъ имѣть разныя степени. Иной можетъ быть и безъ вины виноватъ;

трудился надъ строеніемъ непрочнымъ, не зная лучшаго образа строенія; или можетъ быть по обстоятельствамъ не успѣлъ взяться за лучшее, или еще почему-либо заслуживаетъ извиненія.

ββ).

Доселѣ смотрѣлъ Апостолъ на Коринөскую церковь, какъ на получившую отъ него только основаніе. Теперь смотритъ на нее, какъ на цѣлое, построенное имъ зданіе. Вы, говоритъ, храмъ Божій.—Цѣль рѣчи еще болѣе устрашить взявшихся строить, или скорѣе перестраивать построенное, по своему смышленію; а это тоже что̀ разорять. Выше онъ оставилъ еще вѣроятнымъ для нихъ спасеніе, хотя съ трудомъ, а здѣсь рѣшительный даетъ приговоръ: *растлитъ сего Богъ.*

Ст. 16. *Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ?*

Что выше сказалъ: *вы Божіе зданіе* (ст. 9), тоже теперь говоритъ: *храмъ Божій есте*. Выразилъ это вопросомъ: *не вѣсте ли*, показывая несомнѣнность сей истины и общеизвѣстность ея. Они всѣ знали, что такъ есть; потому довольно было вопросомъ посильнѣе вставить сію истину въ сознаніе, чтобъ ею вразумить, не распространяясь въ объясненіи ея и доказываніи. Съ сознаніемъ, что они всѣ одинъ храмъ Божій, должно было придти на мысль и то, что храмъ обыкновенно, хотя есть многочастное зданіе, но единое, нераздѣльное. При этой мысли совѣсть не могла имъ не напомнить: у насъ же что?—Мы разошлись по разнымъ главамъ, кто подъ одного, кто подъ другаго, кто подъ третьяго учителя. Выходитъ, мы разломали храмъ Божій на части, зданіе Божіе разорили. *И Духъ Божій живетъ въ васъ.* И это также всѣмъ было вѣдомо. Ибо всѣ

явно принимали чрезъ возложеніе рукъ даръ Св. Духа, и Онъ дѣйствія Свои проявлялъ осязательно въ собраніяхъ ихъ. Что напоминаетъ симъ Апостолъ? То, что раздѣленіе, начавшееся среди ихъ, можетъ повесть къ тому, что Духъ Божій отойдетъ отъ нихъ. Какъ сосудъ, пока не разбитъ, держитъ въ себѣ и хранитъ ароматъ какой, а когда разобьется, ароматъ выходитъ, такъ и у нихъ могло быть, что по причинѣ раздѣленія, они лишатся Духа.—Эти слова относятся ко всему обществу и его вразумляютъ, а слѣдующія касаются прямо вождей раздѣленія.

Ст. 17. *Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ: храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы.*

Хотя вообще говоритъ онъ: *аще кто растлитъ,* но явно намекаетъ на тѣхъ, которые произвели и поддерживали раздѣленіе. Онъ не говоритъ, что они уже растлили,—въ такомъ случаѣ Апостолъ и писалъ, и дѣйствовалъ бы иначе,—но и не почитаетъ маловажнымъ сдѣланнаго уже, основательно предполагая, что если продолжится тоже положеніе дѣлъ, то раздѣленіе укоренится, особенно когда какія-либо случайности увеличатъ раздѣляющее средостѣніе. Тогда это уже будетъ настоящее растлѣніе. Онъ и устрашаетъ ихъ возможностью такого исхода дѣла. Начато по легкомыслію и отъ праздности, а можетъ вотъ чѣмъ кончиться: церковь раздѣлится—растлится. Вина вся на васъ падетъ. Но смотрите, какой тогда падетъ на васъ приговоръ: *аще кто храмъ Божій растлитъ, растлитъ сего Богъ.* „*Растлитъ,* т.-е. предастъ погибели. Апостолъ не проклинаетъ, а предсказываетъ“ (св. Злат.). Какого можно ожидать еще сильнѣйшаго вразумленія?! Чувствуется мечъ надъ головою.

Почему такая кара за растлѣніе храма Божія?—Потому, что онъ святъ, а святъ потому, что есть Божій

и есть жилище Духа, основаніе же его Христосъ Господь. Кто растлѣваетъ храмъ, тотъ грѣшитъ прямо противъ Бога, въ Троицѣ покланяемаго. Гамаліилъ, когда власти іудейскія полагали разстроить церковь Іерусалимскую, отвращалъ ихъ отъ этого, устрашая: *да не како богоборцы обрящемся* (Дѣян. 5, 39). Таже мысль и здѣсь.

Иже есте вы. Намѣренно прибавилъ это слово Апостолъ, давая разумѣть: вотъ что вы!—Опять обращается ко всему обществу вѣрующихъ и даетъ имъ урокъ, какъ вы, имѣя такое высокое значеніе, позволили поставить себя въ такое положеніе, что можете потерять Духа. Вмѣстѣ же и зачинщикамъ раздѣленія внушалъ: вы такъ легкомысленно взглянули на это общество святыхъ и начали раздирать его на части, а оно вотъ что есть!

Такія мысли видятся въ сихъ стихахъ (16. 17) по ходу рѣчи Апостола. Но онѣ внѣ контекста могутъ быть прилагаемы къ ересеначальникамъ и грѣшникамъ не кающимся. Ересь растлѣваетъ Церковь; грѣхъ смертный—душу. За растлѣніе Церкви отвѣчаетъ ересеначальникъ: растлитъ его Богъ. А за грѣхъ смертный, неочищаемый покаяніемъ, отвѣчаетъ грѣшникъ. И его растлитъ Богъ, т.-е. погубитъ, если не покается, если не здѣсь, ибо и это бываетъ иногда, то всячески тамъ—въ другой жизни. Эту послѣднюю мысль о растлѣніи храма души грѣшникомъ раскрываетъ св. Павелъ ниже, когда предостерегаетъ отъ блудодѣянія (6, 15—20).

γγ).

Въ стихахъ 18—23 заключеніе предыдущей рѣчи, будто отвѣтъ на вопросъ: чтоже намъ дѣлать? Послѣ предшествовавшаго устрашенія очень естественно ро—

диться такому вопросу, —и св. Павелъ отвѣчаетъ на него: *ααα*) одни пусть бросятъ мудрость вѣка сего,— 18—20; а βββ) другіе пусть перестанутъ дивиться ей и подчиняться ея мудрованіямъ,—21—23. „Намѣреваясь присовокупить то, что еще оставалось сказать, чтобъ окончить этотъ предметъ, Апостолъ обращается къ опровერженію внѣшней мудрости и къ обличенію тѣхъ, которые, гордясь ею, раздѣляли церковь" (св. Злат.).

ααα).

Ст. 18. ***Никтоже себе да прельщаетъ: аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ.***

Мнящійся быти мудрымъ въ вѣкѣ семъ, стань безумнымъ, чтобъ быть премудрымъ,—разумѣется, истинно или предъ Богомъ.—Кто этотъ мудрый въ вѣкѣ семъ? Всякій, мудрствующій не по тому, какъ Богъ повелѣлъ въ откровеніи, а какъ вещи кажутся по его собственному смышленію. „Апостолъ разумѣетъ здѣсь мудрость лишенную благодати Духа, водящуюся одними человѣческими помыслами" (Өеод.).

Мудрецъ этотъ свое имѣетъ міровоззрѣніе, въ которое входитъ и понятіе о немъ самомъ, о мѣстѣ его въ мірѣ и послѣднихъ цѣляхъ человѣка; обладаетъ въ разной степени ученостію и искусствомъ слова; и главное, въ устроеніи своей участи, своего быта и въ веденіи дѣлъ своихъ окончательно опирается на свои соображенія, не сознавая нужды въ высшей помощи; предметы, которыми занята его мудрость—всё внѣшніе, земля и земное благобытіе; забота о душѣ и спасеніи ея ему не всходитъ на умъ. Но при всемъ совершенствѣ его мудрованій по указаннымъ частямъ, онъ только

мнится мудръ быти, а не есть. Другіе, можетъ быть, и не всегда считаютъ его таковымъ, но самъ онъ иначе на себя не смотритъ, какъ на мудреца первой степени, хоть и ученость его, и житейская мудрость, и сумма познаній очень ограниченны, но онъ всегда высоко ставитъ себя по мудрости. И въ этомъ онъ самъ себя прельщаетъ. Прелесть въ томъ, что считаетъ себя имѣющимъ то, чего нѣтъ. Въ сей прелести запутаны всѣ не истинные христіане. Она есть облаченье гордости, облакъ, облежащій ее. Эту-то прелесть разсѣявая, Апостолъ говоритъ: всякій такой *буй да бываетъ*, т.-е. прежде всего пусть сознаетъ самъ себя, что не имѣетъ никакой мудрости; потомъ и самую мудрость мнимую пусть признаетъ не мудростію, а пустымъ призракомъ мудрости; и затѣмъ пусть приметъ и ученіе, и образъ жизни такіе, которые и самъ онъ прежде считалъ буйствомъ, и всѣ, которые одинаковаго съ нимъ настроенія, и считали, и считаютъ буйствомъ,— и такимъ буіимъ пусть явится предъ лицемъ всѣхъ мудрыхъ въ вѣцѣ семъ. Буіимъ быть значитъ и самого себя сознать таковымъ по внѣшней мудрости, и другіе чтобъ начали считать его такимъ, потому что онъ во всемъ перемѣнился. Не отстать только отъ внѣшней мудрости, но и пристать къ буйству проповѣди заповѣдуетъ Апостолъ. А такой не можетъ обойтись безъ того, чтобы его не поносили, какъ буяго: вѣруетъ въ Распятаго, раздаетъ имѣніе, умерщвляетъ плоть, ночи проводитъ въ молитвѣ, чуждается увеселеній; обижаетъ кто,—не защищается; предъ нимъ красоты въ разныхъ видахъ, а онъ въ нихъ вкуса не находитъ; денежку не бережетъ про черный день, всегда о чемъ-то думаетъ и чаетъ себѣ того, чего не видитъ ни онъ и никто другой По мудрости вѣка сего—это всякаго осужденія достойное буйство. Вотъ его-то и предлагаетъ Апо—

столъ, удостовѣряя, что кто станетъ таковымъ, тотъ-то и будетъ настоящимъ мудрецомъ. *Да премудръ будетъ,* т.-е. иначе нельзя быть истинно премудрымъ, какъ явившись буіимъ предъ лицемъ мудрости вѣка сего: ибо кто такимъ явится, тотъ, значитъ, вступилъ въ область премудрости, яже отъ Бога и сталъ ея обладателемъ.

Св. Златоустъ говоритъ на это: „какъ повелѣваетъ Апостолъ быть мертвымъ для міра (Кол. 2, 20) и эта мертвость не только не вредитъ, но еще приноситъ пользу, содѣлываясь источникомъ жизни, такъ теперь повелѣваетъ быть безумнымъ для міра, указывая намъ въ этомъ истинную мудрость. Безумнымъ для міра бываетъ тотъ, кто презираетъ внѣшнюю мудрость и убѣжденъ, что она нисколько не содѣйствуетъ ему въ дѣлѣ вѣры и спасенія. Посему, какъ нищета по Богу ведетъ къ богатству, смиреніе—къ величію, презрѣніе (мірской) славы—къ славѣ, такъ и это безуміе дѣлаетъ человѣка мудрѣе всѣхъ; ибо у насъ все бываетъ напротивъ. И для чего онъ не сказалъ: да оставитъ мудрость, но *буй да бываетъ?* Для того, чтобы какъ можно болѣе унизить внѣшнюю ученость. Ибо не одно и тоже сказать: оставь свою мудрость и: будь безумнымъ.— Съ другой стороны, онъ научаетъ насъ не стыдиться нашей неучености; ибо представляетъ все смѣшное достойнымъ осмѣянія. Онъ не стыдится названій, потому что полагается на силу дѣлъ. Какъ крестъ, вещь повидимому поносная, сдѣлался источникомъ безчисленныхъ благъ, причиною и виновникомъ неизреченной славы, такъ и кажущееся безуміе дѣлается для насъ виною мудрости. Какъ тотъ, кто худо научился чему-либо, если не оставитъ всего, не изгладитъ изъ души своей и не представитъ ее чистою для желающаго вновь учить его, не познаетъ ясно здраваго ученія, такъ и при

внѣшней мудрости, если не оставишь всего, не очистишь ума своего и не представишь себя вѣрѣ, подобно простолюдину, то не познаешь ничего добраго надлежащимъ образомъ; подобно тому, какъ имѣющій слабое зрѣніе, если, закрывъ глаза, не ввѣряетъ себя другимъ, а будетъ руководствоваться своимъ испорченнымъ зрѣніемъ, блуждаетъ гораздо болѣе тѣхъ, которые совершенно ничего не видятъ. А какъ, скажешь, можно оставить внѣшнюю мудрость?—Не принимая ея ученія."

Ст. 19. *Премудрость бо міра сего, буйство у Бога есть. Писано бо есть: запинаяй премудрымъ въ коварствѣ ихъ.*

Мірская мудрость—буйство предъ Богомъ. Строгій приговоръ, но совершенно справедливый, повсюднымъ опытомъ оправдываемый. Сами мудрецы міра тотъ же произносятъ приговоръ надъ сею мудростію, когда познаютъ истину и вступятъ вседушно въ область премудрости Божіей. То, что она считаетъ себя вседовлѣтельною,—не буйство ли? То, что она высится надъ откровенною мудростію и ставитъ ее почти ни во что,—не буйство ли? То, что она только внѣшнимъ, земнымъ и тварнымъ ограничиваетъ свой кругозоръ, будучи сама, хотя и неблагопотребная, умнаго выспренняго (ранга) свойства,—не буйство ли? То, что она бытъ свой, свое счастіе и дѣла, думаетъ устроять по своимъ смышленіямъ, тогда какъ осязательно видитъ, какъ все вокругъ течетъ помимо и наперекоръ человѣческимъ соображеніямъ,—не буйство ли? То, что она выбросила изъ предметовъ своего обсужденія, что будетъ за гробомъ, тогда какъ ясно видитъ, что настоящая жизнь мгновенна и послѣдней цѣли бытія человѣка вмѣстить не можетъ,—не буйство ли? То, что она и думать не думаетъ, что питомецъ ея человѣкъ нынѣ-завтра умретъ, тогда какъ человѣчество широкою рѣкою течетъ во

врата смерти,—не буйство ли? Такъ она—буйство, и буйство предъ Богомъ, потому что не видитъ осязательныхъ порядковъ Божіихъ, осуждаетъ ихъ, когда другіе о томъ ей возвѣщаютъ, и питомцевъ своихъ удерживаетъ въ своемъ мрачномъ буйствѣ, не позволяя имъ возникнуть отъ опутанія собою и обратиться къ истинной премудрости Божіей. Въ этомъ отношеніи она богоборна. И выходитъ, что „она не только не помогаетъ (человѣку въ послѣднихъ цѣляхъ его), но еще служитъ препятствіемъ; слѣдовательно надобно оставить ее, какъ вредную. Видишь ли какъ побѣдоносно св. Павелъ опровергъ ее, доказавъ, что она не только безполезна, но еще приноситъ намъ вредъ? Впрочемъ онъ не довольствуется собственными доказательствами, а приводитъ еще свидѣтельство: *писано бо есть: запинаяй премудрымъ въ коварствѣ ихъ* (Іов. 5, 13)“ (св. Злат.).

Коварство премудрыхъ не злонамѣренность означаетъ, а ихъ всяческое ухищреніе, чтобъ все постигнуть и все въ жизни своей и другихъ устроить здѣсь на землѣ по своему смышленію. Пока это имѣетъ свойство только пустодѣлія и не разоряетъ плановъ промышленія Божія о родѣ человѣческомъ, дотолѣ Богъ оставляетъ ихъ копаться въ своемъ муравейникѣ, сколько хотятъ, и все строить и перестраивать, какъ имъ угодно; но когда покушенія ихъ заходятъ далеко, тогда Богъ полагаетъ имъ преграды, разоряетъ ихъ планы, какъ паутинное плетеніе разоряетъ дитя легкимъ прикосновеніемъ тонкаго прутика. Разительный примѣръ тому—столпотвореніе и разсѣяніе людей по лицу земли. Мудрецы, во времена Апостоловъ, до чего дошли?—До того, что и сами уже не знали, на чемъ остановиться: такъ разрознились въ мысляхъ, и такъ много надумали ученій. И належала необходимость научить людей

истинѣ чрезъ неученыхъ.—Св. Златоустъ въ этомъ видитъ уловленіе премудрыхъ въ коварствѣ ихъ. „Въ коварствѣ ихъ, т.-е. уловляя ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ. Такъ какъ они употребляли мудрость свою на то, чтобы обходиться безъ Бога, то онъ чрезъ нее самую доказалъ имъ, что они имѣютъ великую нужду въ Богѣ. Какъ и какимъ образомъ? Они чрезъ нее дошли до того, что сами не знали, куда дѣваться; слѣдовательно чрезъ нее и уловлены. Ибо думая обходиться безъ Бога, они пришли въ такое бѣдственное состояніе, что оказались хуже рыбарей и неученыхъ, и въ нихъ же стали имѣть нужду. Потому Апостолъ и говоритъ: *запинаяй ихъ въ коварствѣ ихъ*. Слова: *погублю премудрость*—выражаютъ совершенную ея безполезность; а слова: *запинаяй премудрымъ въ коварствѣ ихъ*, показываютъ силу Божію.“

Ст. 20. *И паки: Господь вѣстъ помышленія человѣческа* (въ подл. греч. Апост. *мудрыхъ), яко суть суетна* (Пс. 93, 11).

У Пророка стоитъ: *помышленія человѣческа;* но Апостолъ поставилъ: *помышленія мудрыхъ*. Не у всякаго только человѣка помышленія суетны, но и у самыхъ мудрецовъ. „А когда безпредѣльная премудрость произноситъ о нихъ такой судъ и представляетъ ихъ такими-то, какого другаго требовать доказательства крайняго ихъ безумія?“ (св. Злат.).

Въ чемъ суетность? Въ тщетности: надѣются на нихъ, а изъ нихъ ничего прочнаго не выходитъ. Думаютъ мудрые, что своими соображеніями дошли наконецъ до истины,—такъ всякій философъ думалъ,—а истины въ нихъ не было. Думаютъ на землѣ устроить рай; и все онъ не устроивается, а между тѣмъ въ толкъ никто не возметъ, что это пустое начинаніе и что его слѣдуетъ бросить: все строятъ и строятъ. Думаютъ,

что за предѣлами видимости ничего болѣе нѣтъ, а между тѣмъ тамъ-то и есть настоящая существенность. И въ другихъ многихъ отношеніяхъ помышленія самыхъ мудрѣйшихъ суетны. Но никто изъ мудрыхъ не знаетъ этого. Пророкъ и говоритъ: *Господь вѣсть,* въ смыслѣ: одинъ Господь знаетъ, какъ они суетны. Какъ же быть? Указываетъ это Пророкъ, говоря вслѣдъ за симъ: *блаженъ человѣкъ, егоже аще накажеши Господи, и отъ закона Твоего научиши его* (Пс. 93, 12).

333).

„Воздавъ такимъ образомъ славу суду Божію (надъ мудростію мірскою), Апостолъ съ большею силою обращается къ поучаемымъ и говоритъ" (св. Злат.):

Ст. 21. *Тѣмже никтоже да хвалится въ человѣцѣхъ: вся бо ваша суть.*

Обращается теперь къ увлеченнымъ вожаками въ раздѣленіе и говоритъ, что послѣ того, какъ самимъ Богомъ такъ обличена суетность мудрости человѣческой, никому не слѣдуетъ дивиться ей, къ ней прилѣпляться и гордиться тѣмъ, что принадлежишь къ ея партіи. *Хвалиться въ человѣцѣхъ,*—надо понимать изъ противоположнаго: хвалиться въ Господѣ, или о Господѣ. О Господѣ хвалящійся говоритъ: вотъ какой нашъ Господь! И то намъ сдѣлалъ, и то сдѣлалъ, и все готовъ намъ сдѣлать, что ни попросимъ. Хвалящійся въ человѣкахъ или о человѣкахъ говоритъ: вотъ какой у меня учитель! какія познанія! какая рѣчь! какой нравъ! Въ Коринөѣ завелось, что стали хвалиться кто однимъ, кто другимъ, кто третьимъ изъ тамошнихъ знаменитостей. Эти вожаки партій стояли у нихъ на первомъ планѣ и увлекали на свою сторону другихъ. Ихъ суетную мудрость обличалъ Апостолъ доселѣ. Теперь берется остепенять увлекшихся,

Никтоже да хвалится въ человѣцѣхъ. Я вамъ объяснилъ хорошо, что есть мудрость человѣческая. Видите ясно, что не слѣдуетъ ею увлекаться, говоря: такой-то и такой-то умникъ, говоритъ такъ и такъ, надо подъ его знамя поступить,—и подобное. Свой разумъ христіанскій имѣйте, и по нему опредѣляйте достоинство лицъ и вещей.

Чтобъ они вѣдали, какъ же это сдѣлать, Апостолъ представляетъ имъ лѣствицу соотношеній, которая установилась вслѣдствіе того, что мы стали возсоединены съ Богомъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Христосъ въ Богѣ, вы во Христѣ, все прочее—лица и вещи для васъ, какъ средства возведенія васъ въ общеніе со Христомъ и поддержанія въ Немъ. *Вся ваша суть.*

Ст. 22. 23. *Аще Павелъ, или Аполлосъ, или Кифа, или міръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая: вся ваша суть. Вы же Христовы, Христосъ же Божій.*

„И мы Апостолы, говоритъ, ради васъ сподобились Апостольской благодати, чтобы вамъ проповѣдать слово; вамъ дана и настоящая, и ожидаемая жизнь; да и самая смерть внесена въ естество къ вашей же пользѣ; и все видимое создано на вашу потребность, и ради васъ уготовано ожидаемое. Посему надлежитъ вамъ быть въ единеніи съ Владыкою Христомъ, Который есть податель всякихъ благъ, а чрезъ Него въ единеніи съ Богомъ всяческихъ. Ибо и съ нами Онъ въ единеніи по естеству, въ которое отъ насъ воспріялъ, и со Отцемъ, по Божественной своей сущности, потому что Онъ отъ Отца рожденъ по естеству. Христосъ Божій не какъ Божія тварь, но какъ Сынъ Божій“ (Ѳеод.).

Вотъ куда возвелъ онъ ихъ умъ. Къ той истинѣ, что *животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 3, 3). И съ сей высоты обозрѣваетъ все сущее,

опредѣляя достоинство всего сею истиною. Первоначально назначены мы для жизни въ Богѣ, но отпали отъ Него. Какъ Божіи дарованія нераскаянны, то Онъ не попустилъ намъ навсегда гибнуть въ семъ отпаденіи, но благоволилъ устроить неизъяснимо дивный образъ возсоединенія съ Собою. Сынъ Божій воплотился и ѵпостасно соединилъ въ Себѣ человѣчество и Божество, нераздѣльно пребывъ въ троичномъ единосущіи. Люди, спасаемые вѣрою и благодатію, таинственно и дѣятельно вступаютъ въ живой союзъ со Христомъ, а чрезъ Него съ Богомъ. Такъ первоначальное назначеніе наше исполняется и достигается. Вы Христовы, Христосъ же Божій. Слѣдовательно и вы—Божіи. Подобное сему слову изрекъ и Самъ Господь: *Азъ во Отцѣ Моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (Іоан. 14, 20). Почему потомъ и въ молитвѣ Своей ко Отцу помянулъ: *якоже Ты Отче во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21). Это и начало уже дѣйствоваться и дѣйствуется. Но теперь дивное дѣло сіе совершается сокровенно, въ явь же придетъ, когда исполнится другое прошеніе Господа: *Отче, ихже далъ еси Мнѣ, хощу да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною* (—24).

Господь по воскресеніи вознесся на небо и сѣлъ одесную Отца. Туда возводятся къ Нему данные Ему Отцомъ вратами смерти (и смерть—ваша). Но чтобы сими вратами къ Нему возведену быть, а не отведену въ другое мѣсто, для сего надобно въ продолженіи земной жизни надлежащимъ образомъ приготовиться къ тому способами отъ Самого Господа учрежденными. Способы сіи всѣ совмѣщены во святой Церкви, чрезъ Апостоловъ Господомъ учрежденной на землѣ. Главные суть: вѣра въ Евангельское слово, общеніе съ Господомъ чрезъ таинства таинственное, и по принятіи благодати углуб-

леніе сего общенія или созрѣніе въ немъ, дѣятельною жизнію подъ руководствомъ сначала Апостоловъ, а потомъ преемниковъ ихъ (и Апостолы—для васъ). Созрѣвшіе здѣсь переходятъ чрезъ смерть туда, гдѣ и Христосъ, да будутъ съ Нимъ въ вѣкъ. Въ этомъ все дѣло домостроительства спасенія во Христѣ Іисусѣ.

Имѣя сіе въ мысли, не трудно видѣть, какъ—*аще Павелъ или Аполлосъ, или Кифа—ваши суть*. Они ваши или для васъ, потому что призываютъ ко Христу, освящаютъ таинствами и руководятъ: это тоже, что въ другомъ мѣстѣ говоритъ Апостолъ: *я обручилъ васъ, какъ дѣву чистую, въ невѣсты Христу* (2 Кор. 11, 2). Апостолы не для однихъ Коринѳянъ, но и для всѣхъ вѣрующихъ таковы суть, не только въ жизни своей, но и по смерти, дѣйствуя и сами невидимо, духовно, и чрезъ писанія свои, и чрезъ преемниковъ своихъ. Апостольство и по нихъ пастырство—невѣстоводительство есть, и есть для насъ вѣрующихъ.

Какъ *міръ—вашъ?* Онъ поприще, на которомъ совершилось домостроительство спасенія и совершается спасеніе каждаго. Міръ стоитъ не для себя: цѣль его въ духовномъ мірѣ. Можно сказать: онъ стоитъ затѣмъ, чтобъ народились всѣ могущіе спастися въ Господѣ Іисусѣ Христѣ.

Какъ *животъ—вашъ?*—Такъ, что раждаемся затѣмъ, чтобъ увѣровать въ Господа и благодатными Его средствами приготовиться къ блаженной вѣчности.

Какъ *смерть—ваша?*—Такъ, что вратами ея переходимъ къ Господу.

Какъ *настоящая и будущая—ваша?*—Но что этимъ означается?—Будущая—это блаженное сопребываніе съ Господомъ въ царствѣ славы. Соотвѣтственно сему настоящая—будетъ благодатное царство Христово на землѣ,—или Церковь со всѣми благодатными средствами. Какъ это—*ваша*, очевидно.

Вотъ какъ св. Апостолъ освѣтилъ всѣ соотношенія вещей и лицъ, и далъ понять, на чемъ должно опираться надеждами, что ставить себѣ въ славу и чего искать. Вы—Христовы. Въ этомъ все. Позаботьтесь же и пребыть навсегда Христовыми: ибо это единственное есть условіе къ тому,—что все ваше. Ничто не будетъ ваше, если вы не Христовы.

дд).

Если судить объ Апостолахъ, то съ какой стороны судить о нихъ слѣдуетъ

4, 1—16.

Неправо понимая значеніе Апостоловъ, неправо и судили о нихъ. Полагая, что они похожи на основателей философскихъ сектъ, начали опредѣлять достоинство каждаго по личнымъ качествамъ: одинъ краснорѣчивъ, другой—просторѣчивъ; одинъ—показнѣе по внѣшнему виду, другой—такой невидный; одинъ—съ достаткомъ, другой—бѣденъ,—и подобное. Слѣдовательно тотъ лучше этого; тому надо предпочтеніе дать, къ нему пристать, его именемъ именоваться.—На это теперь и намекаетъ Апостолъ, говоря, что если мы слуги Христовы и раздаятели Его достоянія, то не на то надобно вниманіемъ упираться, каковъ каждый изъ насъ самъ въ себѣ, а на то, α) какъ онъ вѣренъ, какъ вѣрно исполняетъ порученное ему (4, 1—5). Вѣрность сія должна состоять въ томъ, чтобъ сообщить другимъ, что повелѣно сообщить, не присвояя себѣ того, а относя все къ Поручившему. β) Приложите сіе къ самимъ себѣ. Вотъ вы научены нами, и все, что знаете о дѣлѣ Христовомъ, отъ насъ знаете. Зачѣмъ же вы отторгаете учениковъ въ слѣдъ себѣ, какъ будто, что̀ знаете, отъ

себя знаете?—Это ни съ чѣмъ несообразно (4, 6—8). γ) Что касается до того, что я непоказенъ и бѣденъ, то это въ порядкѣ вещей. Такъ Богу угодно было, чтобъ мы позоръ были, отребіе міру. Вы это видите на мнѣ и на всѣхъ Апостолахъ (9—13). δ) Но да не покажется рѣчь моя горькою для васъ: она плодъ отеческой любви къ вамъ (14—16).

α).

Указаніе, какъ судить объ Апостолахъ

4, 1—5.

Вы стали судить о насъ по личнымъ каждаго свойствамъ, и впали въ заблужденіе. Если ужъ судить объ насъ, то надлежитъ судить лишь съ той стороны, какъ кто вѣренъ Господу, поручившему намъ дѣло Свое.—Но объ этомъ кто можетъ судить кромѣ самого Господа?—Я и не считаю важнымъ, кто какъ о мнѣ судитъ; и самъ о себѣ не сужу, предавая судъ Господу. Такъ поступайте и вы: не судите прежде времени. Придетъ Господь, все обсудитъ, и каждому воздастъ по дѣламъ.

Ст. 1. *Тако насъ да непщуетъ человѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ.*

Подъ *насъ* разумѣетъ себя, Аполлоса и Петра, и вообще Апостоловъ. *Да непщуетъ,* пусть считаетъ, на той линіи пусть ставитъ.—*Яко слугъ*—ὑπηρέτας и *строителей* οἰκονόμους.—Какъ у богатаго домовладыки бываютъ въ домѣ слуги и экономы, распорядители по разнымъ частямъ, такъ и у Господа Іисуса Христа—Владыки всѣхъ сокровищъ духовныхъ для рода человѣческаго—есть слуги и экономы, коимъ ввѣрилъ Онъ раздаяніе Своихъ сокровищъ и устроеніе дѣла Его на

землѣ—спасенія людей, чрезъ насажденіе повсюду церквей. Таковы — мы. Но какъ слуги и экономы въ домѣ господина ничего своего не имѣютъ, а все господское, такъ и у насъ ничего нѣтъ своего, а все Христово. И какъ слуги и экономы ничего по своему желанію дѣлать не могутъ, а дѣлать должны только то и такъ, что и какъ велѣно господиномъ, такъ и мы не можемъ ничего дѣлать по своей волѣ и по своему разуму, а все дѣлаемъ, какъ Господь заповѣдалъ. Напрягаться указать различіе слугъ и экономовъ въ царствѣ Христовомъ не настоитъ надобности; ибо цѣль у Апостола та только, чтобы внушить, что они не самостоятельные дѣйствователи, и не имѣютъ ничего сами отъ себя, и дѣлать ничего не могутъ сами-по-себѣ. *Слуги,* говоритъ, *Христовы, и строители таинъ Божіихъ.* Ибо все Христово есть Божіе, и Божіе все Христово. *Вся Твоя—Моя, и Моя—Твоя,* говоритъ Господь къ Богу Отцу. *Тайны* здѣсь не одни таинства, но устроеніе всего дѣла Христова на землѣ, которое названо премудростію Божіею въ тайнѣ сокровенною; и не одни тайны ученія, а все домостроительство спасенія, въ которое входитъ и ученіе, и заведеніе правой жизни, и преподаніе освящающихъ таинствъ.

Ст. 2. *А еже прочее ищется въ строителехъ, да вѣренъ кто обрящется.*

Если мы—строители, экономы Христовы, то все наше попеченіе на то и должно быть обращено, чтобы вѣрно устроять повѣренное; въ этомъ и все достоинство наше. Ни умъ нашъ, ни краснорѣчіе, ни достатокъ не должны входить въ разсчетъ, какъ моменты опредѣляющіе нашъ вѣсъ. Кто вѣренъ, тотъ настоящій, хорошій экономъ, и насколько вѣренъ онъ, настолько и хорошъ. Вѣрный строитель ничего господскаго себѣ не присвояетъ, ничего не утаеваетъ, а все раздаетъ, какъ велѣно, и

всѣмъ говоритъ, что это не его добро, а господское. Вѣрность и въ дѣлѣ Божіемъ состоитъ въ томъ, „чтобы не присвоять себѣ того, что принадлежитъ Господу, и не приписывать себѣ вмѣсто Господа, а поступать, какъ дѣлаютъ вѣрные домостроители. Ибо дѣло домостроителя—хорошо устроять ввѣренное ему, не называть своимъ принадлежащаго Господу, а напротивъ свое приписывать Господу. Представляя это, каждый владѣющій даромъ слова, или имуществомъ, т.-е. что эти дары ввѣрены ему Господомъ, а не его собственные, пусть не удерживаетъ ихъ у себя и не присвояетъ себѣ, но приписываетъ Богу, даровавшему все. Хочешь ли видѣть вѣрныхъ домостроителей? Послушай, что говоритъ Петръ: *на ны что взираете, яко своею ли силою, или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. 3, 12)? Равно и Павелъ, сказавъ: *паче всѣхъ потрудихся,* присовокупилъ: *не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10). И ниже, обращаясь къ Коринѳянамъ, сказалъ: *что имаши, егоже нѣси пріялъ* (1 Кор. 4, 7)? У тебя все не свое,—и богатство, и даръ слова, и самая душа; ибо и она отъ Господа“ (св. Злат.).

Ст. 3. *Мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся, или отъ человѣческаго дне: но ни самъ себе востязую.*

Вотъ, говоритъ, какъ слѣдовало бы объ насъ судить!—Именно, насколько мы вѣрны поручившему намъ свое дѣло Господу. Но объ этомъ кто можетъ судить кромѣ самого Господа? Онъ ввѣрилъ; Онъ же только и опредѣлить можетъ, насколько кто оправдываетъ довѣріе вѣрностію порученію. Вы судите объ насъ не съ этой стороны, и судъ вашъ—ни во что; но еслибъ и съ этой стороны судили, и не укорили, а до небесъ меня вознесли; и тогда это было бы для меня не велико. Говорю съ увѣренностію, какъ смотрю я на эти суды: вы ли судите, другіе ли всѣ станутъ судить и опредѣлять.

чего я стою, это для меня не велико. Я и самъ себя не сужу и не опредѣляю.

Не велико εις ελάχιςον,—послѣдняго значенія дѣло есть для меня вашъ и вообще человѣческій судъ, самою послѣднею малостію его считаю, ни во что вмѣняю его. Не потому такъ говоритъ, чтобы презиралъ людей съ судомъ ихъ, но потому, что судъ этотъ ничего вѣрнаго опредѣлить не можетъ, судя о людяхъ, каковъ кто.— *Человѣческимъ днемъ* называетъ Апостолъ судъ человѣческій, какъ день Господенъ есть судъ Господень. *Востязывать* αναχρίνειν, — судить или обсуждать кого или что съ опредѣленіемъ достоинства,—судъ произносить съ рѣшительнымъ приговоромъ. Хвалить ли, говоритъ, будете, судя обо мнѣ, или охуждать, это для меня никакого вѣса не имѣетъ, ничтожно есть.

Вотъ назидательное слово св. Златоуста на сіе мѣсто: „Не знаю, какимъ образомъ между другими родами зла вошло въ природу человѣческую зло испытанія и неумѣстнаго осужденія ближнихъ, которое и Христосъ обличилъ, когда говорилъ: *не судите, да не судими будете* (Мѳ. 7, 1). Оно не доставляетъ даже никакого удовольствія, какъ другіе грѣхи, а ведетъ только къ непріятностямъ и наказанію. Между тѣмъ мы, будучи сами виновны въ безчисленныхъ грѣхахъ и имѣя въ глазахъ своихъ какъ-бы бревно, тщательно разбираемъ грѣхи ближняго, которые не болѣе сучка (Мѳ. 7, 3). Такъ было и у Коринѳянъ. Мужей благочестивыхъ и богоугодныхъ они осмѣивали и отвергали за неученость ихъ, а виновныхъ въ безчисленныхъ порокахъ уважали за ихъ краснорѣчіе. Принимая на себя лицо судей, они съ дерзостію произносили приговоры: такой-то достоинъ, такой-то лучше такого-то, этотъ выше того, а тотъ ниже этого; вмѣсто того, чтобы оплакивать свои грѣхи, судили о другихъ, и такимъ образомъ возбуж-

дали великое взаимное несогласіе.—Для уврачеванія этой болѣзни Павелъ, смотри, какъ мудро вразумляетъ ихъ. Сказавъ: *а еже прочее ищется въ строителехъ, да вѣренъ кто обрящется,*—и этими словами повидимому дозволивъ имъ судить и изслѣдывать жизнь каждаго, онъ хочетъ освободить ихъ отъ такой страсти и говоритъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся,* опять указывая на свое лицо. Не подумайте, что Павелъ говоритъ такъ по гордости, будто никто изъ людей не достоинъ произносить объ немъ судъ. Ибо вопервыхъ, онъ не для себя говоритъ это, а чтобы другихъ исцѣлить отъ ихъ болѣзни; вовторыхъ, онъ не остановился на Коринѳянахъ, но не приписалъ и себѣ права сужденія, сказавъ, что такое сужденіе выше его собственнаго разумѣнія; *но ни самъ себе,* присовокупляетъ онъ, *востязую.* Итакъ онъ не превозноситъ себя, но смиряетъ другихъ, вразумляетъ превозносящихся и научаетъ ихъ смиренномудрію, когда говоритъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся или отъ человѣческаго дне.* Видишь ли, какъ онъ врачуетъ ихъ? Слыша, что онъ на судъ всѣхъ равно не обращаетъ вниманія и всѣхъ считаетъ неспособными вѣрно судить о немъ, никто изъ нихъ не могъ скорбѣть и говорить, что онъ только одинъ отвергнутъ. Еслибы онъ сказалъ: *отъ васъ* только, и остановился, то они могли бы огорчиться, какъ отверженные; а присовокупивъ: *или отъ человѣческаго дне,* онъ облегчилъ ударъ, признавъ вмѣстѣ съ ними и другихъ неспособными. Далѣе смягчаетъ и это, присовокупляя: *но ни самъ себе востязую.* Видишь ли, какъ слова его происходятъ не отъ гордости? Я и самъ, говоритъ, не въ состояніи произносить судъ.“

Ст. 4. *Ничесоже бо въ себѣ свѣмъ: но ни о семъ оправдаюся: востязуяй же мя, Господь есть.*

„Что говорить о другихъ? И я, въ точности зная каса-

ющееся до меня, и не сознавая за собою ничего законопреступнаго, не смѣю ни осудить себя, ни признать себя невиннымъ; ожидаю Господня приговора“ (Ѳеод.).

Ничесоже въ себѣ свѣмъ. Ничего не знаю за собою виновнаго предъ Богомъ; совѣсть ни въ чемъ не обличаетъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ позналъ я Господа и предалъ себя на служеніе Ему, не позволялъ себѣ я дѣлать ничего даже малѣйшаго, что признавалъ неугоднымъ Господу, и ничего не упустилъ такого, что сознавалъ добрымъ и угоднымъ Господу, какъ бы трудно оно ни было и какой бы жертвы ни требовало. По этому судя, можно бы сказать, что я правъ, еслибъ можно было быть увѣреннымъ, что и Божій судъ таковъ же, какъ нашъ судъ. Между тѣмъ хотя то несомнѣнно, что кого совѣсть обличаетъ, того осудитъ и Богъ; но нельзя никакъ основаться на томъ, что кого совѣсть не обличаетъ, того не осудитъ и Богъ. Такимъ образомъ хоть *ничесоже въ себѣ свѣмъ, но ни о семъ оправдаюся.* „Что же скажемъ мы, которые имѣемъ совѣсть, пораженную безчисленными ранами, и не знаемъ за собою ничего добраго, но все противное тому?—Но почему онъ не считаетъ себя оправданнымъ, тогда какъ не знаетъ за собой ничего? Потому что и ему случалось допускать нѣкоторыя прегрѣшенія, безъ собственнаго сознанія этихъ прегрѣшеній“ (св. Злат.). „Нерѣдко случается согрѣшать и не зная, даже признавая въ себѣ сдѣланное справедливымъ; но иначе взираетъ на то Богъ всяческихъ“ (Ѳеод.). Онъ говоритъ какъ-бы: „очень вѣроятно, что я грѣшенъ въ чемъ либо, хоть и не знаю въ чемъ“ (Ѳеоф.). Почему „не могу считать оправданія своего надежнымъ, пока не услышу оправданія изъ устъ Божіихъ“ (Экум.). „Отсюда можешь заключить, какъ страшенъ судъ будущій“ (св. Злат.).

Востязуяй же мя Господь есть. Не только другіе не

могутъ вѣрно судить обо мнѣ и постановлять о мнѣ приговоры, потому что мое внутреннее сокрыто отъ нихъ, но и я самъ, могущій видѣть, что во мнѣ, не могу опредѣлять себя, потому что многое ускользаетъ отъ моего сознанія, или совѣсть моя не такъ чутка, чтобы обличить грѣшность нѣкоторыхъ движеній сердечныхъ, а нерѣдко словъ и дѣлъ; или можетъ быть другимъ подалъ я поводы грѣшить, по невниманію къ своимъ дѣламъ и словамъ. И Пророкъ Давидъ молился: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждихъ пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13). Почему и предаю судъ надъ собою Господу. Онъ одинъ *праведно испытуетъ сердца и утробы* (Пс. 7, 10), вѣрно опредѣляетъ качество дѣлъ и помышленій и по нимъ произноситъ приговоръ надъ человѣкомъ. И Судъ Его праведенъ и неизмѣненъ.

Ст. 5. *Тѣмже прежде времене ничтоже судите, дондеже пріидетъ Господь, Иже во свѣтѣ приведетъ тайная тмы и объявитъ совѣты сердечныя: и тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога.*

„Вы усматриваете видимое, а Богу явно и сокровенное. Но въ настоящей жизни не все обнаруживаетъ Онъ; въ оной же все содѣлается явнымъ. Посему ожидайте праведнаго суда. Ибо тогда увидите праведные приговоры“ (Ѳеод.). Вы, говоритъ, взялись о насъ судить не съ той стороны, съ какой слѣдуетъ, и погрѣшили. Но еслибъ и съ надлежащей стали судить, и тогда нельзя вамъ праведнаго произнести сужденія, потому что не можете видѣть, какъ зараждаются дѣла въ сердцѣ и какъ исходятъ оттуда въ явь. И самъ дѣлающій не всегда это сознаетъ, какъ должно; гдѣ же узнать это стороннему?—Такъ лучше будетъ, если вы перестанете судить совсѣмъ, чтобъ не произносить сужденій неправедныхъ, обличающихъ неразуміе. *Тѣмже*

прежде времене ничтоже судите.—*Ничтоже судите*, т.-е. не осуждайте ничего, никакихъ дѣлъ и ничьихъ,—не произносите осудительныхъ приговоровъ, или вообще приговоровъ судительныхъ. Говоритъ: *прежде времене;* будто, когда придетъ время, имъ можно судить; но когда придетъ время, тогда судьею будетъ Господь, имъ же самимъ будетъ не до суда надъ другими. Слѣдовательно онъ тоже говоритъ, что никогда не судите.

Когда придетъ время суда, тогда Господь *приведетъ во свѣтъ тайная тмы. Тайная тмы*—дѣла во тьмѣ дѣлаемыя, которыхъ сторонніе люди теперь не видятъ; но тогда Господь выведетъ наружу и всѣ ихъ увидятъ. И не дѣла только скрытыя выведетъ наружу, но и *совѣты сердечныя объявитъ.* Что человѣкъ самъ съ собою совѣщаетъ сдѣлать, того кромѣ самого человѣка никто знать не можетъ. Сокрыто то завѣсою тѣла; а тогда Господь объявитъ сіи совѣты; и всѣ тоже увидятъ, что у кого было на сердцѣ, когда онъ дѣлалъ дѣла. И самъ дѣлающій себя увидитъ. Теперь Онъ иного не видитъ, иное намѣренно прикрываетъ и отъ себя; но тогда съ неотразимою очевидностію все увидитъ.—Окажется ли тогда кто изъ хулимыхъ здѣсь достойнымъ похвалы,—это очень вѣроятно. Но то несомнѣнно, что многіе хвалимые не выдержатъ пробы суда. И вотъ когда такимъ образомъ и всѣ дѣла, теперь сокрываемыя, выведены будутъ наружу, и всѣ намѣренія сердечныя, теперь естественно невидимыя, объявлены будутъ, тогда будутъ на лицо всѣ данныя для полученія праведнаго о каждомъ опредѣленія. Богъ и издастъ его. *И тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога.* Будетъ одному похвала, а другому укоризна; но Апостолъ выставляетъ эту одну часть, можетъ быть потому, что Коринѳяне погрѣшали тѣмъ, что говорили, одни: тотъ-то лучше, другіе: тотъ-то.—Тогда окажется, говоритъ, кто лучше.

„Апостолъ говоритъ здѣсь о предпочтеніи такого-то такому-то и объ осужденіи другихъ. Судить объ этомъ безошибочно можетъ одинъ только Тотъ, Который будетъ судить сокровенныя наши помышленія и опредѣлять, какія изъ нихъ достойны большаго, какія меньшаго наказанія или награжденія: а мы судимъ по внѣшности. Что изъ того, если нѣкоторые по внѣшности кажутся добродѣтельными и удивительными? Не по внѣшности судитъ этотъ Судія, но обнаруживаетъ и сокровенныя намѣренія. Такимъ образомъ по двумъ, или лучше по тремъ причинамъ, судъ нашъ не бываетъ правымъ: вопервыхъ, потому, что хотя бы мы ничего не знали за собою, мы не безвинны предъ судомъ Обличающаго грѣхи наши съ точностію; вовторыхъ, потому что большая часть дѣлъ остается для насъ неоткрытою и неизвѣстною; въ третьихъ, потому что многія изъ дѣйствій другихъ кажутся намъ добрыми, но совершаются не съ добрымъ намѣреніемъ. Для чего же вы говорите, что такой-то лучше такого-то? Ибо вотъ Апостолъ говоритъ, что *ничесоже въ себѣ свѣмъ,* и однакожъ — о *семъ не оправдаюся,* — т.-е. нельзя сказать, что я свободенъ отъ вины и осужденія.—Если же мы и тогда, когда ничего не знаемъ за собою, не можемъ быть свободными отъ осужденія, —и за самыя добрыя дѣла, когда совершаемъ ихъ не съ добрымъ намѣреніемъ, подлежимъ наказанію, то представь, сколь неправы суды человѣческіе. Люди не могутъ видѣть всего; это возможно только для одного недремлющаго Ока; людей мы можемъ обмануть, но Его— никогда. Посему не говори: мракъ и стѣны окружаютъ меня; кто видитъ меня? *Создавый наединѣ сердца* наши (Пс. 32, 15) знаетъ все; потому что *и тма не помрачится отъ Него* (Пс. 138, 12). Посему не говори: кто видитъ меня? Есть Тотъ, Который проникаетъ

до души же и духа, членовъ же и мозговъ (Евр. 4, 12)" (св. Злат.).

β).

Примѣненіе сказаннаго къ Коринѳянамъ

4, 6 8.

Ст. 6. *Сія же, братіе моя, преобразихъ на себе и Аполлоса васъ ради: да отъ насъ научитеся не паче написанныхъ мудрствовати, да не единъ по единому гордитеся на другаго.*

Сія же преобразихъ. Что такое *сія?* То, что говорилъ онъ въ третьей главѣ и что сказалъ теперь. Тамъ говорилъ: *кто же есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ, точію служителіе?* Здѣсь сказалъ: *тако насъ да непщуетъ человѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ.* То несомнѣнно, что благовѣстники Евангелія имѣли высокое значеніе въ дѣлѣ устроенія Церкви, спасительницы человѣчества. Но Апостолы ничего себѣ не приписывали, а все относили къ Господу, чрезъ нихъ дѣйствовавшему, почитая себя орудіями Его и всю заботу обращая на то, чтобы вѣрными Ему быть во всемъ. Въ Коринѳѣ же вожди партій, можетъ быть, превосходившіе другихъ и образованностію, и дарами благодатными, вѣроятно много о себѣ думали, высились надъ другими, а за ними и тѣ, которыхъ каждый привлекалъ на свою сторону, одни предъ другими гордились. Чтобъ уврачевать ихъ, св. Павелъ представилъ имъ, что и онъ, столько потрудившійся въ насажденіи вѣры въ Коринѳѣ, и Аполлосъ, не мало къ тому содѣйствовавшій, суть ничто въ семъ дѣлѣ: *ни насаждаяй что есть, ни напаяяй, но возращаяй Богъ;* тогда какъ всѣ видѣли и важность дѣла ими сдѣланнаго, и вели-

кость труда, ими подъятаго. Изъ всего хода рѣчи тѣ, которые высились надъ другими, не могли не уразумѣть, какъ стыдно имъ присвоять что-либо себѣ и выситься, когда Апостолы такъ смиренно о себѣ судятъ. Но какъ грѣшная совѣсть уклончива, то Апостолъ справедливо предполагая, какъ бы не уклонила она обличенія и отъ этихъ виновныхъ, счелъ нужнымъ прямо сказать, что все это о себѣ и Аполлосѣ говорилъ съ цѣлію уврачевать ихъ немощь. *Васъ ради,* говоритъ, *преобразихъ* на себѣ и Аполлосѣ. Хоть онъ и не называетъ, кого ради именно; но и для нихъ и для всѣхъ было очевидно, къ кому рѣчь. Какъ это ни осторожно сдѣлано, однакоже не могло не смутить ихъ; потому, чтобы смягчить впечатлѣніе, онъ предпосылаетъ слово любви: *братіе моя.* Они все сказанное доселѣ слушали со вниманіемъ и хорошо все усвоили, смутно, можетъ быть, гадая, что рѣчь ихъ касается. Но когда сказалъ Апостолъ: *васъ ради,* то для нихъ все стало ясно,—и какъ сказанное идетъ къ нимъ, и для чего далъ Апостолъ такой оборотъ рѣчи. Вразумленіе было полное.

„Еслибъ онъ прямо сказалъ: вы осуждаете мужей святыхъ и достопочтенныхъ, то они оскорбились бы и не стали слушать; а теперь, когда онъ сказалъ: *кто есть Павелъ* и проч., то они скорѣе могли принять внушеніе. Посему онъ и сказалъ: *сія преобразихъ васъ ради, да отъ насъ научитеся не паче мудрствовати,*—выражая этимъ, что если бы онъ прямо сталъ говорить о тѣхъ мужахъ, то они не научились бы тому, чему слѣдовало научиться, и не приняли бы вразумленія, оскорбившись сказаннымъ“ (св. Злат.). А теперь и бѣжать нечего; ибо все нужное для вразумленія уже выслушано.

Не паче написанныхъ мудрствовати. Что это написанное? То, что написалъ Апостолъ впереди. Хочетъ сказать вождямъ: да научитесь отъ насъ все, что имѣе-

те, къ Богу относить; если что успѣли сдѣлать доброе для братій, считать себя только служителями, чрезъ которыхъ Богъ дѣйствовалъ, и если что изъ сдѣланнаго принесло плодъ, Богу то приписывать, возращающему все доброе; себя же считать ничѣмъ, и никакъ не предварять суда Божія, думая о себѣ, что достойны похвалы и наградъ.

Слова же: *да не единъ по единому гордитеся на другаго*, относятся и къ вожакамъ конечно, но болѣе ко всѣмъ другимъ, ими увлеченнымъ. „Здѣсь онъ, оставивъ учителей, обличаетъ учениковъ“ (св. Злат.). „Ибо Коринѳяне раздѣлившись на толки и положивъ называться—одни именемъ одного, а другіе именемъ другаго, препирались одни съ другими, и каждый толкъ усиливался своему учителю отдать первенство предъ другими“ (Ѳеод.). Апостолы, имена которыхъ носили партіи, закрыты были ближайшими личностями вожаковъ. Ученики ихъ ими гордились и высились другъ передъ другомъ. Это было самое пустое гордѣніе единаго по единому на другаго. Гордѣніе—плодъ легкомыслія, но все же гордѣніе, надмѣніе. „Дѣйствительно и то происходитъ отъ гордости, когда кто-нибудь, не имѣя ничего у себя, превозносится другими. Какъ превозносящійся чужимъ богатствомъ дѣлаетъ это отъ гордости, такъ и превозносящійся чужою славою. Посему справедливо Апостолъ называетъ это гордостію. Когда въ тѣлѣ одинъ членъ дѣлается выше другихъ, то это не что иное, какъ болѣзненная опухоль; ибо одинъ членъ не иначе можетъ подняться выше другаго, какъ отъ воспаленія. Такъ и въ тѣлѣ Церкви—кто гордится и превозносится, тотъ находится въ болѣзненномъ состояніи; потому что онъ поднимается выше общаго соразмѣрнаго положенія и, слѣдовательно, подвергается болѣзненной опухоли. Въ тѣлѣ это бываетъ

тогда, когда накопляется какая-нибудь излишняя и вредная влага вмѣсто обыкновенныхъ питательныхъ соковъ. Такъ и въ душѣ раждается гордость, когда въ насъ входятъ чуждые помыслы. Гордость есть какъ-бы воспалительная опухоль, наполненная вредными соками. Впрочемъ, говоря это, онъ не запрещаетъ оказывать почтеніе (учителямъ), но осуждаетъ почтеніе, соединенное со вредомъ. Ты хочешь оказать почтеніе такому-то? Не препятствую; но только бы безъ вреда другому. Не для того намъ даны учители, чтобы мы возставали другъ противъ друга, но чтобы всѣ соединялись другъ съ другомъ. Военачальникъ поставляется надъ войскомъ для того, чтобы изъ раздѣленныхъ членовъ составить одно тѣло; если же онъ станетъ производить въ войскѣ раздѣленіе, то онъ болѣе врагъ, нежели военачальникъ" (св. Злат.).

Ст. 7. *Кто бо тя разсуждаетъ? Что же имаши, егоже нѣси пріялъ? Аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемъ.*

Когда открылось, на кого мѣтила прежняя рѣчь, и указана цѣль скрытаго обличенія, чтобъ не гордились другъ предъ другомъ,—виновные пойманы и не могли уклониться; тогда самое обличеніе обрушивается на нихъ со всею строгостію. Апостолъ оставляетъ прочихъ и тѣснитъ вожаковъ, въ той особенно мысли, что когда они возвратятся къ скромности въ помыслахъ и дѣлахъ, тогда и водимые ими всѣ смирятся, смотря на нихъ. „Здѣсь, оставя подчиненныхъ, онъ обращается опять къ начальникамъ. А смыслъ словъ его слѣдующій: откуда извѣстно, что ты достоинъ похвалы? Развѣ былъ судъ? Развѣ произведено было испытаніе, изслѣдованіе, точное дознаніе? Не можешь этого сказать. Если же люди такъ разсудили, то судъ ихъ невѣренъ (*разсуждаетъ*—διακρίνει, различаетъ, отличаетъ). Положимъ даже, что ты до-

стоинъ похвалы, что ты дѣйствительно имѣешь дарованія и что судъ человѣческій не ложенъ: и тогда тебѣ не слѣдуетъ высокомудрствовать. Ты ничего не имѣешь отъ себя, но все получилъ отъ Бога. Почему же представляешь себя (отъ себя и для себя) имѣющимъ то, чего не имѣешь (отъ себя и для себя)? Что ты имѣешь, то имѣютъ и другіе вмѣстѣ съ тобою (ибо дано для нихъ). Ты получилъ все, что ни имѣешь, а не то только или другое (дары особые). Достоинства твои не отъ тебя, но отъ благодати Божіей. Укажешь ли на вѣру,—она отъ призванія; укажешь ли на отпущеніе грѣховъ, на дарованія, на способность учительства, на добродѣтели,—все ты получилъ оттуда. Что же, скажи мнѣ, ты имѣешь такого, чего бы не получилъ, а достигъ самъ собою? Не можешь указать ни на что. Ты получилъ, и между тѣмъ привозносишься? При этомъ слѣдовало бы смиряться; потому что данное принадлежитъ не тебѣ, но Давшему. Если ты получилъ, то получилъ отъ Него; если получилъ отъ Него, то получилъ не свое; если получилъ не свое, то почему превозносишься, какъ-бы имѣя все отъ самого себя? Посему и присовокупилъ Апостолъ: *аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемъ?* Такимъ образомъ послѣдовательно доказавъ свою мысль, онъ далѣе показываетъ, что еще многаго не достаетъ имъ, и говоритъ: еслибы даже вы получили все, и тогда никакъ не слѣдовало бы хвалиться, потому что все это не ваше; но вы теперь еще многаго не имѣете. И въ началѣ онъ намекалъ на это, когда говорилъ: *не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ* (3, 1), а здѣсь съ укоризною внушаетъ имъ это и говоритъ“ (св. Злат.):

Ст. 8. *Се сыти есте, се обогатистеся, безъ насъ воцаристеся: и о дабы воцарилися есте, да и мы быхомъ съ вами царствовали!*

Се — вотъ какъ, вы уже *сыти* и *обогатилисьl* Не успѣли вкусить начатка отъ плодовъ вѣры, уже и сыти; не успѣли малость нѣкую стяжать изъ вѣдѣнія христіанскаго и христіанскихъ добродѣтелей, какъ уже и богатыми себя считаете! Это съ чѣмъ сообразно? Съ другой стороны обличаетъ гордость: тамъ обличалъ ее тѣмъ, что она себѣ присвояетъ то, что даровано; а здѣсь тѣмъ, что она всегда исходитъ отъ пагубнаго самопрельщенія, отъ чувства самодовольства: врагъ надуваетъ въ голову мысль, будто того, что имѣется, такъ много, что большаго и желать нечего. Остается только наслаждаться и украшаться вѣнцами похвалъ, или прямѣе сплетать себѣ самовосхваленія, и вслѣдствіе того выситься надъ другими, смотря на нихъ свысока. Какъ такого рода настроеніе очень смѣшно въ существѣ дѣла, то для разоренія его Апостолъ и употребляетъ иронію. „*Се сыти есте*. Не напрасно Апостолъ употребилъ слово: *се* (вотъ какъ, вы уже и сыти), но самымъ временемъ доказываетъ, какъ неосновательно и безразсудно ихъ мнѣніе. Онъ иронически говоритъ имъ: такъ скоро вы дошли до конца! Это не могло быть по самому времени; совершенство — въ будущемъ; довольствоваться малымъ, это—знакъ слабой души; при маломъ считать себя богатымъ свойственно душѣ болѣзненной и жалкой; благочестіе ненасытимо: при начаткахъ считать себя получившимъ все и только еще въ началѣ дѣла—достигшимъ конца, свойственно дѣтскому разсудку“ (св. Злат.).

Безъ насъ воцаристеся. „Мы еще бѣдствуемъ, подвергаемся страданіямъ за проповѣдь, а вы уже и царствомъ насладились“ (Ѳеод.). Надо подразумѣвать здѣсь — *будто*. Вы такъ себя держите, будто ужъ воцарились, будто настало царство славы, розданы вѣнцы, настало блаженное ликованіе. Но какъ же это безъ насъ? Мы

трудимся, терпимъ всякаго рода лишенія, а вы уже и въ царство будто вступили! Выставляетъ Апостолъ нелѣпость того помышленія гордыхъ, что у нихъ уже всего вдоволь, нечего болѣе трудиться. Онъ говоритъ здѣсь: нынѣ время труда и потовъ; нелѣпо себя имѣть такимъ, какъ будто ужъ и царство въ рукахъ держишь. Или такая можетъ быть здѣсь мысль: мы трудились и надъ вами и надъ тѣми, которыхъ вы къ себѣ подобрали, а вы въ трудъ нашъ вошли, и распоряжаетесь тамъ себѣ самовластно, будто настоящіе цари. Къ вамъ всѣ уже обратились, мы же вытѣснены изъ вниманія, будто насъ нѣтъ, и мы ничего не значимъ, хотя толки ваши нашими именами украшаются. Но первая мысль прямѣе.

И о дабы воцарилися есте! — „Иронія кончилась: Апостолъ выражаетъ дѣйствительное свое къ нимъ расположеніе, и говоритъ какъ-бы: въ этомъ отношеніи не только не завидую вамъ, но и желаю, чтобы вы сподобились такого блага" (Ѳеод.). „А чтобы и эти слова не показались ироніею, продолжаетъ: *да и мы быхомъ съ вами царствовали.* Тогда, говоритъ, и мы съ вами получили бы это благо!" (св. Злат.). Этимъ „выразилъ Апостолъ безмѣрность своего смиренія. Христосъ истинно царствуетъ: слуги Его суть причастники Его царства; но Апостолъ, въ намѣреніи скромностію своею смирить ихъ (вожаковъ партій) гордыню, употребилъ такое выраженіе" (Ѳеод.). „Какъ бы такъ: ради васъ и намъ дастся царство; авось и мы не лишимся такого блага. Ибо учителямъ справедливо быть тамъ, гдѣ ученики,—не отставая отъ нихъ. Или такъ: и мы съ вами царствовали бы въ васъ,—т.-е. ваша слава—наша слава. Честь учителямъ, когда ученики стоятъ высоко" (Экум. и Ѳеоф.).—Слѣдующія слова заставляютъ дополнить: но вѣдь этому нельзя быть теперь. Желали бы мы, чтобъ вы уже въ царствѣ будто были,

чтобъ и намъ съ вами тамъ же быть, но время не то. Теперь—время трудовъ, скорбей, смертей.

Мысль сего мѣста темновата. Не видно, что хотѣлъ внушить ею Апостолъ.

γ).

Внѣшнее положеніе Апостоловъ въ мірѣ не свѣтлое

4, 9—13.

Иные думаютъ, что въ этомъ отдѣленіи продолжается начатая предъ симъ иронія; другіе, что Апостолъ намѣренно представилъ картину скорбнаго и уничиженнаго положенія своего и всѣхъ Апостоловъ и причину его положилъ въ особомъ намѣреніи Божіемъ,—чтобъ тѣ, которые не очистились еще отъ гордостныхъ мірскихъ воззрѣній, не смотрѣли на него и другихъ Апостоловъ съ презрѣніемъ и не уничижали ихъ за то. Послѣднее будто прямѣе идетъ. Но можно и первое видѣть въ иныхъ выраженіяхъ. Такимъ образомъ совмѣстится и то и другое пониманіе этого отдѣленія.

Ст. 9. *Мню бо, яко Богъ ны посланники послѣдніе яви, яко насмертники, зане позоръ быхомъ міру и Ангеломъ и человѣкомъ.*

Бо—ибо,—причина на умолчанную мысль. Желали бы мы вамъ воцариться, чтобъ и самимъ съ вами царствовать; да время не то. Ибо нынѣшнее время вотъ каково: скорби, смерти, лишенія.—И это по Божьему намѣренію. Богъ такъ положилъ. *Мню бо*—полагаю навѣрное, тоже что вижу. Хочетъ сказать: ибо очевидное дѣло, что Богу угодно было явить насъ Апостоловъ послѣдними,—послѣдними по долѣ. Богу угодно было, чтобъ мы состояли въ самой послѣдней, низкой долѣ, чтобъ мы были какъ-бы насмертники, люди на смерть осужденные и преданные позору, какъ, напр..

тѣ. которыхъ отдаютъ на снѣденіе звѣрямъ. Что это такъ, смотрите, что мы.—*Мы позоръ быхомъ міру и Ангеломъ и человѣкомъ.* Позоръ—зрѣлище,—не въ славу, а къ посрамленію и всестороннему униженію, хотя въ духовномъ отношеніи это славно и величественно. Избираемъ изъ словъ св. Златоуста нѣкоторыя положенія: „Апостолъ говоритъ какъ-бы: возвѣщаю, что настоящее время не есть время почестей и славы, но гоненій и скорбей.—Я вижу, что мы, Апостолы, всѣхъ презрѣннѣе и осуждены терпѣть постоянныя бѣдствія. Тѣхъ, которые посѣваютъ проповѣдь благочестія, Богъ послѣдними явилъ, какъ-бы насмертниками, т.-е. какъ-бы осужденными на смерть и достойными всякаго рода смерти.—*Зане позоръ быхомъ міру и Ангеломъ и человѣкомъ.* Что значитъ: *позоръ быхомъ міру?* Не въ потаенномъ мѣстѣ, говоритъ, и не въ малой части вселенной мы подвергаемся этому, но вездѣ и при всѣхъ. А что значитъ *и Ангеломъ.* Можно быть зрѣлищемъ для людей, но не для Ангеловъ, когда совершаемое маловажно; а наши, говоритъ, подвиги таковы, что они достойны быть зрѣлищемъ и для Ангеловъ (несмотря на то, что по видимости они такъ уничижительны). Они обращаютъ на себя взоры не только людей, но и всего сонма Ангеловъ. *Яко нѣсть наша брань* съ человѣками, но съ безплотными силами (Еф. 6, 12), потому и смотритъ на насъ великое множество зрителей.“

Но таковы Апостолы, т.-е. такъ уничиженны и бездольны, только по внѣшности; въ существѣ же дѣла то, что они производятъ, имѣетъ всемірное значеніе. Люди непросвѣщенные благодатію этого не видятъ; просвѣщенные могутъ увидѣть, если отбросятъ мірскія понятія о свѣтлости или несвѣтлости внѣшнихъ состояній; но Ангелы несомнѣнно то видятъ. Злые видятъ, ибо разоряется ихъ царство, а добрые видятъ,

ибо ихъ дѣло—содѣйствовать распространенію царства добра, которое составляетъ всегдашнюю ихъ радость.

Ст. 10. *Мы убо буи Христа ради, вы же мудри о Христѣ: мы немощни, вы же крѣпцы: вы славни, мы же безчестни.*

Наши лишенія, скорби, насмертности—благо міру, не внѣшнее, а духовное и вѣчное. Доказательство тому—вы сами. *Мы буи Христа ради,*—„проповѣдуемъ то, что невѣрные признаютъ буйствомъ“ (Ѳеод.). За нашу проповѣдь о Христѣ Господѣ распятомъ всѣ почитаютъ насъ безумными. И пусть ихъ; мы на это не смотримъ: ибо увѣрены, что это безуміе есть истинная мудрость для тѣхъ, которые съ вѣрою принимаютъ слово наше. Вы это знаете по опыту. Приняли вы слово наше, увѣровали, прилѣпились къ Господу и стали мудры о Христѣ, мудры истинною мудростью, которой никто въ мірѣ не имѣетъ кромѣ вѣрующихъ. Смотрите, какъ для васъ все стало ясно; знаете вы, что̀ есть Богъ, что̀ міръ сей, какъ онъ начался и чѣмъ кончится, что̀ человѣкъ и какая цѣль его, откуда зло и какъ уврачевать его, и проч. Кто въ мірѣ знаетъ это такъ, какъ вы?!

Мы немощны, вы же крѣпцы. Надобно и здѣсь какъ въ первомъ положеніи дополненіе доразумѣвать: мы немощны Христа ради, вы же крѣпки о Христѣ. Мы немощны Христа ради въ томъ отношеніи, что насъ гонятъ, бьютъ, сажаютъ въ темницы: никакой въ насъ внѣшней силы нѣтъ, какъ нѣтъ и внѣшней мудрости. Но тѣмъ, которые послѣдуютъ нашему ученію, мы подаемъ нравственную крѣпость, которой никакая мірская сила преодолѣть не можетъ. Вы это знаете по себѣ. Какъ только положили вы послѣдовать Господу, взявъ крестъ Его, съ твердою рѣшимостію исполнять заповѣди Его, и крестились,—тотчасъ получили новую жизнь, и чрезъ возложеніе рукъ моихъ благодать Св.

Духа, Который излилъ въ васъ нравственную силу, неодолимую для страстей, въ васъ возстающихъ, для прелестей міра, васъ влекущихъ, для врага, васъ борющаго. Такъ стали вы крѣпки о Христѣ. — Такой силы нигдѣ въ мірѣ нѣтъ, и негдѣ ея получить, кромѣ какъ въ проповѣдуемой нами вѣрѣ.

Вы славни, мы же безчестни. И здѣсь должно дополнить: мы безчестны Христа ради, вы же славны о Христѣ. Это не новое что, а будто выводъ изъ предыдущаго. Какая уже тутъ честь, когда всюду считаютъ безумными, гонятъ изъ города въ городъ и изъ веси въ весь, бьютъ, сажаютъ въ темницы? Апостолъ этимъ говоритъ будто: такъ-то мы безчестны Христа ради. Но соотвѣтственно этому и въ первомъ положеніи надо видѣть тотъ же выводъ: такъ-то вы славны о Христѣ, славны истиннымъ вѣдѣніемъ и нравственнымъ совершенствомъ, славны внутреннею славою, которая есть начало и задатокъ славы вѣчной о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

Ст. 11. *До нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся, и труждаемся, дѣлающе своими руками* (12).

Не вамъ только такое благо принесть мы назначены, но разносить его по всему міру, чтобы сообщать его всѣмъ способнымъ принять его. Но какъ для этого, не въ началѣ только, а и всегда надлежитъ быть намъ въ уничиженномъ состояніи, по Божьему опредѣленію, то мы, какъ начали, такъ и доселѣ продолжаемъ вести послѣднюю долю, яко насмертники. До нынѣшняго часа *и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ.* Не то, чтобъ ходили безъ одежды, не пили и не ѣли, но одѣваемся какъ пришлось, не имѣя въ запасѣ одеждъ, кромѣ той, которую носимъ по заповѣди Господа: ѣдимъ и пьемъ, тоже какъ случится; оттого нерѣдко бываемъ безъ

пищи и питія. Апостолъ хочетъ сказать, что удовлетвореніе этихъ первѣйшихъ потребностей тѣлесныхъ у нихъ самое скудное, и не составляетъ предмета ихъ заботъ и попеченій, а совершается, какъ Богъ пошлетъ.

Одежда и пища намъ достаются скудныя, а жилища совсѣмъ не имѣемъ, не имѣемъ гдѣ главу подклонить: *страждемъ и скитаемся. Страждемъ* — κολαφιζόμεθα, — выражаетъ, когда выталкиваютъ кого изъ дому. *Скитаемся* — ἀστατοῦμεν, — остановиться негдѣ на ночлегъ, или для отдыха. Всюду насъ гонятъ, толкаютъ, мы и переходимъ съ мѣста на мѣсто.

И труждаемся, дѣлающе своими руками. Но гдѣ придется остановиться, мы не бываемъ въ тягость, а тотчасъ беремся за работу, чтобы снискать себѣ пропитаніе трудовое.

Какая тяжелая доля! Но въ увѣренности, что такъ Богъ судилъ, и въ убѣжденіи, что иначе не возможно быть устроену спасенію міра, чего ради и Самъ Господь не имѣлъ гдѣ главу подклонить, — мы несемъ свою долю благодушно и съ радостію, — „не только не ропщемъ, но и радуемся, — и тѣмъ, которые дѣлаютъ намъ зло, воздаемъ добромъ“ (св. Злат.).

Ст. 12. *Укоряеми, благословляемъ: гоними, терпимъ: хулими утѣшаемся* (13).

Насъ бранятъ, злословятъ, а мы благословляемъ, благія рѣчи имъ говоримъ; насъ гонятъ по непріязни, но мы сносимъ то благодушно, безъ серчанія, не нарушая любви, и не допуская движеній отмщенія; насъ хулятъ — βλασφημούμενοι, — клянутъ, не только презрительно поносятъ, но какъ на непотребныхъ гнѣвъ небесъ призываютъ, — а мы утѣшаемся, — παρακαλοῦμεν, — молимъ, подразумѣвается, Бога: они на насъ кару съ неба призываютъ, а мы просимъ имъ отъ Бога всякой милости.

Ст. 13. *Хулими утѣшаемся: якоже отреби міру быхомъ, всѣмъ попраніе доселѣ.*

Якоже отреби,—περικάθαρμα *міру быхомъ*, „т.-е. ничѣмъ не отличаемся отъ того что въ домахъ выбрасывается, какъ излишнее, овощей ли то очистки, или другое что подобное. Такъ маловажными считаетъ насъ большая часть людей“ (Ѳеод.). Какъ соръ, который выметаютъ изъ дома на дворъ, а потомъ и со двора, такъ насъ сметаютъ отовсюду, желая и изъ міра выместь. *Всѣмъ попраніе* — (περίψημα), — этотъ же соръ, выброшенный и всѣми попираемый, безъ всякой опаски и всякаго вниманія.

Уничижительнѣе еще что-либо сказать ужъ и возможности нѣтъ.

Что должны были почувствовать при этомъ тѣ изъ Коринѳянъ, которые говорили: Павелъ невиденъ, бѣденъ, живетъ своими руками, и подобное,—Аполлосъ лучше? А Аполлосъ не терпѣлъ того, что терпѣлъ св. Павелъ, и въ другихъ мѣстахъ, и въ Коринѳѣ; и это за дѣло Божіе, котораго и они стали причастны. Не могли они не почувствовать, что то, что они считали не преимуществомъ въ св. Павлѣ, было преимущество, которому подобнаго ничего не было въ Аполлосѣ, или въ другомъ комъ изъ насъ самихъ.—И стыдъ и скорбь!

д).

Отеческое смягченіе укора и обличенія

4, 14—16.

Ст. 14. *Не срамляя васъ сія пишу, но якоже чада моя возлюбленная наказую.*

„Не для того, говоритъ, я сказываю вамъ это, чтобы пристыдить васъ. Но пристыжденіе уже сдѣлано. По-

тому онъ хочетъ этимъ выразить: не съ худымъ, не съ ненавистнымъ намѣреніемъ я сдѣлалъ это. Ибо сказавши слово, оправдывать его намѣреніемъ, это—прекрасный способъ врачеванія. Невозможно было не говорить, потому что иначе они остались бы неисправленными, а сказавши, оставить рану безъ врачеванія, также было бы опасно; посему онъ послѣ обличенія оправдывается. Это не только не уничтожаетъ дѣйствія приложеннаго врачевства, но еще глубже внѣдряетъ его и между тѣмъ утоляетъ всю боль раны; ибо слушающій, что это говорится не съ огорченіемъ, но съ любовію, скорѣе принимаетъ вразумленіе. Впрочемъ и здѣсь великое обличеніе и укоризна. Онъ говоритъ не какъ учитель, не какъ Апостолъ,—что выражало бы достоинство,—но какъ отецъ: *якоже чада возлюбленная наказую.* Не просто *чада,* но и *возлюбленная.* Простите мнѣ, говоритъ: если сказано что-нибудь непріятное, то это произошло отъ любви. Не сказалъ: обличаю, но *наказую* — вразумляю. Кто не сталъ бы слушать отца, сѣтующаго и предлагающаго полезные совѣты? Посему сказалъ это не прежде, но когда уже нанесъ пораженіе“ (св. Злат.).

Ст. 15. *Аще бо и многи пѣстуны имате, о Христѣ, но не многи отцы: о Христѣ бо Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ.*

„Прочихъ учителей Апостолъ назвалъ пѣстунами, а себя отцемъ, потому что онъ первый принесъ имъ Евангельское ученіе“ (Ѳеод.).

Пѣстуны суть учители, которые назидали ихъ послѣ св. Павла. Здѣсь разумѣется Аполлосъ и свои Коринѳскіе наставники. При словахъ: *чада возлюбленная,* иной могъ подумать: „чтожеʔ другіе развѣ насъ не любятъʔ— Апостолъ отвѣчаетъ будто: любятъ, но не такъ, какъ я. Они пѣстуны—педагоги, а я отецъ. Какъ въ разсуж-

деніи дѣтей отецъ—одинъ, а пѣстуновъ бываетъ много, и противъ любви одного отца многаго не достаетъ въ расположеніи тѣхъ многихъ, такъ и въ разсужденіи васъ" (Ѳеоф.). „Апостолъ указываетъ не на достоинство свое, но на преизбытокъ любви. Онъ не укоряетъ другихъ учителей, присовокупивъ: *о Христѣ*, и назвавъ ихъ не льстецами, а *пѣстунами*, въ означеніе, что они имѣли объ нихъ заботы и трудились ради ихъ; но выразилъ и превосходство своей любви и своего о нихъ попеченія, сказавъ: *не многи отцы*.—Такимъ образомъ онъ не хотѣлъ ни указывать имъ на свое достоинство, ни напоминать, какъ много получили они отъ него пользы, но, согласившись, что и другіе учители много потрудились для нихъ, — ибо таково свойство пѣстуновъ,—преизбытокъ любви усвояетъ себѣ; ибо таково свойство отца. И не говоритъ только, что никто не любитъ ихъ такъ, какъ онъ,—это было бы не доказательство, — но указываетъ и на самое дѣло. — Какое? *О Христѣ бо Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ*.— *О Христѣ Іисусѣ:* я не приписываю, говоритъ, этого самому себѣ. Опять намекаетъ на тѣхъ, которые присвояли ученіе себѣ самимъ. Ниже скажетъ: *печать моего Апостольства вы есте* (1 Кор. 9, 2); выше сказалъ: *азъ насадихъ* (3, 6); а здѣсь говоритъ: *азъ — родихъ*. Не сказалъ: я возвѣстилъ слово, но: *азъ родихъ*, употребивъ выраженіе, близкое къ природѣ; ибо онъ старался объ одномъ, какъ бы выразить любовь, какую питалъ къ нимъ. Тѣ, принявъ отъ меня, воспитывали васъ; а то, что вы стали вѣрующими, произошло чрезъ меня.—Такъ, сказавъ имъ: *якоже чада*, и желая показать, что это не слово лести, онъ указалъ на дѣло" (св. Злат.).

Рождены Коринѳяне, т.-е. стали христіанами, не чрезъ одно благовѣствованіе, но благовѣствованіе по-

ложило начало сему рожденію и освѣщало все производство дѣла; потому и стоитъ одно. Бываетъ же рожденіе о Христѣ такъ: благовѣстіемъ начинается вѣра, а потомъ, при дѣйствіи благодати, и завершается имъ же; вѣрующій крещается и получаетъ новую жизнь о Христѣ; затѣмъ новый сей человѣкъ помазуется Духомъ чрезъ возложеніе рукъ (нынѣ мѵропомазаніе). И вотъ совершенный христіанинъ, т.-е. помазанный Духомъ и ставшій духовно Христовымъ или Христомъ.

Ст. 16. *Молю же васъ, подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу.*

Неожиданное приложеніе! Почему трудно угадать прямую мысль Апостола. Ѳеодоритъ перифразируетъ это мѣсто такъ: „смиряйтесь, какъ смиряюсь я; терпите, что терплю я; хвалитесь страданіями, а не дарованіями.“— Ѳеофилактъ такъ: „подражайте мнѣ во всемъ, не возноситесь ни мудростію, ни богатствомъ, и не разрывайтесь съ братіями, но и мудростію, и богатствомъ считайте одно то, чтобы любить Христа и братій о Христѣ. Смотри, какая нѣжность!—Проситъ, а не заповѣдуетъ.“

Можетъ быть, Апостолъ хотѣлъ этимъ сказать только: смотрите же, не отдѣляйтесь отъ меня душою вашею, но пребывая вѣрными и ученію, и заповѣдямъ Христовымъ, помните и меня, и не прерывайте со мною духовнаго общенія и союза сердечнаго. *Молю* же стоитъ вмѣсто всѣхъ убѣжденій: ибо когда любящій молитъ о любви, кто противиться можетъ?

Св. Златоустъ извлекаетъ изъ сихъ словъ общеназидательный урокъ. „О, какое дерзновеніе учителя. Сколь вѣрнымъ онъ былъ образомъ Христа, если и другимъ указываетъ на это. Впрочемъ здѣсь онъ не превозноситъ себя, но показываетъ легкость добродѣтели. Не говори: я не могу подражать тебѣ: ты—учи-

тель, и великій учитель. Не такое разстояніе между мною и вами, какое между мною и Христомъ, и однако я подражалъ Ему.—Когда онъ пишетъ къ Ефесеямъ, то не предлагаетъ въ посредники себя самого, но прямо руководитъ всѣхъ ихъ къ Богу: *бывайте подражатели Богу* (Еф. 5, 1); а здѣсь, такъ какъ обращалъ рѣчь свою къ немощнымъ, представляетъ посредствующимъ себя самого. Съ другой стороны показываетъ, что и такимъ образомъ можно подражать Христу. Ибо кто подражаетъ вѣрному образу, тотъ подражаетъ первообразу.“

3.

Заключеніе. Извѣщаетъ о посланіи св. Тимоѳея и своемъ скоромъ прибытіи, съ вразумительными внушеніями

4, 17—21.

Ст. 17. *Сего ради послахъ къ вамъ Тимоѳея, иже ми есть чадо возлюблено и вѣрно о Господѣ, иже вамъ воспомянетъ пути моя, яже о Христѣ Іисусѣ, якоже вездѣ и во всякой церкви учу.*

Сего ради. Чего?—„Того, что точно имѣю васъ чадами возлюбленными и пекусь о васъ, какъ отецъ“ (св. Злат.). Или и такъ: по отеческой къ вамъ любви, но по причинѣ безпорядковъ, среди васъ происшедшихъ; такъ что *сего ради* обнимаетъ все предыдущее отдѣленіе.

Послахъ. Когда писалось сіе посланіе, св. Тимоѳей былъ уже отосланъ въ Коринѳъ. Это даетъ мысль о такомъ ходѣ событій. Домашніе Хлоины извѣстили св. Павла о томъ, что недобраго происходило въ Коринѳѣ. Св. Павелъ и самъ готовъ бы туда поспѣшить, но его удержали дѣла, почему онъ послалъ впередъ св. Тимоѳея, чтобы онъ или исправилъ, или пріостановилъ зло,

пока прибудетъ самъ св. Павелъ. Это то самое посланіе Тимоѳея, о коемъ поминается въ Дѣяніяхъ, 19, 22, гдѣ говорится, что св. Павелъ положивъ въ духѣ пройти Македонію и Ахаію,—въ Коринѳъ, послалъ впередъ Тимоѳея и Ераста.—„Посмотри, какъ доблестна душа Павла, какъ она пламеннѣе и живѣе огня! Онъ хотѣлъ самъ придти къ Коринѳянамъ, находившимся въ тяжкой болѣзни и смятеніи, ибо хорошо зналъ, какъ полезно было ученикамъ присутствіе его и какимъ вредомъ сопровождалось его отсутствіе.—Онъ хотѣлъ и спѣшилъ самъ придти; но такъ какъ сдѣлать это было еще невозможно, то вразумляетъ ихъ обѣщаніемъ своего прибытія, а между тѣмъ отправляетъ къ нимъ ученика“ (св. Злат.). Когда отбылъ св. Тимоѳей, пришли и посланные отъ Коринѳянъ Стефанъ, Фортунатъ и Ахаикъ—16, 17, съ письмомъ; по какому случаю и пишется сіе посланіе.

Послахъ Тимоѳея, иже ми есть чадо возлюбленно и вѣрно о Господѣ. „Къ Коринѳянамъ расположеніе свое высказалъ Апостолъ тѣмъ, что послалъ къ нимъ Тимоѳея; а къ Тимоѳею любовь свою тѣмъ, что наименовалъ его чадомъ возлюбленнымъ, объявилъ и другую его добродѣтель, назвавъ вѣрнымъ о Господѣ“ (Ѳеод.). Св. Тимоѳей былъ извѣстенъ въ Коринѳѣ; ибо вмѣстѣ съ св. Павломъ былъ тамъ, при первомъ насажденіи вѣры. Но Апостолъ счелъ нужнымъ выставить его добрыя качества и его близость къ себѣ, ради того, что Коринѳяне оказались очень забывчивыми, когда забыли и о достоинствѣ самого Апостола своего. „Посему словами этими и любовь свою выражаетъ къ Тимоѳею, и вмѣстѣ Коринѳянъ располагаетъ принять его съ уваженіемъ. *Чадо*, говоритъ, *возлюбленно и вѣрно*. Не просто: *вѣрно*, но: *вѣрно о Господѣ*, т.-е. въ дѣлахъ Господнихъ. Если быть вѣрнымъ въ житейскихъ дѣлахъ—похвально,

то тѣмъ болѣе—въ духовныхъ. Если же онъ вѣренъ, то устроитъ дѣла безукоризненно“ (св. Злат.).

Иже вамъ воспомянетъ пути моя. Тутъ и обличеніе слышится, и голосъ любви, всячески старающейся смягчить слово. Обличеніе при такомъ пониманіи: „не сказалъ, что Тимоѳей извѣститъ о путяхъ его, а воспомянетъ; сіе же слово обвиняетъ ихъ въ забвеніи, потому что они были самовидцами Апостольской добродѣтели“ (Ѳеод.) и дѣятельности. Вѣроятно слышали они и о томъ, какъ вездѣ дѣйствовалъ Апостолъ; но это не держалось у нихъ въ головѣ, и они дѣйствовали такъ, будто ничего того не знали. Между тѣмъ довольно помнить о томъ, чтобъ держать себя въ должномъ чинѣ.—Голосъ любви, смягчающей слово, при такомъ пониманіи: „не сказалъ: научитъ, а *воспомянетъ*, дабы они не огорчились, какъ-бы долженствующіе учиться у него. Но и этимъ словомъ не удовольствовался, а простирая далѣе рѣчь, присовокупляетъ: *пути моя.* Не свои пути, но *моя.* Ибо Тимоѳей былъ молодъ“ (св. Злат.). Не отъ своего лица и не о себѣ будетъ вести рѣчь. Онъ будетъ представителемъ авторитетнаго лица, и дѣйствовать по его порученію. Внимайте!

Пути моя. Это слово обнимаетъ весь образъ Апостольскаго дѣйствованія въ насажденіи церквей: и какъ начиналъ проповѣдь, и какъ ее велъ, какъ поступалъ съ увѣровавшими, какіе заводилъ порядки, въ какомъ отношеніи поставлялъ вѣрующихъ къ предстоятелямъ. Почему говоритъ: *пути моя о Христѣ,*—не частныя мои дѣла, а то какъ я дѣйствую въ порученномъ мнѣ отъ Господа дѣлѣ, проповѣди Евангелія. „Онъ, говоритъ Апостолъ, разскажетъ, какъ я дѣйствую: ибо путями называетъ образъ дѣйствій своихъ“ (Ѳеод.). „Т.-е. распоряженія, обычаи, законы, учрежденія, правила Апостольскія, и все прочее“ (св. Злат.).

Якоже вездѣ во всякой церкви учу. Учу—не ученіе одно, или преподаніе истины, означаетъ, но вообще обученіе,—и наставленіе, и заведеніе всѣхъ порядковъ. Когда воиновъ, новобранцевъ, отдаютъ въ наученіе опытнымъ воинамъ, то эти не разсказываютъ только тѣмъ, что дѣлать должно, но дѣломъ обучаютъ, какъ дѣйствовать. Такъ и здѣсь: учу, т.-е. обучаю церкви,— и истины имъ преподаю, и жить поучаю, и таинства совершать показываю, и всю церковь поставляю въ строй. Этимъ внушалъ Апостолъ: нигдѣ ничему особенному не училъ, и нигдѣ иныхъ порядковъ не заводилъ; какъ у васъ, такъ и всюду; такъ что это одно должно было сильно обличить ихъ и вразумить: вездѣ одно; зачѣмъ заводите у себя такія новости? „Устыдитесь! ни одна церковь не отступаетъ отъ путей моихъ, кромѣ васъ“ (Ѳеоф.).

Ст. 18. *Яко не грядущу ми къ вамъ, разгордѣшася нѣцыи.*

Послалъ Тимоѳея, а за нимъ и самъ скоро послѣдую, говоритъ, потому что нѣкоторые изъ васъ, по причинѣ моего неприхода къ вамъ, возгордѣлись.—Вѣрно св. Павелъ, или при удаленіи отъ нихъ обѣщалъ опять побывать у нихъ, или наказывалъ съ кѣмъ, что будетъ. Видя, что онъ все нейдетъ, нѣкоторые разгордѣлись, т.-е. стали дѣйствовать, какъ внушало имъ высокое о себѣ мнѣніе,—съ неуваженіемъ къ другимъ и съ презрѣніемъ распоряженій и правилъ, преподанныхъ св. Павломъ, какъ въ притчѣ Господней приставникъ (Мѳ. 24, 48; Лк. 12, 45). На это и намекаетъ св. Павелъ. Вижу, говоритъ, отъ чего у васъ нѣкоторыя произошли нестроенія: отъ того, что я замедлилъ придти. Исправлю это опущеніе. Пока сдѣлаетъ что-нибудь у васъ Тимоѳей, а потомъ и самъ скоро буду.— Тутъ скрыто сильное обличеніе имъ. Онъ говоритъ

какъ-бы имъ: какой у васъ дѣтскій умъ! Когда я у васъ, или есть страхъ, что скоро приду, вы въ порядкѣ. А какъ только я отошелъ и показалось вамъ, что не скоро буду, вы тотчасъ забылись, и пошли у васъ нестроенія. Вы—будто дѣти, которыя въ отсутствіе учителя дѣлаются безпечными и шаловливыми (св. Злат., Ѳеоф.). Чѣмъ и какъ нѣкоторые разгордѣлись? Очень вѣроятно, что тѣ изъ нихъ, которые выдавались изъ-за другихъ ученостію, или достаткомъ, а можетъ быть и христіанскимъ знаніемъ и дѣлами, и даже дарами духовными, начали о себѣ высоко думать; къ этому привилось затѣмъ тщеславіе, и какъ за отсутствіемъ властнаго учителя— Апостола, некому было ихъ обличить и исправить, то они совсѣмъ разгордѣлись (Экум.).

Ст. 19. 20. *Пріиду же скоро къ вамъ, аще Господь восхощетъ, и уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу. Не въ словеси бо царство Божіе, но въ силѣ.*

Какъ между дѣтьми, когда приходитъ учитель, тотчасъ возстановляется порядокъ, такъ и для возстановленія порядка между Коринѳянами, какъ надѣется Апостолъ, достаточно одного его присутствія. „Ибо какъ присутствіе льва приводитъ въ страхъ всѣхъ животныхъ, такъ и присутствіе Павла — развращающихъ церковь" (св. Злат.).—*Пріиду,* говоритъ, *скоро.* Намѣреніе его рѣшительно; но какъ теченіе событій въ рукахъ Божіихъ, то прибавилъ: *аще Господь восхощетъ.* „Не назначаетъ опредѣленнаго времени,—такъ какъ онъ могъ и замедлить,—дабы неизвѣстностію поддержать въ нихъ бодрствованіе" (св. Злат.), и чтобъ они, напередъ зная о возможности промедленія, независимо отъ его воли, не истолковали его криво, не въ созиданіе себя,—еслибъ дѣйствительно оно случилось.

Пріиду въ слѣдъ за предшествующимъ *разгордѣшася,*

уже намекаетъ на угрозу; но она осталась бы очень неопредѣленною и потому, можетъ быть, не произвела бы должнаго дѣйствія, еслибъ св. Павелъ тотчасъ не прибавилъ: *и уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу.* Первая мысль, какую подаютъ сіи слова, есть, что тѣ разгордѣвшіеся гордились не существеннымъ чѣмъ либо. „Гордость ихъ была слѣдствіемъ не собственныхъ ихъ достоинствъ, но отсутствія учителя, что и было знакомъ низкаго расположенія ихъ души“ (св. Злат.). Существенныя достоинства никогда не доводятъ до гордости, а что-нибудь случайное, призрачное, обманчиво цѣнимое—всегда. Апостолъ возвѣщаетъ, что предъ судомъ его этотъ призракъ, гордость возбуждающій, исчезнетъ. Но въ чемъ онъ? Въ словѣ: *уразумѣю,* говоритъ, *не слово разгордѣвшихся, но силу.* Даетъ знать, что слово у нихъ есть, а силы нѣтъ; и что гордятся они именно словомъ, а оно не имѣетъ никакого значенія предъ силою, которой у нихъ нѣтъ. Что же значитъ слово и что сила?

Ѳеодоритъ и Экуменій понимаютъ такъ, что *слово* означаетъ умѣніе хорошо говорить о дѣлѣ спасенія или себѣ его присвоять словомъ безъ дѣлъ, а *сила* означаетъ самое содѣваніе спасенія дѣломъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „подвергну, говоритъ Апостолъ, изслѣдованію не краснорѣчіе, но образъ дѣйствій.“ Экуменій: „Можетъ быть нѣкоторые самохвально выставляли себя совершенными въ духѣ христіанами, не будучи таковы на дѣлѣ. Апостолъ и говоритъ: приду и узнаю, праведно ли вы себя восхваляете. Ибо самохвальничать безъ дѣлъ есть дѣло недостойное, но надобно, чтобы словамъ отвѣчали и дѣла. Не слова нужны, но то, чтобы дѣлать духовное дѣло (спасенія). Слова безъ дѣлъ не введутъ въ царство небесное, но то, если ты самымъ дѣломъ совершаешь свое спасеніе, дѣлая достойныя его дѣла.“

Св. Златоустъ, св. Дамаскинъ и Өеофилактъ *слову* противополагаютъ *силу* знаменій. Вотъ за всѣхъ ихъ рѣчь св. Златоуста: „но почему же ты не хочешь смотрѣть на *слово?* Не потому, что я скуденъ въ *словѣ*, но потому что наше дѣло въ силѣ. Какъ на войнѣ одерживаютъ верхъ не много говорящіе, но много дѣлающіе, такъ и здѣсь побѣда принадлежитъ не говорящимъ, но дѣйствующимъ. Ты гордишься, говоритъ, краснорѣчіемъ. Еслибъ теперь было поприще и время риторовъ, то ты справедливо могъ бы гордиться имъ; то такъ какъ теперь время Апостоловъ, возвѣщающихъ истину и подтверждающихъ ее знаменіями, то для чего ты гордишься дѣломъ излишнимъ, ничего не-значащимъ и немогущимъ принести въ настоящемъ никакой пользы? Ибо можетъ ли краснорѣчіе послужить къ воскрешенію мертваго, къ изгнанію злыхъ духовъ, или къ совершенію какого-нибудь другаго подобнаго чуда? А теперь это нужно, и чрезъ это утверждается наше дѣло. Посему и присовокупляетъ: *не въ словеси бо царство Божіе, но въ силѣ.* Мы побѣждаемъ, говоритъ, знаменіями, а не краснорѣчіемъ, и величайшимъ доказательствомъ того, что наше ученіе Божественно и что мы возвѣщаемъ царствіе небесное, представляемъ знаменія, которыя совершаемъ силою Духа. Такимъ образомъ, если превозносящіеся нынѣ хотятъ быть великими, то, когда приду, пусть покажутъ, имѣютъ ли они такую же силу, а не выставляютъ мнѣ пышность краснорѣчія; потому что это искусство не служитъ намъ ни къ чему.“

Это есть настоящее значеніе *силы*, являемой въ царствѣ Христа Господа. Св. Церковь основана проповѣдію св. Апостоловъ, *Господу поспѣшествующу и слово утверждающу послѣдствующими знаменми* (Мр. 16, 20). Св. Церковь силою Духа Божія, въ ней живущаго, есть то,

что есть. Силою духа Божія простые люди дѣлаются христіанами; ею же и пребываютъ ими, и восходятъ на послѣднія степени совершенства христіанскаго, когда она начинаетъ проявляться въ нихъ явно и осязательно,— такъ что существо христіанства состоитъ въ явленіи силъ Духа. Отсутствіе ихъ обличаетъ ложность направленія хвалящихся словомъ истины, или нравственную лживость присвояющихъ себѣ настоящее христіанское совершенство. Св. Златоустъ коснулся здѣсь силы Духа, поколику она проявлялась въ первоначальномъ насажденіи Церкви на землѣ; но въ другихъ мѣстахъ онъ съ такою же убѣдительностію раскрываетъ и ту истину, что и въ жизни христіанъ, если бываетъ что существенное и цѣнное, все то исходитъ отъ Духа. На этомъ пунктѣ можно и первое мнѣніе согласить съ настоящимъ, т.-е. подъ силою разумѣть жизнь, или содѣваніе спасенія, и все существенное въ христіанинѣ, присовокупивъ къ тому: поколику все сіе есть плодъ силы Духа Божія.

Ст. 21. *Что хощете: съ палицею ли пріиду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости?*

Этими словами побуждаетъ виновныхъ къ покаянію и исправленію. Онъ указалъ уже грѣхъ ихъ, обличилъ ничтожество ихъ гордѣнія; сказалъ, что это въ царствѣ Божіемъ нетерпимо: ибо оно извергаетъ изъ себя всякую призрачность и стоитъ только на существенномъ. Содержать такъ церкви и вѣрующихъ есть его Апостольское дѣло. Отсюда само собою слѣдовало, что если виновные, обличаемые не сознаются и не исправятся, то ему, пришедши къ нимъ, ничего не останется, какъ произнесть надъ ними строгій приговоръ суда, а если покаятся и исправятся, то онъ приметъ ихъ съ любовію. Какъ исправленіе себя и неисправленіе въ ихъ власти, то отъ нихъ зависитъ и то, какимъ при-

дется явиться Апостолу по приходѣ къ нимъ, кроткимъ или строгимъ. Почему и говоритъ: *что хощете?* Хощете, чтобъ я съ палицею пришелъ къ вамъ? Оставайтесь въ своемъ гордѣніи; а если не хощете этого, бросьте гордость и я явлюсь вамъ полнымъ любви отцемъ.

Говоря: *съ палицею ли?* онъ будто восходитъ на сѣдалище судіи и оттуда произноситъ слово съ полною властію. Палица означаетъ строгость власти, но она можетъ означать и карательную силу, какою покараны Ананія съ Сапфирою (Дѣян. 5, 9) и Елима (—13, 11) (св. Злат., Ѳеод.). Апостолъ употребилъ ее и среди Коринѳянъ, предавши сатанѣ кровосмѣсника. Не дивно, что и здѣсь, предвѣщая строгость суда, онъ имѣлъ въ мысли употребить въ дѣло и такую силу, еслибы потребовало того благо Церкви.

Съ палицею ли пріиду, или съ любовію? „А придти съ палицею развѣ не было знакомъ любви? Было знакомъ любви; но сильно любящій не легко склоняется на наказаніе, потому онъ такъ и говоритъ. Говоря о наказаніи, онъ не выразился подобно тому, какъ о кротости. Здѣсь говоритъ: съ *духомъ кротости*, а тамъ: *съ палицею;* хотя и это было дѣломъ Духа, ибо есть Духъ кротости и Духъ крѣпости (строгости),—но онъ не желаетъ называть Его такимъ образомъ, а приписываетъ Ему дѣла болѣе кроткія. И посмотри на мудрость Павла: имѣя у себя власть, онъ предлагаетъ имъ на выборъ то и другое, и говоритъ: *что хощете?* Отъ васъ это зависитъ, подобно тому, какъ отъ насъ самихъ зависитъ—попасть въ геенну, или получить царствіе, потому что такъ угодно Богу. *Се*, говоритъ онъ, *огнь и вода: на неже хощеши, простреши руку твою* (Сир. 15, 16); и еще: *аще хощете и послушаете Мене, благая земли снѣсте: аще же не хощете, ниже*

послушаете Мене, мечь вы поястъ (Ис. 1, 19. 20)" (св. Злат.).

ВТОРОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ОБЛИЧЕНІЕ И ИСПРАВЛЕНІЕ НРАВСТВЕННЫХЪ НЕДОСТАТКОВЪ

гл. 5 и 6.

1.

а) Обличеніе Коринѳянъ за равнодушіе къ кровосмѣснику и судъ надъ нимъ (5, 1—8), съ прибавленіемъ б) наставленія объ очищеніи христіанскаго общества отъ всѣхъ явныхъ грѣшниковъ (—9—13).

а).

Въ обличеніи за кровосмѣсника св. Павелъ аа) *сначала* показываетъ великость грѣха и охуждаетъ равнодушіе къ нему Коринѳскихъ христіанъ (5, 1—2); бб) *потомъ* произноситъ судъ отлученія надъ кровосмѣсникомъ (3—5), и вв) *наконецъ* выставляетъ основанія, почему такъ надо поступить съ нимъ, и должно такъ дѣйствовать въ отношеніи ко всякому грѣшнику и грѣху (6—8).

аа).

5, 1. *Отнюдъ слышится въ васъ блуженіе, и таково блуженіе, яковоже ни во языцѣхъ именуется, яко нѣкоему имѣти жену отчую.*

Отнюдъ—ὁλως—совсѣмъ,—или вѣрность и несомнѣнность слуха означаетъ, или его повсюдность, или то и другое: повсюду идетъ вѣрный слухъ. Фотій у Экуменія говоритъ, что „*отнюдъ слышится* есть голосъ пораженнаго этимъ слухомъ и мерзящаго имъ и болѣзнующаго о немъ, какъ-бы такъ: уа! какое безобразіе!"

Также разумѣлъ это выраженіе и Ѳеодоритъ, ибо на слова: *отнюдь слышится въ васъ блуженіе,* онъ пишетъ: „Апостолъ достаточно далъ видѣть чрезмѣрность неприличія; ибо, говоритъ, не должно быть и слышимо это.“

Слышится въ васъ. „Апостолъ силу укоризны сколько возможно направляетъ противъ всѣхъ. Не говоритъ: почему такой-то предается прелюбодѣянію? но: *отнюдь слышится въ васъ блуженіе,* дабы они, считая себя совершенно свободными отъ обвиненія, не остались невнимательными, но видѣли бы, что все ихъ общество подлежитъ обличенію и вся ихъ церковь не свободна отъ обвиненія, и оттого были бы ревностны въ благочестіи. Такого рода это дѣло, что вѣдь никто не скажетъ, говоритъ, что такой-то предается прелюбодѣянію, но что въ Коринѳской церкви совершается такое преступленіе, *яково ни во языцѣхъ именуется.* Апостолъ часто примѣромъ язычниковъ укоряетъ вѣрующихъ, чтобъ *не ходили, якоже прочіи языцы ходятъ* (Еф. 4, 17). Но здѣсь укоръ самый сильный. Если непростительно грѣшить одинаково съ язычниками, то превосходить язычниковъ въ этомъ отношеніи, скажи мнѣ, какой великій грѣхъ? У нихъ, говоритъ, не только не совершается что-нибудь подобное, но *ниже именуется.* Видишь ли, какъ важнымъ онъ считаетъ это преступленіе? Если они допускаютъ такой родъ безнравственности, какого не только не дѣлаютъ, но и не знаютъ невѣрные, то невыразимо величіе грѣха ихъ“ (св. Злат.). „На что не отважатся и обучавшіеся демонскимъ ученіямъ, на то отважились у васъ“ (Ѳеод.).

При этой мысли выраженіе: *въ васъ* получаетъ крайне укорный смыслъ. „У васъ вѣрующихъ, сподобившихся такихъ таинствъ, получившихъ неизреченныя блага, призванныхъ къ небу. Видишь ли, какого негодованія,

какого гнѣва исполнены слова его? Еслибы онъ не чувствовалъ сильнаго гнѣва, то и не обращалъ бы рѣчи ко всѣмъ, а сказалъ бы такъ: я слышалъ, что такой-то предается прелюбодѣянію: накажите его. Но теперь не такъ, а направляетъ рѣчь противъ всѣхъ. Можетъ быть онъ снисходительнѣе выразился бы, еслибъ они написали ему объ этомъ; но такъ какъ не написали, и тѣмъ показали, что будто прикрываютъ грѣхъ, то надлежало употребить болѣе разительный образъ рѣчи" (св. Злат.).

Яко нѣкоему имѣти жену отчую. По смерти отца взялъ себѣ въ жену мачиху. Замѣчаютъ, будто въ языческихъ законахъ помѣчены другіе роды кровосмѣшеній, а этотъ и не помѣченъ. Такъ онъ противоестественъ! „Но почему онъ не сказалъ: нѣкто прелюбодѣйствуетъ съ женою? Онъ не хотѣлъ выразить слишкомъ низкій грѣхъ, потому сказалъ объ немъ съ нѣкоторою стыдливостію и не прямо, но вмѣстѣ тѣмъ же самымъ опять выразилъ важность преступленія, показавъ, что у нихъ совершается нѣчто такое, чего Павелъ не позволяетъ себѣ даже назвать прямо. Посему и далѣе онъ употребляетъ такой же образъ рѣчи: *содѣявый дѣло сіе;* опять стыдится и не позволяетъ себѣ сказать прямо, подобно тому, какъ и мы имѣемъ обыкновеніе дѣлать касательно слишкомъ низкихъ поступковъ. Не говоритъ: мачиху, но: *жену отчую,* дабы сильнѣе тронуть ихъ. Когда самыя названія достаточны для обличеній, тогда онъ употребляетъ ихъ, не прибавляя ничего другаго" (св. Злат.). „И въ этомъ подивиться должно Апостольской мудрости. Не сказалъ: мачиху, потому что имя сіе выражаетъ какую-то непріязненность, но *жену отчую,* т.-е. заступающую вмѣсто матери, сочетавшуюся съ отцемъ послѣ собственной его матери, содѣлавшуюся для родителя его тѣмъ же, чѣмъ была родившая его" (Ѳеод.).

Ст. 2. *И вы разгордѣсте, и не паче плакасте, да изъмется отъ среды васъ содѣявый дѣло сіе.*

И вы разгордѣсте. Чѣмъ же? Конечно не грѣхомъ и не грѣшникомъ, поколику онъ грѣшникъ (св. Злат. и др.); но *или* вообще, высоко о себѣ думаете, надымаетесь. Порокъ кровосмѣсника такъ великъ, что затмѣваетъ всѣ добрыя ваши качества; нечѣмъ гордиться. Слѣдовало давно смириться и плакать. „Не возражайте, что одинъ только прелюбодѣйствуетъ; нѣтъ, это грѣхъ общій всѣмъ вамъ" (св. Злат.). *Или:* а вы гордитесь какими-нибудь свѣтлыми, по-мірски, сторонами этого преступника, напримѣръ, богатствомъ, ученостію. Засмотрѣлись вы на эти призрачныя достоинства и гордитесь, что вотъ-де у васъ какой есть человѣкъ, а того и не усмотрѣли, что онъ столько непотребенъ, что срамитъ всѣхъ васъ и долженъ быть выгнанъ. Ѳеодоритъ полагаетъ, что онъ былъ одинъ изъ учащихъ, и можетъ быть вожакомъ какой-либо партіи; почему пишетъ: „высоко стали думать о себѣ, какъ имѣющіе многоученаго наставника." Св. Златоустъ тоже думаетъ, что они гордились ученостію грѣшника: „*и вы возгордѣсте.* Апостолъ не сказалъ: такимъ грѣхомъ, ибо это безразсудно, но ученіемъ грѣшника. Впрочемъ не выразилъ этого ясно, но опустилъ посредствующую мысль, чтобы сильнѣе тронуть ихъ. И посмотри на благоразуміе Павла. Онъ напередъ низложилъ внѣшнюю мудрость и показалъ, что она ничтожна сама по себѣ, хотя бы не соединена была съ грѣхомъ, а потомъ уже говоритъ и о грѣхѣ. Если бы онъ доказалъ величіе духовныхъ дарованій сравнительно съ кровосмѣсникомъ, который можетъ быть отличался внѣшнею мудростію, то не сдѣлалъ бы ничего важнаго; но низложивъ ее безъ отношенія къ грѣху и показавъ, что она ничтожна сама по себѣ, онъ доказалъ крайнюю ея негодность. Посему

онъ напередъ произнесъ о ней такое сужденіе, а потомъ уже сталъ говорить о грѣхѣ. Впрочемъ онъ не удостоиваетъ своей бесѣды самого кровосмѣсника, чѣмъ выражаетъ чрезмѣрное безчестіе его поступка, но говоритъ другимъ, что имъ слѣдовало бы плакать, рыдать и стыдиться; а вы, говоритъ, поступаете напротивъ; потому и присовокупляетъ: *вы разгордѣсте, а не паче плакасте.* О чемъ скажутъ намъ плакать? О томъ, что нареканіе навлечено на все общество церкви. А для чего намъ плакать? *Да изметсся отъ среды васъ содѣявый дѣло сіе.* И здѣсь не называетъ его по имени, или лучше нигдѣ подобно тому, какъ мы обыкновенно дѣлаемъ касательно предметовъ слишкомъ постыдныхъ. Какъ во время заразительной болѣзни нужно бываетъ и плакать, и усердно молиться, такъ надлежало вамъ поступать; вы же не плакали, да изметсся таковый; слѣдуетъ и молиться, и употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ былъ отлученъ отъ васъ; и безъ меня, вамъ самимъ слѣдовало это сдѣлать по причинѣ важности преступленія“ (св. Злат.).

бб).

Ст. 3—5. *Зане азъ убо аще не у васъ сый тѣломъ, ту же живый духомъ, уже судихъ, яко тамо сый, содѣявшаго сице сіе, о имени Господа нашего Іисуса Христа, собравшимся вамъ и моему духу, съ силою Господа нашего Іисуса Христа, предати таковаго сатанѣ во измождѣніе плоти, да духъ спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа.*

Необычайное засѣданіе суда! Предсѣдательствуетъ Господь, руководитъ всѣмъ Апостолъ изъ Ефеса, и постановляется рѣшеніе, одна часть котораго должна была тотчасъ же исполниться невидимою силою, а другая завершиться въ день Господень! Только въ Церкви

Божіей можетъ совершаться такой судъ. Не ему ли подражая, потомъ дѣйствовали и нѣкоторые святители относительно рукоположенія? Такъ рукоположенъ былъ св. Григорій Неокесарійскій въ епископа, когда укрывался въ пустынѣ; такъ Даніилъ столпникъ рукоположенъ во священника, когда запертымъ оставался на столпѣ, и др. Церковь единое тѣло подъ главою—Господомъ. Кто—живой членъ Церкви, того отсутствіе немыслимо, гдѣ бы онъ ни былъ. Раздѣленіе мѣстомъ не составляетъ никакой преграды къ союзу въ духѣ. Ѳеодоритъ пишетъ: „въ трепетъ приводящее судилище составилъ Апостолъ. Сперва собралъ всѣхъ о имени Господа, потомъ и себя ввелъ по благодати Духа, и показалъ, что Самъ Владыка предсѣдательствуетъ, изрекаетъ приговоръ, предаетъ исполнителю казни и опредѣляетъ наказать одно только тѣло, потому что душѣ въ самомъ наказаніи уготовляетъ цѣлебное врачевство."

Ст. 3. Самимъ вамъ слѣдовало изъять таковаго изъ своей среды. Какъ вы этого не сдѣлали, дѣлаю я, и пишу мое рѣшеніе вамъ къ исполненію. *Уже судихъ.* „Посмотри на ревность его: не позволяетъ дождаться его прибытія и по принятіи его наказать кровосмѣсника, но какъ бы желая прекратить какую-нибудь заразу, прежде нежели она проникла все тѣло, старается обуздать его" (св. Злат.).

Аще не у васъ сый тѣломъ, ту же живый духомъ.— *Живый*—παρών—присущъ, будучи. Славянскій переводъ даетъ мысль, что это не мысленное только присутствіе, но живое; „подобно, какъ Елисей говорилъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ Гіезіемъ: *не ходило ли сердце мое съ тобою* (4 Цар. 5, 26)? Вотъ какова сила духовнаго дарованія! Она даетъ возможность быть вмѣстѣ всѣмъ въ одно время, и сообщаетъ способность знать отдаленное" (св. Злат.). Древніе Пророки назывались зря-

щими, потому что живущимъ въ нихъ Духомъ они отдаленное видѣли, какъ присущее. Даръ прозорливства стяжевали и многіе изъ святыхъ, какъ значится въ житіяхъ ихъ. Нѣкоторые, пребывая въ своемъ мѣстѣ, осязательно являлись въ другомъ на какую-либо помощь и заступленіе. Это больше, нежели прозорливство. Восхищенъ бывшій до третьяго небесе, существенно, а не мечтаніемъ, и слышавшій тамъ глаголы,— зналъ конечно, какъ можно быть и въ Коринѳѣ духомъ, оставаясь тѣломъ въ Ефесѣ. Почему когда говоритъ: *духомъ,* то хотя разумѣетъ свой духъ, не такъ однакожъ, чтобъ это была естественная его сила, но что это „чрезъ Духа Святаго“ (Ѳеоф.). „Сказалъ же это онъ не только для того, чтобы побудить ихъ къ исполненію приговора, но и чтобъ устрашить тѣмъ, что ему извѣстно все, имѣющее тамъ происходить и обсуждаться“ (св. Злат.).—Апостолъ пишетъ рѣшеніе; но въ силу оно войдетъ, когда состоится и у нихъ церковное согласіе на то и опредѣленіе.

Уже судихъ, яко тамо сый.—Дѣло рѣшенное. „Онъ не позволяетъ имъ и помышлять о какомъ-либо другомъ рѣшеніи дѣла; я уже положилъ, говоритъ, какъ бы находясь у васъ; не представляйте мнѣ отговорокъ и промедленій: ничего другаго не должно быть“ (св. Злат.). *Содѣявшаго сице сіе.* Какое отвращеніе внушаетъ онъ къ этому пороку, когда виновнаго въ немъ и не именуетъ!—Не именуетъ и самаго порока, а говоритъ только: *содѣявшаго сіе.* Не хочетъ, чтобъ имя порока касалось слуха христіанскаго. Словомъ же *сице* выражаетъ безобразность порока: его, „оскорбившаго имя Христово, бывшаго вѣрнымъ, и называвшагося такимъ именемъ и между тѣмъ дерзнувшаго на такое дѣло, предайте *таковаго сатанѣ*“ (св. Злат.).

Ст. 4. *О имени Господа нашего Іисуса Христа:*—

или предати сатанѣ, и въ такомъ случаѣ слова эти будутъ значить: „о Богѣ, руководствуясь не человѣческимъ сужденіемъ" (св. Злат.). Или—*собравшимся вамъ о имени* семъ, — „т.-е. самое имя соединяетъ васъ; о немъ и соберитесь" (св. Злат.).—Затѣмъ и ихъ дѣлаетъ участниками суда, и присоединяя къ себѣ отдѣляетъ отъ согрѣшившаго, говоря: *собравшимся вамъ и моему духу*. „Опять представляетъ имъ себя, дабы они, производя судъ, какъ бы въ его присутствіи осудили кровосмѣсника на отлученіе, и дабы никто не осмѣлился признавать его достойнымъ прощенія, въ той мысли, что Павелъ узнаетъ происходившее" (св. Злат.).—*Съ силою Господа нашего Іисуса Христа*. Т.-е. когда соберемся вы и духъ мой, то это собраніе, будучи о имени Господа Іисуса Христа, будетъ и съ силою Его, яко Главы Церкви; такъ что Онъ самъ вмѣстѣ съ нами произнесетъ противъ согрѣшившаго приговоръ и придастъ ему Божественную силу. Или слова сіи то означаютъ, что „Христосъ можетъ даровать суду силу—предать таковаго діаволу" (св. Злат.).

Ст. 5. *Предати таковаго сатанѣ во изможденіе плоти*. Это не въ томъ только смыслѣ, — чтобъ отлучить отъ Церкви, внѣ которой область сатанина (Дѣян. 26, 18), а въ томъ, чтобъ злой духъ овладѣлъ тѣломъ его и измождилъ его. Плотской грѣхъ въ плоти наказывается. Изможденная плоть ослабитъ узы грѣха, и дастъ просторъ духу покаяться. Это врачевство, а не казнь.— „Подобное было съ блаженнымъ Іовомъ, хотя не съ одинаковою силою: тамъ для славнѣйшихъ вѣнцовъ, а здѣсь для разрѣшенія отъ грѣховъ; дабы сатана наказалъ его злокачественными ранами или другою какою-нибудь болѣзнію. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *судими отъ Господа наказуемся* (1 Кор. 11, 32); а здѣсь, желая сильнѣе тронуть грѣшника, предаетъ его сатанѣ,

хотя и это зависитъ отъ воли Божіей, чтобы наказана была плоть его. Такъ какъ похотныя желанія раждаются отъ чревоугодія и невоздержанія плоти, то онъ и наказываетъ ее" (св. Злат.).

Да духъ спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа. „Т-е. дабы спасена была душа, не въ томъ смыслѣ, чтобы она спасалась одна, но разумѣя ту несомнѣнную истину, что когда она спасется, тогда и тѣло непремѣнно будетъ участвовать въ спасеніи. Тѣло сдѣлалось смертнымъ за грѣхъ души; потому, если душа станетъ праведною, то и тѣло опять удостоится великой славы. — Такимъ образомъ эти слова означаютъ болѣе попеченіе и врачеваніе, нежели простое пораженіе, или напрасное и тщетное наказаніе; ибо польза больше наказанія: это временное, а та вѣчная. И не просто сказалъ: *да духъ спасется,* но: *въ* тотъ *день.* Премудро и благовременно напоминаетъ имъ объ этомъ днѣ, дабы и они усерднѣе приступили къ врачеванію, и онъ скорѣе принялъ врачевство, видя, что эти слова происходятъ не отъ гнѣва, но отъ заботливости попечительнаго отца.—Для того онъ и сказалъ: *во измождение плоти;* здѣсь онъ предписалъ законы діаволу и не позволилъ ему простираться далѣе предѣловъ, подобно какъ объ Іовѣ Богъ сказалъ: *токмо души его да не коснешися* (Іов. 1, 12; 2, 6)" (св. Злат.).

вв).

Ст. 6. *Не добра похвала ваша. Не вѣсте ли, яко малъ квасъ все смѣшеніе квиситъ?*

Возвращается къ прежде сказанному: а вы гордились этимъ, а не паче плакали. *Не добра похвала ваша:—или* не за что васъ похвалить, что допустили такой въ своемъ обществѣ грѣхъ, и до сихъ поръ не попеклись поврачевать его; *или*—не хорошо вы дѣлали, что хва-

лились такимъ лицемъ: это болѣе его укореняло въ грѣхѣ и держало въ ослѣпленіи и нераскаянности. Этими словами Апостолъ „показываетъ, что они, хвалясь имъ, были причиною его нераскаянности до настоящаго времени. Далѣе объясняетъ, что онъ дѣлаетъ это (поражаетъ такимъ судомъ) для блага не одного только грѣшника, но и всѣхъ ихъ: *не вѣсте ли*, продолжаетъ онъ, *яко малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ?*— Хотя грѣхъ, говоритъ, принадлежитъ ему одному, но бывъ оставленъ безъ вниманія, онъ можетъ заразить и все тѣло церкви; ибо, если первый согрѣшившій не будетъ преданъ наказанію, то скоро и другіе впадутъ въ тотъ же грѣхъ. Этими словами выражаетъ Апостолъ, что тѣмъ, къ кому онъ обращаетъ слово, слѣдуетъ заботиться о всей церкви, а не объ одномъ только членѣ; для того и употребляетъ подобіе закваски. Какъ закваска, говоритъ, хотя и небольшая, измѣняетъ собою все тѣсто, такъ и онъ, если останется безъ обличенія и грѣхъ его безъ наказанія, то заразитъ и прочихъ" (св. Злат.).

Это положеніе имѣетъ полное приложеніе и въ отношеніи къ каждому лицу, допускающему какой-либо грѣхъ. Грѣшащій открыто, по мѣрѣ своей вліятельности на окружающую среду, распространяетъ заразу всегда, но не такъ замѣтно и пагубно, какъ это дѣлаетъ въ душѣ каждаго какое-либо удовлетвореніе страсти. Всякое такое дѣйствіе омрачаетъ мысли, сердце огрубляетъ и энергію на добро подавляетъ. Оттого, если тотчасъ не поправить дѣла, то грѣшность, получая подкрѣпу въ пораженіи силъ душевныхъ тлетворностью одной страсти, подыметъ и другія страсти, однѣ за другими: ибо онѣ какъ цѣпь связаны. Удовлетвореніе каждой даетъ ей власть надъ душею: удовлетвори всѣ хоть по немногу, всѣмъ и рабъ станешь. Вотъ и явился

человѣкъ снова въ положеніи мухи, опутанной паукомъ. Потому, пока малъ квасъ, надо очистить отъ него смѣшеніе, изъ коего составлено естество наше.

Ст. 7. *Очистите убо ветхій квасъ, да будете ново смѣшеніе, якоже есте безквасни: ибо Пасха наша за ны пожренъ бысть, Христосъ.*

Кажется, Апостолъ переходитъ здѣсь въ общность. Ибо хотя ветхій квасъ, который велитъ онъ очистить, по ходу рѣчи, означаетъ кровосмѣсника; но выраженія употреблены тутъ такія, что подаютъ мысль объ очищеніи общества отъ всякаго грѣшника, а отсюда переводятъ къ мысли объ очищеніи душъ христіанскихъ отъ всякой грѣховной нечистоты. Такъ св. Златоустъ. Онъ говоритъ: „*очистите ветхій квасъ,* т.-е. этого грѣшника; или, лучше сказать, не о немъ только говоритъ, но намекаетъ и на другихъ; ибо не только прелюбодѣяніе есть старая закваска, но и всякій порокъ."

Но все же первая мысль — о кровосмѣсникѣ. Апостолъ требуетъ, чтобъ общество извергло его изъ себя, и не терпѣло болѣе его присутствія. Почему „не сказалъ: *очищайте;* но: *очистите,* — тщательно очистите, дабы не было ни остатковъ, ни тѣни его.—Этимъ подобіемъ весьма разительно отлучаетъ онъ кровосмѣсника отъ Церкви. Онъ не только, говоритъ, не приноситъ пользы своимъ присутствіемъ, но и причиняетъ вредъ, заражая все тѣло. Ибо когда гніеніе скрывается внутри и не видно, откуда происходитъ зловоніе, тогда приписываютъ это всему тѣлу. Посему Апостолъ съ особою силою побуждаетъ ихъ очистить эту закваску. И посмотри на мудрость его: въ этомъ первомъ посланіи онъ не подаетъ кровосмѣснику надежды на возвращеніе, но повелѣваетъ ему проводить всю свою жизнь въ покаяніи, дабы обѣщаніемъ прощенія не сдѣлать его болѣе нерадивымъ; не говоритъ: предайте его са-

танѣ, дабы послѣ покаянія онъ опять былъ принятъ въ Церковь,—но что? Да *спасется въ* послѣдній *день*. Указываетъ на это время, дабы сдѣлать его рачительнымъ; а того, что̀ намѣревался даровать ему послѣ покаянія, не открываетъ подражая своему Господу. Какъ Богъ сказалъ: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. 3, 4), и не прибавилъ: если же покается, то спасется; такъ и онъ не сказалъ: если же онъ надлежащимъ образомъ покается, то мы крѣпко будемъ любить его, но представляетъ ему самому сдѣлать это дѣло, чтобы тогда и получить благодать. Еслибы онъ сказалъ такъ въ самомъ началѣ, то отогналъ бы отъ него страхъ; посему онъ не только не говоритъ этого, но подобіемъ закваски даже не оставляетъ ему надежды на возвращеніе, а отлучаетъ его до будущаго дня. Когда же онъ покаялся, то со всею готовностію опять вводитъ его (въ общеніе съ Церковію)“ (св. Злат.).

Да будете ново смѣшеніе. Тутъ смыслъ переходитъ къ общей всѣхъ чистотѣ, и такой, чтобъ въ числѣ ихъ не было ни одного грѣшника, и такой, чтобъ ни въ одной душѣ у нихъ не было ни одного грѣха. *Новое смѣшеніе*—только что замѣшанное тѣсто для опрѣсноковъ, гдѣ только и есть чистая вода и безпримѣсная мука. Таково должно быть все общество христіанское и всякая христіанская душа. Вновь обращенная душа и вновь образованная церковь всегда таковы и бываютъ. Такова была и Коринѳская церковь: но вотъ привзошелъ грѣшникъ, и обветшилъ или заквасилъ ее. Апостолъ говоритъ: выбросьте этотъ ветхій квасъ, чтобъ вамъ опять сдѣлаться новымъ — чистымъ смѣшеніемъ, какъ были въ началѣ.

Слова: *якоже есть безквасни*—такъ какъ вы безквасны, не настоящую ихъ непорочность означаютъ: ибо они уже очевидно заквасились, но выражаютъ обязатель-

ство ихъ быть безквасными, т.-е. чистыми отъ всякаго грѣха и страсти. „Св. Златоустъ говоритъ: выраженіе *якоже есте безквасни* означаетъ не то, чтобы они всѣ были чисты, но что имъ всѣмъ должно быть такими.“— Въ основаніе же, почему имъ,—и намъ вообще,—надлежитъ быть такими, Апостолъ поставляетъ то, что *Пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ*. Какъ предъ лицемъ агнца пасхальнаго у Израильтянъ ни въ одномъ домѣ не оставалось ничего кваснаго, такъ у насъ предъ лицемъ нашего Агнца пасхальнаго, Христа Господа, не должно быть ничего грѣховнаго и страстнаго. И это непрестанно; такъ что безгрѣшность и безстрастность есть нормальное наше состояніе. У Израильтянъ квасное истреблялось на семь лишь дней. У насъ не такъ; но какъ Агнецъ нашъ всегда присущъ яко закланный, то намъ надлежитъ все время быть безъ закваски страстей. Еслибъ у Израиля, положимъ, агнецъ всегда стоялъ на столѣ, то никто у нихъ не осмѣлился бы внести что-либо квасное въ домъ. Въ Церкви,—домѣ Божіемъ,—Агнецъ Божій всегда закланнымъ предлежитъ, — общій всей Церкви, и всякому вѣрующему; да не дерзнетъ же никто вносить въ домъ души своей что-либо грѣшное, или, чрезъ обнаруженіе того въ дѣлахъ, въ домъ Церкви Божіей. — Таково назначеніе христіанъ, таково обязательство ихъ неотложное. Это и выражаетъ св. Павелъ въ словахъ: *якоже есте безквасни*. „Безквасность означаетъ то, что вѣрующему надобно быть свободнымъ отъ всякаго порока. Какъ Іудей погибаетъ, если у него найдена старая закваска, такъ будетъ и съ нами, если въ насъ будетъ найденъ порокъ. Ибо если ходящихъ въ сѣни закона постигаетъ такое наказаніе, то насъ не можетъ не постигать гораздо большее. Если они такъ тщательно очищаютъ свои дома отъ закваски, что осматриваютъ даже мыши-

ныя норы, то тѣмъ болѣе намъ должно испытывать свою душу, чтобы извергнуть всякій нечистый помыселъ“ (св. Злат.).

Ст. 8. *Тѣмже да празднуемъ не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины.*

У Израильтянъ съ пасхальнымъ агнцемъ соединенъ былъ семидневный праздникъ. У насъ Агнецъ пасхальный всегда присущъ: слѣдовательно наше празднество должно быть непрерывно. И какъ во весь праздникъ Израильтяне не вкушали ничего кваснаго и проводили время свѣтло, облекаясь въ свѣтлыя праздничныя одежды, такъ должно намъ, избѣгая всего грѣховнаго въ словахъ, въ дѣлахъ и помышленіяхъ, и облекаясь въ свѣтлыя и чистыя добродѣтели и благодатныя осѣненія и вселенія, проводить все время жизни съ того момента, какъ стали христіанами, всегда держать себя духовно такъ, какъ держали себя Израильтяне по плоти.

Какъ именно держать, объясняютъ слѣдующія слова: *не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины.*

Ветхій квасъ—грѣшность наша: эгоизмъ или самость со страстьми душевными и тѣлесными. Это же означаетъ и квасъ злобы и лукавства. Напротивъ чистота и истина означаютъ отверженіе всего грѣховнаго и страстнаго, и преуспѣваніе во всемъ противномъ тому,—во всякой добродѣтели и всякомъ Богоугожденіи. Нѣтъ нужды до тонкости опредѣлять, что̀ есть злоба и лукавство, и что̀ чистота и истина. Апостолъ хотѣлъ означить первыми все худое и богопротивное, а вторыми—все святое и Богоугодное.—Мысль его такая: жизнь христіанина отъ начала до конца должна быть безгрѣшна, чиста и свѣтла.

Св. Златоустъ останавливается еще на одной при-

надлежности праздника, — радости, и говоритъ: „Апостолъ сказалъ: *да празднуемъ*, не потому, чтобы тогда была пасха или пятьдесятница, но чтобы показать, что для христіанъ всякое время есть время праздника по преизбытку дарованныхъ имъ благъ. Ибо какого не достаетъ блага? Для тебя Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ, освободилъ тебя отъ смерти, призвалъ въ царствіе. Получивъ и получая такія блага, не долженъ ли ты праздновать во всю жизнь? Итакъ никто пусть не скорбитъ въ бѣдности, въ болѣзни и въ непріятностяхъ; для насъ всякое время есть время праздника. Посему Павелъ и говоритъ: *радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеся* (Фил. 4, 4). Во время праздниковъ никто не одѣвается въ нечистыя одежды; такъ будемъ поступать и мы, ибо совершается бракъ, духовный бракъ. *Уподобися*, говоритъ Господь, *царствіе небесное человѣку царю, иже сотвори браки сыну своему* (Мө. 22, 2). А когда царь совершаетъ бракъ, и бракъ сына своего, то что можетъ быть болѣе такого праздника? Посему никто пусть не входитъ одѣтымъ въ рубище; говоримъ не объ одеждахъ, а о нечистыхъ дѣлахъ. Одинъ оказавшійся на бракѣ въ нечистой одеждѣ былъ изгнанъ съ безчестіемъ: смотри же, какая тщательность и чистота требуется отъ входящихъ на этотъ бракъ."

б).

Наставленіе объ очищеніи христіанскаго общества отъ всѣхъ явныхъ грѣшниковъ

9—13.

Это наставленіе выражаетъ Апостолъ требованіемъ не примѣшиваться ни къ какому грѣшнику изъ хри-

стіанъ, ниже съ нимъ ясти. Это значитъ—считать его изверженнымъ изъ своего общества. Почему и заключаетъ: извергните злаго,—всякаго такого злаго,—изъ среды васъ самихъ.

Ст. 9. *Писахъ вамъ въ посланіи, не примѣшатися блудникомъ.*

Въ какомъ посланіи?—Нынѣ всѣ говорятъ: въ посланіи, которое Апостолъ писалъ прежде, но которое затеряно. Но наши толковники всѣ полагаютъ, что это говорится о настоящемъ посланіи, намекается на предыдущія слова: *да изъмется отъ васъ таковый, очистите ветхій квасъ.* Такъ Ѳеодоритъ, Экуменій, Ѳеофилактъ. Вотъ слова св. Златоуста: „когда Апостолъ говорилъ: *не паче плакасте, да изъмется таковый,* и: *очистите ветхій квасъ,* то Коринѳяне могли подумать, что надобно избѣгать всѣхъ блудниковъ; ибо если согрѣшившій сообщаетъ свою заразу несогрѣшившимъ, то тѣмъ болѣе должно удаляться согрѣшающихъ изъ внѣшнихъ (язычниковъ); если не должно щадить своего за тотъ вредъ, который происходитъ отъ него, то тѣмъ болѣе—чужихъ. Но еслибъ стали они удаляться и блудниковъ языческихъ, то это стѣснило бы ихъ самихъ и раздражало язычниковъ. Почему Апостолъ дѣлаетъ оговорку и говоритъ: *писахъ вамъ не примѣшатися блудникомъ, и не всяко блудникомъ міра сего.* Слово: *всяко* употребляетъ въ смыслѣ оговорки."

Этимъ объясненіемъ можно удовольствоваться.

Ст. 10. *И не всяко блудникомъ міра сего, или лихоимцемъ, или хищникомъ, или идолослужителемъ: понеже убо должни бы есте были отъ міра сего изыти.*

Дѣлая эту оговорку: *не всяко блудникомъ,* причисляетъ къ нимъ и другихъ явныхъ грѣшниковъ, и говоритъ, что онъ заповѣдуетъ не примѣшиваться не къ грѣшникамъ міра сего, т.-е. изъ языч-

никовъ: ибо иначе надлежало бы искать другой вселенной: *понеже должни бы есте были отъ міра сего изыти.* Какъ возможно, говоритъ, чтобы человѣкъ, имѣя домъ и дѣтей, исполняя общественныя обязанности, будучи ремесленникомъ, или воиномъ, при такомъ множествѣ язычниковъ, всегда избѣгалъ блудниковъ? *Блудниками міра* онъ назвалъ блудниковъ изъ язычниковъ (св. Злат.). Та мысль, что то чужой, а не нашъ, умаляла злое вліяніе грѣшника на душу христіанина. Вмѣстѣ съ принятіемъ вѣры раздѣленіе въ душѣ совершалось со всѣмъ языческимъ и съ язычниками. Христіане и въ мысли держали, что язычникъ и многогрѣшный одно и тоже. Потому грѣшность язычниковъ не могла ихъ соблазнять. Кажется Апостолъ за тѣмъ и поминаетъ о семъ, чтобъ въ слѣдъ за симъ яснѣе отособить явныхъ грѣшниковъ изъ христіанъ.

Ст. 11. *Нынѣ же писахъ вамъ не примѣшатися, аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или піяница, или хищникъ: съ таковымъ ниже ясти.*

Вотъ, говоритъ, въ какомъ смыслѣ, писалъ я вамъ!— Не примѣшиваться, не входить въ сношенія, не имѣть близкаго общенія съ тѣмъ, кто, нося имя христіанина, предается явнымъ порокамъ. Съ *таковымъ ниже ясти;*—разумѣется обыкновенное хлѣбосольство, ни къ себѣ его не звать, ни къ нему не ходить и въ сдѣлки съ нимъ не входить. Өеодоритъ замѣчаетъ: „если же съ таковыми не должно имѣть общенія въ пищѣ обыкновенной, то тѣмъ паче въ таинственной и Божественной.“—И по ходу рѣчи видно, что если самимъ не примѣшиваться къ таковымъ, то и имъ не позволять примѣшиваться къ себѣ; и если это въ обычномъ порядкѣ жизни, то тѣмъ паче въ церковномъ. Значитъ Апостолъ опредѣляетъ: считать таковыхъ чуждыми об-

щества христіанскаго, тоже что отлученными, подобно тому кровосмѣснику,—изверженному ветхому квасу. Въ причину этого ставитъ Апостолъ,—чтобъ отъ нихъ не заразиться, не окваситься. Христіане должны быть столько святы, и столько вѣрны заповѣдямъ, что имъ и на мысль даже не должно приходить, чтобы можно было грѣшить, оставаясь христіаниномъ. Еслибъ оставались въ обществѣ ихъ явные грѣшники, то эта ревность о нравственной чистотѣ была бы сильно колеблема тѣмъ помышленіемъ, что вѣрно и христіанамъ можно носить имя и не быть на дѣлѣ такими, какъ требуетъ имя. Для предотвращенія этого общаго разслабленія и велитъ Апостолъ пресѣкать общеніе съ такими лицами.

Къ числу ихъ относитъ св. Павелъ блудника, лихоимца, идолослужителя, досадителя, пьяницу, хищника. Самыя названія ихъ даютъ о нихъ понятія. Блудникъ, кто явно блудодѣйствуетъ; лихоимецъ, кто или неправедною торговлею, или ростомъ, или какою хитростію богатѣетъ и бываетъ неподатливъ, скупъ, скряга; идолослужитель—должно быть тотъ, кто ѣстъ идоложертвенное безъ разсужденія, какъ послѣ объяснитъ св. Павелъ; досадитель—кто бранчивъ, сварливъ, пересудливъ; пьяница — кто пьетъ не въ мѣру и безобразничаетъ; хищникъ — воръ въ разныхъ видахъ. Впереди выставилъ только блудника, хищника, лихоимца, идолослужителя (ст. 10). Здѣсь прибавилъ—пьяницу, идолослужителя, хотя стихи эти должны быть въ прямомъ соотвѣтствіи. Можно заключить, что и тутъ не всѣ перечислены, кого должно чуждаться, или отчуждать отъ общества христіанъ. Потому позволительно обобщить положеніе Апостола: всякаго явнаго грѣшника должно исключать изъ общества христіанскаго.

Общество христіанское должно быть чисто. Какъ скоро кто впадетъ въ грѣхи, долженъ быть изверга-

емъ. Въ первыя времена грѣшники и были извергаемы; и тѣ, которые, раскаясь, искали снова общенія, хотя были принимаемы, но подвергались строгимъ испытаніямъ и должны были пройти нѣсколько степеней покаянія, чтобъ быть принятыми опять въ полное общеніе. Это была Апостольская мудрая дисциплина. Умноженіе грѣшниковъ сдѣлало исполненіе ея невозможнымъ. Нынѣ стань это исполнять: всѣхъ гони вонъ. И исполнять некому.

Ст. 12. *Что бо ми и внѣшнихъ судити? не внутреннихъ ли вы судите?*

„Внѣшними называетъ язычниковъ, а внутренними— христіанъ. До внѣшнихъ, говоритъ, мнѣ дѣла нѣтъ. Какъ бы такъ: они внѣ моихъ законовъ. Неумѣстно законы Христовы возлагать на тѣхъ, кои не суть отъ двора Христова. Ибо *елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законѣ глаголетъ* (Римл. 3, 19)" (Ѳеоф.). Поелику пишетъ законы суда надъ христіанами, то подъ *судити* разумѣть можно: прописывать судные законы для внѣшнихъ мнѣ не слѣдуетъ. Но тутъ же у него опредѣляется и практика суда; почему слова: что мнѣ судить? можно дополнить: что мнѣ съ вами судить внѣшнихъ? или что намъ съ вами судить? Въ своемъ лицѣ представляетъ всѣхъ христіанъ судящихъ, или всю Церковь, которой власть только на чадъ своихъ простирается.

Не внутреннихъ ли вы судите? Говоритъ: *вы судите?* власть же эту онъ имъ вручаетъ. Почему и здѣсь можно такъ переложить рѣчь: не внутреннихъ ли мы съ вами судимъ? Фотій у Экуменія и говоритъ: „мы братій исправляемъ, когда разбираемъ дѣла ихъ и судъ надъ ними произносимъ, въ видахъ исправленія, а отъ тѣхъ (язычниковъ) мы уже отдѣлились."

Въ этихъ словахъ указывается причина, по которой Апостолъ впереди далъ правило не примѣшиваться къ

явнымъ грѣшникамъ только изъ христіанъ, а не изъ язычниковъ. Ибо говоритъ: эти внѣшніе, а тѣ внутренніе; судить же намъ съ вами и можно только внутреннихъ, а не внѣшнихъ. Но если здѣсь о судѣ говорится, то надо положить, что и тамъ не примѣшиваніе къ грѣшникамъ изъ христіанъ должно было вступать въ дѣло вслѣдствіе церковнаго суда. Сквозь все это маленькое отдѣленіе проходитъ мысль, что христіане сами должны блюсти свое общество въ чистотѣ и святости, и въ случаѣ появленія какого-либо не подходящаго подъ уровень съ другими въ семъ отношеніи, — изгонять такого изъ общества суднымъ порядкомъ, и притомъ своимъ внутреннимъ.

Ст. 13. *Внѣшнихъ же Богъ судитъ: и измите злаго отъ васъ самѣхъ.*

И къ Римлянамъ пиша, говоритъ Апостолъ, что внѣшніе, язычники хотя безъ закона, но все же судъ пріимутъ,—пріимутъ его не по закону писанному, а по закону совѣсти (Римл. 2, 12 и д.). Тоже и здѣсь говоритъ, что ихъ судитъ Богъ, т.-е. что имъ судья есть Богъ. Всякая разумная тварь носитъ убѣжденіе, что она отвѣтна предъ Богомъ, и отъ Него судъ пріиметъ по тѣмъ законамъ, которые Онъ положилъ въ совѣсти ихъ. Язычники заблуждались въ понятіи о Богѣ, но этотъ пунктъ о судѣ Божіемъ надъ ними и у нихъ былъ въ силѣ. Потому мысль Апостола такая: мы своихъ судимъ еще здѣсь сами и чрезъ это, располагая ихъ къ покаянію, избавляемъ отъ суда Божія, а у язычниковъ нѣтъ этого посредствующаго исправительнаго суда: ихъ ожидаетъ прямо судъ Божій. Св. Златоустъ говоритъ: „дабы изъ словъ его: *что ми и внѣшнихъ судити*, кто-нибудь не вывелъ заключенія, что язычники останутся безнаказанными, онъ указываетъ на другой судъ—страшный. Говоритъ это, дабы устра-

шить внѣшнихъ и вмѣстѣ утѣшить своихъ, и дабы показать, что это временное наказаніе избавляетъ отъ вѣчнаго и безконечнаго, какъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: нынѣ *судими наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. 11, 32).“

И измите злаго отъ васъ самѣхъ. Злаго—не кровосмѣсника только, но всякаго злаго, всякаго явнаго грѣшника. Это изреченіе взято изъ Второзаконія (17, 7), и имъ подтверждаетъ Апостолъ свое распоряженіе объ изгнаніи изъ общества христіанъ явныхъ грѣшниковъ. Ветхій Израиль былъ прообразователемъ новаго, и тогдашніе вещественные законы прообразовали духовные законы Церкви Христовой. Тамъ большіе грѣшники побиваемы были камнями, и Израильтяне такимъ образомъ изымали злаго изъ себя самихъ. Въ Церкви же Христовой злой изымается отлученіемъ его отъ общенія и въ таинствахъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ видахъ неочищенія только себя самой отъ злаго, но и исправленія его самого. Приводя это изреченіе, Апостолъ и оправдываетъ свое распоряженіе, что точно такъ и слѣдуетъ дѣйствовать, и вмѣстѣ выставляетъ на видъ различіе новаго Израиля отъ ветхаго. Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „это изреченіе Апостолъ заимствовалъ изъ Ветхаго Завѣта, дабы съ одной стороны внушить, что въ такомъ случаѣ (изъявъ злаго) и они сами получатъ величайшую пользу, освободившись какъ-бы отъ опасной заразы, а съ другой стороны показать, что это не нововведеніе, а еще древнимъ законодателемъ заповѣдано отлучать такихъ людей. Впрочемъ тамъ было строже, а здѣсь снисходительнѣе. При этомъ справедливо можно спросить, почему тамъ законодатель позволялъ казнить грѣшниковъ и побивать камнями, а здѣсь не такъ, но ведетъ его къ покаянію? Почему тамъ узаконено такъ, а здѣсь

иначе? По двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что новозавѣтные призваны къ большему подвигу, слѣдовательно имѣютъ нужду въ большемъ снисхожденіи; во-вторыхъ и справедливѣе потому, что облегченіе въ наказаніи скорѣе располагаетъ ихъ къ покаянію и исправленію, а ветхозавѣтныхъ оно привело бы къ большему развращенію."

2.

Обличеніе за тяжбы предъ невѣрными

6, 1—8.

Помянувъ о внутреннемъ судѣ въ духовныхъ дѣлахъ, Апостолъ желаетъ, чтобъ а) и житейскія дѣла христіане разбирали сами, не доводя ихъ до языческихъ судей (1 — 6); а лучше бы, еслибъ они б) взаимною уступчивостію и готовностію скорѣе потерпѣть обиду, чѣмъ обидѣть, не давали и заграждаться между собою тяжбамъ (7—8). Св. Златоустъ замѣчаетъ, что поводомъ къ сему обличенію послужила предыдущая рѣчь; оно будто вставочное, и кончивъ его, Апостолъ опять возвращается къ прежнему предмету, т.-е. къ обличенію блудной и вообще чувственной жизни.

а).

6, 1. *Смѣетъ ли кто отъ васъ, вещь имѣя ко иному, судитися отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ?*

Смѣетъ ли кто? Апостолъ рѣчь начинаетъ прямо и съ движеніемъ. Вопросъ показываетъ, какъ непріятно ему это дѣло по причинѣ униженія изъ-за него имени христіанскаго, о чести котораго онъ всегда ревновалъ. *Вещь имѣть ко иному*—имѣть съ кѣмъ спорное дѣло, какъ видно изъ дальнѣйшаго, изъ-за житейскихъ вещей.

Неправедными называетъ язычниковъ, а *святыми*—христіанъ. Христіане въ крещеніи принимаютъ обязательство въ совѣсти — всякую правду соблюдать и всякое добро дѣлать, и страха ради Божія не позволять ничего противнаго совѣсти; такъ что добросовѣстность становится отличительною ихъ чертою. У язычниковъ напротивъ нравственныя силы въ упадкѣ, и они предполагаются всегда готовыми покривить душею. Апостолъ, зная тоже по слуху, что Коринөскіе христіане, можетъ быть, преимущественно изъ язычниковъ, ходятъ судиться, въ случаѣ размолвокъ, къ языческимъ судьямъ, по старой ли памяти, или и потому, что явиться съ тяжебнымъ дѣломъ въ собраніе христіанъ стыдно,—при одномъ воспоминаніи о семъ приходитъ въ негодованіе, и говоритъ: смѣетъ ли кто? Какъ рѣшается кто на это? На что это похоже?

Св. Златоустъ говоритъ: „и въ этомъ опять Апостолъ обличаетъ ихъ, какъ въ дѣлѣ извѣстномъ; тамъ говорилъ: *отнюдъ слышится въ васъ блуженіе;* а здѣсь: *смѣетъ ли кто отъ васъ?* Въ самомъ началѣ выражаетъ гнѣвъ и показываетъ, что это дѣло ни съ чѣмъ несообразное. Не странно ли, говоритъ, для примиренія съ другомъ избирать посредникомъ врага? Не стыдно ли и не срамно ли, что язычникъ садится судить христіанина? И смотри, какъ онъ выражается: *судиться отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ,* самыми названіями обличая неразуміе дѣла и отклоняя отъ него. Не сказалъ: у невѣрныхъ, но: у *неправедныхъ;* употребляетъ такое выраженіе, какое особенно нужно было ему для предполагаемой цѣли, для того, чтобы исправить и отклонить ихъ отъ такого дѣла. Говоря о судѣ и имѣя въ виду, что судящіеся ничего такъ не желаютъ отъ судей, какъ правосудія, онъ этимъ самымъ и вразумляетъ ихъ, какъ-бы такъ говоря: куда ты идешь, и

что дѣлаешь, человѣкъ, поступая вопреки собственному желанію, ища правды у людей неправедныхъ? А чтобы расположить обращаться къ своимъ, смотри, какъ онъ возвышаетъ и представляетъ достойными всякаго довѣрія, называя ихъ сперва святыми, а потомъ судьями всего міра. Сначала онъ не отвергаетъ вовсе суда у вѣрныхъ; но когда уже сильно обличилъ ихъ, тогда и вовсе запрещаетъ судиться. Если, говоритъ, непремѣнно нужно судиться, то не слѣдуетъ у невѣрныхъ, а лучше и вовсе не судиться. Но послѣднюю мысль онъ высказываетъ послѣ (ст. 7, 8), а теперь пока запрещаетъ только судиться у постороннихъ. Тяжело было прямо услышать запрещеніе судиться; почему онъ не вдругъ заповѣдуетъ это, но сначала только перемѣняетъ судей, обращая судившихся отъ внѣшнихъ судей къ Церкви.“

Ст. 2. *Не вѣсте ли, яко святіи мірови имутъ судити? И аще вами судъ пріиметъ міръ, недостойни есте судищемъ худымъ.*

Доказываетъ, почему христіанамъ неумѣстно судиться у язычниковъ; потому, говоритъ, что христіане—святые будутъ міръ судить, міръ, т.-е. невѣрныхъ, язычниковъ какъ ниже—ангеловъ, тоже невѣрныхъ. Если судить будутъ язычниковъ, то очевидно, что язычники ниже ихъ и языческія судища не по нимъ; недостойно васъ, говоритъ, ходить въ эти судища. Предметъ доказанъ. Сила доказательства въ извѣстности того обстоятельства, что святые, христіане, имѣютъ міръ судить. Когда спрашиваетъ Апостолъ: *не вѣсте ли?* самымъ вопросомъ даетъ разумѣть, что тогдашнимъ христіанамъ это было извѣстно. Потому цѣль Апостола достигалась и безъ объясненія, какъ святые будутъ судить міръ. Онъ его и не прилагаетъ. Но для насъ теперь это не совсѣмъ понятно. Судія міра одинъ Гос-

подь. Самъ Онъ, изображая судъ, даетъ разумѣть, что Ему будутъ подлежать и вѣрные и невѣрные, и что произведши судъ, Онъ скажетъ однимъ: *пріидите благословенніи,* а другимъ: *отыдите проклятіи.* Какъ же святые будутъ судить, когда сами судимы будутъ? На это скажемъ: слово Апостола не ложно; святые будутъ судить міръ, и ангеловъ, а какъ — не знаемъ. Наше незнаніе не умаляетъ вѣрности слова Апостольскаго. Но такимъ отвѣтомъ кого удовлетворишь? Всякому хочется дойти до рѣшенія, но какъ основать рѣшенія не на чемъ, то неизбѣжно строить предположенія. Ихъ и настроили много. Перечислять ихъ не стоитъ. Возмемъ то, которое единогласно принимаютъ всѣ наши толковники. Вотъ слова Ѳеодорита: „сказалъ: *имутъ судити,* вмѣсто осудятъ. Ибо сіе даютъ разумѣть послѣдующія слова: *аще вами* (ἐν ὑμῖν) *судъ пріиметъ міръ.* Такъ мужіе ниневитстіи и царица южская осудятъ оный родъ (Мѳ. 12, 41); такъ дванадесять Апостоловъ будутъ судить обѣманадесять колѣнома Израилевома (—19, 28), т.-е. осудятъ ихъ, осудятъ же, потому что сами изъ нихъ произошли и увѣровали въ Господа, и подверглись тьмочисленнымъ видамъ смертей, и не отреклись отъ вѣры въ Него. Такъ и увѣровавшіе изъ язычниковъ осудятъ не увѣровавшихъ въ спасительную проповѣдь.“ Вотъ что говоритъ св. Златоустъ: „судить будутъ святые, не садясь и требуя отчета, но тѣмъ, что осудятъ. Это выражаетъ Апостолъ словами: *аще вами судъ пріиметъ міръ.* Не сказалъ: отъ васъ, но *вами* (ἐν ὑμῖν—въ васъ, въ вашей святости), какъ и Господь сказалъ: *царица Южская востанетъ и осудитъ родъ сей;* и: *мужіе Ниневитстіи востанутъ и осудятъ родъ сей* (Мѳ. 12, 41. 42). Они видятъ одно и тоже съ нами солнце и участвуютъ въ одномъ и томъ же, и между тѣмъ если мы окажемся вѣрующими, а они невѣрую-

щими, то имъ невозможно будетъ сослаться на невѣдѣніе; мы осудимъ ихъ тѣмъ, что̀ мы сдѣлали. И много подобныхъ найдется тогда способовъ осужденія.“ Такъ и св. Дамаскинъ, и Экуменій, и Фотій у Экуменія и Ѳеофилактъ. Послѣдняя приписка св. Златоуста показываетъ, что возможны и другіе способы осужденія невѣрныхъ вѣрными. Но все—осужденія, а не суда. На этомъ рѣшеніи и остановимся. Ему даетъ большой вѣсъ — ἐν ὑμῖν, — въ васъ, какъ бы въ вашемъ лицѣ, или на васъ показывая, судья судъ произнесетъ, и оправдается на судѣ своемъ вами.

Если такъ, говоритъ далѣе св. Павелъ, то *недостойни есте судищемъ худымъ;* какъ бы такъ: „поведеніе ваше наноситъ вамъ стыдъ и невыразимое безчестіе. Коринѳяне, вѣроятно, стыдились судиться у своихъ судей; посему онъ говоритъ: напротивъ, стыдитесь того, что вы судитесь у внѣшнихъ; ихъ судилища маловажны, а не тѣ“ (св. Злат.).

Ст. 3. *Не вѣсте ли, яко ангеловъ судити имамы, а не точію житейскихъ?*

„Апостолъ выраженіе: *судити имамы* употребилъ опять вмѣсто: осудимъ; ангелами назвалъ демоновъ, потому что древле они были ангелами. Осудятъ ихъ святые, потому что, будучи обложены плотію, заботились о Божественномъ служеніи, они же въ безтѣлесномъ естествѣ возлюбили лукавство“ (Ѳеод.).

Св. Златоустъ опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что Апостолъ разумѣетъ здѣсь подъ ангелами священниковъ. Апостолъ, говоритъ, ангеламъ противопоставляетъ житейскія дѣла (*житейскихъ*—βιωτικὰ—житейское, дѣла житейскія); а такія дѣла священникамъ не противоположны, ибо и они люди житейскіе; ангеламъ же они противоположны въ томъ смыслѣ, что они по природѣ своей не имѣютъ нужды въ житейскомъ.

„Нѣтъ, Апостолъ говоритъ здѣсь о злыхъ духахъ, о тѣхъ ангелахъ, о которыхъ говоритъ Христосъ: *идите въ огнь уготованный діаволу и аггеломъ его* (Мѳ. 25, 41). Когда эти безплотныя силы окажутся хуже насъ, облеченныхъ плотію, то подвергнутся тягчайшему наказанію.“

Ст. 4. *Житейская бо судища аще имате, уничиженныхъ въ церкви, сихъ посаждаете.*

Мѣсто это темновато, по причинѣ неопредѣленности, кто суть *уничиженные въ церкви*. Понятны первыя слова: *житейская судища аще имате*, т.-е., если имѣете житейскія дѣла или столкновенія, которыя приходится улаживать судебнымъ порядкомъ. Понятны и послѣднія слова: *сихъ посаждаете*, т.-е. посаждаете на судейское кресло для суда надъ собою, или избираете въ судьи. Но что значатъ слова: *уничиженныхъ въ церкви*, не понятно.—И это затемняетъ весь текстъ.

Уничиженныхъ въ церкви можно понимать двояко: или это лица, церкви принадлежащія, вѣрующіе члены церкви, но такіе, которые въ ней послѣднія занимаютъ мѣста, ниже другихъ стоятъ; или это лица, внѣ церкви сущія, невѣрующія, которыя по тому самому почитаются въ церкви ничего не стоющими,—для церкви и членовъ ея ничего не значатъ, *уничиженны* суть.

Если подъ *уничиженными* сими будемъ разумѣть внѣцерковныя лица; то, поставя это мѣсто въ связь съ предыдущимъ, получимъ: Ангеловъ судить имѣете, не тѣмъ ли паче житейское? А вы, имѣя житейскія дѣла, посаждаете на судейское кресло, или берете себѣ въ судьи такія лица, которыя въ церкви никакого значенія не имѣютъ, какъ невѣрные, или ничто суть предъ церковію и членами ея. Какая несообразность?! — къ сраму вамъ говорю это.—Нынѣ въ греческомъ текстѣ мѣсто сіе дѣлаютъ вопроснымъ. Это не измѣняетъ его

смысла, въ предложенномъ видѣ; но усиливаетъ его, давая ему оттѣнокъ укорнаго неодобренія.

Если подъ *уничиженными* сими будемъ разумѣть лица, церкви принадлежащія, но не видимыя въ церкви; то,— поставя настоящее мѣсто въ связь съ предыдущимъ: *Ангеловъ имѣете судить, не тѣмъ ли паче житейское?*— можемъ далѣе такую вести рѣчь: что касается до житейскихъ дѣлъ, то, если имѣете нужду улаживать ихъ между собою стороннимъ разбирательствомъ, берите для сего послѣднихъ вѣрующихъ и посаждайте на судейское кресло. Мысль будетъ или такая: возьмите вы послѣднѣйшихъ изъ христіанъ,—и тѣ разберутъ; или такая: берите вы, какіе попадутъ—христіане, хоть самые послѣднѣйшіе, и ввѣряйте имъ судъ надъ собою, только ни за что не ходите къ языческимъ судьямъ. При первой мысли будетъ слышаться внушеніе, что житейскія дѣла и сами по себѣ, и тѣмъ паче между христіанами, должны считаться мелочными, ничтожнѣйшими до того, что ихъ разберетъ послѣдній христіанинъ; а вмѣстѣ съ симъ и укоръ: а вы въ суды идете, будто съ важнымъ какимъ дѣломъ и къ важнымъ лицамъ, тогда какъ то и другое ничтожно. При второй мысли будетъ слышаться внушеніе отвращенія къ суду предъ язычниками, какъ къ дѣлу, для христіанъ ни съ чѣмъ несообразному.

Наши всѣ толковники читаютъ не: *посаждаете,* а: *посаждайте,*—и въ толкованіи выражаютъ послѣднюю изъ приведенныхъ мыслей. Въ толкуемыхъ словахъ они видятъ отвѣтъ на предполагаемый вопросъ: не ходи, говоришь, къ языческимъ судьямъ; но къ кому изъ нашихъ отнестись-то? Некому разсудить, поневолѣ и идешь къ язычникамъ.—Вотъ слова св. Златоуста: „Желая съ особою силою вразумить насъ, что не должно, въ чемъ бы то ни было, обращаться къ внѣшнимъ су-

діямъ, и видя представляющееся возраженіе, онъ напередъ разрѣшаетъ его. Смыслъ словъ его слѣдующій: можетъ быть кто скажетъ, что между вами нѣтъ ни одного мудраго или способнаго разбирать дѣло, но всѣ не способны къ тому; что же? хотя бы, говоритъ, у васъ не было ни одного мудраго, поручайте это дѣло самымъ послѣднимъ. — Указавъ на *уничиженныхъ,* онъ не то говоритъ, что на мѣстѣ судей должны быть люди самые неспособные, а пристыждаетъ ихъ. Что судъ надобно предоставлять людямъ, способнымъ разбирать дѣла, это онъ выразилъ ниже въ словахъ: *тако ли нѣсть въ васъ мудръ ни единъ;* а дабы совершенно заградить имъ уста, говоритъ, что еслибы даже между ними не было ни одного мудраго, то лучше предоставить дѣла на судъ немудрыхъ, нежели судиться у внѣшнихъ.“

Ст. 5. *Къ сраму вамъ глаголю: тако ли нѣсть въ васъ мудръ ни единъ, иже можетъ разсудити между братій своихъ?*

Къ сраму вамъ глаголю. Говорю такъ къ посрамленію васъ, вашего неразумія, что идете къ чужимъ, когда дома и не перечтешь, сколько есть способныхъ это дѣлать, или къ посрамленію пустой отговорки, что некому судить. Въ церкви же конечно всегда найдутся мудрые люди, могущіе всякое дѣло разобрать и миръ водворить среди братій. Св. Златоустъ говоритъ: „*къ сраму вамъ глаголю.* Осуждаетъ такое возраженіе (что некому разсудить), какъ пустой предлогъ; посему и продолжаетъ: *тако ли нѣсть въ васъ мудръ ни единъ?* Неужели, говоритъ, у васъ такая скудость? Неужели у васъ такъ рѣдки умные люди? Послѣдующимъ прибавленіемъ еще болѣе поражаетъ ихъ; ибо сказавъ: *тако ли нѣсть въ васъ мудръ ни единъ,* присовокупляетъ: *иже можетъ разсудити между братій своихъ?* Когда

братъ судится съ братомъ, то для посредника въ тяжбѣ не нужны великая мудрость и искусство краснорѣчія, но къ разрѣшенію несогласія много могутъ содѣйствовать расположенность и родство (духовное).

Ст. 6. *Но братъ съ братомъ судится, и то предъ невѣрными.*

„Двойная вина: та, что судится, и та, что судится у невѣрныхъ“ (св. Злат.). Или даже тройная: „во-первыхъ, что вѣрный судится; потомъ что судится съ единовѣрнымъ, а что всего хуже, судится у судіи невѣрнаго“ (Ѳеод.). Если судиться съ братомъ само по себѣ есть грѣшное дѣло, то судящійся у внѣшнихъ заслуживаетъ ли какого-либо оправданія? Весьма стыдно, если между братьями не можетъ быть примирителемъ священникъ, но оказывается нужда прибѣгать къ внѣшнимъ. *И то предъ невѣрными,* говоритъ. „Видишь ли, какъ благоразумно онъ сперва унизилъ судей, назвавъ неправедными, а теперь пристыждаетъ Коринѳянъ, называя этихъ судей невѣрными?“ (св. Злат.).

б).

Ст. 7—8. *Уже убо отнюдъ вамъ срамъ есть, яко тяжбы имате между собою. Почто не паче обидими есте? почто не паче лишени бываете? но вы сами обидите и лишаете, да еще братію.*

Между тяжущимися двѣ стороны: одинъ считаетъ себя обиженнымъ, или есть въ самомъ дѣлѣ таковъ; другой считается обижающимъ, или есть въ самомъ дѣлѣ таковъ. Апостолъ ни одного изъ нихъ не обвиняетъ. Обижаемому говоритъ: чего ради не соглашаешься остаться обиженнымъ и понесть лишеніе? Обижающему говоритъ: зачѣмъ обижаешь, да еще брата? Правило же его и желаніе его то, чтобы тяжебъ совсѣмъ не было между христіанами. „Я еще не изслѣдую,

говоритъ, того, кто правъ и кто не неправъ; уже по тому самому, что судятся, оба они достойны осужденія и ничѣмъ одинъ другаго не лучше. Не говори мнѣ (обиженный), что тебѣ причинена обида; осуждаю тебя уже за то, что судишься. (А тебѣ обижающій скажу): если не сносить обиды — грѣхъ, то нанесеніе обиды какого достойно осужденія? Здѣсь два преступленія, или лучше три, и даже четыре. Одно то, что не сносятъ обиды; другое, что сами обижаютъ; третье, что ищутъ суда у неправедныхъ; четвертое, что поступаютъ такъ съ братомъ. Ибо неравно судятся грѣхи, когда они совершаются противъ кого-нибудь, встрѣтившагося случайно, или противъ собственнаго члена (брата); въ послѣднемъ случаѣ обнаруживается больше безстыдства: тамъ оскорбляется одно естество, а здѣсь и самое сердце“ (св. Злат.). *„Или не вѣсте, яко неправедницы царствія Божія не наслѣдятъ* (ст. 9)? Заключаетъ увѣщаніе угрозою, дѣлая чрезъ то слово свое сильнѣйшимъ“ (Ѳеоф.).

Требованіе, чтобъ между христіанами не было тяжбъ, не представляетъ ничего чрезмѣрнаго. Христіанское общество есть общество святыхъ. Такимъ изображаетъ его св. Павелъ всюду. Грѣшниковъ всѣхъ велѣлъ онъ изгонять вонъ, лишая и имени христіанскаго, если не покаятся. Изгналъ онъ блудниковъ, изгналъ лихоимцевъ и хищниковъ, изгналъ досадителей и пьяницъ. Но если не будетъ въ обществѣ такихъ лицъ, то и обижать некому будетъ. Не будь обидъ, и повода къ тяжбамъ не будетъ. А если случится какое столкновеніе, то оно всегда можетъ быть улаживаемо помощію какого-либо посредника, а то и безъ него, когда между всѣми царствуетъ любовь и всѣ одинаково стремятся къ сохраненію общаго мира. Какъ нынѣ ослабѣла церковная дисциплина!

3).

Обличеніе а) грѣшной и страстной жизни вообще, 6, 9—11, и въ частности б) жизни плотоугодливой, выражающейся аа) въ чревоугодіи, 12, 13, и бб) блудѣ, 14—19, съ в) общимъ заключеніемъ о прославленіи Бога въ душахъ и тѣлесахъ,—20.

Осудивъ кровосмѣсника, Апостолъ заповѣдалъ Церкви вычищать у себя всякій древній квасъ, всякаго явнаго грѣшника, а для того установилъ внутренній судъ. Какъ ему предлежало обличить Коринѳянъ и за то, что они по житейскимъ дѣламъ ходятъ судиться въ языческіе суды, то онъ пріобщилъ это обличеніе къ слову о томъ внутреннемъ судѣ. Кончивъ же это обличеніе, снова возвращается къ очищенію Церкви отъ грѣшниковъ, направляя слово уже не къ Церкви, а къ самымъ грѣшникамъ; — къ грѣшникамъ всякаго рода, особенно же плотоугодникамъ.

а).

Ст. 9. 10. *Или не вѣсте, яко неправедницы царствія Божія не наслѣдятъ? Не льстите себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни сквернители, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ.*

Слова: *или не вѣсте, яко неправедницы царствія Божія не наслѣдятъ,* относятся къ предыдущему, — къ убѣжденію, чтобъ воздерживались отъ обидъ готовые обижать, и чтобъ такимъ образомъ не было подаваемо повода къ тяжбамъ. Обиды или неправды въ житей-

скихъ дѣлахъ, подающія поводъ къ тяжбамъ, на видъ могутъ казаться и не такъ важными; но какъ онѣ исходятъ отъ неуваженія къ правдѣ, или разлюбленія правды, и тѣмъ обличаютъ покривленіе совѣсти и испорченность сердца, то, какъ-бы ни былъ маловаженъ предметъ ихъ, онѣ дѣлаютъ ихъ нечистыми и въ царствіе Божіе негожими; ибо туда не войдетъ ничто нечистое. Кончивъ это, Апостолъ обращается къ обличенію грѣховной и страстной жизни вообще.

Не льстите себе,—не заблуждайтесь, не обманывайтесь, не льстите себя пустыми надеждами, будто грѣхъ ничего. „Здѣсь Апостолъ разумѣетъ нѣкоторыхъ, говорившихъ, какъ и нынѣ многіе говорятъ: Богъ человѣколюбивъ и благъ, Онъ не мститъ за преступленія, намъ нечего бояться, Онъ никогда не накажетъ ни за какой грѣхъ. Посему и говоритъ: *не льстите себе*. Ибо крайнее обольщеніе и заблужденіе—надѣясь пріятнаго, получить противное и думать о Богѣ такъ, какъ не думаютъ и о человѣкѣ. Потому Пророкъ говоритъ отъ лица Божія: *вознепщевалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ: обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя* (Пс. 49, 21)“ (св. Злат.). Какъ ни нелѣпы такія мысли, однакожъ всѣ грѣшники всегда ихъ держатъ. Врагъ ужъ такъ набиваетъ имъ въ голову. Только, когда, по милости Божіей, начнутъ каяться, сознаютъ, что были въ обманѣ и ясно видятъ, что у Бога милость милостью, а правда правдою. Благъ Онъ безпредѣльно; но и праведенъ не меньше. Потому страха Его да убоимся.

Раскрывши грѣшникамъ глаза, закрытые лестію, Апостолъ теперь перечисляетъ ихъ по родамъ, подобно тому какъ дѣлалъ выше, когда изгонялъ ихъ изъ общества христіанскаго (5, 10. 11). И тѣхъ всѣхъ снова поминаетъ и прибавляетъ новыхъ, не то позволяя пред-

полагать, что, кромѣ этихъ, другимъ грѣшникамъ дверь въ царствіе будетъ открыта, а то давая разумѣть, что, подобно этимъ, и всѣмъ другимъ нарушителямъ заповѣдей входа туда не будетъ.

Ни блудники: безженные, съ безмужными блудницами предающіеся любострастію; *ни идолослужители*, которые, позволяя себѣ вкушать идоложертвенное, впадаютъ тамъ и въ другія непотребства съ тѣмъ соединенныя; *ни прелюбодѣи*, которые нарушаютъ вѣрность супружескаго ложа; *ни сквернители*, — въ подлинникѣ нѣтъ сего слова: полагать надо, что оно прибавлено къ непонятному слѣдующему: малакіи, — такъ чтобы читать: *ни сквернители-малакіи*, подъ коими кажется надо разумѣть тѣхъ, кои сами себя сквернятъ блудными сластьми, или рукоблудниковъ; *ни мужеложники*, когда мужчина мужчину имѣетъ вмѣсто женщины для удовлетворенія блудной похоти; *ни лихоимцы*, жадные до имѣнія, чтобъ все больше и больше имѣть, не разбирая средствъ, какъ-то непомѣрный ростъ, обманъ въ торговлѣ, разныя хитрости въ оборотахъ; къ нимъ же причисляются и скупцы, которые, имѣя много, и сами тѣмъ не пользуются, какъ должно, ни съ другими нуждающимися не дѣлятся; *ни татіе*,—воры, обкрадывающіе дома, лавки, церкви, тайно, прикрываясь большею частію ночною темнотою; *ни піяницы*, не тѣ только, которые всегда пьяны, или пьютъ запоемъ, но и тѣ, которые вообще любятъ пьянственное веселье, въ какомъ бы видѣ оно ни было сочиняемо, — осуждаемое, какъ произвольное себя одурѣніе разгоряченіемъ крови и поставленіе себя въ такое состояніе, въ которомъ бываютъ готовы на все; *ни досадители*—бранчивые и драчливые, ругатели и насмѣшники, отъ которыхъ житья и проходу никому нѣтъ, это и въ грубомъ и въ тонкомъ видѣ; *ни хищники*, которые, подобно хищнымъ

звѣрямъ, рыщутъ по дорогамъ и засѣдаютъ въ тайныхъ, чтобъ напасть на кого и ограбить—разбойники; сюда же относятся и тѣ, которые опустошаютъ карманы, и тѣ, которые насильно удерживаютъ плату какую-нибудь. Два рода перечислено грѣховъ — похоти плотской въ самыхъ срамныхъ видахъ, и любостяжанія со всѣми неправдами. Изъ грѣховъ раздраженія и гнѣвливости только одинъ—досадительство, которое впрочемъ можетъ исходить и отъ безгнѣвной охоты досадовать другимъ.

Всѣ такіе *царствія Божія не наслѣдятъ.* И въ добромъ обществѣ такіе нетерпимы, не только въ пресвѣтломъ и пречистомъ царствіи Божіемъ. Выставляетъ же сіе Апостолъ, вѣроятно потому, что многіе изъ вѣровавшихъ Коринѳянъ принадлежали къ низшему классу и прежде были опутаны дурными привычками. Опытъ кровосмѣсника показалъ, что возможны и въ другихъ ниспаденія къ прежнимъ дѣламъ. Почему и пишетъ ко всей Церкви: изгонять такихъ изъ христіанскаго общества, а тѣхъ, которые могли подвергнуться паденіямъ вновь, устрашаетъ геенною. Ибо ничто столько не сильно отрезвить и отвратить отъ приманокъ привычнаго грѣха, какъ сознаніе опасности потерять царствіе и воспріятіе въ чувство страха попасть въ геенну. Что дѣйствительно цѣль у Апостола та, чтобы предотвратить, видно изъ того, что онъ говоритъ вслѣдъ за симъ:

Ст. 11. *И сими убо нѣцыи бѣсте, но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа, и Духомъ Бога нашего.*

Были нѣкоторые таковы, а теперь вѣрно ни они, ни другіе — не таковы. Ибо еслибъ и теперь были таковы, не пощадилъ бы ихъ Апостолъ и не сталъ прикрывать. И св. Златоустъ говоритъ, что „Апостолъ

произнесъ вышепомянутую угрозу не потому, чтобы зналъ за Коринѳянами всѣ эти грѣхи, но чтобы сдѣлать всѣхъ бдительными и осторожными." Для поддержанія бдительности надъ собою, къ угрозамъ онъ прилагаетъ теперь напоминаніе о полученныхъ ими духовныхъ благахъ, при вступленіи ихъ въ лоно Церкви. Онъ какъ бы говоритъ имъ: „подумайте, отъ какихъ золъ Богъ избавилъ васъ, какое явилъ вамъ доказательство Своего человѣколюбія; и не ограничилъ Своего милосердія однимъ избавленіемъ отъ золъ, но простеръ Свое благодѣяніе еще далѣе: сдѣлалъ васъ чистыми. И только-ли? Нѣтъ, но и освятилъ; и это не все, но и оправдалъ. Омыться отъ грѣховъ—уже великій даръ, но Онъ еще обогатилъ насъ безчисленными благами. Итакъ, возлюбленные, зная это и представляя величіе дарованныхъ намъ благъ, будемъ жить благочестиво, соблюдая себя чистыми отъ всѣхъ, исчисленныхъ грѣховъ" (св. Злат.). И это внушеніе Апостола похоже на то, которое онъ высказалъ, заповѣдавъ очищать ветхій квасъ. Тамъ онъ сказалъ: у васъ пасха на столѣ; будьте безквасны, опрѣсночны, не допуская въ себѣ никакой примѣси грѣха и страстей. Здѣсь говоритъ тоже: омылись, освятились, оправдались; не падайте опять въ нечистоту, не теряйте оправданія и освященія, тоже что: будьте безквасны, опрѣсночны. Сказать: *омыстеся, освятистеся и оправдистеся*, значитъ сказать тоже что: пасха на столѣ. Ибо пасха означала исхожденіе изъ Египта, избавленіе отъ рабства и вступленіе въ свободу независимаго народа. Омыться, освятиться и оправдаться есть — избавиться отъ рабства грѣху, выйти изъ Египта страстей и области сатанины, и вступить въ духовную свободу сыновъ царствія, ходящихъ въ волѣ Царя правды. Памятовать о всемъ этомъ и значитъ памятовать, что у насъ пасха на

столѣ: ибо все сіе дается о имени Господа нашего Іисуса Христа, Агнца нашего пасхальнаго, благодатію Св. Духа.

Омыстеся, т.-е. первородный грѣхъ и всѣ наши произвольные грѣхи прощены: эти нечистоты смыты въ водахъ крещенія чрезъ пріобщеніе крови Господа, на крестѣ грѣхи наши пригвоздившаго.—*Освятистеся*, т.-е. въ прощенныхъ и обезвиненныхъ васъ вселена благодать Св. Духа, положившая въ васъ зачатокъ новой, святой жизни и освятившая васъ. Въ вашихъ мысляхъ, желаніяхъ и чувствахъ все стало свято, и въ сердцѣ вашемъ властвуетъ одна ревность навсегда быть святыми, какъ вышли изъ купѣли. — *Оправдистеся*, т.-е. сказанное настроеніе ваше и составляетъ вашу внутреннюю правоту, непорочность предъ лицемъ Бога и Ангеловъ и предъ судомъ вашей совѣсти. Именемъ Господа все сіе дается, ибо дается по вѣрѣ въ Него и чрезъ пріобщеніе Его смерти и животу. Сила же, производящая сіе, есть благодать Св. Духа.

б).

Отгнавъ страхомъ лишенія царствія отъ явныхъ грѣховъ, и памятію великихъ во Христѣ даровъ благодатныхъ возставивъ ревность о внутренней чистотѣ или пресѣченіи всякаго угодія плоти, св. Павелъ обращается теперь къ созиданію въ сердцахъ ихъ чистоты, отклоняя ихъ отъ сочувствія къ такимъ дѣламъ, въ которыхъ наиболѣе проявляется плотоугодіе, именно — аа) къ чревоугодію, и бб) блуду.

аа).

Ст. 12. *Вся ми лѣть суть, но не вся на пользу: вся ми лѣть суть, но не азъ обладанъ буду отъ чего.*

Вся ми лѣть суть. Судя по тому, что̀, въ слѣдую-

щемъ стихѣ, который прямо связанъ съ настоящимъ, говорится о брашнахъ, дается мысль, что въ словахъ: *вся ми лѣть суть,* говорится: мнѣ можно вкушать всякаго рода пищу. Но можно разумѣть здѣсь вообще услажденіе всѣхъ чувствъ — зрѣнія, слуха, обонянія и осязанія, и удовлетвореніе всѣхъ тѣлесныхъ потребностей, кромѣ пищи, и сномъ, и покоемъ, и прохлажденіями и омовеніями, вообще всѣ утѣшенія плоти. Апостолъ представляетъ здѣсь чье-то лице, которое, обозрѣвъ всѣ эти утѣхи, говоритъ: *вся ми лѣть суть.* Т.-е. всѣмъ этимъ я могу пользоваться свободно. Можетъ быть такая рѣчь заимствована изъ устъ самого Апостола, который оставилъ законъ вязавшій: *не коснися, ни вкуси, ниже осяжи,* и всѣмъ проповѣдывалъ полную въ семъ отношеніи свободу. Но тогда какъ св. Павелъ прибавлялъ при семъ: *точію да не свобода ваша въ вину плоти будетъ* (Гал. 5, 13), другіе забывали это ограниченіе и останавливались болѣе вниманіемъ на свободѣ и нестѣсненности и, можетъ быть, дѣйствительно ничѣмъ себя не стѣсняли, не только закономъ, но и мѣрою благоразумія. Какъ такого рода свобода очень опасна, потому что, развивая чувственную жизнь, тѣмъ самымъ умаляетъ и совсѣмъ погашаетъ жизнь духовную, и особенно потому, что подготовляя похотныя возбужденія, подвергаетъ опасности впадать въ блудъ, въ коемъ смерть, то св. Павелъ спѣшитъ образумить таковыхъ. Онъ беретъ поговорку каждаго изъ таковыхъ: *вся ми лѣть суть,* и говоритъ какъ бы: да, *вся ми лѣть суть, но не вся на пользу, вся ми лѣть суть, но не азъ обладанъ буду отъ чего.* Два ограниченія полагаетъ онъ свободѣ всѣмъ пользоваться: первое—польза, второе—чтобъ ничѣмъ не быть обладаему.

Богъ далъ тебѣ тѣло и вложилъ въ него потребности, необходимыя для поддержанія его жизни, а внѣ, въ

природѣ, разсѣялъ блага, которыми удовлетворяются сіи потребности. Пользуйся всѣмъ. Божіе на то благословеніе изречено уже тѣмъ самымъ, что все это создано и создано для тебя. Но пользуйся только въ предѣлахъ пользы. Еслибъ у насъ была одна тѣлесная жизнь, то можно бы истолковать это такъ: въ предѣлахъ пользы для тѣла. Но какъ мы не тѣло только, но и душа, то надо добавить: въ предѣлахъ пользы и для души. И первое многое уже ограничитъ, и въ отношеніи къ родамъ удовольствій, и въ отношеніи къ мѣрѣ ихъ и другимъ особенностямъ. Но когда прибавимъ второе, то оно очень многое вычеркнетъ изъ списка того, что казалось *лѣть есть*. И это въ естественномъ порядкѣ жизни. Если же взять во вниманіе порядокъ жизни благодатной, которая и начинается самоотверженіемъ и ведется вся въ видахъ исканія вышняго, мудрствованія о горнемъ, а не о земномъ, то само собою останется уже только самое существенно необходимое, все же другое будетъ сочтено не на пользу, и вслѣдствіе сего отнесено къ тому, что не лѣть есть, хотя по началу оно могло бы быть и не таковымъ. Такимъ образомъ очевидно, что Апостолъ не связывая вяжетъ: не налагаетъ внѣшнихъ узъ закона, но полагаетъ заповѣдь строгаго самоограниченія.

Второе ограниченіе: *не азъ обладанъ буду отъ чего*. Въ тѣлѣ нашемъ лежитъ какой-то законъ навыка, по которому удовольствіе, нынѣ вкушенное, завтра въ тотъ-же часъ снова потребуется тѣломъ. Если удовлетворить его завтра, то на третій день требованіе то повторится съ большею силою. Дальше и дальше, наконецъ образуется привычка,—потребность удовлетворять тѣло извѣстнымъ образомъ и въ извѣстной мѣрѣ, которая замѣняетъ собою простую естественную потребность. Привычка—связа. Тогда какъ естественная

потребность требуетъ только, а не вяжетъ, привычка вяжетъ, назначая и предметъ, и время,. и мѣру. Чѣмъ больше привычекъ, тѣмъ больше связъ и узъ. Можно на всякую простую потребность навязать по нѣскольку привычекъ и быть такимъ образомъ связану по рукамъ и ногамъ. Это тоже, что мечтая о свободѣ, быть въ постыдномъ рабствѣ у чувственности своей. Это несравненно хуже рабства закона. Ибо *не коснися, ни вкуси, ниже осяжи,* все имѣло добрыя нравственныя цѣли. Вотъ противъ этого и предостерегаетъ Апостолъ: пусть тебѣ будетъ все лѣть; но не вяжи себя ничѣмъ. Будь, какъ птица свободно парящая въ пространствахъ воздушныхъ. Но это къ тому же ведетъ, къ чему приводитъ и ограниченіе пользою. Чтобъ не связать себя чувственными привычками, надо отказывать себѣ въ чувственныхъ удовольствіяхъ, допуская только существенно необходимыя.

Ѳеодоритъ, кажется, разумѣетъ въ семъ мѣстѣ ограниченіе чувственныхъ удовольствій вообще; а св. Златоустъ ограниченіе относительно однихъ яствъ. Вотъ его слова: „здѣсь Апостолъ говоритъ противъ чревоугодниковъ. Намѣреваясь снова обличать блудъ и зная, что это любодѣяніе происходитъ отъ пресыщенія и неумѣренности, онъ сильно поражаетъ эту страсть. Можно, говоритъ, ѣсть и пить, но неполезно ѣсть и пить неумѣренно. Отклоняетъ онъ отъ этого, вопервыхъ, какъ неполезнаго: *не вся на пользу*, а во вторыхъ, какъ отъ ведущаго къ противному: *но не азъ обладанъ буду отъ чего*. Смыслъ словъ его слѣдующій: ты властенъ ѣсть; сохраняй же свою власть и смотри, чтобъ не сдѣлаться рабомъ этого пожеланія. Кто надлежащимъ образомъ пользуется имъ, тотъ властенъ надъ нимъ; а кто предается ему неумѣренно, тотъ не имѣетъ власти, но становится рабомъ неумѣренности. Если ты не воз-

держенъ, то не ты имѣешь власть надъ чревомъ, а оно надъ тобою имѣетъ власть."

Ст. 13. *Брашна чреву, и чрево брашномъ; Богъ же и сіе и сія упразднитъ.*

„Если хочешь пользоваться въ этомъ (т.-е. въ пищѣ) свободою, то пользуйся, потому что для чрева созданы брашна. Но надлежитъ тебѣ знать, что этому будетъ конецъ, ибо за гробомъ излишни для людей брашна, и будущая жизнь не имѣетъ ничего такого; въ ней, по слову Господа, *какъ ни женятся, ни посягаютъ* (Мѳ. 22, 30), такъ и не ѣдятъ и не пьютъ. Слово же: *упразднитъ*, Апостолъ употребилъ пророчественно" (Ѳеод.). Эта же мысль есть и у св. Златоуста. Вотъ слова Фотія у Экуменія: „если просто принимать брашна въ значеніи пищи, а чрево въ значеніи пріемника съѣстнаго, то слѣдующія за симъ слова лучше принимать какъ пророчество о состояніи въ будущемъ вѣкѣ: *Богъ же и сіе и сія упразднитъ,* — какъ-бы такъ: но они оба по воскресеніи будутъ упразднены, какъ не нужныя; ибо тогда Богъ преложитъ насъ въ нетлѣніе, такъ что ни въ пищѣ не будетъ нужды, ни въ пріемникѣ съѣстнаго — чревѣ. Смыслъ словъ: *брашна чреву и чрево брашномъ,* будетъ такой: они другъ друга возбуждаютъ и раздражаютъ и другъ друга ищутъ. Аппетитъ чрева ищетъ яствъ, а яства въ свою очередь возбуждаютъ и раздражаютъ аппетитъ. Но Богъ по воскресеніи сдѣлаетъ ихъ ненужными. Итакъ не слѣдуетъ слишкомъ много заботиться о томъ, что имѣетъ быть упразднено." Впереди пользованіе плотскими удовольствіями, а въ числѣ ихъ и пищею ограничилъ Апостолъ ихъ пользою и тѣмъ, чтобъ не допускать себя до рабства имъ. Здѣсь, поставляя нынѣшнее наше состояніе предъ лицемъ будущаго, выводитъ отсюда новое побужденіе къ воздержанію и умѣренности. Въ бу-

дущемъ вѣкѣ, говоритъ, не будетъ ни пищи, ни чрева; надо потому позаботиться истребить въ душѣ всякое чревоугодіе и пристрастіе къ яствамъ чрезъ строгое воздержаніе, иначе душа, перешедши въ иной вѣкъ съ этими пристрастіями и не находя тамъ ничего удовлетворяющаго ихъ, будетъ томиться и сама въ себѣ носить адъ. Если тамъ совсѣмъ не будетъ ни чрева, ни яствъ, то, приготовляясь къ той жизни, надобно въ сей доводить ихъ до послѣдней степени малости. Какъ раціонально потому поступаютъ великіе постники!

Какой взглядъ на будущую жизнь открываетъ по сему слову блаж. Ѳеодоритъ! Пищи не будетъ, чрева не будетъ, слѣдовательно и подчревныхъ побужденій, слѣдовательно и брачныхъ союзовъ, слѣдовательно и семейныхъ отношеній, слѣдовательно ничего житейскаго. Весь строй жизни тамъ будетъ иной. Если цѣль жизни настоящей есть приготовленіе къ будущей, то какъ разумно поступаютъ тѣ, которые отрѣшаются отъ всѣхъ порядковъ здѣшней жизни, чтобы перейти въ другую никакими связями несвязанными!

Въ немногихъ словахъ очень многое сказалъ Апостолъ противъ чувственныхъ удовольствій вообще, особенно противъ чревоугодія, чтобы приготовить путь слову къ обличенію блуда, а воздержнику отъ чувственныхъ сластей и чревоугодія проложить путь къ побѣдѣ надъ движеніями похоти плотской.

бб).

Ст. 13. *Тѣло же не блуженію, но Господеви, и Господь тѣлу.*

Научивъ воздержной жизни, начинаетъ теперь учить цѣломудрію. Побужденія къ сохраненію цѣломудрія можно бы вывести и изъ естественнаго достоинства человѣка; но ап. Павелъ минуя естество, заимствуетъ ихъ изъ существа христіанской вѣры.

Тѣло не блуженію, но Господеви, и Господь тѣлу. Господь — Глава, яко Богъ и человѣкъ, изъ души и тѣла состоящій; мы таинственно члены Его, не душею только, но и тѣломъ; слѣдовательно Ему должны принадлежать и служить и душею и тѣломъ. Вслѣдствіе сего, и тѣло наше Господу должно принадлежать и служить вмѣстѣ съ душею.

Но какъ *Господь тѣлу?* Господь воплотился, чтобы входить въ общеніе съ нами, со всѣмъ нашимъ естествомъ, воспринятымъ отъ насъ. И благоволитъ Онъ входить въ такое общеніе таинственно, съ душею Божествомъ и душею Своею, а съ тѣломъ — Божествомъ и тѣломъ Своимъ. Въ семъ отношеніи и Онъ благоволитъ тѣлу нашему сообщиться, или быть и тѣлу. Это мѣсто темновато. Чтобы сколько-нибудь его просвѣтить, не слѣдуетъ въ мысляхъ своихъ въ насъ тѣло отдѣлять отъ души, а въ Господѣ слѣдуетъ созерцать все Богочеловѣчество.

Св. Златоустъ говоритъ: „тѣло создано не для того, чтобы ты жилъ невоздержно и прелюбодѣйствовалъ, равно какъ и чрево не для того, чтобы ты предавался чревоугодію, но чтобы оно служило Христу, какъ Главѣ, и Онъ былъ *Господь тѣлу.* Устыдимся же и устрашимся, что мы удостоившись такой чести, содѣлавшись членами Его, главенствующаго надъ нами, безчестимъ себя такими пороками.“ Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ нерѣдко называетъ Господа Главою нашею. Посему тѣло сопряжено съ Нимъ, какъ съ главою.“

Блуженіе разумѣется здѣсь не какъ отправленіе естества, а какъ злоупотребленіе естествомъ; потому трезвенная жизнь въ бракѣ не дѣлаетъ того, чтобъ тѣло было не Господу; ибо оно при семъ не выступаетъ изъ воли Его и покорности Ему.

Ст. 14. *Богъ же и Господа воздвиже, и насъ воздвигнетъ, силою Своею.*

Къ чему это говорится? Это есть будто отвѣтъ на вопросъ: какъ же тѣло Господу и Господь тѣлу, когда тѣло наше умираетъ и истлѣваетъ? Апостолъ отвѣчаетъ на это: „если тѣло наше есть членъ Христовъ, а Христосъ воскресъ, то и тѣло, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ за Главою своею“ (св. Злат.). „Онъ воскрешенъ; воскреситъ и насъ воскресившій Его Богъ силою Воскресшаго“ (Ѳеод.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждая помышленіе о свѣтлости тѣла воскресшаго Господа, онъ заставляетъ представить, въ какой свѣтлости воскреснетъ тѣло наше, и въ этомъ уготовляетъ сильнѣйшее побужденіе къ бѣганію блудодѣянія, омрачающаго душу и тѣло. Представленіе свѣтлости будущаго тѣла у всѣхъ подвижниковъ служило сильнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы сколько можно утончать его, и особенно не допускать похотныхъ возбужденій. Когда кто изъ нихъ благодатію Божіею сподоблялся того, что въ немъ погасала и замирала похоть, то объ немъ говорили, что онъ прежде всеобщаго воскресенія вкусилъ силы его. Нѣкоторые изъ нихъ при возбужденіи благодатныхъ движеній, во время молитвы, иногда становились всѣ свѣтлыми; у иныхъ просвѣтлялось лице, у иныхъ руки, воздѣтыя къ небу. Это все осязательныя знаменія вкушенія ими силы будущаго воскресенія.

Апостолъ сказалъ, что Богъ насъ воскреситъ *силою Своею* для того, чтобъ, „такъ какъ онъ упомянулъ о предметѣ непостижимомъ и необъятномъ для соображеній разума, несомнѣннымъ могуществомъ Виновника воскресенія заградить уста невѣрующихъ. А что онъ приписываетъ воскресеніе Христово Отцу, не смущайся этимъ. Такое выраженіе не означаетъ, будто Хри-

стосъ безсиленъ: ибо Самъ Онъ говоритъ: *разорите церковь сію, и треми деньми воздвигну ю* (Іоан. 2, 19); и еще: *область имамъ положити душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. 10, 18). И Лука въ книгѣ Дѣяній говоритъ: *предъ ними же и постави Себе жива* (1, 3). Почему же Павелъ употребляетъ такое выраженіе? Потому, что свойственное Сыну приписывается Отцу, и свойственное Отцу приписывается Сыну; *яже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. 5, 19)" (св. Злат.).

Ст. 15. *Не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша удове Христовы суть? Вземь ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи? Да не будетъ.*

Что прежде сказалъ: *тѣло Господеви,* тоже и теперь говоритъ въ словахъ: *тѣлеса ваша удове Христовы суть.* Здѣсь онъ повторяетъ это съ большею опредѣленностію для того, чтобы вывести, какъ неумѣстно въ христіанинѣ блуженіе, какъ безсмысленно и страшно. Самая истина, что мы удове Христовы, всюду Апостоломъ Проповѣдуется. Въ крещеніи отрицаясь сатаны и всѣхъ дѣлъ его, сочетаваемся Христу всѣмъ лицемъ. Сочетаніе это таинственное. Болѣе осязательно оно въ нравственномъ благодатномъ строѣ духа христіанскаго, вслѣдствіе котораго есть у христіанъ, назовемъ такъ, сердечное тяготѣніе ко Христу Господу и сознаніе, что они Его суть. Такъ дѣти всегда тяготѣютъ къ отцу и матери. Но надо полагать, что есть и еще сочетаніе, хотя не осязаемое, но дѣйствительное, въ участіе въ которомъ входитъ и тѣло. Всѣ планеты сочетаны съ солнцемъ, и солнце съ планетами. Это динамическій союзъ, но силы сочетавающія вещественны; нѣчто подобное есть между Господомъ и вѣрующими. Можетъ быть это совершается посредствомъ свѣтовой всепроникающей стихіи,

съ коею однородны прославленное тѣло Господа и жизненныя силы нашего тѣла, облегающія душу. Если это принять, то нѣсколько видно будетъ, какъ и тѣлеса наши удове Христовы суть, не ради только нравственно-благодатнаго союза съ Господомъ, но и другимъ путемъ, хотя не безъ зависимости отъ того союза.

Но наши объясненія ничего не прибавляютъ къ несомнѣнности положенія Апостольскаго, что тѣлеса наши удове Христовы суть. Это должны мы принять дѣтскою вѣрою, безъ мудрованій и въ томъ смыслѣ, какой даютъ слова. Итакъ возьми эту истину, и отъ ней смотри, что есть блуженіе. Вотъ что: ты берешь уды Христовы и дѣлаешь ихъ удами блудницы. „Ничего не можетъ быть страшнѣе этихъ словъ. Не сказалъ: вземъ убо уды Христовы, соединю ихъ съ блудницею (однократно), но что? *сотворю уды блудничи* (такими и останутся). Такое выраженіе гораздо разительнѣе“ (св. Злат.). „Апостолъ весьма увеличилъ силу беззаконія, члены наши назвавъ членами Христовыми. Они уже не твои, говоритъ онъ, но Христовы, какъ же дѣлаешь ихъ уды блудничи?“ (Θеод.). „Кто не устрашится сего—отъять уды Христовы и сдѣлать ихъ блудничими?“ (Θеоф.). Выводъ такой очевиденъ; остается объяснить, какъ дѣйствительно бываетъ это съ блудникомъ, что и дѣлаетъ св. Апостолъ, говоря:

Ст. 16. *Или не вѣсте, яко прилѣпляяйся сквернодѣйцѣ, едино тѣло есть съ блудодѣйцею? Будета бо, рече, оба въ плоть едину.*

„Прилѣпившись другъ къ другу, два уже не могутъ быть двумя, но оба дѣлаются единымъ“ (св. Злат.). Долженствующій быть одно со Христомъ, отторгается отъ Христа и дѣлается одно съ блудницею. По какому закону? По закону первоначальнаго учрежденія

брака. Но, вѣдь, и брачный дѣлается одно съ женою, почему же не укоряется? Брачные оба прибываютъ въ порядкѣ воли Божіей и Христовой, оба Христовы. Блудница же не Христова есть, а служительница сатаны. Сочетающійся съ нею, по дѣйствію хотя похожъ на брачныхъ, но по силѣ противоположенъ имъ, и тѣло свое и себя отторгаетъ онъ отъ Христа и чрезъ сочетаніе съ блудницею ввергаетъ себя въ область противную Ему, сатанинскую. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „не безъ основанія сказанное о брачномъ сочетаніи Апостолъ приложилъ къ блуду, потому что и то и другое по сущности дѣла есть одно и тоже, разность же показываетъ законность и незаконность дѣла. Посему говоритъ, что прилѣпляющійся къ блудницѣ члены свои дѣлаетъ *уды блудничи;* а сочетавающійся съ Господомъ члены свои дѣлаетъ *уды Христовы.* Итакъ, если сочетался ты съ Господомъ и снова идешь къ блудницѣ, то поруганіе простирается на самого Владыку; потому что его уды отдаешь блудницѣ и уды Владычніе дѣлаешь *уды блудничи.*“

Христіанское тѣло чисто и свято и сродно тѣлу Христову, находясь въ таинственномъ съ нимъ сочетаніи. Блудная страсть, и тогда какъ только зараждается и душу увлекаетъ, дѣлаетъ уже тѣло мрачнымъ и смраднымъ; когда же блудъ совершается,—мрачность дѣлается непроницаемою и смрадность неприступною. Но плотскіе этого не видятъ и не ощущаютъ: это видятъ и ощущаютъ люди духовные и Ангелы. Есть много объ этомъ сказаній. Еслибъ снять съ блудника грубую оболочку тѣла и оставить его такимъ, какъ онъ есть по душѣ, облеченной жизненною силою тѣла, то увидѣлась бы непроницаемо мрачная фигура человѣка, издающая невыносимый смрадъ. Между тѣмъ это же самое столь мрачное и смрадное было свѣтло

и благоуханно свѣтлостію и благоуханіемъ тѣла Христова, съ которымъ состояло въ живомъ соотношеніи. Будучи такимъ, оно было Господне, Имъ себѣ усвоялось. Когда начинаютъ склоняться на блуженіе, начинаютъ мрачнѣть и отторгаться отъ Господа. Само блуженіе совсѣмъ отторгаетъ отъ Него: ибо мрачному и смрадному нельзя уже быть едино съ Господомъ.

Ст. 17. *Прилѣпляяйся же Господеви, единъ духъ есть съ Господемъ.*

Прилѣпляются къ Господу вѣрою, таинствами и посвященіемъ Ему всей жизни. Кто таковъ, тотъ естественно дѣлается единъ духъ съ Господомъ. Что значитъ: *единъ духъ есть съ Господемъ?* То же, что когда говорятъ: такіе-то живутъ душа въ душу. Къ Господу прилѣпившійся въ Господѣ пребываетъ, а Господь въ немъ пребываетъ. Отъ того онъ Господомъ только и дышетъ, и всячески старается войти въ Господни намѣренія, виды, планы, чтобъ не допустить ничего не Господняго. Экуменій пишетъ: „таковый, хотя тѣломъ обложенъ, содѣлывается духомъ, чрезъ то, что ничего плотскаго не творитъ. Или потому онъ таковъ, что чрезъ Духа Святаго сочетаваясь со Христомъ, прилѣпляется къ Нему духовными дѣлами.“ Онъ же приводитъ слова Фотія: „онъ единовиденъ, весь дѣлается духовнымъ чрезъ единеніе съ Господомъ. Не увлекается плотскими страстями, не раздѣляется въ себѣ на двойственность, Богу работая и мамонѣ, но весь единиченъ есть, и весь духовенъ, возведенный въ единеніе духа.“

Зачѣмъ говоритъ о семъ Апостолъ? Затѣмъ чтобъ разительнѣе была противоположность двухъ дѣятелей, изъ коихъ одинъ пребываетъ единъ духъ съ Господомъ, а другой съ блудницею объединяется и чрезъ нее дружится съ сатаною. Онъ говоритъ какъ-бы: вотъ

плоды того, вотъ что получаетъ этотъ! Смотри, сличай, и избирай. То, что тамъ—съ *блудницею едино тѣло*, а здѣсь — съ *Господомъ единъ духъ*, не должно затруднять мысли. Ибо и тамъ тѣло не безъ души, а здѣсь духъ не безъ тѣла. Апостолъ выставляетъ только преимущественно дѣйствующія части естества нашего тамъ и здѣсь. Цѣль же его—указать на слѣдствія, чтобы отвлечь отъ блуженія и воодушевить пребывать едино съ Господомъ.

Ст. 18. *Бѣгайте блудодѣянія. Всякъ бо грѣхъ, егоже аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть: а блудяй, во свое тѣло согрѣшаетъ.*

„Не сказалъ: воздерживайтесь отъ блудодѣянія, но: *бѣгайте*, т.-е. тщательно старайтесь удаляться отъ этого порока. Что выставляетъ здѣсь онъ въ побужденіе къ тому, менѣе важно, нежели вышесказанное; но говоря о блудникахъ, онъ со всѣхъ сторонъ обличаетъ грѣхъ ихъ и показываетъ важность вины ихъ, и великимъ и малымъ; первое сказано для болѣе благоговѣйныхъ, а послѣднее для болѣе слабыхъ. Мудрость Павла обнаруживается и въ томъ, что онъ вразумляетъ представленіемъ не только великаго, но и малаго, и постыднаго, и непристойнаго“ (св. Злат.).

Но какая мысль: *всякъ грѣхъ кромѣ тѣла, а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ?* Одни говорятъ: другіе грѣхи хотя членами тѣла совершаются, какъ орудіями, но самый грѣхъ внѣ тѣла есть, въ блудѣ же самый грѣхъ въ тѣлѣ. Иные говорятъ: другіе грѣхи однимъ какимъ членомъ совершаются, который и сквернятъ, а блудъ все тѣло сквернитъ. Иные еще: потому въ свое тѣло согрѣшаетъ блудяй, что его истощаетъ, часть его отторгаетъ и бросаетъ несмысленно. Дѣлаемъ выписки изъ нашихъ толковниковъ:

Св. Златоустъ говоритъ: „скажешь, развѣ убійца.

корыстолюбецъ и грабитель не оскверняютъ руки? Это всякому извѣстно (т.-е. что оскверняютъ). Но Апостолъ хотѣлъ дать мысль, что нѣтъ никого хуже блудника и какъ прямо сказать этого не хотѣлъ, то иначе изображаетъ важность этого грѣха, объясняя, что отъ блуда все тѣло становится нечистымъ; оно сквернится такъ, какъ-бы упадало въ грязный сосудъ, наполненный нечистотами. Потому и у насъ есть такой обычай, что послѣ дѣлъ корыстолюбія и мщенія никто не заботится омыться, но прямо возвращается домой, а послѣ любодѣянія идутъ омыться, какъ-бы всецѣло сдѣлавшись нечистыми: такъ совѣсть стыдится по преимуществу этого грѣха! Тяжекъ и тотъ и другой грѣхъ, и корыстолюбіе, и любодѣяніе; и тотъ и другой ввергаютъ въ геенну; но дѣлая все предусмотрительно, св. Павелъ показываетъ важность прелюбодѣянія всѣмъ, чѣмъ только могъ.“ Тоже почти пишетъ и Ѳеодоритъ: „кто дѣлаетъ тысячи другихъ грѣховъ, нарушаетъ клятвы, сквернитъ языкъ хулами, присвояетъ себѣ нимало ему не принадлежащее, тотъ не ощущаетъ такъ живо грѣха, а содѣлавшійся рабомъ непотребства, немедленно по совершеніи грѣха ощущаетъ зло и гнушается самымъ тѣломъ. Посему прибѣгая къ банямъ, омываетъ тѣло въ той мысли, что чрезъ сіе свергнетъ съ него нѣсколько гнусности.“ Экуменій: „прочіе грѣхи зараждаются изъ душевной страсти, напримѣръ, тщеславія, корыстолюбія, зависти; а въ любодѣяніи источникъ похоти изъ самаго тѣла исходитъ.“ Онъ же приводитъ мнѣніе св. Аѳанасія: „прочіе грѣхи одной душѣ вредъ причиняютъ, а любодѣй съ душею и тѣло растлѣваетъ и разрушаетъ, истощая душевную и жизненную силу,“ — и Фотія: „этому самому тѣлу и себѣ самому причиняетъ любодѣй зло, чего не бываетъ ни въ какомъ другомъ

грѣхѣ. Другіе грѣшники другимъ причиняютъ вредъ, а любодѣй себѣ зло дѣлаетъ.“

Преданный сей страсти скоро истощаетъ силы тѣла и души и сходитъ во гробъ. Онъ много схожъ съ пьяницею въ семъ отношеніи: что къ нимъ обоимъ можетъ идти, Апостолъ отнесъ къ одному блуднику, потому что объ немъ идетъ рѣчь. Блудящій думаетъ, что услаждаетъ себя, а на дѣлѣ выходитъ, что готовитъ себѣ гробъ.

Ст. 19. *Или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть, Егоже имате отъ Бога, и нѣсте свои: куплени бо есте цѣною.*

Выше говорилъ, что тѣло Господеви, и что тѣлеса наша удове Христовы суть; теперь говоритъ, что тѣлеса — храмъ Духа. Надо полагать, что тѣлеса наши иначе суть удове Христовы и иначе храмъ Духа. Ибо Христосъ съ тѣломъ есть; Духъ же безтѣлесенъ. Потому, хотя непостижимо для насъ, какъ,—но тѣлу нашему возможно имѣть соотношеніе къ тѣлу Господню; съ Духомъ же Божіимъ тѣлу можно имѣть соотношеніе не прямо, а чрезъ духъ человѣка. Тѣло—жилище духа человѣческаго. Духъ Божій нисходитъ въ духъ человѣка и обитаетъ въ немъ, а чрезъ него и въ тѣлѣ.— *Егоже имате отъ Бога.* Христіане всѣ духоносцы. Въ мѵропомазаніи пріемлютъ они печать дара Духа Святаго, и съ тѣхъ поръ помазаніе имутъ отъ Святаго Духа. Это дѣлаетъ ихъ и христіанами; въ этомъ обрученіе и наслѣдія царства небеснаго. Итакъ что же? Сказавши: *тѣлеса ваша удове Христовы суть,* онъ навелъ: *вземъ ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи?* Но что же изъ того навести, что *тѣлеса наши храмъ Св. Духа суть?* Апостолъ объ этомъ умалчиваетъ, давая то разумѣть самимъ читавшимъ и читающимъ его посланіе. Въ другихъ мѣстахъ онъ говорилъ: *не оскорбляй-*

те Духа Святаго, не угашайте Духа. Подобно сему разумѣется и здѣсь. Храмъ Духа Святаго—тѣлеса ваша: не оскверняйте же ихъ нечистыми похотьми и срамными дѣлами, духа же вашего нечистыми помыслами и пожеланіями, чтобы не отогнать Духа Божія чистѣйшаго. Ибо какъ дымъ пчелъ, такъ эти нечистоты отгоняютъ Духа (Ѳеоф.).

И нѣсте свои: куплени бо есте цѣною. Это еще особое побужденіе къ бѣганію любодѣянія. Вы не свои, куплены. Слѣдовательно, не можете распоряжаться собою, какъ ни захотите. Какъ рабы господамъ, такъ вы должны во всемъ быть покорны купившему васъ Владыкѣ, и изъ воли Его не выступать. Но Ему не угодно, чтобъ вы любодѣйничали и тѣломъ своимъ помыкали, какъ вздумается. Оно Его, какъ и душа ваша. Св. Златоустъ говоритъ: „*нѣсте свои.* Это не только служитъ къ обличенію, но и побуждаетъ къ добродѣтели. Какъ, говоритъ, можешь ты дѣлать, что хочешь? Ты не властенъ надъ собою. Выражаясь: *нѣсте свои,* онъ не отнимаетъ свободы, но отклоняетъ отъ порока и показываетъ попеченіе о насъ Господа. Онъ хочетъ утвердить насъ, чтобы мы не грѣшили и не слѣдовали порочнымъ похотямъ души. У насъ много бываетъ порочныхъ пожеланій, но мы должны воздерживаться, потому что мы не свои, а *куплены цѣною.* Онъ напоминаетъ о величіи благодѣянія и образѣ нашего спасенія, показывая, что мы искуплены тогда, когда были чуждыми Ему, и не просто, но *цѣною.*“ Очевидно, цѣною крови Единороднаго Сына Божія. „За васъ излита Владычняя кровь; подъ Нимъ и состоите, и должны жить по Его законамъ“ (Ѳеод.). „Такъ дорого искуплены вы изъ области сатаны; не бросайтесь же опять въ нее чрезъ любодѣяніе“ (Экум.).

в).

Ст. 20. *Прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія.*

Это прямо выходитъ изъ того, что куплены и стали храмомъ Духа. Но по содержанію есть заключеніе всего сказаннаго противъ страстной и плотоугодливой жизни. Не дѣлай ничего, что въ сихъ пунктахъ обличено, а дѣлай противоположное тому, и прославишь Бога и духомъ и тѣломъ. Кто трезвъ, цѣломудръ, воздерженъ, трудолюбивъ и готовъ на всякаго рода дѣла, тѣломъ совершаемыя во исполненіе заповѣдей, тотъ прославляетъ Бога въ тѣлѣ своемъ. Кто всегда помнитъ Бога и прославляетъ великое Его благодѣяніе, въ искупленіи насъ намъ явленное, кто сдѣлавшись причастникомъ Духа, духовное проходитъ жительство въ исполненіи заповѣдей Божіихъ и во всѣхъ подвигахъ богоугожденія, тотъ прославляетъ Бога въ духѣ своемъ. Когда будемъ таковы, тогда и черезъ насъ исполнится заповѣданное отъ Господа: *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрая дѣла ваша и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ* (Мѳ. 5, 16).—„Какъ прославляютъ Его небеса, не звукъ издавая, но своимъ видомъ возбуждая удивленіе и располагая къ прославленію Создателя, такъ должны прославлять Его и мы, или даже еще болѣе. Ибо не столько небо, сколько святая душа прославляетъ Бога.—*Прославите убо,* говоритъ, *Бога,* т.-е. являйте Бога и въ тѣлѣ вашемъ, и въ духѣ, *яже суть Божія.* Божіими назвалъ ихъ не потому только, что Богъ сотворилъ ихъ, но и потому, что когда они сдѣлались чуждыми Ему, Онъ вторично пріобрѣлъ ихъ цѣною крови Сына Своего“ (св. Злат.). „Смотри, какъ онъ относитъ все ко Христу, какъ возводитъ насъ на небо. Вы, говоритъ, члены Христа,

вы—храмъ Духа; не будьте же членами блудницы; вы безчестите не свое тѣло; ибо тѣло ваше не ваше, а Христово. Этими словами показываетъ человѣколюбіе Христа, Который сдѣлалъ наше тѣло Своимъ, и вмѣстѣ пресѣкаетъ нашу порочную власть надъ нимъ. Если у васъ, говоритъ, тѣло не ваше, то вы не имѣете права безчестить его, другому принадлежащее, особенно когда оно принадлежитъ Господу, или осквернять храмъ Духа. Ибо если вошедшій въ домъ частнаго человѣка и произведшій въ немъ безчинство подвергается великому наказанію, то подумай, какому мученію подвергнется дѣлающій храмъ Царя вертепомъ разбойника. Представляя все сіе, стыдись живущаго въ тебѣ; это—Утѣшитель; страшись сочетавшагося съ тобою и усвоившаго тебя Себѣ; это—Христосъ. Не сдѣлался ли ты членомъ Христовымъ? Представляй это и будь цѣломудръ. Помысли, чьими были и чьими стали члены твои. Прежде они были членами блудницы, а Христосъ сдѣлалъ ихъ членами собственнаго тѣла. Посему ты уже не имѣешь власти надъ ними, а долженъ служить Тому, Кто освободилъ ихъ. Еслибы ты, имѣя дочь, по безумію продалъ ее содержателю блудницъ на блудодѣяніе, а сынъ царя, случившись при этомъ, освободилъ ее отъ такого рабства и взялъ себѣ въ супружество, то ты уже не былъ бы властенъ отдать ее въ безчестный домъ, послѣ того какъ однажды продалъ ее. То же и съ нами. Мы продали плоть свою діаволу, этому злому искусителю; а Христосъ, видя это, исхитилъ и освободилъ ее отъ злой власти его; посему она принадлежитъ уже не намъ, а Освободившему ее. Пользоваться ею, какъ невѣстою царя, никто тебѣ не препятствуетъ; если же будешь употреблять ее на прежнія дѣла, то потерпишь то, что̀ слѣдуетъ терпѣть подобнымъ оскорбителямъ. Итакъ надобно украшать ее,

а не безчестить. Ты не имѣешь власти надъ плотію на удовлетвореніе порочныхъ пожеланій, а только на исполненіе заповѣдей Божіихъ. Помысли, отъ какого безчестія Богъ избавилъ ее“ (св. Злат.).

ТРЕТЬЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

НАСТАВЛЕНІЯ О БРАКѢ И БЕЗБРАЧІИ

7, 1—40.

Съ седьмой главы св. Павелъ начинаетъ отвѣчать на посланіе къ нему Коринѳянъ и рѣшаетъ разныя возникшія у нихъ недоумѣнія, давая имъ при этомъ наставленія о порядкахъ жизни христіанской.—На первомъ мѣстѣ стоятъ у него наставленія: 1) о бракѣ и 2) о безбрачіи. „Исправивъ три весьма важные недостатка, во первыхъ раздѣленіе церкви, во вторыхъ порокъ кровосмѣсника, и въ третьихъ корыстолюбца (тяжбы), Апостолъ говоритъ теперь болѣе кротко,—и сначала предлагаетъ наставленіе и совѣтъ относительно брака и дѣвства“ (св. Злат.).

1.

Излагая ученіе о бракѣ, Апостолъ а) сначала постановляетъ общій о немъ законъ; потомъ даетъ б) наставленія объ употребленіи брачнаго ложа; в) совѣтъ безбрачнымъ и вдовицамъ; г) и урокъ о нерасторжимости брака.

а).

Общій законъ — о бракѣ

7, 1. 2.

Коротко, онъ вотъ въ чемъ: лучше быть безбрачными. но для избѣжанія блуда брачьтесь.

Ст. 1. *А о нихже писасте ми, добро человѣку женѣ не прикасатися.*

А о нихже писасте ми: конца рѣчи нѣтъ: дополнить надо: вотъ что скажу, или вотъ мой отвѣтъ! — „Апостолъ ясно даетъ видѣть, что пишетъ отвѣты на то, о чемъ ими были предложены вопросы“ (Ѳеод.).—*Добро человѣку женѣ не прикасатися:* совсѣмъ не прикасаться, слѣд. и въ бракъ не вступать. Думать, что это Апостолъ говоритъ состоящимъ въ бракѣ, въ той мысли, что хорошо бы мужу съ женою жить, какъ брату съ сестрою, не позволяютъ слѣдующія за симъ слова, гдѣ въ противоположность этому мѣсту говорится: мужчина пусть имѣетъ жену, а женщина мужа. Св. Златоустъ на это именно мѣсто о неприкосновеніи къ женѣ говоритъ: „Если ты ищешь блага самаго высшаго, то лучше совершенно не сочетаваться съ женщиною; если же ищешь состоянія безопаснаго и сообразнаго съ твоею немощію, то вступай въ бракъ.“ Также понимаетъ мысль Апостола и Ѳеофилактъ: „Превосходное дѣло всякому человѣку (а не одному іерею, какъ нѣкоторые неправо толкуютъ) — совсѣмъ не касаться жены, но дѣвствовать; для немощныхъ же безопаснѣе бракъ.“

Ст. 2. *Но блудодѣянія ради кійждо свою жену да иматъ, и каяждо жена своего мужа да иматъ.*

Имѣть жену, имѣть мужа значитъ жениться и замужъ выходить, т.-е. вступать въ бракъ; а не то, чтобъ имѣть общеніе вступившимъ уже въ бракъ. Апостолъ говоритъ: всякій слабый мужчина пусть женится, и всякая слабая женщина пусть замужъ выходитъ. Чего ради? *Блудодѣянія ради,*—чтобъ не падать въ блудъ, отъ невоздержанія. Бракъ имѣетъ и другія цѣли; но Апостолъ выставляетъ на видъ опасную для нравственности сторону безбрачія. Лучше, говоритъ, быть сво-

бодну отъ брака, но кто не можетъ выдержать, какъ должно, сего состоянія, лучше брачься. Два состоянія вводитъ онъ въ христіанство. Въ томъ и другомъ можно угождать Богу и спасаться; но въ первомъ это дѣлать удобнѣе, во второмъ—менѣе удобно. Можно къ сему прибавить, что брачному нельзя дойти до такого совершенства духовнаго, какъ безбрачному. Бракъ - для немощныхъ. Немощь эта тѣлесная и духовная. Есть сложенія тѣла, болѣе располагающія къ похотливости, и есть сложенія болѣе трезвенныя (холодныя); равно есть духъ ревности сильный, и есть ревность слабая. Сильно ревнующій о спасеніи духа и естество преодолѣетъ, при благодати Божіей, подающей и ревность ту, а мало ревностный и съ трезвеннымъ сложеніемъ не сладитъ.—Предлежитъ выборъ благоразумію и самопознанію.—Иные хотятъ изъ словъ Апостола вывести обязательность брака; но можно вывести и противное. если предоставимъ рѣшать дѣло своимъ соображеніямъ. Остановимся лучше вниманіемъ на томъ внушеніи, какое даетъ св. Павелъ здѣсь брачнымъ. „Самою причиною дозволенія брака онъ побуждаетъ брачныхъ къ воздержанію“ (св. Злат.). „Если блудодѣянія ради допускается бракъ, то брачные не должны необузданно сходиться, но держать себя въ возможной трезвенности“ (Ѳеоф.). Животныя, дѣйствующія по инстинкту, однажды въ годъ испытываютъ возбужденія, ради которыхъ для людей установляется бракъ.

б).

Совѣтъ объ употребленіи брачнаго ложа

7, 3—6.

Ст. 3. *Женѣ мужъ должную любовь да воздаетъ: такожде и жена мужу.*

Должную любовь—ὀφειλομένην εὔνοιαν—можно и такъ: должную вѣрность: ибо εὔνοια—собственно благоумiе; каждое изъ брачныхъ лицъ пусть держитъ тотъ благой умъ, чтобъ не знать сторонняго. Въ иныхъ рукописяхъ вмѣсто означеннаго слова стоитъ ὀφειλὴν—долгъ, разумѣя брачный долгъ, т.-е. вѣрность. Такъ стоитъ въ Синайской и Ватиканской рукописи. Такъ читалъ кажется и св. Златоустъ. Мысль Апостола та, чтобъ мужъ и жена сохраняли взаимную вѣрность, по доброму другъ къ другу расположенiю. Бл. Ѳеодоритъ выясняетъ ее такъ: „Апостолъ узаконяетъ сiе о цѣломудрiи (супружескомъ,—вѣрности), повелѣвая и мужу и женѣ равно нести супружеское иго (Экум. πίστιν—вѣрность), и не смотрѣть на стороны, не расторгать узъ, но питать другъ къ другу должную любовь. Онъ прежде далъ сей законъ мужу, потому что мужъ глава женѣ. Человѣческiе законы женамъ предписываютъ быть цѣломудренными (вѣрными) и наказываютъ нарушающихъ сей законъ, а отъ мужей не требуютъ равнаго цѣломудрiя (вѣрности); потому что мужи, какъ постановители законовъ, не заботились о равенствѣ, но оказали послабленiе себѣ самимъ. Божественный же Апостолъ, вдохновенный Божiею благодатiю, мужьямъ первымъ предписываетъ закономъ цѣломудрiе (вѣрность). А поелику случалось, что или мужья или жены, возлюбивъ воздержанiе, и безъ соизволенiя на то живущихъ съ ними въ супружествѣ, удерживались отъ брачнаго общенiя; то какъ и слѣдовало, даетъ повелѣнiе и о семъ.“

Ст. 4. *Жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ; такожде и мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена.*

„Поелику супружескiй законъ содѣлалъ ихъ одною плотiю, то Апостолъ справедливо тѣло жены назвалъ принадлежащимъ мужу, а также и тѣло мужа—состоящимъ подъ властiю жены. Но здѣсь женамъ первымъ изрекъ

законъ; потому что у женъ большею частію, преимущественно предъ мужьями, въ обычаѣ любить воздержаніе“ (Ѳеод.). „Жена, говоритъ, не властна надъ своимъ тѣломъ, но есть раба и вмѣстѣ госпожа мужа. Тоже и мужу говоритъ, показывая, что ни одинъ изъ супруговъ не властенъ надъ собою, но что они рабы другъ другу. Посему когда ты видишь, что блудница искушаетъ тебя, то скажи: мое тѣло принадлежитъ не мнѣ, а женѣ. Тоже пусть говоритъ и жена, когда кто сталъ бы покушаться нарушить ея цѣломудріе: мое тѣло принадлежитъ не мнѣ, а мужу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Писанія отдается мужу большее преимущество; но здѣсь Апостолъ приписываетъ обоимъ одинаковую власть, ни больше, ни меньше. Почему? Потому что здѣсь онъ говоритъ о цѣломудріи. Въ другихъ отношеніяхъ, говоритъ, мужъ пусть имѣетъ преимущество, а въ цѣломудріи нѣтъ; мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, равно какъ и жена,—совершенное равенство, и никакого преимущества“ (св. Злат.).

Ст. 5. *Не лишайте себе другъ друга, точію по согласію до времени, да пребываете въ постѣ и молитвѣ: и паки вкупѣ собирайтеся, да не искушаетъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ.*

„Что это значитъ? Жена не должна, говоритъ, воздерживаться противъ воли мужа, и мужъ не долженъ воздерживаться противъ воли жены. Почему? Потому, что отъ такого воздержанія происходитъ великое зло; отъ этого часто бывали прелюбодѣянія, блудодѣянія и домашнее разстройство. Ибо если иные, имѣя своихъ женъ, предаются прелюбодѣянію, то тѣмъ болѣе будутъ предаваться ему, если лишить ихъ этого утѣшенія. Хорошо сказалъ: *не лишайте себе;* ибо воздерживаться одному противъ воли другаго, значитъ лишать, а по волѣ,—нѣтъ. Такъ, если ты возьмешь у

меня что-нибудь съ моего согласія, это не будетъ для меня лишеніемъ; лишаетъ тотъ, кто беретъ противъ воли и насильно. Это дѣлаютъ многія жены, нарушая справедливость и тѣмъ подавая мужьямъ поводъ къ распутству и все приводя въ разстройство. Всему должно предпочитать единодушіе; оно всего важнѣе. Если хочешь, докажемъ это опытомъ. Пусть изъ двухъ супруговъ жена воздерживается, тогда какъ мужъ не хочетъ этого. Что будетъ? Не станетъ ли онъ тогда предаваться прелюбодѣянію, или, если не станетъ прелюбодѣйствовать, то не будетъ ли скорбѣть, безпокоиться, раздражаться, гнѣваться и причинять женѣ множество непріятностей? Какая польза отъ поста и воздержанія, когда нарушается любовь? Никакой. Сколько неизбѣжно произойдетъ отсюда огорченій, сколько хлопотъ, сколько раздоровъ! Если въ домѣ мужъ и жена не согласны между собою, то ихъ домъ не лучше обуреваемаго волнами корабля, на которомъ кормчій не согласенъ съ правителемъ руля. Посему Апостолъ и говоритъ: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію до времени, да пребываете въ постѣ и молитвѣ*. Здѣсь онъ разумѣетъ молитву, совершаемую съ особеннымъ тщаніемъ, ибо еслибы совокупляющимся онъ запрещалъ молиться, то какъ можно было бы исполнять заповѣдь о непрестанной молитвѣ? Слѣдовательно можно и съ женою совокупляться и молиться: но при воздержаніи молитва бываетъ совершеннѣе. Не просто сказалъ: *да молитеся*, но: *да пребываете въ молитвѣ*. потому что брачное дѣло только отвлекаетъ отъ этого, а не производитъ оскверненія. *И паки вкупѣ собирайтеся, да не искушаетъ васъ сатана*. Дабы не подумали, что это—законъ, присоединяетъ и причину. Какую? *Да не искушаетъ васъ сатана*. А дабы знали, что не діаволъ только бываетъ виновникомъ

прелюбодѣянія, прибавляетъ: *невоздержаніемъ вашимъ*" (св. Злат.) Заповѣдуетъ воздерживаться во время поста для усерднѣйшей молитвы: можетъ это идти ко всѣмъ церковнымъ постамъ, особенно же къ говѣнію. Прекращать воздержаніе совѣтуетъ, — *да не искуситъ сатана*. Слѣдовательно, если нѣтъ опасности, то можно воздержаніе и продолжить. Видно, что Апостолъ хотѣлъ бы, чтобы воздержаніе держали будто законъ, а сходились то̀лько уступая крайней необходимости, которая опредѣляется не пожеланіями, а естествомъ и даже не естествомъ, а благоразуміемъ.

Ст. 6. *Сіе же глаголю по совѣту, а не по повелѣнію.*

Что въ извѣстныя времена должно воздерживаться супругамъ, это есть законъ и естества. Къ этому прилагаетъ свое требованіе и законъ богоугожденія. Но какъ все сіе уладить и упорядочить, этого предписаніями опредѣлить нельзя. Оставляется это взаимному согласію и благоразумію супруговъ.—*По совѣту:* какъ совѣтъ, предлагаю въ качествѣ совѣта: *не по повелѣнію,* не какъ повелѣніе даю; слово мое не имѣетъ силы предписанія закона.

в).

Совѣтъ безбрачнымъ и вдовицамъ

7, 7—9.

Ст. 7. *Хощу бо, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ: но кійждо свое дарованіе иматъ отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице.*

Намѣреваясь предложить нѣчто трудное и не легко исполнимое, онъ выставляетъ себя въ примѣръ, какъ началовождя въ преодолѣніи трудностей. *Хощу*, изъ желанія всѣмъ добра существеннаго, *да вси человѣцы будутъ, якоже азъ,* — т.-е. безбрачными; потому что

это лучшій путь къ христіанскому совершенству, безмятежной жизни, къ безпрепятственному приступанію къ Господу. Примѣръ сильнѣе одного ученія, какъ оно ни будь убѣдительно. Апостолъ это и дѣлаетъ: предлагаетъ на выборъ лучшее, и чтобы расположить къ избранію его, „представляетъ себя въ образецъ, будучи вынужденъ открыть намъ богатство собственной своей чистоты“ (Ѳеод.). Онъ говоритъ: не угодно ли кому идти этимъ путемъ? — Идите, не отговариваясь невозможностію: ибо вотъ я иду же. — Очень желалъ бы я, чтобы всѣ вы были какъ я. *Но кійждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице.* Желалъ бы, но не принуждаю. А всякій самъ смотри, какъ лучше. Всякому свое дарованіе отъ Бога. Дарованіе здѣсь—не естественное расположеніе, а мѣра благодатнаго пробужденія и возбужденія духовной жизни, хотя не безъ отношенія ея къ естеству. У иного такъ возбужденъ и укрѣпленъ благодатію бываетъ духъ, что онъ заставляетъ сразу умолкнуть всѣмъ душевно-тѣлеснымъ требованіямъ; у другаго хотя сильно выдаются требованія духа, но и низшія потребности подаютъ свой голосъ, и ему надлежитъ еще борьба, чтобы совсѣмъ предаться духовной жизни; у иного и то и другое не менѣе сильно, и ему остается только такъ устроиться, чтобы требованія духа стали на первомъ мѣстѣ и всѣмъ заправляли, допуская свою мѣру удовлетворенія и души съ тѣломъ. И вотъ вслѣдствіе этого тѣ двое живутъ безбрачно въ Богѣ, а этотъ въ супружествѣ ищетъ угодить Богу: *овъ сице, овъ же сице.* И послѣдній образъ жизни не заграждаетъ пути къ Богу. Блажен. Ѳеодоритъ пишетъ: „Утѣшилъ Апостолъ и живущихъ въ супружествѣ, назвавъ и бракъ дарованіемъ Божіимъ. Вспомоществуемый благодатію Божіею, человѣкъ и въ брачной жизни преуспѣваетъ въ

цѣломудріи (и всякой добродѣтели); благодать помогаетъ всѣмъ, которые приносятъ отъ себя доброе усердіе; ибо сказано: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете.*"

Ст. 8. *Глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ: добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ.*

"Постановивъ приличные законы живущимъ въ супружествѣ, Апостолъ пишетъ, что надлежало дѣлать тѣмъ, которые не пріяли на себя супружескаго ига, или и пріяли, но потомъ узы сіи расторгнуты смертію, и оплакиваютъ они вдовство" (Ѳеод.). Т.-е. *безбрачнымъ и вдовицамъ.* Иные говорятъ, что въ соотвѣтствіе вдовицамъ подъ *безбрачными* должно разумѣть вдовцовъ. Не лучше ли при безбрачныхъ мужчинахъ доразумѣвать и безбрачныхъ женщинъ, а при вдовицахъ и вдовцовъ? Цѣль рѣчи Апостола сказать наставленіе тѣмъ, кои внѣ супружескаго союза состоятъ, послѣ того какъ сказалъ состоящимъ въ немъ; а такихъ два класса: одни совсѣмъ не брачились, а другіе овдовѣли послѣ брака.—Что же онъ говоритъ имъ? Хорошо пребыть имъ, какъ я,—т.-е. однимъ совсѣмъ не брачиться, а другимъ не вступать въ бракъ послѣ вдовства. "Апостолъ опять даетъ видѣть, что онъ изъ числа не вступившихъ въ бракъ; ибо не было причины включать себя въ число вдовцевъ тому, кто былъ еще юношею, когда сподобился призванія (къ Апостольству). Никто да не подумаетъ, что онъ узаконяетъ безбрачную жизнь мужамъ и воздержаніе послѣ брака однимъ женамъ. Ибо тому и другому онъ обучаетъ и тотъ и другой полъ" (Ѳеод.).

Ст. 9. *Аще ли не удержатся, да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизатися.*

"Апостолъ разженіемъ называетъ не временныя возстанія похоти, но порабощеніе души и преклонность

ея къ худшему. Сказанное же имъ значитъ: и вамъ непричастнымъ брачнаго общенія, и вамъ сочетавшимся, но потомъ разрѣшеннымъ отъ брачныхъ узъ смертію, лучше предпочесть воздержаніе. Но если не можете сносить приражѳній похоти, и душа наша немощна для сего подвига, потому что нѣтъ въ ней пламеннаго усердія къ доброму, то никакой законъ не возбраняетъ вамъ вступать въ бракъ“ (Ѳеод.).

„Видишь ли благоразуміе Павла, какъ онъ и показываетъ превосходство воздержанія, и не даетъ принужденія тому, кто не можетъ воздержаться, дабы не произошло какого-нибудь грѣха? *Лучше бо есть женитися, нежели разжизатися.* Выражаетъ, какъ велика сила похоти. А смыслъ словъ его слѣдующій: если ты чувствуешь сильное влеченіе и разженіе, то избавь себя отъ ига воздержанія, чтобы тебѣ не развратиться“ (св. Злат.).

г).

Наставленіе брачнымъ — не расторгать брака, аа) оба ли они изъ вѣрующихъ (10 — 12), или бб) одна половина изъ невѣрующихъ (12 — 24)

аа).

Ст. 10. 11. *А оженившимся завѣщаваю не азъ, но Господь, женѣ отъ мужа не разлучатися: аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ: и мужу жены не отпущати.*

„Намѣреваясь повторить заповѣдь, ясно предписанную Господомъ, касательно того, что не должно разводиться съ женой, развѣ въ случаѣ прелюбодѣянія, говоритъ: *завѣщаваю не азъ.* Ибо сказанное выше не было ясно высказано Господомъ, хотя оно и согласно съ Его ученіемъ; а это Онъ изложилъ ясно; таково

различіе выраженій: *азъ* и *не азъ*. Не принимай однакоже и словъ Апостола за человѣческія, ибо онъ говоритъ: *мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти* (—40 ст.)" (св. Злат.). Въ чемъ же заповѣдь? *Женѣ отъ мужа не разлучатися*, *и мужу жены не отпущати*. Господь мужей преимущественно имѣлъ въ виду, заповѣдуя имъ *не отпускать женъ развѣ словесе любодѣйна* (Мѳ. 5, 32). А Апостолъ эту заповѣдь наипаче обращаетъ къ женамъ. Вѣрно въ Коринѳѣ женщины пользовались большими правами, а мужья давали себѣ большую свободу. Послѣднихъ онъ уже довольно остепенилъ строгимъ судомъ надъ кровосмѣсникомъ, примѣнивъ потомъ строгость сію и ко всѣмъ блудникамъ и прелюбодѣямъ. Теперь смиряетъ женъ, чтобы не быстро приступали къ разлученіямъ. Почему говоритъ: *аще разлучится жена, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ*, — смирится — помирится. Онъ не поминаетъ о причинахъ разлученія, слѣд. какая бы ни была причина. Это сказалъ онъ къ одной женѣ; но какъ во всей рѣчи его мужъ и жена у него во всемъ идутъ въ равенствѣ, то надо полагать, что это ограниченіе относится также и къ мужу, т.-е. что и онъ если оставляетъ жену, пусть остается безбрачнымъ, или да смирится съ женою. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ старается сохранить брачныя узы не расторгаемыми. Ибо предписывая разлучающемуся воздержаніе, тѣмъ самымъ удерживаетъ отъ расторженія брака. Воспрещая сочетаваться съ другимъ, понуждаетъ ту и другую сторону возвратиться къ прежнему браку." Ограничиваетъ ихъ свободу, чтобъ они, хотя бы и были причины къ разлученію, охотнѣе употребляли всѣ средства къ примиренію, нежели спѣшили разводомъ. Тутъ не исключается и слово любодѣйное, разумѣется подъ условіемъ искренняго раскаянія со

стороны согрѣшившей. Что въ первое время это дѣло такъ понималось, можно заключить изъ словъ Ермы, который въ заповѣди 4 глав. говоритъ, что если мужъ, зная, что жена невѣрна, остается съ нею, то грѣшитъ; но равно грѣшитъ и если не приметъ ее, когда она раскаивается и даетъ слово быть вѣрной.

бб).

Давая наставленія брачнымъ, изъ коихъ одна сторона принадлежитъ къ невѣрнымъ, Апостолъ и при такихъ бракахъ, *α*) вѣрующимъ совѣтуетъ не разлучаться, если сочетанные съ ними невѣрные того желаютъ—12 - 16; а чтобъ расположить ихъ къ этому, изображаетъ, β) какъ онъ всѣхъ вездѣ учитъ оставаться въ томъ состояніи, въ какомъ кто бываетъ призванъ къ вѣрѣ, 17—24. Эта послѣдняя рѣчь будто сторонняя; но она прямо вела къ цѣли, т.-е. располагала дѣйствовать, какъ совѣтовалъ Апостолъ.

α).

Ст. 12. 13. *Прочимъ же азъ глаголю, а не Господь: аще который братъ жену иматъ невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея; и жена аще иматъ мужа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его.*

„Сіе: *азъ глаголю,* значитъ: не нашелъ я, чтобы законъ сей написанъ былъ въ священномъ Евангеліи (преданъ былъ отъ Господа), но постановляю оный теперь. А что законы Апостольскіе суть законы Владыки Христа, сіе явно для свѣдущихъ въ божественномъ. Ибо Апостоломъ сказано: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. 13, 3); и: *не азъ, но благодать, яже со мною* (1 Кор. 15, 10); и

еще: *благодатію давшеюся мнѣ* (Римл. 12, 3). Такъ и здѣсь даетъ законъ, потому что вѣщаетъ чрезъ него Святый Духъ" (Ѳеод.).

Въ чемъ же существо узаконенія? „Если, говоритъ, жена имѣетъ мужа невѣрнаго, или мужъ жену невѣрную, то они не должны оставлять другъ друга" (св. Злат.). „Не узаконяетъ брать жену невѣрующую, и не повелѣваетъ женѣ вѣрующей сочетаваться съ мужемъ невѣрующимъ, но даетъ правила для сочетавшихся прежде пріятія проповѣди. Ибо случалось, что мужъ увѣруетъ, а жена остается въ невѣріи, и обратно: жена пріемлетъ проповѣдь, а мужъ пребываетъ въ недугѣ невѣрія. И Апостолъ повелѣваетъ здравому переносить немощь пребывающаго съ нимъ въ супружествѣ, заботясь о спасеніи его" (Ѳеод.).

Ст. 14. *Святится бо мужъ невѣренъ, о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна, о мужи вѣрнѣ: иначе бо чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть.*

Это мѣсто не совсѣмъ понятно. Какъ святятся невѣрные супруги ради вѣрныхъ? Благодатнаго освященія конечно разумѣть здѣсь нельзя; ибо къ сему освященію одинъ путь — вѣра и принятіе таинствъ крещенія и мvропомазанія. Невѣрный мужъ и невѣрная жена, желая жить съ вѣрною женою и съ вѣрнымъ мужемъ, не смотря на вѣру во Христа Господа, хотя показываютъ скрытное благорасположеніе, или благоволительное снисхожденіе къ сей вѣрѣ, но въ этомъ можно предполагать только зародышъ будущей личной вѣры и вслѣдствіе ея имѣющаго быть освященія, но не самое освященіе. Какъ же понять: *святится?* Надо понимать: святится мужъ, яко мужъ, и жена, яко жена, т.-е. въ брачномъ отношеніи. Иначе сказать: бракъ твой, вѣрная жена, съ мужемъ невѣрнымъ, не превратился въ незаконное сожительство отъ того, что

ты увѣровала; напротивъ, твое увѣрованіе освятило сей бракъ (святится—ἡγίασται освятился уже) и мужа твоего въ брачномъ отношеніи. Тоже да содержитъ въ умѣ и мужъ вѣрный, у котораго жена остается невѣрною. Цѣль у Апостола успокоить смущеніе совѣсти отъ непониманія, какъ поступать, и та еще, чтобъ предотвратить раздѣленія и распаденія семействъ, могущія много надѣлать шума и вредно повліять на дѣло проповѣди, и особенно та, что коль скоро мужъ и жена невѣрные не отвращаются отъ жены и мужа вѣрныхъ, то есть надежда, что и они современемъ обратятся, какъ ниже онъ говоритъ о семъ прямо.

Св. Златоустъ говоритъ: „такъ сказалъ Апостолъ для того, дабы жена (вѣрная) не опасалась сдѣлаться нечистою отъ сожитія съ такимъ мужемъ (невѣрнымъ, и обратно). Напротивъ чистота жены вѣрной превозмогаетъ нечистоту мужа невѣрнаго, равно какъ и чистота вѣрнаго мужа превозмогаетъ нечистоту невѣрной жены. Идолослужитель нечистъ; но жена его отъ этого не нечиста. Еслибъ она участвовала съ нимъ въ томъ, въ чемъ онъ нечистъ, т.-е. въ нечестіи, то и сама стала бы нечистою; а теперь въ иномъ нечистъ идолослужитель, а въ иномъ участвуетъ съ нимъ жена, въ чемъ онъ не нечистъ; ибо въ бракѣ и совокупленіи они взаимно участвуютъ. Притомъ здѣсь есть надежда, что жена невѣрнаго обратитъ его; ибо она для него своя. Притомъ съ невѣрнымъ она живетъ не просто, а по его желанію. Итакъ, есть ли, скажи мнѣ, какой вредъ отъ того, что они остаются въ соединеніи, когда и благочестіе сохраняется въ цѣлости и остается благая надежда на обращеніе невѣрнаго и избѣгаются поводы къ напраснымъ ссорамъ? *Святится мужъ невѣренъ*. Какъ, неужели язычникъ святъ? Нѣтъ онъ не сказалъ: святъ, но *святится о женѣ*, сказалъ это не для того, чтобы

признать язычника святымъ, а для того, чтобы какъ можно болѣе успокоить жену и въ мужѣ возбудить желаніе истины. Нечистота заключается не въ тѣлахъ сочетавшихся, а въ произволеніи и помыслахъ." Ѳеодоритъ полагаетъ, что въ видахъ успокоенія совѣсти и сохраненія мира семейнаго. „Апостолъ употребилъ усиленный образъ рѣчи, убѣждая не оставлять сожительства." Въ подобномъ же смыслѣ и дѣти отъ таковыхъ браковъ святы. Не въ томъ смыслѣ святы, какъ святы христіане, ибо дѣти и отъ христіанъ освященныхъ раждаются въ такомъ состояніи, что требуютъ освященія таинствами,—но въ томъ, что не суть нечистыя, незаконнорожденныя, непотребныя дѣти. Св. Златоустъ говоритъ: *„святы,* т.-е. не нечисты. Называетъ ихъ святыми для того, чтобы такимъ названіемъ еще сильнѣе отогнать опасеніе супруговъ."

Ст. 15. *Аще ли невѣрный отлучается, да разлучится. Не поработися бо братъ или сестра въ таковыхъ: въ миръ бо призва насъ Господь Богъ.*

Какъ идоложертвенное ѣсть, при здравомъ понятіи, что идолъ ничтоже есть и не можетъ имѣть никакого вліянія на свойство пищи, не дѣлаетъ нечестивымъ ядущаго, ибо нечестіе въ признаніи идола чѣмъ либо: такъ и жить съ невѣрнымъ въ брачномъ общеніи не дѣлаетъ нечистымъ, какъ дѣлаютъ нечистымъ блудъ и прелюбодѣяніе. Естественное дѣло сожительства само по себѣ ничего не имѣетъ нечистаго: нечистымъ дѣлаютъ это въ блудникахъ и прелюбодѣяхъ похотныя пожеланія. Посему Апостолъ и повелѣлъ жить спокойно въ брачномъ союзѣ съ невѣрными. Но узаконилъ это не безусловно, а подъ условіемъ согласія невѣрующаго лица. Коль же скоро этого согласія нѣтъ, т.-е. если невѣрный мужъ не хочетъ жить съ женою вѣрною, а предлагаетъ ей или возвратиться къ прежнему нечестію, или

оставить его, то очевидно, что должно оставить такого мужа: ибо о томъ, чтобъ измѣнить вѣрѣ и думать не слѣдуетъ, а оставаться съ мужемъ при вѣрѣ, наперекоръ ему, значило бы вводить намѣренно разладъ и ссоры въ семью. Итакъ, говоритъ: мира ради оставляйте таковыхъ мужей и женъ; въ такомъ случаѣ вы свободны отъ ига брачнаго, не подработны ему. „Сторона вѣрующая, говоритъ Апостолъ, да не подастъ повода къ разлученію; а если сторона болящая захочетъ разойдтись, ты невиновенъ и свободенъ отъ обвиненія" (Ѳеод.). „Если невѣрный повелѣваетъ тебѣ приносить жертвы и участвовать въ его нечестіи по праву супружества, или же оставить его, то лучше оставить бракъ, нежели благочестіе. Если невѣрный ежедневно оскорбляетъ и заводитъ ссоры, то лучше разлучиться: *въ миръ бо призва насъ Господь Богъ.* Невѣрный самъ подаетъ къ этому поводъ" (св. Злат.).

Но какъ же *въ миръ призва Господь,* когда самъ Господь говоритъ: *не пріидохъ воврещи миръ на землю* (Мѳ. 10, 34)? „Сказанное Апостоломъ не противорѣчитъ ученію Господню, но объясняетъ его. Ибо, говоритъ, спасительная проповѣдь не смятеніе вводитъ въ жизнь, а напротивъ того домогается паче истиннаго и боголюбиваго мира. Расторгаетъ сперва худое согласіе (въ нечестіи), и разногласіемъ достигаетъ похвальнаго единомыслія. Ибо пріявшіе божественную проповѣдь, ставъ учителями невѣрныхъ, производили сверхъ чаянія чудный переворотъ, и разъединившіяся семейства приводили въ достолюбезное согласіе. Это и выражаетъ Апостолъ тотчасъ" (Ѳеодор.).

Ст. 16. *Что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши? Или что вѣси, мужу, аще жену спасеши?*

„Если мужъ не безпокоитъ тебя, то оставайся, говоритъ, съ нимъ; отъ этого можетъ быть и польза;

оставайся и увѣщавай, совѣтуй, убѣждай: никакой учитель не можетъ убѣдить такъ, какъ жена. Впрочемъ Апостолъ не принуждаетъ ее и не требуетъ этого отъ нея непремѣнно, дабы опять не возложить на нее слишкомъ тяжелаго бремени; совѣтуетъ не отчаяваться и оставляетъ это подъ сомнѣніемъ, по неизвѣстности будущаго“ (св. Злат.). „Съ доброю надеждою, говоритъ, прими на себя трудъ; помощникомъ усердію имѣешь Бога“ (Ѳеод.). Дѣло обращенія къ вѣрѣ благодать совершаетъ; а какъ? — это тайна. Орудій у ней много, но чрезъ какое пройдетъ въ душу грѣшную или невѣрную, и пройдетъ ли, никто опредѣлить того не можетъ. Ибо тутъ привходитъ съ своими правами и свобода, которой уклоненія неопредѣлимы, но съ которою соображается вся во всѣхъ во благо дѣйствующій Богъ. Оттого и говоритъ Апостолъ: *что бо вѣси, жено, что бо вѣси, мужу?*

β).

Чтобъ еще болѣе успокоить въ этомъ отношеніи Коринѳянъ, Апостолъ объявляетъ имъ, что онъ никому нигдѣ не велитъ перемѣнять внѣшняго своего состоянія, въ которомъ призванъ къ вѣрѣ, а заповѣдуетъ оставаться въ немъ. Мысль имъ приводимая та, что внѣшнее въ дѣлѣ спасенія ничего не значитъ; здѣсь все зависитъ отъ вѣры и благодати, созидающей духъ вѣры ради. Можно быть въ самомъ низкомъ состояніи и самымъ высокимъ въ духѣ, и самымъ высокимъ по состоянію и самымъ ничтожнымъ въ духѣ. Такъ, говоритъ, на внѣшнее не смотрите; пусть оно какъ было, такъ и будетъ. „Все это ничего не значитъ для вѣры, посему не спорь и не смущайся; вѣра выше всего этого. Каждый въ какомъ призванъ званіи, въ томъ и оставайся. Призванъ ли ты въ супружествѣ съ женою не-

вѣрною? оставайся съ нею, не изгоняй жены изъ-за вѣры. Призванъ ли рабомъ? Не печалься и оставайся рабомъ. Призванъ ли необрѣзаннымъ? Оставайся необрѣзаннымъ. Увѣровалъ ли, будучи обрѣзаннымъ? Оставайся обрѣзаннымъ. Все это не служитъ препятствіемъ благочестію. Ты призванъ въ состояніи раба, другой въ супружествѣ съ невѣрною, иной въ обрѣзаніи" (св. Злат.). Всѣмъ равно открытъ путь спасенія и всѣ сокровища благодати.

Ст. 17. *Точію коемуждо якоже раздѣлилъ есть Богъ, кійждо якоже призванъ бысть Господемъ, тако да ходитъ: и тако во всѣхъ церквахъ повелѣваю.*

Точію,—εἰ μή,—если не, если нѣтъ. Убѣждаю васъ не разлучаться, въ надеждѣ, что можетъ быть невѣрная сторона увѣруетъ и обратится къ Господу. Но если и не будетъ этого, или если и нельзя питать такой надежды, все же не разлучайтесь, покоряясь тому закону, что надобно жить въ той долѣ, какую Богъ далъ, въ томъ состояніи, въ какомъ кто призванъ. Чтобы понятнѣе былъ строй этого текста, *тако да ходитъ* надо поставить впереди: *тако да ходитъ, якоже коемуждо раздѣлилъ есть Богъ,*—*раздѣлилъ,* ἐμέρισεν, отмѣрилъ часть или долю,—*и якоже кійждо призванъ бысть Господемъ,* въ какомъ т.-е. состояніи призванъ. *Тако да ходитъ,* такъ и живи, не рвись изъ него, оставайся въ немъ. „Одинъ Богъ знаетъ, что кому полезно, и что лучше,—то ли, чтобы вѣрный съ самаго начала былъ сочетанъ бракомъ съ невѣрною, или то, чтобъ съ вѣрною. Иногда лучше вѣрному быть сочетану и жить съ вѣрною, а иногда съ невѣрною. Это оправдывалось и дѣломъ. Но причинъ этого никто не можетъ знать кромѣ Бога, такъ устроившаго и раздѣлившаго доли, и кромѣ Господа, призвавшаго въ томъ или другомъ состояніи. Если же Богъ и Господь устроилъ и распредѣлилъ та-

кія сочетанія судя по тому, какъ кому полезнѣе, то вѣрный, оказавшись сочетаннымъ съ невѣрною, не долженъ тяготиться тѣмъ, или искать разрѣшенія и свободы; но какъ кто призванъ, въ томъ и пребывать, и такою жизнію жить“ (Экум.). Экуменій свое объясненіе изреченія Апостольскаго примѣнилъ только къ браку вѣрнаго съ невѣрною и обратно; но что онъ сказалъ въ отношеніи къ нимъ, то можно приложить ко всѣмъ другимъ состояніямъ. Положеніе у Апостола общее, хотя изречено по частному случаю.

Тако во всѣхъ церквахъ повелѣваю... Не у васъ однихъ такіе завожу порядки, но вездѣ тоже. „Это сказалъ онъ для того, чтобъ они узнавъ, что имѣютъ и другихъ общниками подобнаго порядка жизни, тѣмъ усерднѣе расположились къ покорности постановленію Апостола“ (Ѳеоф.).

Ст. 18. *Во обрѣзаніи ли кто призванъ бысть, да не отторгнется; въ необрѣзаніи ли кто призванъ бысть, да не обрѣзуется.*

Выставляетъ примѣры, какъ именно онъ вездѣ повелѣваетъ, и вмѣстѣ поясняетъ, что значитъ, въ чемъ кто призванъ, въ томъ и пребывай. Только два случая приводитъ: обрѣзаніе и необрѣзаніе, и рабство и свободу. Вѣрно, ихъ коснуться поучительно было для Коринѳянъ.

Да не отторгнется, — μη επισπασθω. Слово это наводитъ на мысль объ искусственномъ возстановленіи обрѣзанной части, послѣ котораго обрѣзаніе незамѣтно, и обрѣзанный дѣлается будто и не былъ обрѣзанъ. Въ славянскомъ нашемъ переводѣ и дѣлается замѣчаніе: *да не творитъ себѣ необрѣзанія*. Фотій у Экуменія приводитъ замѣчаніе св. Епифанія, что можно какими-то врачебными средствами обрѣзаннаго сдѣлать необрѣзаннымъ. Другіе передаютъ, будто въ гоненіе Антіоха

многіе евреи пользовались этими средствами для прикрытія своего еврейства. Догадываются, что и нѣкоторые изъ увѣровавшихъ евреевъ дѣлали тоже, кто изъ ревности, чтобъ и слѣдовъ не оставалось іудейства, кто по другому чему. Ихъ имѣя въ виду, будто и св. Павелъ написалъ: не дѣлайте этого; напрасный трудъ; и обрѣзаніе и необрѣзаніе — ничто въ дѣлѣ спасенія. Можетъ быть и такъ было.

Зачѣмъ говоритъ: *необрѣзанный да не обрѣзывается?* Ужели были такіе, которые, бывъ призваны необрѣзанными, обрѣзывались? Вѣрно — бывали. Ихъ доводили до этого толки іудействующихъ. Ѳеофилактъ пишетъ: „нѣкоторые напротивъ, увлекаясь кажущеюся преславностію обрѣзанія, обрѣзывались, по принятіи вѣры. Имъ и говоритъ св. Павелъ, что это ничего не прибавляетъ къ дѣлу вѣры и спасенія.“

О томъ и другомъ случаѣ поминаетъ Апостолъ, или въ предотвращеніе, или въ обличеніе и исправленіе.

Ст. 19. *Обрѣзаніе ничтоже есть, и необрѣзаніе ничтоже есть, но соблюденіе заповѣдей Божіихъ.*

„Ни обрѣзаніе не пособствуетъ дѣлу спасенія, ни необрѣзаніе не вредитъ ему. Одно требуется—соблюденіе заповѣдей“ (Экум.). „И благо отъ исполненія заповѣдей вкушаютъ равно и обрѣзанные и необрѣзанные“ (Фотій у Экум.). Въ посланіи къ Римлянамъ Апостолъ учитъ, что предъ Богомъ цѣнно обрѣзаніе сердца. Что здѣсь требуетъ, есть одно съ этимъ. Ибо обрѣзаніе сердца есть очищеніе его отъ страстей; а заповѣди направлены противъ страстей, такъ что исполняющій ихъ изгоняетъ страсти изъ сердца, или обрѣзываетъ его. Въ другомъ мѣстѣ обрѣзанію и необрѣзанію противопоставляетъ Апостолъ вѣру, любовію споспѣшествуемую, а то еще и благодать Святаго Духа. И это все совмѣщается въ исполненіи заповѣдей, какъ

средство необходимое. Вѣра приводитъ къ источникамъ благодати; напоившійся ею сильнымъ становится къ исполненію заповѣдей; а исполняя ихъ, доходитъ до чистоты сердечной или истиннаго его обрѣзанія; чистое же сердце пламенѣетъ любовію. Вотъ что нужно, а обрѣзаніе и необрѣзаніе—ничто, какъ и всякое другое внѣшнее состояніе или положеніе.

Ст. 20. *Кійждо въ званіи въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ.*

Уже во второй разъ говоритъ это Апостолъ; и еще разъ скажетъ въ концѣ сего отдѣленьица (ст. 24). Эту заповѣдь напечатлѣть въ умѣ и имѣлъ онъ въ виду; для того и примѣры приводитъ. „Какой родъ жизни имѣлъ ты, въ какомъ классѣ состоялъ, въ какомъ состояніи находился, когда увѣровалъ, въ томъ и оставайся. Призваніемъ называетъ онъ приведеніе къ вѣрѣ“ (Ѳеоф.).

Ст. 21. *Рабъ ли призванъ былъ еси, да не нерадиши, но аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себе.*

Да не нерадиши,—μή σοι μελέτω,—греки говорятъ: τί με μέλει? какое мнѣ дѣло? И Апостолъ хочетъ сказать: какое дѣло, что ты рабъ? И вниманія на это не обращай, и думать объ этомъ не думай (Фотій у Экум.). *Больше поработи себе*—μᾶλλον χρῆσαι, „лучше пользуйся рабствомъ“ (Фотій у Экум.),—лучше оставайся въ рабствѣ, и въ этомъ состояніи принявъ вѣру, и преуспѣвай въ ней.

Св. Златоустъ говоритъ на сіе мѣсто: „вотъ какъ онъ смотритъ на рабство. Какъ обрѣзаніе нисколько не приноситъ пользы и необрѣзаніе нисколько не вредитъ, такъ равно и рабство и свобода. Но дабы показать это какъ можно яснѣе, онъ говоритъ: *но аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себе* (χρῆσαι), т.-е. тѣмъ болѣе служи. Для чего же онъ повелѣваетъ

оставаться рабомъ тому, кто можетъ сдѣлаться свободнымъ? Для того, чтобы показать, что рабство не только не вредитъ, но еще доставляетъ пользу. Знаю, что нѣкоторые утверждаютъ будто слова: *больше поработи себе*, сказаны о свободѣ, и объясняютъ ихъ такъ: если можешь сдѣлаться свободнымъ, то освободись. Но такая мысль была бы совершенно противна намѣренію Павла; утѣшая раба и доказывая ему, что рабство не причиняетъ никакого вреда, онъ не сталъ бы повелѣвать ему искать свободы; ибо тогда иной могъ бы сказать: а если я не могу сдѣлаться свободнымъ, то терплю униженіе и вредъ? Итакъ Павелъ не то разумѣетъ, а хочетъ показать, какъ я сказалъ прежде, что освобождающійся отъ рабства не получаетъ никакой пользы; хотя бы, говоритъ, въ твоей власти было сдѣлаться свободнымъ, ты лучше оставайся рабомъ.“ Ѳеодоритъ пишетъ: „Благодать не знаетъ различія между рабствомъ и господствомъ. Посему не бѣгай рабства, будто недостойнаго вѣры; но если и возможно получить свободу, оставайся въ рабствѣ, и ожидай воздаянія. Убѣждаетъ не избѣгать рабства подъ предлогомъ благочестія.“

Ст. 22. *Призванный бо о Господѣ рабъ, свободникъ Господень есть; такожде и призванный свободникъ, рабъ есть Христовъ.*

Свободникъ, — ἀπελεύθερος, вольноотпущенный. Состоянію рабства и отпущенію на волю внѣшнему противопоставляетъ Апостолъ вольноотпущенность въ Господѣ Іисусѣ Христѣ и рабство Ему. Тутъ они оба сходятся въ одномъ и томъ же лицѣ. Свободность въ Господѣ есть освобожденіе отъ рабства грѣху, міру и діаволу. Она производится въ сердцѣ на основаніи вѣры благодатію Св. Духа, чрезъ таинства сообщаемою. Обратившійся къ Господу и таинственно съ Нимъ соединившійся есть уже свободникъ Христовъ: таково

таинство вѣры нашей. Но эту свободу получаетъ онъ вслѣдствіе совершеннаго преданія себя Господу и полной покорности волѣ Его, какія свидѣтельствуетъ онъ въ началѣ рѣшимостію, а потомъ во всю жизнь всѣми дѣлами своими. Въ то самое время, какъ онъ всею душею отдастъ себя такимъ образомъ въ рабство Господу, Господь благодатію Своею освобождаетъ его отъ прежняго нравственнаго рабства, врагъ изгоняется изъ сердца, обаянія міра разоблачаются, и видятся въ ихъ отталкивающемъ безобразіи, и надъ живущимъ внутрь грѣхомъ дается власть попирать его и наступать на выю его всякій разъ, какъ подыметъ онъ голову свою. Это происходитъ со всякимъ,—рабъ ли онъ, или свободенъ внѣшно; будь онъ царь—все одно. „Въ отношеніи ко Христу, говоритъ, тотъ и другой равны. Какъ ты—рабъ Христовъ, такъ и господинъ твой. Когда же рабъ бываетъ свободнымъ, оставаясь рабомъ? Когда онъ освобождается отъ страстей и душевныхъ болѣзней, когда не предается корыстолюбію, гнѣву и другимъ подобнымъ страстямъ“ (св. Злат.). Ибо кто въ такой мѣрѣ свободенъ, въ какой освободившійся отъ грѣха? И кто рабствуетъ въ такомъ горькомъ рабствѣ, въ какомъ состоящій въ рабствѣ у страстей? (Ѳеод.).

Ст. 23. *Цѣною куплени есте: не будите раби человѣкомъ.*

Предъ этимъ только сказалъ, чтобы даже, когда бы имѣли возможность свободу получить, оставались въ рабствѣ, а теперь говоритъ: *не будите раби человѣкомъ.* Какъ же это? Надобно разумѣть здѣсь рабство не внѣшнее, а душевное, — нравственное, и именно только въ отношеніи къ человѣкамъ. Рабство душевное, какъ видѣли, въ разныхъ видахъ является: есть рабство страстямъ, есть рабство міру и діаволу. Отъ этого всесторонняго рабства свободу получаютъ христіане въ Гос-

подѣ Іисусѣ Христѣ. *Куплены*, говоритъ, вы *цѣною* крови Единороднаго Сына Божія, куплены всѣ и рабы и свободные, работать должны Господу всесторонне. Это нравственно. Слѣдовательно и *не будите раби человѣкомъ*—тоже нравственно. Что же это? Не человѣкоугодничайте. Это одна, малозамѣтная, но много зла дѣлающая въ нравственномъ отношеніи, сторона рабства міру, человѣческимъ мнѣніямъ, человѣческимъ обычаямъ и желаніямъ человѣковъ, съ которыми приходится жить. Апостолъ говоритъ какъ бы: что вы рабы, это не важно во Христѣ, но вотъ что имѣйте въ виду, чтобы не быть рабами человѣческихъ мнѣній, обычаевъ и желаній, наперекоръ волѣ Господа. Куплены вы Господомъ; Его воля во всемъ да господствуетъ въ васъ, противное же сей волѣ, въ чемъ бы оно ни проявлялось, ни за что не соглашайтесь дѣлать изъ угожденія людямъ. Это правило подходитъ къ другимъ правиламъ Апостола: плоти угодія не творить въ похоти, не себѣ угождать, а тутъ: людямъ не угождать, когда этимъ нарушается воля Господа.

Өеодоритъ пишетъ: „не противный сказанному постановляетъ законъ; но повелѣваетъ не имѣть раболѣпнаго образа мыслей, и тому, кто называется рабомъ, и тому, кто именуется свободнымъ.“ Өеофилактъ: „это говоритъ онъ не къ рабамъ только, но и къ свободнымъ, убѣждая всѣхъ христіанъ ничего не дѣлать изъ угожденія людямъ и никакъ не слушаться ихъ, когда они велятъ дѣлать что противозаконное; ибо это и значитъ быть рабами человѣковъ.“ Св. Златоустъ пространное объ этомъ говоритъ слово: „можно и въ рабствѣ не быть рабомъ, и въ свободѣ не быть свободнымъ. Когда же рабъ не бываетъ рабомъ? Когда онъ дѣлаетъ все для Бога, когда служитъ не лицемѣрно и не изъ человѣкоугодія: это и значитъ быть рабомъ людей и

оставаться свободнымъ. И наоборотъ, когда свободный бываетъ рабомъ? Когда онъ служитъ людямъ въ чемъ-либо худомъ, въ чревоугодіи, корыстолюбіи, или честолюбіи. Такой человѣкъ, хотя и свободенъ, хуже всякаго раба. Вотъ примѣръ того и другаго. Іосифъ былъ рабомъ, но не рабствовалъ людямъ; потому и въ рабствѣ былъ свободнѣе всѣхъ свободныхъ: ибо не покорился госпожѣ. Госпожа же его напротивъ хотя была свободна, но оказалась ниже всякаго раба, и не могла склонить его, свободнаго, къ тому, чего онъ не хотѣлъ. Подлинно онъ былъ не рабомъ, но въ высшей степени свободнымъ. Такъ есть предѣлы рабства, положенные Богомъ, есть законы, до чего оно можетъ простираться, которыхъ преступать не должно. Когда господинъ не требуетъ ничего противнаго волѣ Божіей, тогда должно повиноваться ему и покоряться; а простираться далѣе не должно; такъ рабъ остается свободнымъ! Если же ты простираешься далѣе, то дѣлаешься рабомъ, хотя и свободенъ. Не таковъ былъ Іосифъ; онъ вездѣ и во всемъ былъ истиненъ и оставался свободенъ. Поработить его ничто не могло, ни узы, ни рабство, ни любовь госпожи, ни пребываніе въ землѣ чужой, но всегда онъ оставался свободнымъ. Это и есть высшая свобода, которая сіяетъ и въ рабствѣ.“

Ст. 24. *Кійждо въ немже призванъ бысть, братіе, въ томъ да пребываетъ предъ Богомъ.*

Опять, въ третій разъ повторяетъ тоже. Здѣсь — и въ заключеніе, и въ предотвращеніе недоразумѣнія, могшаго у иныхъ родиться по поводу словъ: *не будите раби человѣкомъ.* Не въ томъ, говоритъ, смыслѣ сказалъ я это, чтобъ вы бѣжали отъ господъ. Нѣтъ; законъ, прежде изреченный, — пребывать въ томъ же состояніи, въ какомъ кто призванъ, остается и при этомъ неизмѣннымъ. „Предыдущими словами, пишетъ

Ѳеофилактъ, Апостолъ не то внушаетъ, чтобы рабы бѣжали отъ господъ. Да не будетъ! Что не это внушаетъ, видно изъ настоящихъ словъ: *кійждо въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ*; т.-е. хоть и въ рабствѣ призванъ, оставайся въ немъ. Слово же: *предъ Богомъ*, приложилъ онъ, чтобъ съ другой стороны и отъ Бога не отступать, изъ-за покорности господамъ, беззаконное повелѣвающимъ. То и другое онъ устраняетъ: и то, чтобы, подъ предлогомъ угожденія Богу, не отбѣгать отъ господъ, и то, чтобы отъ Бога не отступать, покоряясь господамъ болѣе, чѣмъ должно."

2.

Наставленія о безбрачіи

7, 25—40.

Сначала Апостолъ предлагаетъ а) общія о семъ положенія, — 25—35; затѣмъ б) пишетъ правила о приложеніи къ дѣлу сихъ положеній,—36—40.

а).

Въ общихъ положеніяхъ Апостолъ говоритъ, что аа) лучше быть въ безбрачіи, хотя не грѣшатъ и тѣ, которые брачатся, 25 — 28, поставляя бб) въ основаніе тому съ одной стороны α) прискорбности и скоротечность жизни 29—31, съ другой—β) большее удобство къ угожденію Господу, въ безбрачіи,—32—35.

аа).

Лучше быть въ безбрачіи

25—28.

Ст. 25. *О дѣвахъ же повелѣнія Господня не имамъ: совѣтъ же даю, яко помилованъ отъ Господа вѣренъ быти.*

О дѣвахъ—παρθενος,—идетъ и къ мужчинѣ и къ женщинѣ, означаетъ и дѣвственника и дѣвственницу. И

нижеслѣдующая рѣчь обращается то къ тому, то къ той. Потому, поставляя сіе слово, Апостолъ вѣроятно разумѣлъ дѣвство вообще. Доселѣ говорилъ о воздержаніи въ брачномъ состояніи, теперь переходитъ къ дѣвству. „Продолжая рѣчь, постепенно доходитъ наконецъ и до дѣвства; научивъ и вразумивъ Коринөянъ бесѣдою о воздержаніи, онъ переходитъ къ высшему предмету“ (св. Злат.).

Повелѣнія Господня не имамъ. Говоря это, Апостолъ разумѣетъ или личныя ему откровенія Господа, бывавшія по временамъ, когда требовалось, или слова Господа, изреченныя Имъ, когда пребывалъ на землѣ. И Господь рѣшалъ этотъ вопросъ, когда, по случаю закона о нерасторжимости брака, ученики сказали: если такъ, то лучше не жениться. Господь отвѣтилъ имъ на это: *не вси вмѣщаютъ словесе сего,* и потомъ указавъ на разныхъ скопцевъ и въ числѣ ихъ на произвольныхъ скопцевъ царствія ради небеснаго, присовокупилъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ* (Мө. 19, 10—12). Это значитъ: дѣвственникомъ и дѣвственницею не всѣ могутъ быть, а кто можетъ вмѣстить. Тоже постановляетъ и Апостолъ. Что же значатъ слова: *повелѣнія не имамъ?* Не имѣю сдѣлать объ этомъ опредѣленныхъ обязательныхъ постановленій. „Не ввожу закона, но предлагаю совѣтъ. Ибо и Господь, узаконивъ сообразное съ естествомъ, только какъ совѣтъ предлагаетъ то, что выше естества“ (Өеод.). „Не дерзаю и я законополагать, ибо это дѣло великое и большими трудностями и опасностями окружено“ (Өеоф.).

Яко помилованъ отъ Господа вѣренъ быти.—*Яко помилованъ,* ἠλεημένος, какъ ту милость отъ Господа получившій, или какъ той милости отъ Него сподобившійся, чтобы быть вѣрнымъ,—вѣрнымъ Ему, вѣрнымъ истолкователемъ воли Его, быть лицомъ, которому по-

вѣрено всѣмъ открывать волю Его. Апостолъ говоритъ какъ-бы: хоть я совѣтъ только даю, но совѣтъ сей такой, что онъ не чуждъ намѣреній Господа. „Поелику нѣкоторые, какъ вѣроятно могли противорѣчить совѣту сему, какъ нововведенію, то Апостолъ и присовокупилъ эти слова. Съ обычною скромностію и указалъ онъ въ нихъ на Апостольское достоинство: достойный вниманія я совѣтникъ, говоритъ онъ, по великой милости Владыки призванный и поставленный проповѣдникомъ“ (Ѳеод.). „Такъ какъ, по великой милости Божіей, сподобился я того, чтобы быть своимъ у Господа, достойнымъ того, чтобъ Онъ ввѣрилъ мнѣ тайны Свои“ (Ѳеоф.).

Ст. 26. *Мню убо сіе добро быти за настоящую нужду, яко добро человѣку тако быти.*

„Что же совѣтуешь ты намъ? *Мню убо сіе добро быти... человѣку тако быти.* Говоритъ: *мню*, не потому, что сомнѣвается, что дѣвство добро и наилучшее изъ благъ, но чтобы совѣтъ не обратился въ законъ, выразилъ будто сомнѣніе. Ибо законъ сопровождается храненіемъ, и преступленіемъ, и наказаніемъ преступающихъ: потому не узаконяетъ великаго, но предлагаетъ сіе въ видѣ совѣта“ (Ѳеод.).

За настоящую нужду, или за нужду, которая есть уже, тяготитъ, или нужду, которая настоитъ, еще нѣтъ ея, но она готова пасть на головы наши. Въ первомъ случаѣ это будутъ или нужды отъ стеченія стѣснительныхъ обстоятельствъ, или нужды самого брачнаго состоянія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ понимаютъ эти слова Экуменій и Ѳеофилактъ: „хорошо, и очень хорошо человѣку воздержаться отъ брака, но не потому, чтобы бракъ былъ нечистъ, а по причинѣ трудностей и прискорбностей брачнаго состоянія“ (Ѳеоф.). Что въ порядкѣ толкованія посланія сказалъ на сіе мѣсто св.

Златоустъ, не замѣчено; но одинъ толковникъ приводитъ его слова изъ его слова о дѣвствѣ, гдѣ онъ подъ *настоящею нуждою* разумѣетъ вообще тяготу земной жизни, обременяемой заботами, лишеніями, столкновеніями, бѣдами и скорбями. Во второмъ случаѣ это будутъ бѣды, готовыя обрушиться на головы Коринөянъ по причинѣ вѣры. Церковь Коринөская наслаждалась покоемъ, но Апостолъ провидѣлъ, что скоро Коринөяне подвергнутся бѣдствіямъ за вѣру, которыя легче переносить безбрачнымъ, чѣмъ брачнымъ. Ибо тогда ни одна церковь не была свободна отъ этого. Потому говоритъ: не брачьтесь лучше. Такъ блаж. Фотій у Экуменія: „подъ *настоящею нуждою*, полагаю, разумѣетъ здѣсь Апостолъ гоненіе, направляемое невѣрными противъ вѣрующихъ, и всякія съ ихъ стороны преслѣдованія и озлобленія. Постановляя столь возвышенное правило, Апостолъ счелъ неизлишнимъ и на нихъ основаться, давая видъ, что постановляетъ это будто вынужденный обстоятельствами. Онъ говоритъ какъ-бы: дѣвство, хорошее очень и само по себѣ, хорошо и по причинѣ готовыхъ настать искушеній: одинокому не такъ трудно ихъ переносить, какъ связанному женою и дѣтьми. Душа при этомъ какъ бы на части разрывается,—и самому тѣсно и тѣхъ жаль, и человѣкъ загружается невыносимою тяготою зла; а одинокому, не поражаемому страданіями столь близкихъ себѣ лицъ, удобнѣе выдерживать треволненія бѣдствій.“ Какъ же понимать сіи слова? Во всякое другое время къ избранію безбрачной жизни располагаютъ болѣе тяготы самого брачнаго состоянія и преизбытокъ горестей, вообще въ настоящей жизни; а въ ту пору, можетъ быть, Апостолъ имѣлъ въ виду болѣе тѣсное положеніе, въ которомъ повсюду почти находились христіане по причинѣ непріязни къ нимъ невѣрныхъ. Такъ вотъ, гово-

ритъ, мой совѣтъ: за настоящую нужду лучше *человѣку быти тако.*—*Быти тако*, т.-е. не вступать въ бракъ, а оставаться одинокому. *Человѣку* вообще, мужчина ли то, или женщина.

Ст. 27. *Привязался ли еси женѣ, не ищи разрѣшенія; отрѣшился ли еси жены, не ищи жены.*

Привязался ли женѣ,—разумѣется посредствомъ брака, тоже что вступилъ ли въ бракъ, женился ли.—*Не ищи разрѣшенія*,—не того временнаго, по взаимному согласію, себя-лишенія, о коемъ говорилось прежде (7, 5), но развода, того, чтобы бросить жену. Опять подтверждаетъ нерасторжимость брака. Прежде вступленія въ бракъ ищи свободы отъ жены; а когда вступилъ, неси тяготу ея и не бросай, какъ-бы тяжело ни было.—*Отрѣшился ли еси жены*, — λέλυσαι, можно и такъ: отрѣшился ли ты отъ жены, съ которою былъ сочетанъ бракомъ, по причинѣ ея смерти; и можно такъ: отрѣшенъ ли еси отъ жены, т.-е. совсѣмъ не вступалъ въ бракъ. Въ томъ и другомъ случаѣ *не ищи жены*, т.-е. не вступай въ бракъ. Выражено въ формѣ рѣшительнаго повелѣнія; между тѣмъ какъ вездѣ тутъ предлагается это какъ совѣтъ, т.-е. если можешь, если чувствуешь себя довольно сильнымъ къ тому. Итакъ, или надобно доразумѣвать это условіе, или объяснять эту рѣшительную форму такимъ образомъ: выше сказалъ, что за настоящую нужду лучше *человѣку быти тако*, т.-е. не имѣть жены. Женатые могли подумать или предложить вопросъ: такъ что же? Намъ бросить женъ? Нѣтъ, отвѣчалъ Апостолъ; моя мысль вотъ какая: если ты отрѣшенъ, не связанъ бракомъ съ женою, не ищи жены; а если связанъ, то не ищи разрѣшенія,—того, чтобы ее бросить. Такъ Фотій у Экуменія.

Ст. 28. *Аще ли же и оженишися, не согрѣшилъ еси;*

и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть. Скорбь же плоти имѣти будутъ таковіи; азъ же вы щажду.

Продолжаетъ смягчать ту рѣшительную форму выраженія: *не ищи жены,* и вмѣстѣ точнѣе опредѣляетъ смыслъ своего совѣта, ограждая его отъ всѣхъ недоумѣній. Я сказалъ, говоритъ, *не ищи жены,* не запрещая тебѣ жениться, а совѣтъ предлагая. Если и женишься, не согрѣшишь; равно и дѣва, если выйдетъ замужъ, не согрѣшитъ. Я предлагаю совѣтъ о безбрачіи не ради того, чтобы въ бракѣ было что грѣшное: никакого нѣтъ грѣха вступать въ бракъ. Но вступившіе въ бракъ будутъ имѣть скорбь плоти, *азъ же вы щажду,*—а мнѣ васъ жаль. „И отеческую любовь свою обнаружилъ Апостолъ, и показалъ пользу безбрачной жизни. Надобно притомъ знать, что это Апостолъ сказалъ не о тѣхъ, которые однажды навсегда отреклись отъ міра, но о тѣхъ, которые еще не избрали ни того, ни другаго, стоятъ же на общемъ предѣлѣ жизни брачной и безбрачной“ (Ѳеодоритъ).

Что значитъ *скорбь плоти?* Экуменій пишетъ: „бракущіеся, говоритъ, будутъ имѣть скорбь, по причинѣ печалей, связанныхъ съ бракомъ; а я щажу васъ, какъ чадъ своихъ, и желаю, чтобы вы были свободны отъ скорбей и безпечальны. Въ бракѣ находясь, вы будто въ узахъ; и надъ собою-то никто изъ васъ власти не имѣетъ.“ Ѳеофилактъ подъ печалію плоти разумѣетъ заботы и попеченія, неизбѣжныя въ брачномъ состояніи. *Скорбь плоти* τῇ σαρκὶ, для плоти или во плоти. Апостолъ указываетъ на скорбь, которая ближе, чѣмъ внѣшнія скорбныя обстоятельства, на такую скорбь, которая въ самой плоти. Почему не разумѣть здѣсь прежде всего болѣзней дѣторожденія? И мужъ и жена одинаково страдаютъ въ это время: тотъ душою, эта тѣломъ. И затѣмъ уже разумѣть здѣсь скорбныя забо-

ты содержанія дома, воспитанія дѣтей, поддержаніе внѣшнихъ отношеній, лишенія, неудачи, превратности, нападки, раззоренія. Все это неизбѣжно вынесть, между тѣмъ какъ безбрачные свободны отъ всего этого и пребываютъ властителями и своего тѣла, и своихъ занятій, и всего своего внѣшняго положенія. Такъ какъ по ходу рѣчи, слова: *скорбь плоти* стоятъ въ соотношеніи съ словами: *за настоящую нужду*, то можетъ быть Апостолъ и то имѣлъ здѣсь въ мысли, что бл. Фотій видѣлъ въ *настоящей нуждѣ*, т.-е., готовыя всегда возстать гоненія и притѣсненія за вѣру, которыя безбрачному легче переносить, или отъ которыхъ удобнѣе ему укрываться.

бб).

Основанія, по которымъ предпочтительнѣе безбрачность

29—35.

На первомъ мѣстѣ ставитъ Апостолъ прискорбности жизни. Эту мысль вставилъ онъ, говоря вообще о предпочтительности безбрачія брачной жизни, въ словахъ: *за настоящую нужду*, и: *скорбь имѣти будутъ таковіи;* здѣсь „онъ ссылался на обстоятельства, угрожающую нужду, тѣсноту времени и скорбь, и указывалъ, что бракъ сопряженъ со многими затрудненіями“ (св. Злат.). Теперь особенно останавливается α) на скоротечности времени, жизни и благъ міра (29—31); и затѣмъ выставляетъ β) большую удобность благоугодить Богу въ безбрачной жизни.

α).

Время прекращено есть.

Ст. 29. *Сіе же глаголю, братіе, яко время прекращено есть прочее, да имущіи жены, яко не имущіи будутъ.*

Сіе же глаголю. Этими словами и вниманія особаго требуетъ, и вмѣстѣ показываетъ, что приступаетъ къ объясненію пункта, не совсѣмъ ясно высказаннаго, знать который однакоже необходимо. Объясняетъ, что за скорбь и что за нужда. Чѣмъ? Тѣмъ, что, говоритъ—*время прекращено... преходитъ образъ міра сего.* Что же изъ того? Пусть время прекращается, пусть преходитъ образъ міра, намъ-то что? То, что съ этимъ будетъ сопряжено такое всѣхъ пораженіе, что всѣ про все забудутъ: мужья про женъ, жены про мужей, радостные про радость, печальные про печаль, и всѣ пользующіеся какими-либо благами міра про эти блага. Какъ во время испуга, все вытѣсняется изъ сознанія и все его обнимаетъ одинъ испугъ, такъ что испуганные видя не видятъ, слыша не слышатъ: такъ будетъ въ это время. А оно,—вотъ-вотъ, на дворѣ уже почти. Такъ когда тутъ до женитьбы?! Когда тутъ до утѣхъ какихъ и удовольствій?! Не лучше ли напередъ такъ себя расположить и подготовить, чтобъ время то меньше насъ поразило?

Что значитъ: *время прекращено?*—„Здѣшняя жизнь стремится къ концу, близко окончаніе настоящаго вѣка" (Ѳеоф.). „Чтобъ на предыдущія слова: *скорбь имѣти будутъ таковіи,* не сказалъ кто: но будутъ имѣть и удовольствія, Апостолъ отсѣкаетъ чаяніе удовольствія тѣмъ, что представляетъ время прекращеннымъ. Все идетъ къ разложенію, царство Христово приблизилось, въ него предлежитъ намъ преселяться, такъ что если и возможно какое удовольствіе, то оно мгновенно и только увеличитъ скорбь" (Ѳеоф.). „Намъ заповѣдано уже идти отсюда и готовиться къ исходу, а ты стремишься внутрь (т.-е. глубже въ жизнь сію входишь). Еслибы бракъ не сопровождался никакими скорбями, и въ такомъ случаѣ надлежало бы стремиться къ буду-

щему; если же онъ сопровождается скорбями, то какая нужда налагать на себя бремя? Какая необходимость налагать на себя такое бремя, которое и принявъ должно нести такъ, какъ бы не принявъ?" (св. Злат.). Такимъ образомъ словами: *время прекращено*, Апостолъ поставляетъ въ такое же настроеніе, въ какое поставляетъ и Господь, говоря: *бдите, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ. Сіе же вѣдите, яко аще бы вѣдалъ дому владыка, въ какую стражу тать пріидетъ, бдѣлъ убо бы, и не бы далъ подкопати храма своего. Сего ради и вы будете готови: яко въ оньже часъ не мните, Сынъ Человѣческій пріидетъ* (Мѳ. 24, 42—44). *Блюдите, бдите, молитеся: не вѣсте бо, когда время будетъ. Якоже человѣкъ, отходя оставль домъ свой, и давъ рабомъ своимъ власть, и коемуждо дѣло свое, и вратарю повелѣ, да бдитъ. Бдите убо: не вѣсте бо, когда Господь дому пріидетъ, вечеръ, или полунощи, или въ пѣтлоглашеніе, или утро: да не пришедъ внезапу обрящетъ вы спяща* (Мар. 13, 33—36). Память объ этомъ, укоренившись и объявъ сознаніе, паче же падши на чувство, измѣняетъ взглядъ на все сущее и бывающее до противоположности. Кто восчувствуетъ, что есть сей часъ Господень, тотъ уже не остановится ни на чемъ земномъ, а весь перейдетъ въ иной міръ, въ тотъ, гдѣ ни женятся, ни посягаютъ, гдѣ упразднены будутъ и чрево и брашна. Выбиваетъ изъ памяти этотъ рѣшительный моментъ то, что ждемъ-ждемъ, и все нѣтъ его. Но вѣдь, все же онъ будетъ, и будетъ такъ, какъ сказалъ Господь — внезапно. Ктому же все одно — не онъ, такъ смерть вотъ-вотъ настанетъ; рѣшеніе же для насъ и при этомъ такое же, какъ и при томъ. Итакъ все одно — нѣчто въ каждое мгновеніе готово постигнуть насъ такое, при чемъ рѣшится участь наша на вѣчные вѣки.—*Время прекращено есть прочее*.

Нечего тебѣ его растягивать на годы и десятки годовъ. Сократи его на одно мгновеніе, и съ этою мыслію переходи отъ мгновенія къ мгновенію, такъ до конца жизни. Стань въ такое настроеніе, — тогда и имѣя жену, будешь какъ не имѣющій, т.-е. забудешь про все брачное,—а не только не станешь загадывать жениться, если не имѣешь жены. „Что значитъ: *яко неимущіи?* т.-е. забудутъ про брачное ложе и не будутъ внимать женамъ, когда пристаютъ съ требованіями исполнить ихъ безумныя мірскія желанія" (Экум.). „Не будутъ къ нимъ привязаны, не всю заботу будутъ обращать только на брачное и на женъ" (Ѳеоф.).

Ст. 30. 31. *И плачущіися, якоже не плачущіи; и радующіися, якоже не радующеся; и купующіи, яко не содержаще; и требующіи міра сего, яко не требующе. Преходитъ бо образъ міра сего.*

Чтобы дѣломъ оправдать, что точно такъ есть и такъ должно быть, стоитъ только поставить себя мысленно въ состояніе умирающаго, готоваго оставить міръ сей. Сдѣлай такъ, и тотчасъ, — о чемъ бы изъ текущихъ вещей и слѣдовало поплакать, или о чемъ уже плакалъ ты, — перестанешь плакать; о чемъ радовался, перестанешь радоваться; если купилъ что, будешь такъ равнодушенъ къ тому, какъ бы ничего новаго не притяжалъ; да и вообще какими бы благами міра ни пользовался, подсѣчешь всякое отъ того удовольствіе и всякое къ тому сочувствіе. Но если мысленное представленіе о семъ такое оказываетъ дѣйствіе, что должно быть, когда будетъ совершаться самое дѣло? — Апостолъ же хочетъ, чтобъ мы сердцемъ были такъ, какъ бы уже исходимъ отсюда, какъ бы уже настались часъ Господень,—хочетъ, т.-е., чтобы были отъ всего отрѣшены совершеннымъ отрѣшеніемъ, чтобъ не только на сердцѣ, но на умѣ ничего не держали изъ прехо-

дящаго, съ смущающею заботою. „Настоящее чуждо для насъ, говоритъ Апостолъ; потому что преходимъ отсюда весьма скоро“ (Ѳеод.). „И не только о женахъ, но и не о чемъ другомъ не должно намъ слишкомъ много заботиться, прискорбно ли то, или утѣшительно, или прибыль какую доставляетъ по случаю выгодныхъ сдѣлокъ. Да и что, говоритъ, я перечисляю то и то? Однимъ словомъ скажу: *пользующіеся міромъ да будутъ какъ не пользующіеся*, какъ будто бы ничего не имѣли. Ибо пристрастіе имѣть къ мірскому и томить себя о томъ заботою—не есть пользованіе міромъ (употребленіе его), а злоупотребленіе имъ“ (Ѳеоф.). „Поелику время сокращено, то все, что есть у кого, должно считать какъ-бы не сущимъ. Если смерть близь, то зачѣмъ пристращаться къ здѣшнимъ вещамъ? Кто предается мірскимъ утѣхамъ, величается богатствомъ, высится отъ почетовъ и похвалъ, тотъ не какъ должно пользуется міромъ. Надо на все сіе смотрѣть, какъ на мимоходящее и насъ не касающееся. Не за этимъ вступаемъ мы въ міръ сей, а за тѣмъ, чтобы преуспѣвать въ дѣлахъ благихъ и быть всегда готовымъ къ исходу. Кто забываетъ эту цѣль и предается міру такъ, какъ-бы здѣсь его была вѣчная жизнь, тотъ не какъ должно употребляетъ міръ, а злоупотребляетъ имъ“ (Экум.).

Преходитъ бо образъ міра сего. Все въ мірѣ такъ измѣнчиво, что течетъ, какъ рѣка. Какъ свѣча зажженная горитъ и горѣніемъ сама себя уничтожаетъ, такъ міръ измѣнчивостію своею разлагается и спѣшитъ къ концу. „Апостолъ показываетъ этимъ скоротечность настоящаго“ (Ѳеод.). Преходитъ—разлагается. Что же привязываться къ тому, что ничего существеннаго не представляетъ? Ибо сказавши *преходитъ*, да еще—*образъ*, Апостолъ далъ разумѣть, что всѣ блага міра таковы только по видимости, сами же въ себѣ ничего

прочнаго и существеннаго не содержатъ. Или, *преходитъ*, обреченъ на то, чтобы престать, и вотъ-вотъ престанетъ, такъ что послѣ ничто въ немъ не останется въ томъ видѣ, какъ оно теперь есть. Зачѣмъ же ко всему этому привязываться, или обо всемъ этомъ заботиться? „Не будетъ болѣе ни земледѣлія и мореходства, ни царствъ и военачалій, ни рабства и господства, ни искусствъ и наукъ, ни нищеты и богатства: ибо изъ всего этого и подобнаго сему состоитъ настоящій вѣкъ,—а онъ проходитъ. Въ будущей жизни иначе все будетъ устроено, иной приметъ образъ“ (Ѳеод.).

β).

Въ безбрачіи удобнѣе угождать Богу

32—35.

Ст. 32. 33. *Хощу же васъ безпечальныхъ быти. Не оженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви; а оженивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ.*

Хощу же. Начинается новое наставленіе: хочу также, притомъ хочу,—чтобъ вы были безпечальны, т.-е. безпопечительны, чтобы не были томимы злою заботою. Забота, печаль, многопопечительность—отличительная черта жизни по духу міра и ея двигатель. Ни одна страсть не представляется такою благовидною, какъ эта; и ни одна не дѣлаетъ столько зла человѣку въ его христіанской жизни, какъ она. Она кружитъ и мрачитъ умъ, крушитъ и сушитъ сердце, и одуматься не даетъ, гоня отъ одного дѣла къ другому, и конца ихъ видѣть не давая. Между тѣмъ такъ кружимый, крушимый и гонимый, на видъ не представляетъ ничего худаго, если не употребляетъ открыто худыхъ средствъ для своихъ цѣлей и если притомъ поддерживаетъ должныя отношенія съ другими. Такимъ образомъ у него душа раз-

бита, а думать о себѣ онъ думаетъ, какъ объ исправномъ человѣкѣ и живетъ въ призрачномъ обманѣ самого себя. О спасеніи, о вѣчности, объ угожденіи Господу ему и подумать некогда. Онъ весь въ житейскомъ и мірскомъ; а духовная сторона, обращаемая къ Богу и вѣчности, совсѣмъ у него закрыта. Апостолъ, говоря: *хощу, чтобъ вы безпечальны были*, требуетъ, чтобъ не томили себя исключительно мірскими и житейскими заботами и печаль вѣка сего перемѣнили на печаль о вѣкѣ оном. „Какъ же можемъ мы сдѣлаться безпечальными? Если пребудемъ безбрачными“ (Ѳеоф.).

Ибо *неоженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви*. И безбрачный можетъ не имѣть попеченія о Господнихъ; но брачный хотя бы и хотѣлъ попещись о семъ, не можетъ, какъ бы хотѣлъ; ибо мѣшаетъ жена, дѣти, домъ, кои всѣ требуютъ заботъ и попеченія. *А оженивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ*. Гдѣ жена, тамъ семья и домъ: и тутъ поприще заботъ. У самой жены и необходимыхъ нуждъ не мало; а если къ этому привьется суетность и желаніе идти въ уровень съ требованіями вѣка, то ихъ и перечислить нельзя. Отъ всѣхъ такихъ заботъ безбрачіе дѣлаетъ свободнымъ и развязываетъ человѣку руки на дѣла богоугожденія,—разумѣется, если онъ хочетъ того. Если хочешь, говоритъ, угождать Господу, то безбрачное состояніе есть самое къ тому пригожее. Свои потребности удовлетворить легко, и за тѣмъ все время можетъ онъ посвящать Господу. А у брачнаго большую половину времени отнимаютъ заботы, суета и міръ, даже при лучшихъ направленіяхъ брачной жизни. Оттого брачные никогда не могутъ дойти до такой степени совершенства духовнаго, какъ безбрачные. „Самъ Апостолъ указалъ на цѣль дѣвства; ибо у дѣвственника душа свободна отъ излишнихъ и неразумныхъ заботъ, и онъ,

сколько возможно, подражаетъ будущей жизни" (Ѳеод.). „Но какъ же это св. Павелъ, желая насъ сдѣлать безпечальными и для того совѣтуя безбрачіе, опять говоритъ: *неоженившійся печется о Господнихъ?*—Се—опять попеченіе! Но, говоритъ, это попеченіе совсѣмъ не такое, какое навязывается бракомъ. Попеченіе о Господнемъ, какъ угодить Господу, спасительно и сладостно питательно, а попеченія житейскія и мірскія по причинѣ брака раззорительны для души и томительны" (Ѳеоф.). Это очень замѣчательно, что одно и тоже будто психологически дѣйствіе такія противоположныя имѣетъ слѣдствія. Это отъ разности предметовъ. Въ Господѣ—цѣль наша. Исключительное Ему себя посвященіе въ ближайшее вводитъ съ Нимъ общеніе и, поставляя у цѣли, доставляетъ благобытіе. Къ тому же Господь единъ и тѣхъ, кои Ему себя предаютъ, объединяетъ, цѣлость и крѣпость даетъ, а мірское многосложно: оно разлагаетъ душу на саму себя и цѣлость жизни ея нарушая, истощаетъ ее, томитъ и сушитъ.

Ст. 34. *Раздѣлися жена и дѣва: непосягшая печется о Господнихъ, како угодити Господеви, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ; а посягшая печется о мірскихъ, како угодити мужу.*

Раздѣлися жена и дѣва, т.-е. такое же различіе и у замужней женщины съ дѣвственницею. Эта послѣдняя заботится только о томъ, какъ угодить Господу, храня въ святости и тѣло и душу, а та заботится только о томъ, какъ угодить мужу, съ соприкосновенными съ этимъ и другими заботами. Апостолъ различаетъ, что во вниманіи, въ цѣли и въ сердцѣ у той и другой: у одной Господь и все Господнее, у другой — мужъ съ другими суетностями. Сколько отстоитъ небо отъ земли и Творецъ отъ твари, настолько отстоитъ душевное состояніе первой отъ второй. — При этомъ очевидно,

что Апостолъ противополагаетъ дѣву, исключительно себя посвятившую Господу, женѣ осуетившейся. Но если и эта станетъ имѣть заботу объ угожденіи и Господу, то насколько потрудится въ семъ угожденіи, настолько вкуситъ и благобытія свойственнаго первой. Только то несомнѣнно, что ей никакъ нельзя дойти до совершенства первой; потому что и время тратитъ на неизбѣжныя хлопоты, и сердце пріобщаетъ плотскимъ сластямъ, которыя въ своей мѣрѣ умаляютъ всегда вкушеніе благъ духовныхъ.—Семейные знаютъ, какъ совершенно чистыми отъ плотяности имъ быть нельзя. Если это нельзя, то и совершенства духовнаго полнаго достигнуть имъ нельзя.

Хорошо замѣтилъ Апостолъ: *да будетъ савята и тѣломъ и духомъ*. „Не довольно быть святою тѣломъ, надо быть святою и духомъ. Ибо истинное дѣвство есть чистота души. Но есть много такихъ дѣвъ, которыя тѣломъ чисты и непорочны, а душею запятнаны. И на то еще обрати вниманіе, что та уже не дѣвственница, которою владѣютъ попеченія мірскія. Посему, когда увидишь, что какая-либо дѣва, дѣвство воспріявшая, вдается въ мірскія попеченія, знай, что ничѣмъ не разнится она отъ замужней. Павелъ точно опредѣлилъ черты, по которымъ ихъ различать должно, — это не бракъ только и безбрачіе, но многопопечительность и безпопеченіе, такъ что многопопечительная уже не дѣвственница: ибо чѣмъ тогда разнится она отъ замужней, многопекущейся о томъ, какъ угодить мужу и другимъ суетностямъ?“ (Өеоф.).

Ст. 35. *Сіе же на пользу вамъ самѣмъ глаголю: не да сило̀ вамъ наложу, но къ благообразію и благоприступанію Господеви безмолвну.*

„Не нуждою, говоритъ онъ, привлекаю васъ къ этому богатству, какъ бы наложивъ на васъ *сило* и улов-

ляя насильно, но показываю проистекающую отсюда выгоду. Ибо не иначе возможно намъ пребывать постоянно въ служеніи Богу, какъ избѣжавъ житейскихъ узъ" (Ѳеод.).

Уже не разъ говорилъ онъ, что не заповѣдь даетъ, а совѣтъ; но тѣмъ самымъ, что такъ часто повторяетъ это, даетъ разумѣть, какъ бы желательно, чтобъ совѣтъ его добровольно сколько можно большимъ числомъ лицъ былъ исполненъ. Это видно изъ того, чего ради вводитъ дѣвство. Къ *благообразію*, говоритъ, *и благоприступанію Господеви безмолвну*.

Къ благообразію: „желая воззвать васъ въ благообразнѣйшее состояніе; и точно, что благообразнѣе дѣвства?" (Экум., Ѳеоф.).—Во второмъ посланіи онъ и о всей церкви Коринѳской говоритъ, что ревностію возревновалъ—представить ее Господу дѣвою чистою (2 Кор. 11, 2); а здѣсь ревнуетъ каждую душу представить Господу благообразнѣйшею, употребляя средствомъ къ тому разумное и строго ведомое дѣвство. Дѣвственникъ и дѣвственница благообразнѣе предъ Господомъ. Почему такъ? Потому конечно, что черты Богоподобія скорѣе и полнѣе могутъ отпечатлѣться на дѣвственной душѣ, нежели на познавшей сласть брака.

Къ благоприступанію Господеви безмолвну. Благоприступаніе εὐπάρεδρον—непрестанное присѣдѣніе Господу свободное, удобное, легкое. *Безмолвну*—ἀπερισπάστως—неразвлеченно. Потому, говоритъ во 2-хъ, совѣтую вамъ такъ настойчиво, хоть безъ принужденія, дѣвство, что оно даетъ возможность, удобство и легкость—непрестанно присѣдѣть Господу безъ всякаго развлеченія. Никакія заботы, никакіе помыслы не развлекаютъ его; вниманіе его всецѣлостно приковано къ Господу, и ничто не отторгаетъ его отъ Него. Такъ оно всегда съ Господомъ и Господь съ нимъ, та какъ невѣста, Сей

какъ женихъ. Се духовный бракъ — неразлучимый. Какое слѣдствіе отсюда, всякій видитъ самъ. Слово Апостола очень рѣшительно.

б).

Приложеніе данныхъ наставленій къ дѣлу — аа) сначала къ дѣвамъ, 36 — 38; бб) потомъ ко вдовамъ, 39, 40.

аа).

Ст. 36. *Аще ли же кто безобразити о дѣвѣ своей непщуетъ, аще есть превозрастна, и тако должна есть быти, еже хощетъ, да творитъ: не согрѣшаетъ, аще посягнетъ.*

Если кто, не понимая высокаго благообразія дѣвства, думаетъ, что ему будетъ стыдно оставить дочь свою въ дѣвахъ, по какимъ либо житейскимъ уваженіямъ, или думаетъ, что для дочери его будетъ почему-либо это не такъ удобно и въ мнѣніи людей неодобрительно,— а между тѣмъ она уже въ лѣтахъ и стала переходить за полный возрастъ,—такъ если думаетъ, что для него некрасиво не выдать дочь свою замужъ, некрасиво, если она такъ должна быть, т.-е. незамужнею,—пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ: грѣха нѣтъ. Пусть брачится, т.-е. пусть для такихъ устрояется бракъ.

Апостолъ не поминаетъ о расположеніяхъ самихъ дочерей, вѣроятно имѣя во вниманіи такіе случаи, что и онѣ одинаковыхъ мыслей съ родителями. Ибо хотя въ тѣ времена дѣти состояли въ полномъ почти распоряженіи отцевъ; но въ такомъ дѣлѣ, каково безбрачіе, самое недалекое благоразуміе должно было брать въ вниманіе—намѣреніе и рѣшенія самихъ дочерей.

Если, говоритъ, думаетъ отецъ, что некрасиво держать дочь въ дѣвахъ, пусть выдастъ ее замужъ. Что это,—дѣло Божіе предается въ жертву мнѣнію людскому ,или еще что? Можетъ быть и это имѣлъ во внима-

ніи Апостолъ, ради младенчества духовной жизни въ тѣхъ, кому писалъ: а можетъ быть словами *безобразити непщуетъ* — онъ внушалъ: если отецъ видитъ, что дочь его не удержитъ, какъ слѣдуетъ дѣвственной жизни, то пусть лучше устроитъ ей бракъ. Но и недостатокъ убѣжденія въ превосходствѣ дѣвства, въ лицѣ отца, на рукахъ котораго оставалась бы дочь, не могъ не быть взятъ во вниманіе. Апостолъ писалъ начала, предоставляя времени и духовному возрасту христіанъ установлять по нимъ самые порядки жизни. Особенно такое новое дѣло, каково дѣвство, не могло быть организовано вдругъ, безъ недоумѣній, при разнообразіи соотношеній житейскихъ.

Ст. 37. *А иже стоитъ твердо сердцемъ, не имый нужды, власть же имать о своей воли, и се разсудилъ есть въ сердцѣ своемъ, блюсти дѣву свою, добрѣ творитъ.*

Иже стоитъ твердо сердцемъ, твердое имѣетъ убѣжденіе въ превосходствѣ дѣвства и мужественно противостоитъ гнету людскихъ мнѣній (Экум.); *не имый нужды,*—нужды выдавать дочь замужъ не имѣетъ, ни по семейнымъ дѣламъ (напр. для поддержанія семьи), ни по внѣшнимъ отношеніямъ (напр. если состоялись сговоры о бракѣ и дѣло зашло далеко), ни по нежеланію дочери и опасеніямъ за нее; *власть же имать о своей воли,* совершенно свободенъ, никакого стѣсненія ни съ какой стороны не встрѣчаетъ, чтобъ дѣйствовать по своей власти: и *се разсудилъ есть въ сердцѣ своемъ,*—все обдумалъ, разсмотрѣлъ дѣло со всѣхъ сторонъ и убѣдился, что оно и хорошо и удобоисполнимо и ничего не обѣщаетъ кромѣ существеннаго добра и ему и дочери,—сложился всѣмъ сердцемъ *блюсти дѣву свою,* т.-е. дочь свою въ дѣвствѣ; *добрѣ творитъ*—хорошо дѣлаетъ.— Таковъ долженъ быть нравственный строй и при всякомъ дѣлѣ, чтобы дѣйствовать съ полнымъ убѣжденіемъ

въ правотѣ дѣла, его умѣстности и многосторонней пользѣ. — Когда есть такое убѣжденіе, тогда никакія внѣшнія, стороннія дѣлу, уваженія несильны колебать рѣшеній воли. — Рычагъ, движущій дѣятельностію, — сердце: тамъ слагаются убѣжденія и сочувствія, опредѣляющія волю, и крѣпость ей дающія.

Ст. 38. *Тѣмже и вдаяй браку свою дѣву, добрѣ творитъ; и не вдаяй, лучше творитъ.*

Отношеніе брака къ безбрачію, —какъ *хорошо* и *лучше.* „Апостолъ показалъ, что одно хорошо, а другое прекрасно, и тѣмъ наложилъ узы на языкъ еретикамъ осуждающимъ бракъ" (Ѳеод.); и не этимъ только, но паче тѣмъ, которые осуждаютъ безбрачіе. „Смотри, какъ онъ этимъ сравненіемъ убѣждаетъ къ безбрачію" (Экум.). Выдать дѣву замужъ есть дѣло благоразумія житейскаго; а не выдать, въ видахъ совершеннѣйшаго угожденія Господу, есть подвигъ и добродѣтель. Если отцу такое одобреніе, сколь большаго одобренія достойна сама рѣшающаяся дѣвствовать!

бб).

Ст. 39. *Жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея: аще же умретъ мужъ ея, свободна есть, за негоже хощетъ посягнути, точію о Господѣ.*

Вышедшая замужъ *привязана закономъ* къ мужу, чтобъ его только одного знать, и къ брачному состоянію, чтобъ не бросать его по произволу. Прежде вступленія въ бракъ обдумывай, вступить или не вступить; а когда бракъ совершенъ, живи съ мужемъ, пока онъ живъ. А когда онъ умретъ, тогда ты свободна, за кого хочешь выходи, только *о Господѣ. О Господѣ* значитъ: „выходи за вѣрнаго, благочестиваго, цѣломудренно, законно" (Ѳеод.). „Съ цѣломудріемъ, съ чистотою; ибо эти добродѣтели вездѣ нужны, и о нихъ всегда должно

заботиться: иначе невозможно узрѣть Бога“ (св. Злат.). „Для дѣторожденія и воспитанія чадъ въ страхѣ Божіемъ, а не по страсти похотной“ (Экум.). „И этого достаточно къ обличенію послѣдователей Новата, которые осуждаютъ второй бракъ, какъ блудодѣяніе, прямо вопреки Апостольскимъ законамъ“ (Ѳеод.).

Ст. 40. *Блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ, по моему совѣту: мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти.* Снисходитъ на второй бракъ, но „блаженнѣйшею почитаетъ ту, которая не вступаетъ во второй бракъ. Ибо какъ дѣвство лучше первобрачія, такъ первобрачіе или однобрачіе, второбрачія“ (Ѳеоф.). *По моему совѣту,* такъ я думаю, предлагаю, убѣждаю, не законъ налагая, а свободѣ предоставляя выборъ лучшаго. „Потомъ, чтобы не сказалъ кто: если это не законоположеніе, какая нужда поступать когда-либо по этому совѣту?— Апостолъ присовокупилъ, что совѣтуетъ это по внушенію Духа Святаго. Хотя по немощи вашей не возводится этотъ совѣтъ въ законъ, но предложеніе его идетъ свыше. *Мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти.* Не думайте, что эти совѣты мои, человѣческіе; нѣтъ, они суть законоположенія Духа Утѣшителя“ (Экум.). Онъ законоположилъ, чтобъ такія дѣла предлагаемы были въ Церкви, какъ совѣтъ, и чтобы дѣлающіе ихъ, дѣлали по полному своему произволу; но то самое, что Онъ внушилъ дать такой совѣтъ, заставляетъ быть убѣжденными, что Ему желательно, чтобы онъ былъ исполняемъ. Неузаконеніе сего не есть умаленіе достоинства дѣвства, а его возвышеніе. Его приносятъ, какъ жертву и даръ, а не какъ иго закона несутъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗАПРЕЩЕНІЕ ВКУШАТЬ ИДОЛОЖЕРТВЕННОЕ

(гл. 8—11, 1).

„Нужно напередъ сказать, что здѣсь имѣетъ въ виду Апостолъ; тогда и будетъ понятна намъ рѣчь его. Кто видитъ кого-нибудь обвиняемымъ и не узнаетъ напередъ свойства вины его, тотъ не можетъ понять сказаннаго. Въ чемъ же Апостолъ обвиняетъ здѣсь Коринѳянъ? Въ преступленіи великомъ, причинявшемъ множество золъ. Въ какомъ же именно? Многіе изъ нихъ, зная, что *не входящая въ уста сквернятъ человѣка, а исходящая* (Мѳ. 15, 17. 18), и что идолы, т.-е. дерева и камни, не могутъ ни вредить, ни приносить пользу, употребляли такое совершенное знаніе неблагоразумно ко вреду другимъ и себѣ. Они входили въ капища, участвовали тамъ въ трапезахъ, и такимъ образомъ производили гибельныя дѣйствія. Ибо тѣ, которые еще боялись идоловъ, не научились презирать ихъ и потому принимали участіе въ тамошнихъ вечеряхъ, видя, что и совершеннѣйшіе дѣлаютъ тоже,—получали отъ того великій вредъ; ибо они касались предлагаемаго не съ такимъ расположеніемъ, съ какимъ совершенные, но какъ къ идоложертвенному, чѣмъ и поддерживалось идолослуженіе; вмѣстѣ съ тѣмъ и сами совершенные впадали въ немаловажный грѣхъ, оскверняясь бѣсовскими трапезами. Вотъ въ чемъ состояла вина Коринѳянъ“ (св. Злат.).

Такимъ образомъ вкушавшіе идоложертвенное два грѣха совершали: соблазняли немощныхъ и сами осквернялись, хоть не думали дѣлать ни того, ни другаго.

„Блаженный Апостолъ, желая исправить ихъ, не вдругъ употребляетъ слова обличенія; ибо происходившее у нихъ было слѣдствіемъ болѣе неразумія, нежели развращенія; и потому нужно было въ началѣ употребить болѣе увѣщаніе, нежели сильное и гнѣвное обличеніе" (св. Злат.).

1) Сначала говоритъ Апостолъ противъ перваго грѣха—соблазненія немощныхъ (гл. 8—9).

2) Потомъ—противъ втораго грѣха—оскверненія идоложертвеннымъ (гл. 10—11, 1).

1).

Говоря противъ яденія идоложертвеннаго съ той стороны, что этимъ соблазняются немощные, Апостолъ а) напередъ раскрываетъ, какъ происходитъ этотъ соблазнъ (гл. 8); и б) затѣмъ уже — убѣждаетъ удерживаться отъ этого (гл. 9).

а).

И раскрывая, какъ происходитъ соблазнъ, Апостолъ внушаетъ уже воздерживаться отъ вкушенія идоложертвеннаго. Для этого онъ подрываетъ основу, на которой держались вкушавшіе—взглядъ ума на это дѣло. аа) По уму, говоритъ, точно такъ выходитъ, что вкушать идоложертвенное—ничего (8, 1—6); но дѣйствуя по уму, надо еще имѣть въ виду — не произвесть бы тѣмъ вреднаго вліянія на другихъ. бб) Ваша свобода въ семъ отношеніи точно худо вліяетъ на немощныхъ, и вы лучше бы дѣлали, еслибъ не поступали такъ. Поступая такъ, вы грѣшите (7—13).

аа).

8, 1. *О идоложертвенныхъ же вѣмы; яко вси разумъ имамы. Разумъ убо кичитъ, а любы созидаетъ.*

Первыя слова: *о идоложертвенныхъ же вѣмы, яко вси разумъ имамы*, вѣроятно взяты изъ письма, писаннаго Коринѳянами. Повторивъ ихъ, Апостолъ дѣлаетъ на нихъ замѣчаніе, которое идетъ до конца третьяго стиха. Въ четвертомъ стихѣ онъ опять ихъ повторяетъ: *о ядѣніи идоложертвенныхъ вѣмы*, и затѣмъ излагаетъ, каково есть и должно быть вѣдѣніе христіанъ о семъ предметѣ, до конца 6 стиха. Съ седьмаго стиха начинается вторая половина главы, въ коей излагается, какъ неосмотрительное дѣйствованіе по уму соблазняетъ и губитъ слабыхъ.

О идоложертвенныхъ, т.-е., о вкушеніи идоложертвенныхъ, какъ видно изъ начала четвертаго стиха. Жертвы, приносившіяся идоламъ, не всѣ были сожигаемы, а часть какая-нибудь; прочее—частію шло жрецамъ, частію возвращалось приносившимъ, которые изъ того учреждали трапезу, или тутъ же при капищахъ, или дома. Христіане, которые были пообразованнѣе, зная, что идолъ ничто и потому не можетъ передать пищѣ ни вреда, ни грѣха, приступали небоязненно къ сей трапезѣ, когда были приглашаемы или по родству, или по знакомству, или по другому чему; но простѣйшіе христіане соблазнялись этимъ. Предстоятели церкви, вѣроятно, спрашивали: знаемъ, что идоложертвенное вкушать — ничего; но вотъ соблазняются, какъ же быть? Какъ быть, Апостолъ объясняетъ ниже, а теперь беретъ изъ ихъ письма только первыя слова: знаемъ, и обличаетъ кичливость знанія и неумѣнье его дѣйствовать съ пользою для другихъ.

Вѣмы, яко вси разумъ имамы. Коринѳяне говорятъ о себѣ, что они очень хорошо понимаютъ, что значатъ идольскія жертвы. Апостолъ ничего не говоритъ противъ этого, оставляетъ за ними это преимущество. Послѣ онъ скажетъ, что не у всѣхъ разумъ (—7); а те-

перь уступаетъ, говоря какъ-бы: пусть такъ. Ѳеодоритъ замѣчаетъ, что Апостолъ засвидѣтельствовалъ здѣсь объ ихъ разумѣ съ нѣкоторою насмѣшливостію, какъ видно изъ слѣдующаго за симъ укора разуму: *не у что разумѣ.* А св. Златоустъ говоритъ: „оставивъ слабыхъ, какъ онъ всегда дѣлаетъ, напередъ обращаетъ рѣчь свою къ сильнымъ, и сперва низлагаетъ гордость ихъ. Онъ не отвергаетъ знанія, но поражаетъ гордость, отъ него происходящую, тѣмъ, что самое знаніе представляетъ не только неполнымъ, но и весьма несовершеннымъ, и не только несовершеннымъ, но и вреднымъ, если съ нимъ не будетъ соединено нѣчто другое."

Разумъ убо кичитъ, а любы созидаетъ.—*Убо* въ подлинникѣ нѣтъ; тамъ и никакой нѣтъ частицы. Это и даетъ свободу—сочетавать эту рѣчь съ предыдущею, кто какъ разсудитъ. Пусть, говоритъ, имѣете разумъ—знаніе; но вѣдь одно знаніе ненадежный руководитель жизни. Оно возбуждаетъ кичёніе, а отъ кичёнія—раздѣленіе. Только любовь созидаетъ—οἰκοδομεῖ—устрояетъ изъ всѣхъ христіанъ одно цѣльное и стройное зданіе,—домъ Богу живому. Потому если при знаніи нѣтъ любви, то оно бываетъ болѣе вредно, чѣмъ полезно. Св. Златоустъ изъясняетъ это такъ: „если знаніе не соединено съ любовію, то оно производитъ гордость. Знаніе имѣетъ нужду въ любви. Кто любитъ, тотъ, какъ исполняющій главнѣйшую изъ всѣхъ заповѣдей, хотя бы и имѣлъ какіе-либо недостатки, при помощи любви скоро можетъ пріобрѣсти знаніе; а кто имѣетъ знаніе, не имѣя любви, тотъ не только ничего не пріобрѣтетъ, но часто теряетъ и то, что имѣетъ. Знаніе удаляетъ любовь отъ человѣка невнимательнаго, пораждая въ немъ гордость и надменность. Гордость производитъ раздѣленіе, а любовь соединяетъ. Я не запрещаю, говоритъ, имѣть совершенное знаніе, но заповѣдую имѣть его вмѣстѣ съ любовью;

иначе оно не только безполезно, но и вредно. Что вы гордитесь знаніемъ? Если не будете имѣть любви, то оно принесетъ вамъ вредъ, ибо что хуже гордости? Если же будете имѣть любовь, то и знаніе будетъ благонадежно; ибо кто знаетъ болѣе ближняго и любитъ его, тотъ не станетъ превозноситься, но и ему сообщитъ тоже. Посему сказавъ: *разумъ кичитъ*, онъ присовокупилъ: *а любы созидаетъ*. Не сказалъ: смиряетъ, а выразилъ нѣчто гораздо важнѣйшее и полезнѣйшее. Какъ знаніе не только надмеваетъ, но и производитъ раздѣленіе, такъ и любви свойственны противоположныя дѣйствія“ (св. Злат.).

Ст. 2. *Аще ли кто мнится вѣдѣти что, не у что разумѣ, якоже подобаетъ разумѣти.*

Тамъ сказалъ только: хорошо, что знаете; но смотрите, есть ли при знаніи и любовь; ибо если оно одно, то добра отъ него не ждите. Слѣдовательно обличеніе оставляетъ только подъ условіемъ, хотя и зналъ, что они погрѣшили уже противъ любви. А здѣсь прямо обличаетъ. Изъ того самаго, говоритъ, что вы сказали: *вѣмы*,—всѣ разумъ—знаніе—имѣемъ, изъ этого самаго я вывожу, что знаніе ваше плохо. Кто думаетъ, что знаетъ что-либо, тотъ тѣмъ самымъ обличаетъ, что не знаетъ того, какъ должно. Ибо самые простые предметы имѣютъ много сторонъ неразъяснимыхъ, и чѣмъ болѣе познаетъ кто, тѣмъ болѣе встрѣчаетъ тайнъ, сокровенностей, недоразумѣній. Примѣры предъ нами: скажи, какъ видимъ, какъ слышимъ, какъ говоримъ? Потому кто точно познаетъ, и углубляется въ область знанія, тотъ никакъ не скажетъ: знаю, мы всѣ это знаемъ. Если такъ бываетъ въ вещахъ простыхъ, не тѣмъ ли паче въ вещахъ духовныхъ. Это обличеніе очень сильно; но Апостолъ смягчаетъ его, выражая мысль свою общимъ положеніемъ. „Симъ показалъ Апостолъ,

что Коринөяне не только не имѣютъ любви, но лишены и знанія, которое приписывая себѣ, высоко о себѣ думали. Обвиненіе же выражаетъ неопредѣленно, потому что хочетъ болѣе врачевать, нежели поражать“ (Өеод.). „И смотри, какъ онъ низложилъ гордость ихъ. Не сказалъ: вы не имѣете надлежащаго познанія о предметахъ предложенныхъ, но обо всемъ вообще; не сказалъ: вы, но: всякій, Петръ ли, Павелъ ли, или кто бы то ни было. Этими словами онъ превосходно и утѣшилъ и смирилъ ихъ“ (св. Злат.).

Ст. 3. *Аще ли кто любитъ Бога, сей познанъ бысть отъ Него.*

Изъ словъ, если кто думаетъ о себѣ, что онъ знаетъ что̀, прямо заключай, что онъ ничего не знаетъ, какъ должно,—не слѣдуетъ, что кто такъ не думаетъ, тотъ знаетъ что-нибудь какъ должно. Напротивъ отсюда выходитъ, что никто ничего не знаетъ, какъ должно, и потому только, что вѣрно это положеніе, вѣрно и то первое. Отсюда естественно родиться вопросу: такъ какъ же быть-то? Гдѣ искать знанія? Если естественно родиться сему вопросу, то естественно ожидать разрѣшенія его отъ Апостола въ слѣдъ за симъ. Онъ и говоритъ: *кто любитъ Бога, тотъ познанъ отъ Него*. Рѣчь точно касается знанія, но совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ-бы ожидалось. Еслибъ сказалъ онъ: кто любитъ Бога, тотъ знаетъ, что должно знать, и знаетъ. какъ должно: тогда бы это вполнѣ отвѣчало ожиданію и удовлетворяло его. А онъ говоритъ: кто любитъ Бога, тотъ познанъ отъ Него, εγνωσται υπ αυτου. Порусски хоть и переведено: тому дано знаніе отъ Него; но очевидно, что это не отвѣчаетъ подлиннику. Славянскій переводъ есть настоящій. Итакъ, что же значитъ—*быть познану отъ Бога?* Поелику Богъ знаетъ все, то когда говорится, что познанъ кто отъ Бога,

должно доразумѣвать здѣсь какую-либо особенность знанія, какъ бываетъ, когда кто все видитъ, но на что-нибудь особенно посмотритъ. Пророкъ говоритъ: *вѣсть Господь путь праведныхъ*. Это значитъ, что Онъ съ особеннымъ вниманіемъ на него смотритъ и блюдетъ его, особенно печется о немъ, какъ видно изъ слѣдующаго: *а путь нечестивыхъ погибнетъ*, будучи брошенъ будто безъ вниманія Господомъ. Такъ знаетъ Богъ и любящаго Его; знаетъ тѣмъ, что особенно печется о немъ, или что тоже, любитъ его. Выйдетъ: кто любитъ Бога, тотъ познанъ отъ Него, т.-е. состоитъ подъ особымъ Его попеченіемъ, какъ свой Ему, возлюбленъ отъ Него. Если любящій Бога въ Богѣ живетъ, то и Богъ, Коему возлюбленъ любящій Его, обитаетъ въ семъ послѣднемъ. Любяй Бога въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ. Не это ли хотѣлъ сказать Апостолъ? Мы привыкли высоко слишкомъ цѣнить знаніе, и думаемъ, что Апостолъ, укорившій знаніе наше, долженъ указать намъ пути къ нему; у Апостола же вся забота о жизни, а не о знаніи. Потому укоривши знаніе, не то ли онъ имѣлъ въ мысли сказать: знаніе одно безъ любви надымаетъ; да и нѣтъ его въ совершенствѣ. Спроситъ кто: какъ же быть, гдѣ взять знанія? Скажу вамъ на это: бросьте вы всѣ заботы о знаніи; любите Бога, и будете Имъ возлюблены: вотъ и все. Тутъ цѣль ваша! Дальше и идти некуда, больше этого и желать нечего. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „много потребно намъ вѣдѣнія, и въ настоящей жизни пріобрѣсти совершенное вѣдѣніе есть нѣчто невозможное. Посему возлюбимъ Бога, чтобы сподобиться Его о насъ промышленія. Это и выразилъ Апостолъ въ словахъ: *кто любитъ Бога, тотъ познанъ бысть отъ Него*, т.-е. сподобляется Его попеченія. Такъ и блаженный Моисей сказалъ

самому Богу всяческихъ: *Ты мнѣ реклъ еси; обрѣлъ еси благодать предо Мною и вѣмъ тя паче всѣхъ* (Исх. 33, 12—17).“ Блаж. Ѳеофилактъ этимъ же путемъ приводитъ и къ знанію: „вотъ что говоритъ здѣсь Апостолъ: кто любитъ ближняго, тотъ любитъ конечно и Бога. Любящій же Бога познанъ бысть отъ Него, т.-е. содѣлывается знаемымъ Ему, своимъ—домашнимъ. Ставши же такъ близко знаемымъ Богу, получаетъ отъ Него знаніе, хотя и при этомъ имѣетъ его не совершеннымъ. Такъ что, хотя бы ты имѣлъ знаніе, не превозносись, ибо оно несовершенно, и это несовершенное — не твое, а Божій даръ. Видишь, какъ Апостолъ смиряетъ ихъ надменіе!“

Ст. 4. *О ядéніи же идоложертвенныхъ, вѣмы, яко идолъ ничтоже есть въ мірѣ, и яко никтоже Богъ инъ, токмо Единъ.*

Повторивъ первыя слова изъ письма Коринѳянъ о семъ предметѣ и сдѣлавъ на нихъ замѣчанія, кажется Апостолъ продолжаетъ читать ихъ письмо въ этомъ и въ слѣдующихъ двухъ стихахъ—5 и 6; а съ 7-го стиха начинаетъ опять свои замѣчанія. Принявъ это предположеніе, яснѣе будемъ видѣть строй и теченіе рѣчи въ этой главѣ. Отъ того, что слова стиховъ 4—6 будутъ сочтены словами Коринѳянъ, они не потеряютъ своей догматической важности; ибо отъ кого ихъ приняли Коринѳяне, если не отъ св. Павла? Потому хоть Коринѳяне ихъ приводятъ, но они не ихъ ума произведеніе, а суть Богооткровенное Апостольское слово. Ктому же Апостолъ, приводя ихъ здѣсь, подтверждаетъ своимъ согласіемъ: ибо не дѣлаетъ на нихъ никакого замѣчанія, а одобряя ихъ во всей силѣ, замѣчаетъ далѣе, что не всѣ такъ точно и ясно понимаютъ дѣло, и затѣмъ говоритъ, что изъ этого вышло. Вотъ до какого совершенства доводилъ св. Павелъ своихъ учени-

ковъ, что они могли усвоять и изрекать такія высокія истины! А можетъ быть изъ письма Коринѳянъ взяты опять только первыя слова до—*вѣмы*, а далѣе Апостолъ уже своими словами объясняетъ мысль, содержащуюся въ *вѣмы*.

О ядѣніи же идоложертвенныхъ вѣмы,—повторяетъ тоже, только вноситъ: *о ядѣніи*, чтобъ показать, что недоумѣніе именно этого касалось, а не того, что суть идолы и идоложертвенное.—*Вѣмы, яко идолъ ничтоже есть*. Ѳеодоритъ влагаетъ въ уста Апостола такое слово: „такъ обыкли вы говорить, потому что у меня научились говорить это, т.-е. что идолы неодушевленны, безчувственны, и что Творецъ и Владыка всяческихъ есть единый Богъ.“ *Идолъ ничтоже есть въ мірѣ*. „Но развѣ нѣтъ идоловъ? Развѣ нѣтъ кумировъ? Есть; но они не имѣютъ никакой силы, и не суть боги, а камни и бѣсы“ (св. Злат.). *Въ мірѣ*, т.-е. среди вещей дѣйствительно существующихъ въ природѣ и необходимыхъ въ цѣпи существъ. Они—выдумка воображенія человѣческаго и никакого значенія не имѣютъ. Объ истуканахъ и кумирахъ иные думали, что они-то сами и суть боги; а другіе вѣрили, что истуканы служатъ только жилищемъ боговъ, а боги—особыя существа. Апостолъ и то и другое называетъ идоломъ, и совмѣщая то и другое въ одномъ словѣ, говоритъ, что идолъ ничтоже есть. Идолъ — собственно значитъ — призрачное, мечтаемое, воображаемое, а на дѣлѣ не существующее. Воображаютъ, что истуканъ — богъ, а онъ не богъ; воображаютъ. что въ немъ живетъ нѣкто, а тамъ никого нѣтъ. Все это мечты. Богъ единъ, и кромѣ сего единаго Бога нѣтъ другаго.

Ст. 5. *Аще бо и суть глаголеміи бози, или на небеси, или на земли: якоже суть бози мнози и господіе мнози.*

Аще бо и суть, не на дѣлѣ *суть*, *а суть глаголеміи*,

именуются такъ, называютъ ихъ такъ: *боги,* а на дѣлѣ они не суть то.—*На небеси* боги,—или воображаемыя мечтательныя существа, или солнце, луна, звѣзды.— *На земли* боги—земныя твари или люди, чѣмъ-либо прославившіеся и почитаемые за боговъ.—*Якоже суть бози мнози и господіе мнози.* Опять *суть* не на дѣлѣ, а почитаются такими. Этимъ говорится какъ-бы: ибо вотъ смотри, сколько боговъ и господъ чтится всюду. Боги и господы—не высшіе и низшіе боги, а одно и то же значатъ: кому-кому не воздаютъ божеской чести?—И все это—мечты. Св. Златоустъ говоритъ: „такъ какъ онъ сказалъ, что идолъ есть ничто и нѣтъ другаго Бога, а между тѣмъ были и идолы и такъ называемые боги, то, дабы не подумали, что онъ отвергаетъ очевидное, присовокупляетъ: *аще и суть глаголеміи бози:* хотя и есть боги, не просто боги, а глаголеміи, т.-е. не дѣйствительно существующіе, а только такъ называемые. *Или на небеси, или на земли.* На небѣ разумѣетъ солнце, луну и прочія свѣтила; ибо язычники поклонялись и имъ; а на землѣ бѣсовъ и всѣхъ обоготворенныхъ людей.“—Ѳеодоритъ пишетъ: „Еллины утверждаютъ бытіе многихъ боговъ, ихъ же именуютъ и господами, но они вовсе не существуютъ, извѣстны же по однимъ именамъ.—По еллинскому баснословію, однихъ боговъ называли небесными, какъ-то: Дія, Аполлона, Иру, Аѳину, а другихъ земными, какъ-то: источники, рѣки, такъ называемыхъ нимфъ, Иракла, Діониса, Асклипія и тысячи другихъ.“

Ст. 6. *Но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся, и мы у Него; и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся, и мы Тѣмъ.*

Но намъ,—не въ той мысли, что у тѣхъ много, а у насъ одинъ, придавая какое-либо значеніе тѣмъ многимъ, а такъ: по нашему, по нашей вѣрѣ истинной,

единъ Богъ; только и есть, что единъ Богъ. „Еллины, объятые мглою невѣдѣнія, заблуждаются, признавая многихъ, и притомъ не существующихъ боговъ: а мы вѣдаемъ единаго Бога Отца и единаго Господа Іисуса Христа“ (Ѳеод.).

Единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся,—и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся. Единъ Богъ, единъ Господь. Поелику Богъ и Господь суть наименованія Божескаго естества, то Апостолъ этимъ утверждаетъ единосущіе Отца и Сына. Къ Отцу говоритъ: *изъ Негоже вся*—ἐξ οὗ,—не изъ естества Его, а отъ силы Его творческой,—тоже, что отъ Него. Къ Сыну же: *Имже вся,*—δἰ οὗ,—чрезъ Котораго, не какъ чрезъ орудіе, а какъ самодѣйствующею, всемогущею силою, какъ въ Евангеліи отъ Іоанна: *вся Тѣмъ быша* (1, 3)—то же, что отъ Него.—И *изъ Негоже*, и *чрезъ Негоже* одно и тоже значатъ: отъ Негоже. Этимъ утверждается единодѣйственность Бога Отца и Господа Іисуса Христа.—Что творитъ Отецъ, то въ тоже время творитъ и Сынъ.—О насъ говоритъ,—въ отношеніи къ Отцу: *и мы у Него,*—εἰς αὐτὸν,—въ Него, т.-е. къ тому предназначены, чтобы быть въ общеніи съ Нимъ, въ Немъ наша цѣль, и верховное благо. А въ отношеніи къ Господу Іисусу Христу: и *мы Тѣмъ,*—δἰ αὐτοῦ,—т.-е. чрезъ Него приходимъ къ Богу, возсоединяемся съ Нимъ по отпаденіи, и послѣдняго своего назначенія достигаемъ. Вотъ что говоритъ св. Златоустъ на это важное мѣсто: „самыя названія (т.-е. Богъ и Господь) употребленныя Апостоломъ, не надобно разумѣтъ такъ, будто бы исключительно принадлежали Сыну названіе *Господь*, а Отцу названіе *Богъ*. Въ Писаніи часто употребляется одно вмѣсто другаго, напр. когда говорится: *рече Господь Господеви моему* (Пс. 109, 1); и еще: *сего ради помаза тя Боже Богъ твой* (Пс. 44, 8); и еще:

отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ (Римл. 9, 5). И во многихъ другихъ мѣстахъ эти названія употребляются одно вмѣсто другаго. Еслибы каждое изъ нихъ исключительно принадлежало одному Лицу, еслибы Сынъ не былъ Богомъ, и такимъ Богомъ, какъ Отецъ, а былъ бы только Сыномъ, то Павелъ, сказавъ: *но намъ единъ Богъ,* напрасно прибавилъ бы слово: *Отецъ,* для означенія существа нерожденнаго; ибо для этого достаточно было бы сказать слово: *Богъ,* еслибы оно принадлежало Ему одному.—Не только это, но и еще нѣчто можно сказать. — Богъ (Отецъ), скажешь, названъ *единымъ* (*Богомъ*); слѣд. имя Бога не свойственно Сыну. Но смотри, и о Сынѣ сказано тоже самое; и Сынъ названъ *единымъ Господомъ;* однако мы не говоримъ, что поэтому имя Господа свойственно Ему одному. Посему, какое значеніе имѣетъ слово *единъ,* по отношенію къ Сыну, такое же и по отношенію къ Отцу; какъ то, что Сынъ называется единымъ Господомъ, не препятствуетъ Отцу быть Господомъ и такимъ же Господомъ, какъ Сынъ; такъ и то, что Отецъ называется единымъ же Богомъ, не препятствуетъ Сыну быть Богомъ и такимъ же Богомъ какъ Отецъ.“ Вотъ слова Ѳеодорита: „Здѣсь достойна удивленія мудрость Апостольская. Ибо въ сказанномъ выше, показавъ, что наименованію: Богъ, наименованіе: Господь, равносильно (въ словахъ: *бози мнози и господіе мнози*), теперь Апостолъ раздѣлилъ сіи наименованія, и одно положилъ къ Отцу, а другое къ Сыну, врачуя тѣмъ немощь Коринѳянъ (т.-е. возводя ихъ къ познанію равенства Отца и Сына). — И ветхозавѣтное Писаніе показываетъ именованія сіи соединенными. Ибо сказано: *Азъ есмь Господь Богъ твой* (Исход. 20, 2): и *слыши Израилю: Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Втор. 6, 4); и: *Господи Боже мой возвеличился еси зѣло* (Пс.

103, 1), и многое подобное. Посему истинный Богъ, безъ сомнѣнія, и Господь; и истинный Господь, безъ сомнѣнія, и Богъ. Сверхъ того нѣтъ инаго Бога Отца, потому что единъ Богъ Отецъ и нѣтъ инаго Господа Іисуса Христа, потому что единъ Господь Іисусъ Христосъ.—А слова: *и мы у Него*, значатъ: къ Нему должны мы обращаться, на Него взирать, Его непрестанно пѣснословить. Слова же: *и мы Тѣмъ*, даютъ разумѣть не созданіе, а спасеніе; потому что сотворено Имъ все, а мы увѣровавшіе улучили Имъ спасеніе." Но св. Златоустъ оба выраженія: *мы у Него* и: *мы Тѣмъ*, одинаково относитъ ко спасенію, какъ *изъ Негоже вся*,—и *Имже вся*—къ сотворенію: „словами *изъ Негоже вся* онъ указываетъ на сотвореніе и приведеніе изъ небытія въ бытіе; а словами: *и мы у Него* указываетъ на вѣру и соединеніе наше съ Нимъ, какъ онъ говоритъ и выше: *изъ Негоже вы есте о Христѣ Іисусѣ* (1, 30). Мы отъ Бога двоякимъ образомъ: по бытію и по вѣрѣ, которая также есть сотвореніе.—Тоже надобно разумѣть и о Христѣ; ибо черезъ Него родъ человѣческій приведенъ и изъ небытія въ бытіе,—и отъ заблужденія къ истинѣ,—что и выразилъ Апостолъ въ словахъ: *Имже вся и мы Тѣмъ*."

66).

Ст. 7. *Но не во всѣхъ разумъ: нѣцыи же совѣстію идольскою даже доселѣ якоже идоложертвенное ядятъ, и совѣсть ихъ немощна сущи скверниттся.*

Если предыдущія слова Апостолъ самъ отъ себя говорилъ, то въ заключеніе ихъ прилично вложить ему въ уста такія слова: вотъ какъ слѣдуетъ разсуждать объ идолахъ, и соотвѣтственно тому объ идоложертвенномъ; но не всѣ еще возвысились до такихъ поня-

тій. Если же принять, что онъ беретъ эти слова изъ письма Коринѳянъ, то такія: хорошо вы разсуждаете,—но не всѣ такія имѣютъ убѣжденія относительно идоловъ,—не *во всѣхъ разумъ* такой.—Другіе идоловъ считаютъ чѣмъ-то, и о жертвахъ имъ приносимыхъ думаютъ, что онѣ получаютъ отъ нихъ соотвѣтственное окачествованіе, такъ что вкушать сіи жертвы, по ихъ мысли, значитъ вступать въ общеніе съ идолами, или силами въ нихъ сокрытыми. Прежде такъ они думали; и какъ недавно еще отстали отъ идолопоклонства, то не успѣли еще отвыкнуть отъ такихъ убѣжденій относительно идоловъ и идоложертвеннаго. Это и назвалъ Апостолъ *идольскою совѣстію*. — Но сами по себѣ они и не думаютъ прикасаться къ чему-либо идолопоклонническому. Все это отвергли они, принявъ вѣру христіанскую, и съ принятіемъ ея возымѣвъ христіанскую совѣсть. Эта совѣсть претитъ имъ касаться и идоложертвеннаго, такъ какъ, по ихъ мыслямъ, это значитъ пріобщаться идолопоклонства. Между тѣмъ, встрѣчая примѣры сильныхъ разсужденіемъ, которые, смотря на идоложертвенное, какъ на всякую другую пищу, чистую, вкушаютъ то съ спокойною совѣстію,—увлекаются ими и ядятъ тоже идоложертвенное, не имѣя того разсужденія, какое имѣютъ сильные, держа ту мысль, что вкушать идоложертвенное значитъ общиться съ идолопоклонствомъ, и не смотря на то, что христіанская совѣсть претитъ имъ то дѣлать. Такимъ образомъ они поступаютъ противъ своей христіанской совѣсти и сквернятся,—пятнаютъ свою совѣсть.—*И совѣсть ихъ немощна сущи сквернится*. „Не вкушеніе скверьнитъ, но сквернится совѣсть, не принявъ совершеннаго вѣдѣнія, а будучи еще одержима идольскою прелестію" (Ѳеод.). „Нѣкоторые, говоритъ, еще не сознали, что *идолъ ничтоже есть въ мірѣ*, потому продолжаютъ бояться идо-

ловъ.—Не указывай мнѣ на настоящее состояніе, въ которомъ ты находишься, принявъ благочестіе отъ предковъ, но обратись мыслію къ тѣмъ временамъ, когда лишь только началась проповѣдь, когда еще господствовало нечестіе, курились жертвенники, совершались жертвоприношенія и возліянія, когда еще было весьма много язычниковъ,—и представь, что должны чувствовать тѣ, которые наслѣдовали нечестіе отъ предковъ, произошли отъ такихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, и лишь только обратились въ христіанство,—какъ они должны были страшиться и трепетать! Ихъ и разумѣетъ Апостолъ, когда говоритъ: *совѣстію идольскою даже доселѣ ядятъ идоложертвенное*, т.-е. съ такими же мыслями, съ какими вкушали прежде. *И совѣсть ихъ немощна сущи сквернится*, потому что еще не можетъ считать за ничто и совершенно презирать эти жертвы, но остается еще въ сомнѣніи. Какъ еслибы кто, считая, по іудейскому образу мыслей, прикосновеніе къ мертвецу оскверненіемъ для себя, воздерживался отъ сего,—а потомъ видя, что другіе съ чистою совѣстію прикасаются къ нему, сталъ бы и самъ прикасаться, только не съ тѣми же мыслями, такъ было тогда и съ Коринѳянами.—И совѣсть ихъ сквернилась" (св. Злат.).

Ст. 8. *Брашно же насъ не поставляетъ предъ Богомъ: ниже бо аще ямы, избыточествуемъ; ниже аще не ямы, лишаемся,*

Въ предыдущемъ стихѣ общую мысль выразилъ Апостолъ, какъ у иныхъ можетъ скверниться совѣсть, если они безъ надлежащихъ убѣжденій вкушаютъ идоложертвенное. Слѣдовало теперь сдѣлать только примѣненіе и сказать: вотъ вы, сильные умомъ, вкушаете идоложертвенное и не скверитесь, потому что убѣждены, что чрезъ это никакого не имѣете общенія съ идолопоклонствомъ. Но вашъ примѣръ можетъ увлечь не-

мощныхъ, которые не имѣютъ такихъ убѣжденій; но не имѣя ихъ, они, вкушая идоложертвенное, будутъ оскорблять свою христіанскую совѣсть и скверниться; оскверненіе же совѣсти—пагуба души. Такимъ образомъ вы своимъ умомъ губите брата, а губя его во Христа согрѣшаете. Итакъ воздержитесь.—Но тѣ могли сказать: намъ какое дѣло до тѣхъ?—Пусть уяснятъ свои понятія!—А это повело бы къ упорству и ожесточенію.—Предотвращая это, Апостолъ говоритъ напередъ: ѣсть или не ѣсть—дѣло не великое предъ Богомъ. Изъ чего прямо слѣдовало: слѣдовательно не изъ чего спорить. Эта мысль отсѣкала у нихъ всякое возраженіе прежде еще зарожденія его, и пролагала путь полному дѣйствію исправительныхъ внушеній Апостола.

Такъ понимаютъ теченіе рѣчи Апостола наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ: „доселѣ Апостолъ не говорилъ еще о сущности дѣла, а только обращалъ вниманіе на совѣсть вкушающаго, — опасаясь, чтобы, исправляя слабаго, не оскорбить сильнаго и не сдѣлать его также слабымъ; равно щадитъ и того и другаго. Почему говоритъ: *брашно же не поставляетъ насъ предъ Богомъ*, — предупреждая, чтобы они не сказали: какое намъ дѣло, что не всѣ имѣютъ такое знаніе?—А почему такой-то не имѣетъ знанія?—Почему онъ немощенъ? — Не прямо переходитъ онъ къ заключенію, что надобно воздерживаться (отъ идоложертвеннаго), дабы не причинить вреда ближнему, но предварительно только указавъ на это, внушаетъ нѣчто болѣе важное. Что же такое? То, что хотя бы невоздержаніе (отъ этихъ яствъ) и не причиняло никому вреда и не соблазняло ближняго, и въ такомъ случаѣ должно воздерживаться; ибо это—дѣло безполезное. Кто знаетъ, что какое-либо дѣло хотя причиняетъ вредъ другому, но ему самому приноситъ пользу, тотъ не скоро оставитъ

его, но скорѣе оставитъ тогда, когда убѣдится, что и онъ самъ не получитъ отъ того никакой пользы. Посему онъ напередъ и говоритъ: *брашно же насъ не поставляетъ предъ Богомъ*. Видишь ли, какъ ничтожнымъ онъ представляетъ то, что повидимому происходитъ отъ совершеннаго знанія? — *Ниже бо аще ямы, избыточествуемъ*, т.-е. не заслуживаемъ благоволенія Божія, какъ-бы сдѣлавъ что-нибудь доброе и великое: *ниже аще не ямы, лишаемся*, т.-е. ничего не теряемъ. Такимъ образомъ онъ доказалъ, что яденіе идоложертвеннаго излишне и ничтожно; ибо что не приноситъ пользы, когда есть, и не вредитъ, когда нѣтъ, то излишне." Подъ брашномъ здѣсь разумѣется именно идоложертвенное. Мысль Апостола такая: вы, хвалящіеся высокимъ умомъ и яснымъ пониманіемъ дѣла, не думайте, что цѣнное что-либо совершаете предъ очами Бога, когда вкушаете остатки отъ жертвъ идоламъ. Никакой прибавки къ вашей богоугодности, стяжанной другими дѣлами, отъ этого не бываетъ. Не думайте также, что тѣ, которые не ѣдятъ такого рода брашнъ, умаляются чрезъ то въ очахъ Божіихъ. Нѣтъ; ихъ богоугодность, стяжанная другимъ путемъ, чрезъ это никакого урона или лишенія не терпитъ. — Отсюда видно, какъ неосновательно прилагать слово Апостола къ постамъ!

Ст. 9. *Блюдите же, да не како власть ваша сія преткновеніе будетъ немощнымъ.*

Нѣкоторые толковники предыдущія слова о брашнѣ считаютъ словами Коринѳянъ. По ихъ мнѣнію рѣчь Апостола идетъ въ такомъ порядкѣ: — взялъ онъ изъ письма слова: *вѣмы, яко идолъ ничтоже есть* и проч.; и сдѣлалъ на нихъ замѣчаніе: это вѣрно, но не у всѣхъ такой разумъ. Потомъ опять читаетъ изъ письма Коринѳянъ: *брашно же* и проч., т.-е. Коринѳяне пишутъ: идолы ничто, слѣдовательно идоложертвенное не полу-

чаетъ отъ нихъ ни святости, ни грѣшности; это какъ всякая другая пища. Само же по себѣ брашно не поставляетъ насъ предъ Богомъ: ѣшь ли, ничего не прибавляется въ семъ отношеніи, и не ѣшь ли, ничего не умаляется. Вотъ мы и ѣдимъ.—На это Апостолъ дѣлаетъ теперь замѣчаніе: то правда, что это дѣло безразличное, но смотрѣть надобно, чтобъ не причинить тѣмъ преткновенія брату. Частица: *же*, и впереди поставленная: *брашно же*,—и здѣсь повторенная: *блюдите же*,—и особенно слова: *власть ваша сія*, — стоятъ за это предположеніе. И строй рѣчи выходитъ будто стройнѣе.—Но настаивать на семъ нѣтъ никакой надобности. Строй рѣчи и при изложенномъ пониманіи ничего не теряетъ. — Можно однакоже оставить это на выборъ произволенія. — Беремъ прежде изложенную мысль, и продолжаемъ: Апостолъ говоритъ какъ-бы: то, что вы при такомъ пониманіи дѣла ѣдите отъ остатковъ жертвенныхъ, не сквернитъ васъ; но это ничего не прибавляетъ вамъ и въ богоугожденіи — главномъ дѣлѣ вашемъ. Между тѣмъ, смотрите, какая опасность! Отъ такого свободнаго вашего отношенія къ жертвеннымъ брашнамъ можетъ преткнуться братъ. А это не маловажное дѣло. Итакъ поостерегитесь!

„*Блюдите же*. Не сказалъ: власть ваша служитъ преткновеніемъ, — не выразилъ этого положительно, дабы они не сдѣлались болѣе безстыдными, но какъ? *блюдите*, говоритъ, возбуждая въ нихъ опасеніе, стыдъ и рѣшимость не дѣлать этого. Не сказалъ: разумъ вашъ сей или совершенство ваше, что означало бы больше похвалу, но: *власть*, чѣмъ выражалось болѣе ихъ безстыдство, дерзость и гордость. Не сказалъ: братіямъ, а: *немощнымъ* — изъ братій, увеличивая виновность ихъ тѣмъ, что они не щадятъ даже немощныхъ, и притомъ братій. Ты не исправляешь и не

поднимаешь брата; пусть будетъ такъ; но для чего поставляешь ему препятствіе и доводишь его до паденія, тогда какъ надлежало бы подать руку помощи? Ты не хочешь помочь ему; по крайней мѣрѣ не повергай же его. Если онъ порочень, то имѣетъ нужду въ исправленіи; а если немощенъ, то ему нужно врачеваніе" (св. Злат.).

Ст. 10. *Аще бо кто видитъ тя, имуща разумъ, въ требищи возлежаща, не совѣсть ли его немощна сущи созиждется идоложертвенная ясти.*

Объясняетъ, какъ можетъ произойти преткновеніе.— Увидитъ, говоритъ, братъ тебя въ требищи, — тебя, котораго онъ знаетъ за человѣка многосвѣдущаго, всѣми чтимаго, котораго слово и дѣло имѣютъ всегда вѣсъ среди братій—увидитъ и увлечется примѣромъ твоимъ тоже сѣсть за идоложертвенную трапезу, между тѣмъ какъ въ совѣсти своей считаетъ это дѣло не безгрѣшнымъ для христіанина. Поступая такъ, онъ оскорбитъ свою совѣсть и согрѣшитъ предъ Богомъ; ибо противъ совѣсти ни въ какомъ случаѣ не должно дѣйствовать. Вотъ какъ можетъ совершиться преткновеніе и паденіе брата немощнаго!—„И этотъ соблазнъ происходитъ не только отъ его немощи, но и отъ твоего неразумія; ты дѣлаешь его еще болѣе немощнымъ" (св. Злат.).

Ст. 11. *И погибнетъ немощный братъ въ твоемъ разумѣ, егоже ради Христосъ умре.*

Погибнетъ; ибо дѣйствуя противъ совѣсти грѣшитъ; а можетъ быть еще и то, что, пріобщившись трапезы бѣсовской, совсѣмъ отпадетъ отъ вѣры и опять обратится къ идолопоклонству. Палъ—погибъ, пока не покается; а отпалъ—погибъ совсѣмъ. Причина же—твой разумъ; ты разумно смотришь на вещи, но неразумно дѣйствуешь при разумныхъ своихъ воззрѣніяхъ. И братъ погибъ,—братъ, за котораго Христосъ умеръ. Пора-

жающее напоминаніе! Онъ уже принялъ очистительное и освятительное дѣйствіе смерти Христовой: капли крови Господа на немъ во спасеніе. А ты ввергаешь его въ прежнюю нечистоту и вмѣстѣ съ нимъ попираешь сію спасительную безцѣнную кровь. Не ужасаетъ это тебя?! „Наносимый тобою вредъ непростителенъ по двумъ причинамъ: потому, что ближній твой немощенъ, и потому, что онъ братъ твой; но есть еще и третья причина, самая страшная. Какая? Та, что Христосъ не отказался умереть за него, а ты не хочешь оказать ему даже снисхожденія. Не говоритъ: за котораго тебѣ надлежало бы умереть, но гораздо сильнѣе: *егоже ради Христосъ умре*. Владыка твой не отказался умереть за него, а ты не обращаешь на него никакого вниманія, не хочешь для него воздержаться даже отъ нечистой трапезы, но попускаешь ему погибнуть послѣ того, какъ такимъ образомъ совершено его спасеніе, и, что всего тяжелѣе, изъ-за пищи!“ (св. Злат.).

Ст. 12. *Такожде согрѣшающе въ братію, и біюще ихъ совѣсть немощну сущу, во Христа согрѣшаете.*

Согрѣшаютъ такіе *въ братію*, т.-е. противъ братіи. Приняли даръ разума и вѣдѣнія, чтобы созидать братію, а неразумно дѣйствуя, разстроиваютъ ихъ. Бьютъ совѣсть:—безжалостное дѣйствіе! какъ у насъ говорятъ иногда: ты меня по сердцу бьешь. Бьютъ совѣсть не тѣмъ только, что въ искушеніе вводятъ, но тѣмъ, что сбиваютъ ихъ съ пути и ввергаютъ въ дѣла, противныя совѣсти. У нихъ чрезъ васъ совѣсть побита; и будучи біема, ихъ бьетъ: они страдаютъ.—*Во Христа согрѣшаютъ*, т.-е. противъ Христа, и тѣмъ уже, что Господь повелѣлъ: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ*, наименьшихъ изъ *вѣрующихъ въ Меня* (Мө. 18, 10), а они не обращаютъ на это никакого вниманія; а особенно тѣмъ, что ввергаютъ въ грѣхъ

брата. „Видишь ли, какъ постепенно и мало-по-малу онъ доказалъ, что вина ихъ есть самое тяжкое преступленіе?—Они грѣшатъ противъ Христа: вопервыхъ потому, что касающееся рабовъ Его Онъ усвояетъ Себѣ; вовторыхъ, подвергшіеся біенію составляютъ тѣло Его и члены Его; въ третьихъ, біющіе (совѣсть немощныхъ) по гордости своей, разрушаютъ дѣло, которое Онъ совершилъ Своею смертію“ (св. Злат.).

Ст. 13. *Тѣмже аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазню брата моего.*

Апостолъ говоритъ: судя по такой пагубности соблазна, я вотъ какія имѣю рѣшенія,—что если брашно брата соблазняетъ, то я не вкушу его во вѣки, чтобъ не соблазнить брата. Своей воли рѣшенія, правила и расположенія выставляетъ; но въ мысли у него—дать урокъ Коринөянамъ, что именно такъ слѣдуетъ имъ дѣйствовать. Свой же примѣръ представляетъ, чтобъ охотнѣе расположить и ихъ поступать такъ. „Поступаетъ какъ отличный наставникъ, въ себѣ указывая примѣръ тому, чему учитъ. Не говоритъ: будетъ ли это справедливо, или несправедливо, но какъ бы то ни было. Я уже не говорю, внушаетъ какъ-бы онъ, объ идольскихъ жертвахъ, которыя непозволительны и по другой причинѣ; но если соблазняетъ брата моего чтонибудь, зависящее отъ моей власти и дозволенное, я буду воздерживаться и отъ этого, не одинъ и не два дня, а во всю жизнь свою. — *Не имамъ ясти мяса во вѣки*. Не сказалъ далѣе: да не погублю, но даже только: *да не соблазню брата моего*. Подлинно крайне безумно,—тѣхъ, о которыхъ Христосъ такъ печется, что благоволилъ умереть за нихъ, считать столь презрѣнными, чтобъ не воздерживаться для нихъ даже отъ пищи. — Это не только относится къ Коринөянамъ, но можно сказать, и къ намъ, которые пренебрегаемъ спа-

сеніемъ ближнихъ и произносимъ такія же сатанинскія слова. Ибо говорить: какое мнѣ дѣло, что какой-то соблазняется и такой-то погибаетъ?—это поистинѣ сатанинская жестокость и безчеловѣчіе.—Тогда соблазнъ происходилъ по крайней мѣрѣ отъ немощи соблазнявшихся, а у насъ не такъ; мы совершаемъ такіе грѣхи, которые соблазняютъ даже сильныхъ" (св. Злат.).

б).

Доказалъ Апостолъ, что неразумное пользованіе свободою относительно вкушенія идоложертвенныхъ соблазнительно для немощныхъ, и потому должно быть избѣгаемо. Теперь приступаетъ онъ къ убѣжденію, чтобы такъ и дѣйствовали. Убѣжденіе беретъ изъ своего примѣра. Смотрите, говоритъ какъ-бы, какъ я дѣйствую: имѣю право пользоваться содержаніемъ отъ обращаемыхъ мною вѣрныхъ, но не дѣлаю этого, чтобы не подать повода думать, что веду проповѣдь изъ корыстныхъ видовъ и тѣмъ не отвратить немощныхъ отъ Евангелія. Самъ работаю, терплю голодъ и нужду, а никого не отягощаю собою. Такъ поступайте и вы. Видите, что вашъ образъ дѣйствій соблазнителенъ, измѣните его. Для васъ это не требуетъ никакихъ жертвъ: не такъ какъ для меня.—На разъясненіе этого посвящена девятая глава. Она представляется отступленіемъ; но такъ смотрѣть на нее не слѣдуетъ.

Вотъ слова св. Златоуста объ этомъ: „выраженнаго въ словахъ: *аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки*, Апостолъ еще не сдѣлалъ, а только изъявилъ готовность сдѣлать это, если потребуетъ нужда. Посему, дабы кто-нибудь не сказалъ: ты только хвалишься, показываешь любомудріе на словахъ и обѣщаешь,—что легко для меня и для всякаго другаго,—

если же говоришь отъ души, то покажи на дѣлѣ, отъ чего ты отказался, дабы не соблазнить брата, — онъ находитъ нужнымъ объяснить это и показать, какъ онъ воздерживался даже отъ позволеннаго, дабы не соблазнить кого-нибудь, тогда какъ никакой законъ не принуждаетъ его къ тому. Не то только удивительно, — хотя и это само по себѣ удивительно, — что онъ воздерживался отъ позволеннаго, лишь бы не соблазнить, но и то, что воздерживался съ великимъ трудомъ и среди опасностей. Христосъ, говоритъ, заповѣдалъ проповѣдникамъ Евангелія получать содержаніе отъ поучаемыхъ, но я не дѣлалъ и этого, а рѣшился, въ случаѣ нужды, мучиться голодомъ и подвергнуться самой тяжкой смерти, только бы ничего не брать отъ поучаемыхъ. И свидѣтелями этого представляетъ ихъ самихъ, у которыхъ онъ работалъ, терпѣлъ голодъ, получалъ пропитаніе отъ другихъ и находился въ стѣснительномъ положеніи, дабы не соблазнить ихъ, хотя они напрасно стали бы соблазняться, потому что это было бы дѣло законное; такъ много онъ щадилъ ихъ! Если же онъ самъ поступалъ выше закона, дабы не подать повода къ соблазну, и воздерживался отъ позволительнаго въ назиданіе другихъ, то чего достойны они, не воздерживаясь отъ идольскихъ жертвъ, тогда какъ многіе отъ того погибаютъ, и притомъ тогда, какъ и безъ соблазна слѣдовало бы воздерживаться, потому что это бѣсовская трапеза. Вотъ главное содержаніе слѣдующихъ стиховъ (т.-е. девятой главы). Но Апостолъ высказалъ свою мысль не вдругъ, а началъ издалека.“

Это начатіе издалека состоитъ въ томъ, что имѣя дѣло съ учеными, св. Павелъ счелъ нужнымъ доказать имъ всесторонне, что онъ, какъ Апостолъ, точно имѣлъ право получать содержаніе отъ обращенныхъ имъ вѣрующихъ. И образовалось такимъ образомъ слѣдующее

теченіе рѣчи: аа) я Апостолъ, ст. 1. 2. 3; бб) какъ Апостолъ, могъ пользоваться содержаніемъ отъ вѣрующихъ, — 4 — 14; вв) но я не пользовался этимъ правомъ,—15—18; гг) и не только не пользовался этимъ, но и отъ многаго другаго отказывался въ пользу обращаемыхъ,—19—23.—Послѣдніе стихи—24—27—содержатъ дд) приложеніе изложеннаго.

аа).

я—Апостолъ

9, 1. 2. 3.

Ст. 1. 2. *Нѣсмь ли Апостолъ? Нѣсмь ли свободь? Не Іисуса Христа ли Господа нашего видѣхъ? Не дѣло ли мое вы есте о Господѣ? Аще инымъ и нѣсмь Апостолъ, но обаче вамъ есмь: печать бо моего апостольства вы есте о Господѣ.*

Нѣсмь ли Апостолъ? Вопросъ за вопросомъ идутъ — и съ движеніемъ, можетъ быть намѣренно, чтобы возбудить вниманіе. Къ этому же вела и неожиданность самихъ вопросовъ; ибо съ перваго раза невидно, къ чему они идутъ.—Цѣль его та, чтобы возстановить во вниманіи Коринөянъ мысль, что онъ настоящій Апостолъ. *Нѣсмь ли Апостолъ?* Не настоящій ли я Апостолъ, свыше пріявшій поставленіе? (Өеод.). Не самъ собою началъ я дѣло проповѣди, и не другимъ кѣмъ изъ людей посланъ. Самимъ Господомъ поставленъ на это служеніе, какъ и всѣ другіе Апостолы. Посему *нѣсмь ли свободь?* Не имѣю ли полномочія дѣйствовать вполнѣ въ качествѣ Апостола, какъ и всѣ прочіе? „Я не подъ властію другаго состою, и не въ чинѣ ученика нахожусь, но мнѣ ввѣрена вся вселенная“ (Өеод.). „Не

имѣю ли я власти надъ собою? — Развѣ кто имѣетъ власть останавливать меня или запрещать? (св. Злат.).— *Не Іисуса Христа ли Господа нашего видѣхъ?* „Поелику св. Павелъ призванъ былъ по вознесеніи Спасителя, Апостолы же были у всѣхъ въ великой славѣ, потому что сподобились зрѣть самого Господа, то по необходимости присовокупилъ онъ и это" (Ѳеод.), чтобы никто не могъ думать, что онъ по Апостольству чѣмъ-либо ниже другихъ. Что другіе имѣли, имѣю тоже и я. Они видѣли Господа, видѣлъ Его и я. Самъ Онъ мнѣ явился (1 Кор. 15, 8), и Самъ послалъ на проповѣдь всѣмъ языкамъ.

Этимъ рядомъ вопросовъ онъ возстановилъ мысль, что онъ настоящій Апостолъ. Теперь ему, для его предмета, нужно заставить ихъ вспомнить, какъ онъ у нихъ апостольствовалъ. Отсюда вопросъ: *не дѣло ли мое вы есте о Господѣ? — Не дѣло ли*, т.-е. апостольское, не дѣло ли моего апостольства вы? Разумѣетъ ихъ обращеніе къ вѣрѣ и устроеніе изъ нихъ церкви, въ полномъ ея составѣ. О *Господѣ*, или при помощи Господа, или во славу Господа, или дѣло Господне,— настроеніе васъ на спасеніе въ Господѣ.—Это должно было привесть имъ на память все, какъ пришелъ къ нимъ св. Павелъ и какъ дѣйствовалъ въ продолженіе полутора года, и какъ держалъ себя среди ихъ.—*Аще инымъ и нѣсмь Апостолъ, но обаче вамъ есмь.* Иные, не видавшіе меня, могутъ еще сомнѣваться, Апостолъ ли я, но для васъ это должно быть очевидно. Вы осязали апостольскую во мнѣ силу. „Апостолъ выразилъ это кратко, но сказалъ въ немногомъ много — о трудахъ въ преподаваніи ученія, о подвигахъ и всякаго рода страданіяхъ за оное, и о чудныхъ дѣйствіяхъ благодати, истинными свидѣтелями которыхъ были Коринѳяне, какъ самовидцы" (Ѳеод.).—*Печать бо моего апо-*

стольства вы есте о Господѣ.—„Печать, т.-е. доказательство. Кто хочетъ убѣдиться, говоритъ, въ моемъ апостольствѣ, тому я указываю на васъ. Ибо все, свойственное Апостолу, я сдѣлалъ у васъ и ничего не опустилъ. У васъ я показывалъ и знаменія, и училъ словомъ, и подвергался опасностямъ, и проводилъ безукоризненную жизнь. Во второмъ посланіи онъ полнѣе свидѣтельствуетъ о семъ: *Знаменія Апостолова содѣяшася въ васъ во всякомъ терпѣніи, въ знаменіихъ и чудесѣхъ и силахъ. Что бо есть, егоже лишистеся паче прочихъ церквей*“ (2 Кор. 12, 11—13)? (св. Злат.).

Ст. 3. *Мой отвѣтъ востязующимъ мене сей есть.*

И вотъ мой отвѣтъ тѣмъ, которые стали бы возражать противъ моего апостольства и спорить. То, что я сказалъ, должно всякаго убѣдить, что я настоящій Апостолъ. „Для тѣхъ, которые хотятъ знать, почему я Апостолъ или стараются доказать, что я не Апостолъ, доказательствомъ и оправданіемъ моимъ служитъ ваше обращеніе“ (св. Злат.).

бб).

Какъ Апостолъ, могу пользоваться содержаніемъ отъ вѣрующихъ.

4—14.

До убѣжденія въ этомъ Апостолъ доводитъ разными доводами. *Первый* доводъ беретъ отъ примѣра прочихъ Апостоловъ,—4—6.

Ст. 4—6. *Еда не имамы власти ясти и пити? Еда не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи Апостоли, и братія Господня, и Кифа? Или единъ азъ и Варнава не имамы власти еже не дѣлати?*

Еда не имамы власти ясти и пити?—„Но не смотря на то, что имѣю власть, я воздерживаюсь. Неужели же онъ ни ѣлъ, ни пилъ? Дѣйствительно, часто ни ѣлъ, ни пилъ. *Во алчбѣ*, говоритъ, *и жажди и наготѣ быхомъ* (2 Кор. 11, 27). Но здѣсь онъ разумѣетъ не то, а что? Мы не ѣдимъ и не пьемъ на счетъ учениковъ, хотя и имѣемъ право брать отъ нихъ“ (св. Злат.). „Апостолъ разумѣетъ: *ясти и пити* отъ благовѣстія. Намѣренъ показать этимъ, что, имѣя право, по Владычнему закону, получать необходимую пищу отъ учениковъ, продолжалъ онъ работать и трудами снискивать необходимое пропитаніе, ради пользы учениковъ“ (Θеод.).

Еда не имамы власти сестру жену водити? Подъ *сестрою женою* нельзя разумѣть супругу; въ такомъ случаѣ достаточно было сказать: *жену*. Прибавивъ: *сестру*, Апостолъ далъ знать, что не разумѣетъ здѣсь супруги, а женщину изъ вѣрующихъ. И въ этомъ случаѣ достаточно бы было сказать — *сестру*; но чтобы кто не подумалъ, что это сестра по плоти, прибавилъ *жену*. И греческое слово γυνη означаетъ собственно женщину, а не жену. Кто же такая *сестра жена?* — „Какъ за Господомъ слѣдовали вѣрныя жены, снабжавшія учениковъ необходимою пищею (Лук. 8, 3), такъ и за нѣкоторыми Апостолами слѣдовали жены, которыя показывали въ себѣ горячую вѣру, привязаны были къ ихъ ученію, и содѣйствовали божественной проповѣди“ (Θеод.). Это женщины почтенныя и по состоянію, и по возрасту. — „Богатыя женщины изъ увѣровавшихъ слѣдовали за нѣкоторыми Апостолами, доставляли имъ необходимыя потребности жизни; чтобъ они, будучи свободны отъ попеченій объ этомъ, прилежали одной проповѣди“ (Экум.).

Яко и прочіи Апостоли. Апостолы далеко не всѣ

были женаты,—можетъ быть двое, трое. Прочіе были безбрачны; и тѣ, когда вышли на проповѣдь, или даже когда еще позваны были Господомъ, оставили все брачное и житейское, какъ Апостолъ Петръ и свидѣтельствовалъ предъ Господомъ: *се мы оставихомъ вся.* Слово: *водити* надо понимать въ такомъ смыслѣ: позволяли ходить за собою, не запрещали имъ промышлять о себѣ. Со стороны смотрящій на нихъ точно можетъ подумать и сказать, что водятъ за собою.

И братія Господня — разумѣются или дѣти Іосифа отъ первой жены, или двоюродные. О нихъ сказалъ Ев. Іоаннъ, что они еще не вѣровали Господу, когда Онъ былъ на землѣ, что надо понимать такъ: не вполнѣ еще вѣровали, и не всѣ, а нѣкоторые. Потомъ они всѣ увѣровали и усердно посвятили себя на дѣло проповѣди Евангелія.

Кифа—Апостолъ Петръ. „Видишь ли мудрость св. Павла? Верховнаго Апостола онъ поставляетъ послѣ; самое сильное доказательство помѣщаетъ на концѣ; ибо указаніе на другихъ, дѣлающихъ это, не было бы столь разительно, какъ указаніе на перваго Апостола. Впрочемъ онъ указываетъ не на него одного, а на всѣхъ, и какъ-бы такъ говоритъ: посмотришь ли на низшихъ, или на высшихъ, всѣ они служатъ примѣромъ. Братія Господа, оставившіе прежнее невѣріе, были также достославны, хотя и равнялись съ Апостолами (изъ 12); посему онъ и поставляетъ ихъ посрединѣ, помѣщая главныхъ прежде и послѣ нихъ“ (св. Злат.).

Или единъ азъ и Варнава не имамы власти еже не дѣлати?—Не дѣлати,—т.-е. не трудами рукъ своихъ снискивать себѣ пропитаніе. Онъ говоритъ какъ-бы: „Господь позволилъ всѣмъ проповѣдующимъ благовѣстіе *отъ благовѣстія жити;* и мы ли одни лишены сего

права?“ (Ѳеод.). „Если все прочее у насъ съ ними обще, то почему и этому не быть общимъ? И тѣ и мы—Апостолы, и свободны, и видѣли Христа, и совершили, что слѣдуетъ Апостоламъ: посему и мы имѣемъ право жить безъ трудовъ и получать содержаніе отъ учениковъ“ (св. Злат.). — Зачѣмъ помянутъ Варнава, когда въ Коринѳѣ съ св. Павломъ были Сила и Тимоѳей?—Вѣроятно Коринѳянамъ извѣстно было, что св. Варнава и по разлученіи съ св. Павломъ дѣйствовалъ подобно ему, по предмету содержанія себя. Св. Златоустъ замѣчаетъ только при семъ: „видишь ли, какъ душа св. Павла смиренномудра и чиста отъ всякой зависти, какъ онъ не умалчиваетъ о томъ, кто участвовалъ въ трудахъ его?“

Второй доводъ беретъ Апостолъ отъ „житейскихъ обычаевъ“ (Ѳеод.).

Ст. 7. *Кто воинствуетъ своими оброки когда? Или кто насаждаетъ виноградъ, и отъ плода его не ястъ? Или кто пасетъ стадо, и отъ млека стада не ястъ?*

„Приведши сильнѣйшее доказательство — примѣръ Апостоловъ на то, что можно дѣлать это (не трудами рукъ питаться), онъ теперь обращается къ сравненіямъ и общепринятымъ обычаямъ и говоритъ: *кто воинствуетъ своими оброки?* Посмотри, какъ приличны настоящему предмету приводимыя имъ сравненія, и какъ онъ упоминаетъ напередъ о дѣлѣ, соединенномъ съ опасностями,—о воинской службѣ, оружіи и войнѣ. Таково и апостольство, и даже гораздо труднѣе. Ибо у Апостоловъ была брань не только съ людьми, но съ бѣсами и съ предводителемъ ихъ. Смыслъ словъ его слѣдующій: если и внѣшніе (языческіе) начальники, жестокіе и несправедливые, не требуютъ отъ воиновъ, чтобы они шли на войну и подвергались опасностямъ, и между тѣмъ содержали сами себя; то возможно ли,

чтобы Христосъ требовалъ этого (отъ Апостоловъ)?— Онъ не довольствуется однимъ сравненіемъ,—ибо простой грубый человѣкъ скорѣе убѣждается, когда видитъ, что заповѣди Божіи согласны съ общепринятыми обычаями; но приводитъ другое и говоритъ: *кто насаждаетъ виноградъ и отъ плода его не ястъ?* Первымъ онъ выразилъ опасности, а другимъ трудъ, ревность и усердіе. Потомъ присовокупляетъ третье сравненіе: *кто,* говоритъ, *пасетъ стадо, и отъ млека стада не ястъ?* Этимъ означаетъ великую заботливость, какую свойственно имѣть учителю объ ученикахъ. Апостолы были и воины, и земледѣльцы, и пастыри, имѣвшіе дѣло не съ землею, не съ безсловесными животными, не съ чувственными врагами, а съ разумными душами и съ бѣсовскими ополченіями. Замѣть, какъ Апостолъ вездѣ соблюдаетъ соразмѣрность, стараясь сказать только полезное, а не излишнее. Не сказалъ: какой воинъ служитъ и не богатѣетъ? но: *кто воинствуетъ своими оброки когда?* Не сказалъ: *кто насадивъ виноградъ,* не извлекаетъ золота, или не собираетъ всего плода? но: *отъ плода его не ястъ?* Не сказалъ: кто пася стадо, не продаетъ агнцевъ? Но какъ?—*И отъ млека стада не ястъ?* Не отъ агнцевъ, а *отъ млека;* выражаетъ, что учитель долженъ довольствоваться малымъ утѣшеніемъ и одной только необходимою пищей. И не это одно внушаетъ Апостолъ такими сравненіями, а показываетъ и то, каковъ долженъ быть священникъ. Онъ долженъ имѣть мужество воина, трудолюбіе земледѣльца и попечительность пастыря,—и при всемъ томъ не желать ничего, кромѣ необходимаго“ (св. Злат.).

Третій доводъ беретъ Апостолъ изъ прообразовательнаго значенія постановленія закона Моисеева о незаграждeніи устъ вола молотяща,—8—10. „Доказавъ и примѣромъ Апостоловъ и сравненіями изъ обыкно-

венной жизни, что учителю не запрещено брать, св. Павелъ приступаетъ къ третьему доказательству, и говоритъ:“ (св. Злат.).

Ст. 8. *Еда по человѣку сія глаголю? Не и законъ ли сія глаголетъ?*

„Доселѣ онъ ничего не приводилъ изъ Писаній, а ссылался на общепринятые обычаи; посему не подумайте, говоритъ, что я основываюсь на этомъ одномъ и утверждаю заповѣдь на мнѣніи человѣческомъ; я могу доказать, что такъ угодно Богу и привести древній законъ, который повелѣваетъ тоже. Здѣсь онъ продолжаетъ рѣчь вопросомъ, какъ бываетъ въ бесѣдѣ о чемъ-нибудь, совершенно извѣстномъ, и говоритъ: *еда по человѣку сія глаголю?* Т.-е. развѣ я основываюсь только на человѣческихъ обыкновеніяхъ? *Не и законъ ли сія глаголетъ?*“ (св. Злат.).

Ст. 9. *Въ Моисеовѣ бо законѣ писано: да не заградиши устенъ вола молотяща. Еда о волѣхъ радитъ Богъ?* (Второз. 25, 4).

На Востокѣ молотятъ волами. Разбросаютъ на току пшеницу, или ячмень снопами развязанными, и водятъ по нимъ воловъ, пару, двѣ и три. Они ногами своими изомнутъ все въ мелкія частицы. Тогда отвѣютъ, и зерно получатъ. Этихъ молотящихъ воловъ уста законъ запрещалъ завязывать. Это можно примѣнить и ко всѣмъ трудящимся. Св. Павелъ примѣняетъ это къ Апостоламъ, трудящимся въ проповѣди, давая мысль, что еслибъ ученики не содержали Апостоловъ,—то это похоже было бы на то, какъ жестокій хозяинъ заграждалъ бы уста молотящихъ воловъ, что законъ запрещаетъ. Законность наведенія основывается на томъ, что законъ ветхій во всѣхъ своихъ частяхъ прообразовалъ предметы духовные, долженствовавшіе явиться въ благодатномъ царствѣ Христовомъ. Всѣ постанов-

ленія точно таковы, что въ нихъ духовная жизнь предъизображается явственно, какъ въ зеркалѣ. Св. Златоустъ говоритъ на это: „Для чего Апостолъ упоминаетъ объ этомъ (незагражденіи устенъ у молотящихъ воловъ), когда имѣетъ примѣръ іудейскихъ священниковъ? Дабы сильнѣе доказать свою мысль. Потомъ, дабы кто не возразилъ, какое намъ дѣло до того, что сказано о волахъ, обстоятельно объясняетъ это и говоритъ: *еда о волѣхъ радитъ Богъ?* Неужели же Богъ не печется о волахъ? Печется, но не столько, чтобы постановлять о нихъ особый законъ (разумѣть надо: о нихъ однихъ,— безъ примѣненія). Еслибы Богъ не имѣлъ въ виду чего-нибудь важнѣйшаго, еслибы не хотѣлъ примѣромъ безсловесныхъ научить Іудеевъ человѣколюбію и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить имъ объ учителяхъ, то не оказалъ бы такого попеченія о волахъ, чтобы предписывать законъ о незагражденіи устъ ихъ. (Предписывая послѣднее, имѣлъ въ виду первое). Отсюда видно, какъ великъ есть и долженъ быть трудъ учителя, и еще нѣчто. Что же такое? То, что сказанное въ Ветхомъ Завѣтѣ касательно попеченія о животныхъ преимущественно относится къ назиданію людей, равно какъ и все другое, напримѣръ, сказанное о разныхъ одеждахъ, о виноградникахъ, о сѣменахъ, о томъ, чтобы не засѣвать землю разными сѣменами, о проказѣ, и, можно сказать, обо всемъ прочемъ. Такъ какъ слушатели были люди грубые, то онъ говоритъ имъ такъ, чтобы приводить ихъ къ разумѣнію мало-по-малу. Впрочемъ Апостолъ не доказываетъ того, что ясно и очевидно само по себѣ. Ибо сказавъ: *еда о волѣхъ радитъ Богъ,* продолжаетъ:“

Ст. 10. ***Или насъ ради всяко глаголетъ? Насъ бо ради написася, яко о надеждѣ долженъ есть оряй орати, и молотяй съ надеждею своего упованія причащатися.***

Или, говоритъ, подъ образомъ воловъ, это о насъ говоритъ законъ? Или *всяко о насъ?*—*Всяко* вставлено, чтобъ въ вопросѣ предуказать и отвѣтъ рѣшительно утвердительный, не допускающій никакихъ возраженій (св. Злат.). Потомъ все-таки прибавляетъ: да, это о насъ написано,—никакого сомнѣнія нѣтъ, что о насъ. Что же написано? Не то, что слѣдуетъ: *яко долженъ есть оряй орати* и проч., а что сказано впереди: *да не заградиши устенъ вола молотяща*. Здѣсь же послѣ *написано* приложено прообразовательное истолкованіе того закона, только опять не простымъ словомъ, а метафорою (св. Злат.). Вмѣсто того, чтобы сказать: да, о насъ это написано, въ той мысли, чтобъ мы воздѣлывали души ваши и сѣяли въ нихъ сѣмена истины, и затѣмъ всячески васъ направляли къ тому, чтобы вы приносили плодъ, не безпокоясь о своемъ содержаніи,—подобно тому, какъ воздѣлывающій землю, воздѣлываетъ ее въ надеждѣ, что она дастъ ему плодъ, и молотящій молотитъ въ полной увѣренности, что вкуситъ хлѣба,—вмѣсто того, чтобы такъ полно описать мысль свою, Апостолъ беретъ одно послѣднее сравненіе и его выставляетъ, давая самимъ читающимъ разумѣть, что подъ этими образами онъ разумѣетъ проповѣдниковъ слова. „Словами: *о надеждѣ долженъ есть оряй орати,* Апостолъ тоже сказалъ, что: учитель долженъ получать возмездіе за труды" (св. Злат.). Тѣмъ, что помѣстилъ въ словѣ и *ораніе*—начало дѣла, и *молотьбу*, почти конецъ его,—онъ показалъ непрерывность труда Апостоловъ надъ вѣрующими, т.-е. что не такъ они дѣйствуютъ, чтобъ посѣялъ слово, и все тѣмъ сдѣлалъ. Нѣтъ; но продолжаютъ бдѣть надъ ними и трудиться, чтобъ выбить изъ нихъ все доброе и отвѣять отъ нихъ все недоброе. „Отъ сѣянія онъ переходитъ къ молотьбѣ, и тѣмъ внушаетъ, какъ велики труды учителей,

которые и пашутъ и молотятъ“ (св. Злат.). Послѣднія слова: *и молотяй,* и проч., можно читать такъ: и молотящій молотитъ въ надеждѣ причаститься упованія своего, т.-е. того, чего онъ чаялъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ орать и сѣять; дѣло къ концу подходитъ, близко время, когда онъ вкуситъ плода трудовъ своихъ. „Такимъ образомъ законъ о незагражденіи устъ вола молотящаго означаетъ не что иное, какъ то, что трудящіеся учители должны получать вознагражденіе“ (св. Злат.).

„Вотъ и *четвертое* доказательство того, что надобно доставлять пропитаніе учителямъ“ (св. Злат.). Доводъ изъ существа дѣла проповѣди.

Ст. 11. *Аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ?*

„Апостолъ приводитъ новую основательнѣйшую причину, почему они имѣютъ право брать, именно ту, что они не только трудятся, но и сами доставляютъ ученикамъ гораздо важнѣйшее“ (св. Злат.). Мы, говоритъ, сѣемъ. духовное, велико ли, если пожнемъ тѣлесное. „Давъ гораздо большее, погрѣшаемъ ли, если беремъ гораздо меньшее?“ (Ѳеод.). „Видишь ли причину справедливѣйшую и основательнѣйшую прежнихъ? Тамъ, говоритъ, вещественныя сѣмена, вещественный и плодъ; а здѣсь не такъ, но сѣмя духовное, а воздаяніе вещественное. Дабы доставляющіе что нибудь учителямъ не думали о себѣ много, онъ показываетъ, что они больше получаютъ, нежели даютъ. Земледѣльцы что посѣютъ, то и пожинаютъ; а мы сѣемъ въ душахъ вашихъ духовное, а пожинаемъ вещественное; ибо такова доставляемая намъ пища“ (св. Злат.). Вкушающіе духовныхъ благъ отъ вѣры и сами собою готовы бываютъ все отдать тѣмъ, которые привели ихъ въ причастіе сихъ благъ. Ибо вѣра Христова—не голая теорія, а дѣло обновленія души, которое тотчасъ и ощущается.

Ощутившій же его сознаетъ, что сподобился блага, которому цѣны нѣтъ на землѣ. Какъ не будетъ такой готовъ всѣмъ дѣлиться съ своимъ просвѣтителемъ?!

Ст 12. *Аще иніи власти вашея причащаются, не паче ли мы? Но не сотворихомъ по области сей, но вся терпимъ, да не прекращеніе кое дамы благовѣствованію Христову.*

Усиливаетъ значеніе предыдущаго повода для Коринѳянъ, припоминая, что дѣлаютъ они для другихъ, или какъ у нихъ иные пользуются подобнымъ правомъ получать отъ нихъ или брать съ нихъ. Онъ хочетъ сказать, что еслибъ мы у васъ захотѣли пользоваться своимъ правомъ, то вы не могли бы противъ этого ничего сказать не по существу только дѣла,—но и по тому, что бываетъ у васъ съ иными. Кто сіи *иные?* Апостолъ не опредѣляетъ ихъ ничѣмъ; но кто бы они ни были, больше того, что доставляютъ Апостолы, никто доставлять не могъ. Еслибъ даже эти иные не худое что доставляли; и тогда Апостолъ могъ сказать: *не тѣмъ ли паче мы?* Еслижъ это были какіе-нибудь смутители, то этому *паче* и мѣры нѣтъ. Св. Златоустъ разумѣетъ здѣсь лжеучителей какихъ-то, о которыхъ во второмъ посланіи писалъ св. Павелъ: поядаютъ васъ, отъемлютъ, величаются, по лицу біютъ (2 Кор. 11, 20). Строго опредѣлять впрочемъ, кто сіи иные, не настоитъ надобности. Ибо не въ качествѣ ихъ сила, а въ томъ, что они пользовались содержаніемъ и нѣкоторыми выгодами отъ Коринѳянъ, между тѣмъ какъ не могли идти въ сравненіе съ Апостолами. Слова: *власти вашея,* значатъ: власти надъ вами или надъ вашимъ, или права своего на ваше; *причащаются* — пользуются. — *Власть* — право, какъ выше: *или не имѣемъ власти сестру-жену водити, или не имамы власти, еже не дѣлати?* Св. Златоустъ видитъ въ

этомъ указаніе на дерзость, насиліе и корыстолюбіе пользовавшихся властію. „Они управляютъ вами, показываютъ власть надъ вами, поступаютъ съ вами, какъ съ рабами, не только берутъ съ васъ, но и съ великимъ настояніемъ и дерзостію. Очевидно, что онъ намекаетъ на какихъ-то зловредныхъ людей и обольстителей. Но какъ бы то ни было, всяко изъ сего обстоятельства выходило: вы и сами у себя постановили и имѣете правиломъ доставлять содержаніе. Не паче ли намъ? Не паче ли намъ доставили бы вы его, еслибъ мы того захотѣли?“

Но не сотворихомъ по области сей. „Т.-е. мы не брали. Смотри, послѣ сколь многихъ доказательствъ того, что брать имъ не есть дѣло беззаконное, онъ наконецъ сказалъ имъ: мы не беремъ, дабы не подумали, что онъ воздерживается отъ этого, какъ отъ запрещеннаго. Не потому, говоритъ, я не беру, что не позволительно; это позволительно, какъ я доказалъ многими доводами: примѣромъ Апостоловъ, примѣрами житейскими, какъ-то: воина, земледѣльца, пастыря, закономъ Моѵсеевымъ, самымъ существомъ дѣла, — такъ какъ *мы духовная сѣяхомъ вамъ,* и наконецъ тѣмъ, что вы сами дѣлаете это въ отношеніи къ другимъ. Позволительно; но мы *не сотворихомъ по области сей*, сами по своей волѣ воздерживались отъ этого, не какъ отъ запрещеннаго. Впослѣдствіи онъ выразилъ это яснѣе въ словахъ: *не писахъ же сія, да тако будетъ о мнѣ* (1 Кор. 9, 15); а здѣсь говоритъ: *не сотворихомъ по области сей.* И притомъ, что еще важнѣе, никто не можетъ сказать, будто мы *не сотворихомъ* потому, что жили въ изобиліи; нѣтъ, бывъ въ нуждѣ, мы не уступили нуждѣ. Тоже онъ говоритъ во второмъ посланіи: *и пришедъ къ вамъ, и въ скудости бывъ, не стужихъ ни единому* (2 Кор. 11, 8); также и въ насто-

ящемъ посланіи: *и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ* (1 Кор. 4, 11). И здѣсь опять намекаетъ на тоже словами: *но вся терпимъ.* Ибо выраженіе *вся терпимъ* означаетъ и голодъ, и нужду, и всѣ другія бѣдствія. Однако все это, говоритъ, не принудило насъ нарушить законъ, который мы сами для себя постановили. Почему? *Да не прекращеніе* (εγχοπην—пресѣченіе) *кое дамы благовѣствованію Христову.* Коринѳяне были немощны; посему, говоритъ, дабы не соблазнить васъ, принимая отъ васъ возмездіе, мы рѣшились лучше дѣлать болѣе, чѣмъ сколько заповѣдано, нежели полагать какую-либо преграду благовѣствованію, т.-е. наученію васъ. Не сказалъ: уничтоженіе, но: *прекращеніе* (пресѣченіе, преграду), и не просто прекращеніе, но *прекращеніе кое,* т.-е. дабы не причинить ни малѣйшаго замедленія и остановки въ распространеніи слова" (св. Злат.).

Пятый доводъ изъ законоположенія о ветхозавѣтномъ священствѣ—ст. 13.

Ст. 13. *Не вѣсте ли, яко дѣлающіи священная, отъ святилища ядятъ? и служащіи олтарю, со олтаремъ дѣлятся?*

„Весьма тщательно Апостолъ старается доказать, что брать (содержаніе отъ поучаемыхъ) не запрещено. Много сказавъ объ этомъ прежде, онъ не довольствуется тѣмъ, а снова обращается къ закону и представляетъ изъ него примѣръ болѣе близкій, чѣмъ прежній. Ибо не одно и тоже представить въ примѣръ воловъ, или привесть ясный законъ о священникахъ" (св. Злат.).

Дѣлающіи священная, — служащіи олтарю. Подъ этимъ разумѣетъ Апостолъ или безъ различія всѣхъ, служащихъ въ храмѣ, левитовъ, священниковъ и архіереевъ, или подъ *дѣлающими священная* разумѣетъ архіереевъ и священниковъ, а подъ *служащими олта-*

рю левитовъ (св. Злат.). Слова: *отъ святилища ядятъ, со олтаремъ дѣлятся,* — означаютъ. что тогдашнее священство состояло на содержанiи святилища и олтаря. Приносившiе, что ни приносили. приносили то святилищу и олтарю; а святилище и олтарь удѣляли отъ того служащимъ. Приносимое въ жертву, не все поступало на жертвенникъ, а только часть того. Эти части, остававшiяся отъ жертвъ, Господь повелѣлъ дѣлить служащимъ. Этимъ они и содержались. Апостолъ хочетъ внушить: если такъ въ ветхомъ законѣ, который былъ тѣнiю новаго; не тѣмъ ли паче такъ должно быть въ новомъ? Но онъ и прямо дѣлаетъ это примѣненiе, отъ Господа изводя особое объ этомъ постановленiе.

Шестой доводъ отъ явнаго повелѣнiя Господня, ст. 14.

Ст. 14. *Тако и Господь повелѣ проповѣдающимъ благовѣстiе, отъ благовѣстiя жити.*

Когда повелѣлъ Господь? Когда, посылая Апостоловъ на проповѣдь, ничего не велѣлъ брать съ собою, ни одежды (запасной), ни пищи, ни денегъ, а гдѣ примутъ, тамъ жить на ихъ содержанiи, говоря: *въ томже дому пребывайте, ядуще и пiюще, яже суть у нихъ: достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея* (Лук. 10, 7; Матѳ. 10, 10). „Дабы кто не сказалъ: что ты напоминаешь намъ о Ветхомъ Завѣтѣ? развѣ не знаешь, что теперь время совершеннѣйшихъ заповѣдей? Апостолъ предлагаетъ то, что важнѣе всего: *тако и Господь повелѣ.* И здѣсь не говоритъ: питаться отъ людей, но, подобно какъ о священникахъ, сказалъ: *отъ святилища и олтаря,* такъ и здѣсь: *отъ благовѣстiя;* и какъ тамъ: *ясти,* такъ здѣсь: *жити,* а не куплю производить или обогащаться“ (св. Злат.). „*Жити,* тоже что получать необходимое пропитанiе“ (Ѳеод.). Когда при Себѣ еще Господь посылалъ на

проповѣдь Апостоловъ, то тѣмъ, которые принимали ихъ, и то самое, чтобы принять, внушалъ, и то, чтобы содержать ихъ. Равно и послѣ, когда пошли они по вселенной, Онъ же какъ располагалъ слушать проповѣдь ихъ, такъ внушалъ и то, чтобы не давать имъ умирать съ голоду. Выходило, что Апостолы находились на Господнемъ содержаніи. Люди были только орудія. И въ Ветхомъ Завѣтѣ Господь постановилъ, чтобы остатки жертвъ не приносившіе брали, а оставляли ихъ святилищу, а отъ святилища разбирали ихъ служащіе, получая содержаніе изъ дома Божія, какъбы отъ рукъ Самого Господа. Это для Апостоловъ доставляло благовѣстіе.

Такъ уяснилъ св. Апостолъ всесторонне для Коринѳской учености, что и на волосъ сомнѣваться не должно въ томъ, что онъ, какъ Апостолъ, имѣлъ право быть содержимымъ отъ Коринѳянъ.

вв).

НО Я НЕ ПОЛЬЗОВАЛСЯ ЭТИМЪ ПРАВОМЪ

15—18.

Ст. 15. *Азъ же ни едино сотворихъ отъ сихъ. Не писахъ же сія, да тако будетъ о мнѣ: добрѣе бо мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ.*

Теперь для васъ, говоритъ, очевидно, что я могъ пользоваться содержаніемъ отъ васъ; но я добровольно не пользовался ничѣмъ отъ васъ, не предъявлялъ у васъ никакого требованія, къ какому уполномочивали меня апостольскіе среди васъ труды. „Говоритъ такъ не однажды и не дважды, но нѣсколько разъ. Выше сказалъ: *не сотворихомъ по области сей;* послѣ скажетъ: *во еже не творити ми по области моей* (—18) и здѣсь:

азъ же ни едино сотворихъ отъ сихъ. — Что значитъ: *ни едино отъ сихъ?* Я не пользовался столь многими примѣрами. Многое давало мнѣ право: примѣры воина, земледѣльца, пастыря и Апостоловъ, постановленія закона, дѣйствія наши по отношенію къ вамъ, и ваши по отношенію къ другимъ, примѣръ священниковъ, повелѣніе Христа, и однако ничто не заставило меня нарушить свой законъ и брать отъ васъ" (св. Злат.).

Не писахъ же сія, да тако будетъ о мнѣ. Я это написалъ вамъ теперь не съ тѣмъ, чтобы впередъ вы доставляли мнѣ все нужное. Пусть никто не думаетъ такъ: „если доселѣ не дѣлалъ ты этого, то не желаешь ли дѣлать такъ въ будущее время?—Нѣтъ, говоритъ, и на будущее время все тоже будетъ. Я рѣшусь лучше умереть съ голода, нежели лишиться такихъ вѣнцовъ: *добрѣе бо мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ*. — Не сказалъ: чтобы кто нарушилъ мой законъ, но: *похвалу*. Дабы кто нибудь не сказалъ, что хотя онъ и поступаетъ такъ (самъ по себѣ), но не съ радостію, а съ воздыханіемъ и скорбію, онъ называетъ это похвалою, желаю показать, съ какою великою радостію и съ какимъ великимъ усердіемъ онъ поступаетъ такъ. Ибо онъ такъ далекъ былъ отъ скорби, что даже хвалится и рѣшается лучше умереть, нежели петерять эту похвалу. Она была для него пріятнѣе самой жизни!" (св. Злат.).

Ст. 16. *Аще бо благовѣствую, нѣсть ми похвалы: нужда бо ми належитъ. Горе же мнѣ есть, аще не благовѣствую*.

Если благовѣствую, не заслуживаю чрезъ то особенной похвалы, *нужда бо ми належитъ*. Это долгъ мой. „Дѣлаю это, какъ рабъ, служа владыкѣ; ни одинъ же рабъ не думаетъ о себѣ высоко, когда выполняетъ лишь приказанное господиномъ" (Ѳеод.). *„Нужда бо ми на-*

лежитъ—надобно понимать не такъ, будтобы онъ дѣлалъ это противъ воли,—да не будетъ,—но такъ, что на немъ лежитъ обязанность, и въ противоположность съ свободою—брать или не брать (благовѣствовать я долженъ, хочу или не хочу—долгъ мой; а благовѣствовать на своемъ содержаніи есть дѣло свободы,—когда хочу, тогда и дѣлаю такъ. Тутъ есть мѣсто похвалѣ за свободное избраніе того, что и не заповѣдано). Посему и Христосъ сказалъ ученикамъ: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10)" (св. Злат.).—Итакъ, если благовѣствую, не за что похвалить, напротивъ, если *не благовѣствую, горе мнѣ*. „Потому что противиться Владыкѣ дѣло достойное наказанія" (Ѳеод.). „Жалкій ждетъ меня конецъ. Сознаніе этого наводитъ страхъ; страхъ нудитъ къ благовѣстію. Вотъ почему и говорю, что *нужда ми належитъ*" (Ѳеоф.).

Ст. 17. *Аще убо волею сіе творю, мзду имамъ; аще же неволею, строеніе ми есть предано.*

Неволею, соотвѣтственно *нужда ми належитъ*, означаетъ—по долгу, потому что заповѣдано, а *волею* означаетъ сверхъ долга, по свободному произволенію прилагаю нѣчто и отъ себя къ дѣлу проповѣди, сверхъ заповѣданнаго—благовѣстникамъ отъ благовѣстія жити. „Слова: *волею и неволею* Апостолъ употребляетъ въ смыслѣ: заповѣдано и не заповѣдано" (св. Злат.). Итакъ, говоритъ, если я творю сіе, т. е. благовѣствую по своей волѣ, не потому что долгъ лежитъ на мнѣ, а что самъ возжелалъ и избралъ; то мзду имѣю,—*мзду*, т.-е. похвалу, по ходу рѣчи,—есть за что воздать мнѣ особеннымъ чѣмъ. Но вѣдь этого о мнѣ сказать нельзя. И какъ бы я самъ посмѣлъ рѣшиться на такое дѣло? Итакъ мнѣ поручено это дѣло, на меня возложенъ долгъ

проповѣди, не волею сіе творю. Если же не волею, то трудясь въ проповѣданіи, ничего особеннаго не дѣлаю,— *строеніе ми есть предано,* исполняю что поручено (Ѳеоф.).

„Не сказалъ: *аще неволею,* то и не имѣю награды; но *строеніе ми есть предано,* выражая, что и въ этомъ случаѣ бываетъ награда, но такая, какую получаетъ исполнившій повелѣніе, а не такая, какую получаетъ показавшій собственное усердіе и сдѣлавшій болѣе повелѣннаго“ (св. Злат.).

Ст. 18. *Кая убо ми есть мзда? Да благовѣствуяй безъ мзды положу благовѣстіе Христово, во еже не творити ми по области моей въ благовѣствованіи.*

„Что говоришь ты, скажи мнѣ? Если ты благовѣствуешь, то нѣтъ похвалы для тебя; а если преподаешь благовѣстіе безвозмездно, тогда есть? — Слѣдовательно послѣднее важнѣе перваго?—Отнюдь нѣтъ; но въ нѣкоторомъ другомъ отношеніи послѣднее имѣетъ преимущество, именно въ томъ, что первое есть заповѣдь, а послѣднее дѣло моего произволенія. Ибо что дѣлается сверхъ заповѣди, то заслуживаетъ великой награды; а что по заповѣди, то не таково. Въ этомъ отношеніи послѣднее больше перваго, а не по самому существу дѣла. Ибо что можетъ сравниться съ проповѣданіемъ? Оно уподобляетъ (благовѣстниковъ) Ангеламъ. И однако, такъ какъ оно для нихъ есть обязанность и долгъ, а безвозмездное проповѣданіе есть дѣло добровольнаго усердія, то въ этомъ отношеніи послѣднее больше перваго“ (св. Злат.).

Мзда за то, что безмездно благовѣствую. Благовѣстіе Христово или о Христѣ полагаю,—долгъ свой исполняю; но при этомъ принадлежащимъ мнѣ правомъ не пользуюсь,—не *творю по области моей,* по праву Господомъ данному и мнѣ яко Апостолу, *въ благовѣствованіи,* тому праву, чтобы въ благовѣствованіи благо-

вѣстники отъ благовѣстія жили. „Видишь ли, какъ онъ вездѣ употребляетъ слово: *область*, дабы показать, что и тѣ, которые берутъ (содержаніе), не заслуживаютъ порицанія“ (св. Злат.).

Сказанное въ этомъ отдѣленіи бл. Ѳеодоритъ такъ примѣняетъ къ главному предмету главы: я жертвую своимъ правомъ, чтобъ не помѣшать евангелію; поступитесь и вы правомъ вашего знанія и не ѣшьте идоложертвеннаго, чтобъ не соблазнить брата, за котораго Христосъ умеръ, и не ввергнуть опять въ пагубу того, кого спасла моя проповѣдь. „Владыка далъ мнѣ право, говоритъ Апостолъ, отъ учениковъ получать необходимое пропитаніе, а я не пользуюсь симъ правомъ, но тружусь, работая самъ, чтобы пожать плодъ сего труда. О всемъ этомъ распространился Апостолъ, пытаясь и Коринѳянъ, которые худо пользовались знаніемъ, небоязненно ѣли идоложертвенное и тѣмъ подавали немощнымъ поводъ терпѣть вредъ,—заставить отказаться отъ худаго права. Посему-то и показалъ, что получивъ право и отъ закона, и отъ Бога всяческихъ, и видя, что Апостолы пользуются симъ правомъ, и основаніе онаго усматривая въ самомъ естествѣ дѣла, ничему этому не внялъ, имѣя въ виду одинъ только успѣхъ проповѣди и пользу слышащихъ.“

гг).

И не только этимъ правомъ не пользовался, но и отъ многаго другаго отказывался въ пользу обращаемыхъ

19—23.

Ст. 19. *Свободенъ бо сый отъ всѣхъ, всѣмъ себе поработихъ, да множайшія пріобрящу.*

Свободенъ, говоритъ, *отъ всѣхъ*, не вещей, а людей, и *всѣмъ себе поработихъ* не вещамъ, а людямъ. Ибо

рѣчь идетъ все о лицахъ. Порабощеніе же состояло въ томъ, что онъ свой нравъ, свои обычаи и желанія подчинялъ нравамъ другихъ, для того, чтобы, такимъ образомъ сблизясь съ ними, находить доступъ къ ихъ сердцу и, полагая тамъ сѣмя слова, пріобрѣтать ихъ Господу. Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь Апостолъ представляетъ еще иное превосходство. И не брать великое дѣло; а то, что онъ хочетъ сказать, гораздо важнѣе. Что же такое? Я не только, говоритъ, не бралъ и не только не пользовался своимъ правомъ, но еще подвергалъ себя рабству, и рабству разнообразному и всестороннему; ибо не въ деньгахъ только, но, что гораздо важнѣе денегъ, въ дѣлахъ многихъ и различныхъ я поступалъ точно также; поработилъ себя, тогда какъ не былъ подчиненъ никому и не имѣлъ никакой необходимости; ибо это означаетъ выраженіе: *свободенъ сый отъ всѣхъ*,—и поработилъ не одному кому-нибудь, а всей вселенной; посему и присовокупляетъ: *всѣмъ себе поработихъ*. Проповѣдывать и возвѣщать ввѣренное мнѣ я былъ обязанъ, а изобрѣтать и вымышлять тысячи къ тому способовъ — это зависѣло отъ моего усердія: я былъ обязанъ передать серебро, но я употреблялъ еще всѣ мѣры къ тому, чтобы истребовать его обратно, исполняя болѣе повелѣннаго. Ибо онъ дѣлалъ все по ревности, усердію и любви ко Христу, и имѣлъ ненасытимое желаніе спасенія человѣческаго; посему отъ избытка ревности преступалъ предѣлы и во всемъ простирался выше самаго неба. Сказавъ о своемъ порабощеніи, онъ далѣе говоритъ о разныхъ родахъ его. Какихъ-же?“

Ст. 20. *Быхъ Іудеемъ, яко Іудей, да Іудеи приобрящу; подзаконнымъ яко подзаконенъ, да подзаконныя приобрящу;*

Всѣ чины іудейскіе, въ законѣ предписанные Іудеямъ, черезъ вѣру въ Господа, теряютъ свою обяза-

тельную силу и поступаютъ въ разрядъ вещей безразличныхъ, которыми можно пользоваться свободно смотря по обстоятельствамъ, имѣя въ виду одно богоугожденіе. Такъ дѣйствовалъ и св. Павелъ въ видахъ благопоспѣшенія Евангелію. Когда бывалъ среди Іудеевъ, поступалъ во всемъ внѣшнемъ какъ Іудей, не придавая въ совѣсти какого-либо религіознаго для себя значенія всему, что̀ дѣлалъ. Еслибъ онъ являлся въ средѣ ихъ, особясь отъ нихъ въ вещахъ, цѣны нравственной не имѣющихъ, и между тѣмъ любимыхъ Іудеями, то оттолкнулъ бы ихъ отъ себя, и тѣмъ пресѣкъ входъ слову своему въ ушеса ихъ. Евангеліе чрезъ то теряло бы послѣдователей. Посему, говоритъ, *быхъ Іудеемъ, яко Іудей, да Іудеи приобрящу*. Гдѣ и когда? Повсюду и всегда былъ таковъ, и въ Іерусалимѣ, и въ другихъ мѣстахъ, когда вращался среди Іудеевъ. Сюда относятся, напр. обрѣзаніе Тимоөея въ Ликаоніи, хожденіе въ санагоги по субботамъ, какъ въ Филиппахъ, и слушаніе тамъ закона и молитвъ, и другое подобное. Св. Златоустъ говоритъ: „Какъ это было?—Онъ обрѣзывалъ для того, чтобы уничтожить обрѣзаніе. Посему не сказалъ: быхъ Іудей, но *яко Іудей*, такъ какъ это было съ предусмотрительною цѣлію. — Что говоришь ты? Проповѣдникъ вселенной, восходившій до самыхъ небесъ и сѣявшій такою благодатію, могъ ли онъ внезапно такъ низойти? Да; ибо и это есть также восхожденіе. Не на то только смотри, что онъ нисходитъ, но и на то, что нисходя возстановляетъ лежавшаго внизу, и возводитъ его съ собою.“

Подзаконнымъ яко подзаконенъ, да подзаконныя приобрящу. Слова эти можно принять за повтореніе предыдущаго. Тамъ указалъ на Іудея вообще, а здѣсь означилъ, съ какой болѣе стороны смотритъ на него, именно со стороны ревности его по закону. Или здѣсь

разумѣетъ онъ другихъ людей, подклонившихся подъ законъ, кромѣ Іудеевъ, т.-е. прозелитовъ полныхъ, и отчасти и неполныхъ, или тѣхъ изъ увѣровавшихъ въ Господа, которые при вѣрѣ въ Него полагали необходимымъ и закона во всемъ держаться и держались. И таковыхъ надлежало пріобрѣтать; ибо они въ духѣ далеки были отъ Христа.—Большой нужды нѣтъ доискиваться точности въ значеніи сихъ словъ; ибо не въ нихъ сила рѣчи. Св. Златоустъ говоритъ: „Эти слова суть или изъясненіе сказаннаго прежде, или означаютъ что-нибудь другое. Іудеями онъ называетъ тѣхъ, которые были такими издревле и съ самаго начала (по роду и крови), а подзаконными—прозелитовъ, или тѣхъ, которые приняли вѣру, но еще держались закона; ибо они не были Іудеями, но были подъ закономъ.—Когда же Апостолъ былъ подъ закономъ (въ отношеніи къ этимъ)? Когда остригся, когда приносилъ жертву. (Апостолъ Іаковъ совѣтовалъ св. Павлу исполнить нѣчто по закону іудейскому, ради увѣровавшихъ, но ревновавшихъ о законѣ. Дѣян. 21, 18—26). Онъ дѣлалъ это не потому, чтобы перемѣнилъ свой образъ мыслей,—это было бы порочное дѣло,—но по любви и снисхожденію къ другимъ. Дабы обратить дѣйствительныхъ Іудеевъ, онъ самъ былъ, *яко Іудей* не дѣйствительно, а только по видимому, не на самомъ дѣлѣ будучи такимъ, а только поступая такъ безъ истиннаго расположенія. Ибо могъ ли онъ искренно дѣлать это, когда старался обратить и другихъ, когда дѣлалъ все, чтобы освободить и другихъ отъ такого униженія.“

Ст. 21. *Беззаконнымъ яко беззаконенъ, не сый беззаконникъ Богу, но законникъ Христу, да пріобрящу беззаконныя.*

Беззаконными Апостолъ называетъ тѣхъ, кои не были подъ закономъ Моѵсеевымъ, ни въ какомъ отно-

шеніи. Это язычники.—Являясь среди ихъ, онъ бывалъ по внѣшней жизни, какъ они; ни пищи ихъ не чуждался, ни другихъ обычаевъ ихъ не дичился: былъ, какъ всѣ. Сюда не могутъ входить обычаи, исповѣданіе вѣры означавшіе, каковы напр. жертвы идоламъ и подобное. Но, дѣйствуя такъ, говоритъ, я въ совѣсти моей предъ Богомъ былъ чистъ, ибо дѣйствовалъ въ увѣренности, что такъ угодно Ему Самому: *Богу я не былъ беззаконникомъ. Но былъ законникомъ Христу*, т.-е. по вѣрѣ въ Господа все направлялъ во славу Его, Его иго благое несъ, и Его законъ нося въ сердцѣ, законъ вѣры и любви ко всѣмъ людямъ, ради коихъ умеръ Христосъ и хочетъ, чтобъ они спаслись, являлъ себя свободнымъ отъ закона Моѵсеева. Такъ внѣшно я беззаконникъ, а внутренно—самый вѣрный законникъ Богу и Господу Іисусу Христу. Св. Златоустъ говоритъ: „Приходя къ тѣмъ, кои были внѣ закона, Апостолъ во многомъ поступалъ по ихъ обычаямъ. Въ Аѳинахъ и рѣчь держалъ по-аѳински, по поводу надписи, бывшей на капищѣ. Но дабы кто не подумалъ, что его дѣйствія происходили отъ перемѣны образа мыслей, онъ присовокупляетъ: *не сый беззаконникъ Богу, но законникъ Христу*, т.-е. не только не будучи беззаконникомъ, но подчиняясь закону, не обыкновенному, а гораздо высшему ветхаго, закону Духа и благодати. Затѣмъ, увѣривъ въ неизмѣнности своего образа мыслей, онъ опять представляетъ пользу такого снисхожденія: *да пріобрящу беззаконныя*, также какъ и вездѣ онъ показываетъ причину своего снисхожденія.“—Ѳеодоритъ пишетъ: „всякаго рода его домостроительство можно видѣть не только въ его писаніяхъ, но и въ дѣяніяхъ Апостоловъ. Ибо иначе бесѣдовалъ въ іудейскихъ синагогахъ, и иначе предлагалъ ученіе въ ареопагѣ, противъ каждой болѣзни употребляя со-

образное съ нею врачевство.“—Къ примѣненіямъ, какія употреблялъ св. Павелъ, справедливо относить и образъ рѣчи, не только языкъ, но и формы для веденія бесѣдъ.

Ст. 22. *Быхъ немощнымъ яко немощенъ, да немощныя пріобрящу: всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу.*

Подъ немощными можно разумѣть и не христіанъ еще, слушающихъ однако слово, только не могущихъ понять его. Апостолъ говоритъ, что снисходилъ къ немощи ума такихъ, и, понижаясь до уровня ума ихъ, все употреблялъ, чтобъ возвесть ихъ къ познанію, въ чемъ дѣло о Христѣ. Но можно подъ ними разумѣть и христіанъ немощныхъ или въ вѣрѣ, или въ жизни, какъ пишетъ и къ Римлянамъ: *должни есмы мы сильніи немощи немощныхъ носити* (Римл. 15, 1). Образъ дѣйствованія Апостола въ Коринѳѣ, — что самъ себя содержалъ,—что̀ другое означалъ, какъ не снисхожденіе къ немощамъ немощныхъ?—Св. Златоустъ ихъ тутъ и разумѣетъ. „Здѣсь онъ говоритъ о Коринѳянахъ, для которыхъ говоритъ и все прочее. Прежде сказанное было гораздо важнѣе, но это ближе къ нимъ; посему онъ и поставилъ это послѣ всего. Тоже самое онъ дѣлаетъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда вразумляетъ ихъ касательно пищи, и во многихъ другихъ мѣстахъ.“

Всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу. Какъ въ отношеніи къ кому нужно было дѣйствовать, такъ я и дѣйствовалъ, не считая для себя унизительнымъ ничего, и нигдѣ свою волю и свои хотѣнія и вкусы не ставилъ закономъ. Законъ былъ у меня одинъ — всячески спасать всѣхъ. Желаніе мое—всѣхъ спасти. Удаться этому невозможно, но всячески не сомнѣваюсь, что *нѣкія спасу:* все возможное употребляю, да всѣхъ возможныхъ спасу. И конечно спасу. Образъ выраженія показываетъ увѣренность, что такъ есть и будетъ. „Видишь ли его превосходство? Для всѣхъ, говоритъ, я былъ

все, не надѣясь спасти всѣхъ, а дабы спасти хоть немногихъ. Усердіе и служеніе мое было таково, какое свойственно спасающему всѣхъ, хоть я и не надѣялся обратить всѣхъ; дѣло великое и показывающее пламенную ревность! И сѣятель сѣетъ вездѣ, и хотя не все сѣмя остается цѣлымъ, дѣлаетъ свое дѣло. Указавъ на малочисленность спасаемыхъ прибавленіемъ слова: *всяко нѣкія*, онъ утѣшаетъ тѣхъ, которые скорбятъ объ этомъ; ибо, хотя невозможно, чтобы все сѣмя осталось цѣлымъ, но невозможно и то, чтобы оно все погибло. Хотя нѣкія, но спасу. Онъ внушаетъ этимъ, что усердный дѣлатель непремѣнно получитъ успѣхъ.“

Ст. 23. *Сіе же творю за благовѣстіе, да сообщникъ ему буду.*

Благовѣстіе есть Евангеліе царствія Христова. Участникъ въ благовѣстіи есть причастникъ устроенія царства Христова, царства спасаемыхъ, чрезъ устроеніе спасенія призываемыхъ къ вѣрѣ благовѣстіемъ. Причастіе царствію само по себѣ велико; а причастіе устроенію царствія несравненно выше. Апостоламъ сказалъ Господь, что они сядутъ вмѣстѣ съ Нимъ судить. Непонятно намъ что это; но само собою разумѣется, что это есть нѣчто великое. Но Апостолъ по смиренію такъ выразился, что будто только и чаетъ, чтобъ спастись наряду съ другими. Св. Златоустъ говоритъ: „дабы и съ своей стороны содѣйствовать (спасенію) и быть участникомъ въ вѣнцахъ, которые соблюдаются для вѣрующихъ.“ Ѳеодоритъ пишетъ: „цѣль Евангелія— спасеніе людей. Для сего-то Владыка и съ мытарями ѣлъ, и жену грѣшницу допустилъ сѣтовать у ногъ Его, научая симъ, что пришелъ ради спасенія человѣковъ.“ Подражая Господу, дѣйствовалъ и св. Павелъ, чтобъ успѣшнѣе устроять спасеніе всѣхъ. А наградъ большихъ не чаетъ, но о томъ лишь заботится, чтобъ са-

мому быть спасену: „да буду, говоритъ, лишь сообщникомъ увѣровавшихъ благовѣстію.“ „Видишь ли его смиреніе, какъ онъ въ полученіи наградъ поставляетъ себя наряду съ другими, хотя трудами превосходилъ всѣхъ? Несомнѣнно, что онъ болѣе всѣхъ достоинъ почестей, но онъ не приписываетъ ихъ себѣ прежде всѣхъ, а желаетъ быть только сообщникомъ другихъ въ уготованныхъ вѣнцахъ. Говоритъ это не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ дѣлалъ все для какой-нибудь награды, но дабы такимъ образомъ расположить и такими надеждами убѣдить Коринөянъ дѣлать все для братій. Видишь ли его благоразуміе? Видишь ли чрезмѣрную ревность, какъ онъ дѣлалъ болѣе заповѣданнаго, и не бралъ, тогда какъ могъ брать? Видишь ли величайшее снисхожденіе, какъ онъ, будучи подъ закономъ Христовымъ и соблюдая высочайшій законъ, былъ для неимѣющихъ закона какъ безъ закона, для іудеевъ какъ іудей, являясь въ томъ и другомъ отношеніи совершеннѣе и выше всѣхъ? Такъ поступай и ты: не думай, что ты падаешь, если, будучи высокимъ, дѣлаешь для брата что нибудь уничиженное. Это не значитъ падать, а снисходить; ибо кто падаетъ, тотъ лежитъ и самъ едва можетъ встать; а кто снисходитъ, тотъ и возстанетъ съ великимъ пріобрѣтеніемъ, подобно какъ Павелъ снисходилъ одинъ, и возставалъ со всею вселенною. Онъ не лицемѣрилъ; ибо еслибы лицемѣрилъ, то не искалъ бы пользы спасаемыхъ. Лицемѣръ ищетъ погибели другихъ, и лицемѣритъ для того, чтобы взять, а не для того, чтобы дать. Онъ—не такъ; но какъ врачъ, какъ учитель, какъ отецъ снисходятъ—первый къ больному, вторый къ ученику и третій къ сыну для пользы ихъ, а не для вреда; такъ и Павелъ“ (св. Злат.).

дд).

Приложеніе къ Коринѳянамъ изложеннаго

24—27.

Св. Павелъ въ 8 гл. доказывалъ, что не должно ѣсть идоложертвеннаго, чтобъ не соблазнить немощныхъ братій, не смотря на то, что для понимающихъ дѣло тутъ ничего будто нѣтъ пятнающаго вѣру. Понятія умниковъ, что какъ идолъ ничто, такъ и идоложертвенное ничего нечистаго отъ него не приняло, давало имъ право на небоязненное вкушеніе отъ жертвъ языческихъ. Св. Павелъ, не отвергая сего права, внушаетъ имъ, что они должны отказаться отъ сего права, чтобъ не соблазнить брата; и чтобъ склонить ихъ такъ и поступать, представилъ имъ пространное изображеніе того, какъ онъ самъ, имѣя право пользоваться содержаніемъ отъ обращаемыхъ къ вѣрѣ, не пользовался симъ правомъ, и именно у нихъ же самихъ, чтобъ не положить препоны Евангелію, и какъ въ другихъ многихъ отношеніяхъ онъ уступалъ свое въ пользу обращаемыхъ. Слѣдовало только сказать: видите, какъ я отъ всего отказываюсь для пользы братій; откажитесь же и вы отъ того, къ чему будто уполномочиваетъ васъ ваше знаніе, перестаньте вкушать идоложертвенное, чтобы не соблазнять немощныхъ братій. Иначе ваше спасеніе сомнительно. Братъ гибнетъ отъ вашего знанія, братъ, за котораго умеръ Христосъ. Вы грѣшите противъ Христа. Такой образъ дѣйствованія не вѣнчается добрымъ концомъ.

Эти мысли и выражаетъ Апостолъ въ ст. 24—27. Онъ представляетъ жизнь каждаго со всѣми ея особенностями поприщемъ, пробѣгаемымъ на ристалищахъ.

Какъ на ристалищахъ всѣ бѣгутъ, чтобъ достигши мѣты получить вѣнецъ, такъ мы течемъ, чтобъ получить истинный вѣнецъ отъ Господа. Ристалища эти были въ обычаѣ у самихъ Коринѳянъ. Апостолъ говоритъ имъ: видите, какъ идетъ дѣло на ристалищахъ? Такъ возьмите въ толкъ и *тако тецыте, да постигнете* (ст. 24). Какъ онъ говорилъ это людямъ умнымъ, то не распространяется въ примѣненіи, давая имъ самимъ понять, чего онъ отъ нихъ хочетъ, т.-е. чтобъ они бросили ѣсть идоложертвенное, ибо это, соблазняя брата, мѣшаетъ имъ достигнуть какъ должно чаемаго. Предполагая однакожъ, что можетъ быть они уклонятся отъ должнаго наведенія, намекнулъ имъ на это, сказавъ: *подвизаяйся отъ всѣхъ воздержится* (—25). Эта прибавка говорила вотъ что: понимаете, къ чему это ведетъ?! Такъ извольте такъ дѣлать. И чтобъ отнять у нихъ всякій предлогъ къ оговоркамъ, снова представилъ себя въ примѣръ (—26. 27).

Такъ понимаетъ значеніе этихъ текстовъ св. Златоустъ и другіе наши толковники.

Ст. 24. *Не вѣсте ли, яко текущіи въ позорищи, вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть? Тако тецыте, да постигнете.*

На позорищѣ, у самыхъ Коринѳянъ, состязанія были въ разныхъ видахъ: боролись, бились на кулачки, бросали камни, прыгали чрезъ рвы и столбы,—и въ числѣ ихъ, бѣгали на перегонки, и на ногахъ и на лошадяхъ. Для послѣднихъ назначалась извѣстная мѣта, и кто первый добѣжитъ, получалъ награду положенную, а бѣжали всѣ, которые вызывались на это состязаніе.—Апостолъ и указываетъ Коринѳянамъ: видите, какъ у васъ на позорищѣ,—всѣ бѣгутъ, которые взялись бѣжать, а честь получаетъ только одинъ. — Отчего? Оттого, что лучше другихъ приготовился, что все бросилъ, что могло

дѣлать помѣху въ бѣгѣ, что не жалѣлъ силъ и напряженія, когда бѣжалъ. Дѣлайте же, говоритъ, и вы такъ: *тако тецыте, да постигнете.* Какіе этотъ одинъ употреблялъ пріемы и усилія, такіе же употребляйте и всѣ вы. Отстраните все мѣшающее бѣгу, и не жалѣйте силъ.— А мѣшающее вашему бѣгу знаете что?—То, что губитъ брата и дѣлаетъ васъ виновными предъ Христомъ. Итакъ воздержитесь.

Св. Златоустъ говоритъ: „что одинъ пріемлетъ честь, говорится не въ томъ смыслѣ, будто и изъ насъ всѣхъ можетъ спастись только одинъ,—да не будетъ,—но что мы должны прилагать великое тщаніе. Ибо какъ тамъ изъ многихъ, выходящихъ на поприще, увѣнчаваются не всѣ, а только одинъ достигаетъ этого, и потому не довольно только выдти на подвигъ, намастить себя и бороться, такъ и здѣсь не довольно только увѣровать и подвизаться какъ-нибудь. Нѣтъ; если мы не будемъ подвизаться такъ, чтобы показать себя безукоризненными до конца и достигнуть награды, то не получимъ никакой пользы. Хотя бы ты, говоритъ, считалъ себя совершеннымъ по знанію, однако ты еще не достигъ всего; на это имъ намекаетъ словами: *тако тецыте, да постигнете,* изъ которыхъ слѣдуетъ, что они еще не достигли.“

Ст. 25. *Всякъ же подвизаяйся, отъ всѣхъ воздержится: и они убо да истлѣненъ вѣнецъ пріимутъ, мы же нетлѣненъ.*

„Посмотрите на труды подвизающихся тѣлесно. Не все то вкушаютъ они, чего бы пожелалось, но ту употребляютъ пищу, какую предлагаетъ обучающій подвигамъ“ (Ѳеод.). „Что значитъ: *отъ всѣхъ?* Т.-е. не такъ, что отъ одного воздерживается, а въ другомъ грѣшитъ, но воздерживается и отъ чревоугодія, и отъ сладострастія, и отъ пьянства, и отъ всѣхъ вообще страстей.

Такъ бываетъ, говоритъ, даже при внѣшнихъ подвигахъ; ибо подвизающимся (на зрѣлищахъ) нельзя во время подвига ни упиваться, ни прелюбодѣйствовать, дабы не ослабить своихъ силъ, ни заниматься чѣмъ либо другимъ; но воздерживаясь совершенно отъ всего, они занимались только своимъ подвигомъ. Если же такъ бываетъ тамъ, гдѣ вѣнецъ дается одному, то тѣмъ болѣе должно быть здѣсь, гдѣ больше щедрости; ибо здѣсь не одинъ только увѣнчается,—и самыя награды гораздо выше подвиговъ" (св. Злат.). „Итакъ познайте, чего еще недостаетъ у васъ, и уразумѣйте способъ, какимъ можно достигнуть вѣнца. Апостолъ все сократилъ въ одномъ словѣ: *отъ всѣхъ воздержится*" (Ѳеоф.).

И *они убо да истлѣненъ вѣнецъ пріимутъ, мы же неистлѣненъ.* Чаяніе получить благо возбуждаетъ энергію и приводитъ въ напряженіе силы дѣйствующія. Апостолъ говоритъ: видите, какъ хлопочутъ и усиливаются; изъ-за чего? Чтобъ получить вѣнецъ, который завтра уже будетъ никуда негожъ. Сравните съ этимъ то, что намъ обѣтовано, и разсудите, сколь больше должно быть у насъ напряженія и труда и заботы.—Вѣнецъ нашъ превосходнѣе того не тѣмъ только, что неистлѣненъ, когда тотъ тлѣненъ, но и тѣмъ, что нашему цѣны нѣтъ по его высотѣ и добротности. И этому тоже цѣны нѣтъ; но по его ничтожности.—Апостолъ не прибавляетъ къ этому наведенія: оно само собою выходило, какъ тогда, такъ и теперь. Для насъ можно сказать: оплотенѣвшій умъ не видитъ цѣны духовныхъ благъ, и не представляетъ ихъ превосходства сознанію; оттого всюду ослабѣла ревность къ стяжанію ихъ. Мы живемъ такъ, что будто кромѣ земли и земнаго ничего нѣтъ.

Ст. 26. *Азъ убо тако теку, не яко безвѣстно; тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй.*

Въ своемъ примѣрѣ представляетъ св. Павелъ, какъ

важно въ жизни духовной уяснить для себя, чѣмъ увѣнчается надлежащій подвигъ, и затѣмъ все въ своей жизни направить такъ, чтобъ она прямо вела къ достиженію чаемаго. Какъ бываетъ въ хозяйствѣ, что благоразумный хозяинъ, начавъ какое-либо предпріятіе и придумавъ для приведенія его къ концу надежныя средства, ведетъ потомъ дѣло съ полною увѣренностію, что достигнетъ того, что задумалъ, и вниманія не обращая на соприкосновенности, или толки стороннихъ: такъ бываетъ и въ духовной жизни. Кто хорошо понялъ конецъ и придумалъ, какъ его достигнуть, тотъ идетъ путемъ сей жизни съ полною увѣренностію, что достигнетъ чаемаго блага, котораго доброта превышаетъ всякое описаніе. При этомъ сторонніе нерѣдко могутъ говорить ему: воздухъ бьетъ (воду толчетъ). А онъ знаетъ твердо, что течетъ не на безвѣстное. „Взираю, говоритъ, на уповаемыя блага; потому что не безъизвѣстенъ мнѣ вѣнецъ“ (Ѳеод.).

Св. Златоустъ беретъ это въ примѣненіи къ неисправности Коринѳянъ и говоритъ: „Что значитъ, *не яко безвѣстно?* Я имѣю въ виду, говоритъ, извѣстную цѣль, подвизаюсь не тщетно и не напрасно, какъ вы. Ибо какая вамъ польза отъ того, что вы входите въ идольскія капища и какъ-бы выказываете свое совершенство? Никакой. Я же не такъ; но все, что ни дѣлаю, дѣлаю для спасенія ближнихъ; показываю ли совершенство,— это для нихъ; снисхожденіе ли, это для нихъ; превосходство ли тѣмъ, что ничего не беру, это для того, дабы они не соблазнились; уничиженіе ли болѣе всѣхъ, остригаясь и омовеніе принимая, это для того, дабы они не преткнулись. Вотъ что значитъ: *не яко безвѣстно.* А ты скажи мнѣ, для чего ѣшь въ капищахъ? Не можешь представить никакой основательной причины; пища не приближаетъ тебя къ Богу; ѣшь ли, ничего

не пріобрѣтаешь; не ѣшь ли, ничего не теряешь; слѣд. ты идешь напрасно и безъ цѣли; это и значитъ: *безвѣстно. Тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй.* Этими словами тоже выражаетъ, что онъ дѣйствуетъ не напрасно и не безъ цѣли. Я имѣю врага, говоритъ, котораго поражаю, т.-е. діавола; а ты не поражаешь его, а напрасно истощаешь свои силы.“ Яснѣе выражаетъ эту мысль блаж. Ѳеодоритъ: „не всуе тружусь бія воздухъ, но наношу ударъ невидимымъ сопротивникамъ. Этотъ образъ рѣчи Апостолъ взялъ съ обучающихся борцевъ. Ибо они обыкновенно, упражняясь, вмѣсто противника противъ воздуха приводятъ въ движеніе руки.“

Ст. 27. *Но умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду.*

Имѣю, сказалъ, опредѣленную цѣль, ясно мною сознаваемую, взялъ мѣры и средства, вѣрно ведущія къ сей цѣли, и подвизаюсь въ увѣренности, что достигну чаемаго. Подвиги разнообразны: есть подвиги душевные и есть тѣлесные.—Выставляетъ онъ послѣдніе потому, что указывалъ примѣръ въ себѣ въ исправленіе поблажки тѣлу,—и потому, что когда умерщвлено и порабощено тѣло, то и душа будетъ исправна.—Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь онъ внушаетъ, что они преданы чревоугодію, не обуздываютъ этой страсти и подъ предлогомъ совершенства удовлетворяютъ ей; на что онъ и выше съ сожалѣніемъ говорилъ: *брашна чреву и чрево брашнамъ.* Отъ пресыщенія раждается какъ блудъ, такъ и идолослуженіе; посему онъ справедливо во многихъ мѣстахъ поражаетъ эту болѣзнь. И здѣсь обуздываетъ ее своимъ примѣромъ. Все терплю; но кромѣ того принимаю на себя и тотъ великій трудъ, чтобы жить воздержно. Ибо хотя трудно преодолѣть страсть и похоть чрева; однако я обуздываю ее, не предаюсь этой стра-

сти, но всячески стараюсь, чтобы не увлечься ею. Не думайте, что я успѣваю въ этомъ безъ труда; нѣтъ, это для меня подвигъ, воздержанiе и борьба съ природою, которая непрестанно возстаетъ и домогается свободы, но я не уступаю, а укрощаю и подчиняю ее съ великими усилiями. Говоритъ это онъ для того, дабы никто не унывалъ въ подвигахъ добродѣтели по трудности дѣла; посему и выражается такъ: *умерщвляю и порабощаю*. Не сказалъ: уничтожаю, или мучу, потому что плоть не есть врагъ, но *умерщвляю* (ὑπωπιάζω, глаза подбить, наносить удары до синевы) и порабощаю, что свойственно господину, а не врагу, учителю, а не злодѣю, пѣстуну, а не противнику."

Да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимь буду. Поблажка тѣлу — путь къ неключимости. Есть мѣра, выше которой когда зайдетъ поблажка тѣлу въ пищѣ, снѣ и всякомъ покоѣ, духовная жизнь замирать начинаетъ, ревность слабѣетъ, трезвенность отходитъ, охлажденiе обнимаетъ душу. Возбудись какая страсть, не дивно и паденiю послѣдовать. Вотъ и неключимость!— Чтобъ этого не послѣдовало, св. Павелъ и даетъ урокъ— умерщвлять и порабощать тѣло. „Если Павелъ, учитель столь многихъ, опасался этого, и опасался послѣ того, какъ распространилъ проповѣдь, сдѣлался благовѣстникомъ и явился предстателемъ вселенной, то что должны сказать мы? - Не думайте, говоритъ, будто для вашего спасенiя достаточно того, что вы увѣровали; если мнѣ, который проповѣдывалъ, училъ, обратилъ тысячи людей, недостаточно этого для спасенiя, когда самъ себя не буду вести безукоризненно, то тѣмъ болѣе вамъ" (св. Злат.).

Вкушающіе идоложертвенное сквернятся.

(гл. 10).

б).

Главную мысль, что вкушающіе идоложертвенное трапезѣ бѣсовской причащаются, потому не безвинны и должны страшиться гнѣва Божія, раскрываетъ Апостолъ въ срединѣ главы, 15 — 22. Но впереди этого ставитъ онъ: а) примѣры судовъ Божіихъ надъ Израильтянами, избранными, подобно христіанамъ, и согрѣшившими противъ Бога, при другихъ грѣхахъ, и идолослуженіемъ (1 — 14). А послѣ в) прилагаетъ правила, какъ обходиться съ пищею, чтобъ не согрѣшить употребленіемъ идоложертвеннаго (—23—33).

а).

Примѣры судовъ Божіихъ.

(—10, 1—13).

Эти примѣры поставилъ Апостолъ впереди, чтобъ приготовить покорность своему наставленію воздерживаться отъ идоложертвеннаго, какъ дѣла нечестиваго. Онъ говоритъ какъ-бы: вотъ какъ строго Богъ относился къ тѣмъ, которые повинными явились въ идолослуженіи, чтобы, сказавши за тѣмъ: а вы причастными становитесь идолослуженія чрезъ вкушеніе идоложертвеннаго, вывесть: удаляйтесь же отъ этого. Или Бога раздражаете? развѣ вы крѣпче Его? (— 14 — 24). Но чтобы не подумалъ кто, что то Израильтяне, а мы другое, онъ прежде всего проводитъ аа) параллель между Израильтянами и христіанами: вы крещеные, и тѣ кре-

стились въ облацѣ и въ морѣ; вы вкушаете тѣло и кровь Господа, и тѣ брашно духовное ядоша, и пиво духовное пиша (1—4). бб) Но тѣхъ Богъ не пощадилъ, когда согрѣшили; не пощадитъ и васъ: ибо то все *образы намъ быша* (5—13). Выводъ отсюда очевидный: бѣгайте же идолослуженія (ст. 14).

аа).

ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ ИЗРАИЛЕМЪ И ХРИСТІАНАМИ

1—4.

Ст. 1. 2. *Не хощу же васъ не вѣдѣти, братіе, яко отцы наши вси подъ облакомъ быша, и вси сквозѣ море проидоша; и вси въ Моѵсеа крестишася во облацѣ и въ мори.*

Когда начиналъ рѣчь о ристалищахъ, говорилъ: *не вѣсте ли?* а здѣсь говоритъ: *не хощу васъ не вѣдѣти,*— хочу, чтобъ вы знали, тоже, что: знаете ли, или знайте. *Отцы наши,* а не ваши; себя ставитъ на сторонѣ Израильтянъ, въ противоположность язычникамъ, чтобъ дать мысль, что какъ тогда Израильтяне избраны были изъ всѣхъ народовъ, такъ теперь изъ всѣхъ народовъ, не исключая и Израильтянъ, избираются христіане. *Вси подъ облакомъ быша и сквозѣ море проидоша.* Извѣстная исторія. Пока не видно къ чему рѣчь; но нечаянный оборотъ возбуждаетъ только вниманіе. *И вси въ Моисеа крестишася во облацѣ и въ мори.* Вотъ къ чему рѣчь: чтобъ показать въ шествіи подъ облакомъ и прехожденіи чрезъ море прообразъ крещенія. Св. Павелъ не ставитъ одну черту противъ другой, но однимъ словомъ *крестишася* даетъ разумѣть все, что онъ хотѣлъ сказать. „Бывшее съ ними, говоритъ, есть образъ совершающагося у насъ. Ибо море уподоблялось купели, облако благодати Духа, Моѵсей іерею, жезлъ

кресту, перешедшій море Израиль крещаемымъ, а преслѣдующіе Египтяне представляли собою образъ демоновъ; самъ же Фараонъ служилъ изображеніемъ діавола“ (Ѳеод.). Какъ въ Моѵсея крестились? Не собственно въ Моѵсея, но въ Того, Кого онъ прообразовалъ. Св. Златоустъ говоритъ: „такъ какъ Апостолъ желаетъ сблизить прообразъ съ истиною, то называетъ и прообразъ именемъ истины.“ Т.-е. говоритъ: въ Моисея, а разумѣть подъ симъ надо не его, а Господа; какъ ниже говоритъ, пили отъ духовнаго камня, *камень же бѣ Христосъ*. Креститься въ кого значитъ дать обязательство быть чьимъ, принадлежать кому вседушно. Хотя объ Израильтянахъ сказано, что въ переходѣ чрезъ Чермное море они повѣрили Моисею рабу Божію (Исх. 14, 31), но основа увѣренности не въ немъ, а въ Богѣ, явившемъ чрезъ него такое заступленіе. Почему и крещеніе Израильтянъ въ облакѣ и морѣ было чрезъ него въ Бога и Господа.

Ст. 3. 4. *И вси тожде брашно духовное ядоша; и вси тожде пиво духовное пиша, піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ.*

Брашно духовное—манна, чудесно посылаемая; *пиво духовное* — вода изъ камня, чудесно источенная. То и другое названо духовнымъ потому, что не естественнымъ путемъ было доставляемо, а чудодѣйственною Божіею силою, какъ въ посланіи къ Галатамъ Исаакъ названъ духовнымъ сыномъ Авраама, а Измаилъ плотскимъ, по той причинѣ, что тотъ родился при особомъ дѣйствіи силы Божіей, а сей естественно (Гал. 4, 29). Манна прообразовала тѣло Господа, а вода изъ камня кровь Господа, изъ ребра Коего источилась кровь и вода (Ѳеод.). „Выше онъ указалъ на прообразъ крещенія, а здѣсь на прообразъ священной трапезы. Какъ ты вкушаешь тѣло Господне, такъ Израильтяне вку-

шали манну; какъ ты пьешь кровь Его, такъ они пили воду изъ камня. Хотя это было чувственное, однако подавалось духовно, не по законамъ природы, а по благодати (т.-е. силою Божіею). О пищѣ (маннѣ) онъ ничего не прибавилъ (въ объясненіе), потому что она (очевидно) была отлична отъ обыкновенной, не только по способу полученія, но и по существу своему; а о питіи, въ которомъ только способъ полученія былъ чудесенъ и требовалъ объясненія, послѣ словъ: *тожде питіе духовное пиша*, онъ присовокупилъ: *піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене*,—и еще: *камень же бѣ Христосъ*. Не камень по естеству своему источалъ воду, иначе онъ источалъ бы ее и прежде,—но все это дѣлалъ нѣкоторый другой, духовный камень, т.-е. Христосъ, Который постоянно сопутствовалъ имъ и творилъ всѣ чудеса; посему и говоритъ: *послѣдующаго*. Видишь ли мудрость Павла, какъ онъ объясняетъ, что Христосъ есть податель того и другаго, и такимъ образомъ сближаетъ прообразъ съ истиною? Онъ подавалъ, говоритъ, Израильтянамъ тѣ дары, Онъ же предлагаетъ и эту трапезу; Онъ провелъ ихъ черезъ море, Онъ же проводитъ и тебя черезъ воду крещенія; имъ Онъ доставилъ манну и воду, а тебѣ предлагаетъ тѣло и кровь. Таковы дары Его“ (св. Злат.).

Хотя и не совсѣмъ ясно поймемъ мы, черта въ черту, прообразъ и истину, нужды нѣтъ. Общая мысль видна, что Израильтяне получили отъ Бога дары, которымъ въ высшемъ значеніи соотвѣтствуютъ дары, христіанамъ поданные. Для цѣли Апостола этого достаточно. „Для чего онъ говоритъ это? Дабы показать, что, какъ Израильтянамъ не послужили въ пользу столь великіе дары, такъ и Коринѳянамъ не послужатъ въ пользу крещеніе и участіе въ духовныхъ таинствахъ, если жизнь ихъ не будетъ соотвѣтствовать такой бла-

годати; для того онъ и указываетъ на прообразы крещенія и таинствъ“ (св. Злат.).

бб).

Примѣненіе къ христіанамъ бывшаго во Израили

ст. 5—13.

„Посмотримъ же, пощадилъ ли Богъ Израильтянъ, когда они оказались недостойными даровъ Его? Нѣтъ; посему Апостолъ присовокупляетъ“ (св. Злат.):

Ст. 5. *Но не во множайшихъ ихъ благоволи Богъ: поражени бо быша въ пустыни.*

Не во множайшихъ: не ко многимъ-то благоволилъ Богъ. „Ибо кромѣ Халева и Іисуса Навина всѣ вошедшіе въ перечисленіе были истреблены“ (Ѳеод.). Или: не посмотрѣлъ Богъ, что ихъ много: всѣхъ истребилъ, кого огнемъ, кого зміями, кого болѣзнями, всѣ легли въ пустынѣ, кромѣ двухъ. „Они составляли великое множество, но многочисленность нисколько не помогла имъ. Всѣ благодѣянія были знакомъ любви Божіей, но и это не помогло имъ; потому что они сами не явили дѣлъ любви. Смотрите, сколько благодѣяній Богъ оказалъ Израильтянамъ: освободилъ ихъ изъ Египта и тамошняго рабства, провелъ чрезъ море, съ неба ниспослалъ манну, изъ земли источилъ новые и чудные источники водъ, постоянно сопутствовалъ имъ, творя чудеса и вездѣ ограждая ихъ; и однако, когда они оказались недостойными такихъ даровъ, не пощадилъ ихъ, но погубилъ всѣхъ. *Поражени бо быша въ пустыни,* говоритъ Апостолъ, выражая и то, что они внезапно были поражаемы, и то, что поражавшія ихъ наказанія были ниспосылаемы Богомъ. И притомъ не въ землѣ обѣтованной Онъ ниспослалъ на нихъ все это, но внѣ и весьма далеко отъ нея, наказавъ ихъ сугубою казнію:

тѣмъ, что не допустилъ видѣть земли обѣтованной, и тѣмъ, что наказалъ строго. Но какъ, скажешь, это относится къ намъ? Къ тебѣ именно и относится. Посему Апостолъ и продолжаетъ“ (св. Злат.):

Ст. 6. *Сія же образы намъ быша, яко не быти намъ похотникомъ злыхъ, якоже и они похотѣша.*

„Какъ дары ихъ были прообразами, такъ и наказанія были прообразами; какъ крещеніе и таинственная трапеза были прообразованы, такъ послѣдующими событіями было предвозвѣщено и то, что недостойные дара подвергнутся наказанію, дабы мы такими примѣрами научились быть воздержными. Какъ въ благодѣяніи предшествовали прообразы, а за ними послѣдовала истина, такъ будетъ и въ наказаніяхъ. Видишь ли, какъ онъ внушаетъ, что мы не только будемъ наказаны, но еще гораздо больше, нежели Израильтяне? Ибо, если тамъ были прообразы, а здѣсь истина, то и наказанія должны быть гораздо больше, также, какъ дары“ (св. Злат.).

Яко не быти намъ похотникомъ злыхъ: разумѣется или вообще похоть злая, источникъ всякаго грѣха (Ѳеоф.), какъ говоритъ св. Іаковъ: *похоть заченши раждаетъ грѣхъ* (Іак. 1, 15); или, примѣнительно къ словамъ: *якоже и они похотѣша*, особенно чревоугодіе и сластолюбіе. Ибо Израильтяне изображаются особенно похотливыми къ яствамъ (Экум.). Такъ Пророкъ Давидъ говоритъ: *похотѣша желанію въ пустыни... И даде имъ прошеніе ихъ, посла сытость въ души ихъ* (Пс. 105, 14. 15). И въ книгѣ Числъ пишется: *похотѣша похотѣніемъ, и сѣдше плакахуся сынове Израилевы, и рекоша: кто ны напитаетъ мясы?* (Числ. 11, 4). И мѣсто то, гдѣ похоронены были пораженные свыше похотники такіе, названо *гробы похотѣнія* (—34). Послѣднее ближе къ цѣли Апостола. Тутъ прикровенно Апостолъ

указываетъ причину, влекшую Коринѳскихъ умниковъ къ трапезамъ изъ идольскихъ жертвъ. Они сами говорили: мы знаемъ, что идолъ ничто, и слѣдовательно оправдывали свое поведеніе высшими взглядами; а Апостолъ, представляя этотъ образъ изъ исторіи Израильтянъ, даетъ имъ намекъ войти въ себя и посмотрѣть, точно ли высшіе взгляды мирятъ васъ съ жертвеннымъ мясомъ, а не чревоугодіе. Св. Златоустъ говоритъ: „представляетъ и причину, почему они стекались къ трапезамъ: это сластолюбіе.“ Что это точно такъ, видно изъ того, что вслѣдъ за симъ Апостолъ говоритъ объ идолослужителяхъ. Въ Коринѳѣ христіане уже отстали отъ идолопоклонства, а только нѣкоторые умники осквернялись прикосновеніемъ къ идолопоклонству чрезъ участіе въ бѣсовскихъ трапезахъ. „Сказавъ: *яко не быти намъ похотникомъ злыхъ*, и продолживъ: *ни идолослужители бывайте*, указываетъ причину такого нечестія въ сластолюбіи“ (св. Злат.).

Ст. 7. *Ни идолослужители бывайте, якоже нѣцыи отъ нихъ, якоже есть писано: сѣдоша людіе ясти и пити, и восташа играти.*

Это было послѣ слитія тельца и принесенія ему жертвы (Исх. 32, 6). Наѣвшись, напившись, встали и начали пѣть пѣсни, и составляя хоры, хороводить и всячески веселиться. Цѣль у Апостола, историческими событіями, поставить ястіе и питіе въ связь съ идолопоклонствомъ, и тѣмъ внушить Коринѳянамъ: смотрите, тѣ отъ идолопоклонства перешли къ чревоугодію (какъ у язычниковъ всегда и бывало), какъ бы вамъ обратнымъ путемъ не взойти отъ чревоугодія къ поклоненію идоламъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ намекаетъ имъ, что они уже прикосновенны идолослуженію. Ибо къ кому бы иначе могло относиться: *ни идолослужители бывайте?* „Слышишь ли, какъ онъ называетъ Коринѳянъ

идолослужителями? Впрочемъ здѣсь онъ только намекаетъ, а послѣ и доказываетъ это“ (св. Злат.).

Ст. 8. *Ниже соблудимъ, якоже нѣцыи отъ нихъ соблудиша, и падоша во единъ день двадесять три тысящи.*

А тѣ какъ соблудили? По совѣту Валаама (Числ. 31, 8—16), Мадіаниты выслали женщинъ въ ополченіе Израильтянъ, которые, увлекшись ими, приносили жертвы Веельфегору, ѣли отъ жертвъ и пили, и блудили съ женами (Числ. гл. 25). Это привлекло гнѣвъ Божій, и пало въ одинъ день 23 или 24 тысячи Израильтянъ. Выставляя этотъ примѣръ, св. Павелъ и еще прибавляетъ одну черту къ опасеніямъ отъ вкушенія идоложертвенныхъ яствъ, къ опасности впасть въ идолослуженіе—опасность впасть въ блудъ. Ибо замѣчаютъ, что въ иныхъ случаяхъ съ жреческими пирами были соединяемы и нечистыя дѣла. Вниманіе Апостола все стоитъ на одномъ—на вкушеніи идоложертвеннаго, и онъ примѣрами тѣми живописуетъ Коринөянамъ, какая бездна разверзается подъ этимъ будто незначительнымъ дѣломъ, которое столь благовиднымъ казалось ихъ умникамъ, съ независимыми воззрѣніями.

Ст. 9. *Ни да искушаимъ Христа, якоже нѣцыи отъ нихъ искусиша, и отъ змій погибоша.*

Обстоятельство пораженія Израильтянъ змѣями опредѣляетъ случай, на который указываетъ Апостолъ. Отъ горы Оръ направились Израильтяне къ Чермному морю въ обходъ земли Едомской, и возмалодушествовавъ, начали роптать на Бога и Моисея, говоря: зачѣмъ вывелъ ты насъ изъ Египта въ пустыню, гдѣ нѣтъ ни хлѣба, ни воды, уморить что ли насъ здѣсь? За это прогнѣвался Богъ и послалъ на нихъ змій (Числ. 21, 5. 6). Св. Давидъ, изображая все, чѣмъ прогнѣвляли Израильтяне Бога въ пустынѣ, въ 77 псалмѣ, то обстоятельство, что Израильтяне желали лучшихъ яствъ,

назвалъ искушеніемъ Бога: *искусиша Бога и рѣша: еда возможетъ Богъ уготовати трапезу въ пустыни?* (—18. 19). Св. Павелъ это выраженіе: *искусиша*, отъ обстоятельства, о коемъ говоритъ Пророкъ, перенесъ на тотъ случай, когда Израильтяне въ малодушіи жаловались на скудость пищи, хотя тутъ собственно былъ ропотъ. Итакъ и здѣсь дѣло о пищѣ, ктому же и рѣчь ропщущаго тоже есть: *еда можетъ Богъ?* только съ бо́льшимъ сомнѣніемъ.

Словами: *не искусимъ Христа* намекаетъ Апостолъ, что Коринѳяне какимъ-нибудь образомъ въ этомъ виновны были, но какъ именно, изъ посланія указать нельзя съ вѣрностію. Экуменій пишетъ, что они, искушая Христа, требовали знаменій. Можетъ быть и былъ такой случай во время первоначальной проповѣди. При такой необычайной вѣрѣ знаменія необходимы были, и Апостолы были ими вооружены. Но это требованіе было такъ естественно, что его къ искушенію Господа отнести вполнѣ нельзя. Св. Златоустъ говоритъ, что „Апостолъ указываетъ здѣсь еще на одно преступленіе, обвиняя Коринѳянъ въ томъ, что они роптали на искушенія и говорили: когда будутъ блага, когда награды?"—Очень вѣроятно, что въ этихъ двухъ стихахъ: *не искусимъ,— не ропщите* намекаетъ Апостолъ на малодушіе Коринѳянъ, противъ котораго ниже и воодушевляетъ (ст. 13). Но можно и не доискиваться до точности; ибо цѣль Апостола въ приведеніи этихъ примѣровъ только та, чтобы внушить, что нельзя безъ опаски жить, опираясь на томъ, что призваны и крещены; а это и изъ понятныхъ въ приложеніи примѣровъ видно. Иные такую еще мысль предлагаютъ: искушать Господа значитъ ввергать себя въ опасности, съ пытливымъ помышленіемъ: посмотрю, избавитъ ли меня Богъ. Вкушавшіе идоложертвенное подвергали себя разнымъ нравственнымъ иску-

шеніямъ. Можетъ быть у нихъ была мысль: Господь избавитъ, или: посмотримъ, избавитъ ли насъ Христосъ, когда будетъ подходить бѣда. Апостолъ и говоритъ имъ: *не искусимъ Христа.*

Ст. 10. ***Ни ропщите, якоже нѣцыи отъ нихъ ропташа, и погибоша отъ всегубителя.***

На какое обстоятельство эти слова указываютъ, опредѣлить трудно. Ибо ропотливостямъ Израильтянъ въ пустынѣ числа не было. Мало-мало затрудненіе, сейчасъ и ропотъ, и сильный. Можно бы воспользоваться для опредѣленія особаго случая словами: *погибоша отъ всегубителя;* но такого обстоятельства, гдѣ бы выдавался какой-нибудь особый всегубитель, не видно. Погибали вообще отъ наказанія Божія; то не знать откуда нападала смертность, то зміи поражали, то огонь пожигалъ, то земля разверзалась и пожирала. Экуменій, перечисливъ разные случаи роптаній Израиля, останавливается на томъ, который описанъ въ 11 гл. Числъ: *И быша людіе ропщуще злая предъ Господемъ. И слыша Господь, и разгнѣвася гнѣвомъ, и разгорѣся въ нихъ огнь отъ Господа, и потреби часть нѣкую отъ полка* (Числ. 11, 1). Огонь этотъ, говоритъ, и названъ у Апостола губителемъ (ὀλοθρευτοῦ), какъ нѣкая карательная сила Божія,—это было въ началѣ странствованія. Другіе разумѣютъ здѣсь возмущеніе Корея, Даѳана и Авирона, пожренныхъ землею (Числ. 16, 41 и д.). Иные—ропотъ вслѣдствіе соглядапія земли, за который Богъ положилъ, что всѣ вышедшіе изъ Египта, свыше 20 лѣтняго возраста, помрутъ въ пустынѣ, исключая Іисуса Навина и Халева. Какой догадкѣ дать предпочтеніе, не видно; не видно и то, къ чему въ Коринѳянахъ могло относиться такое внушеніе. Воспользуемся лучше общею мыслію, какую выводитъ отсюда св. Златоустъ, который въ обоихъ стихахъ (9 и 10), кажется, видитъ одинъ

урокъ: воодушевленіе къ благодушному терпѣнію всего находящаго. „Не ропщите, говоритъ. Нужно не только страдать за Христа, но и переносить все случающееся мужественно и съ полнымъ удовольствіемъ; это всему вѣнецъ; а если этого не будетъ, то наказаніе постигнетъ ропщущихъ. Апостолы радовались, когда ихъ бичевали; Павелъ хвалился страданіями.“

Бл. Ѳеодоритъ всѣ означенные пять случаевъ (6—10) подводитъ подъ одинъ обзоръ и говоритъ: „Каждое изъ сказанныхъ событій Апостолъ представилъ, какъ сходное съ тѣмъ, въ чемъ погрѣшали Коринѳяне. И вопервыхъ указалъ на злое похотѣніе, отъ котораго раждается большая часть золъ; потомъ на идолослуженіе и на чревоугодіе, отъ котораго произникло и первое, потому что и Коринѳяне, поработившись чревоугодію, дѣлали пиры въ идольскихъ капищахъ. Упомянулъ и о блудѣ, показалъ число умерщвленныхъ за оный, посѣвая тѣмъ страхъ наказанія въ умѣ соблудившаго. Роптали же и у нихъ сподобившіеся меньшихъ дарованій, потому что не всѣ были удостоены (это идетъ къ Даѳану и Авирону съ Кореемъ). И искушали Господа говорившіе разными языками, пользуясь симъ дарованіемъ въ церкви болѣе по любочестію, нежели по нуждѣ (собравшихся).“

Ст. 11. *Сія же вся образи прилучахуся онѣмъ: писана же быша въ наученіе наше, въ нихже концы вѣкъ достигоша.*

Сія же вся образи прилучахуся онѣмъ. Все это дѣйствительно случалось съ ними, но не для нихъ однихъ являлъ Господь суды Свои надъ ними, а во образъ намъ, чтобъ, видя то, мы брали себѣ въ умъ, что для тѣхъ, которыхъ Богъ избралъ Себѣ и дарами благодати снабдилъ, грѣхи не могутъ оставаться не наказанными. Въ какомъ смыслѣ это *образи*, объясняютъ слова: *пи-*

сана быша въ наученіе наше. Читай или слушай, разсуждай и учись. Никому не будетъ пощады, ни похотникамъ, которые живутъ только въ собственное удовольствіе съ забвеніемъ Бога и будущей жизни, ни идолослужителямъ, которые надеждами своими опираются на людяхъ или вещахъ помимо Бога, ни живущимъ въ плотскихъ грѣхахъ, ни искушающимъ Бога, которые или ввергаютъ себя самонадѣянно въ опасности, или Бога небоязненно оскорбляютъ, говоря: что сдѣлаетъ Богъ? ни ропотникамъ, которымъ все подай Богъ, что они ни захотятъ, и мало-мало что случается не по ихъ нраву, возстаютъ на небо. Апостолъ взялъ только главнѣйшіе суды; но сказавши: *вся,* далъ разумѣть, что странствованіе Израильтянъ по пустынѣ, по исходѣ изъ Египта и переходѣ чрезъ Чермное море, во всѣхъ своихъ частяхъ можетъ представлять для насъ поученіе въ жизни. отъ крещенія до вступленія въ обѣтованную землю до перехода вратами смерти въ другую жизнь.

Въ нихже концы вѣкъ достигоша, слово въ слово съ греческаго такъ: въ которыхъ (т.-е. насъ) концы вѣковъ уперлись. Какъ дорога какая идетъ-идетъ, и упираетъ наконецъ во что, въ стѣну или въ гору, такъ что дальше некуда идти; такъ, говоритъ, прежніе вѣка шли-шли съ своими событіями, и уперлись въ насъ, на которыхъ должно осуществиться все въ нихъ предъизображенное. Мы—цѣль предыдущихъ событій; на насъ исполняется, что̀ тамъ только предуказано. Апостолъ хотѣлъ устрашить ихъ и отогнать отъ нихъ всякое покушеніе отклонять отъ себя суды Божіи, думая: авось все то какъ нибудь минуетъ насъ. Некуда, говоритъ, миновать; послѣднія времена; страшный судъ близокъ (св. Злат.). „Помянулъ о послѣднихъ временахъ, дабы напомнить о кончинѣ міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ внушить, что наши наказанія будутъ не кратковременныя, а вѣч-

ныя. Временныя наказанія кончаются съ настоящею жизнію, а будущія будутъ продолжаться вѣчно. Дары наши больше, и наказанія больше" (св. Злат.).

Ст. 12. *Тѣмже мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ.*

Въ приведенныхъ примѣрахъ внушалось: смотрите, не увлекитесь отъ пиршества къ идолослуженію и отъ того и другаго къ блуду, или къ искушенію Бога о ропоту. Умники съ высшими взглядами могли на эти сказать, или подумать: о, нѣтъ! мы ясно понимаемъ дѣло и стоимъ твердо. Апостолъ вразумляетъ ихъ: но кто думаетъ, что стоитъ, блюдись, чтобы не пасть. „Снова низлагаетъ гордость тѣхъ, которые превозносились знаніемъ.—Надѣяться на себя самого не значитъ стоять такъ, какъ должно стоять; такой человѣкъ скоро упадетъ. Гордость, а за тѣмъ безпечность и сластолюбіе суть источники золъ. Посему если ты стоишь, берегись, чтобъ не упасть. Стоять здѣсь (въ сей жизни) не значитъ стоять твердо, пока мы не избавились отъ волнъ настоящей жизни и не достигли тихой пристани. Итакъ не гордись тѣмъ, что ты стоишь, а опасайся, чтобы не упасть. Ибо если опасался Павелъ (9, 27), который былъ крѣпче всѣхъ, то гораздо болѣе должно опасаться намъ" (св. Злат.).

Ст. 13. *Искушеніе васъ не достиже точію человѣческое; вѣренъ же Богъ, Иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести.*

Какое это искушеніе? Не внутреннее, какъ видно изъ всей рѣчи, а внѣшнее, скорби, бѣдствія, тѣсноты отъ невѣрующихъ. Они состояли подъ симъ искушеніемъ, и несли его; ибо говоритъ, *достиже.*—И Апостолъ Павелъ, говоря о своемъ среди ихъ пребываніи, пишетъ, что былъ у нихъ въ *страсѣ и трепетѣ мнозѣ* (2, 3),

конечно раздѣляя съ ними бѣдствія. Можетъ быть, начавшись тогда, они не прекращались, и вѣрующіе еще состояли подъ ними, когда писано посланіе. Не того ли ради и впереди, приводя вразумляющіе примѣры, онъ привелъ и такіе, въ которыхъ Богъ наказывалъ за искушеніе Его и ропотъ? Не состояли-ль въ связи эти искушенія съ ядeніемъ идоложертвенныхъ? Отчужденіе отъ нихъ наводило подозрѣніе, а потомъ по дознаніи, откуда оно исходило, и гоненіе. Умники, прикрываясь знаніемъ, садились небоязненно за трапезы идольскія, и тѣмъ избѣгали отъ всѣхъ непріятностей; а другіе не могли на это рѣшаться, и за то подвергались оскорбленіямъ, насмѣшкамъ, притѣсненіямъ. Первымъ давалъ уже Апостолъ сильныя вразумленія и еще будетъ давать; здѣсь нѣсколько словъ говоритъ ко вторымъ: не малодушествуйте, не ропщите. *Искушеніе васъ не постигло какъ только человѣческое*, т.-е. „малое, краткое, умѣренное. Вы еще не видали опасности, которая угрожала бы вамъ смертію, искушенія, которое могло бы погубить васъ. Тоже говорилъ онъ и Евреямъ: не *у до крове стасте, противу грѣха подвизающеся* (Евр. 12, 4)“ (св. Злат.).

Но такое слово, вмѣсто утѣшенія, могло и большій страхъ наводить. Пусть человѣческое постигло насъ искушеніе малое, но все же оно тяжело, и кто знаетъ, завтра оно сдѣлается еще тяжелѣе. Предотвращая такія мысли, могшія наводить уныніе, Апостолъ воодушевляетъ ихъ и ободряетъ, говоря: *вѣренъ Богъ, Иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете*. Возможно, говоритъ какъ-бы, и то, чего вы боитесь, но будьте увѣрены. что Богъ не попуститъ вамъ впасть въ искушенія, превышающія силы ваши. Предайтесь въ волю Его и не смущайте себя мрачными мыслями, но паче воодушевляйтесь благодушіемъ,вѣря въ непре-

ложность обѣтованій Того, Кто сказалъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28). Вѣренъ Богъ! Все отъ Него, и все въ рукахъ Его. Онъ умѣетъ соразмѣрить бремя съ силами того, на кого возлагаетъ его. Когда человѣкъ самъ себя ввергаетъ въ искушеніе, то не дивно, что онъ нападаетъ и на такое, которое ему не по силамъ, и онъ падетъ подъ нимъ. А Богъ никогда не искуситъ васъ *паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести*. Пусть Богомъ насылаемое, или попускаемое искушеніе и нестерпимымъ кажется, но Онъ или скоро избавитъ отъ него, такъ что лишь покажете твердость, пройдетъ и испытаніе,— *сотворитъ* вмѣстѣ *съ искушеніемъ и избытіе*, или, если нужно будетъ продолжить его, дастъ силы перетерпѣть все, и вы понесете его будто незамѣчая (Фотій у Экум.). „Богъ подаетъ и терпѣніе, и скорое освобожденіе, такъ что искушеніе дѣлается сноснымъ“ (св. Злат.).

Св. Златоустъ дѣлаетъ по сему такое наведеніе: „Значитъ есть искушенія, которыхъ нельзя перенести? Есть. Какія же? Можно сказать: всѣ; ибо возможность переносить ихъ зависитъ отъ помощи Божіей, которую мы пріобрѣтаемъ собственнымъ нашимъ расположеніемъ. Не только искушеній, превышающихъ силы наши, но и человѣческихъ мы не можемъ переносить безъ помощи свыше; даже умѣренныхъ искушеній мы не можемъ переносить собственною силою, но и въ этомъ случаѣ имѣемъ нужду въ помощи Божіей, дабы преодолѣть, а прежде нежели преодолѣемъ—переносить ихъ.“

Ст. 14. *Тѣмже, братіе моя возлюбленная, бѣгайте отъ идолослуженія.*

Къ этому преимущественно выводу велъ онъ рѣчь сначала главы. Израильтяне, прообразовательно крещенные и питавшіеся духовнымъ хлѣбомъ и пившіе ду-

ховное пиво, когда коснулись идолослуженія, гибли. Смотрите и вы, истинно крещеные, и истиннаго тѣла и крови Господнихъ вкушающіе, не коснитесь какъ-либо идолослуженія. Ибо и васъ не пощадитъ Богъ, и еще болѣе не пощадитъ, нежели тѣхъ. Бѣгайте же идолослуженія!—Идолослуженіемъ называетъ вкушеніе отъ жертвъ идольскихъ. Не прямое это идолослуженіе, но причастіе къ нему, оскверненіе имъ. Прежде онъ не касался этой стороны, соглашаясь, что знаніе, высшіе взгляды, дѣлали ихъ неприкосновенными сквернѣ идолослуженія. Теперь и это приписываетъ ихъ дѣлу, и говоритъ: бѣгайте, разумѣя,—бѣгайте такихъ трапезъ. Страхъ за участіе въ идолослуженіи онъ возбудилъ уже предыдущими судами Божіими. Осталось ему пояснить, что вкушая отъ жертвъ идольскихъ, они причастны идолослуженію. Объ этомъ и слѣдуетъ рѣчь.

Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ постепенно усиливаетъ обвиненіе, и показываетъ, что равнодушное вкушеніе идоложертвеннаго ни мало не разнится отъ служенія идоламъ.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Почему побуждаетъ поскорѣе отстать отъ грѣха; ибо не просто сказалъ: отстаньте, но: *бѣгайте*; называетъ дѣло ихъ идолослуженіемъ, дабы они отстали отъ него не только потому, что оно причиняетъ вредъ ближнему, но и потому что оно само по себѣ весьма пагубно.“

σ).

Вкушающіе идоложертвенное трапезѣ бѣсовской приччащаются, и потому не безвинны отъ идолослуженія

15—22.

Ходъ мыслей у Апостола такой: разсудите сами: когда мы причащаемся Святыхъ Таинъ, то причащаемся тѣла Христова и крови Христовой; также у Іудеевъ тѣ, ко-

торые ядятъ отъ жертвъ, общники бываютъ олтаря; а ядущіе отъ жертвъ идольскихъ, думаете, никому не общники?! Идолы точно ничто; но есть бѣсы, которымъ служатъ чрезъ жертвы идоламъ. Если такъ, то ядущіе идоложертвенное суть общники бѣсовъ. Вотъ куда вы попадаете съ вашимъ мудрованіемъ! Потому я никакъ не хочу, чтобы вы были общники бѣсовъ. Не можете вы Святыхъ Таинъ причащаться, и участвовать въ бѣсовской трапезѣ. Прекратите это. Божію ревность вы этимъ раздражаете. Когда же прогнѣвается Господь, кто устоитъ?

Ст. 15. *Яко мудрымъ глаголю; судите вы, еже глаголю.*

Предыдущій стихъ можно считать и концемъ предшествовавшаго отдѣленія, и началомъ настоящаго. Тамъ сказано: *бѣгайте идолослуженія;* мысль же слова такая: прекратите участіе въ трапезахъ капищныхъ, потому что чрезъ это вы дѣлаетесь причастными идолослуженія. Приступая теперь къ доказанію этого, или даже къ доказанію гораздо большаго, именно, что они дѣлаются чрезъ то общниками бѣсовъ,—а это страшно,—Апостолъ самихъ Коринѳянъ избираетъ судьями надъ самими собою. Онъ говоритъ какъ-бы: я вамъ предложу только данныя, а выводъ вы сдѣлаете сами. Св. Златоустъ говоритъ: „такъ какъ онъ сказалъ многое и усилилъ обличеніе, назвавъ дѣло ихъ идолослуженіемъ, то, дабы не показалось, что онъ говоритъ слишкомъ рѣзко и укоризненно, — отдаетъ это на ихъ судъ, и похваливъ, поставляетъ ихъ судьями: *яко мудрымъ,* говоритъ, *глаголю.* Надобно быть совершенно увѣреннымъ въ правотѣ своей, чтобы самого обвиняемаго ставить судьею дѣла. Это весьма много ободряетъ и слушателей, когда кто бесѣдуетъ съ ними, не какъ повелитель или законодатель, но какъ совѣтникъ, ожидающій суда ихъ самихъ. Съ Іудеями, которые были несмысленны

и дѣтски малодушны, Богъ не такъ бесѣдовалъ и не вездѣ открывалъ имъ причины Своихъ повелѣній, а только повелѣвалъ; но здѣсь, такъ какъ мы удостоены великой свободы и способны участвовать въ свободѣ, Апостолъ бесѣдуетъ какъ съ друзьями и говоритъ: я не требую другихъ судей, вы сами произнесете судъ, васъ поставляю судьями."

Ст. 16. *Чаша благословенія, юже благословляемъ, не общеніе ли крове Христовы есть? Хлѣбъ, егоже ломимъ, не общеніе ли тѣла Христова есть?*

Два вида общенія посредствомъ видимаго съ невидимымъ предлагаетъ Апостолъ на разсужденіе мудрыхъ Коринѳянъ. *Первый* высшій, общеніе тѣла и крови Христовыхъ подъ видомъ хлѣба и вина. Въ церкви приносится безкровная жертва. Затѣмъ всѣ присутствующіе въ храмѣ причащаются отъ сей жертвы, и причащаясь входятъ въ общеніе крови Христовой и тѣла Христова. Ибо хлѣбъ и вино чрезъ благословеніе таинственно пресуществляются въ тѣло и кровь Господа Іисуса Христа. Вотъ что есть у насъ и что вы знаете, говоритъ. Сила слова, что мы вступаемъ въ общеніе тѣла и крови Господа; но тутъ же утверждаются и обѣ догматическія истины о таинствѣ Евхаристіи, первая—что въ семъ таинствѣ приносится жертва, и вторая, что хлѣбъ и вино пресуществляются въ тѣло и кровь Господа. Первое—по ходу рѣчи, ибо рѣчь идетъ о жертвахъ священнодѣйственныхъ; второе—по силѣ вкушенія, ибо питіе вина есть общеніе крови, и вкушеніе хлѣба есть общеніе тѣла; то и другое не мысленно, а дѣйствительно. „Сподобляясь священныхъ Таинъ, не съ самимъ ли Владыкою вступаемъ въ общеніе, не говоримъ ли, что Его это тѣло и Его кровь?" (Ѳеод.).

„*Чашею благословенія* (или Евхаристіи, благодаренія) назвалъ ее Апостолъ потому, что мы, держа ее въ ру-

кахъ, прославляемъ Бога, удивляемся и изумляемся неизреченному Его дару, благословляя Его, что Онъ пролилъ кровь Свою для избавленія насъ отъ заблужденія, и не только пролилъ, но и преподалъ ее всѣмъ намъ" (св. Злат.). Слова же: *юже благословляемъ* указываютъ на священнодѣйственное благословеніе, чрезъ которое таинственно силою Христовою вино бываетъ кровь Христова и хлѣбъ тѣло Христово. Вслѣдствіе сего вкушеніе отъ чаши *не общеніе ли крове Христовы есть?* „Весьма вѣрно и страшно онъ выразился; смыслъ же словъ его есть слѣдующій: находящееся въ чашѣ есть то самое, что истекло изъ ребра Господа; того мы и пріобщаемся" (св. Злат.).

Вслѣдствіе сего же вкушеніе отъ хлѣба, *егоже ломимъ, не общеніе ли тѣла Христова есть?* Оба вопроса заключаютъ въ себѣ сугубѣйшее утвержденіе вопрошаемаго. „Почему не сказалъ: причастіе? Потому что хотѣлъ выразить нѣчто большее, показать совершенное единеніе. Ибо пріобщаясь, мы не только дѣлаемся участниками и сообщниками, но соединяемся со Христомъ. Какъ тѣло Христово соединено со Христомъ. такъ и мы чрезъ этотъ хлѣбъ соединяемся съ Нимъ" (св. Злат.).

„Въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда люди были несовершенны, Онъ такую же кровь, какую язычники приносили идоламъ, благоволилъ и Самъ принимать, дабы отвратить отъ идоловъ, что также доказывало неизреченную Его любовь; а теперь Онъ преподалъ священнодѣйствіе болѣе страшное и совершенное, измѣнивъ жертву, повелѣвъ вмѣсто закланія безсловесныхъ приносить Его Самого" (св. Злат.).

Ст. 17. *Яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози: вси бо отъ единаго хлѣба причащаемся.*

Что точно принятіе Таинъ Христовыхъ есть общеніе

тѣла Его и крови, это, хотя для всѣхъ христіанъ и очевидное и несомнѣнное, счелъ Апостолъ нужнымъ пояснить или и доказать, представляя въ подтвержденіе того наглядное дѣло, то, что всѣ причащающіеся, которыхъ много, составляютъ одно тѣло, и тѣло Христово. Какъ бы это могло быть, еслибы причащающіеся Таинъ Христовыхъ не тѣла и крови Его причащались? Такимъ образомъ очевидно, что поелику причащаясь единаго хлѣба, мы становимся едино тѣло; то значитъ, причащаясь хлѣба, мы тѣла Христова пріобщаемся. Св. Златоустъ говоритъ: „сказавъ: *общеніе тѣла*, хочетъ выразить еще тѣснѣйшую связь и говоритъ: *яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози*. Что я говорю: *общеніе?* продолжаетъ онъ,—мы составляемъ самое тѣло Его. Ибо что такое этотъ хлѣбъ? Тѣло Христово. Чѣмъ дѣлаются причащающіеся? Тѣломъ Христовымъ, не многими тѣлами, а однимъ тѣломъ. Какъ хлѣбъ, составляясь изъ многихъ зеренъ, дѣлается единымъ, такъ что хотя въ немъ есть зерна, но ихъ не видно, и различіе ихъ непримѣтно, по причинѣ ихъ соединенія, такъ и мы соединяемся другъ съ другомъ и со Христомъ. Ибо мы питаемся не одинъ однимъ, а другой другимъ, но всѣ однимъ и тѣмъ же тѣломъ. Посему Апостолъ и присовокупляетъ: *вси бо отъ единаго хлѣба причащаемся*. Христосъ соединилъ съ Собою тебя, столько отдаленнаго отъ Него. — Смотри, какой жизни ты удостоиваешься? Ибо Онъ не просто далъ Свое тѣло, но вмѣсто прежней плоти, которая по естеству своему происходя изъ земли была умерщвлена грѣхомъ и лишена жизни, Онъ привнесъ такъ сказать другой составъ и другую закваску — Свою плоть, которая хотя по естеству такая же, но чужда грѣха и исполнена жизни и всѣмъ преподалъ ее, дабы питаясь ею и отложивъ прежнюю мертвую плоть, мы

уготовились посредствомъ этой трапезы въ жизнь безсмертную.“

Ст. 18. *Видите Израиля по плоти: не ядущіи ли жертвы общницы олтареви суть?*

Второй примѣръ общенія у Израиля по плоти. „Тоже доказываетъ опять и изъ Ветхаго Завѣта. Величіе сказаннаго много превышало понятія слушателей; посему онъ убѣждаетъ ихъ прежними обыкновенными примѣрами“ (св. Злат.). Значеніе таинства тѣла и крови Христовыхъ не было неизвѣстно Коринѳянамъ; но понятія точно превышаетъ это не только ихъ, но и всѣхъ. Значеніе жертвъ ветхозавѣтныхъ понятнѣе. Почему Апостолъ говоритъ какъ-бы: „научитесь хотя изъ простѣйшихъ примѣровъ, что вкушающіе отъ жертвъ дѣлаются участниками жертвоприношенія“ (св. Злат.). *Израилемъ по плоти* онъ назвалъ продолжавшихъ слѣдовать Моисееву закону и происходившихъ по плоти отъ Авраама и Іакова, который первый названъ Израилемъ, въ отличіе отъ духовнаго Израиля—христіанъ, зрящихъ Бога и собираемыхъ чрезъ благовѣстіе вѣры изъ всѣхъ народовъ. Законъ о жертвахъ у Израиля былъ такой, что изъ приносимаго къ алтарю часть только возлагаема была на жертвенникъ и сожигалась, а прочее употребляли въ пищу жрецы. Такъ Богъ законоположилъ, говоря, что служащіе алтарю отъ алтаря и питаться должны. Почему колѣну Левіину, назначенному на отправленіе службъ въ храмѣ, и не назначилъ удѣла, а сказалъ: Я ваша часть, т.-е. тѣ колѣна земля питаетъ, а васъ Я буду питать. Такимъ образомъ священники и левиты питались отъ стола Божія. Столъ — это былъ жертвенникъ. Божія часть потреблялась огнемъ, а часть жреческую потребляли сами жрецы, по благословенію Божію, получая ее отъ жертвенника, какъ бы отъ стола Божія.

Вотъ почему Апостолъ назвалъ ихъ *общниками олтаря*, т.-е. трапезы Господней. Они не вступали чрезъ то въ существенное общенiе съ Богомъ, хотя были Божiи, а только съ алтаремъ. У духовнаго Израиля не такъ: здѣсь приносится жертва тѣла и крови Христовыхъ, и вкушающiе отъ сей жертвы суть общники не алтаря, а Самого Христа. Св. Златоустъ говоритъ: „тамъ ядущiе отъ жертвы становятся общниками только алтаря, а у насъ не такъ; а какъ? вкушенiе отъ нашей жертвы есть *общенiе тѣла Христова*; ибо мы дѣлаемся причастниками не жертвенника, а Самого Христа."

Ст. 19. *Что убо глаголю? Яко идолъ что есть, или идоложертвенное что есть?*

Изъ приведенныхъ двухъ примѣровъ очевидно выходило, что вкушающiе отъ жертвъ становятся общниками жертвоприношенiя въ томъ смыслѣ и въ той силѣ, въ какихъ оно совершается. Прочитавши это, Коринөяне могли придти въ недоумѣнiе и возъимѣть позывъ обратиться къ Апостолу съ вопросомъ: изъ сказаннаго видно, что и мы, вкушая идоложертвенное, чему-нибудь становимся общниками. Чему же это? Идолъ ничто, и идоложертвенное ничего не принимаетъ, бывъ принесено тому, что ничто. Такъ училъ самъ Апостолъ. Кому же мы общники?—Упреждая ихъ, Апостолъ и оговариваетъ рѣчь свою: я не говорю, что идолъ что-нибудь есть, и идоложертвенное что-нибудь есть. Нѣтъ, и идолъ ничто и идоложертвенное чѣмъ было, тѣмъ и остается. Есть другое лицо, съ которымъ жертва и жрущiе ее и ядущiе ее вступаютъ въ общенiе, и это лицо богопротивное.

Въ нравственно-религiозномъ отношенiи есть двѣ области: Божiя и сатанинская, бѣсовская, — противоположныя, какъ свѣтъ и тьма, какъ истина и ложь, какъ добро и зло, какъ жизнь и смерть. Кто въ Бо-

жіей, тотъ не въ бѣсовской, и кто въ бѣсовской, тотъ не въ Божіей. Кто Богу что дѣлаетъ, тотъ чуждъ бѣсовъ, а кто не Богу, тотъ на бѣсовской части. Возьмите теперь во вниманіе, Богу ли язычы жрутъ то, что жрутъ? Очевидно нѣтъ. Но если не Богу, то бѣсамъ. Идолъ все остается ничѣмъ; но бѣсъ не ничто, а есть богопротивное существо, врагъ Божій и нашъ. Онъ научилъ этимъ жертвамъ, онъ и принимаетъ ихъ, ему и угождаютъ принимающіе ихъ и вкушающіе отъ нихъ. Трапеза отъ жертвъ идольскихъ есть настоящая бѣсовская трапеза, не смотря на то, что и идолъ ничто и мясо жертвенное остается тѣмъ, чѣмъ было. Такъ вотъ моя мысль!

Ст. 20. *Но зане, яже жрутъ языцы, бѣсомъ жрутъ, а не Богови: не хощу же васъ общниковъ быти бѣсомъ.*

Ходъ рѣчи такой: не то я говорю, что идолъ есть что или идоложертвенное что. Нѣтъ; но что язычники бѣсамъ жрутъ то, что жрутъ. И слѣдовательно вкушающіе отъ сихъ жертвъ общатся съ бѣсами. А я не хочу, чтобъ вы были общниками бѣсовъ. „Говорю это и отклоняю васъ отъ идоловъ не потому, чтобы они могли причинять какой-нибудь вредъ, или имѣли какую-нибудь силу; они ничто; но хочу, чтобы вы презирали ихъ. Если же онъ хочетъ, скажешь, чтобъ мы презирали ихъ, то почему съ такимъ усиліемъ отклоняетъ насъ отъ нихъ? Потому, что жертвы ихъ приносятся не твоему Господу. *Зане яже жрутъ языцы, бѣсомъ жрутъ, а не Богови.* Не обращайся же къ тому, что противно Богу. Ты вступаешь чрезъ это въ связь съ врагами Божіими. Вотъ почему я отклоняю тебя отъ этого! Цѣль приносящихъ жертвы и свойства лицъ пріемлющихъ оныя (т.-е. бѣсовъ) дѣлаютъ предлагаемое нечистымъ. *Не хощу же васъ общниковъ быти бѣсомъ.* Видишь ли любовь попечительнаго отца? Видишь ли,

какъ самыя слова его выражаютъ великую доброжелательность? Не хочу, говоритъ, чтобы вы имѣли какое-нибудь общеніе съ нечистыми силами“ (св. Злат.).

Ст. 21. *Не можете чашу Господню пити и чашу бѣсовскую; не можете трапезѣ Господней причащатися и трапезѣ бѣсовстѣй.*

Это уже властное законоположеніе. „То говорилъ: *разсудите сами,* будто совѣтъ предлагая; а когда изложилъ имъ весь ходъ разсужденія и вывелъ изъ него, до какой опасности доходятъ вкушающіе отъ жертвъ идольскихъ, что даже на сторону враговъ Божіихъ и своихъ переходятъ,—уже не даетъ мѣста ихъ разсужденію, а пишетъ опредѣленіе: не смѣйте же болѣе касаться этихъ бѣсовскихъ жертвъ: не можете чашу ту бѣсовскую пить, и трапезѣ той бѣсовской причащаться. Есть у васъ своя чаша, чаша Господня, и своя трапеза, трапеза Господня. Ихъ причащаясь, другихъ не желайте. Строгое это законоположеніе изрекъ Апостолъ, дабы кто изъ упорнѣйшихъ, видя, что онъ говорилъ все прежнее будто въ видѣ совѣта: *какъ разумнымъ говорю, разсудите сами,*—не ослушался и не счелъ себя въ правѣ не дѣлать такъ, какъ выходило изъ того разсужденія. Почему говоритъ: *не можете... не можете.* Одни эти выраженія достаточны для вразумленія“ (св. Злат.).

Ст. 22. *Или раздражаемъ Господа? Еда крѣпчайши Его есмы?*

„Т.-е. неужели мы смѣемъ искушать Его и раздражать, переходя на сторону противниковъ и становясь на ряду съ врагами Его? Здѣсь онъ напоминаетъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ и беззаконіяхъ предковъ; посему употребляетъ и выраженіе то самое, которое нѣкогда употребилъ Моисей, отъ лица Божія обличая Іудеевъ въ идолопоклонствѣ. *Тіи,* говорилъ онъ, *раз-*

дражиша мя не о Бозѣ, прогнѣваша мя во идолѣхъ своихъ (Втор. 32, 21). *Еда крѣпчайши Его есмы?* Видишь ли какъ сильно, какъ страшно онъ поражаетъ ихъ, потрясая самые нервы ихъ, доводя ихъ сужденія до нелѣпости и такимъ образомъ низлагая гордость ихъ? Начавъ съ меньшаго, онъ дошелъ до самаго главнаго; послѣднее гораздо скорѣе могло быть принято послѣ того, какъ душа слушателей смягчилась прежними доводами" (св. Злат.). Разсужденіе хорошо; но на опредѣленія воли слабо дѣйствуетъ, если въ основѣ нравственной жизни не лежитъ страхъ Божій. Гдѣ страхъ Божій, тамъ и слабое разсужденіе сильно; а гдѣ нѣтъ его, тамъ и сильное ничего не сдѣлаетъ. Въ огражденіе немощи нравственной, Апостолъ и возставляетъ страхъ Божій, и при томъ въ его грозномъ видѣ, какъ страхъ наказанія и пораженія. Никакое чувство такъ сильно не дѣйствуетъ на напряженіе силъ, какъ чувство самосохраненія. Его и раздражаетъ здѣсь Апостолъ. Дошедши до опасенія, какъ бы не поразилъ Богъ за вкушеніе идоложертвеннаго, они скорѣе и рѣшительнѣе могли воздерживаться отъ сего, опираясь на сей страхъ.

Въ словахъ: *или раздражаемъ Бога?*—раздражаемъ—не гнѣвъ, а ревность, παραζηλοῦμεν. Богъ названъ Богомъ—ревнителемъ, какъ ревнитель о славѣ Своей, о славѣ Божества Своего. *Славы Моея,* говоритъ, *иному не дамъ, ниже добродѣтелей Моихъ истуканнымъ.* Сей ревности раздраженіе разумѣетъ Апостолъ. А что она у Бога не бываетъ праздною, этому сколько доказательствъ въ исторіи Израильтянъ!—Вотъ и вопросъ: *еда крѣпчайши Его есмы?* Подвигнется ревность Божія и въ прахъ сотретъ васъ. Такъ поопаситесь и, усмиривъ свои высшіе взгляды, не прикасайтесь болѣе жертвъ идольскихъ.

в).

Какъ же обходиться съ пищею, чтобы не согрѣшить употребленіемъ идоложертвеннаго?

23—33.

Такого вопроса нельзя было обойти и въ отвѣтъ на него не написать правилъ, по внѣшнимъ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Идоложертвенное не при капищахъ только ѣли, но и въ домахъ предлагали на трапезѣ, и продавали на рынкахъ. Такимъ образомъ возможно было или на рынкѣ купить идоложертвенное и вкусить, или пришедши на трапезу къ язычнику, коснуться его. Какъ же быть? Апостолъ отвѣчаетъ: все вкушайте, пока вамъ не скажетъ кто: *се идоложертвенное есть*. Услышавъ это, не вкушайте, чтобы не соблазнить кого,—Іудея, Эллина, или брата немощнаго. Принимайте пищу съ благодареніемъ, и ея употребленіе обращая во славу Божію и духовное назиданіе другихъ.

Ст. 23. *Вся ми лѣть суть, но не вся на пользу; вся ми лѣть суть, но не вся назидаютъ.*

Послѣ страшной угрозы рѣчь потекла покойно. Начинаетъ ее Апостолъ тѣмъ, что подало поводъ и ко всему разсужденію объ идоложертвенномъ,—со свободы относительно употребленія всякаго рода безвредной пищи. На это начало опираясь, умники садились за трапезы въ капищахъ идольскихъ. Апостолъ не отвергаетъ ея, а утверждаетъ: *вся ми лѣть суть, вся ми лѣть суть*. Совершенная, говоритъ, правда. Но пользованіе симъ правомъ свободы не можетъ быть безъ ограниченій. Я полагаю для этого два ограниченія: пользу себѣ и назиданіе ближнимъ. Коль скоро вкушеніе чего-либо не полезно себѣ и не назидаетъ ближ-

няго, то отъ него надо воздержаться. Полагаетъ Апостолъ въ началѣ сіи мысли, потому что ими потомъ руководствуется въ изложеніи нижеслѣдующихъ правилъ. Св. Златоустъ говоритъ: „видишь ли великую мудрость Апостола? Такъ какъ иной изъ нихъ могъ сказать: я совершенъ, я властенъ надъ собою, я вкушаю предлагаемое съ полнымъ знаніемъ дѣла; то онъ говоритъ: положимъ, что ты совершенъ и властенъ надъ собою; но смотри не на это, а на то, не причиняетъ ли твое поведеніе какого-нибудь вреда, или какого-нибудь разстройства. То и другое онъ выразилъ словами: *не вся на пользу, не вся назидаютъ,* разумѣя первое о немъ самомъ, а другое о братѣ; ибо слово: *не на пользу,* указываетъ на погибель его самого; а слово: *не назидаютъ,* на соблазнъ брата.“

Вредъ себѣ называетъ св. Златоустъ погибелью себя самого, вѣроятно потому, что чрезъ вкушеніе идоложертвеннаго становятся общниками бѣсовъ; а въ этомъ явная пагуба. Экуменій и Ѳеофилактъ видятъ вредъ сей въ томъ, что привыкши вкушать идоложертвенное, и къ идоламъ опять привыкнетъ и можетъ отпасть отъ Церкви, тоже на пагубу себѣ.

Но можно и пользу и назиданіе разумѣть только въ отношеніи къ братьямъ, какъ подаетъ поводъ думать слѣдующій текстъ, гдѣ о себѣ ничего не говорится, а все вниманіе заповѣдуется обращать на пользу ближняго. Такъ разсуждаетъ блаженный Ѳеодоритъ: „Позволительно тебѣ, по тому вѣдѣнію, какое приписываешь себѣ, дѣлать все; но не полезно тебѣ дѣлать вредъ другимъ. Дѣлаемое тобою не назидаетъ ихъ. Положимъ, что ты совершенъ; но надобно позаботиться и о немощныхъ. Ибо сіе присовокупилъ Апостолъ.“

Ст. 24. ***Никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо.***

„Не на одно то смотри, что ты вкушаешь съ чистою совѣстію, но и на то особенно, назидаетъ ли это ближняго твоего. Во многихъ мѣстахъ выставляетъ св. Павелъ это правило, какъ необходимѣйшее. Но не просто велитъ онъ не искать своей пользы, а только тогда, когда это вредно для брата. Въ такомъ случаѣ полезное ближнему должно предпочитать своей пользѣ, и то избирать, а это оставлять" (Ѳеоф.). Коренной законъ дѣятельности христіанской: люби Бога паче всего, и люби ближняго какъ себя. О любви къ себѣ нечего и правилъ писать; ее только можно ограничивать. Любовь къ Богу наипаче есть дѣйствіе сердечное, внутренное, сокровенное. Въ явной жизни дѣйствующею является одна любовь къ ближнимъ, возгрѣваемая внутри любовію къ Богу. Бога паче всего любить должно; но къ Богу дѣятельной любви ничѣмъ не можешь ты показать, какъ дѣлами любви къ ближнимъ. Потому, *да ищетъ кійждо еже ближняго*—есть сокращеніе всего нравственнаго закона. Но надо при этомъ держать въ душѣ строго дополнительную главную мысль, чтобы сіе исканіе, *еже ближняго*, исходило изъ любви къ Богу. Ибо есть гуманисты, которые представляются млѣющими отъ любви къ человѣчеству, между тѣмъ не только любви къ Богу, но и вѣры въ Него не имѣютъ. Пустыя личности!

Этими двумя стихами напоминалъ Коринѳянамъ Апостолъ: итакъ вкушать идоложертвенное открыто въ капищахъ — съ этихъ поръ не дерзайте. Но оставались другіе случаи, въ которыхъ и не вѣдая можно было вкусить идоложертвенное. Ихъ теперь и опредѣляетъ св. Павелъ.

Ст. 25. 26. *Все, еже на торжищи продаемое, ядите, ничтоже сумнящеся, за совѣсть: Господня бо земля, и исполненіе ея.*

„Поелику Апостолъ совершенно воспретилъ вкушеніе идоложертвеннаго, а въ то время города полны были таковыхъ мясъ, и вѣроятно, одни изъ уваженія къ Апостольскому закону, не стали бы вовсе покупать ихъ, а другіе по чревоугодію пренебрегли бы законъ, то по необходимости и касательно сего узаконяетъ, что слѣдовало. Сущность законоположенія въ слѣдующемъ: на торжищѣ покупайте все, не спрашивая, идоложертвенное это, или нѣтъ, и затѣмъ вкушайте то небоязненно“ (Ѳеод.).

Жрецы, не успѣвая всего приносимаго въ жертву потреблять сами, отсылали излишнее на рынокъ, или можетъ быть кто скупалъ у нихъ это и продавалъ. Такимъ путемъ идоложертвенное могло попасть и христіанамъ. Апостолъ говоритъ: что на рынкѣ покупаете, ѣшьте то безъ разсужденія, μηδὲν ἀνακρίνοντες. Тутъ будто нѣтъ и мысли объ испытаніи и изслѣдованіи, идоложертвенное ли то; а то одно, чтобы вкушать то безъ всякихъ раздумыванiй, какъ пищу простую, чистую и ничѣмъ незапятнанную, въ простотѣ мысли. Славянскимъ нашимъ переводомъ мысль Апостола точно выражена: *ничтоже сумнящеся*. Слово: *за совѣсть* διὰ τὴν συνείδησιν, значитъ: по тому убѣжденію совѣстному, что всякое созданіе Божіе добро и ничтоже отметно. Съ этою свѣтлою совѣстію, съ этимъ свѣтлымъ убѣжденіемъ кушайте все, что продается на рынкѣ. Почему и прибавилъ въ основаніе такого распоряженія: *Господня бо земля и исполненіе ея*. Все Господне, Господнее же благословенно. Нечего и раздумывать: кушайте все, какъ даръ Божій благословенный.

Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ не дозволяетъ имъ даже сомнѣваться, т.-е. изслѣдовать и развѣдывать, идоложертвенное это или нѣтъ, а заповѣдываетъ просто ѣсть все находящееся на торжищѣ, не разспраши-

вая, что такое предлагаемое. Идоложертвенное дурно не по природѣ своей, но производитъ оскверненіе по произволенію вкушающаго. Посему онъ и говоритъ: ничтоже сумнящеся. *Господня бо земля и исполненіе ея*, а не бѣсовъ. Если же Господня земля, и плоды и безсловесныя животныя, то нѣтъ ничего нечистаго; нечистымъ же дѣлается что-либо вслѣдствіе злонамѣренности и преслушанія человѣка.“ Вотъ еще нѣсколько фразъ бл. Фотія, котораго пространное мнѣніе приводитъ Экуменій. „Рыночное вкушайте, безъ раздвоенной мысли, μηδὲν διστάζοντες, съ совѣстію чистою, неколеблющеюся. Безъ размышленія, ἀζητήτως вкушай рыночное, съ совѣстію чистою, нераздумывающею, и не требующею другаго удостовѣренія, кромѣ того убѣжденія, что Господня земля. Если Господня земля, и что на ней, что еще раздумывать?“

Ст. 27. *Аще ли кто отъ невѣрныхъ призываетъ вы, и хощете ити, все предлагаемое вамъ ядите, ничтоже сумнящеся, за совѣсть.*

Другой случай, когда кто изъ язычниковъ позоветъ на обѣдъ, а они имѣли обычай брать части отъ жертвъ и приносить домой. Какъ тутъ быть? И здѣсь тоже правило: *все предлагаемое вамъ ядите, ничтоже сумнящеся, за совѣсть*, т.-е. по томуже убѣжденію, что всякое созданіе Божіе добро, не допуская и мысли о томъ, чтобы тутъ было что идоложертвенное, *ничтоже сумнящеся*, въ простотѣ мысли.

Ходить къ язычникамъ на обѣды Апостолъ не запрещаетъ, и не повелѣваетъ, а оставляетъ это на свободу приглашаемому. Ѳеодоритъ замѣчаетъ: „потому что невозможно было бы уловлять невѣрныхъ, прекративъ сообщеніе.“ „А избавляетъ ядущихъ отъ всякаго подозрѣнія (въ чемъ-либо идоложертвенномъ), объясняетъ св. Златоустъ, ради того, дабы излишняя осторож-

ность не показалась дѣломъ страха и опасенія: ибо кто развѣдываетъ, тотъ дѣлаетъ это по страху, а кто воздерживается послѣ того какъ узналъ дѣло, тотъ воздерживается по нерасположенію, презрѣнію, отвращенію" (къ идолослуженію, и ко всему, что прикосновенно ему). Апостолъ хочетъ, чтобы содержа въ крѣпкой совѣсти твердое убѣжденіе, что одинъ царь надъ всѣмъ Господь, и что всѣ творенія Его суть, съ сею свѣтлою вѣрою вкушали все, съ благодареніемъ къ Подателю благъ.

Ст. 28. *Аще ли же кто вамъ речетъ: сіе идоложертвенно есть, не ядите за онаго повѣдавшаго, и совѣсть: Господня бо земля, и исполненіе ея.*

Не всѣ кушанья предполагаются идоложертвенными, а нѣкоторыя. Итакъ, если кто, когда дойдетъ до нихъ череда, скажетъ: *сіе идоложертвенное есть,* въ такомъ случаѣ не ѣсть. Кто этотъ повѣдавшій? Какъ Апостолъ не опредѣляетъ, то прямѣе бы было и не касаться этого вопросомъ. Кто бы ни былъ. Но какъ предварительное рѣшеніе этого вопроса. хоть предположеніемъ, даетъ удобства къ приведенію въ понятность теченія всей послѣдующей рѣчи, то и стали его рѣшать. Инымъ кажется, что лучше всего подъ нимъ разумѣть слабаго христіанина, который говоритъ это крѣпкому; а другимъ кажется, что лучше будетъ разумѣть какого-либо язычника, который говоритъ это, съ лукавымъ намѣреніемъ искусить христіанина, и посмотрѣть, какъ-то онъ поступитъ. Но вѣдь Апостолъ пишетъ правило не на одинъ случай, а на всѣ; во всѣхъ же могло быть, что иногда это скажетъ слабый христіанинъ, иногда язычникъ. Итакъ положимъ: христіанинъ ли слабый или язычникъ искушающій скажетъ: это идоложертвенное, — не ѣшь, говоритъ Апостолъ. Не ѣшь *за онаго повѣдавшаго*, т.-е. щадя его. Слабаго хри-

стіанина щадѣніе очевидно въ чемъ. Въ томъ, что еслибы крѣпкій послѣ сего увѣдомленія сталъ ѣсть, то слабый не могъ бы уже отказаться ѣсть, а ставши ѣсть, ѣлъ бы то какъ нѣчто имѣющее значеніе въ религіозномъ отношеніи, и тѣмъ осквернилъ бы свою совѣсть; отказавшись же ѣсть, онъ придастъ ему мужества воздержаться и себѣ, и тѣмъ спасетъ его отъ запятнанія совѣсти. Но въ чемъ щадѣніе язычника? Если язычникъ говоритъ объ этомъ христіанину, то очевидно по той мысли, что ему не слѣдуетъ этого ѣсть. Такъ сложилась его языческая совѣсть. Еслибы христіанинъ несмотря на то сталъ ѣсть, то язычникъ могъ подумать: чтожъ это, христіане хвалятся высотою вѣры и нравоученія, а между тѣмъ, покажи только имъ лакомый кусокъ, и они готовы опять съ нашими богами въ мирѣ жить. Для него идоложертвенное есть нѣчто священное (въ нѣк. списк. стоитъ ἱερόθυτον), вкушеніе отъ коего намащаетъ благословеніемъ боговъ. То же, по его мысли, перейдетъ и на христіанина. Какъ же это, подумаетъ онъ? И отъ невыгодной мысли о христіанинѣ перейдетъ къ невыгодной мысли о христіанствѣ. Слѣдовательно ѣсть послѣ сказаннаго увѣдомленія будетъ значитъ унизить себя, какъ христіанина, унизить въ своемъ лицѣ всѣхъ христіанъ и самое христіанство. Слѣдовательно далѣе достоинство свое, какъ христіанина, честь христіанъ и самаго христіанства требуетъ не вкушать извѣстной пищи, коль скоро скажутъ, что это идоложертвенное. И это надобно сдѣлать ради повѣдавшаго и другихъ подобныхъ ему. и ради самого повѣданія. Въ какихъ мысляхъ такъ сдѣлать? Въ показаніе презрѣнія ко всему идолослужебному. Не потому, что идоложертвенное есть что̀, но потому, что поелику оно идолослужебно, то омерзительно. Изъ презрѣнія къ идолослуженію, я

презираю и это идоложертвенное. Такъ св. Златоустъ: „Апостолъ повелѣваетъ воздерживаться отъ жертвъ идольскихъ, не какъ отъ имѣющихъ силу, но какъ отъ достойныхъ отвращенія. Избѣгайте, говоритъ, идоложертвеннаго, не потому, чтобы оно могло причинить вредъ; оно не имѣетъ никакой силы; но потому, что оно презрѣнно. Впрочемъ на томъ основаніи, что оно не имѣетъ никакой силы, не вкушайте его безразлично; ибо это трапеза враговъ и нечестивыхъ."

Такимъ образомъ это воздержаніе предъ лицемъ язычниковъ будетъ вразумляющею проповѣдію о достоинствѣ христіанства и презрѣнности идолослуженія. *За онаго повѣдавшаго* будетъ значитъ въ семъ случаѣ: чтобъ не заградить ему двери къ восходу до яснаго познанія высоты христіанства, и чрезъ то двери вѣры. Ибо вкушеніе перепутало бы всѣ его понятія и помрачило свѣтлый ликъ вѣры Христовой.

И совѣсть. Чью совѣсть? Ниже объясняетъ Апостолъ: совѣсть не свою, а другаго. Въ предыдущихъ двухъ случаяхъ (ст. 25 и 27) совѣсть разумѣлась своя, а здѣсь другаго. Чья же? ближе всего — повѣдавшаго. Язычникъ ли скажетъ: это идоложертвенное, или слабый христіанинъ, невкушеніе сего идоложертвеннаго будетъ цѣлительно для совѣсти того и другаго.

Господня бо земля, и исполненіе ея. Это такъ надо связывать съ теченіемъ рѣчи: я разумѣю не твою совѣсть, а совѣсть другаго; для твоей же совѣсти остается неизмѣннымъ то убѣжденіе, что въ царствѣ Господа все добро и ничтоже отметно. „Не потому, говоритъ, я возбраняю, будто это чуждая вещь, Господня бо земля, но *за совѣсть,* т.-е. дабы не сдѣлать вреда. Слѣдовательно надобно развѣдывать? Нѣтъ, говоритъ, я разумѣю не твою совѣсть, а другаго; ибо я предварительно сказалъ: *за повѣдавшаго*" (св. Злат.).

Ст. 29. *Совѣсть же глаголю не свою, но другаго: вскую бо свобода моя судится отъ иныя совѣсти?*

Дѣйствуй такъ, щадя совѣсть другаго, а не свои убѣжденія измѣняя. Когда другой сказалъ: *это идоложертвенное,*—отъ этого слова твое убѣжденіе, что всякое созданіе Божіе добро, слѣдовательно и это идоложертвенное добро, не принявъ никакого само по себѣ оскверненія, не должно мѣняться, не должно переходить на мысль, будто предъ тобою вещь, чуждая Богу, не Его твореніе. Въ этомъ будь твердъ; но воздержись отъ вкушенія ради пользы другихъ. Не мнѣнію говорящихъ подчиняясь такъ поступай, но совсѣмъ другому началу слѣдуя — волѣ Божіей, заповѣдующей любить ближняго и о благѣ его пещись, о душевномъ еще болѣе, чѣмъ о тѣлесномъ. Они говорятъ потому, что идоложертвенное считаютъ чѣмъ-то, а ты воздержись не по этому, а чтобъ показать имъ, что отставъ отъ идолослуженія, не хочешь ничѣмъ входить въ соприкосновеніе съ нимъ, гнушаешься имъ и отвращаешься отъ него.

Вскую свобода моя судится отъ иныя совѣсти. Причину выставляетъ, почему въ словѣ его должно разумѣть совѣсть другаго, а не свою. Онъ говоритъ какъ-бы: совѣсть другаго для меня не законъ. Своему убѣжденію долженъ я слѣдовать, а не чужому. По своему убѣжденію я имѣю свободу, полную, относительно всякаго рода пищи, другіе судятъ иначе. Этимъ сужденіемъ моя совѣсть и моя свобода не связывается. И я безъ смущенія могъ бы ѣсть, не смотря на указаніе, что предлагаемое идоложертвенно; но я воздерживаюсь не по этому слову: оно меня не вяжетъ, я и при немъ по прежнему свободенъ. Вяжетъ меня другой законъ моей же совѣсти, а не чужой. Св. Златоустъ развиваетъ другую мысль,—ту, что если я по свободѣ

своей стану ѣсть, то язычники, не понимая, почему я такъ дѣлаю, станутъ осуждать сію свободу. Не хочу я допустить до того, чтобъ такъ было: ибо осужденіе моей свободы есть осужденіе свободы христіанской вообще. Не хочу я быть виною этого. Онъ говоритъ: „Свободою онъ называетъ—не быть обязаннымъ соблюдать и не подвергаться запрещенію (относительно пищи). А смыслъ словъ его такой: Богъ создалъ меня свободнымъ (или возсоздалъ во Христѣ къ свободѣ) и поставилъ выше всякаго вреда; но язычникъ не умѣетъ ни судить о моемъ любомудріи, ни понимать щедродательности моего Владыки, а станетъ осуждать меня и скажетъ самъ въ себѣ: ученіе христіанъ—басня; они удаляются идоловъ, избѣгаютъ бѣсовъ, а отъ приносимаго имъ не отказываются: велико ихъ чревоугодіе.—Какой же, скажешь, для насъ вредъ отъ того, что онъ будетъ судить такъ несправедливо? Но не гораздо ли лучше вовсе не подавать ему повода къ осужденію? (Судъ отъ одного лица переходитъ на осужденіе вѣры). Если ты будешь воздерживаться, то онъ не скажетъ и этого.—Какъ не скажетъ? Видя, что я не развѣдывая пользуюсь всѣмъ и на торжищѣ и на пиру, какъ онъ не скажетъ и не осудитъ меня, что я употребляю все безразлично?—Точно нѣтъ; ибо ты пользуешься этимъ не какъ идоложертвеннымъ, но какъ чистымъ; не развѣдывая ты показываешь, что не боишься предлагаемаго. Посему войдешь ли ты въ домъ язычника, или придешь на торжище, я не дозволяю тебѣ развѣдывать, дабы тебѣ не быть безпокойнымъ и трусливымъ и не навлекать на себя излишнихъ заботъ.“

Ст. 30. *Аще азъ благодатію причащаюся, почто хулу пріемлю, о немже азъ благодарю?*

Темновато сіе мѣсто. Подъ благодатію разумѣть должно благодать вѣры, которая просвѣтила понятія наши

и дала намъ разумѣть, что можно свободно вкушать всякую пищу, какъ даръ Божій. Такъ я и дѣлаю: все вкушаю и Бога благодарю. Но если я безъ разбора буду вкушать во всякомъ случаѣ, то другіе, не понимая дѣла, будутъ осуждать меня за то, а чрезъ меня и вѣру мою. Не хочу я допускать до того, чтобы такъ было. — Это смыслъ словъ: *почто хулу пріемлю,* — не хочу допускать, чтобъ хула падала на меня.—Экуменій пишетъ: „по благодати Божіей, содѣлавшей душу мою столько возвышенною, что я убѣжденъ, что ничѣмъ такимъ не оскверняюся, по сей благодати съ дерзновеніемъ вкушаю. Но если, говоритъ, ты таковъ, если благодатію Божіею дошелъ ты до познанія, что идолъ ничто и что никакого вреда нѣтъ вкушать тебѣ идоложертвенное, то зачѣмъ допускаешь, чтобъ тебя злословили, а чрезъ тебя и вѣру, и даже Бога,—и притомъ изъ-за того самаго, за что ты долженъ благодарить, получивъ совершенное разумѣніе о вещахъ. Апостолъ въ своемъ лицѣ увѣщаніе обращаетъ къ Коринѳянамъ.“

Св. Златоустъ говоритъ *(О немже благодарю)*: „Что же, скажи мнѣ, ты принимаешь съ благодарностію? Божіи дары. Благодать Его такова, что она дѣлаетъ душу мою чистою, и поставляетъ ее выше всякой нечистоты. Какъ солнце, касаясь лучами своими всякихъ нечистотъ, сохраняетъ ихъ (лучи свои) чистыми, такъ или еще болѣе и мы, обращаясь среди міра, можемъ оставаться чистыми, если захотимъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ большую имѣемъ силу. Почему же, скажешь, воздерживаться? Не потому, что иначе можно сдѣлаться нечистымъ, но для брата, для того, чтобы не имѣть общенія съ бѣсами, и для того чтобы не подвергнуться осужденію отъ невѣрнаго. Здѣсь не свойство явствъ, но преслушаніе и общеніе съ бѣсами дѣлаютъ меня

нечистымъ, и отъ произволенія зависитъ оскверненіе. Что же значатъ слова: *почто хулу пріемлю, о немже азъ благодарю?* Я, говоритъ, благодарю Бога, что Онъ столько возвеличилъ меня и поставилъ столько выше іудейскаго униженія (ибо у нихъ: *не коснися* и проч.), что ничто не можетъ вредить мнѣ; а язычники, не зная моего любомудрія, будутъ подозрѣвать противное и скажутъ: христіане желаютъ нашего; они лицемѣры, хулятъ бѣсовъ и отвращаются отъ нихъ, а къ трапезамъ ихъ стекаются; что можетъ быть неразумнѣе этого? Значитъ они не для истины, но изъ честолюбія и сластолюбія приняли это ученіе.—Посему не безумно ли подавать поводъ къ хулѣ за тѣ самыя благодѣянія, за которыя приносится благодарность? Но, скажешь, язычникъ будетъ говорить это и тогда, когда увидитъ, что я не развѣдываю. Нѣтъ; ибо не все наполнено идоложертвеннымъ, чтобы имѣть такое подозрѣніе; притомъ ты вкушаешь это не какъ идоложертвенное. Итакъ не развѣдывай напрасно; а съ другой стороны, не принимай пищи, когда тебѣ скажутъ, что она идоложертвенная. Христосъ, даровавъ тебѣ благодать, столько возвеличилъ тебя и поставилъ выше всякаго вреда не для того, чтобы подавать поводъ къ худой молвѣ о тебѣ, и не для того, чтобы тѣми самыми преимуществами, за которыя ты благодаришь, столько оскорблять другихъ, что они могутъ хулить.“

Ст. 31. *Аще убо ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся въ славу Божію творите.*

Всѣ соображенія покрываетъ Апостолъ однимъ всеобщимъ правиломъ: „Видишь ли, какъ онъ отъ частнаго предмета перешелъ въ поученіи къ общему и преподалъ намъ превосходное правило — прославлять Бога во всемъ? (св. Злат.). Отсюда видно, что по мысли Апостола, отъ неразборчиваго вкушенія идоло-

жертвеннаго, нѣкоторая тѣнь падала на самую вѣру и Господа Бога. Почему Апостолъ и выставилъ этотъ общій законъ, что мы обязаны не пищу только и питіе употреблять, но и все другое дѣлать во славу Божію,—ничего не дозволяя себѣ, чрезъ что, хоть на малѣйшій волосъ, могъ бы кто либо нѣчто не хвалебное помыслить о святой вѣрѣ нашей и о Богѣ. „Прекрасно Апостолъ все это,—и сидѣть, и ходить, и бесѣдовать, и сожалѣть, и наставлять,—совокупляетъ воедино, чтобы во всемъ поставить для себя одну цѣль—Божію славу. Такъ повелѣлъ и Господь: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ* (Мө. 5, 16). Такъ сказано и здѣсь“ (Өеод.). „Такъ, говоритъ, все творите, чтобы тѣмъ подавать побужденія къ прославленію Бога, давая разумѣть, что то, какъ они тогда дѣйствовали, служило къ безславію Бога и къ хулѣ на Него и на св. вѣру Его“ (Экум.). „Ястъ же кто и піетъ во славу Божію, когда ястъ и піетъ не на соблазнъ другимъ, не какъ чревоугодникъ и сластолюбецъ, но какъ желающій такъ содержать тѣло, чтобы оно было способно къ дѣланію всякой добродѣтели; и просто, всякое дѣло творитъ кто во славу Божію тогда, когда ни другому не вредитъ соблазномъ, ни самому себѣ чѣмъ либо, и когда ничего не дѣлаетъ изъ человѣкоугодія, или по другому какому страстному помыслу“ (Өеоф.).

Ст. 32. *Безпретκновени бывайте Іудеемъ, и Еллиномъ, и церкви Божіей.*

„Т.-е. не подавайте никому никакого повода къ соблазну (не вкушайте). Иначе и братъ соблазнится, и Іудей еще болѣе возненавидитъ и осудитъ тебя, и язычникъ будетъ смѣяться надъ тобою, какъ надъ чревоугодникомъ и лицемѣромъ. Не должно соблазнять не

только братій, но, если возможно, и внѣшнихъ. Ибо, если мы свѣтъ, закваска, свѣтила и соль, то мы должны просвѣщать, а не помрачать, скрѣплять, а не ослаблять, превлекать къ себѣ невѣрныхъ, а не отгонять отъ себя. Для чего же ты отгоняешь тѣхъ, которыхъ долженъ привлекать? Подлинно, язычники соблазняются, когда видятъ, что мы возвращаемся къ этимъ вещамъ; потому что они не знаютъ нашего образа мыслей и того, что наша душа стала выше всякаго чувственнаго оскверненія; Іудеи и немощные изъ братій испытаютъ тоже самое. Видишь ли, сколько онъ привелъ причинъ, по которымъ должно воздерживаться отъ жертвъ идольскихъ? Потомъ, когда сказалъ: *безпреткновени бывайте*, возложилъ на нихъ отвѣтственность за соблазнъ Іудеевъ и язычниковъ, и выразилъ нѣчто тяжкое" (св. Злат.).

Ст. 33. *Якоже и азъ во всемъ всѣмъ угождаю, не искій своея пользы, но многихъ, да спасутся.*

„Искать полезнаго для всѣхъ—вотъ правило совершеннѣйшаго христіанства, вотъ точное его назначеніе, вотъ верхъ совершенства" (св. Злат.): „Всѣмъ угождать и льстецамъ свойственно, но не таково то, что говоритъ о себѣ Апостолъ. Льстецы не чужой пользы, а своей ищутъ, лучше же сказать, и своей не ищутъ, потому что вредятъ себѣ больше, чѣмъ другимъ. А божественный Апостолъ своего не искалъ, но имѣлъ въ виду спасеніе другихъ, чрезъ нихъ пріумножая негиблющее богатство" (Ѳеод.). Какъ св. Павелъ былъ всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасетъ, объ этомъ онъ уже говорилъ. Теперь только напоминаетъ объ этомъ, поставляя образъ своего дѣйствованія въ законъ для всѣхъ. Это третье начало въ руководство къ устроенію нашей жизни, или даже четвертое: первое, чтобъ все дѣлать по ясной и твердой совѣсти, по вѣрному сознанію сообразности дѣла съ волею Божіею; второе, чтобы все

дѣлать во славу Божію, не только имѣя въ виду, въ цѣли, славу Божію, но такъ, чтобы самымъ дѣломъ выходила изъ нашего дѣйствованія слава Божія; третье, чтобъ не соблазнять никого не только намѣренно, но и ненамѣренно; четвертое, чтобы все направлять ко спасенію ближнихъ нашихъ, и словомъ и дѣломъ. До какой мѣры Апостолъ всѣмъ готовъ былъ жертвовать для спасенія другихъ, можемъ судить по молитвѣ его, въ которой онъ выражалъ готовность свою даже быть отлученнымъ, лишь бы братія его спаслись (Римл. 9, 3). Такое расположеніе, паче другаго чего, давало ему дерзновеніе сказать:

Гл. 11, 1. *Подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу.*

„Это слово не самомнѣнія, а желанія всячески расположить къ дѣлу, которое внушалъ. Если, говоритъ, я подражалъ Христу, и жизнь Свою презрѣвшему, чтобъ намъ даровать животъ, не тѣмъ ли паче вы мнѣ можете подражать? Ибо я не столько выше васъ, сколько выше меня Христосъ, безконечно всѣхъ превосходящій“ (Ѳеоф.). Или, ограничивая взоръ ума текущими только въ рѣчи предметами, Апостолъ говоритъ какъ-бы: „Соревнуйте симъ моимъ мѣрамъ въ дѣлѣ домостроительства; потому что я подражаю Владыкѣ, Который иначе бесѣдовалъ съ Іудеями, а иначе съ Апостолами, иное предлагалъ совершеннымъ, а иное несовершеннымъ“ (Ѳеод.).

Св. Златоустъ говоритъ: „ничѣмъ ты не можешь столько подражать Христу, какъ попеченіемъ о ближнихъ. Воздержаніе отъ жертвъ идольскихъ само по себѣ есть дѣло полезное; а я, говоритъ Апостолъ, дѣлалъ много и не полезнаго, напримѣръ, обрѣзывалъ и приносилъ жертвы: такія дѣйствія, если разсматривать ихъ самихъ въ себѣ, могутъ даже погубить со-

вершающихъ и лишить ихъ спасенія, но я подвергъ себя и этому для проистекающей отъ того пользы. Такъ Павелъ, будучи выше всѣхъ по совершенству, становился ниже всѣхъ по снисхожденію! Видишь ли превосходство его ревности и величіе его души? Подражай и ты ему."

ПЯТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ОБЛИЧЕНІЕ И ИСПРАВЛЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ НЕПОРЯДКОВЪ ПРИ ЦЕРКОВНЫХЪ СОБРАНІЯХЪ

Гл. 11, 2—34.

Это касается двухъ предметовъ: 1) непокровенія женами главъ въ церкви, 11, 2—16; и 2) нестройностей на вечеряхъ любви (—17—34).

1).

Противъ непокровенія женами главъ въ церкви

11, 2—16.

Дѣло вотъ въ чемъ состояло. „Женщины съ открытыми и обнаженными головами и молились и пророчествовали, — тогда пророчествовали и жены, — а мужи отращали волосы, подобно занимавшимся философіею, и покрывали свои головы, когда молились и пророчествовали, придерживаясь въ томъ и другомъ языческаго закона" (св. Злат.). Находя это неприличнымъ для христіанъ, Апостолъ пишетъ противъ этого; впрочемъ, какъ видно, рѣчь его направляется преимущественно противъ женщинъ, не покрывавшихъ своихъ головъ. Онъ настаиваетъ на томъ, что имъ слѣдуетъ покрывать ихъ въ знакъ подчиненнаго своего положенія относительно мужа, выясняя это положеніе и а) по порядку домо-

строительства (2—6) и б) по порядку творенія (7—12), прилагая въ подтвержденіе своей мысли и в) требованіе здраваго смысла (1 —16).

а).

Ст. 2. *Хвалю же вы, братіе, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданія держите.*

Этими словами пролагаетъ путь слѣдующему за симъ укору. Будучи у нихъ, онъ завелъ у нихъ всесторонніе порядки, по которымъ и сформировалась тамъ жизнь и семейная, и гражданская, и церковная. Вся моя, говоритъ, помните, и преданія мои держите. Помните, что я заповѣдалъ, и держите порядки, какіе завелъ. Между тѣмъ и уже обличалъ онъ многія у нихъ неисправности, и вслѣдъ за симъ будетъ обличать. Что же значитъ эта похвала? Можно положить, что обличаемыя неисправности открылись въ отсутствіе Апостола и обнаружились въ предметахъ, относительно которыхъ не сдѣлано подробныхъ распоряженій; потому онъ говоритъ какъ-бы: что я завелъ у васъ, то вы хорошо все соблюдаете; но вотъ открылись у васъ непорядки въ другихъ отношеніяхъ; пишу вамъ объ нихъ и дѣлаю новыя распоряженія, чтобы вы исправились, въ полной надеждѣ, что и это все вы будете хранить и держать неукоризненно. Или такъ понять это можно, что въ большинствѣ церковь Коринѳская была во всемъ исправна и дѣйствовала, какъ онъ заповѣдалъ, уклоненія же бывали только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и обнаруживались въ нѣкоторыхъ лицахъ. Въ такомъ случаѣ похвала большинству есть наилучшее побужденіе меньшинству возревновать и себѣ объ исправности. Св. Златоустъ такъ и понимаетъ это дѣло. „Похваливъ исправныхъ и укоривъ неисправныхъ, Апостолъ первыхъ ободряетъ, а послѣднихъ приводитъ въ стыдъ.

Укоризна, хотя и сама по себѣ можетъ тронуть, но имѣетъ еще большую силу, когда соединяется съ похвалою исправнымъ. Посему онъ и начинаетъ не съ укоризнъ, но съ похвалъ, притомъ съ великихъ похвалъ и говоритъ: *хвалю же вы, яко вся моя помните.* Такъ обыкновенно поступаетъ Павелъ: за малыя достоинства воздаетъ великія похвалы, дѣлая это не изъ лести, да не будетъ; ибо могъ ли употребить лесть тотъ, кто не искалъ ни денегъ, ни славы и ничего подобнаго? но во всемъ имѣя въ виду ихъ спасеніе.—*И якоже предахъ вамъ, преданія держите.* Слѣдовательно онъ еще прежде преподалъ имъ многое неписьменно, какъ выражаетъ это во многихъ и другихъ мѣстахъ; но прежде онъ только оставилъ имъ преданія, а теперь присовокупляетъ и причину. Такимъ образомъ онъ еще болѣе утверждаетъ послушныхъ и низлагаетъ гордость непослушныхъ. Не говоритъ: хвалю васъ за то, что вы послушались, тогда какъ другіе не послушались, но не выражая прямо намекаетъ на это въ дальнѣйшемъ изложеніи своего наставленія."

Ст. 3. *Хощу же васъ вѣдѣти, яко всякому мужу глава Христосъ есть; глава же женѣ—мужъ; глава же Христу—Богъ.*

Онъ говоритъ какъ-бы: въ общности васъ хвалю; но вотъ то и то у васъ не совсѣмъ исправно. И намѣреваясь начать съ непокровенія женами головъ въ церкви, выставляетъ напередъ твердое для разсужденія о томъ начало въ лѣствицѣ подчиненія, какая устрояется во Христѣ Іисусѣ, по домостроительству спасенія.

Хощу васъ вѣдѣти. Будто они не знали того, о чемъ здѣсь говорится? Конечно знали, и слово Апостола означаетъ лишь: приведите себѣ на память, сознайте или вообразите себѣ слѣдующую истину. Развѣ предположить, что они не знали ея въ томъ видѣ или въ томъ отношеніи, въ какомъ она здѣсь представлена: ибо она

здѣсь такъ представляется, какъ нигдѣ. Въ такомъ случаѣ Апостолъ сообщаетъ имъ новую истину къ вѣдѣнію.

Всякому мужу глава Христосъ есть. Христосъ—глава всѣхъ есть, Глава всей Церкви, какъ въ тѣлѣ голова есть голова не груди только, рукъ или ногъ, а всего тѣла. Слѣдовательно, и жены глава Христосъ же есть. Но какъ въ тѣлѣ иные члены прямо относятся къ головѣ, а иные чрезъ посредство другихъ членовъ, такъ и въ Церкви Св. Апостолы и ихъ преемники, предстоятели церквей и вообще священство прямѣе относится ко Христу, яко главѣ; иные члены церкви, при всемъ томъ что состоятъ въ союзѣ со Христомъ яко съ главою, во многихъ случаяхъ имѣютъ нужду въ ихъ посредствѣ. Подобнымъ образомъ есть нѣчто, почему мужъ представляется прямѣе относящимся ко Христу, яко главѣ, а жена не смотря на то, что имѣетъ главою Христа вмѣстѣ съ мужемъ, относится къ Нему нѣкоторымъ образомъ чрезъ мужа. Въ какомъ именно это смыслѣ? Совсѣмъ не въ томъ, въ какомъ она есть спасаемая въ Господѣ; въ семъ отношеніи и у ней все отъ Господа, какъ и у мужа. Вѣра отъ Господа, благодать отъ Господа, всякая помощь тоже отъ Господа. И сообщается все сіе женѣ совсѣмъ не отъ мужа, поколику онъ мужъ. Это все идетъ своимъ Богоучрежденнымъ порядкомъ. Какимъ же? Этого не поясняетъ Апостолъ, и вѣрную о семъ внести отъ себя догадку очень трудно. Одна мысль представляется,—та, что во Христѣ Іисусѣ обычная подчиненность жены къ мужу не нарушается, и что хотя жена также состоитъ въ союзѣ съ Господомъ, но не отторгаясь отъ подчиненія мужу; и она въ Господѣ, но состоя подъ мужемъ. Какъ дѣти и родители, господа и слуги, подначальные и начальники остаются и въ Господѣ тѣмъ же, чѣмъ были по житейскому порядку,

такъ мужъ и жена. Здѣсь мужъ берется какъ глава и представитель семейства.

Глава женѣ—мужъ. Не присвояли-ль жены въ Коринѳѣ себѣ равенства съ мужами и во всѣхъ отношеніяхъ, зная, что во Христѣ Іисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій и что женамъ также открытъ свободный къ Нему доступъ, какъ и мужамъ? Апостолъ этимъ словомъ ставитъ ихъ въ свой чинъ. И крещены вы одинаково, и даръ Духа въ мѵропомазаніи получили одинаково, и тѣла и крови Христовыхъ причащаетесь одинаково, и наслѣдіе царства обѣтовано вамъ одинаково; но при всемъ томъ не забывайте, что глава женѣ мужъ. „Мужамъ желая подчинить женъ, и уча, что издревле Богъ повелѣлъ имъ состоять подъ властію мужей, употребилъ Апостолъ сей образъ выраженія“ (Ѳеод.).

Глава Христу—Богъ. Глава Христу—Богъ, яко Богочеловѣку, по домостроительству спасенія. И Сынъ Божій воплотившійся есть Богъ, ничѣмъ не меньше Бога Отца и Бога Духа Святаго; но принявъ на Себя, въ совѣтѣ Божества, исполнить домостроительство спасенія, Онъ и яко Богъ есть исполнитель положеннаго въ совѣтѣ Божества. Почему говоритъ, что снизшелъ съ неба, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго. Въ семъ отношеніи глава Христу Богъ.

Ѳеодоритъ полагаетъ: „не божественные предлагая догматы и не богословіе излагая, Апостолъ далъ рѣчи такой порядокъ.“ Что же онъ хотѣлъ? Только навесть на мысль о подчиненіи жены мужу съ христіанской точки зрѣнія. На основаніи сихъ словъ никакъ нельзя полагать, что какъ жена мужу, мужъ Христу, такъ и Христосъ подчиненъ Богу. Если мужъ безмѣрно далеко отстоитъ отъ Христа, а въ такой же мѣрѣ и подчиненіе его Христу, то измѣряя сею же мѣрою подчиненіе жены мужу, гдѣ мы найдемъ ему мѣру? Св. Златоустъ

говоритъ: „если во всей этой рѣчи мы примемъ слово: *глава* въ одномъ и томъ-же смыслѣ, то жена будетъ ниже мужа столько, сколько мужъ ниже Бога-Слова. А это кто можетъ допустить?“ Излагая эту лѣствицу подчиненія жены мужу, мужа Христу, Христа Богу, Апостолъ не точную мѣру подчиненія опредѣляетъ, а только наводитъ мысль о томъ,—имѣя преимущественно во вниманіи подчиненное положеніе жены относительно мужа. Хоть мы и не поймемъ точно этого текста, мысль Апостола главная видна; а этого для насъ и достаточно.

Ст. 4. 5. *Всякъ мужъ молитву дѣяй, или пророчествуяй покрытою главою, срамляетъ главу свою. И всяка жена молитву дѣющая, или пророчествующая откровенною главою, срамляетъ главу свою: едино бо есть и тожде остриженнѣй.*

Въ какой связи состоятъ сіи слова съ предыдущими, не видно. Они будто составляютъ особое положеніе, отъ тѣхъ независимое. Точно можно допустить, что между ними опущена связующая мысль, и именно такая: если жена и въ благодатномъ порядкѣ остается въ подчиненномъ положеніи относительно къ мужу, то она должна являть это и всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ, равно какъ и мужъ внѣшнимъ видомъ долженъ являть власть свою и преимущество предъ женою. Въ числѣ этихъ знаковъ подчиненія жены мужу и власти мужа надъ женою есть и то, чтобы первая всегда покрывала главу свою, а второй не покрывалъ ея въ извѣстныхъ случаяхъ. Изъ этого прямо и выходитъ, что если первая открываетъ главу свою, а второй если покрываетъ ее, то выступаютъ изъ своего чина, и тѣмъ срамятъ себя.

Эту посредствующую мысль св. Златоустъ вводитъ въ толкованіе сего мѣста: „мужу и женѣ дано много

знаковъ, одному власти, а другой подчиненности, между прочимъ и тотъ, чтобы жена покрывалась, а мужъ былъ съ обнаженною головою. Если же таковы знаки, то оба они погрѣшаютъ, если нарушаютъ благочиніе и заповѣдь Божію, если преступаютъ собственные предѣлы, мужъ ниспадая до униженія жены, а жена, возвышаясь своимъ внѣшнимъ видомъ предъ мужемъ. Ибо если имъ не позволительно измѣнять свою одежду, т.-е. женѣ одѣваться въ мужское платье, а мужу надѣвать женскую одежду, *да не будетъ,* говоритъ, *утварь мужеска на женѣ, ни да облачится мужъ въ ризу женску* (Втор. 22, 5); то непозволительно мѣняться и относительно покрововъ. То, чтобы одна покрывалась, а другой не покрывался, происходитъ отъ самой природы. Подъ именемъ природы я разумѣю Бога; ибо Онъ есть создатель природы. Посему, если ты преступишь эти предѣлы, смотри, сколько произойдетъ вреда. Не говори мнѣ, что это преступленіе маловажно; оно велико и само по себѣ, потому что оно есть преслушаніе, а еслибы и было маловажно само по себѣ, то оно велико потому, что касается знака великихъ предметовъ. А что этотъ знакъ великъ, видно изъ того, что онъ производитъ благоустройство въ родѣ человѣческомъ, представляя въ надлежащемъ видѣ начальствующаго и подчиненнаго; поступающій же противъ этого приводитъ все въ смѣшеніе, лишаетъ себя даровъ Божіихъ, унижаетъ честь, дарованную ему свыше, не только мужъ, но и жена. Ибо для ней велика та честь, чтобы сохранить свое мѣсто, а напротивъ постыдно выходить изъ предѣловъ. Посему Апостолъ и говоритъ такъ объ нихъ обоихъ."

Впрочемъ, поелику во всей этой рѣчи о покровеніи главы вниманіе обращается преимущественно на жену, то съ достовѣрностію можно полагать, что о посрамле-

ніи мужа покровеніемъ главы говорится здѣсь лишь для округленія слова и для выясненія дѣла противоположеніемъ. И относительно жены иные толковники допускаютъ догадку, что покрывающая голову даетъ знать всѣмъ, что имѣетъ мужа и живетъ съ нимъ честно, а открывающая даетъ знать, что у ней нѣтъ мужа и что она не тверда въ правилахъ. Тѣмъ и срамитъ себя предъ всѣми честными. Говорятъ еще, будто въ той мѣстности, для которой писано посланіе, жены язычницы въ капища свои ходили открыто съ нечистыми цѣлями. Изгоняя изъ христіанскаго храма этотъ обычай, Апостолъ и пишетъ такъ, не поминая о срамныхъ цѣляхъ язычницъ, а выводя запрещеніе изъ другихъ источниковъ, чтобы тѣмъ напоминаніемъ не осквернить цѣломудренныхъ душъ, а этимъ выводомъ повелѣнія изъ высшаго источника освятить его и самое дѣло, котораго оно касалось, общими христіанскими созерцаніями, чтобы во всемъ видѣлся Христосъ Господь съ Своими законоположеніями.

Св. Златоустъ и о самомъ выводѣ повелѣнія изъ христіанскихъ началъ, или о подтвержденіи его причинами, говоритъ, что сего могло бы и не быть, ибо для вѣрующихъ достаточно было одного повелѣнія; причину эту приводитъ Апостолъ для немощныхъ. „Приводитъ, говоритъ, Апостолъ эту причину для того, чтобы немощныхъ сдѣлать болѣе внимательными. Ибо вѣрующій какъ должно и твердый въ вѣрѣ не нуждается ни въ доказательствѣ, ни въ причинѣ того, что заповѣдуется ему, а довольствуется однимъ преданіемъ; но немощный, узнавъ причину, съ большимъ усердіемъ соблюдаетъ сказанное и повинуется съ большею преданностію.“

Что значитъ: *жена молитву дѣющая и пророчествующая?* — Въ первое время, въ собраніяхъ вѣрующихъ,

Духъ Божій являлъ на иныхъ особенное Свое воздѣйствіе, и одному внушалъ молитву, другому слово назиданія. И молитва и слово назиданія могли и могутъ рождаться отъ собственнаго размышленія и углубленія въ христіанскія истины. Но они умѣли различать, что отъ Духа, и что свое. Восчувствовавшій это возбужденіе вставалъ и произносилъ предъ собраніемъ что внушалъ ему Духъ Божій: молитву или слово назиданія. — Дара бывать въ такомъ состояніи не лишены были и жены, и тоже вставали и произносили молитвы или слова назиданія. Но Апостолы нашли, что женщинамъ въ церкви и молитвы произносить и читать наставленія непристойно, почему запретили это, какъ ниже запретилъ и св. Павелъ (въ гл. 14). Здѣсь же онъ говоритъ только о неприличіи дѣлать это открровенной главою, чтобы не вдругъ отяготить ихъ своимъ законоположеніемъ. — Слово назиданія названо здѣсь пророчествомъ, потому что воодушевленіе это походило на пророческое состояніе. Впрочемъ и въ молитву и въ слово нерѣдко входили прямыя пророчества, т.-е. предсказанія о будущемъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Въ то время были и мужи пророчествовавшіе, и жены, имѣвшія этотъ даръ, напр. дочери Филиппа и другія прежде и послѣ нихъ. О нихъ и Пророкъ въ древности сказалъ: *прорекутъ сынове ваши и дщери ваши видѣнія увидятъ* (Іоиль 2, 28). Мужу повелѣваетъ Апостолъ быть открытымъ не всегда, а только во время молитвы; женѣ же повелѣваетъ быть покрытою всегда, какъ видно изъ приложенія: *едино бо есть и тожде, еже быти остриженнѣй.* Если быть остриженной всегда постыдно, то очевидно, что и быть непокрытою всегда постыдно."

Ст. 6. *Аще бо не покрывается жена, да стрижется; аще ли же срамъ женѣ стрищися, или бритися, да покрывается*

„Сначала требуетъ, чтобы жена не обнажала головы своей во время молитвы, а потомъ объясняетъ, что она постоянно должна быть покрытою; и притомъ покрытою со всею тщательностію и осмотрительностію; ибо не сказалъ просто: да накрывается (καλύπτεσθαι), но: *да покрывается* (κατακαλύπτεσθαι), т.-е. должна тщательно закрыться со всѣхъ сторонъ. Показываетъ и неприличіе противнаго образа дѣйствій, и сильно укоряетъ, когда говоритъ: *аще не покрывается, да стрижется;* если, говоритъ, ты свергаешь покрывало, установленное закономъ Божіимъ, то свергни и данное природою. Но, скажетъ кто-нибудь, какъ можетъ служить женѣ безчестіемъ то, если она достигаетъ до чести мужа? Чрезъ это, скажемъ мы, она не только не возвышается, но и лишается и собственной чести. Ибо не соблюдать собственныхъ предѣловъ и законовъ, установленныхъ Богомъ, но преступать ихъ, это не возвышеніе, а униженіе. Какъ желающій чужаго и похищающій не принадлежащее ему не пріобрѣтаетъ, а унижается и теряетъ и то, что онъ имѣлъ, какъ, напр., было въ раѣ; такъ и жена въ этомъ случаѣ не пріобрѣтаетъ себѣ благородства мужа, но теряетъ и благопристойность жены. Такимъ образомъ указавъ на то, что несомнѣнно признается постыднымъ въ словахъ: *аще ли срамъ женѣ стрищися или бритися,* Апостолъ наконецъ отъ себя говоритъ: *да покрывается,* не сказалъ: да раститъ власы, но: да покрывается, внушая, что и то и другое одинаково. Покрывало и отрощенные волосы, говоритъ, одно и тоже; равно какъ бритая и обнаженная голова одно и тоже. *едино бо,* говоритъ, *и тоже еже быти остриженнѣй.*—Но, спроситъ кто, какъ одно и тоже, когда та имѣетъ естественное покрывало, а бритая не имѣетъ и этого? Та, скажемъ мы, имѣя обнаженную голову, произволеніемъ своимъ

отвергла и естественное покрывало; если же она не лишена волосъ, то это дѣло природы, а не ея; слѣдовательно какъ обритая имѣетъ обнаженную голову, такъ и она. Для того Богъ и повелѣлъ природѣ покрывать голову волосами, чтобы жена научившись отъ природы и сама покрывалась“ (св. Злат.).

б).

Ст. 7. 8. *Мужъ убо не долженъ есть покрывати главу, образъ и слава Божія сый; жена же слава мужу есть. Нѣсть бо мужъ отъ жены, но жена отъ мужа.*

„Это уже вторая причина“ (св. Злат.). Приступаетъ Апостолъ къ объясненію подчиненія жены мужу по порядку творенія. — Сначала созданъ мужъ и созданъ по образу и подобію Божію: онъ—отблескъ славы Божіей. Жена потомъ взята отъ мужа, какъ-бы по его уже образу создана, и есть потому образъ образа, или есть отблескъ славы мужа. Почему и прибавляетъ въ доказательство сего: *нѣсть бо мужъ отъ жены, но жена отъ мужа.*

Ѳеодоритъ, ограничивая образъ Божій однимъ даннымъ человѣку господствомъ надъ тварями, примѣнительно къ ходу рѣчи говоритъ: „человѣкъ образъ Божій по праву начальства. Такъ какъ ему ввѣрено начальство надъ всѣмъ, что на землѣ, то и называется образомъ Божіимъ. А жена, состоя подъ властію мужа. *слава мужу есть,* и какъ-бы образъ образа. Ибо хотя и она начальствуетъ надъ другими, но повелѣно ей быть въ подчиненіи у мужа.“

Отсюда вотъ что выводитъ св. Златоустъ: „мужъ не долженъ покрываться не только потому, что имѣетъ главою своею Христа, но и потому, что имѣетъ власть надъ женою (по порядку творенія). Когда имѣющій

власть приступаетъ къ царю, то онъ долженъ имѣть на себѣ знакъ своей власти. Посему какъ никто изъ имѣющихъ власть не осмѣлился бы явиться предъ облеченнаго діадемою безъ пояса и приличной сану одежды, такъ и ты безъ знаковъ своей власти, т.-е. безъ обнаженной головы не молись Богу, дабы не нанести безчестія и себѣ и почтившему тебя. Тоже самое должно сказать и о женѣ: и для нея безчестно не имѣть знаковъ своей подчиненности.“

Ст. 9. *Ибо не созданъ бысть мужъ жены ради, но жена мужа ради.*

Мужъ прежде созданъ; потому являетъ нѣкоторое самостоятельное значеніе. Жена создана по потребности мужа быть въ обществѣ съ подобнымъ; и создана быть помощницею мужу. Этимъ выражено ея зависимое и подчиненное положеніе. „Такъ мужъ имѣетъ первенство по порядку созданія. И сего достаточно въ доказательство, что мужу принадлежитъ власть и право распоряжаться; потому что не онъ приведенъ въ бытіе на потребность женѣ, а она на потребность мужу“ (Ѳеод.). „Это второе преимущество, или лучше третье и четвертое. Первое то, что наша глава есть Христосъ, а мы глава жены; второе то, что мы слава Божія, а наша слава жена; третье то, что не мы отъ жены, но жена отъ насъ; четвертое то, что не мы для нея, а она для насъ“ (св. Злат.).

Ст. 10. *Сего ради должна есть жена власть имѣти на главѣ, Ангелъ ради.*

„Чего же ради? Ради всѣхъ показанныхъ причинъ, и кромѣ того *Ангелъ ради*. Если ты, говоритъ, не обращаешь вниманія на мужа, то постыдись Ангеловъ“ (св. Злат.). *Власть имѣти на главѣ,* т.-е. знакъ власти мужа надъ нею — покрывало головное. — „*Властію* назвалъ Апостолъ покрывало, какъ-бы такъ говоря: пусть

показываетъ подчиненность, покрывая себя, и особенно ради Ангеловъ, которые приставлены къ людямъ, потому что имъ ввѣрено попеченіе о нихъ. Такъ и въ Дѣяніяхъ сказали о Петрѣ (стучавшемъ въ двери): не самъ онъ, но *Ангелъ его есть* (Дѣян. 12, 15). И Господь говоритъ: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя: Аминь бо глаголю вамъ, яко Ангели ихъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Мѳ. 18, 10).“

Ангелъ ради иные относятъ къ людямъ, т.-е. къ предстоятелямъ Церкви, или честнѣйшимъ изъ присутствующихъ въ церкви христіанамъ. Но никакой нѣтъ нужды отступать отъ обычнаго значенія слова: *Ангелъ*. Какая же мысль: *Ангелъ ради?* Стыдясь ихъ, или боясь оскорбить ихъ. Одна мысль о невидимомъ присутствіи Ангеловъ должна остепенять и держать въ своемъ чинѣ. Лично для самихъ Ангеловъ и покрываніе и непокрываніе главы равно безразлично; но то, съ какимъ намѣреніемъ и въ какомъ духѣ это дѣлается, можетъ или утѣшать ихъ или оскорблять; и это тѣмъ паче, если зло не ограничивается однимъ лицемъ открыто держащей главу, но распространяется и кругомъ. Врагъ иногда чрезъ одно лице надѣлаетъ зла цѣлымъ сотнямъ.

„Итакъ покрытіе есть знакъ покорности и подчиненія; оно побуждаетъ смотрѣть внизъ, смиряться и соблюдать добродѣтель; ибо добродѣтель и честь подчиненнаго состоятъ въ томъ, чтобы пребывать въ послушаніи. Мужу не предписывается дѣлать это; ибо онъ есть образъ Самого Господа; а женѣ справедливо предписывается“ (св. Злат.).

Ст. 11. 12. *Обаче ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа, о Господѣ. Якоже бо жена отъ мужа, сице и мужъ женою; вся же отъ Бога.*

Доказываніе кончено. Но какъ въ немъ слишкомъ

кажется возвышаемою власть мужа, а это могло подать мужьямъ поводъ не превозноситься только, но и преобладаніе и властолюбіе излишнее являть, то предотвращая это, Апостолъ говоритъ, что и мужъ состоитъ въ нѣкоторой зависимости отъ жены; потому долженъ являть свое надъ нею преимущество съ умѣренностію: не все на сторонѣ мужниной, есть нѣчто на сторонѣ жениной. Это выражаетъ Апостолъ словами: *ни мужъ безъ жены*, и *мужъ женою*. Но на что именно этимъ указывается, опредѣлить трудно.

Первое предложеніе: *ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа о Господѣ,*—словомъ: *о Господѣ*, показываетъ, что здѣсь говорится о мужѣ и женѣ, какъ они есть во Христѣ Іисусѣ. Во *Христѣ же Іисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскъ.* Обоимъ равно открытъ путь къ Господу, и обои равно пріемлются. Изъ этого выходитъ: итакъ не особьтесь и предъ Господа не являйтесь раздѣленными; но какъ сочеталъ васъ Господь, такъ сочетанно и приближайтесь къ Нему. Ни мужъ не является предъ Господа такъ, какъ-бы у него не было жены, ни жена такъ, какъ-бы не было у нея мужа. Но ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа, не будьте никогда въ Господѣ. Поставляя эту мысль въ соотвѣтствіе съ первою причиною подчиненія жены мужу, по порядку домостроительства, можемъ сказать, что какъ равенствомъ мужа и жены въ Господѣ не уничтожается подчиненіе послѣдней первому, такъ равно и закономъ подчиненія ея ему не уничтожается равенство ихъ въ Господѣ. И это-то послѣднее, кажется, имѣлъ въ виду представить здѣсь св. Павелъ.

Второе предложеніе: *якоже бо жена отъ мужа, сице и мужъ женою,*—переноситъ мысль о мужѣ и женѣ, какъ они есть въ порядкѣ творенія. Сначала жена отъ (ἐξ) мужа взята: а потомъ мужъ сталъ раждаться же-

ною (διὰ), чрезъ жену. Этимъ говорится будто: жена имѣетъ обращеніе къ мужу, изъ коего взята; взирай же и ты на естество родившей тебя въ женѣ, и относись къ ней почтительно.

Вся же отъ Бога. Вся—всѣ такія ваши отношенія, или *вся*—оба вы—отъ Бога. Богъ и васъ создалъ, и все относительно васъ такъ устроилъ, и храните эти законоположенія Божіи, по естеству ли они или по благодати. Св. Златоустъ говоритъ: „не смотри, говоритъ, только на первоначальныя преимущества и на сотвореніе, а обрати вниманіе на послѣдующее, и увидишь, что каждый изъ нихъ зависитъ отъ другаго, или лучше не другъ отъ друга, а всѣ отъ Бога.“

в).

Ст. 13. *Въ васъ самѣхъ судите, лѣпо ли есть женѣ открове́ннѣй Богу молитися?*

Обращается наконецъ Апостолъ къ естественному чувству или смыслу. Опять предоставляетъ имъ самимъ судить о сказанномъ, подобно какъ поступилъ въ бесѣдѣ объ идоложертвенномъ. И внушаетъ нѣчто страшное: „Здѣсь, говоритъ, оскорбленіе касается Бога; впрочемъ не говоритъ этого прямо, а выражается снисходительнѣе и прикровеннѣе: *лѣпо ли есть женѣ откровеннѣй Богу молитися?*“ (св. Злат.). Рѣчь обращаетъ къ одной женѣ; чѣмъ показываетъ, что и все предыдущее было говорено преимущественно для вразумленія ея, хотя тамъ слово касалось и мужа.

Ст. 14. 15. *Или и не самое естество учитъ вы, яко мужъ убо аще власы раститъ, безчестіе ему есть; жена же аще власы раститъ, слава ей есть; зане растѣніе власовъ вмѣсто одѣянія дано бысть ей.*

„Если жена вмѣняетъ себѣ въ честь имѣть волосы,

отнятіе же ихъ почитаетъ безчестіемъ, то пусть разсудитъ, какъ безчеститъ она Давшаго волосы, приступая (къ Нему въ молитвѣ) не съ подобающею стыдливостію и честію" (Өеод.). „Какъ въ другихъ многихъ мѣстахъ всегда онъ употребляетъ общеизвѣстныя доказательства, такъ и здѣсь обращается къ общеизвѣстному обычаю и сильно пристыждаетъ слушателей, получающихъ отъ него наставленія въ томъ, что они могли знать и изъ обыкновеннаго обычая: ибо это не безъизвѣстно и варварамъ" (св. Злат.).

Но вѣдь рѣчь идетъ о покровеніи головы покровами, а приводимый обычай говоритъ о ращеніи волосъ. Какая связь?—Связь эту прежде указалъ Апостолъ, когда сказалъ, что безъ покрова быть женѣ тоже, что быть остриженной. А теперь тоже съ противоположной стороны высказываетъ: безъ покрова быть женѣ тоже, что быть остриженной, и съ покровомъ,—тоже что растить волосы. Какъ растить волоса слава женѣ, такъ и покрывать главу—слава. „Но скажешь: если ращеніе *власовъ вмѣсто одѣянія дано женѣ,* то для чего прибавлять къ одному одѣянію другое? Для того, дабы показать подчиненіе не только по природѣ, но и по произволенію. Природа напередъ установила, чтобы ты была покрытою; а ты приложи нѣчто отъ себя, дабы не показалось, что ты нарушаешь законы природы; ибо противиться не только намъ, но и природѣ, есть знакъ великаго безстыдства" (св. Злат.).

Ст. 16. *Аще ли кто мнится спорливъ быти, мы таковаго обычая не имамы, ниже церкви Божія.*

„Поелику писалъ къ охотникамъ философствовать, которые имѣли обычай посредствомъ силлогизмовъ свои мысли отстаивать, а чужія опровергать, то говоритъ имъ: не время нынѣ спорить. Кто будетъ безстыдно возставать противъ сказаннаго, то мы и церкви Божіи

не имѣемъ такого обычая. Какого? Спорить; но охотно покоряемся распоряженіямъ учителей, ни мало имъ не возражая" (Экум.). „Мы, говоритъ, не имѣемъ такого обычая, чтобы спорить, состязаться и противорѣчить. Не останавливаясь на этомъ, прибавляетъ: *ниже церкви Божія,* внушая, что не повинуясь, они враждуютъ и противятся всей вселенной. Слѣдовательно противленіе есть знакъ упорства, а не разсудительности" (св. Злат.).

Или такое у Апостола теченіе рѣчи. Онъ говоритъ какъ-бы: я доказывалъ, убѣждалъ, объяснялъ, что женамъ въ церкви должно быть съ покрытою головой; для внимательныхъ и разсудительныхъ достаточно сказаннаго. Но если кто подниметъ споръ, будетъ изобрѣтать возраженія, такому скажу: нечего спорить; дѣло рѣшенное, мы и всѣ церкви Божіи такого обычая не имѣемъ, т.-е. обычая, чтобъ женщины являлись въ церкви съ непокрытою главой. Брось возраженія и покорись общему голосу. Св. Златоустъ и заключаетъ свое объ этомъ слово: „если тогда Коринѳяне противорѣчили этому закону, но теперь приняла и сохраняетъ его вся вселенная. Такова сила Распятаго!" Это второе мнѣніе прилагаютъ Экуменій, Ѳеофилактъ и Ѳеодоритъ. Послѣдній пишетъ: „Слова сіи достаточны къ тому, чтобы пристыдить и крайне спорливыхъ," ибо Апостолъ показалъ, что таково мнѣніе не его одного, но и всѣхъ церквей Божіихъ.

2.

Противъ нестройностей на вечеряхъ любви

11, 17—34.

„Прежде всего надобно объяснить причину предлагаемаго обличенія; тогда наша рѣчь будетъ удобопонятнѣе. Въ чемъ же состоитъ эта причина? Какъ въ началѣ

вѣрующіе, въ числѣ трехъ тысячъ, вкушали пищу за общимъ столомъ и имѣли у себя все общее (это въ Іерусалимѣ, тотчасъ по сошествіи Св. Духа),—такъ было и тогда, когда Апостолъ писалъ это, хотя и не съ такою точностію, а только какъ-бы нѣкоторый остатокъ прежняго общенія сохранился и соблюдался въ послѣдующее время. Вѣрующіе, изъ которыхъ одни были богаты, а другіе бѣдны, хотя не отдавали всего своего имущества въ общую пользу, однако въ установленные дни по обычаю учреждали общіе столы и, по окончаніи собранія и причащенія Таинъ, сходились всѣ на общую трапезу, причемъ богатые приносили яства, а бѣдные и ничего не имѣющіе были приглашаемы ими; и такимъ образомъ вкушали пищу всѣ вмѣстѣ. Обычай прекрасный и благодѣтельный!—Ибо онъ служилъ къ поддержанію любви, утѣшенію бѣдности, благоупотребленію богатства, внушенію великаго любомудрія, сохраненію смиренномудрія“ (св. Злат.). Введенъ онъ былъ и въ Коринѳѣ, какъ и вездѣ; и сначала все здѣсь шло въ порядкѣ, а потомъ произошли нѣкоторыя нестроенія, которыми извращалось самое существо сихъ вечеряній. Узнавъ объ этомъ, св. Павелъ обращаетъ къ нимъ теперь обличительное и исправительное слово.

Теченіе его рѣчи таково: а) сначала указываетъ, въ чемъ нестроенія, и обличаетъ ихъ, 17—22; б) потомъ, чтобъ расположить къ благовѣинству въ отношеніи къ вечерямъ любви, говоритъ о таинствѣ тѣла и крови, именно—аа) какъ оно установлено, 23—26,—и бб) какъ приступать къ нему достойно, 27—32; и в) наконецъ дѣлаетъ постановленія относительно порядковъ на вечери любви, 33. 34.

а).

Указаніе и обличеніе нестроеній на вечеряхъ любви

17—22.

Ст. 17. *Сіе же завѣщавая не хвалю, яко не на лучшее, но на хуждшее сбираетеся.*

Сіе же завѣщавая, παραγγέλλων,—возвѣщая, предлагая. Эти слова относятся къ предыдущему. При этомъ приходитъ на мысль слѣдующее наведеніе: начиная рѣчь о покровеніи женами головъ въ церкви (11, 2—), Апостолъ говорилъ: *хвалю васъ, что все мое помните, и какъ я предалъ вамъ преданіе держите.* Потомъ идетъ рѣчь все о покровеніи женами головъ въ церкви, и никакого намека не дѣлается на то, чтобы у Коринѳянъ это не исполнялось, а пишется только вообще, что этому слѣдуетъ быть и какъ нелѣпо противное. Въ концѣ разсужденія только прибавляется: если кто спорить будетъ еще послѣ всего сказаннаго, то пусть знаетъ, что таковъ обычай повсюду.—Этотъ тонъ рѣчи такой общій, безъ намека на неисправность, даетъ мысль, что Коринѳскія женщины покрывали свои главы и исполняли распоряженіе относительно сего св. Апостола; были только нѣкоторые умники, которые возражали противъ этого. Апостолъ и пишетъ: хвалю васъ, что дѣлаете, какъ я велѣлъ; а противъ возражателей выставилъ основанія, по которымъ такъ, а не иначе должно женщинамъ держать себя въ церкви, приписывая въ заключеніе: больше не спорить, ибо всѣ церкви такъ дѣлаютъ.

Итакъ будетъ: хвалю, что дѣлаете какъ я предалъ, а противъ возражателей говорю то и то... Возвѣщая же сіе,—не хвалю вотъ что,—что *собираетеся не на*

лучшее, а на хуждшее. Можетъ быть такъ и лучше будетъ понять дѣло.

Собираетеся, т.-е. сходитесь на вечери любви. *Не на лучшее, а на хуждшее,* даетъ мысль, что прежде у нихъ было хорошо, а теперь стало худо. Надлежало бы все подвигаться впередъ и восходить къ лучшему, а они подвинулись назадъ и низошли къ худшему. „Упрекаю васъ справедливо; ибо должно было съ теченіемъ времени пріумножать добродѣтель, а вы утрачиваете ее и умаляете сіе богатство“ (Ѳеод.). „Тогда какъ слѣдовало преуспѣвать и возрастать въ любви, вы сократили уже господствующій обычай, и сократили такъ, что оказалась надобность въ моемъ увѣщаніи вамъ возвратиться къ прежнему порядку“ (св. Злат.).

Ст. 18. *Первое убо, сходящимся вамъ въ церковь, слышу въ васъ распри сущія, и часть нѣкую сихъ вѣрую.*

Въ чемъ состоялъ безпорядокъ? Въ томъ, что когда надлежало всѣмъ вмѣстѣ вкушать вечерю любви, они раздѣлялись на купы, или семьями, или пріятствами, а бѣдныхъ оставляли самимъ себѣ, тогда какъ и цѣль учрежденія сей вечери была, чтобы и бѣдные въ сіи дни общаго причащенія Св. Таинъ имѣли утѣшеніе отъ достаточныхъ. Объ этомъ онъ говоритъ въ 21 стихѣ прямо; а здѣсь означаетъ тоже общимъ выраженіемъ: *распри. Распри* σχίσματα, раздѣленія,—что показываетъ, что они не вздорили, а просто раздѣлялись по нехотѣнію подѣлиться своимъ достаткомъ съ неимущими. Св. Златоустъ и говоритъ: „дабы не показалось, что онъ говоритъ только въ пользу бѣдныхъ, Апостолъ не тотчасъ начинаетъ рѣчь о трапезахъ, а дабы обличеніе его не было принято ими за маловажное, употребляетъ выраженіе болѣе разительное и внушающее большій страхъ.—Что же онъ говоритъ? *Слышу... распри.* Не говоритъ: я слышу, что вы не учреждаете общихъ ве-

черей; слышу, что вы вкушаете пищу каждый порознь, а не вмѣстѣ съ бѣдными; но употребляетъ выраженіе, которое могло сильнѣе потрясти ихъ душу, именно: *распри* (распаденія на части, какъ одежду раздираютъ на клочки), которыя были причиною и этого безпорядка, и такимъ образомъ опять напоминаетъ о томъ, о чемъ говорено было въ началѣ посланія и что возвѣщено было ему домашними Хлои. *И часть нѣкую сихъ вѣрую.* Дабы не сказали: а что если солгали какіе-нибудь клеветники?—Онъ не говоритъ: *я вѣрю*, дабы они не сдѣлались безстыдными, не говоритъ и: *не вѣрю*, дабы обличеніе не показалось излишнимъ, но: *часть нѣкую* говоритъ, *вѣрую*, т.-е. нѣсколько вѣрю, и тѣмъ дѣлаетъ ихъ внимательными и призываетъ къ исправленію.“

Такимъ образомъ *первое* или признать надо оставленнымъ безъ *второе*, или на его долю отнести то, что дѣлились на купы, тогда какъ слѣдовало всѣмъ одну трапезу составить, одинъ общій столъ; а подъ *второе* поставить то, что бѣдныхъ оставляли.

Сходящимся вамъ въ церковь. Сходились въ церковь не прямо на вечерю любви, а для совершенія Евхаристіи и причащенія Св. Таинъ. Послѣ сего священнодѣйствія учреждали и вечерю любви, изъ остатковъ принесеннаго для безкровной жертвы, и изъ того, что прямо для вечери и приносилось. Обличаемый безпорядокъ не могъ не указывать и на недостатокъ благоговѣнія къ таинству тѣла и крови; почему вслѣдъ за симъ и говоритъ Апостолъ о важности сего таинства и о должномъ къ нему вниманіи. Отчего такъ произошло?—Привыкли, присмотрѣлись,—и стали на все и въ церкви смотрѣть, какъ на всякое другое житейское дѣло и вести его непоперечу своему нраву. И выступило напередъ: это мое, а ты себѣ самъ приготовь.

Слово *церковь* означаетъ ли только собраніе? Можетъ быть и это только означаетъ; но ничего нѣтъ дивнаго, что имѣлось и особое мѣсто для собраній, новое ли зданіе, или готовое кѣмъ изъ вѣрующихъ уступлено.— Имѣть особое мѣсто для общей молитвы и удовлетворенія религіозныхъ потребностей есть потребность вѣры. Для избранія его и устроенія не нужны особыя постановленія. Это дѣлается само собою.

Ст. 19. *Подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ васъ.*

„Подъ именемъ ересей онъ разумѣетъ здѣсь не заблужденія касательно догматовъ, но настоящія (и подобныя) распри. Впрочемъ, еслибы онъ говорилъ и о заблужденіяхъ касательно догматовъ, то и въ такомъ случаѣ не подалъ бы повода къ соблазну (словомъ: *подобаетъ*). Ибо и Христосъ сказалъ: *нужда есть пріити соблазномъ* (Мө. 18, 7), и однако не нарушилъ свободы воли и не поставилъ насъ въ какой-нибудь необходимости и неизбѣжности, но предсказалъ будущее, имѣвшее произойти отъ злой человѣческой воли, не вслѣдствіе Его предсказанія, но отъ произвола развратныхъ людей. Не потому происходили соблазны, что Онъ предсказалъ о нихъ, но потому Онъ предсказалъ, что они имѣли произойти. Ибо еслибы соблазны происходили по необходимости, а не по волѣ производящихъ ихъ, то онъ напрасно бы сказалъ: *горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ* (Мө. 18, 7). — Что Апостолъ дѣйствительно *ересями* назвалъ здѣсь безпорядки при трапезахъ и бывшія при томъ раздѣленія, это онъ ясно выразилъ послѣдующими словами. Ибо сказавъ: *слышу въ васъ распри сущія*, не остановился на этомъ, но желая объяснить, какія онъ разумѣетъ распри, говоритъ далѣе: *кійждо свою вечерю предваряетъ* (—21). Очевидно, что онъ говоритъ объ этихъ безпо-

рядкахъ; а что называетъ ихъ распрями (раздираніями общества), не удивляйся этому; онъ хотѣлъ, какъ я сказалъ, сильнѣе подѣйствовать на нихъ такимъ выраженіемъ. Еслибы онъ разумѣлъ догматическія ереси, то не говорилъ бы съ ними такъ кротко“ (св. Злат.).

„Что означаютъ слова: *да искусніи явлени бываютъ въ васъ?* Дабы болѣе просіяли. Онъ хочетъ сказать, что людямъ непреклоннымъ и твердымъ это не только не вредитъ, но еще дѣлаетъ ихъ болѣе замѣтными и славными. Частица *дабы* не всегда означаетъ цѣль, но часто слѣдствіе дѣла. Такъ употребляетъ ее Христосъ, когда говоритъ: *на судъ азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (Іоан. 9, 39); такъ и самъ Павелъ, когда говоритъ о законѣ: *законъ же привниде, да умножится прегрѣшеніе* (Римл. 5, 20). Законъ данъ былъ не для того, чтобъ умножились преступленія Іудеевъ; но такъ было. И Христосъ пришелъ не для того, чтобы видящіе сдѣлались слѣпыми, а съ противоположною цѣлію; но такъ было. Подобнымъ образомъ и здѣсь нужно понимать слова: *да искусніи явлени бываютъ;* ереси (раздѣленія и безпорядки на вечеряхъ) были не для того, чтобы открылись искусные, но когда явились онѣ, тогда это случилось.— Апостолъ сказалъ это для утѣшенія бѣдныхъ, великодушно переносившихъ презрѣніе. Посему не сказалъ: *да искусніи бываютъ*, но: *да искусніи явлени бываютъ,* выражая, что они и прежде были такими, но смѣшивались съ другими и, получая утѣшеніе отъ богатыхъ, не очень были замѣтны, а теперь смятеніе и несогласіе сдѣлали ихъ извѣстными, подобно какъ буря дѣлаетъ извѣстнымъ кормчаго. Также не сказалъ: *да вы искусніи явитесь* (вы—такіе-то), но: *да искусніи явлени бываютъ въ васъ;* какъ въ обличеніи не указалъ ни на кого прямо, дабы не сдѣлать ихъ болѣе безстыдными,

такъ и въ похвалѣ, дабы не сдѣлать ихъ безпечными, но выражается неопредѣленно, предоставляя совѣсти каждаго прилагать къ себѣ сказанное.—Мнѣ кажется, что здѣсь онъ утѣшаетъ не только бѣдныхъ, но и тѣхъ, которые не нарушали того обычая; ибо, вѣроятно, между ними были и соблюдавшіе его. Посему онъ и сказалъ: *часть нѣкую вѣрую.* Справедливо онъ называетъ искусными тѣхъ, которые не только вмѣстѣ съ другими соблюдали обычай, но и безъ нихъ не преступали этого прекраснаго установленія. Такими похвалами онъ старается въ тѣхъ и другихъ возбудить большее усердіе" (св. Злат.).

Говоря: *подобаетъ бо,* причину приводитъ. На что? На то что впереди: *слышу распри...* Почему можно думать, что онъ и себя утѣшаетъ этими словами, какъ бы такъ: *слышу распри въ васъ.* Скорбно; но что дѣлать? Подобаетъ и этому бывать. Одни уклоняются отъ порядковъ, другіе, твердыми въ нихъ являясь, еще болѣе утверждаются въ нихъ на будущее.

Ст. 20. *Сходящимся убо вамъ вкупѣ, нѣсть Господскую вечерю ясти.*

Господская вечеря—вечеря Господня. Вечеря Господня собственно есть причащеніе Св. Христовыхъ Таинъ Тѣла и Крови; но по связи съ нею вечери любви, названіе то переходило и на эту вечерю: подобно какъ и вечерю, на коей установлено таинство Евхаристіи, мы называемъ всю тайною вечерію, между тѣмъ какъ тамъ часть только небольшая была собственно тайною вечерію, когда Господь установилъ таинство Тѣла и Крови и причастилъ впервые св. Апостоловъ,—прочее же все было простая трапеза: ибо хотя она была ветхозавѣтная пасха, но въ это время она престала; и стала простою трапезою. Ей и соотвѣтствовала вечеря любви, бывавшая вслѣдъ за причащеніемъ Св. Таинъ.

Апостолъ говоритъ: когда вы сходитесь въ одно мѣсто ѣсть Господню вечерю, то вы такъ себя держите, что совсѣмъ непохоже на то, чтобъ вы ѣли Господню вечерю. Тамъ всѣ были вмѣстѣ, никто не былъ задѣляемъ, даже и Іуда предатель; а у васъ бѣдные задѣляемы бываютъ, которые въ терпѣніи подобны Апостоламъ. „Владычняго таинства говоритъ, вы причащаетесь всѣ: и живущіе въ бѣдности, и хвалящіеся богатствомъ, и слуги и господа, и начальники и подначальные. Посему должно было, чтобы и общія трапезы дѣйствительно были общими, и уподоблялись Владычней вечери, которая всѣмъ одинаково предлагается. Нынѣ же не такъ вы поступаете“ (Ѳеод.). „Видишь ли, какъ онъ пристыждаетъ ихъ, и подъ видомъ повѣствованія предлагаетъ внушеніе?—Наружный видъ собранія, говоритъ, показываетъ одно, ибо происходитъ какъ-бы изъ любви и братолюбія; вы собираетесь въ одномъ мѣстѣ, и всѣ вмѣстѣ, — а трапеза не соотвѣтствуетъ собранію. — Не сказалъ: когда вы собираетесь, то не вкушаете вмѣстѣ, не раздѣляете пищи другъ съ другомъ, но опять выражается иначе и гораздо разительнѣе: *нѣсть*, говоритъ, *Господскую вечерю ясти*, напоминая имъ и ту вечерю, на которой Христосъ преподалъ страшныя тайны. Посему и назвалъ ядѣніе ихъ вечеріею, такъ какъ на той вечери возлежали всѣ вмѣстѣ. Хотя не такъ отличны другъ отъ друга богатые и бѣдные, какъ Учитель и ученики, — между послѣдними различіе безпредѣльно, — но что я говорю объ Учителѣ и ученикахъ? Представь, какое различіе — между Учителемъ и предателемъ; и однако Онъ Самъ возлежалъ вмѣстѣ съ ними, не изгналъ и предателя, но и съ нимъ раздѣлилъ соль и сдѣлалъ его причастникомъ Таинъ“ (св. Злат.).

Ст. 21. *Кійждо бо свою вечерю предваряетъ въ снѣдепіе, и овъ убо алчетъ, овъ же упивается.*

Вотъ отчего ваша вечеря не похожа на вечерю Господскую! — Каждый, изъ виновныхъ конечно, спѣшитъ поскорѣе съѣсть, что принесъ, не желая дѣлиться съ другими. И особность эта предосудительна, и особенно то, что вы принесенное въ церковь, какъ даръ Господу, продолжаете считать своимъ и распоряжаетесь имъ какъ желаетъ сердце ваше неисправное. А слѣдовало не такъ. Принесли въ церковь, что Богъ послалъ, и должны были отдать то распорядителямъ вечери, чтобъ они все всѣмъ разложили поровну, и чтобъ никто не получилъ ничего лишняго предъ другими. Отъ вашихъ же безпорядковъ вышло то, что одинъ сытъ и даже пьянъ, а другой голоденъ. „Видишь ли, какъ они посрамляютъ болѣе самихъ себя?—Принадлежащее Господу они присвояютъ себѣ, и потому прежде всѣхъ унижаютъ самихъ себя, лишая свою трапезу того, что составляетъ величайшее ея достоинство. Почему и какимъ образомъ? *Господская вечеря,* т.-е. вечеря Господа должна быть общею; принадлежащее господину не принадлежитъ тому или другому рабу, но есть общее для всѣхъ; она—Господская, говоритъ, слѣдовательно общая. Если же она принадлежитъ твоему Господу, какъ и дѣйствительно принадлежитъ, то ты не долженъ присвоять ее себѣ, но какъ принадлежащую Господу и Владыкѣ, предлагать ее всѣмъ вообще.—Она *Господская,* а ты препятствуешь ей быть Господскою, не дозволяя ей быть общею, но вкушая самъ по себѣ. Посему и присовокупляетъ: *кійждо бо свою вечерю предваряетъ въ снѣденіе.* Не сказалъ: отдѣляетъ, но: *предваряетъ,* прикровенно обличая ихъ въ неумѣренности и невоздержаніи, что объясняется и послѣдующимъ, ибо сказавъ это, онъ продолжаетъ:

и овъ убо алчетъ, овъ же упивается; то и другое, недостатокъ и излишество, показываетъ неумѣренность. Вотъ и вторая вина, которая также вредитъ имъ самимъ; первая въ томъ, что они безчестятъ свою вечерю; а вторая въ томъ, что пресыщаются и упиваются, и, еще важнѣе, тогда, какъ бѣдные алчутъ.—То, что слѣдовало предлагать всѣмъ вообще, они потребляютъ одни, и такимъ образомъ впадаютъ въ пресыщеніе и пьянство. Каждое изъ этихъ дѣлъ само по себѣ достойно осужденія: упиваться, не пренебрегая бѣдныхъ, преступно; и пренебрегать бѣдныхъ, не упиваясь, преступно. Если же то и другое соединяется вмѣстѣ, то представь, какое произойдетъ великое преступленіе“ (св. Злат.).

Ст. 22. *Еда бо домовъ не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей нерадите, и срамляете не имущія? Что вамъ реку, похвалю ли вы о семъ? Не похвалю.*

„Если любите роскошествовать, то въ домахъ это дѣлайте. А здѣсь—это оскорбленіе и явное поруганіе Церкви. Не самое ли неумѣстное дѣло, внутри храма Божія, въ присутствіи Владыки, Который предложилъ намъ общую трапезу, вамъ роскошествовать, а нуждающимся алкать, и быть въ стыдѣ по причинѣ бѣдности?“ (Ѳеод.). „Видишь ли, какъ отъ бѣдныхъ онъ переноситъ оскорбленіе на Церковь, дабы усилить рѣчь свою?—Вотъ и четвертая вина, состоящая въ томъ, что они оскорбляютъ не только бѣдныхъ, но и Церковь. Какъ Господскую вечерю, говоритъ, такъ и самое мѣсто вы присвояете себѣ, пользуясь церковію, какъ бы своимъ домомъ. Церковь устроена не для того, чтобы собирающіеся въ ней раздѣлялись, но чтобы раздѣленные соединялись, какъ показываетъ и самое слово: *собраніе.*—*И срамляете неимущія.* Не сказалъ: оставляете голодными неимущихъ, но съ большею укоризною: *срамляете,*

выражая, что онъ не столько заботится о пищѣ, сколько объ оскорбленіи, причиняемомъ бѣднымъ. Вотъ и пятая вина въ томъ, что они не только презираютъ алчущихъ, но и посрамляютъ ихъ.—Этими словами онъ съ одной стороны похваляетъ бѣдныхъ, выражая, что они не столько безпокоятся о чревѣ, сколько о безчестіи, а съ другой располагаетъ слушателя къ милосердію.—Показавъ столько преступнаго въ ихъ поведеніи, униженіе вечери, униженіе Церкви, оскорбленіе бѣдныхъ, онъ вдругъ смягчаетъ силу обвиненія и говоритъ: *похвалю ли вы о семъ? Не похвалю.* — Это особенно и достойно удивленія, что показавъ столько преступленій, когда слѣдовало бы сильнѣе выразить гнѣвъ свой, онъ поступаетъ совершенно иначе,—смягчаетъ рѣчь и дѣлаетъ имъ облегченіе. Почему же такъ?—Онъ уже сильно тронулъ ихъ, доказавъ важность вины ихъ, и, какъ превосходный врачъ, употребляетъ врачевство, соотвѣтственное ранамъ. Требующія глубокаго разрѣза (нарывы)) онъ не разсѣкаетъ только на поверхности,—ты слышалъ, какъ онъ отсѣкъ отъ нихъ кровосмѣсника,—а къ требующимъ болѣе легкаго врачеванія не прилагаетъ желѣзо; посему и здѣсь говоритъ съ ними кротко. Съ другой стороны, онъ преимущественно старался сдѣлать ихъ кроткими къ бѣднымъ, посему и самъ бесѣдуетъ съ ними кротко" (св. Злат.).

б).

О таинствѣ Тѣла и Крови Господнихъ.

Говоритъ о семъ Апостолъ потому, что вечеря любви учреждалась въ связи съ симъ таинствомъ; потому неприличное поведеніе на сей вечери обличало неблагоговѣинство къ сему таинству. Возставляя въ сознаніи ихъ, коль высоко сіе таинство, и съ какимъ строгимъ

приготовленіемъ должно приступать къ нему, онъ тѣмъ самымъ чаетъ положить конецъ происходившимъ безпорядкамъ. Да еслибъ предварительно у виновныхъ не изсякло благоговѣніе къ таинству, не могли бы они допустить неисправностей и на вечери. Св. Златоустъ говоритъ объ этомъ такъ: „Почему онъ упоминаетъ здѣсь объ этихъ тайнахъ? Потому что это было весьма нужно для настоящаго предмета. Господь твой, говоритъ, удостоилъ всѣхъ одной и той же трапезы, и притомъ самой страшной и многопревосходящей достоинство всѣхъ; а ты считаешь другихъ недостойными твоей трапезы, маловажной и незначительной, и, тогда какъ они не получаютъ отъ тебя ничего изъ благъ духовныхъ, отнимаешь у нихъ и тѣлесныя, хотя и онѣ не твои. Впрочемъ онъ не говоритъ этого (прямо), дабы слова его не были слишкомъ тяжкими, но употребляетъ рѣчь болѣе кроткую (представляя самимъ догадаться, къ чему клонится слово его)."

Говоритъ здѣсь Апостолъ — аа) объ установленіи таинства Тѣла и Крови Господнихъ, 23—26, и бб) о достойномъ приступаніи къ нему, 27—32.

аа).

УСТАНОВЛЕНІЕ ТАИНСТВА ТѢЛА И КРОВИ ГОСПОДНИХЪ

23—26.

Ст. 23. *Азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Іисусъ въ нощь, въ нюже преданъ бываше...*

Пріяхъ отъ Господа, „т.-е. наученъ былъ Господомъ" (Экум.). Св. Павелъ всему наученъ былъ непосредственно Самимъ Господомъ. Не только тайны вѣры преподалъ ему Господь лично, но и образъ совершенія всѣхъ таинствъ благодати. *Еже и предахъ вамъ.* Какъ принялъ отъ Господа, такъ и вамъ предалъ. Св. Златоустъ говоритъ при семъ: „говоритъ сіе Апостолъ, дабы

ты уразумѣлъ, что та вечеря не заключала въ себѣ ничего большаго въ сравненіи съ послѣдующими. Ибо и нынѣ тотъ же Господь все совершаетъ и преподаетъ, какъ и тогда.“

Въ нощь, въ нюже преданъ бываше. „Для чего онъ напоминаетъ намъ объ этомъ времени, объ этой вечери и предательствѣ?—Не просто и не безъ причины, но дабы сильнѣе тронуть и самымъ временемъ. Ибо всякій, хотя бы кто былъ даже камнемъ, представивъ, какъ въ эту ночь Господь скорбѣлъ съ учениками, какъ былъ преданъ, связанъ, веденъ и осужденъ, какъ терпѣлъ все прочее, сдѣлается мягче воска, отрѣшится отъ земли и всей здѣшней суеты. Для того Апостолъ и напоминаетъ намъ о всемъ этомъ; пристыждаетъ насъ и временемъ, и вечерію, и предательствомъ и говоритъ: Господь твой предалъ Себя Самого за тебя, а ты не хочешь и хлѣба удѣлить брату для самого же себя?—И не для этого только напоминаетъ онъ намъ объ этой ночи, но дабы тронуть насъ еще инымъ образомъ. Какъ вообще мы болѣе помнимъ послѣднія слова, которыя слышимъ отъ умирающихъ, и наслѣдникамъ ихъ, когда они дерзаютъ нарушать ихъ завѣщанія, въ укоризну говоримъ: вспомните, что это послѣднія слова отца вашего, которыя онъ завѣщалъ предъ самою кончиною своею; такъ и Павелъ, желая такимъ образомъ усилить рѣчь свою, говоритъ: вспомните, что это было послѣднее таинство, которое Онъ преподалъ вамъ, что Онъ завѣщалъ это въ ту ночь, въ которую готовился умереть за насъ, и, предложивъ намъ эту вечерю, послѣ нея не предложилъ уже никакой другой.“

Ст. 24. *Пріемъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое; сіе творите въ Мое воспоминаніе.*

Взявъ хлѣбъ въ пречистыя руки Свои, *благодаривъ,*

преломи. Слово благодаренія у Господа было не ветхозавѣтное объ изведеніи изъ Египта и прочихъ благодѣяніяхъ Божіихъ, а объ основаніяхъ новаго завѣта, подобно Его преосвященнической молитвѣ въ концѣ той же вечери, о совершеніи дѣла, которое Ему дано было; съ благодареніемъ соединено было благословеніе, какъ говорятъ Евв. Матѳей и Маркъ, обращенное на предлежащіе хлѣбъ и вино, благословеніе тайносовершительное. По благодареніи и благословеніи, хлѣбъ—Тѣло и вино—Кровь; почему преломивъ хлѣбъ, Господь сказалъ: пріимите, ядите, *сіе есть Тѣло Мое*. Взялъ хлѣбъ, а по благодареніи и благословеніи, подавалъ ученикамъ уже не хлѣбъ, а Тѣло: ибо онъ пресуществился благословеніемъ. Это есть Тѣло Мое, *за вы ломимое,* не будетъ за вы ломимо, а ломимо есть, означая тѣмъ непрерывность ломленія и непрестанность жертвы Тѣла. Оно—жертва за весь человѣческій родъ, но ея спасительность и ходатайственная сила осѣняетъ только тѣхъ, кои вѣрою пріобщились ко Христу Господу и вкушаютъ ее; почему *за вы ломимое. Сіе творите въ Мое воспоминаніе*. Св. Златоустъ уже сказалъ: что тогда на вечери было совершено, то совершается и теперь на вечеряхъ Господнихъ. Тогда не было ничего преимущественнаго предъ теперешними тайными вечерями: и въ теперешнихъ тайныхъ вечеряхъ ничего нѣтъ недостающаго противъ той. Ибо совершитель Таинъ тотъ же Господь, Который и тогда установлялъ сіе таинство. Съ той минуты сіе таинственное воспоминаніе о Господѣ продолжается въ Церкви среди всѣхъ всюду вѣрующихъ, и не мысленное, а какъ повтореніе дѣла въ самомъ существѣ его.

Ст. 25. ***Такожде и чашу, по вечери, глаголя: сія чаша новый завѣтъ есть въ Моей Крови; сіе творите, елижды аще піете, въ Мое воспоминаніе.***

Такожде и чашу, т.-е. пріемъ, благодаренія и благословенія тайносовершительнаго не повторяетъ, а уже какъ готовую кровь подаетъ, говоря: *сія чаша новый завѣтъ есть.* Апостолъ не приводитъ словъ: *пійте отъ нея,* ибо это разумѣлось само собою, а только воспоминаетъ слова, означающія таинственную силу крови: *сія чаша новый завѣтъ есть въ Крови Моей.* Моѵсей, прочитавъ законъ вслухъ всѣхъ Израильтянъ, окропилъ ихъ кровію жертвенною, и сказалъ: *се кровь завѣта, который положилъ Господь съ вами* (Исх. 24, 8). Смыслъ ветхозавѣтнаго кропленія былъ: не исполнишь закона, своею кровію заплатишь за неисполненіе. Смыслъ чаши новаго завѣта есть, хоть бы мнѣ пришлось всю кровь свою пролить, не отступлю отъ Тебя и заповѣдей Твоихъ, Господи. Какъ Господь ради насъ пролилъ кровь Свою, такъ мы должны быть готовы пролить за Него свою. Въ этомъ существо новаго завѣта. На наше рѣшеніе жертвовать жизнію за Господа и вѣру въ Него и заповѣди Его, животворящая Кровь Господа нисходитъ внутрь, какъ очистительная и освятительная сила. Піющіе ее не страхъ смерти на себя пріемлютъ, а воодушевленіемъ благодатнымъ исполняются, готовымъ на всѣ святыя дѣла и всѣ лишенія и скорби. *Сіе творите, елижды аще піете, въ Мое воспоминаніе.—Сіе творите,* т.-е, совершайте таинство Крови и пейте Мою Кровь,—въ Мое воспоминаніе, въ воспоминаніе Крови, Господомъ пролитой за насъ, а вмѣстѣ и завѣта, нами въ пріобщеніи Крови Его пріемлемаго.— *Елижды аще піете,* всякій разъ, какъ піете. Сила таинства одна и таже всегда: и ваше обязательство при семъ должно быть одно и тоже, и чувство, съ какимъ должно приступать къ чашѣ, какъ въ первый разъ, такъ и всегда должно быть одно и тоже. Апостолъ воспомянулъ сіи слова, чтобъ предотвратить пагубное наше ко всему

привыканіе и послѣдующее за тѣмъ равнодушіе, и чтобъ расположить всякій разъ предъ чашею возобновлять расположенія, какія бываютъ при семъ въ первый разъ.

Вотъ какъ, говоритъ, установлено таинство Тѣла и Крови, по принятіи коихъ вы переходите и на вечерю любви, и тамъ ведете себя такъ, какъ не слѣдуетъ тому, кто помнитъ и разумѣетъ, какую силу и какое значеніе имѣетъ сіе таинство. Какія исправительныя внушенія могли отсюда заимствовать Коринѳяне, это св. Златоустъ такъ излагаетъ: „Если ты приступаешь (къ тайнамъ Тѣла и Крови) для благодаренія (таинство сіе иначе называется Евхаристія — благодареніе), то не дѣлай ничего недостойнаго благодаренія, не посрамляй брата своего, не презирай алчущаго; не упивайся, не оскорбляй церкви. Ты приступаешь, чтобы благодарить за тѣ блага, которыя получилъ: воздавай же и съ своей стороны, и не отдѣляйся отъ ближняго. Христосъ преподалъ вечерю равно всѣмъ, сказавъ: *пріимите, ядите.* Онъ равно всѣмъ преподалъ Тѣло, а ты не хочешь равно всѣмъ раздавать общій хлѣбъ? Хлѣбъ былъ преломленъ Имъ равно за всѣхъ, и содѣлался Тѣломъ равно за всѣхъ. *Сіе творите въ Мое воспоминаніе.* А ты что дѣлаешь? Совершаешь воспоминаніе о Христѣ, и презираешь бѣдныхъ, и не трепещешь? Когда ты совершаешь воспоминаніе по умершемъ сынѣ, или братѣ, то совѣсть замучила бы тебя, еслибы ты не исполнилъ обычая и не пригласилъ бѣдныхъ, а совершая воспоминаніе о своемъ Господѣ, ты не хочешь даже подѣлиться трапезою.“

Ст. 26. *Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ.*

Это выводъ изъ образа установленія таинства, которымъ опредѣляется значеніе его, на все время до вто-

раго пришествія Господня.—*Смерть Господню возвѣщаете*. „Какъ Христосъ, сказавъ о хлѣбѣ и о чашѣ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе*, открылъ намъ причину установленія таинства, а между прочимъ внушилъ, что эта причина достаточна для возбужденія въ насъ благоговѣнія; ибо когда ты представишь, что потерпѣлъ для тебя Господь, то сдѣлаешься любомудреннѣе: такъ и Павелъ говоритъ здѣсь: *смерть Господню возвѣщаете*. Такова эта вечеря! Внушаетъ также этимъ Апостолъ, дабы вѣрующіе и нынѣ въ такомъ же расположеніи духа приступали къ Тайнамъ, какъ будто присутствовали на той самой вечери, возлежали вмѣстѣ съ Апостолами и принимали отъ Самого Христа эту жертву“ (св. Злат.).

Всякій разъ, говоритъ, какъ *ясте хлѣбъ сей*, тотъ т.-е., о коемъ Господь сказалъ: сіе есть Тѣло Мое,—*и чашу сію піете*,—ту, т.-е., о коей Господь сказалъ, что она есть новый завѣтъ въ Крови Его,—*смерть Господню возвѣщаете*. Этимъ торжественнымъ дѣйствіемъ всѣмъ возвѣщаете о смерти Господа, именно, что былъ на землѣ Господь, Богъ воплотившійся, Который умеръ на крестѣ грѣхъ ради нашихъ. Не вѣра, не слово возвѣщаетъ о семъ, а причащеніе Тѣла и Крови, безъ слова, гласно говоритъ о семъ всѣмъ. Какъ преступно непричащеніе! Какъ неизвинительно нечастое причащеніе! Въ первое время ни одно собраніе христіанъ не проходило безъ причащенія собравшихся. Нынѣ гдѣ причастники?! А литургій много совершается, особенно въ городахъ. Это очень похоже на то, какъ забѣжитъ кто въ церковь, поставитъ свѣчу и бѣжитъ вонъ, на дѣла свои: пусть свѣча молится! Безкровная жертва приносится; а христіанамъ и дѣла до того нѣтъ. Пусть она возвѣщаетъ смерть Господню! Апостолъ же пишетъ, что не она за каждаго возвѣщаетъ смерть Господню, а причащеніе ея. То, что нѣтъ при-

чащающихся, скорѣе означаетъ, что христіане хотятъ заглушить вѣсть о смерти Господа.

бб).

О ДОСТОЙНОМЪ ПРИСТУПАНІИ КЪ ТАЙНАМЪ ТѢЛА И КРОВИ ГОСПОДНИХЪ 27—32.

Ст. 27. *Тѣмже иже аще ястъ хлѣбъ сей, или піетъ чашу Господню недостойнѣ, повиненъ будетъ Тѣлу и Крови Господни.*

Тѣмже—ὥστε—такъ что. Откуда выводъ? Изъ существа таинства. Хлѣбъ сей есть Тѣло Господне, и чаша сія содержитъ Кровь Господню, истинныя, а не вмѣстообразныя истиннымъ. Посему кто недостойно причащается ихъ, тотъ *повиненъ Тѣлу и Крови Господнимъ.* Что значитъ эта повинность? — То, что онъ убиваетъ Господа и проливаетъ Кровь Его. Св. Златоустъ говоритъ: „Почему въ этомъ онъ повиненъ? Потому что проливаетъ кровь и производитъ закланіе, а не жертву приноситъ. Какъ тогда пронзившіе Господа пронзали не для того, чтобы пить, но чтобы пролить Кровь Его, такъ поступаетъ и тотъ, кто пріобщается недостойно. Видишь ли, какъ страшна рѣчь его, и какъ сильно онъ тронулъ ихъ, показавъ, что если они такимъ образомъ намѣрены пить (Кровь Господа), то будутъ недостойно причащаться предлежащихъ Таинъ? И подлинно, не недостойно ли приступаетъ тотъ, кто презираетъ алчущаго, и кромѣ того, что презираетъ, еще посрамляетъ его? Ибо, если неподаваніе милостыни бѣднымъ лишаетъ человѣка царствія небеснаго, хотя бы онъ былъ дѣвственникъ, равно какъ и нещедрое подаваніе, ибо и дѣвы имѣли у себя елей, но только не въ изобиліи, то представь, сколь велико зло, если совершится столько преступленій? Какихъ, скажешь, преступленій? О какихъ преступле-

ніяхъ говоришь ты? Пріобщившись такой трапезы, тебѣ слѣдовало бы сдѣлаться смиреннѣе всѣхъ и уподобиться Ангеламъ, а ты сдѣлался жестокосердѣе всѣхъ; ты вкусилъ Крови Господней и не признаешь своего брата; достоинъ ли ты прощенія? Еслибы даже ты не зналъ его доселѣ, то послѣ этой трапезы долженъ былъ бы признать его; а ты безчестишь и самую трапезу, считая сподобившагося быть причастникомъ ея недостойнымъ яствъ твоихъ. Развѣ ты не слышалъ, чему подвергся требовавшій сто динаріевъ отъ брата своего, какъ онъ утратилъ даръ, уступленный ему господиномъ его? Развѣ не знаешь, чѣмъ ты былъ, и чѣмъ сталъ теперь? Развѣ не знаешь, что гораздо болѣе этого бѣднаго деньгами ты былъ бѣденъ добрыми дѣлами, бывъ исполненъ безчисленныхъ грѣховъ? Однако Богъ простилъ тебѣ всѣ грѣхи и удостоилъ тебя такой трапезы; но ты и послѣ того не сдѣлался человѣколюбивѣе; посему не остается ничего болѣе, какъ и тебя предать мучителямъ (Мө. 18, 34). Будемъ же внимать словамъ Апостола всѣ мы, которые здѣсь приступаемъ къ священной трапезѣ вмѣстѣ съ бѣдными, а вышедши отсюда не хотимъ и смотрѣть на нихъ, но предаваясь пространному себя питанію, алчущихъ оставляемъ безъ вниманія, въ чемъ тогда виновны были и Коринөяне. Скушавъ за обѣдомъ что-нибудь пріятное, ты остерегаешься, чтобы другимъ дурнымъ кушаньемъ не испортить прежняго; а принявъ Духа, предаешься удовольствіямъ. Вспомни, что дѣлали Апостолы, причастившись священной вечери; не къ молитвамъ ли и пѣснопѣніямъ обратились они, не къ священному ли бдѣнію, не къ ученію ли продолжительному и исполненному великаго любомудрія? А ты, если прежде причащенія попостишься, чтобы сколько-нибудь оказаться достойнымъ причащенія, то послѣ причащенія, когда надлежало бы

усилить воздержаніе, погубляешь все. Но не одно и тоже поститься прежде или послѣ; должно быть воздержнымъ и въ то и въ другое время, но особенно послѣ принятія Жениха; прежде для того, чтобы содѣлаться достойнымъ пріятія, а послѣ для того, чтобы не оказаться недостойнымъ полученныхъ даровъ."

Такимъ образомъ св. Златоустъ выяснилъ, что недостойно причащаются не только тѣ, которые не приготовляются къ тому какъ слѣдуетъ, но и тѣ, которые послѣ причащенія ведутъ себя недостойно сего причастія. Примѣръ Коринѳянъ ведетъ именно къ такому уроку.

Ст. 28. *Да искушаетъ же человѣкъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да піетъ.*

Искушать себя значитъ испытать и внимательно изслѣдовать, достоинъ ли святаго Причастія. Но какъ тутъ говорится: *и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да піетъ,* то этимъ вмѣстѣ указывается, что коль скоро найдешь что препятствующее причащенію, устранить то и исправить. Искушеніе здѣсь значитъ достойное приготовленіе. Въ чемъ оно? Въ очищеніи совѣсти. Принеси покаяніе во грѣхахъ, и положи твердое намѣреніе впередъ не грѣшить, а вмѣсто грѣховъ творить всякую добродѣтель, и ты достойно готовъ къ причастію. Св. Златоустъ говоритъ: „главное благо въ томъ, чтобы приступать къ Тайнамъ съ чистой совѣстію. Не довольствуясь сказаннымъ прежде, онъ присовокупляетъ еще слѣдующее: *да искушаетъ себе человѣкъ,* какъ онъ говоритъ и во второмъ посланіи: *себе искушайте* (2 Кор, 13, 5), а не такъ, какъ поступаемъ теперь мы, сообразуясь болѣе со временемъ, нежели съ душевнымъ расположеніемъ. Мы стараемся не о томъ, чтобы приступить приготовившись, очистившись отъ всего злаго и съ полнымъ благоговѣніемъ, но лишь бы приступить, когда приступаютъ всѣ. Не такъ повелѣ-

ваетъ Павелъ; онъ знаетъ одно только время для приступанія къ Тайнамъ и причащенію, когда чиста совѣсть. Если мы не приступаемъ къ чувственной трапезѣ, страдая горячкою и приливомъ дурныхъ соковъ, дабы не подвергнуться смерти, то тѣмъ болѣе намъ не должно касаться этой трапезы съ порочными пожеланіями, которыя хуже горячки. Подъ именемъ порочныхъ пожеланій я разумѣю, какъ тѣлесныя, такъ и душевныя—любостяжаніе, гнѣвъ, злопамятность, и вообще всѣ порочныя наклонности. Приступающему должно очиститься отъ всего такого, и тогда касаться этой чистой жертвы. Посему Апостолъ и говоритъ: *да искушаетъ себе каждый*, и тако да приступаетъ; повелѣваетъ испытывать не одному другаго, но самому себя, устроя судилище безъ гласности и обличеніе безъ свидѣтелей.“

Ст. 29. *Ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая Тѣла Господня.*

„Что говоришь ты? Источникъ столь многихъ благъ, трапеза, источающая жизнь, обращается въ осужденіе? Не по своему существу, говоритъ онъ, а по винѣ приступающаго. Какъ пришествіе Господа, доставившее намъ великія и неизслѣдованныя блага, послужило къ большему осужденію не принявшихъ Его, такъ и эти Тайны навлекаютъ большее наказаніе на недостойно причащающихся. Почему же *судъ себѣ ястъ? Не разсуждая Тѣла Господня,* т.-е., не размышляя, не представляя, какъ должно, величія предложенныхъ Таинъ и не думая о важности дара. Если бы ты вполнѣ понималъ, Кто предлежитъ предъ тобою и кому Онъ предлагаетъ Себя, то не имѣлъ бы нужды ни въ какомъ увѣщаніи, а одного этого было бы достаточно для возбужденія въ тебѣ полнаго благоговѣнія, если только ты не палъ слишкомъ глубоко“ (св. Злат.).

Судъ ястъ,—предполагаетъ въ минуту самаго вкушенія бывающій приговоръ суда Божія,—и не это только, но и присужденіе наказанія. Приговоръ суда предъ симъ указанъ: *повиненъ Тѣлу и Крови Господни;* а здѣсь разумѣется присужденіе наказанія. „Пріявъ даръ противозаконно, не только не получишь отъ того спасенія, но еще понесешь наказаніе за поруганіе“ (Ѳеод.). Какое наказаніе? Какъ вина одна, а степени ея разны, такъ и наказанія; и одни въ сей жизни совершаются, и иногда тотчасъ, а другія оставляются до будущей жизни. Все, какъ судитъ правда Божія и милость къ намъ, даже въ самомъ наказаніи. Что на недостойно причащающихся посылаемы были наказанія еще въ сей жизни, опыты сего были у самыхъ Коринѳянъ, какъ вслѣдъ за симъ сказываетъ Апостолъ.

Ст. 30. *Сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и спятъ* (усыпаютъ) *довольни.*

„Такъ конечно на самомъ дѣлѣ было; ибо не рѣшился бы Апостолъ писать о томъ, чего не было, зная, что это явная ложь“ (Ѳеод.). *Немощни*—означаетъ вообще слабость, *недужливи* — опредѣленныя болѣзни, *спятъ, усыпаютъ*—умираютъ. „Здѣсь онъ приводитъ въ примѣръ уже не другихъ, какъ сдѣлалъ въ бесѣдѣ объ идоложертвенномъ, гдѣ говорилъ о древнихъ событіяхъ и о бѣдствіяхъ Евреевъ въ пустынѣ, но самыхъ Коринѳянъ, что придаетъ словамъ его болѣе трогательности. Сказавъ: *судъ себѣ ястъ,* и имѣя въ виду, чтобы это не было принято за одни слова, онъ указываетъ и на дѣла, призываетъ въ свидѣтели ихъ самихъ, чѣмъ и дѣйствуетъ сильнѣе угрозы, выражая, что угроза уже перешла въ дѣло. Не довольствуясь этимъ, онъ потомъ напоминаетъ и о гееннѣ и твердо доказываетъ слова свои, устрашая ихъ со всѣхъ сторонъ и разрѣшая вопросъ. часто предлагаемый. Многіе въ недоумѣ-

ніи спрашиваютъ другъ друга, отъ чего происходятъ преждевременные смертные случаи, отъ чего продолжительныя болѣзни? Причина многихъ, говоритъ онъ, изъ такихъ нечаянныхъ бѣдствій заключается въ грѣхахъ. Тѣ, которые грѣшатъ, а между тѣмъ и здоровы и счастливы по-мірски, берегутся для будущихъ мукъ. Тамъ они подвергнутся жесточайшему наказанію" (св. Злат.). Итакъ нечего себя обнадеживать, или предавать себя дерзости, тѣмъ, что случается, и недостойно причастившись, не подвергаться явному наказанію. Отъ правды Божіей никакой грѣхъ не укроется, и никакому грѣху не возможно остаться безъ воздаянія. Когда-нибудь онъ получитъ его.

Ст. 31. *Аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были.*

Себе разсуждать здѣсь тоже, что выше: *да искушаетъ себе кійждо.* Это значитъ: еслибы мы надлежащимъ образомъ себя испытывали предъ причащеніемъ и достодолжно приготовлялись къ нему, то *не быхомъ осуждени были,* т.-е. не ѣли и не пили бы мы себѣ суда, не былъ бы надъ нами произносимъ приговоръ: *повиненъ Тѣлу и Крови Господни.* Осужденіе, т.-е. судъ и присужденіе наказанія, бываетъ за недостойное причащеніе, а недостойное причащеніе допускается отъ того, что себя не разсуждаемъ, не испытываемъ и не очищаемъ отъ грѣховъ покаяніемъ, иное утаивая, иное сказывая въ половину.

„Не сказалъ Апостолъ: еслибы наказывали себя, или мучили себя, но: еслибы только захотѣли сознать грѣхи свои сами и осудить себя и свои беззаконія, то избавились бы отъ наказанія и здѣсь и тамъ. Ибо осуждающій самъ себя вдвойнѣ умилостивляетъ Бога и сознаніемъ грѣховъ своихъ и готовностію не дѣлать ихъ на будущее время. Но мы не хотимъ дѣлать, какъ должно, и этого легкаго дѣла" (св. Злат.).

По ходу рѣчи это относится къ причащенію; но внѣ контекста это положеніе идетъ ко всякому грѣху. Всякій грѣхъ отъ неразсужденія себя, и всякому грѣху изрекается судъ и наказаніе въ самый актъ грѣха. Исполненіе приговора и отлагается иногда до времени, но самый приговоръ тотчасъ послѣдуетъ. Себя разсудить значитъ сознать, кто ты, дерзающій творить грѣхъ, прогнѣвляющій Бога предъ лицемъ Самого Бога, невидимо, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно присущаго тебѣ? Принявъ эту непреложную истину сознаніемъ, едвали бы кто рѣшился грѣшить. Но въ дѣлѣ грѣха врагъ ее затмѣваетъ и совсѣмъ изгоняетъ изъ сознанія. Какъ ни нелѣпо слово грѣшника: не видитъ Богъ, а оно всегда проходитъ въ мысляхъ грѣшника грѣшащаго.

Ст. 32. *Судими же, отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся.*

Мысль Апостола все стоитъ на недостойномъ причащеніи Св. Таинъ. *Судими*—значитъ, что въ моментъ недостойнаго причащенія приговоръ надъ нами произносится; ибо причастившись недостойно, мы судъ себѣ ѣли и пили. За приговоромъ слѣдуетъ наказаніе, когда немощь, когда недугъ, когда смерть. Такъ *отъ Господа наказуемся*. Но обо всемъ этомъ Апостолъ уже говорилъ выше. Что теперь прибавляетъ, есть: *да не съ міромъ осудимся*, т.-е. эти временныя наказанія посылаетъ Господь затѣмъ, чтобъ избавить насъ отъ осужденія на вѣчныя муки вмѣстѣ съ міромъ, или со всѣми грѣшниками невѣрами.

„Апостолъ не угрожаетъ намъ наказаніемъ вмѣстѣ *съ міромъ*, но щадитъ насъ, угрожая здѣшнимъ наказаніемъ, которое временно и заключаетъ въ себѣ много утѣшенія; ибо оно освобождаетъ отъ грѣховъ и подаетъ сладостную надежду на будущее, которая облегчаетъ настоящія страданія. Этимъ онъ желаетъ и утѣ-

шить немощныхъ и сдѣлать другихъ болѣе ревностными. Нынѣ же, говоритъ, *судими, отъ Господа наказуемся*. Не сказалъ: подвергаемся казни или мукамъ, но *наказуемся παιδευόμεθα*, обучаемся, вразумляемся. Ибо настоящее наказанiе есть болѣе вразумленiе, нежели осужденiе, болѣе врачеванiе, нежели каранiе, болѣе цѣленiе, нежели мученiе, болѣе исправленiе, нежели воздаянiе. И не только этимъ, но и угрозою большаго (будущаго) наказанiя онъ облегчаетъ настоящее: *да не съ мiромъ*, говоритъ, *осудимся*. Видишь ли, какъ онъ указываетъ на геенну и на страшный судъ и доказываетъ, что этотъ судъ и наказанiе неизбѣжны и будутъ непремѣнно? Ибо если вѣрующiе и находящiеся подъ покровомъ Божiимъ не избѣгаютъ наказанiя за свои прегрѣшенiя, какъ видно изъ настоящихъ указанiй, то тѣмъ болѣе не избѣгнутъ невѣрные и согрѣшающiе тяжко и неисцѣльно" (св. Злат.). „*Мiромъ* назвалъ погрязшихъ въ невѣрiи и грѣхахъ, и говоритъ, что какъ Богъ особенно благоволитъ и печется о вѣрующихъ, то воздаетъ имъ за грѣхи здѣсь, чтобъ не быть имъ осужденными вмѣстѣ съ тѣми" (Экум.).

в).

Постановленiя о вечери любви

33—34.

„Что слово о тайнахъ Апостолъ предложилъ для примѣра, уча Коринѳянъ, чтобы они общiя трапезы въ церквахъ дѣлали, взирая на оную священную трапезу, о семъ свидѣтельствуетъ присовокупляемое имъ" (Ѳеод.).

Ст. 33. *Тѣмже, братiе моя, сходящеся ясти, другъ друга ждите.*

Хотя здѣсь говорится только, чтобъ ждали другихъ, т.-е. не спѣшили ѣсть и никого тѣмъ не упреждали; но вмѣстѣ съ тѣмъ внушается, и чтобъ не одни ѣли, а дѣлились со всѣми. „Опять предлагаетъ наставленіе касательно бѣдныхъ, по поводу котораго онъ сказалъ все предыдущее; и внушаетъ, что не исполняющіе этого недостойны причащенія. Не сказалъ: сходясь удѣляйте бѣднымъ, но возвышеннѣе: *другъ друга ждите.* Ибо такими словами онъ и внушалъ прикровенно попеченіе о бѣдныхъ, и предлагалъ увѣщаніе въ сообразномъ съ дѣломъ видѣ“ (св. Злат.). Словомъ: *ждите* показалъ, что принесенное въ собраніе есть общее достояніе, и вкушать его должно со всѣми вмѣстѣ“ (Ѳеоф.).

„Если не сдѣлаете такъ, то покажете, что недостойно причастились Тѣла и Крови Господнихъ, ставъ повинными въ убіеніи Тѣла Его и въ пролитіи Крови Его; и за это должны ждать себѣ неотложно суда, а за судомъ болѣзней, страданій и смерти“ (Фотій у Экум.).

Ст. 34. *Аще ли кто алчетъ, въ дому да ястъ, да не въ грѣхъ сходитеся. О прочихъ же, егда пріиду, устрою.*

Уступка немощи: ужъ если потребность ѣсть у васъ такъ велика, что вкусивъ, что достанется на вашу долю за общей трапезою, вы чувствуете голодъ, дома кушайте; а въ собраніи грѣха не допускайте, потому что на грѣхъ сходиться не безопасно. Когда ѣсть въ домѣ дозволяетъ Апостолъ, прежде вечери, или послѣ? Прежде некогда, и непристойно. Ибо вечери предшествовало причащеніе Таинъ. Итакъ послѣ. Но объ этомъ и говорить нечего: кто голоденъ, и самъ собою возьмется за хлѣбъ. Св. Златоустъ замѣчаетъ, что это сказалъ Апостолъ, чтобы „пристыдить ихъ. Давая такое позволеніе, онъ запрещаетъ еще сильнѣе, нежели прямымъ запрещеніемъ; ибо изгоняетъ изъ церкви, посылаетъ домой и такимъ образомъ сильно трогаетъ,

представляя ихъ рабами чрева и невоздержными. Не сказалъ: если кто пренебрегаетъ бѣдныхъ, но: *аще ли кто алчетъ,* разсуждая какъ бы съ нетерпѣливыми дѣтьми, или съ безсловесными животными, служащими чреву. Не довольствуясь этимъ, онъ присовокупляетъ болѣе страшную мысль: *да не въ грѣхъ,* говоритъ, *сходитеся,* дабы собираться вамъ не на осужденіе, не навлекать на себя наказанія, оскорбляя церковь, посрамляя брата. Вы собираетесь для того, чтобы показать любовь другъ къ другу, получить пользу и принести пользу; если же бываетъ противное, то лучше вамъ насыщаться дома. Говоритъ это для того, чтобы болѣе расположить ихъ къ общенію; для того онъ указалъ и на вредъ, происходящій отъ необщенія, и доказалъ, что оно немаловажный грѣхъ, и внушилъ страхъ со всѣхъ сторонъ, со стороны Таинъ, больныхъ, умирающихъ, и прочаго вышесказаннаго.“

О прочихъ же, егда пріиду, устрою. „Ибо не о всемъ можно было писать; но написавъ о болѣе нужномъ, прочее соблюлъ Апостолъ до своего прибытія“ (Ѳеод.).

„Но этимъ опять внушаетъ страхъ. Что обѣщаетъ устроить? Или что нибудь другое, или тоже самое. Такъ какъ, вѣроятно, они приводили какія нибудь другія причины и невозможно было устроить всего посредствомъ посланія, то онъ и говоритъ: пока пусть соблюдается такъ, какъ я научилъ; если же вы имѣете сказать еще что нибудь, то пусть останется до моего прихода. Говоритъ это, какъ я сказалъ, или о томъ же самомъ дѣлѣ, или о какихъ нибудь другихъ дѣлахъ не очень важныхъ; и поступаетъ такъ для того, чтобы тѣмъ самымъ сдѣлать ихъ болѣе внимательными. Ожидая его прибытія, они могли исправить свои недостатки; ибо прибытіе Павла было немаловажное дѣло. И не только обѣщается придти; но дабы они не сомнѣва-

лись и не предались безпечности, представляетъ и причину, дѣлающую необходимымъ его прибытіе: *пріиду—устрою,* внушая, что если бы даже онъ и не располагался идти къ нимъ, необходимость исправленія прочихъ дѣлъ понуждаетъ его придти туда" (св. Злат.).

Чего бы ни касалось это устроеніе, нельзя не видѣть изъ сего, что въ порядкахъ церковныхъ существенное все отъ Апостоловъ. И пора бы образумиться тѣмъ, которые любятъ повторять: покажи, гдѣ написано?

ШЕСТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

О ДАРАХЪ СВЯТАГО ДУХА ВЪ ЦЕРКВИ

Глл. 12—14.

Въ первенствующей церкви, съ особенною силою проявлялись чрезвычайные дары Св. Духа въ вѣрующихъ: что всему свѣту давало разумѣть, что только христіанство есть единая истинная Вѣра. Между этими дарами скорѣе всѣхъ обнаруживался даръ говорить языками. Сами Апостолы, по сошествіи на нихъ Св. Духа, тотчасъ начали говорить иными языками; въ Корнилiѣ сотникѣ, какъ только сошелъ на него Духъ Божій, обнаружился и даръ говорить языками; тоже открылось и на тѣхъ 12, которые прежде и не слыхали, есть ли Духъ Святый, и получили Его по крещеніи и возложеніи на нихъ рукъ Апостоломъ Павломъ въ Ефесѣ. Тоже вѣроятно бывало и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, тоже и въ Коринѳѣ. Здѣсь, какъ видно, многими дарами обладали вѣрующіе и между ними не малое число обладало и даромъ языковъ. Употребленіе другихъ даровъ опредѣлялось сими дарами и шло въ

порядкѣ; а употребленіе дара языковъ было больше другихъ свободно; почему въ немъ обнаружились уклоненія отъ разумнаго порядка и требовали вразумленія.

Таковъ поводъ, по которому св. Павелъ говоритъ объ этомъ. Бл. Ѳеодоритъ объясняетъ его такъ: „Древле пріявшимъ Божественную проповѣдь и сподобившимся спасительнаго крещенія явственно подаваема была дѣйственность духовной благодати; и одни начинали говорить разными языками, которыхъ по природѣ не знали и которымъ у другихъ не учились; другіе творили чудеса, исцѣляли болѣзни; иные получали пророческій даръ, и предсказывали будущее, а иногда дѣлали явнымъ совершаемое тайно, обнаруживая силу обитающей въ нихъ благодати. Ибо когда большая часть порабощена была демонской прелести, невозможно было бы симъ невѣжественнымъ и живущимъ въ нищетѣ людямъ такъ легко увѣровать, и дознать истину, еслибы не открывалась явственно Божественная благодать и не представляла чудесъ, какъ бы въ поручительство за истину вѣры. Сими дарами, вмѣстѣ съ другими увѣровавшими во вселенной, пользовались и Коринѳяне, но не какъ должно употребляли имъ дарованное. Ибо по любочестію паче, нежели по нуждѣ, выказывали дѣйственность благодати. Преимущественно же надмевало ихъ кичливостію дарованіе языковъ; и хотя не было ни слушателя, ни толмача, говорили разными нарѣчіями и дѣлали это не въ порядкѣ, но въ одно время двое, трое и четверо. Посему и о семъ написалъ преблаженный Павелъ, уча Коринѳянъ надлежащему благочинію.“

Тоже говоритъ объ этомъ поводѣ и святый Златоустъ, прибавляя къ сказанному и еще одну черту: „какъ Апостолы прежде всего получили это знаменіе (говорить на языкахъ), такъ и вѣрующіе получали тотъ же даръ языковъ, и не только это, но и многое дру-

гое. Такъ многіе воскрешали мертвыхъ, изгоняли бѣсовъ, совершали много и другихъ подобныхъ чудесъ. Впрочемъ одни имѣли меньше даровъ, другіе больше. Чаще всѣхъ у нихъ былъ даръ языковъ. Это и послужило поводомъ къ несогласію между ними не по существу дѣла, а по неразумію получавшихъ дары. Получившіе больше даровъ превозносились предъ получившими меньше; а эти скорбѣли и завидовали получившимъ больше, какъ доказываетъ далѣе Павелъ. Нарушая чрезъ это взаимную любовь, они получали смертельную рану, которую онъ съ великимъ тщаніемъ старается исцѣлить.“

Итакъ поводомъ къ разсужденію о благодатныхъ дарахъ послужили главнымъ образомъ неразумное употребленіе дара языковъ, потомъ нѣкоторая немирность по случаю разности и неравномѣрности въ полученіи благодатныхъ даровъ, и наконецъ нарушеніе чрезъ то главнаго закона жизни христіанской—любви. Соотвѣтственно сему Апостолъ пишетъ 1) о благодатныхъ дарахъ вообще, объясняя, какъ они необходимы и равноцѣнны и по источнику и по ихъ значенію въ церкви (гл. 12); 2) о любви, какъ вмѣстилищѣ и вмѣстѣ условіи даровъ (гл. 13); 3) объ употребленіи дара языковъ (гл. 14).

1).

О БЛАГОДАТНЫХЪ ДАРАХЪ ВООБЩЕ

гл. 12.

Въ этой главѣ Апостолъ направляетъ преимущественно рѣчь свою на то, чтобъ никто не считалъ дара своего маловажнымъ, каковъ бы ни былъ сей даръ, и заботу всю обращалъ бы на то лишь, чтобы дѣйствовать имъ достодолжно. Это объясняетъ онъ б) сравне-

ніемъ устройства Церкви, вмѣщающей разнообразные дары, съ тѣломъ, составленнымъ изъ разныхъ членовъ (ст. 12 — 26). Но въ основу сему главному предмету ставитъ онъ напереди а) указаніе источника, цѣли и разнообразія даровъ благодатныхъ (1—11); а въ приложеніи его в) перечисляетъ сущихъ въ церкви разныхъ носителей сихъ даровъ, или сказываетъ, какъ предыдущія разсужденія осуществляются въ церкви (27—31).

а).

Указаніе источника, цѣли и разнообразія даровъ Св. Духа —12, 1—11.

Приступая къ бесѣдѣ о сихъ предметахъ, Апостолъ помѣщаетъ нѣчто въ родѣ аа) предисловія (ст. 1—3). „Это мѣсто весьма неясно,“ говоритъ св. Златоустъ. Кажется св. Павелъ имѣлъ въ намѣреніи напомнить Коринѳянамъ, что они были прежде въ язычествѣ. То вѣра была нѣмая,—пустая, ничего недававшая (ст. 2); а во Христѣ Іисусѣ вы получаете Духа, и преимущественно говорящаго. Но какъ Коринѳянамъ извѣстны были и другіе духи говорящіе, то, чтобъ они не смѣшивали одного съ другимъ, онъ указываетъ имъ пробу: истиннымъ Духомъ говорящій исповѣдуетъ Господа Іисуса; кто не исповѣдуетъ Его, въ томъ не добрый духъ (ст. 3).

аа).

Ст. 1. *О духовныхъ же, братіе, не хощу васъ не вѣдѣти.*

Подъ духовными здѣсь разумѣются не люди, а дары духовные, χαρισματα (Экум., Ѳеоф.). Св. Златоустъ называетъ это знаменіями: „Духовными Апостолъ назвалъ знаменія; потому что они суть дѣйствія одного Духа,

а человѣческія усилія нисколько не содѣйствуютъ къ ихъ совершенію.“ Надо полагать, что объ этомъ Коринѳяне сами спрашивали. Дошла череда и до этого предмета; Апостолъ и говоритъ: что касается до духовныхъ даровъ, то я очень желаю, чтобъ вы имѣли здравое понятіе объ томъ предметѣ, конечно для того, чтобъ соотвѣтственно тому и дѣйствовать потомъ.

Но не были-ль среди Коринѳянъ и лица, которыя присвояли себѣ наименованіе духовныхъ, и не изъ числа ли такихъ были говорившіе разными языками?

Ст. 2. *Вѣсте, яко егда невѣрни бѣсте, ко идоломъ безгласнымъ яко ведоми ведостеся.*

Когда, говоритъ, вы были въ язычествѣ, то вы тянулись къ идоламъ безгласнымъ такъ, какъ бы кто влекъ васъ къ нимъ, обвязавъ веревками. — Язычники опутаны были омраченіемъ смысла и такъ обольщены, что видя не видали, что предъ ними бездушный и безгласный идолъ, ими же сдѣланный, въ которомъ никакой не было силы, а они надѣялись отъ него имѣть все. Врагъ такъ опутывалъ, держа ихъ въ прелести, и не давая имъ здраво взглянуть на дѣло; льстя же пустыми надеждами, влекъ къ нимъ, какъ ужомъ. Привычка съ дѣтства и общность дѣла много придавали силы этой прелести влекущей и дѣлали покрывавшій ее мракъ непроницаемымъ. Коринѳяне возникли отъ сей дьявольской сѣти и перешли изъ области сатанины къ Богу. Глаза ихъ теперь открылись, и они видѣли, какая глупость была прежнее влеченіе къ идоламъ. Апостолъ и говоритъ имъ: *вѣсте.* Что здѣсь о зловѣріи говорится, идетъ и къ грѣшности. Грѣхъ также опутываетъ, и въ слѣдъ его грѣшникъ какъ ведомый ведется и однакожъ не видитъ ни прелести, ни связности своей. Уже послѣ какъ обратится онъ къ добродѣтели, ясно воззрѣваетъ на грѣховное состояніе, какъ

оно дурно, и какъ вяжетъ, не давая свободы отвязаться отъ него. Вражеская прелесть и въ вѣрованіи языческомъ и въ грѣховной жизни одинакова.

Ѳеодоритъ такъ изображаетъ прелесть идолопоклонства: „Апостолъ хочетъ и обличить безсмысліе еллинскаго баснословія, и показать истину благочестія. Ибо демоны, восхитивъ и присвоивъ себѣ наименованіе— богъ, въ великое заблужденіе ввели людей; потому что, совратившись съ праваго пути и оставивъ истиннаго Бога, стали они многимъ воздавать божеское чествованіе и думали, что не всякій богъ все можетъ, но признавали одного подателемъ мудрости, другаго воинской опытности, а инаго мореходнаго искусства. Сіе-то божественный Апостолъ и выразилъ въ сказанномъ имъ, именно же: прежде нежели пріяли вы свѣтъ благочестія, служа еще лжи, подобно безсловеснымъ, водимы были туда и сюда, будучи порабощены прелести безчувственныхъ идоловъ.“

Св. Златоустъ обращаетъ вниманіе при этомъ на другую сторону предмета, именно, что идолопоклонство поддерживалось между прочимъ прорицателями въ изступленномъ состояніи. Прорицанія шли или изъ людей въ изступленіи находившихся, или даже изъ идоловъ. Эта дивность влекла къ идоламъ. Св. Златоустъ разъясняетъ намѣренно различіе этихъ изступленныхъ прорицаній и истинныхъ пророчествъ, чтобъ показать, что дары Духа, о коихъ начинается рѣчь, ничего схожаго не имѣютъ съ уродливыми дивностями язычества. Онъ говоритъ: „въ капищахъ идольскихъ, когда кто бывалъ одержимъ нечистымъ духомъ и прорицалъ, то какъ-бы ведомый и связанный былъ увлекаемъ духомъ и нисколько не сознавалъ того, что говорилъ. Прорицателю свойственно быть въ изступленіи, терпѣть принужденіе и насиліе, увлекаться и неистовствовать, какъ бѣсно-

ватому. А Пророкъ не таковъ, но онъ говоритъ все съ трезвою душею и здравымъ разсудкомъ, зная, что онъ говоритъ. Такъ различай прорицателя изступленника и пророка. Когда кто-нибудь разными волхвованіями и обрядами вводилъ въ человѣка бѣса, тогда этотъ человѣкъ начиналъ прорицать, и прорицая рвать и терзать себя, не могши выносить насилія бѣса; наконецъ начиналъ кричать: развяжите же, развяжите мнѣ вѣнки, окропите мои ноги чистою водою, и изгладьте черты, чтобы я могъ идти. Все это и тому подобное, ибо можно бы сказать гораздо болѣе, доказываетъ и принужденіе, съ какимъ бѣсы удерживаются и служатъ, и насиліе, какое терпятъ люди, однажды предавшіе себя имъ и лишающіеся въ это время здраваго смысла. Намекая на все это и тому подобное, Павелъ сказалъ: *ведомы ведостеся*. Такъ какъ онъ говорилъ къ понимавшимъ дѣло, то и не излагаетъ всего подробно, дабы не отяготить ихъ, но только напоминаетъ имъ. Не объясняетъ онъ и нашего, т.-е., того, что касается пророковъ; ибо Коринѳянамъ и это было извѣстно; и между ними были пророки, которые пророчествовали какъ слѣдовало, съ разсудкомъ и совершенною свободою. Они властны были говорить и не говорить; ибо не были принуждаемы, но вмѣстѣ съ честію сохраняли и волю. Вотъ первое различіе между изступленно-прорицателемъ и Пророкомъ.“

Ст. 3. *Тѣмже сказую вамъ, яко никтоже Духомъ Божіимъ глаголяй, речетъ анаѳема Іисуса; и никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ.*

Связь сихъ словъ съ предыдущимъ не такъ ясна. *Тѣмже сказую,* говоритъ,—будто выводъ изъ предыдущаго дѣлаетъ; а какъ это выходитъ, оттуда невидно. Развѣ такъ: и въ язычествѣ представляются нѣкоторыя дивности, какъ напримѣръ прорицанія въ изступ-

леніи, какія издавали бѣсы устами людей; и это будто дарованія необычныя, только бѣсовскія, богопротивныя; если хочешь удостовѣриться, заставь изступленника исповѣдать имя Господа Іисуса, и увидишь разность. „Когда ты увидишь, что кто-нибудь не произноситъ имени Іисуса, или даже анаөематствуетъ Его, то онъ бѣсоизступленникъ; а когда увидишь другаго, который обо всемъ говоритъ съ именемъ Его, то знай, что онъ истинный Духоносецъ“ (св. Злат.). „Въ комъ дѣйствуетъ Божественный Духъ, тому невозможно сказать, что Христосъ чуждъ Божественнаго естества; никому невозможно также искренно исповѣдать Его Богомъ, какъ только просвѣщенному оною благодатію“ (Өеод.). Вѣрующіе окружены были идолопоклонниками, которые иногда являли нѣчто могшее изумлять. Апостолъ уже указалъ признакъ обмана въ состояніи бѣсоизступленности ихъ прорицателей. Теперь указываетъ другой (св. Злат.)— въ томъ, что тѣ не могутъ терпѣть имени Іисуса, хулятъ Его, злословятъ, говорятъ Ему анаөема. Исполненный Духомъ Божіимъ не можетъ сказать худаго слова объ Іисусѣ; да и исповѣдать, какъ должно, Іисуса Господомъ никто самъ собою не можетъ, а если исповѣдуетъ, то не иначе, какъ Духомъ Святымъ. Истинная вѣра, что Господь Іисусъ Христосъ есть Богъ во плоти и Спаситель, Духомъ Божіимъ печатлѣется въ сердцѣ. Есть разнаго рода нарицанія Іисуса Господомъ; нарицаютъ Его такъ иногда языкъ только, иногда память, иногда и мысль; но нарицаніе сердцемъ совсѣмъ иное отъ всего подобнаго. И бѣсы говорили Господу: *вѣмы Тя, кто еси, Сынъ Божій* (Мр. 1, 24; Лук. 8, 28). Но тутъ ничего не было искренняго, а крылась хитрость и намѣреніе посредствомъ этого другимъ путемъ отклонять отъ Господа. Въ наше время хитрость подобная крылась у спиритовъ; сначала они хорошо говорили о

Господѣ, потомъ запрещали говорить о Немъ, а теперь открыто стали одни порицать Его, а другіе увѣрять, что и Онъ изъ ихъ партіи.

Показавъ такимъ образомъ существенное различіе того, что у язычниковъ призрачно представляется выходящимъ изъ обычнаго порядка, отъ того, что сверхъестественнымъ образомъ дѣйствуется въ Церкви, въ видѣ чрезвычайныхъ дарованій, св. Павелъ говоритъ теперь бб) объ источникѣ ихъ (4—6), вв) цѣли (—7) и гг) разнообразіи (8 — 11), „бесѣдуя объ этомъ не просто, но такъ, чтобы прекратить происходившее отсюда несогласіе и убѣдить тѣхъ, которые получили меньше, не скорбѣть, а тѣхъ, которые получили больше, не превозноситься“ (св. Злат.).

бб).

Ст. 4—6. *Раздѣленія же дарованій суть, а тойжде Духъ; и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь; и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ.*

„Въ сихъ словахъ Апостолъ показалъ, что хотя дарованія многочисленны и различны, но источникъ ихъ одинъ. Одно и тоже, говоритъ онъ, подается и Всесвятымъ Духомъ, и Господомъ, и Богомъ Отцемъ. Ибо одни и тѣ же дары назвалъ онъ дарованіями и служеніями и дѣйствами. Называются они *дарованіями,* потому что даются по щедрости Божіей, и *служеніями,* потому что подавались чрезъ людей, поставленныхъ на сіе священнослуженіе (назначались на служеніе другимъ). Да и *дѣйствами* назвалъ онъ также дарованія, какъ пріемлющія дѣйственность отъ божественнаго естества. Ибо не то сказалъ Апостолъ, какъ предполагали иные несмысленные еретики, будто бы иное приводится въ дѣйственность Духомъ, а иное Богомъ вся-

ческихъ; напротивъ того, показалъ онъ, что однихъ и тѣхъже даровъ подательница есть Святая Троица. Этимъ утѣшаетъ онъ пріявшихъ меньшія, какъ имъ казалось, дарованія, научая, что изъ одного и тогоже источника подаются и тѣ и другія дарованія“ (Ѳеод.).

„Прежде всего онъ вразумляетъ того, кто получилъ меньшій даръ и потому скорбитъ. О чемъ, говоритъ, ты скорбишь? О томъ, что не получилъ столько, сколько другой? Но помни, что это даръ, а не долгъ, и получишь утѣшеніе въ скорби. Посему онъ съ самаго начала и выразился такъ: *раздѣленія дарованій суть*. Не сказалъ: знаменій, или чудесъ, но: *дарованій*, названіемъ дара убѣждая не только не скорбѣть, но и чувствовать благодарность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ, представь и то, что хотя ты получилъ даръ меньшей мѣры, но удостоившись получить его оттуда же, откуда и получившій больше, ты имѣешь одинаковую съ нимъ честь; ты не можешь сказать, что ему даровалъ Духъ, а тебѣ Ангелъ; ибо и тебѣ и ему даровалъ Духъ. Посему и прибавляетъ: *а тойжде Духъ*. Хотя есть различіе въ дарѣ, но нѣтъ различія въ Даровавшемъ: ибо изъ одного источника получили и ты и онъ“ (св. Злат.).

„*И раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь*. Дабы усилить утѣшеніе, Апостолъ приводитъ и Сына и Отца. Самые дары называетъ здѣсь другимъ именемъ, желая и чрезъ это доставить большее утѣшеніе. Потому и говоритъ: *раздѣленія служеній суть*. Услышавъ о дарованіи, получившій меньше, можетъ быть, сталъ бы скорбѣть; но услышавъ о служеніи, не станетъ; ибо это слово означаетъ трудъ и работу (т.-е. что дары на служеніе). Что ты скорбишь, говоритъ, если Богъ другому повелѣлъ трудиться больше, а тебя пощадилъ“ (св. Злат.).

„И раздѣленія дѣйствъ суть. Что такое, скажешь, *дѣйство?* Что такое *дарованіе?* Что такое *служеніе?* Только различныя названія, а предметы одни и тѣже. Ибо онъ (въ другихъ мѣстахъ) называетъ и дарованіе и служеніе дѣйствомъ. Видишь ли, какъ онъ не полагаетъ никакого различія между дарами Отца (и Сына) и Святаго Духа, не смѣшивая лица Ихъ, но показывая равночестіе существа? Что даруетъ Духъ, говоритъ онъ, то производитъ Богъ Отецъ; а раздѣляетъ и назначаетъ Сынъ. Еслибы одно было меньше другаго, то онъ не сказалъ бы этого такъ и не сталъ бы такимъ образомъ утѣшать скорбящаго“ (св. Злат.).

вв).

Ст. 7. *Комуждо же дается явленіе Духа на пользу.*

Цѣль не раздаянія даровъ, а неравномѣрности раздаянія. Почему такъ дѣлается? Потому что въ такой, а не въ иной мѣрѣ получить даръ и именно такой даръ полезно тому, кто получаетъ его. Что даръ всякій на пользу церкви дается, это само собою разумѣется; ибо иначе онъ и не могъ обнаружиться, какъ принося пользу другимъ. Но цѣль у Апостола получателю дара сказать: если у тебя меньше даръ, то этого требовала твоя собственная польза. Такъ разумѣютъ пользу всѣ наши толковники. Слова: *явленіе Духа* значатъ явное дѣйствіе Духа, обнаруженіе Его, замѣтное для всѣхъ. Не сказалъ Апостолъ: дается благодать, но: *явленіе Духа;* потому что и нынѣ сподобившимся всесвятаго крещенія благодать дается, но не явственно; а тогда они немедленно начинали и говорить разными языками, и творить чудеса, чѣмъ были научаемы и утверждаемы въ томъ, что ученіе истинно. По необходимости сказалъ Апостолъ, что на пользу дается явленіе Духа, ободряя опечаленныхъ Коринѳянъ, и научая, что ясно

все Вѣдущій и Знающій премудро раздаетъ всѣмъ, что именно кому полезно (Ѳеод.).

Таже мысль и у св. Златоуста, который говоритъ: „Апостолъ здѣсь утѣшаетъ скорбящаго еще и другимъ образомъ, именно тѣмъ, что сообщенная ему мѣра дарованій, хотя и малая, служитъ ему въ пользу. Дабы кто не сказалъ: чтожъ изъ того, что одинъ и тотъ же Духъ, одинъ и тотъ же Господь, одинъ и тотъ же Богъ, когда я получилъ меньше, Апостолъ говоритъ, что это *на пользу*. *Явленіемъ Духа* онъ называетъ (явныя) знаменія, и справедливо. Мнѣ вѣрующему извѣстно, кто имѣетъ Духа, именно тотъ, кто крещенъ, а для невѣрующаго это ни откуда не видно, какъ только изъ (явныхъ) знаменій. И отсюда опять слѣдуетъ немалое утѣшеніе: хотя дарованія различны, но откровеніе одинаково; хотя бы ты имѣлъ много, хотя бы мало, ты равно открываешься (носящимъ Духа), такъ что если хочешь показать, что ты имѣешь Духа, для этого ты имѣешь достаточно. Итакъ если одинъ есть Даровавшій, и данное тебѣ есть даръ, и явленіе Духа можетъ быть отъ него, и это наиболѣе полезно тебѣ, то не скорби, какъ будтобы ты былъ презрѣнъ. Не въ безчестіе тебѣ, не для униженія тебя предъ другими Богъ поступилъ такъ, но изъ снисхожденія къ тебѣ и желанія тебѣ пользы. Ибо получить больше и не быть въ состояніи вынести — вотъ что не полезно, пагубно и достойно скорби.“

гг).

Ст. 8—10. *Овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума о томже Дусѣ; другому же вѣра, тѣмже Духомъ; иному же дарованія исцѣленій, о томже Дусѣ; другому же дѣйствія силъ, иному же про-*

рочество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ.

Таково разнообразіе даровъ Св. Духа!

„Что значитъ *слово премудрости?* То, которое имѣлъ Павелъ, которое имѣлъ Іоаннъ, сынъ громовъ. А *слово разума?* То, которое имѣли многіе изъ вѣрующихъ, хотя имѣвшіе знаніе, но не бывшіе въ состояніи учить и удобно передавать другому то, что сами знали“ (св. Злат.). „*Словомъ премудрости* Апостолъ называетъ не краснорѣчіе, но истинное ученіе, благодать котораго пріяли и самъ божественный Апостолъ, и богомудрый Евангелистъ Іоаннъ, и божественнѣйшій первоверховный изъ Апостоловъ Петръ, и первый изъ мучениковъ блаженный Стефанъ. Ибо рыбари, питающіеся трудами рукъ, не знающіе грамоты, не могли бы отважиться всенародно говорить и писать, исполняя притомъ слова и писанія свои самой великой, какая только возможна, силы, еслибы не пріяли истинной премудрости отъ Божественнаго Духа. Другіе же изъ увѣровавшихъ, хотя имѣли вѣдѣніе, но не въ силахъ были, подобно имъ, говорить народу. И сіе было даромъ вѣдѣнія, по благодати Св. Духа“ (Ѳеод.). Ѳеофилактъ выставляетъ такую причину, почему такъ надобно понимать слово премудрости: премудрость, — *σοφία*, она называется уяснительницею,—*σάφεια*,—такъ какъ она проясняетъ,—*διασαφοῦσα*, сокровенное. Но, можетъ быть, подъ словомъ премудрости можно разумѣть слово дѣятельное, отъ опытности духовной, о тайнахъ жизни духовной; а подъ словомъ разума слово знательное, умозрѣніе, о тѣхъ же предметахъ, сколько то доступно уму.

Что *вѣра?*—Это „не вѣра въ догматы, но вѣра чудодѣйственная, о которой Христосъ говоритъ: *аще имате вѣру, яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ* (Мѳ. 17, 20). И Апостолы о ней про-

сили, когда говорили: *приложи намъ вѣру* (Лк. 17, 5). Ибо она мать чудотвореній“ (св. Злат.). „Здѣсь разумѣетъ Апостолъ не вѣру общую, но ту, о которой говоритъ нѣсколько ниже: *и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти* (—13, 2). Ибо по причинѣ преобладающаго невѣрія (Апостолы и другіе вѣрующіе) творили много подобныхъ изумительныхъ чудесъ, и ими руководили невѣрныхъ къ истинѣ“ (Ѳеод.).

Что *дарованія исцѣленій?*—Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ разумѣетъ подъ симъ уврачеваніе недужныхъ; дарованіе хожденія хромымъ, и возвращеніе свѣта лишеннымъ зрѣнія. Ибо сіе совершалось въ то время, свидѣтельница чему исторія Дѣяній. Такъ о богомудромъ Петрѣ сказано, что *многихъ недужныхъ на стогнахъ полагали на одрѣхъ, да грядущу Петру поне сѣнь его осѣнитъ нѣкоего отъ нихъ* (Дѣян. 5, 15); а о божественномъ Павлѣ, что потъ одеждъ его изгонялъ болѣзни (—19, 12).“

Что *дѣйствія силъ?* Св. Златоустъ говоритъ: „имѣть *дѣйствія силъ и дарованія исцѣленій* не одно и тоже. Кто имѣлъ даръ исцѣленій, тотъ только врачевалъ; а имѣвшій дѣйствія силъ могъ и наказывать; ибо отъ силы не только врачеваніе, но и наказаніе, какъ напр., Павелъ ослѣпилъ, Петръ поразилъ смертію.“ Тоже и Ѳеодоритъ: „Сіе дарованіе нерѣдко налагало и наказанія, какъ на Елиму—лишеніе свѣта, а на Ананію и Сапфиру—преждевременную смерть.“ Экуменій прилагаетъ сюда силу *предавать сатанѣ, да научатся не хулити* (1 Тим. 1, 20).

Что *пророчество?* Это даръ прозрѣвать будущее, открывать сокровенное, узнавать у кого что на сердцѣ. „И сего дарованія были тогда причастниками многіе, не только мужи, но и жены“ (Ѳеод.). Пророчествовали дочери Филиппа; нѣкто Ананій предсказалъ св. Павлу узы, и др.

Что *разсужденія духовомъ?* Ѳеодоритъ пишетъ: „поелику въ то время были и прорицатели (по внушенію бѣсовъ), обольщавшіе людей, то инымъ подаваема была Божественнымъ Духомъ и такая нѣкая благодать, чтобы обличать одержимыхъ сопротивнымъ духомъ.“ Св. Златоустъ говоритъ, что „разсужденіе духовомъ есть знаніе того, кто духовный (Духомъ Святымъ исполненъ) и кто не духовный (отъ себя только говоритъ), кто пророкъ, и кто обманщикъ. Въ то время была великая опасность отъ лжепророковъ, потому что дьяволъ всячески старался противопоставить ложь истинѣ.“

Что *роди языковъ?* Даръ говорить на разныхъ языкахъ, не отъ изученія ихъ, а по дарованію отъ Духа Божія. Римская имперія преисполнена была народами разноязычными. Чтобъ никто не лишенъ былъ возможности слышать благовѣстіе, всюду подаваемъ былъ даръ говорить разными языками. Этотъ даръ, и даръ слова премудрости были самые необходимые. „Апостолъ далъ ему послѣднее мѣсто, а дарованію учительства первое; потому что для обоихъ сихъ дарованій даны и прочія, чтобы проповѣдь пріемлема была съ вѣрою“ (Ѳеод.). „Этотъ даръ (языковъ), почитался великимъ; его и Апостолы прежде всего получили, и изъ Коринѳянъ многіе имѣли; но даръ ученія выше. Его и поставилъ Апостолъ прежде, а объ этомъ говоритъ въ концѣ; ибо этотъ для того (дара ученія), равно какъ и все прочее, и пророчества, и дѣйствія силъ, и дарованіе исцѣленій,—и ничто не можетъ равняться съ нимъ, какъ самъ онъ говоритъ: *прилѣжащіи добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. 5, 17)“ (св. Злат.).

Что *сказанія языковъ?* Даръ истолковывать для другихъ сказанное на чужихъ языкахъ. „Иной самъ зналъ, что говорилъ, но другому истолковать не могъ; а иной имѣлъ

способность къ тому и другому“ (св. Злат.). „И это было духовное дарованіе. Ибо нерѣдко знающій одинъ только еллинскій языкъ, когда другой бесѣдовалъ на языкѣ скиөскомъ и өракійскомъ, переводилъ его слушающимъ“ (Өеод.). „Этотъ даръ иногда имѣли и сами говорившіе на языкахъ, и сами себя истолковывали“ (Экум.).

Перечисляя такія дарованія, Апостолъ изъяснилъ, что онѣ даются то *о томже Дусѣ*, то *тѣмже Духомъ*, „научая, что хотя потоки различны, но источникъ несомнѣнно одинъ. Но и сего призналъ недостаточнымъ, а присовокупилъ“ (Өеод.).

Ст. 11. *Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хощетъ.*

„Всѣмъ этимъ Апостолъ утѣшаетъ пріявшихъ меньшія дарованія, научая ихъ, что и это дары Божія Духа, а Духъ Божій подаетъ, какъ Ему угодно; угодно же Ему полезное“ (Өеод.). „Вотъ главное основаніе утѣшенія: мы всѣ получаемъ изъ одного и тогоже корня, изъ одной и тойже сокровищницы, изъ одного и тогоже источника. Посему-то онъ непрестанно употребляетъ это слово, и тѣмъ уравниваетъ мнимое неравенство и утѣшаетъ. Выше онъ говорилъ, что и Духъ и Сынъ и Отецъ подаютъ дарованіе, а здѣсь говоритъ только о Духѣ, дабы ты отсюда позналъ, что у нихъ одно и тоже достоинство.—И не только утѣшаетъ онъ этимъ, но и заграждаетъ уста противнику словами: *раздѣляя коемуждо, якоже хощетъ;* ибо утѣшая надобно и вразумлять, какъ онъ поступаетъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда говоритъ: ты кто еси противу отвѣщаяй Богови (Римл. 9, 20)? Такъ и здѣсь: *раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что принадлежащее Отцу принадлежитъ и Духу. Ибо какъ объ Отцѣ сказалъ: *а тойжде Богъ дѣйствуяй вся*

во всѣхъ; такъ и о Духѣ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ*. Но дѣйствуетъ, скажешь, подъ вліяніемъ Бога? Нигдѣ Апостолъ не сказалъ этого, а ты самъ это выдумываешь. Когда онъ говоритъ о Богѣ Отцѣ: *дѣйствуяй вся во всѣхъ*, говоритъ это о людяхъ, а вовсе не считаетъ съ людьми и Духа, хотя бы ты тысячу разъ, какъ безумный, повторялъ это. Такъ какъ онъ выше сказалъ: *Духомъ* (διὰ τοῦ Πνεύματος,—*дается слово премудрости)*, то, дабы ты не подумалъ, что это выраженіе означаетъ униженіе Духа, или зависимость дѣйствій Его отъ другаго, присовокупляетъ, что Духъ *дѣйствуетъ*, а не побуждается къ дѣйствію, и дѣйствуетъ, *якоже хощетъ*, а не какъ повелѣваютъ Ему. Какъ объ Отцѣ Сынъ говоритъ, что *Онъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ*, равно и о Себѣ Самомъ, что Онъ *ихже хощетъ живитъ* (Іоан. 5, 21); такъ и о Духѣ въ одномъ мѣстѣ сказано, что Онъ дѣлаетъ все со властію, и ничто ему не препятствуетъ, — ибо слова: *идѣже хощетъ, дышетъ* (Іоан. 3, 8), хотя сказаны о вѣтрѣ, но доказываютъ и это; а здѣсь говорится, что Онъ вся дѣйствуетъ, якоже хощетъ. И изъ другаго мѣста можешь видѣть, что Онъ не такое существо, чрезъ которое дѣйствуютъ, но самъ дѣйствуетъ; *кто бо вѣсть*, говоритъ Апостолъ, *яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка? такожде и Божія никтоже вѣсть точію Духъ Божій* (1 Кор. 2, 11). Духъ человѣка, т.-е. душа, не имѣетъ нужды въ постороннемъ побужденіи, чтобы знать свое; это всякому извѣстно; слѣд. и Духъ Святый—чтобы знать Божіе; ибо, говоритъ, Духъ Святый знаетъ тайны Божіи также, какъ душа человѣческая свои тайны. Если же въ этомъ случаѣ Онъ не побуждается къ дѣйствію кѣмъ либо другимъ, то, зная глубины Божіи и дѣйствуя безъ посторонняго вліянія въ раздаяніи даровъ Апостоламъ, Онъ тѣмъ болѣе Самъ

не находится въ зависимости.—Не будемъ же унывать, скорбѣть и говорить: почему я то получилъ, а это не получилъ; не будемъ требовать отчета отъ Святаго Духа; ибо если ты знаешь, что Онъ подаетъ по своему промышленію, и сознаешь, что по тому же промышленію Онъ подаетъ въ извѣстной мѣрѣ, то будь доволенъ и радуйся тому, что получилъ; не огорчайся тѣмъ, чего не получилъ, но еще воздавай благодареніе за то, что не получилъ выше силъ своихъ" (св. Злат.).

б).

Сравненіемъ устройства Церкви, вмѣщающей разные дары и разнодаровитыхъ, съ тѣломъ, составленнымъ изъ разныхъ членовъ, миритъ съ неравномѣрностію даровъ

12, 12—16.

Ст. 12. *Якоже бо тѣло едино есть, и уды имать многи, вси же уди единаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло: тако и Христосъ.*

Св. Златоустъ говоритъ: „Утѣшивъ Коринөянъ тѣмъ, что всякое дарованіе есть даръ благодати, что все подается однимъ и тѣмъ же Духомъ и подается на пользу, что Духъ открывается и въ меньшихъ дарованіяхъ, и вмѣстѣ заградивъ ихъ уста тѣмъ убѣжденіемъ, что должно покоряться власти Духа, Апостолъ утѣшаетъ (и вразумляетъ) ихъ еще инымъ общеизвѣстнымъ сравненіемъ, сравненіемъ съ тѣломъ, которымъ (сравненіемъ) старается доказать, что никто изъ христіанъ не униженъ предъ другими (хотя получилъ неодинаковый даръ). Человѣка малодушнаго и получившаго меньше другихъ ничто такъ не утѣшаетъ и не располагаетъ оставить скорбь, какъ убѣжденіе, что онъ не униженъ предъ другими. Посему Апостолъ и доказываетъ это: *якоже бо,* говоритъ, *тѣло едино есть и уды имать многи.* Ви-

дишь ли глубокую его мудрость? Онъ доказываетъ, что одно и тоже есть единое и многое. Раскрывая еще болѣе этотъ предметъ, присовокупляетъ: *вси же уди единаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло*. Не сказалъ: многіе члены принадлежатъ единому тѣлу, но: самое единое тѣло есть многое, и многіе члены его суть единое. Если же многое есть единое и единое многое, то гдѣ различіе, гдѣ преимущество, гдѣ униженіе? *Вси же*, говоритъ, *едино суть*: не просто *едино*, но будучи разсматриваемы собственно въ отношеніи къ составу тѣла, всѣ они суть едино; а когда они разсматриваются порознь, тогда есть различіе и притомъ различіе во всѣхъ ихъ. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ самъ по себѣ составить тѣла, и каждый одинаково недостаточенъ къ тому, чтобы составить тѣло, а необходимо для этого ихъ соединеніе; ибо когда многіе сдѣлаются единымъ, тогда и составляется одно тѣло. Выражая это, онъ и говоритъ: *вси же уди единаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло*. Не сказалъ: высшіе и низшіе, но: *мнози суще*, что относится ко всѣмъ вообще. Какъ же они могутъ быть едино? Когда, оставивъ различіе ихъ какъ членовъ, будешь разсматривать ихъ по отношенію къ тѣлу. Ибо что глазъ, тоже и нога, въ томъ отношеніи, что они суть члены и составляютъ тѣло; въ этомъ между ними нѣтъ никакого различія. Не можешь сказать, что одинъ какой-нибудь членъ составляетъ тѣло самъ по себѣ, а другой нѣтъ; въ этомъ отношеніи они всѣ равны, и всѣ суть одно тѣло“ (св. Злат.).

„Сказавъ и ясно доказавъ это по общему всѣхъ здравому смыслу, Апостолъ присовокупляетъ: *тако и Христосъ*. Надлежало бы сказать: такъ и Церковь, ибо это слѣдовало изъ предыдущаго; но онъ не сказалъ такъ, а вмѣсто Церкви наименовалъ Христа, употребивъ выраженіе болѣе возвышенное и болѣе пристыдивъ слу-

шателя. Смыслъ его словъ слѣдующій: такъ и тѣло Христово, которое есть Церковь. Какъ тѣло и глава составляютъ одного человѣка, такъ и Церковь и Христосъ, говоритъ, едино суть; посему и именуетъ вмѣсто Церкви Христа, разумѣя здѣсь тѣло Его. Какъ наше тѣло есть нѣчто единое, хотя состоитъ изъ многихъ членовъ, такъ и въ Церкви всѣ мы составляемъ нѣчто единое; ибо хотя она состоитъ изъ многихъ членовъ, но эти многіе суть одно тѣло" (св. Злат.).

„Такимъ образомъ успокоивъ и ободривъ общеизвѣстнымъ примѣромъ того, кто считалъ себя униженнымъ, Апостолъ оставляетъ обыкновенные предметы и переходитъ къ другому предмету—духовному, который могъ доставить еще больше утѣшенія и ясно показать равенство чести (у членовъ Церкви). Къ какому же?" (св. Злат.).

Ст. 13. *Ибо единѣмъ Духомъ мы вси во едино тѣло крестихомся, аще Іудеи, аще Еллини, или раби, или свободни; и вси единѣмъ Духомъ напоихомся.*

„Смыслъ словъ его слѣдующій: одинъ Духъ составилъ изъ насъ одно тѣло и возродилъ насъ; ибо не инымъ Духомъ крещенъ одинъ, а инымъ другой. И не только крестившій насъ Духъ есть единъ, но и то, во что Онъ крестилъ, т.-е. для чего крестилъ, есть едино; ибо мы крестились не для того, чтобы составлять различныя тѣла, но чтобы всѣ мы въ точности составляли одно тѣло, т.-е. крестились для того, чтобы всѣмъ намъ быть однимъ тѣломъ. Такимъ образомъ и составившій насъ единъ, и то, во что Онъ составилъ насъ,—едино. И не сказалъ Апостолъ: дабы мы принадлежали одному тѣлу, но чтобы были едино тѣло: *мы вси во едино тѣло крестихомся*. Хорошо также сказалъ: мы вси, включивъ и себя самого. И я, говоритъ Апостолъ, не имѣю предъ тобою никакого преимущества въ этомъ

отношеніи; и ты тѣло такъ, какъ я, и я такъ, какъ ты, и всѣ мы имѣемъ одну и тужe Главу и родились одинаковымъ рожденіемъ, потому и составляемъ одно и тоже тѣло.—*Аще Іудеи*. Но что я указываю на Іудеевъ? И язычниковъ, которые были такъ далеки отъ насъ, Богъ привелъ въ составъ единаго тѣла. *Аще Іудеи, аще Еллини, или раби, или свободни*. Если же мы, бывшіе прежде столь далекими другъ отъ друга, соединились и стали едино, то тѣмъ болѣе послѣ соединенія намъ не слѣдуетъ скорбѣть и унывать; ибо уже нѣтъ мѣста различію. Если Онъ удостоилъ одного и того же и язычниковъ, и Іудеевъ, и рабовъ, и свободныхъ, то удостоивъ, станетъ ли раздѣлять насъ, тогда какъ самое сообщеніе дарованій служитъ къ совершеннѣйшему единенію?" (св. Злат.).

И вси единѣмъ Духомъ напоихомся. Это напоеніе отлично отъ возрожденія въ крещеніи. Тамъ получается бытіе духовное; здѣсь духовное существо напояется Духомъ. Когда это? Въ таинствѣ мѵропомазанія,—при Апостолахъ чрезъ возложеніе рукъ. Въ семъ таинствѣ подаются дары Св. Духа, что и есть напоеніе Духомъ. Экуменій пишетъ: „чрезъ единаго Духа имѣемъ мы благодать дарованій духовныхъ." Ѳеофилактъ сказалъ-было, что это напоеніе совершается въ причащеніи; но потомъ прибавилъ: „но истиннѣе здѣсь разумѣть наитіе на насъ Св. Духа, котораго сподобляемся мы послѣ крещенія и прежде причащенія Св. Таинъ." Очевидно онъ разумѣетъ св. мѵропомазаніе. Такова мысль и св. Златоуста, отъ котораго они оба заимствовали свое толкованіе. И онъ, помянувъ сначала о Св. Тайнахъ, потомъ прибавляетъ: „впрочемъ мнѣ кажется, что онъ говоритъ здѣсь о томъ наитіи Духа, которое совершается надъ нами при крещеніи (по крещеніи) еще прежде таинства причащенія. *Напоихомся*, сказалъ онъ

потому, что это переносное выраженіе весьма прилично настоящему предмету, какъ будто бы онъ говорилъ о растеніяхъ и садѣ, что всѣ дерева орошаются однимъ и тѣмже источникомъ, одною и тою же водою. Такъ точно и мы, говоритъ, напояемся однимъ и тѣмъ же Духомъ, сподобляемся одной и той же благодати. Итакъ, если единый Духъ составилъ насъ и въ едино тѣло соединилъ всѣхъ насъ, ибо это означаютъ слова: *во едино тѣло крестихомся*; если затѣмъ онъ одно и тоже орошеніе сообщилъ всѣмъ намъ, ибо это означаютъ слова: *единѣмъ Духомъ напоихомся*, и столь далекихъ между собою соединилъ вмѣстѣ, и если многіе только тогда составляютъ тѣло, когда становятся едино; то о какомъ твердишь ты различіи? Если же скажешь, что членовъ много и они различны; то знай, что это-то самое и удивительно и составляетъ особенность тѣла, что въ немъ многое и различное составляетъ одно; а еслибы не было множества, то не было бы такъ удивительно и чудно, что тѣло одно; или лучше, тогда не было бы и тѣла."

Ст. 14. *Ибо тѣло нѣсть единъ удъ, но мнози.*

„Тѣло есть не простое нѣчто, но сложное изъ многихъ частей" (Өеод.). Посему разнообразіе тутъ необходимо. Но при всемъ разнообразіи должно быть единство: иначе не составится тѣло; единство въ томъ, что всякій членъ дѣлаетъ все только для всего тѣла, забывая о себѣ, и за это все получаетъ отъ всего тѣла. Условія жизни тѣла многи; ихъ исполняютъ разные члены, и потому что исполняютъ, тѣло живетъ, живое же тѣло и ихъ живитъ. Вотъ зачѣмъ тѣло не одинъ имѣетъ членъ, а много!

Ст. 15. 16. *Аще речетъ нога, яко нѣсмь рука, нѣсмь отъ тѣла: еда сего ради нѣсть отъ тѣла? И аще речетъ ухо, яко нѣсмь око, нѣсмь отъ тѣла: еда сего ради нѣсть отъ тѣла?*

Мысль Апостола та, что уже когда составилось тѣло, то хочетъ-не хочетъ всякій членъ бываетъ тѣмъ, чѣмъ есть. Потому ему предлежитъ не рваться вонъ изъ тѣла, потому что онъ меньшій членъ, а держать свое мѣсто и свое значеніе. Св. Златоустъ говоритъ: „Еслибы то, что одинъ меньше, а другой больше, препятствовало входить въ составъ тѣла, то не стало бы и всего тѣла. Посему не говори: я не отъ тѣла, потому что я меньше другихъ; нога занимаетъ низшее мѣсто, но и она въ составѣ тѣла. Быть или не быть въ составѣ тѣла зависитъ не отъ положенія въ томъ или другомъ мѣстѣ,—это производитъ только различіе въ мѣстѣ,—но отъ соединенія или несоединенія; быть или не быть отъ тѣла зависитъ отъ соединенія съ нимъ, или несоединенія. И замѣть мудрость Павла, съ какою онъ представляетъ наши члены произносящими эти слова. Какъ выше онъ говорилъ: *сіе преобразихъ на себе и Аполлоса* (—4, 6), такъ и здѣсь, дабы сдѣлать рѣчь свою еще болѣе кроткою и удобопріемлемою, представляетъ говорящими самые члены, дабы читатели, слыша отвѣтъ себѣ отъ самой природы, обличаясь самымъ опытомъ и общимъ здравымъ смысломъ, не могли болѣе противорѣчить. Хотя бы, говоритъ, и вы говорили то же самое и сколько бы ни возражали, вы не можете быть внѣ тѣла; ибо какъ законъ природы, такъ и еще болѣе сила благодати все соблюдаетъ и сохраняетъ. И смотри, какъ онъ избѣгаетъ излишества: говоритъ не о всѣхъ членахъ, а только о двухъ, и притомъ крайнихъ, о самомъ высшемъ—глазѣ, и о самомъ низшемъ—ногахъ. Кромѣ того представляетъ ногу говорящею не съ глазомъ, но съ рукою, которая немного выше ея, а ухо съ глазомъ. Какъ мы обыкновенно завидуемъ не тѣмъ, которые слишкомъ превосходятъ насъ, а тѣмъ, которые не много выше насъ, такъ и онъ дѣлаетъ свое сравненіе.“ Ѳеодоритъ на-

водитъ при семъ: „пріявшихъ меньшіе дары снова убѣждаетъ Апостолъ не огорчаться, но любить дарованное. Ибо, если исполняешь ты должность не руки, а ноги, и проходишь служеніе не глаза, но слуха, надлежитъ тебѣ знать, что и это необходимо тѣлу.“

Ст. 17. *Аще все тѣло око, гдѣ слухъ? Аще же все слухъ, гдѣ уханіе?*

Это желаніе тянуться въ высшіе члены ведетъ къ упраздненію низшихъ, а это къ разстройству тѣла и общей пагубѣ. Еслибы удовлетворять подобное желаніе, то всѣхъ надлежало бы производить (напримѣръ) въ глаза или слухъ, благороднѣйшіе члены; и все тѣло стало бы глазъ или слухъ. А это на что похоже? „Если все тѣло станетъ имѣть одинъ лишь членъ, хотя бы и самый достаточный, то оно безъ сомнѣнія будетъ ни къ чему негодно, какъ лишенное прочихъ членовъ“ (Ѳеод.). „Такъ какъ онъ указалъ на различіе членовъ, упомянулъ о ногахъ, рукахъ, глазахъ и ушахъ, и тѣмъ подалъ мысль о низшемъ и высшемъ достоинствѣ, то смотри, какъ опять утѣшаетъ и показываетъ, что это полезно, что отъ того преимущественно и бываетъ тѣло тѣломъ, что члены у него многіе и различные. Еслибы они всѣ были одно, то и не составили бы тѣла; посему онъ и говоритъ ниже: *аще ли быша вси единъ удъ, гдѣ тѣло?* А здѣсь выражаетъ нѣчто еще гораздо большее, именно, что въ такомъ случаѣ не только не было бы тѣла, но не было бы и прочихъ членовъ“ (св. Злат.).

Ст. 18. *Нынѣ же положи Богъ уды, единаго коегождо ихъ въ тѣлеси, якоже изволи.*

Вотъ что выходило бы по вашему желанію не тѣмъ быть, чѣмъ есть, а чѣмъ-либо повыше! А Богъ судилъ иначе: положилъ быть многимъ членамъ, и каждому члену свое опредѣлилъ мѣсто; отъ этого и тѣло живетъ, и каждому члену хорошо. Итакъ „возлюби всякій да-

рованное; ибо, если Богъ раздѣлилъ частямъ тѣла дѣйствующія силы, то не остающійся въ положенныхъ предѣлахъ прямо, идетъ вопреки Положившему сіи предѣлы" (Ѳеод.). А это не совсѣмъ безопасно.

„Если Богъ такъ изволилъ, то не спрашивай, почему такъ, и почему не такъ. Хотя бы мы могли представить тысячи причинъ, мы ничѣмъ не можемъ столько же сильно доказать, что это хорошо, сколько словами: какъ восхотѣлъ высочайшій Художникъ, такъ и сдѣлалось; ибо Онъ хочетъ такъ, какъ полезно. Если же не должно быть слишкомъ пытливымъ касательно членовъ въ нашемъ тѣлѣ, то тѣмъ болѣе въ Церкви. Хорошо сказалъ Апостолъ: *коегождо*, выразивъ пользу всѣхъ ихъ. Ты не можешь сказать, что такой-то членъ устроилъ Господь, а такой-то нѣтъ; но каждый поставленъ такъ по Его волѣ; и ногѣ полезно быть на томъ именно мѣстѣ, а не одной только головѣ (на своемъ); и еслибы какой-нибудь членъ перемѣнивъ положеніе, оставилъ свое мѣсто и перешелъ на другое, то хотя повидимому занялъ бы лучшее мѣсто, но погубилъ бы и разстроилъ все; онъ потерялъ бы свое мѣсто и не достигнулъ бы чужаго" (св. Злат.).

Ст. 19. 20. *Аще ли быша вси единъ удъ, гдѣ тѣло? Нынѣ же мнози убо удове, едино же тѣло.*

„Изъ чего тѣ заключали о неравенствѣ чести, т.-е. что между ними было великое различіе, изъ того самаго онъ доказываетъ, что они имѣютъ равную честь. Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: еслибы не было между вами великаго различія, то вы не были бы тѣломъ; не будучи тѣломъ, вы не были бы едино; а не будучи едино, вы не имѣли бы равной чести. Обратно: еслибы вы всѣ имѣли равную честь (безъ отношенія къ тѣлу), то не были бы тѣломъ; не будучи тѣломъ, вы не были бы едино; а не будучи едино, какъ вы имѣли бы равную

честь? Теперь же, такъ какъ вы имѣете не одно дарованіе, то и составляете тѣло; и будучи тѣломъ, вы всѣ составляете едино и ничѣмъ не различаетесь другъ отъ друга въ томъ отношеніи, что составляете тѣло. Слѣдовательно это именно различіе и производитъ равенство чести. Представляя себѣ это, оставимъ и мы всякую зависть; не будемъ ни завидовать тѣмъ, которые имѣютъ больше дарованій, ни презирать тѣхъ, которые имѣютъ меньше. Такъ угодно было Богу; не будемъ же роптать. Если же ты еще смущаешься, то подумай, что другой часто не въ состояніи исполнить твоего дѣла, и потому, хотя ты меньше его, но въ этомъ отношеніи превосходишь его; а онъ хотя и больше тебя, но въ этомъ отношеніи меньше, и такимъ образомъ вы равны. И въ тѣлѣ члены, повидимому маловажные, совершаютъ не маловажныя дѣйствія, но часто причиняютъ погибель и важнымъ, если будутъ отдѣлены отъ нихъ. Отними одинъ палецъ, и увидишь, что и прочіе будутъ менѣе дѣятельны и не такъ будутъ исполнять свое назначеніе“ (св. Злат.).

Ст. 21. *Не можетъ же око рещи руцѣ: не требѣ ми еси; или паки глава ногама: не требѣ ми есте.*

„Обличивъ зависть низшихъ и уничтоживъ скорбь ихъ, которую они могли имѣть отъ того, что другіе удостоились большихъ дарованій, Апостолъ смиряетъ теперь гордость тѣхъ, которые получили больше. Онъ дѣлалъ это и прежде, когда бесѣдовалъ съ первыми, именно когда внушалъ, что дарованіе есть даръ, а не заслуга; но теперь дѣлаетъ тоже съ большею силою, продолжая тоже сравненіе. Отъ тѣла и его единства онъ приходитъ къ сравненію между собою самыхъ членовъ, что особенно нужно было знать Коринѳянамъ; ибо не столько могло утѣшить ихъ то, что всѣ они составляютъ одно тѣло, сколько убѣжденіе въ томъ,

что и при тѣхъ дарахъ, которые получены ими, они нисколько не унижены. И меньшее дарованіе также необходимо. Какъ безъ великаго былъ бы большой недостатокъ, такъ и безъ малаго нарушилась бы полнота Церкви. Не сказалъ: не речетъ, но: *не можетъ рещи;* т.-е. хотя бы оно и захотѣло, хотя бы и сказало, однако это невозможно по самому существу дѣла. Беретъ онъ два крайніе члена и на нихъ останавливаетъ рѣчь свою, именно приводитъ въ примѣръ, вопервыхъ, руку и глазъ, а вовторыхъ, голову и ногу. Въ самомъ дѣлѣ, что маловажнѣе ноги, или что почтеннѣе и необходимѣе головы? Голова собственно и составляетъ человѣка. Однако и она сама по себѣ недостаточна и не можетъ одна совершать всего; иначе намъ напрасно даны ноги“ (св. Злат.).

Ст. 22—24. *Но много паче, мнящіися уди тѣла немощнѣйши быти, нужнѣйши суть. И ихже мнимъ безчестнѣйшихъ быти тѣла, симъ честь множайшую прилагаемъ. И неблагообразніи наши благообразіе множайше имутъ; а благообразніи наши, не требѣ имутъ.*

„Нѣкоторые думаютъ, что Павелъ называетъ здѣсь членами слабѣйшими и нужнѣйшими, менѣе благородными и пользующимися большимъ попеченіемъ глаза и ноги, именно подъ первыми глаза, такъ какъ они хотя слабѣе силою, но превосходнѣе по употребленію, а подъ вторыми ноги, о которыхъ между тѣмъ прилагается много попеченія. Хорошо сказалъ онъ: *мнящіися* и: *ихже мнимъ,* выражая, что такое положеніе основывается не на существѣ вещей, а на мнѣніи людей. У насъ нѣтъ ничего безчестнаго, потому что все это дѣло Божіе. Богъ устроилъ такъ, что одни члены отъ природы ни въ чемъ не имѣютъ нужды, а другимъ должны мы доставлять то, чего не дано имъ отъ природы; и однако они отъ того не безчестны, подобно какъ жи-

вотныя, по природѣ своей, большею частію ни въ чемъ не имѣютъ нужды, ни въ одеждѣ, ни въ обуви, ни въ кровѣ, и однакоже наше тѣло не безчестнѣе ихъ тѣла потому, что имѣетъ нужду во всемъ этомъ. Подлинно, если разсмотрѣть внимательно, то увидимъ, что эти члены (мнящіеся не такъ красивыми) и по природѣ своей почтенны и необходимы, на что намекаетъ и самъ Апостолъ, произнося свое сужденіе о нихъ не на основаніи нашего вниманія и большаго о нихъ попеченія, но на основаніи самаго существа вещей; ибо называя ихъ слабыми и менѣе благородными, онъ говоритъ: *мнящіися быти;* а называя ихъ необходимыми, не прибавляетъ: мнящіися, но произноситъ собственное сужденіе и говоритъ, что они *нужнѣйши суть*. Далѣе, дабы не было преувеличенія съ другой стороны, онъ говоритъ: *а благообразніи наши не требѣ имутъ*. Дабы кто не сказалъ: какъ, неужели члены благородные нужно оставлять въ пренебреженіи, а о менѣе благородныхъ заботиться? онъ говоритъ: мы дѣлаемъ это не изъ пренебреженія къ нимъ, но потому, что они не имѣютъ въ томъ нужды“ (св. Злат.).

Ст. 24. 25. *Но Богъ раствори тѣло, худѣйшему большу давъ честь,—да не будетъ распри въ тѣлеси, но да тожде въ себѣ пекутся уди* (равно одинъ о другомъ).

Растворилъ—какъ вино съ водою растворяютъ. Берется во вниманіе мнимая худость и попеченіе. Чего недостаетъ въ мнимой добротности, то восполняется большимъ попеченіемъ, а гдѣ мнится болѣе добротности, тамъ соразмѣрно умаляется и попеченіе. И вышли всѣ ровны. Св. Златоустъ говоритъ: „если Богъ растворилъ тѣло, то не оставилъ возможности различать въ немъ менѣе благородное; ибо растворенное дѣлается единымъ, такъ что уже не видно, чѣмъ оно было прежде; иначе о немъ нельзя было бы сказать, что оно растворено.

И смотри, какъ онъ вездѣ только слегка упоминаетъ о недостаткахъ, выражаясь: *худѣйшему* (ὑστερoῦντι—умаленному въ чемъ либо). Не сказалъ: безчестному или постыдному, но *худѣйшему* (чего-нибудь противъ другаго неимущему). *Худѣйшему*, говоритъ, *давъ большую честь*, показывая, что Богъ съ пользою и даровалъ меньше и почтилъ больше. *Да не будетъ распри въ тѣлеси.* Подлинно было бы великое неравенство, еслибы одни члены и отъ природы и отъ насъ пользовались большимъ попеченіемъ, а другіе не имѣли бы этого ни съ той, ни съ другой стороны; тогда они распались бы, не имѣя возможности сохранить союзъ между собою; а еслибы одни отпали, то и прочіе потерпѣли бы вредъ. Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что менѣе совершеннымъ членамъ необходимо было дать болѣе чести (т.-е. попеченія). Еслибы было не такъ, то погибли бы всѣ вообще. Но, можетъ быть, кто скажетъ: о тѣлѣ точно можно сказать, что менѣе совершенные члены получили болѣе чести; но какъ это можно видѣть между людьми? Между людьми еще болѣе можно видѣть это. Такъ, пришедшіе въ одиннадцатый часъ первые получили награду; для заблудшей овцы пастырь оставилъ девяносто девять другихъ, пошелъ за нею, и нашедши несъ, а не гналъ ее; блудный удостоился большаго попеченія, нежели ведшій себя честно; разбойникъ былъ увѣнчанъ и прославленъ прежде Апостоловъ. Итакъ, зная это, высшіе не притѣсняйте низшихъ, дабы прежде нихъ вамъ самимъ не потерпѣть вреда; ибо если они отдѣлятся, то разрушится и все тѣло. Апостолъ требуетъ не того только, чтобы мы не отдѣлялись другъ отъ друга, но чтобы самымъ тѣснымъ образомъ были соединены между собою. Ибо сказавъ: *да не будетъ распри въ тѣлеси*, онъ не удовольствовался этимъ, но прибавилъ: *да тожде въ себѣ пекутся уди.* Богъ устро-

илъ такъ не только для того, чтобы члены не отдѣлялись другъ отъ друга, но и для того, чтобы между ними была великая любовь и согласіе. Ибо если каждый долженъ заботиться о спасеніи ближняго, то не говори мнѣ о высшихъ и низшихъ; здѣсь нѣтъ высшаго и низшаго. Не говори же, что такой-то членъ не важенъ, но помни, что онъ членъ того же тѣла, которое содержитъ въ себѣ все. Посему Апостолъ и требуетъ одинаковаго о всѣхъ попеченія" (св. Злат.).

Ст. 26. *И аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди; аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди.*

„Для того, говоритъ, Богъ установилъ взаимное попеченіе другъ о другѣ, устроивъ единство въ такомъ разнообразіи, чтобы и все случающееся было общимъ для всѣхъ. Если отъ попеченія о ближнемъ зависитъ спасеніе всѣхъ, то необходимо и слава и скорбь дѣлаются общими для всѣхъ. Такимъ образомъ Апостолъ предлагаетъ здѣсь три заповѣди: не раздѣляться, но быть въ тѣсномъ единеніи, имѣть равное попеченіе другъ о другѣ, считать все случающееся общимъ. Во всемъ случающемся какъ пріятномъ, такъ и непріятномъ, члены взаимно сочувствуютъ одинъ другому. Когда напр., въ пяту вонзится тернъ, то все тѣло чувствуетъ боль и тревожится, спина сгибается, чрево и бедра сжимаются, руки, какъ оруженосцы и слуги, простираются впередъ и вынимаютъ занозу, голова наклоняется и глаза наблюдаютъ съ великимъ тщаніемъ. Опять: когда болятъ глаза, тогда и всѣ члены страждутъ, всѣ впадаютъ въ бездѣйствіе, ноги не ходятъ, руки не дѣйствуютъ, чрево не принимаетъ обычной пищи, хотя болѣзнь въ глазахъ. Помня сіе, будемъ всѣ мы подражать взаимной любви тѣлесныхъ членовъ и не поступать противно тому. Увѣнчавается голова,—и весь человѣкъ

праславляется. Такъ бываетъ и въ Церкви: когда отличаются нѣкоторые, тогда все общество пріобрѣтаетъ добрую славу. Отличается ли кто даромъ краснорѣчія, тогда и враги хвалятъ не его только, но и всю Церковь. Не говорятъ: такой-то достоинъ удивленія, но что?—Христіане имѣютъ учителя достойнаго удивленія, и это сокровище дѣлаютъ общимъ. Такъ язычники соединяютъ, а ты раздѣляешь, враждуешь противъ собственнаго тѣла и возстаешь противъ собственныхъ членовъ?—Развѣ не знаешь, что чрезъ это низвергается все? *Царство*, говоритъ Господь, *раздѣльшееся на ся, не станетъ* (Мѳ. 12, 25)“ (св. Злат.).

в).

Примѣненіе предыдущихъ разсужденій къ тому, что есть въ Церкви

(12, 27—31).

Ст. 27. *Вы же есте тѣло Христово, и уди отъ части.*

„Дабы кто не сказалъ: какое имѣетъ отношеніе къ намъ примѣръ тѣла? Оно устроено такъ по природѣ, а наши совершенства зависятъ отъ воли,—Апостолъ прилагаетъ этотъ примѣръ къ нашимъ обстоятельствамъ и показываетъ, что мы по волѣ должны имѣть такое же согласіе, какое члены тѣла имѣютъ по природѣ: *вы же есте тѣло Христово,* говоритъ. Если въ нашемъ тѣлѣ не должно быть несогласія, то гораздо болѣе въ тѣлѣ Христовомъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ благодать сильнѣе природы“ (св. Злат.).

Всѣ вмѣстѣ вы тѣло Христово, а каждый отдѣльно членъ сего тѣла. Но собственно тѣло Христово есть „вся вселенская Церковь, а не одна Коринѳская. Присовокупляя: *отъ части*, онъ даетъ имъ разумѣть: ваша

церковь есть часть Церкви вселенской, сего таинственнаго тѣла Христова, составляемаго всѣми церквами: такъ что вы обязаны быть въ мирѣ не только другъ съ другомъ, но и со всею вселенскою Церковью, если вы въ самомъ дѣлѣ члены цѣлаго тѣла" (св. Злат.).

Ст. 28. *И овыхъ убо положи Богъ въ Церкви первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей, потомъ же силы, таже дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, роди языковъ.*

Богъ положи. Устроители церквей и хранители порядковъ въ нихъ не сами по себѣ установились: они небеснаго происхожденія. Потому существующее въ церквахъ устроеніе должно принять съ полною покорностію, какъ непосредственное Божіе учрежденіе (Ѳеоф.). Говоря: *первѣе, второе, третіе,* Апостолъ ставитъ чины церковные по ихъ достоинству.

Первѣе Апостоловъ. „Превосходнѣйшій чинъ становится выше всѣхъ; ибо Апостолы имѣли въ себѣ всѣ дары" (св. Злат.). „Они начальновожди вѣры" (Экум.). „Проводники всѣхъ духовныхъ благъ и сокровищъ" (Ѳеоф.). „Разумѣетъ не двѣнадцать только, но и семьдесятъ, и другихъ, впослѣдствіи сподобившихся сей благодати. Ибо и самъ будучи впослѣдствіи призванъ, пріялъ сіе поставленіе, также Божеств. Варнава, а кромѣ ихъ и многіе другіе" (Ѳеод.).

Второе пророковъ. „Разумѣетъ бывшихъ не прежде благодати, но подъ благодатію. Изъ числа ихъ былъ Агавъ" (Ѳеод.). „Пророчествовали и дочери Филиппа, и тѣ изъ Коринѳянъ, о которыхъ онъ говоритъ: *пророцы же два или тріе да сказуютъ* (—14, 29). Вообще тогда было гораздо больше пророковъ, нежели въ Ветхомъ Завѣтѣ; потому что этотъ даръ былъ ниспосылаемъ не на десять, двадцать, пятьдесятъ, или сто человѣкъ, но обильно изливалась эта благодать, и каждая

церковь имѣла много пророковъ. Если Христосъ говоритъ: *законъ и пророцы до Іоанна* (Мѳ. 11, 13), то говоритъ о тѣхъ пророкахъ, которые предвозвѣщали Его пришествіе" (св. Злат.).

Третіе учителей. „И они великую приносили пользу, и по справедливости полагаются тотчасъ за пророками" (Экум.). „Вдохновенные Божественною благодатію, они предлагали ученіе Божественныхъ догматовъ, и дѣлали нравственныя наставленія" (Ѳеод.). „Пророчествующій говоритъ все отъ Духа, а учащій говоритъ иногда и отъ собственнаго разума. Почему Апостолъ и говоритъ: *прилѣжащіи добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются; паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. 5, 17). Кто говоритъ все отъ Духа, тотъ *не труждается;* посему Апостолъ и поставилъ учителя послѣ пророка, такъ какъ дѣло послѣдняго есть всецѣло даръ, а перваго и трудъ человѣческій; учитель говоритъ многое и отъ себя, хотя конечно, согласно съ Божественными Писаніями" (св. Злат.).

Потомъ же силы, таже дарованія исцѣленій.

Прежде указывалъ на лица, получившія дары, а теперь сталъ указывать только дары,—что никакой разности не производитъ въ ходѣ рѣчи: ибо и эти дары лицамъ же опредѣленнымъ были посылаемы.—„Видишь ли, какъ онъ опять отдѣляетъ даръ исцѣленій отъ силы, какъ сдѣлалъ и прежде? Это потому, что сила больше исцѣленія. Имѣющій силу и поражаетъ, и исцѣляетъ, а имѣющій даръ исцѣленій только исцѣляетъ" (св. Злат.). Можетъ быть, *силы* означаютъ и даръ, обнаруживавшійся въ чрезвычайной власти надъ силами и стихіями природы. „Апостолъ напереди сихъ даровъ поставилъ учительство не просто, но научая тѣмъ, что дарованія сіи ради ученія, а не оно ради ихъ; потому что ученіе споспѣшествовало спасенію. Поелику же не

принимали онаго безъ знаменій, то по необходимости для приходящихъ, какъ бы въ нѣкое поручительство, творили чудеса“ (Ѳеод.).

Заступленія, αντιλήψεις.—Заступаются за обижаемаго и терпящаго насиліе. Если взять полнѣе это значеніе, и перебрать все, отъ чего терпѣть можетъ немощный человѣкъ, и вслѣдствіе того требовать заступленія; то подъ этимъ даромъ многое можно разумѣть. Терпятъ отъ неправдъ человѣческихъ, терпятъ отъ бѣдности и болѣзней, терпятъ насиліе и стуженіе отъ бѣсовъ. Соотвѣтственно сему даръ заступленій будетъ или даръ мужества и мудрости въ защищеніи притѣсняемыхъ предъ властями, или даръ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ, или даръ власти надъ бѣсами. Что признать болѣе умѣстнымъ въ настоящемъ случаѣ? Наши толковники не дали этому слову строгаго опредѣленія; потому можно разумѣть все. Но ближе заступленіе отъ злыхъ людей и бѣсовъ.

Правленія, κυβερνήσεις.—Даръ управленія частными церквами—пастырство. Ѳеодоритъ правленія и заступленія ставитъ вмѣстѣ и говоритъ: „симъ Апостолъ изобразилъ домостроительство церквей.“ Ѳеофилактъ говоритъ то же объ обоихъ вмѣстѣ: „*заступленія, правленія,* т.-е. чтобъ заступаться за немощныхъ и управлять, или устроять дѣла братій. Это хотя и отъ нашего усердія зависитъ, но Апостолъ называетъ то дарами Божіими, научая быть и за нихъ благодарными Богу и къ Нему взирать, а не возноситься.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Что такое *заступленія?* То, чтобы помогать слабымъ. Неужели и это есть даръ? Безъ сомнѣнія, помогать и распоряжаться духовными предметами (здѣсь св. Златоустъ говоритъ и слово: *правленія*) есть даръ Божій.—Впрочемъ Апостолъ и многія изъ нашихъ добродѣтелей называетъ дарами не съ тѣмъ, чтобы мы

предавались безпечности, но дабы показать, что мы всегда имѣемъ нужду въ помощи Божіей, и дабы расположить къ благодарности, сдѣлать болѣе ревностными и возбудить души слушателей.“

Роди языковъ. „Дарованіе сіе поставилъ Апостолъ на послѣднемъ мѣстѣ не просто, но потому, что Коринѳяне высоко о немъ думали и неумѣренно пользовались имъ напоказъ, а не по мѣрѣ нужды. Ибо поэтому Апостолъ представилъ и порядокъ дарованій, и сказалъ, которое изъ нихъ есть первое, которое второе, и которое третье, чтобы прилагали попеченіе о болѣе нужномъ“ (Ѳеод.).

Ст. 29. 30. *Еда вси Апостоли? Еда вси пророцы? Еда вси учители? Еда вси силы? Еда вси дарованія имутъ исцѣленій? Еда вси языки глаголютъ? Еда вси сказуютъ.*

„Симъ Апостолъ снова утѣшилъ пріявшихъ дарованія, по мнѣнію ихъ меньшія, и ясно научилъ, что невозможно всѣмъ имѣть одни и тѣ же дарованія, и что они имѣютъ нужду другъ въ другѣ, какъ члены тѣлесные имѣютъ нужду во взаимномъ пособіи“ (Ѳеод.).

„Такъ какъ перечисленіемъ даровъ онъ опять показалъ великое между ними различіе и возбудилъ болѣзнь тѣхъ, которые получили меньшіе дары, то наконецъ, послѣ того какъ представилъ множество доказательствъ на то, что они не слишкомъ унижены, обращается къ нимъ съ весьма сильнымъ обличеніемъ и говоритъ: *еда вси Апостоли?* и проч. Не останавливается на одномъ или другомъ дарѣ, но исчисляетъ всѣ до послѣдняго, выражая или то, что всѣмъ нельзя имѣть всего, или вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупляя къ слову утѣшенія еще нѣчто другое. Что же такое? То, что и меньшіе дары, подобно большимъ, равно должны составлять предметъ желаній, потому что и они даны не всѣмъ вообще. Для чего, говоритъ, ты скорбишь о томъ, что не имѣешь

дара исцѣленій? Помысли, что имѣющій большее часто не имѣетъ того, что ты имѣешь, хотя бы это было меньшее. Какъ не всѣмъ Богъ даровалъ всѣ великіе дары, но одному такой, а другому другой, такъ Онъ поступилъ и съ меньшими, даровавъ не всѣмъ всѣ. А сдѣлалъ Онъ это для того, чтобы внушить великое согласіе и любовь, дабы каждый, имѣя нужду въ ближнемъ, тѣснѣе соединялся съ нимъ. Тоже Онъ сдѣлалъ и въ художествахъ, и въ стихіяхъ, и въ растеніяхъ, и въ нашихъ членахъ, и во всемъ вообще“ (св. Злат.).

Ст. 31. *Ревнуйте же дарованій большихъ; и еще по превосхожденію путь вамъ показую.*

Этотъ текстъ стоитъ на переходѣ къ слѣдующему слову о любви. Сказавъ все о чрезвычайныхъ дарахъ благодатныхъ, проявлявшихся въ Церкви, и умиротворивъ всѣхъ, смущавшихся полученіемъ меньшихъ сравнительно съ другими даровъ, Апостолъ говоритъ какъ бы имъ: желаете лучшихъ даровъ? Ищите. Но я скажу вамъ, что дѣло жизни христіанской не въ дарахъ. Дары всѣ могутъ прекратиться въ Церкви. Есть въ христіанствѣ нѣчто, что выше всѣхъ даровъ. И вотъ это я вамъ хочу теперь показать.

По превосхожденію путь, превосходнѣйшій путь, т.-е. путь жизни, духъ жизни о Христѣ Іисусѣ. Фотій у Экуменія говоритъ: „показую вамъ путь, на коемъ, не имѣя нужды ни въ одномъ изъ показанныхъ дарованій, вы окажетесь однакожъ лучшими и совершеннѣйшими всѣхъ. Что же это такое?—Нѣчто самое простое, безтрудное, наилегчайшимъ образомъ достигаемое, именно любовь. Стяжавшій чистую любовь, всѣхъ сталъ выше, всѣхъ превзошелъ. А у кого нѣтъ ея, тотъ низпалъ ниже всѣхъ, и сверхъ того пустъ есть (отъ всѣхъ духовныхъ благъ).—Стяжавъ любовь, не будешь уже съ завистію малодушно взирать на высшія дарованія другихъ.“

Вотъ слова св. Златоуста. „Не сказалъ: ревнуйте дарованій высшихъ, но *κρειττονα*, лучшихъ, т.-е. нужнѣйшихъ, полезнѣйшихъ. Не сказалъ: дарованіе, но *путь*, дабы болѣе возвысить то, о чемъ намѣревался говорить; не одинъ, не два, не три дара, говоритъ, я покажу вамъ, но одинъ путь, ведущій ко всѣмъ имъ, и не просто путь, но путь превосходнѣйшій, открытый для всѣхъ вообще. Это не то, что прочіе дары, изъ которыхъ одни даются тѣмъ, другіе другимъ, а не всѣ всѣмъ, но есть даръ всеобщій.“

2).

О любви, какъ пути высшемъ

Гл. 13.

Сначала показываетъ Апостолъ: а) превосходство любви надъ всѣми дарами и подвигами (1—3); потомъ б) изображаетъ свѣтлый ликъ ея, указывая въ ней полноту добродѣтелей и отверженіе всѣхъ страстей (4—7); наконецъ в) сказываетъ, что она непрестаема (8—13).

а).

Ст. 1. *Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звенящи, или кимвалъ звяцаяй.*

Любовь — внутренняя сила жизни. Погружаясь въ Богѣ и Богомъ исполняясь, она и Божіе все и свое иждиваетъ на братій, въ которыхъ также живетъ не мыслію, а сердцемъ, все, ихъ касающееся, почитая касающимся себя. Это самораспятая жизнь, неистощимый источникъ всякаго добра. Говореніе на языкахъ совсѣмъ внѣшнее дѣло; и въ естественномъ порядкѣ имъ занята развѣ только память, а въ благодатномъ и того нѣтъ: ибо и ослица могла говорить, когда то

нужно было, и каменіе возопіютъ, говоритъ Господь, когда некому будетъ изрѣчь волю Божію. Говорящій безъ присутствія внутренней жизни точно есть мѣдь звенящая, или кимвалъ звяцаяй. Первымъ выражается однотонный звукъ, какъ ударъ по куску мѣди, или по мѣдной вещи, а вторымъ и перемѣны тоновъ, но безъ значенія. По-гречески—ἀλαλαζον,—лалачитъ, а ничего опредѣленнаго не сказываетъ.

„Апостолъ, дѣлая сравненіе дарованій, первымъ изъ всѣхъ поставилъ дарованіе языковъ, потому что оно, по мнѣнію Коринѳянъ, было важнѣе другихъ. Важнѣйшимъ же почитали оное, потому что прежде всѣхъ другихъ дано Апостоламъ въ день Пятидесятницы при сошествіи Всесвятаго Духа. Онъ говоритъ: если узнаю всѣ человѣческіе языки, а сверхъ того и языки невидимыхъ Силъ, но любви къ ближнему имѣть не буду, то ничѣмъ не отличусь отъ неодушевленныхъ орудій“ (Ѳеод.). „И смотри, съ чего начинаетъ онъ: прежде всего съ того, что они почитали удивительнымъ и великимъ, т.-е., съ дара языковъ, и говоря объ этомъ дарѣ, представляетъ его не такимъ, какой они имѣли, но гораздо большимъ. Не сказалъ: *аще языки глаголю*, но: *аще языки человѣческими глаголю*. Что значитъ *человѣческими*? Языками всѣхъ народовъ вселенной. Не довольствуясь и этимъ увеличеніемъ, прибавляетъ еще другое, гораздо большее: *и ангельскими*, говоритъ. Видишь ли, какъ онъ возвысилъ этотъ даръ и какъ послѣ низвелъ и уничижилъ его? Не просто сказалъ: тогда я ничто, но: *бысть яко мѣдь звѣняща*, нѣчто безчувственное и бездушное, издающее звукъ попусту, безъ цѣли и безъ всякой пользы, и не только пользы никому не приносящее, но для многихъ кажущееся безпокойнымъ, тягостнымъ и несноснымъ (κυμβαλον—означаетъ и трещетку)“ (св. Злат.).

Что за ангельскій языкъ? Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ о немъ: „Подъ ангельскими языками разумѣетъ не чувственные, но нѣкіе мысленные, на которыхъ пѣснословятъ Ангелы Бога всяческихъ и бесѣдуютъ между собою. Ибо Исаія слышалъ поющихъ, а Іезекіиль, также Даніилъ, Захарія и Михей слышали ихъ бесѣдующихъ. Выразилъ же это бож. Апостолъ преувеличенно, въ намѣреніи показать превосходство любви.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Говоря о языкѣ ангельскомъ, Апостолъ не приписываетъ Ангеламъ тѣла, но выражаетъ слѣдующее: хотя я буду говорить такъ, какъ обыкновенно бесѣдуютъ Ангелы между собою, безъ любви я ничто и даже тягостенъ и несносенъ. Подобнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *поклонится Ему всяко колѣно небесныхъ* (Фил. 2, 10), онъ не приписываетъ Ангеламъ колѣнъ и костей,—да не будетъ, но подобіемъ нашего поклоненія желаетъ выразить усердное поклоненіе Ангеловъ. Такъ и здѣсь говоритъ о языкѣ, означая не членъ тѣлесный, а извѣстнымъ нашимъ способомъ собесѣдованія выражая взаимное собесѣдованіе ихъ между собою.“

Ст. 2. *И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь.*

Эти дары внутреннѣе, и указываютъ на большую близость къ Богу. При всемъ томъ они не самой глубины естества нашего касаются, и несущественное сочетаніе съ Богомъ означаютъ. Пророчество—съ полнымъ вѣдѣніемъ таинъ Божіихъ въ устроеніи царства благодати и съ полнымъ познаніемъ устройства міра и всѣхъ тварей, въ началѣ ихъ, въ теченіи времени и въ цѣляхъ, къ чему все ведется,—и такое пророчество все-же въ головѣ имѣетъ свое сѣдалище, и когда нужно, Богъ можетъ преподать его уму, не соображаясь съ тѣмъ,

что происходитъ въ сердцѣ, также какъ заставить ослицу говорить. Слѣдовательно и при этомъ внутреннѣйшее можетъ быть чуждо Бога и ближнихъ, чуждо истинной жизни. Вѣра чудодѣйственная, горы преставляющая, предполагаетъ великое предъ Богомъ дерзновеніе; но какъ дѣла ею совершаемыя суть внѣшнія, и не ея собственно, а Божіи, Богъ же по цѣлямъ промышленія можетъ дѣйствовать и чрезъ несовершенныя орудія, не ихъ имѣя въ виду, а другихъ, то и этотъ даръ можетъ обнаруживаться совершенно внѣшнимъ образомъ, не быть рѣшительнымъ удостовѣреніемъ о внутреннѣйшемъ единеніи съ Богомъ и съ братіями въ Богѣ. Обычнымъ порядкомъ духовной жизни ни такого пророчества, ни такой вѣры имѣть нельзя безъ совершенной чистоты и пріискренняго богообщенія; но Богъ, по цѣлямъ Своимъ, когда нужда належитъ, можетъ сообщить то и другое и такимъ лицамъ, которыя по внутреннему своему строю и не могли бы имѣть ихъ. Отсюда выходитъ, что дѣянія такого рода не суть удостовѣрители въ духовномъ истинномъ совершенствѣ, которое совмѣщается все въ любви, т.-е. можно и при нихъ быть безъ любви, и слѣдовательно быть ничѣмъ. Возможность такихъ явленій и Самъ Господь подтвердилъ, когда сказалъ: *мнози рекутъ Мнѣ въ день онъ: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ: отъидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. 7, 22. 23). Я никогда не зналъ васъ, скажетъ, такъ какъ *вѣсть Господь сущая Своя*. Этимъ выразилъ Господь, что несмотря на такія знаменія, творившіе ихъ не были свои Ему, а не были свои Ему потому, что воли Его не творили, или что тоже, любви не имѣли. Такъ слово Апостола сходится со словомъ

Господа. Мысль Апостола не та, чтобы сказать, что такіе дары никогда не указываютъ на пріискреннюю близость къ Богу проявляюшихъ ихъ, но та, что и при нихъ возможно отсутствіе такой близости, а безъ ней все ничто.

Св. Златоустъ такія мысли высказалъ на это мѣсто: „Апостолъ не останавливается на дарѣ языковъ, но указываетъ и на прочіе дары и, показавъ ничтожность ихъ безъ любви, потомъ уже начертываетъ *ея изображеніе*. А какъ онъ хотѣлъ постепенно усиливать рѣчь, то восходитъ отъ меньшаго къ большему; то, что поставилъ послѣднимъ при исчисленіи даровъ, т.-е. даръ языковъ, теперь поставляетъ на первомъ мѣстѣ, восходя, какъ я сказалъ, отъ меньшаго къ большему. Сказавъ о языкахъ, онъ тотчасъ переходитъ къ пророчеству, и это также представляетъ въ превосходной степени. Ибо какъ тамъ указалъ не на языки только, но на языки всѣхъ людей, и даже на языки Ангеловъ, и потомъ уже сказалъ, что этотъ даръ безъ любви ничто: такъ и здѣсь говоритъ не о пророчествѣ только, но о пророчествѣ самой высшей степени. Сказавъ: *аще имамъ пророчество*, присовокупляетъ: *и вѣмъ тайны вся и весь разумъ*, представляя и этотъ даръ въ превосходной степени.“

„Потомъ Апостолъ переходитъ и къ прочимъ дарамъ, и дабы не показаться тягостнымъ, исчисляя ихъ порознь, указываетъ на мать и источникъ всѣхъ ихъ, и опять въ превосходной степени: *и аще*, говоритъ, *имамъ всю вѣру*. Не довольствуясь этимъ, присовокупляетъ и то, что Христосъ призналъ великимъ: *яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь*. Смотри, какъ онъ и здѣсь опять уничижаетъ даръ языковъ. Отъ пророчества показываетъ великую пользу, именно — знаніе таинъ и всякое разумѣніе, равно и отъ вѣры

немаловажное дѣло, именно—переставленіе горъ: а о дарѣ языковъ только упомянулъ и болѣе не сказалъ о немъ ничего. Замѣть еще, какъ онъ въ краткихъ словахъ обнимаетъ всѣ дары, т.-е. въ пророчествѣ и вѣрѣ; это потому, что чудеса заключаются или въ словахъ или въ дѣлахъ. Вѣрѣ приписываетъ переставленіе горъ, не потому, чтобы вся вѣра могла производить только это, а потому, что людямъ грубымъ это казалось великимъ по тяжести горъ. Апостолъ такимъ образомъ возвышаетъ предметъ, и смыслъ словъ его слѣдующій: если я имѣю всю вѣру, если даже могу переставлять горы, а любви не имѣю, то я ничто.“

Ст. 3. *И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть.*

Отъ даровъ переходитъ Апостолъ къ самымъ высокимъ видамъ подвиговъ,—раздаянію имѣнія и преданію себя на сожженіе. Апостолъ смотритъ на нихъ, какъ на дѣла, внѣшнимъ образомъ совершаемыя, при которыхъ внутреннее настроеніе можетъ и не соотвѣтствовать достоинству внѣшняго. Можно все раздавать безъ любви, и рѣшиться на смерть, тоже не имѣя любви. Если Богъ смотритъ на сердце и по нему цѣнитъ дѣла, цѣна же дѣлъ вся отъ любви, то можетъ статься, что и такого рода великія дѣла не будутъ предъ Богомъ имѣть никакой цѣны, т.-е. никакой не принесть пользы. Не та мысль Апостола, чтобы сказать, что дѣла такія ничтожны, но та, что вся цѣна ихъ отъ любви; и не та также, чтобы можно было любить и не совершить такихъ дѣлъ, когда потребуется. У него одна мысль—представить чрезъ такія сопоставленія, что и всѣмъ дарамъ и всѣмъ подвигамъ цѣну даетъ одна любовь, и что коль скоро ея нѣтъ, все ни во что.

Св. Златоустъ говоритъ: „Какая усиленная рѣчь! И

здѣсь онъ представляетъ все въ превосходной степени. Не сказалъ: если я отдамъ бѣднымъ половину имѣнія, или двѣ, или три части, но: *вся имѣнія моя*. Не сказалъ: отдамъ, но *раздамъ*—ψωμίσω (кормить кого своими руками), выражая кромѣ употребленія имущества самую усердную услужливость. Также не сказалъ: если я умру, но опять выражается усиленно, представляетъ самую жестокую смерть, т.-е. сгорѣть живому, и говоритъ, что и такая смерть безъ любви не важное дѣло. Но вся сила словъ Апостола откроется, когда я приведу свидѣтельство Христово о милостынѣ и смерти. Какое же свидѣтельство? Богатому Христосъ сказалъ: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ: и имѣти имаши сокровище на небеси* (Мѳ. 19, 21); также бесѣдуя о любви къ ближнему, сказалъ: *больши сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Отсюда видно, что и въ очахъ Божіихъ такая любовь есть самая высокая. Но я утверждаю, говоритъ Павелъ, что если мы положимъ душу свою даже за Бога, и не просто положимъ, но и будемъ сожжены, то и тогда не будетъ намъ никакой пользы, если мы не любимъ ближняго. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дары безъ любви не приносятъ никакой пользы,—они даже ниже доброй жизни; потому что многіе обладавшіе дарами будутъ наказаны, какъ нечестивые, какъ напримѣръ, именемъ Христовымъ пророчествовавшіе, изгонявшіе бѣсовъ и производившіе многія чудеса, подобно Іудѣ предателю. Итакъ нисколько неудивительно, что дары имѣютъ нужду въ любви; но чтобы самая исправная жизнь ничего не значила безъ нея, это можетъ показаться преувеличеніемъ и ввести въ недоумѣніе, особенно когда Христосъ приписываетъ великое достоинство этимъ двумъ добродѣтелямъ, т.-е. нестяжатель-

ности и мученическимъ подвигамъ. Почему же говоритъ онъ такъ? Что сказать на это?

„Или то, что Павелъ предполагаетъ невозможное возможнымъ, какъ онъ обыкновенно дѣлаетъ, когда хочетъ сказать что-нибудь чрезвычайное; напримѣръ въ посланіи къ Галатамъ говоритъ: *аще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Галат. 1, 8). Ни онъ самъ, ни Ангелъ, конечно, не могли сдѣлать этого; но, дабы изобразить предметъ самымъ усиленнымъ образомъ, онъ предполагаетъ то, чего никогда не будетъ. Тоже самое онъ дѣлаетъ и здѣсь. Итакъ или это надобно сказать, или"... Но эту вторую мысль возьмемъ у Ѳеодорита, который выражаетъ ее короче, согласно однакоже съ св. Златоустомъ. Онъ говоритъ: „Надлежитъ знать, что праведный Судія взираетъ не только на праведное дѣло, но и на цѣль сего дѣла. Многіе же весьма многое дѣлаютъ ради славы человѣческой."

Какъ можно не имѣя любви страдать, примѣръ этому представилъ нѣкто Саприкій, іерей Антіохійскій. Онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ одному мірянину Никифору. Потомъ они изъ-за чего-то разладили, и очень. Никифоръ впрочемъ скоро опомнился и искалъ примиренія, но безуспѣшно. Въ этомъ состояніи застало ихъ гоненіе въ царство Валеріаново. Саприкія взяли; онъ твердо стоялъ въ вѣрѣ и за это разнообразно мученъ, а наконецъ осужденъ на отсѣченіе главы. Никифоръ, узнавъ о томъ, поспѣшилъ вслѣдъ его, и просилъ примиренія; но тотъ отказалъ ему въ этомъ. За то отступила отъ него благодать, и онъ отрекся отъ Христа Господа въ ту минуту, какъ ужъ совсѣмъ было преклонилъ голову подъ мечъ. Вотъ онъ страдалъ и на все готовъ былъ, а любви не имѣлъ; и никакой не получилъ пользы отъ страданій (см. Чет.-Мин. 9 февр.).

б).

Ст. 4—7. *Любы долготерпитъ, милосердствуетъ; любы не завидитъ; любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ; вся любитъ (покрываетъ), всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ.*

„Доказавъ, что безъ любви нѣтъ большой пользы ни отъ вѣры, ни отъ знанія, ни отъ пророчества, ни отъ дара языковъ, ни даже отъ совершенной жизни и мученичества, Апостолъ описываетъ, какъ и необходимо было, безпремѣрную красоту ея, украшая ея изображеніе, какъ-бы какими-нибудь красками, различными родами добродѣтели и тщательно соединяя всѣ его части. Посему, возлюбленный, будь внимателенъ къ сказанному и вникни въ каждое слово съ великимъ тщаніемъ, дабы видѣть и совершенство предмета, и искусство живописца. Смотри, съ чего онъ началъ и что поставилъ первою причиной всѣхъ благъ. Что же именно? Долготерпѣніе“ (св. Злат.).

Любы долготерпитъ. Благодушно сноситъ всѣ непріятности, оскорбленія и напраслины, не поддаваясь движеніямъ гнѣва или отмщенія. „Долготерпѣніе—корень всякаго любомудрія; посему и Премудрый говоритъ: *долготерпѣливъ мужъ мнѡгъ въ разумѣ, малодушный же крѣпко безуменъ* (Притч. 14, 29); и далѣе, сравнивая эту добродѣтель съ крѣпкимъ городомъ, говоритъ, что она крѣпче его. Это несокрушимое оружіе, непоколебимый столбъ, легко отражающій всѣ нападенія. Какъ искра, упадшая въ море, не причиняетъ ему никакого вреда, но сама тотчасъ исчезаетъ, такъ все,

неожиданно непріятное, поражая долготерпѣливую душу, скоро исчезаетъ, а ея не возмущаетъ. Долготерпѣливый, какъ-бы пребывая въ пристани, наслаждается глубокимъ спокойствіемъ; причинишь ли ему вредъ, не подвинешь этого камня; нанесешь ли ему обиду, не потрясешь этого столпа; нанесешь ли ему удары, не сокрушишь этого адаманта; потому онъ и называется долготерпѣливымъ, μακρόθυμος, что имѣетъ какъ-бы долгую и великую душу; ибо долгое называется и великимъ. Эта добродѣтель раждается отъ любви, и тѣмъ, которые имѣютъ и хорошо употребляютъ ее, доставляетъ великую пользу. Не говори мнѣ, что люди потерянные, дѣлая (долготерпѣливому) зло и не претерпѣвая за то зла, становятся хуже: это происходитъ не отъ долготерпѣнія, а отъ тѣхъ самыхъ, которые пользуются имъ не такъ, какъ должно. Посему не говори мнѣ о нихъ, а вспомни о людяхъ болѣе кроткихъ, которые получаютъ отъ того великую пользу; ибо, когда они, дѣлая зло, не претерпѣваютъ за то зла, то, удивляясь терпѣнію страждущаго, получаютъ самый лучшій урокъ любомудрія“ (св. Злат.).

Милосердствуетъ χρηστεύεται, благствуетъ: отъ другихъ терпитъ непріятности, сама же не только никому не причиняетъ ничего скорбнаго, напротивъ, всѣ скорби другихъ считаетъ своими, и, входя въ сочувствіе ихъ скорби, всячески старается облегчить ихъ горе; она, какъ елей на раны, такъ есть на всякую нужду, скорбь и немощь ближняго,—не успокоивается, пока не утѣшитъ, не поможетъ, не умиротворитъ; болѣзнуетъ о всѣхъ, паче же о нуждающихся и страждущихъ; даже тѣмъ самымъ, которые ей причиняютъ непріятности, старается вложить въ душу мирное расположеніе; „кротко поступаетъ съ пламенѣющими гнѣвомъ, чтобы укротить его и погасить и не только мужественнымъ тер-

пѣніемъ, но и угожденіемъ и увѣщаніемъ врачуетъ рану и исцѣляетъ язву гнѣва“ (св. Злат.).

Любы не завидитъ ни дарованіямъ, ни внѣшнему благосостоянію, ни отличіямъ, ни успѣху въ дѣлахъ, и никакому благу и преимуществу другаго предъ собою. Это противно ея природѣ, существо ея есть и желать и дѣлать другимъ одно добро, и притомъ всякое; потому не ищетъ того, чтобы самой быть счастливѣе другихъ, а чтобы всѣ были счастливы возможно полнымъ счастіемъ; къ благу предлежащему сама пропуститъ всѣхъ, чтобы всѣ вкусили его, не заботясь, достанется ли что на ея долю, лишь бы другимъ всѣмъ досталось.

Любы не превозносится, οὐ περπερεύεται.—не заносится. Заносчивый въ словахъ, сужденіяхъ, манерахъ, въ обращеніи, въ дѣлахъ, допускаетъ много неосмотрительнаго, потому что дѣйствуетъ съ плеча, въ увѣренности, что все отъ него исходящее прекрасно и должно въ другихъ оставлять одно изумленіе и похвалу; онъ паритъ, ни на чемъ не останавливаясь; оттого ничего полезнаго ни произвесть, ни посовѣтовать не можетъ; во все вмѣшивается съ своимъ сужденіемъ и кромѣ смятенія ничего по себѣ не оставляетъ. Любовь такъ не паритъ; она дѣйствуетъ потихоньку, высматривая и удостовѣряясь, гдѣ, что, какъ можетъ сдѣлать полезнаго, и дѣлаетъ то, безъ шума и заявленій. Св. Златоустъ говоритъ: „Любы *не превозносится* (не заносится), т.-е. не поступаетъ легкомысленно. Она дѣлаетъ любящаго благоразумнымъ, степеннымъ и основательнымъ. Заносчивое легкомысліе свойственно людямъ, любящимъ плотскою любовію; а любящій любовію истинною совершенно свободенъ отъ этого; любовь, пребывая въ душѣ, какъ бы какой-нибудь искусный земледѣлецъ, не допускаетъ выростать на полѣ сердца ни одному

подобному злому тернію.“ Тоже пишетъ и Ѳеодоритъ: „любящій ни въ чемъ не соглашается поступать опрометчиво.“ Экуменій: „ничего опрометчиво не дѣлаетъ: περπερος γὰρ προπετής.“ Таже мысль и у Ѳеофилакта: „любовь не опрометчествуетъ, но дѣйствуетъ самоуглубленно и внимательно. Πέρπερος—парящій, μετεωριζόμενος—легкій“—въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ.

Не гордится, οὐ φυσιοῦται,—не надымается отъ φυσάω—дую, надуваю, напр. пузырь. Какими бы совершенствами любовь ни обладала, думаетъ, что ничего не имѣетъ сравнительно съ другими лучшаго, и сколько бы добра ни надѣлала въ своемъ кругу, совсѣмъ не думаетъ, чтобы что-либо сдѣлала. Какъ мать, ухаживающая за дѣтьми, сколько бы ни трудилась надъ ними, такъ себя имѣетъ, будто бы ничего не дѣлала, и дѣлая что, снова дѣлаетъ такъ, какъ будто начинала дѣлать въ первый разъ: такова и любовь. „Не думаетъ много она о своихъ добротахъ“ (Экум.). „Не превозносится надъ братіями“ (Ѳеод.). „Но смиренномудрствуетъ, несмотря на то, что обладаетъ высокими совершенствами“ (Ѳеоф.). „Мы видимъ, что многіе гордятся самыми своими добродѣтелями, т.-е., тѣмъ, что они не завистливы, не злы, не малодушны, не безразсудны (эти пороки соединены бываютъ не только съ богатствомъ и бѣдностію, но и съ самыми добрыми по природѣ качествами), а любовь совершенно очищаетъ все“ (св. Злат.).

Сводя подъ одинъ обзоръ всѣ сказанныя доселѣ качества, св. Златоустъ замѣчаетъ слѣдующее: „Замѣть: долготерпѣливый не всегда еще милосердъ; если же онъ не будетъ милосердъ, то его доброе качество становится порокомъ и можетъ обратиться въ памятозлобіе; но любовь, доставляя врачество, то-есть милосердіе, сохраняетъ сію добродѣтель чистою. Также

милосердый часто бываетъ легкомысленъ; но любовь исправляетъ и этотъ недостатокъ. Милосердый и долготерпѣливый часто бываютъ гордыми; но любовь истребляетъ и этотъ порокъ. Она съ одной стороны производитъ добродѣтели, съ другой уничтожаетъ пороки, или, лучше, не допускаетъ имъ зародиться. Не сказалъ Апостолъ такъ напримѣръ: хотя у ней бываетъ зависть, но она побѣждаетъ зависть, или: хотя бываетъ гордость, но она укрощаетъ эту страсть; а говоритъ: *не завидитъ, не гордится;* и, что особенно удивительно, она безъ усилій дѣлаетъ добро, безъ борьбы и сопротивленія воздвигаетъ трофей. Ибо кто имѣетъ ее, того она не заставляетъ трудиться, чтобы достигнуть вѣнца, но безъ труда доставляетъ ему награду; потому что гдѣ нѣтъ страсти, противоборствующей добродѣтельному расположенію, тамъ какой можетъ быть трудъ?"

Замѣчательно послѣднее слово св. Златоуста о безтрудномъ и безпрепятственномъ со стороны страстей добродѣланіи. Любовь есть отрицаніе всѣхъ страстей и вселяется въ сердцѣ по изгнаніи ихъ. Сіе изгнаніе въ иныхъ прямо по обращеніи, въ моментъ возрожденія, совершается Духомъ Святымъ, изливающимъ въ тоже время въ сердце и совершенную любовь. Какъ теперь мы приходимъ въ сознаніе христіанскихъ обязательствъ довольно спустя послѣ крещенія, тогда уже, какъ умерщвленныя въ возрожденіи страсти успѣваютъ снова ожить и возстать съ силою; то намъ, прежде чѣмъ исполнится сердце полною любовію, предлежитъ еще бороться со страстьми и побороть ихъ, чтобы безпрепятственно творить всякое добро. Благо любви для насъ чаемое благо. Св. Исаакъ Сиріанинъ любовь называетъ раемъ, который на островѣ среди моря. Туда еще плывемъ мы. И о, когда бы доплыть!

Не безчинствуетъ,—*οὐκ ἀσχημονεῖ*,—не мерзитъ, не

брезгуетъ, не гнушается ничѣмъ, коль скоро того требуетъ благо ближняго; какъ бы что ни казалось унизительнымъ въ глазахъ людей, она не останавливается предъ тѣмъ, а съ охотою рѣшается на то, лишь бы сдѣлать добро любимому. Такъ всѣ наши толковники! Ѳеодоритъ пишетъ: „не отказывается для пользы братій сдѣлать что-либо и унизительное, не почитаетъ и такого дѣйствія для себя неблагоприличнымъ.“ Экуменій: „хотя приходится иногда перенесть ей нѣчто срамное для любимаго, она не ставитъ того себѣ въ посрамленіе.“ Тоже и у Ѳеофилакта. Но вотъ пространное слово св. Златоуста: „Что я говорю, продолжаетъ Апостолъ, что любовь не надымается? Она такъ далека отъ этой страсти, что и терпя крайнія бѣдствія за любимаго, не считаетъ того безчестіемъ для себя. Не сказалъ опять: хотя терпитъ безчестіе, но мужественно переноситъ его, а—даже нисколько не чувствуетъ безчестія. Посмотримъ въ этомъ отношеніи на Христа, и увидимъ истину сказаннаго. Господь нашъ Іисусъ Христосъ подвергался оплеванію и бичеванію отъ жалкихъ рабовъ, и не только не считалъ этого безчестіемъ, но еще радовался и вмѣнялъ въ славу; разбойника и человѣкоубійцу Онъ вмѣстѣ съ Собою прежде другихъ ввелъ въ рай, бесѣдовалъ съ блудницею, притомъ въ присутствіи всѣхъ обвинителей Своихъ, и не считалъ этого постыднымъ, а даже позволилъ ей цѣловать Свои ноги, орошать слезами Свое тѣло и отирать волосами, и все это предъ глазами враговъ и противниковъ; потому что любовь, οὐκ ἀσχημονεῖ,—не гнушается ничѣмъ. Посему и отцы, хотя бы они были мудрѣе и краснорѣчивѣе всѣхъ, не стыдятся лепетать вмѣстѣ съ дѣтьми, и никто изъ взирающихъ на это не осуждаетъ ихъ, а напротивъ это кажется столь хорошимъ дѣломъ, что даже удостоивается похвалы.“

Не ищетъ своихъ си. „Сказавъ: не безчинствуетъ, онъ показываетъ и то, какимъ образомъ любовь не терпитъ безчестія. Какимъ же? *Она не ищетъ своихъ си.* Любимый составляетъ для нея все, и она вмѣняетъ себѣ въ безчестіе, когда не можетъ избавить его отъ безчестія, такъ что если можно собственнымъ безчестіемъ помочь любимому, то не считаетъ и этого безчестіемъ для себя; любимый для любящаго есть тоже, что онъ самъ. Любовь такова, что любящій и любимый составляютъ уже не два отдѣльныя лица, а одного человѣка, чего не можетъ сдѣлать ничто кромѣ любви. Посему не ищи своего, дабы тебѣ найти свое; ибо кто ищетъ своего, тотъ не находитъ своего. Потому и Павелъ говоритъ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. 10, 24). Польза каждаго заключается въ пользѣ ближняго, а польза ближняго въ его пользѣ. Богъ такъ устроилъ для того, чтобы мы были привязаны другъ къ другу“ (св. Злат.).

Не раздражается,—οὐ παροξύνεται,—не огорчается. Встрѣчая что-либо непріятное отъ того самаго, которому усиливается сдѣлать добро, не огорчается тѣмъ; или не огорчается неуспѣшностію трудовъ своихъ во благо чье-либо, и не перестаетъ искать способовъ къ тому, чтобъ достигнуть своей въ семъ отношеніи цѣли; или такъ, какъ Ѳеодоритъ пишетъ: „если и прискорбное что встрѣчаетъ отъ кого-либо, переноситъ великодушно по горячности любви, какую имѣетъ въ себѣ.“ Тоже говоритъ и св. Златоустъ: „смотри опять, какъ она не только истребляетъ пороки, но даже не дозволяетъ имъ получить начало. Ибо не сказалъ: хотя раздражается, но преодолѣваетъ раздраженіе, а: *не раздражается.*“ Не допускаетъ и зародиться огорченію.

Не мыслитъ зла,—οὐ λογίζεται τὸ κακόν,—не беретъ въ счетъ зла, и даже совсѣмъ не думаетъ, чтобы въ

дѣйствіяхъ другаго было зло, не видитъ во злѣ зла; другіе видятъ, а она не видитъ; для любящаго всѣхъ всѣ кажутся добрыми, и какъ онъ ничего не замышляетъ для другихъ кромѣ добра, такъ и въ дѣйствіяхъ другихъ въ отношеніи къ себѣ не подозрѣваетъ никогда ничего злаго. Такъ Ѳеодоритъ: „извиняетъ погрѣшительные поступки, предполагая, что то сдѣлано не съ худымъ намѣреніемъ.“ Другая мысль: не замышляетъ зла въ отмщеніе, будетъ прямымъ слѣдствіемъ предыдущей, и можетъ быть видима здѣсь, но въ связи съ тою (Ѳеофилактъ). Св. Златоустъ разумѣетъ не замышленіе зла, помимо обидъ полученныхъ, а такъ: „не только не дѣлаетъ, но даже и не замышляетъ ничего худаго противъ любимаго. И дѣйствительно, какъ она будетъ дѣлать зло, когда не допускаетъ даже худой мысли? А здѣсь и есть источникъ любви.“

Ст. 6. *Не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ.*

Неправда и истина здѣсь опредѣляютъ себя взаимно. Какъ поймешь неправду, такъ по противоположности долженъ понимать истину, и обратно. Толковники такъ разнообразно понимаютъ сіи слова, что собравъ все во едино, приходится подъ неправдою разумѣть всякое зло, а подъ истиною всякое добро. Св. Златоустъ говоритъ: „не радуется, когда другіе страдаютъ какимъ-либо зломъ (нравственнымъ); радуется же о тѣхъ, которые благоустроены въ жизни. Или здѣсь тоже самое содержится, что говорится въ другомъ мѣстѣ: *радоватися съ радующимися и плакати съ плачущими* (Римл. 12, 15). Потому она и не завидуетъ, потому и не гордится: блага другихъ она признаетъ своими. Видишь ли, какъ любовь дѣлаетъ питомца своего почти Ангеломъ? Ибо если онъ не имѣетъ гнѣва, чуждъ зависти и чистъ отъ всякой пагубной страсти, то оче-

видно, что онъ уже выше природы человѣческой и достигнулъ безстрастія Ангеловъ.“ Ѳеодоритъ пишетъ сообразно съ этимъ: „ненавидитъ противозаконное, веселится о томъ, что хорошо.“ Ѳеофилактъ нѣсколько отлично: „не радуется, когда кого оенеправдываютъ, обижаютъ и причиняютъ ему зло; сорадуется же людямъ благоустроеннымъ, тогда, какъ истина благоспѣется, считая то славою для себя.“

Ст. 7. *Вся любитъ*,—στέγει,—покрываетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Любовь *вся покрываетъ*, по своему долготерпѣнію и кротости, что бы ни случилось прискорбное и тяжкое, хотя бы то были обиды, хотя бы побои, хотя бы смерть, или что-нибудь другое подобное. Это можно видѣть изъ примѣра блаженнаго Давида. Что можетъ быть тяжелѣе, какъ видѣть сына, возмутившагося, ищущаго власти и жаждущаго крови своего отца? Но блаженный Давидъ перенесъ и это; онъ не хотѣлъ даже произнести укоризненнаго слова противъ убійцы, а предоставивъ все прочее военачальникамъ, повелѣлъ сохранить его жизнь; такъ крѣпко было у него основаніе любви! Посему и говоритъ Апостолъ: *вся покрываетъ*. Этими словами онъ выражаетъ силу любви.“ Ѳеодоритъ пишетъ: „по любви терпитъ и прискорбное.“ Можно и такъ: στεγή — кровля. Отсюда мысль: любовь служитъ покровомъ для всѣхъ, всѣ прибѣгаютъ къ ней и въ ней находятъ себѣ защиту и прикрытіе отъ всѣхъ невзгодъ. Кровъ даетъ мысль и о прикрытіи: отсюда любовь покрываетъ грѣхи, немощи, недостатки и слабости другихъ; не только не разглашаетъ, но прикрываетъ все то добрымъ словомъ.

Всему вѣру емлетъ. „Любимаго почитаетъ нелживымъ“ (Ѳеод.). „Вѣритъ всему, что ни скажетъ любимый; и не только сама не говоритъ ничего съ хитрымъ лукав-

ствомъ, но не подозрѣваетъ даже, чтобы другой кто говорилъ такъ" (Ѳеоф.).

Вся уповаетъ. Дѣлая добро и встрѣчая неуспѣхъ, не останавливается, но изобрѣтаетъ новые способы, и если эти не приводятъ къ цѣли, берется еще за другіе, и такъ далѣе, воодушевляясь надеждою, что Богъ благословитъ наконецъ этотъ трудъ любви успѣхомъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „если видитъ любимаго склоннымъ къ худому, ожидаетъ въ немъ перемѣны на лучшее." Сама же не сложа руки сидитъ, но употребляетъ съ своей стороны всѣ зависящія средства къ его исправленію, и употребляя ихъ, „не отчаявается, но уповаетъ, что онъ наконецъ возвратится на лучшее" (Ѳеоф.).

Вся терпитъ: всѣ труды, необходимые въ добродѣланіи, поднимаетъ охотно, мужественно преодолѣваетъ препятствія, благодушно переноситъ непріятности, и все, что ни встрѣтится на пути добра, терпитъ, имѣя одну цѣль—дѣлать добро любимому, т.-е. всякому человѣку; терпитъ и самую безуспѣшность въ добрѣ. „Если случится, что любимый не поддается ея заботамъ и остается на своемъ недобромъ пути, благодушно терпитъ его паденія" (Ѳеоф.). „И что бы ни было въ любимомъ, или со стороны его, ничто не можетъ отторгнуть любящаго отъ любви къ нему" (Ѳеод.).

Св. Златоустъ всѣ сіи три: „уповаетъ, вѣритъ, терпитъ," соединяетъ въ одну рѣчь и говоритъ: „не отчаяваясь, ожидаетъ отъ любимаго человѣка всего добраго и, хотя бы онъ былъ худъ, не перестаетъ исправлять его, пещись и заботиться о немъ, и не просто надѣется, но съ увѣренностію, потому что сильно любитъ; и хотя бы сверхъ чаянія не происходило добра, и даже любимый становился бы еще хуже, она переноситъ и это."

Ст. 8. *Любы николиже отпадаетъ.* „Божественный

Павелъ, изобразивъ вышесказанныя свойства любви въ чертахъ частныхъ и примѣтивъ, что языкъ его недостаточенъ къ тому, чтобы восхвалить любовь, вкратцѣ присовокупляетъ: *любы николиже отпадаетъ*, т.-е. не уклоняется, но всегда остается постоянною, неподвижною, пребывающею вѣчно. Ибо сіе даетъ видѣть Апостолъ въ присовокупляемыхъ за симъ словахъ" (Ѳеод.). „Видишь ли, чѣмъ онъ завершилъ изображеніе, и что особенно превосходно въ этомъ дарѣ? То, что она николиже отпадаетъ, т.-е. не прекращается, не ослабѣваетъ отъ того, что терпитъ, потому что любитъ все. Кто любитъ, тотъ никогда не можетъ ненавидѣть, что бы ни случилось: въ этомъ величайшее достоинство любви. Таковъ былъ и самъ Павелъ. Сколько зла дѣлали ему Іудеи! Но это не только не охладило его любви, но еще болѣе возвысило ее до того, что онъ молился отлученнымъ быть отъ Христа по братіи своей (Римл. 9, 3)" (св. Злат.); „или: не престаетъ въ этой жизни, прейдетъ въ вѣкъ будущій и тамъ пребудетъ, хоть все прочее упразднится" (Ѳеоф.).

в).

„Доказавъ превосходство любви тѣмъ, что въ ней имѣютъ нужду и дарованія, и добрыя дѣла, исчисливъ всѣ ея совершенства и показавъ, что она есть основаніе истиннаго любомудрія, Апостолъ еще съ иной, третьей, стороны показываетъ ея достоинство" (св. Злат.).

Ст. 8. *Аще же пророчествія упразднятся, аще ли языцы умолкнутъ, аще разумъ испразднится.*

Это надо читать въ связи съ *николиже отпадаетъ*. Пусть это все случится, а любовь не отпадетъ. На какое время указываетъ здѣсь Апостолъ? Языки умолкли, но даръ пророчества еще дѣйствуетъ въ Церкви и еще очевиднѣе разумъ. И нѣтъ основанія предполагать,

чтобы не было такъ до скончанія вѣка. Потому надо полагать, что Апостолъ разумѣетъ здѣсь вѣкъ будущій. „Будущій вѣкъ не имѣетъ въ семъ (въ сихъ дарахъ) нужды: излишне пророчество, когда самыя вещи на лицо; и знаніе языковъ безполезно по уничтоженіи ихъ различія; прекратится и меньшее вѣдѣніе, когда будетъ преподано большее" (Ѳеод.). „Если пророчества и языки были ниспосланы для вѣры, то съ распространеніемъ ея повсюду употребленіе ихъ уже излишне. Но любовь другъ къ другу не прекратится, а еще болѣе будетъ возрастать и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ, и тогда еще болѣе, нежели теперь. Здѣсь многое ослабляетъ любовь,—деньги, житейскія дѣла, тѣлесныя страсти, душевныя болѣзни; а тамъ не будетъ ничего такого. Впрочемъ въ томъ, что упразднятся пророчества и языки, нѣтъ ничего удивительнаго; а что упразднится знаніе, это кажется страннымъ. Какъ? Неужели мы тогда будемъ жить въ невѣдѣніи? Нѣтъ; тогда-то въ особенности и должно увеличиться знаніе, какъ и онъ сказалъ: *тогда познаю, якоже и познанъ быхъ* (—ст. 12). Посему дабы ты не подумалъ, что и оно упразднится подобно пророчествамъ и языкамъ, онъ послѣ словъ: *аще разумъ испразднится*, не остановился, но показалъ и способъ упраздненія, тотчасъ присовокупивъ" (св. Злат.):

Ст. 9. 10. *Отчасти бо разумѣваемъ, и отчасти пророчествуемъ. Егда же пріидетъ совершенное, тогда, еже отчасти, упразднится.*

„Слѣдовательно упразднится не знаніе, а неполнота знанія; потому что мы будемъ знать не только это, но и гораздо большее. Такъ, поясню это примѣромъ, теперь мы знаемъ, что Богъ есть вездѣ, но какъ — не знаемъ, знаемъ, что Онъ сотворилъ все существующее изъ ничего, а какимъ образомъ — не знаемъ; знаемъ,

что Онъ родился отъ Дѣвы, а какъ—не знаемъ. Тогда же узнаемъ это болѣе и яснѣе" (св. Злат.).

Ст. 11. *Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышляхъ; егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая.*

„Сказавъ, что когда придетъ совершенное знаніе, тогда знаніе отчасти престанетъ, теперь въ поясненіе этого приводитъ примѣръ, которымъ вмѣстѣ показываетъ и то, коль велико разстояніе нынѣшняго знанія отъ тогдашняго. Нынѣ мы, по познанію подобны младенцамъ, а тогда станемъ мужами. *Яко младенецъ глаголахъ,* это сказалъ намекая на даръ языковъ; *яко младенецъ мудрствовахъ,* намекая на даръ пророчества; *яко младенецъ смышляхъ*—на даръ знанія. Словами же: *егда быхъ мужъ, отвергохъ младенческая,* даетъ разумѣть, что въ будущемъ вѣкѣ будемъ имѣть знаніе столь же совершеннѣйшее предъ нынѣшнимъ, сколько совершеннѣе знаніе мужа предъ знаніемъ младенца; тогда упразднится это, младенческому подобное знаніе, которое мы имѣемъ теперь" (Ѳеоф.). „Ибо по достиженіи совершеннаго возраста украшающіеся смѣтливостію и благоразуміемъ не имѣютъ нужды въ отроческомъ знаніи. Итакъ Апостолъ въ настоящей жизни данное намъ знаніе уподобилъ знанію дѣтей, ожидаемое же въ жизни будущей—знанію совершенныхъ мужей, научая опять этимъ не высоко думать о своемъ знаніи тѣхъ, которые разсѣкали церковь изъ-за знанія" (Ѳеод.). Когда говоритъ: *отвергохъ,* то внушаетъ, что изъ теперешнихъ воззрѣній и самыхъ премудрыхъ едвали что останется въ будущемъ вѣкѣ. И земля, и небо будутъ новы; новы условія существованія и взаимныхъ отношеній. Все явится въ другомъ видѣ, въ другомъ смыслѣ и понимаемо будетъ. Имѣющее быть въ будущемъ вѣкѣ предсказывается намъ посредствомъ уподобленій. Какъ

уподобленія берутся изъ вещей сего вѣка, а онъ престанетъ; то такія уподобленія ничего въ настоящемъ видѣ и не даютъ разумѣть, а только гаданія возбуждаютъ. Это вслѣдъ за симъ и говоритъ Апостолъ.

Ст. 12. *Видимъ убо нынѣ якоже зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу; нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ.*

„Тоже объясняетъ Апостолъ и другимъ примѣромъ: *видимъ*, говоритъ, *нынѣ якоже зерцаломъ*. Но такъ какъ зерцало представляетъ видимый предметъ довольно ясно, то онъ присовокупляетъ (якоже, а потомъ): *въ гаданіи*, дабы показать, что настоящее знаніе въ высшей степени неполно“ (св. Злат.). „Настоящее есть тѣнь будущаго; ибо во святомъ крещеніи усматриваемъ образъ воскресенія, а тогда увидимъ самое воскресеніе. Здѣсь видимъ вмѣсто-образная Владычняго тѣла, а тамъ узримъ самого Владыку. Сіе значатъ слова: *лицемъ къ лицу*. Увидимъ же не невидимое Его естество, для всѣхъ незримое, но воспринятое Имъ отъ насъ“ (Ѳеод.). „*Лицемъ къ лицу*, сказалъ Апостолъ, не потому, будто Богъ имѣетъ лице, но чтобы выразить яснѣе и удобопонятнѣе (совершенство тогдашняго знанія предъ нынѣшнимъ). Видишь ли какъ возрастутъ всѣ наши познанія?“ (св. Злат.).

Богъ всегда сокровененъ есть и пребудетъ; не зрятъ Его непосредственно и самыя высшія существа, а только въ проявленіяхъ Его славы. Большаго и совершеннѣйшаго лицезрѣнія Божія не будетъ, какъ то, котораго удостоятся вѣрующіе въ лицѣ Господа Іисуса Христа. Въ этомъ неизреченная къ намъ милость Божія. Онъ всячески хочетъ, чтобы мы узрѣли Его, но какъ прямо этому быть нельзя, то Онъ благоволилъ воплощену быть Единородному Сыну Божію, чтобы достойные могли зрѣть Бога въ очахъ Его. Въ очахъ нашихъ душа ду-

шу видитъ и душа съ душою соединяется. Опытъ имѣемъ въ тѣхъ, кои полюбили другъ друга. Они чувствуютъ, что чрезъ глаза душа будто переливается въ душу. Такъ вѣрующіе чрезъ очи Господа будутъ ближе общиться съ сокровеннымъ Божествомъ. И въ этомъ все ихъ блаженство.

Нынѣ и изъ того, что уже имѣемъ, многое сокровенно, можетъ быть и потому, что многое здѣсь является только въ начаткахъ, тогда же явится, какъ есть. Кто можетъ сказать, въ чемъ обновленіе нашего естества? Но оно есть и есть въ дѣйствіи, идетъ къ концу, зрѣетъ, явится же въ будущемъ вѣкѣ. Почему св. Іоаннъ Богословъ говоритъ: вотъ мы чада; но *не у явися что будемъ* (1 Іоан. 3, 2). Нынѣшнее наше знаніе относительно будущаго похоже на ветхозавѣтное относительно настоящаго. Такъ понимаетъ это св. Златоустъ. „Дабы хотя немного объяснить тебѣ это различіе и ввести въ душу твою хотя нѣкоторый лучъ разумѣнія этого предмета, припомни теперь, когда возсіяла благодать, о временахъ подзаконныхъ. До благодати тогдашнее казалось чѣмъ-то великимъ и удивительнымъ, но послѣ благодати оно стало невелико. Но дабы сказанное мною сдѣлалось болѣе яснымъ, возьмемъ какое-нибудь одно изъ тогдашнихъ священнодѣйствій, и ты увидишь различіе. Представимъ, если хочешь, пасху ветхозавѣтную и новозавѣтную, и ты поймешь преимущество (послѣдней надъ первою). Іудеи совершали ее, но совершали какъ бы въ зерцалѣ и гаданіи; неизреченныхъ же таинъ они даже и на умѣ никогда не имѣли, и не знали, что прообразовали ихъ дѣйствія; они видѣли закланнаго агнца, кровь безсловеснаго и помазанныя ею двери; а что воплотившійся Сынъ Божій будетъ закланъ, избавитъ всю вселенную, дастъ въ снѣдь Грекамъ и варварамъ Кровь Свою, отверзетъ

для всѣхъ небо, предложитъ тамошнія блага человѣческому роду, вознесетъ окровавленную плоть выше неба и неба небесъ и вообще выше всѣхъ горнихъ воинствъ, Ангеловъ, Архангеловъ и прочихъ Силъ и посадитъ ее на самомъ царскомъ престолѣ одесную Отца въ сіяніи неизреченной славы, этого никто изъ нихъ тогда и не могъ представить въ умѣ своемъ.“

Что значатъ слова: *тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ?* И этимъ тоже объясняется высшая мѣра будущаго вѣдѣнія сравнительно съ настоящимъ. Тогдашнее *познаю, якоже познанъ быхъ* замѣнитъ нынѣшнее: *разумѣю отчасти*. Слѣдовательно *якоже познанъ быхъ* объясняетъ мѣру тогдашняго знанія. Ибо это уже совершившееся дѣло. Въ чемъ же оно?—Что за смыслъ въ словахъ: *якоже познанъ быхъ?* Св. Златоустъ говоритъ: „какъ Онъ Самъ напередъ позналъ меня и Самъ снизшелъ ко мнѣ, такъ и я достигну до Него тогда гораздо больше, нежели теперь. Сидящій во мракѣ, прежде нежели увидитъ солнце, не самъ приходитъ къ прекраснымъ лучамъ его, но они являютъ ему себя, когда засіяютъ; а когда онъ приметъ сіяніе ихъ, тогда уже и самъ стремится къ свѣту. Такой же смыслъ въ словахъ: *якоже и познанъ быхъ*, не тотъ, будто мы познаемъ Его такъ, какъ Онъ насъ, но какъ Онъ Самъ снизшелъ къ намъ нынѣ, такъ и мы достигнемъ до Него тогда, узнаемъ многое такое, что нынѣ сокровенно, и сподобимся блаженнѣйшей бесѣды и премудрости.“

Θеодоритъ же понимаетъ это такъ: „Не то говоритъ Апостолъ, что познаю Его, какъ самъ Имъ познанъ; но, что опредѣленнѣе узрю Его, какъ содѣлавшійся Ему своимъ. Ибо слово: *познанъ* употребилъ Апостолъ вмѣсто слова: присвоенъ. Такъ и Моvсею сказалъ Господь: *вѣмъ тя паче всѣхъ* (Исх. 33, 17), и Апостолъ говоритъ: *позна Господь сущая Своя* (2 Тим. 2, 19),

т.-е. удостоиваетъ ихъ большаго промышленія." Не разъ употребилъ Апостолъ сіе слово,—и все оно темновато. Вѣрно и это принадлежитъ къ предметамъ, кои тогда познаны будутъ въ совершенной ясности.

Ст. 13. *Нынѣ же пребываютъ вѣра, надежда, любы, три сія; больши же сихъ—любы.*

Св. Златоустъ говоритъ: „здѣсь новая похвала любви. Не довольствуясь прежде сказаннымъ, Апостолъ старается найти въ ней еще нѣчто иное. Смотри: онъ сказалъ, что любовь есть великій даръ и путь къ дарамъ превосходнѣйшій; сказалъ, что безъ нея дарованія не приносятъ большой пользы; написалъ ея изображеніе обильными чертами, а теперь хочетъ наипаче возвысить ее и показать величіе ея тѣмъ, что она не прекращается. *Нынѣ же*, говоритъ, *пребываютъ вѣра, надежда, любы, три сія: больши же сихъ — любы.* Почему же любовь больше? Потому что тѣ преходятъ. Вѣра и надежда прекращаются,—когда являются блага, составляющія предметъ вѣры и надежды." Тоже пишетъ и Ѳеодоритъ: „Въ будущей жизни излишня вѣра, когда явными содѣлаются самыя вещи. Если *вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе* (Евр. 11, 1), то, по явленіи самыхъ вещей, нѣтъ уже потребности въ вѣрѣ. Также излишня тамъ и надежда. Ибо *упованіе видимое нѣсть упованіе: еже бо видитъ кто, что и уповаетъ* (Римл. 8, 24)? Но любовь тамъ паче имѣетъ силу, когда упокоятся страсти, тѣла сдѣлаются нетлѣнными, а души не будутъ избирать нынѣ то, а завтра другое."

Ѳеофилактъ сопоставляетъ сіи добродѣтели съ дарами благодатными и говоритъ: „есть теперь пока и пророчества, и языки, потому что они необходимы для утвержденія вѣры. Но когда вѣра распространится всюду и утвердится, тогда дары тѣ прекратятся, а пребудутъ: вѣра, надежда и любовь, пребудутъ до скон-

чанія вѣка. По скончаніи же вѣка, вѣра и надежда престанутъ, а любовь перейдетъ и въ будущій вѣкъ.“

Новые толковники полагаютъ, что Апостолъ о всѣхъ трехъ добродѣтеляхъ говоритъ, что онѣ не только въ этомъ вѣкѣ переживутъ всѣ дары, но и въ будущій вѣкъ перейдутъ тоже всѣ три: будутъ тамъ свои предметы и для вѣры, и для надежды, а не для одной любви. Тогда увидимъ; а дотолѣ будемъ держаться святоотеческаго толкованія, по которому вѣра теперешняя перейдетъ въ созерцаніе вѣруемаго, а надежда — въ обладаніе уповаемымъ, любовь же пребудетъ любовію, какъ есть. Если вѣра и надежда получатъ другіе предметы, то хоть и будутъ онѣ, но не тѣ, кои здѣсь оживляютъ насъ и воодушевляютъ. Нечего слѣдовательно и мудрить.

3).

Объ употребленіи дара пророчества и языковъ

гл. 14.

Цѣль Апостола въ этой главѣ—расположить Коринѳянъ и искать и въ собраніяхъ употреблять болѣе даръ пророчества, нежели даръ языковъ. Съ этою цѣлію а) сначала убѣждаетъ ихъ въ преимуществѣ дара пророчества предъ даромъ языковъ (14, 1—25), потомъ б) пишетъ правила объ употребленіи того и другаго въ Церкви (26—38), наконецъ в) ставитъ краткое заключеніе всего разсужденія о сихъ дарахъ (39, 40).

а).

Превосходство дара пророчества предъ даромъ языковъ

14, 1—25.

Ходъ мыслей здѣсь такой: аа) пророчествуяй болій есть, нежели глаголяй языки, потому что тотъ церковь назидаетъ, а этотъ только себя, 1—5.

бб) Но если такъ станемъ дѣйствовать, что будемъ только себя созидать, то какъ устроится спасеніе міра? Вотъ я Апостолъ, еслибъ пришедши къ вамъ началъ говорить на непонятномъ вамъ языкѣ, кто бы увѣровалъ? Это тоже было бы, какъ еслибъ военачальникъ давалъ трубою знакъ, котораго изъ воиновъ никто не понимаетъ. Воины не двинулись бы съ мѣста. Такъ и я никого бы изъ васъ не обратилъ (6—11).

вв) Такъ и вы ищите даровъ, полезныхъ Церкви, разумѣю—даръ пророчества. Если уже кто имѣетъ даръ языковъ, то пусть молится, чтобъ ему даровано было и сказаніе языковъ. Тогда моляся духомъ, онъ станетъ потомъ молиться и умомъ внятно для другихъ, оттого и духъ его и умъ съ плодомъ будутъ (12—19).

гг) А безъ этого употреблять даръ языковъ въ Церкви, когда его никто не понимаетъ, есть младенчество, дѣйствующее безъ цѣли (ст. 20); есть дѣйствованіе, безъ соображенія съ тѣми, передъ кѣмъ дѣйствуютъ; ибо на языкахъ говорить надо къ невѣрующимъ, а тутъ все вѣрующіе (ст. 21 — 22); есть поступокъ могущій вести къ посмѣянію вѣрныхъ и къ ущербу вѣры (23—25).

Всѣмъ этимъ Апостолъ убѣждаетъ и склоняетъ отдать преимущество дару пророчества и его взыскать, и отказаться отъ высокаго мнѣнія о дарѣ языковъ, признавъ его ошибочнымъ.

аа).

Ст. 1. *Держитеся любве: ревнуйте же духовнымъ, паче же да пророчествуете.*

Держитеся, — διώκετε, гоните, стремитесь, усильно ищите любви.—*Ревнуйте,*—ищите усердно и *духовныхъ* даровъ, и изъ нихъ наиболѣе того, чтобы пророчествовать. Пророчествовать значитъ по движенію Духа Бо-

жія вести рѣчь къ вѣрующимъ въ назиданіе имъ на понятномъ имъ языкѣ. Предметомъ ея могли быть и догматъ, и нравоученіе, и утѣшеніе, и молитвенное славословіе, и собственно пророчество. Этого дара искать преимущественно внушаетъ св. Павелъ, — предъ чѣмъ не сказываетъ, но изъ слѣдующихъ за симъ словъ видно, что предъ даромъ языковъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Обстоятельно показавъ все достоинство любви, Апостолъ наконецъ убѣждаетъ ихъ ревностно достигать ея; посему и говоритъ: *держитеся.* гоните. Нужно гнаться за нею и усильно стремиться къ ней; такъ она улетаетъ отъ насъ, и столько препятствій стремленію къ ней! Посему намъ нужны великія усилія, чтобы достигнуть ея. Дабы выразить это, Павелъ не сказалъ: ищите любви, но: гонитесь за любовію, побуждая насъ и воспламеняя къ ея достиженію. Ибо она часто удаляется отъ насъ; потому что мы обращаемся съ нею не надлежащимъ образомъ и готовы предпочитать ей все другое. Далѣе, дабы не подумали, будто онъ велъ рѣчь о любви для того, чтобы унизить дарованія, присовокупляетъ: *ревнуйте же духовнымъ, паче же да пророчествуете.*“

Мысль его такая: „поелику любовь есть достояніе столько великое, то пріобрѣтеніе ея почитайте дѣломъ великимъ; не оставайтесь однакожъ въ нерадѣніи и о духовныхъ дарованіяхъ, и предпочтительно другимъ возлюбите пророчество. Очевидно, Апостолъ снова смиряетъ высокомѣріе величавшихся дарованіемъ языковъ“ (Ѳеод.).

Ст. 2. *Глаголяй бо языки, не человѣкомъ глаголетъ, но Богу; никтоже бо слышитъ, духомъ же глаголетъ тайны.*

Глаголяй языки, — кто говоритъ на языкѣ неизвѣстномъ для собравшихся въ церковь, — *не человѣкомъ гла-*

голетъ, не для этихъ людей говоритъ; для нихъ это совсѣмъ сторонняя рѣчь; они и не догадываются, для нихъ ли говорится что, а можетъ быть и говорившій въ мысли не имѣлъ сказать что-либо имъ, а такъ говорилъ только потому, что пришло движеніе говорить, которымъ однакожъ онъ могъ управлять, — *но Богу*, всевидящему и слышащему самое сокровенное, то, что происходитъ и говорится въ умѣ и сердцѣ, — Богъ одинъ его понимаетъ, *никтоже бо слышитъ*; слышатъ, да не понимаютъ, все одно, что не слышатъ, слова его не входятъ въ ухо и чрезъ ухо въ умъ, а совнѣ бьютъ ухо, не сообщаясь внутрь; *слышать* здѣсь—внять и разумѣть.—*Духомъ же глаголетъ тайны*, или Духомъ Божіимъ движимый, или самъ въ себѣ, въ своемъ духѣ и самому себѣ, своему духу (Экум.), говоритъ тайны, то, что сообщилось его духу, тайны вѣры и жизни, сокровенное для другихъ. Рѣчь Апостола такова, что она и дара не уничижаетъ, но пользующагося имъ не какъ слѣдуетъ ведетъ къ вразумленію. „То и другое вмѣстѣ производитъ онъ. Коринѳянъ обвиняетъ въ любочестіи и даетъ видѣть потребность дарованія. Оно дано проповѣдникамъ по причинѣ разныхъ языковъ у людей, чтобы пришедши къ Индамъ, предлагали божественную проповѣдь, говоря ихъ языкомъ, а тоже бесѣдуя съ Персами, Скиѳами, Римлянами и Египтянами, проповѣдали имъ Евангельское ученіе на языкѣ каждаго народа. Посему бесѣдующимъ въ Коринѳѣ излишнимъ дѣломъ было говорить на языкахъ скиѳскомъ, или персидскомъ, или египетскомъ, которыхъ не могли Коринѳяне понимать“ (Ѳеод.). „Коринѳяне много превозносились даромъ языковъ и считали его великимъ дарованіемъ,—считали великимъ потому, что Апостолы получили его прежде всего и съ такою торжественностію. Но это не дѣлало его превосходнѣе другихъ.

Апостолы почему получили его прежде всего? Потому что должны были ходить повсюду. Какъ во время столпотворенія одинъ языкъ раздѣлился на многіе, такъ тогда (во время Апостоловъ) многіе языки часто принадлежали одному человѣку, и одинъ и тотъ же говорилъ на многихъ языкахъ, по внушенію Духа. Такое дарованіе называлось даромъ языковъ. Смотри, какъ Апостолъ и смиряетъ его и возвышаетъ; словами: *не человѣкомъ глаголетъ, никтоже бо слышитъ,* смиряетъ, показывая, что это дарованіе не безусловно полезно, а словами: *Духомъ глаголетъ тайны,* опять возвышаетъ, дабы оно не показалось излишнимъ, безполезнымъ и напрасно даннымъ" (св. Злат.). Ибо изъ сихъ словъ выходитъ, что хотя непонятно для другихъ, но все же онъ говоритъ тайны Божіи и говоритъ Духомъ.

Ст. 3. *Пророчествуяй же, человѣкомъ глаголетъ созиданіе и утѣшеніе и утвержденіе.*

Пророчествуяй, кто говоритъ тоже по движенію Духа Божія, говоритъ тайны же Божіи, но понятно для людей слышащихъ, тотъ не себѣ одному говоритъ и Богу, но и человѣкамъ, и пользу имъ духовную приноситъ— созиданіе, утѣшеніе, утвержденіе. *Созиданіе*—οἰκοδομή, вообще доброе настроеніе духа возставляетъ внутри, по всѣмъ частямъ, или преимущественно по нравственной; *утѣшеніе*—παράκλησις, увѣщаніе, убѣжденіе, уговореніе, польза умовая; *утвержденіе* — παραμυθία, собственно утѣшеніе, умиротвореніе сердца, уврачеваніе его болѣзней. „Видишь-ли, съ которой стороны онъ доказываетъ превосходство этого дарованія? Со стороны его общеполезности. И вездѣ онъ предпочитаетъ то, что приноситъ пользу многимъ. А тѣ, скажи мнѣ, развѣ не людямъ говорили? Людямъ; но не въ назиданіе, не въ увѣщеніе, не въ утѣшеніе. Имѣть вдохновеніе отъ Духа одинаково свойственно обоимъ, и

пророчествующему и говорящему языками; но первый, т.-е. пророчествующій, имѣетъ преимущество предъ послѣднимъ въ томъ, что онъ еще полезенъ слушателямъ. Говорящихъ языками не слышали и не понимали не имѣвшіе сего дара“ (св. Злат.).

Ст. 4. *Глаголяй бо языки, себе зиждетъ, а пророчествуяй, церковь зиждетъ.*

Говорящій языками только самъ себя понимаетъ; потому себя только и назидаетъ, а пророчествующаго всѣ находящіеся въ Церкви понимаютъ, всѣ и назидаются. А въ этомъ и цѣль даровъ. Они даются на потребу Церкви, или на умноженіе членовъ ея чрезъ обращеніе ихъ къ вѣрѣ, къ чему служитъ и даръ языковъ, или на созиданіе увѣровавшихъ, къ чему служитъ преимущественно даръ пророческій, проповѣдническій. Нѣкоторые полагаютъ, что говорившіе на языкахъ и сами себя не понимали; но какъ бы они назидали себя, еслибъ не понимали себя? „Апостолъ бесѣдуетъ о тѣхъ, которые знали, что говорили,—знали сами, но другимъ передать не могли“ (св. Злат.). Пророчествующій какъ назидалъ другихъ? И вообще раскрытіемъ таинствъ вѣры и жизни, или иногда и частнѣе „чрезъ откровеніе помысловъ и обнаруженіе тайно совершающагося“ (Ѳеод.). Этого рода рѣчи должны были всѣхъ содержать въ строгомъ къ себѣ вниманіи, изъ опасенія пристыжденія при всѣхъ. Пусть не всегда, а изрѣдка это бывало; да хоть и однажды только, и это не могло не держать всѣхъ въ бодренности. Отсюда исходило назиданіе, не на одинъ моментъ, а на всю жизнь. Сличивъ пользы отъ того и другаго дара, увидимъ, что „какое различіе между однимъ и церковію, такое же различіе и между сими дарами. Видишь ли, какъ Апостолъ не обращаетъ этого дара въ ничто, а показываетъ, что онъ хотя приноситъ пользу, но малую,

ограничивающуюся только тѣмъ, кто обладаетъ имъ“ (св. Злат.).

Ст. 5. *Хощу же всѣхъ васъ глаголати языки, паче же да прорицаете: болій бо пророчествуяй, нежели глаголяй языки, развѣ аще (кто) сказуетъ, да церковь созиданіе пріемлетъ.*

Поелику много было говорящихъ языками въ Коринѳѣ, то Апостолъ точнѣе опредѣляетъ мысль свою о сравнительномъ достоинствѣ даровъ. Я не гонитель, говоритъ, дара языковъ: дай Богъ вамъ всѣмъ говорить на языкахъ; но разсуждаю о томъ, что лучше, и лучшаго вамъ желаю, именно, *да прорицаете*. Пророчествующій больше говорящаго языками. Большаго и желаю вамъ. Больше тотъ этого, судя по пользѣ, какую доставляетъ онъ Церкви. Только въ такомъ случаѣ говорящій языками будетъ стоять наравнѣ съ пророчествующимъ, когда будетъ изъяснять на понятномъ языкѣ то, что говоритъ на непонятномъ. Ибо тогда и онъ будетъ одинаково съ тѣмъ назидать Церковь. Одинаковость пользы уравняетъ ихъ, а безъ того послѣдній не можетъ идти въ сравненіе съ первымъ. Св. Златоустъ говоритъ: „выраженія *паче* и *болій* означаютъ не противоположность, а преимущество. Апостолъ не порицаетъ дарованія, но руководитъ слушателей къ лучшему, показывая свое о нихъ попеченіе. И этому дару онъ готовъ дать одобреніе, *аще сказуетъ*, — если обладающій имъ будетъ способенъ и къ этому, т.-е. къ истолкованію; тогда, говоритъ, онъ дѣлается равнымъ пророку, потому что тогда многіе получаютъ пользу. Надобно особенно замѣтить, какъ онъ во всемъ ищетъ пользы прежде всего.“ Ѳеофилактъ прибавляетъ: „если можетъ и истолковывать свою рѣчь, въ такомъ случаѣ говорящій языками равенъ пророчествующему. Ибо и онъ тогда назидаетъ Церковь по-

средствомъ истолкованія того, что невнятно сказано языкомъ. И сказаніе языкомъ было дарованіе, которое инымъ изъ говорящихъ языками было даваемо, а инымъ не было даваемо." Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ ясно далъ видѣть, почему сказалъ: *паче*. Я не умаляю, говоритъ, дарованія, но ищу болѣе полезнаго. Когда нѣтъ переводчика сказующаго, тогда лучше пророчество; потому что отъ него больше пользы."

6б).

Затѣмъ пространно объясняетъ Апостолъ, какъ не толково говорить къ другимъ, когда никто не понимаетъ. Дѣлаетъ это потому, что на этомъ основывается все его увѣщаніе и всѣ распоряженія относительно употребленія сихъ даровъ. Только пойми хорошо, какъ это нелѣпо, и уже не станешь впадать въ подобную погрѣшность.

Ст. 6. *Нынѣ же, братіе, аще пріиду къ вамъ языки глаголя, кую вамъ пользу сотворю, аще вамъ не глаголю или во откровеніи, или въ разумѣ, или въ пророчествіи, или въ наученіи?*

Приводитъ имъ на память, какъ былъ у нихъ, и несмотря на то, что паче всѣхъ говорилъ языками, велъ рѣчь къ нимъ на ихъ языкѣ, а не на чужомъ. Этимъ очень ихъ остепеняетъ и вразумляетъ. Оборотъ же рѣчи далъ, будто предполагая только возможный случай. Еслибъ, говоритъ, я самъ пришелъ къ вамъ и сталъ говорить языками, не было бы пользы; а онъ уже былъ у нихъ, и они знаютъ, какъ онъ держалъ у нихъ бесѣды. Онъ внушаетъ, будто: еслибъ и я самъ такъ дѣйствовалъ у васъ, и тогда не похвалилъ бы такого образа дѣйствованія. Слова: *аще вамъ не глаголю*, и пр., не то значатъ, что на языкахъ не сообщается ни откровеніе, ни разумъ и ничто другое: все это могъ пред-

лагать и говорящій языками; но то, что хотя бы все это и содержалось въ моей рѣчи, вы не получили бы ни откровенія, и ничего подобнаго, потому что говоря вамъ на непонятномъ языкѣ, я тоже что не говорилъ бы ничего такого. „Смыслъ словъ его слѣдующій: если я не скажу вамъ чего-либо такого, что можетъ быть для васъ понятнымъ и яснымъ, а только покажу, что я имѣю даръ языковъ, то выслушавъ языки, вы отойдете, не получивъ никакой пользы; ибо какая польза отъ словъ, которыхъ вы не понимаете?“ (св. Злат.).

Слова: *откровеніе, разумъ, пророчество, наученіе* даютъ разумѣть, что предлагали въ рѣчи своей пророчествующіе, а подобно имъ и говорившіе языками, когда истолкованіе сопровождало ихъ рѣчь; слѣдовательно все, чѣмъ назидалась Церковь. Потому точное ихъ опредѣленіе желательно. Св. Златоустъ не касается сего. Ѳеодоритъ пишетъ вообще: „какую принесу вамъ пользу, если не преподамъ ученія, открывая вамъ сокровенныя тайны, путеводя къ божественному, и предлагая приличные для васъ совѣты?“ Ѳеофилактъ объясняетъ сіи слова полно: *„въ откровеніи*, т.-е. то, что обычно говорить получающимъ откровенія отъ Бога, куда относится и то, если въ присутствіи всѣхъ открываемы бываютъ помышленія каждаго; *въ разумѣ*, т.-е. то, что могутъ говорить имѣющіе вѣдѣніе и излагающіе слушающимъ тайны Божіи; *въ пророчествѣ*, т.-е. сказывая то, что было, есть и будетъ: пророчество всеобъемлющѣе откровенія; *въ наученіи*, т.-е. въ видѣ учительнаго слова, когда идетъ бесѣда о добродѣтели, о догматахъ.“

Ст. 7. *Обаче бездушная гласъ дающая, аще сопѣль, аще гусли, аще разнствія писканіемъ не дадятъ, како разумно будетъ писканіе или гуденіе?*

„Что я говорю, продолжаетъ Апостолъ, что это без-

полезно у насъ, и что полезно только ясное и понятное для слушателей? То же можно видѣть и на бездушныхъ музыкальныхъ орудіяхъ; если, напр., будешь дуть въ свирѣль, или ударять въ гусли безъ надлежащей стройности и согласія, но смѣшанно и безпорядочно, то не доставишь удовольствія никому изъ слушателей; ибо и отъ нечленораздѣльныхъ орудій требуется нѣкоторая ясность, и если будешь ударять въ гусли, или дуть въ свирѣль безъ искусства, то не сдѣлаешь ничего. Если же отъ бездушныхъ вещей мы требуемъ такой ясности, стройности и раздѣльности, если безсмысленнымъ звукамъ мы стараемся и усиливаемся придать великое значеніе, то тѣмъ болѣе требуется удобовразумительность отъ одушевленныхъ и разумныхъ людей и духовныхъ дарованій" (св. Злат.).

Ст. 8. *Ибо аще безвѣстенъ гласъ труба дастъ, кто уготовится на брань?*

„Отъ вещей не необходимыхъ Апостолъ переходитъ къ необходимѣйшимъ и полезнѣйшимъ и говоритъ, что можно видѣть тоже не только на гусляхъ, но и на трубѣ. Ибо и отъ нея бываютъ стройные звуки, означающіе то войну, то что-нибудь другое, то призывъ къ нападенію, то къ отступленію; и кто не знаетъ этого, тотъ подвергается крайней опасности. Дабы объяснить это и указать эту опасность, онъ и говоритъ: *кто уготовится на брань?* А кто не дѣлаетъ этого, тотъ погубляетъ все" (св. Злат.).

Ст. 9. *Тако и вы аще не благоразумно слово дадите языкомъ, како уразумѣется глаголемое? Будете бо на воздухъ глаголюще.*

Не благоразумно слово,—μὴ ἔυσημον,—слово яснаго значенія не имѣющее, непонятное. Если, говоритъ, вы будете говорить такими словами, кто васъ пойметъ? Вы будете говорить на воздухъ. „Ибо когда присут-

ствующіе не понимаютъ, слова напрасно разливаются въ воздухѣ“ (Ѳеод.). „Т.-е., вы не скажете ничего, будете говорить ни для кого“ (св. Злат.). Какъ военная труба, если протрубитъ невнятно, звукъ ея пронесется въ воздухѣ, а изъ воиновъ никто ни съ мѣста, такъ и ваши слова на чужомъ языкѣ сказанныя и непонятныя. Какъ будто этимъ намекается: хотите, чтобъ труба слова вашего, на чужомъ языкѣ произносимаго. не на воздухъ издавала звуки? Соединяйте его съ истолкованіемъ своимъ, или чрезъ другаго. Ѳеодоритъ пишетъ: „что для гуслей стройная мѣрность и для трубы военный знакъ, то для языковъ *сказаніе*.“ Ту же мысль наводитъ и св. Златоустъ: „чтобы даръ языковъ полезенъ былъ и другимъ, для того нужно соединять съ нимъ истолкованіе. Хорошъ и необходимъ этотъ даръ, но тогда, когда кто-нибудь и объяснитъ сказанное. Не обнаружится искусство, если не будетъ вещества; не образуется и вещество, если ему не будетъ сообщена форма. Поставь же голосъ на мѣсто вещества, а ясность (понятность) на мѣсто формы, безъ которой не можетъ быть никакой пользы отъ вещества.“ Это говоритъ онъ объ истолкованіи слова, на чужомъ языкѣ сказаннаго.

Ст. 10. *Толики убо, аще ключится, роди гласовъ суть въ мірѣ, и ни единъ ихъ безгласенъ.*

Роди гласовъ—языковъ и нарѣчій. Безгласенъ—немертвый, небезмолвный. На всѣхъ ихъ говорятъ и сообщаютъ другъ другу свои мысли: „Столько языковъ, столько нарѣчій, Скиѳовъ, Ѳракіанъ, Римлянъ, Персовъ, Мавровъ, Индійцевъ, Египтянъ, и многихъ другихъ народовъ!“ (св. Злат.). Говорятъ одноязычные съ одноязычными, вы же чего ради между своими говорите не знать на какомъ нарѣчіи? И себя для нихъ вы дѣлаете чужими, и ихъ для себя.

Ст. 11. *Аще убо не увѣмъ силы гласа, буду глаголющему иноязычникъ; и глаголющій, мнѣ иноязычникъ.*

Не увѣмъ силы гласа,—не буду понимать языка того, кто ко мнѣ обращаетъ рѣчь, то я для него чужестранецъ, — βάρβαρος, и онъ для меня такой же. Говоря непонятно, вы сдѣлали то, что зашли будто въ чужую сторону и вращаетесь среди инородныхъ, и себя сдѣлали для нихъ такими же: не понимая рѣчи вашей, и другіе васъ въ правѣ считать инородцами. Вотъ какая выходитъ нелѣпость! (мысль Фотія у Экум.). „Говоря это, я не порицаю языка, но показываю, что онъ безполезенъ для меня, пока бываетъ неясенъ. Замѣть, какъ онъ вездѣ старается показать, что самый даръ не заслуживаетъ порицанія, а переноситъ вину на получившихъ его" (св. Злат.).

вв).

Ст. 12. *Тако и вы, понеже ревнители есте духовомъ, (яже) къ созиданію Церкве просите (ищите), да избыточествуете.*

Ревнители духовомъ,—т.-е. духовныхъ даровъ. Вторую половину текста надо представить такъ: ищите, да избыточествуете тѣмъ, что служитъ къ созиданію Церкви. Ревнуете, говоритъ, о духовныхъ благодатныхъ дарахъ? Хорошо, ревнуйте; но ищите такихъ, какими бы Церковь назидалась. „Видишь ли всегдашнюю его цѣль, какъ онъ постоянно и во всемъ имѣетъ въ виду одно, нужду многихъ, пользу Церкви, поставляя это какъ-бы какимъ правиломъ? И не сказалъ: ищите, дабы вамъ получить дарованія, но: *да избыточествуете*" (св. Злат.).

Ст. 13. *Тѣмже глаголяй языкомъ, да молится, да сказуетъ.*

Да молится, да сказуетъ, пусть молится, чтобъ получить даръ и истолкованія того, что онъ говоритъ на

чужомъ языкѣ. „Проси, говоритъ Апостолъ, Даровавшаго тебѣ дарованіе языковъ приложить и дарованіе сказанія, чтобы могъ ты принести пользу Церкви" (Ѳеод.). „Апостолъ показываетъ, что отъ нихъ зависитъ получить дарованіе: *да молится*, говоритъ, т.-е. пусть приложитъ то, что въ его власти. Ибо если усердно будешь просить, то получишь. Итакъ проси, чтобы тебѣ имѣть не одинъ только даръ языковъ, но и даръ истолкованія, дабы тебѣ быть полезнымъ для всѣхъ, а не заключать дара въ одномъ себѣ" (св. Злат.).

Ст. 14. *Аще бо молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть.*

„Духомъ называетъ Апостолъ дарованіе, а умомъ изъясненіе сказаннаго" (Ѳеод.). Умъ плодъ имѣетъ, когда понимая что, передаетъ то другимъ, и тѣмъ пользу имъ доставляетъ. Сія польза—плодъ ума. На языкахъ чужихъ говоря, предлагали все, сказанное выше, и откровеніе, и разумъ, и пророчество, и наученіе, а нерѣдко и молитву. Духъ мой, говоритъ Апостолъ въ лицѣ всякаго говорящаго языками, духъ мой, Духомъ Божіимъ возбужденный, молится на чужомъ языкѣ, даръ Божій при этомъ въ дѣйствіи, онъ свое дѣло исправляетъ, но умъ мой при этомъ остается безъ плода, потому что не передаетъ другимъ на понятномъ языкѣ того, что самъ пріемлетъ отъ Духа Божія. Еслибъ я это дѣлалъ, приносилъ бы пользу другимъ, и тогда умъ мой не былъ бы безъ плода. „Плодомъ для говорящаго служитъ польза слушающихъ. Сіе сказалъ Апостолъ и въ посланіи къ Римлянамъ: *да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцѣхъ* (Римл. 1, 13). Посему бесѣдуя на другомъ языкѣ, и не предлагая присутствующимъ истолкованія, не буду имѣть никакого плода, потому что они не получатъ никакой пользы" (Ѳеод.). Говоря о молитвѣ на языкѣ, Апостолъ беретъ только

примѣръ, а разумѣетъ вообще говореніе на языкахъ. „Если я говорю языкомъ, а въ то же время не истолковываю, то духъ мой,—душа моя сама по себѣ, получаетъ пользу, а умъ мой — безъ плода есть, потому что другимъ не приноситъ пользы“ (Ѳеоф.).

Ст. 15. *Что убо есть? Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ; воспою духомъ, воспою же и умомъ.*

Что убо? Итакъ какъ же быть? Какъ поступать? Надобно сдѣлать такъ, чтобъ и на языкѣ чужомъ, по движенію Духа, молиться и пѣть, и потомъ то же самое дѣлать и на языкѣ понятномъ. Какъ же это сдѣлать? Это уже указалъ Апостолъ: или другой кто пусть истолковываетъ, или самъ испроси себѣ такого дара. Такъ блаженный Ѳеодоритъ: „Апостолъ говоритъ, что бесѣдующему на иномъ языкѣ, въ псалмопѣніи ли то, въ молитвѣ ли, въ ученіи ли, надлежитъ, или самому быть переводчикомъ къ пользѣ слушающихъ, или другаго, способнаго на это, брать въ сотрудники къ ученію.“

Ст. 16. *Понеже аще благословиши духомъ, исполняяй мѣсто невѣжды како речетъ аминь, по твоему благодаренію? Понеже не вѣсть, что глаголеши.*

Невѣждою — ἰδιώτης, называетъ Апостолъ простеца мірянина. „Смыслъ словъ его такой: если ты будешь благословлять на языкѣ иностранномъ, не умѣя истолковать того, то мірянинъ не можетъ отвѣтить: *аминь;* ибо не слыша (не понимая) окончательныхъ словъ: *во вѣки вѣковъ,* онъ не скажетъ: *аминь*“ (св. Злат.). Это наводитъ на мысль, что виновными въ неразумномъ употребленіи дара были сами предстоятели, которымъ ввѣрено было назидать и блюсти вѣрующихъ. Замѣчательно также указаніе, что и міряне принимали участіе въ молитвѣ церковной. Всѣмъ нельзя было, говоритъ, молиться; но одни говорили молитвы, потому что Богъ давалъ имъ молитву, а другіе внимали молитвѣ той, и

согласіе свое съ нею изрекали словомъ: аминь,—да будетъ такъ, доказывая тѣмъ, что съ молитвою предстоятеля молилось и ихъ сердце.

Ст. 17. *Ты убо добрѣ благодариши, но другій не созидается.*

„Чтобъ не показалось, будто онъ унижаетъ самый даръ языковъ, онъ говоритъ: *ты убо добрѣ благодариши*, ибо говоришь по внушенію Духа, но тотъ, кто ничего не понимаетъ изъ сказаннаго, стоитъ, не получая никакой пользы" (св. Злат.). „Знаю, что вдохновенный Божіею благодатію, пѣснословишь ты Бога; но незнающій языка не понимаетъ произносимаго" (Ѳеод.). Польза ограничивается однимъ тобою. Ты ее можешь получить и моляся молча, самъ въ себѣ.

Ст. 18. *Благодарю Бога моего, паче всѣхъ васъ языки глаголя.*

„Дабы не подумали, будто онъ унижаетъ ихъ потому, что самъ лишенъ сего дара, онъ говоритъ: *паче всѣхъ васъ говорю—языками*. Посему не превозноситесь, будто вы одни имѣете этотъ даръ; и я имѣю его, и притомъ гораздо больше васъ" (св. Злат.). Какъ дѣйствовалъ Апостолъ въ кругу вѣрующихъ, они знали это; но о его дарѣ языковъ можетъ быть и не знали, если онъ безъ нужды не употреблялъ его, а случая нужнаго не представлялось въ бытность его среди ихъ. Потому упоминаніе объ этомъ не было неумѣстно; но на Коринѳянъ оно должно было подѣйствовать крайне вразумительно. Ибо они не могли не видѣть въ Апостолѣ примѣръ для подражанія.

Ст. 19. *Но въ Церкви хощу пять словесъ умомъ моимъ глаголати, да и ины пользую, нежели тмы словесъ языкомъ.*

„Прежде васъ сподобился я сего дарованія; чрезъ меня и вы пріяли благодать сію. Однакоже, заботясь о пользѣ многихъ, ясное ученіе предпочитаю неясному" (Ѳеод.).

„Что значитъ: *умомъ моимъ глаголати, да и ины пользую?* Говорить то, что понимаю, что могу истолковать и другимъ, говорить внятно и поучать слушателей. *Нежели тмы словесъ языкомъ.* Почему? *Да и ины пользую,* говоритъ. Первое доставляетъ только внѣшнюю славу, а послѣднее—великую пользу. Вездѣ онъ ищетъ одного—общей пользы. Хотя даръ языковъ былъ необыкновеннымъ, а даръ пророчества обыкновеннымъ, древнимъ, и принадлежалъ уже многимъ, между тѣмъ какъ тотъ сталъ извѣстенъ тогда въ первый разъ, однако Павелъ считалъ его не очень вожделѣннымъ для себя, и даже не пользовался имъ, не потому, чтобы не имѣлъ его, но потому что искалъ полезнѣйшаго. Онъ былъ чуждъ всякаго тщеславія и имѣлъ въ виду только одно, какъбы сдѣлать лучшими слушателей. Потому онъ и могъ видѣть полезное и для себя и для другихъ, что былъ свободенъ отъ тщеславія; а кто поработилъ себя этой страсти, тотъ не можетъ видѣть полезнаго не только для другихъ, но и для себя“ (св. Злат.).

гг).

Довольно уже доказалъ свою мысль Апостолъ, что не должно въ церкви употреблять дара языковъ, когда никто не понимаетъ того языка; теперь собираетъ еще нѣсколько представленій, чтобъ совсѣмъ отклонить ихъ отъ такого дѣйствованія, выясняя, какъ это безобразно.

Ст. 20. *Братіе, не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте.*

„Послѣ многихъ объясненій и доказательствъ Апостолъ справедливо употребляетъ теперь рѣчь болѣе сильную, соединенную съ великимъ обличеніемъ, и приводитъ примѣръ сообразный съ предметомъ. Дѣти удивляются и изумляются при видѣ малыхъ вещей, а при

весьма великихъ не приходятъ въ такое удивленіе. Подобнымъ образомъ и имѣвшіе даръ языковъ, который былъ меньшимъ изъ всѣхъ, думали, что они имѣли все, посему онъ и говоритъ: *не дѣти бывайте,* т.-е. не будьте неразумными тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть разумными, но будьте простыми дѣтьми тамъ, гдѣ неправда, гдѣ тщеславіе, гдѣ гордость. Кто младенецъ на злое, тому должно быть и мудрымъ; какъ мудрость съ злобою не была бы мудростію, такъ и простота съ неразуміемъ не была бы простотою; въ простотѣ надо избѣгать неразумія, и въ мудрости злобы. Какъ лѣкарства болѣе надлежащаго горькія или сладкія не приносятъ пользы, такъ и простота и мудрость сами по себѣ. Посему и Христосъ, повелѣвая соединять то и другое, сказалъ: *будьте убо мудри, яко змія, и цѣли, яко голубіе* (Матѳ. 10, 16). Что значитъ: *младенчествовать злобою?* Даже и не знать, что такое зло. Онъ хотѣлъ, чтобы они были и мужами и дѣтьми: дѣтьми на злое, а мужами по мудрости. И мужъ тогда будетъ мужемъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ младенцемъ; а пока онъ не будетъ младенцемъ на злое, то не будетъ и мужемъ; потому что злый не можетъ быть совершеннымъ, а бываетъ неразумнымъ“ (св. Злат.).

Высказавъ такую мысль, Апостолъ не разъясняетъ ее и не дѣлаетъ изъ нея никакого приложенія къ предмету своему. Ибо это было само собою очевидно. Онъ имъ хотѣлъ сказать, какъ и у насъ часто говорится: дѣйствовать такъ, какъ вы, значитъ ребячиться. „Не извращайте порядка и соревнуйте не маломыслію, но незлобію дѣтей; а у совершенныхъ возрастомъ заимствуйте не лукавство, но благоразуміе“ (Ѳеод.).

Ст. 21. ***Въ законѣ пишетъ: яко иными языки и устны иными возглаголю людемъ симъ, и ни тако послушаютъ мене, глаголетъ Господь.***

Подъ закономъ здѣсь разумѣется вообще Ветхозавѣтное Писаніе; ибо приводимыя слова взяты у пророка Исаіи (28, 11. 12). Училъ Богъ чрезъ пророковъ народъ Свой, и пока онъ слушался, довольствовался этимъ средствомъ вразумленія и исправленія. Когда же дошелъ онъ до того, что слово пророческое уже болѣе не дѣйствовало на него, тогда Онъ грозилъ имъ: не слушаютъ пророковъ? такъ Я заговорю къ нимъ другимъ языкомъ, т.-е. пошлю на нихъ чуждый народъ. *И ни тако послушаютъ Мене*, — а оӥи все таки останутся упорными. Св. Павелъ беретъ въ сопоставленіе только двѣ черты: пророки говорили народу, пока онъ слушалъ ихъ; пророчество слѣдовательно есть знакъ того, что тѣ, къ кому обращается рѣчь пророческая, послушны, вѣрны, вѣрующи. Напротивъ появленіе людей съ чуждымъ языкомъ есть знакъ, что тѣ, къ которымъ они пришли, вышли изъ повиновенія Богу, невѣрны Ему. Взявъ во вниманіе это, онъ говоритъ:

Ст. 22. *Тѣмже языцы въ знаменіе суть не вѣрующимъ, но невѣрнымъ; а пророчество не невѣрнымъ, но вѣрующимъ.*

Онъ говоритъ какъбы: какая у васъ вышла несообразность! Изъ того обстоятельства, которое указывается въ писаніяхъ пророка Исаіи, выходитъ, что когда вы говорите на чуждомъ собранію языкѣ, это значитъ, что предъ вами все упорные невѣры, вышедшіе изъ повиновенія Богу; а на дѣлѣ это все искренно вѣрующіе, готовые слушать, жаждущіе назиданія. Къ нимъ не на чуждыхъ языкахъ говорить надо, а языкомъ пророческимъ, съ какимъ и древле Богъ обращался къ народу Своему, пока онъ вѣренъ былъ Ему и слушался пророковъ. Вы совсѣмъ извращаете порядокъ! Изъ вашего образа дѣйствованія выходитъ такое нелѣпое сопоставленіе! Въ вашемъ собраніи и звука не должно быть иноязычнаго, а должно слышаться одно пророческое слово.

Ст. 23. *Аще убо снидется Церковь вся вкупѣ, и вси языки глаголютъ, внидутъ же и неразумивіи или невѣрніи, не рекутъ ли, яко бѣснуетеся?*

Это стоитъ не въ связи съ предыдущимъ, а особо,— новая, третья несообразность указывается въ образѣ дѣйствованія Коринѳянъ. Положимъ, говоритъ, что вся собралась Церковь ваша, и всѣ, имѣющіе даръ языковъ, начнутъ говорить на нихъ, то одинъ, то другой, а то и вмѣстѣ нѣсколько. И само по себѣ это безобразно. Но если войдутъ къ вамъ неразумивіи—ἰδιῶται, простецы, селяне, или невѣрные, что подумаютъ они, послушавъ одного, другаго, или нѣсколькихъ вмѣстѣ? Не скажутъ ли, что вы бѣснуетесь, съ ума посошли? И оттолкнете вы отъ дверей спасенія тѣхъ, кои пришли взыскать спасенія, и притомъ такъ, что и послѣ уже ихъ не привлечешь послушать истины, и не ихъ только, но и многихъ другихъ, которымъ разскажутъ они о безобразіяхъ, происходящихъ въ вашихъ собраніяхъ.

Ст. 24. 25. *Аще же вси пророчествуютъ, внидетъ же нѣкій невѣренъ или невѣжда, обличается всѣми, и истязуется отъ всѣхъ. И сице тайная сердца его явлена бываютъ; и тако падъ ницъ, поклонится Богови, возвѣщая, яко воистинну Богъ съ вами есть.*

Совсѣмъ противоположное дѣйствіе окажетъ ваше собраніе на простеца или невѣрующаго, когда, вошедши къ вамъ, они встрѣтятъ то, что вы одинъ за другимъ пророчествуете, т.-е. говорите на языкѣ всѣмъ понятномъ, что кому внушаетъ Духъ Божій, пророчествова ли, разумъ ли, откровеніе ли, наученіе ли, молитву ли. Что бы кто ни говорилъ, истины христіанскія всѣ такого рода, что онѣ способны встревожить совѣсть, возбудить страхъ Божій и обратить на добрый путь всякаго невѣра и грѣшника. Вошедшій обличаемъ и истязываемъ будетъ всѣми не посредствомъ судебныхъ допро-

совъ. Нѣтъ; всякій будетъ говорить и не зная, что на душѣ у вошедшихъ, а самыя истины такого рода, что онѣ обличаютъ слышащаго. Духомъ Божіимъ вдохнутыя слова падаютъ на совѣсть, и она, пробудившись, производитъ полное обличеніе, никому-же видящу. Но одно обличеніе само по себѣ безотрадно, и еслибъ только это одно производила христіанская бесѣда, то плода отъ нея было бы мало. Въ томъ и сила, что бесѣда сія всегда предлагаетъ обличаемымъ и утѣшительный путь спасенія; ибо и существо бесѣдъ есть спасеніе въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, — и о чемъ ни заведи рѣчь, все сойдетъ на Господа, единую отраду всѣхъ сокрушенныхъ. Оттого обличаемый не обличается только, но и воспріемлетъ надежду спасенія и доходитъ до рѣшимости не отлагая стать на путь спасенія. Благодать Духа, всѣхъ осѣняющая въ собраніи и самое слово говорящихъ проникающая, довершаетъ дѣло. И се невѣрный, внутренно измѣнившійся подъ дѣйствіемъ пророческаго слова, незримо ни для кого, падъ ницъ покланяется Богу христіанскому, и исповѣдуетъ, что въ собраніи христіанъ, въ Церкви, воистинну есть, присущъ и дѣйствующъ, Богъ! „Видишь ли, какъ сила пророчества измѣнила человѣка грубаго, научила его и привела къ вѣрѣ“ (св. Злат.).

б).

Правила объ употребленіи въ Церкви даровъ пророчества и языковъ

14, 26—38.

Сначала выражаетъ аа) *общій законъ: все къ созиданію*—26; потомъ пишетъ бб) *правила* α) *для говорящихъ языками* (27. 28); β) *для пророковъ* (29—33); γ) *для женъ* (34—36), наконецъ прилагаетъ вв) *общее убѣжденіе къ исполненію сказаннаго* (37—38).

аа).

Ст. 26. *Что убо есть, братіе? Егда сходитеся, кійждо васъ псаломъ имать, ученіе имать, языкъ имать, откровеніе имать, сказаніе имать: вся же къ созиданію да бываютъ.*

Что убо есть? Что изъ всего сказаннаго выходитъ? Какъ вамъ слѣдуетъ поступать? Вотъ какъ! Собрались вы въ церковь; каждый имѣетъ что-либо отъ Духа Божія: кто *псаломъ*, всякаго рода молитвенное къ Богу обращеніе, прошеніе, благодареніе, славословіе Богу Спасителю нашему, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, благодатію Св. Духа; кто—*ученіе*, догматъ, нравоученіе, совѣтъ, рѣшеніе недоумѣній; кто—*откровеніе,*—прозрѣніе въ будущее, узрѣніе сокровеннаго въ настоящемъ, или прошедшемъ, увѣдѣніе таинъ сердечныхъ: „откровеніемъ названо пророчество" (Экум., Ѳеоф.); кто—*языкъ,*—даръ, все показанное говорить на языкѣ чуждомъ; кто—*сказаніе*, даръ истолковывать сказанное на языкѣ непонятномъ. Итакъ, собрались вы въ церковь со всѣмъ этимъ богатствомъ духовнымъ: вотъ вамъ общій законъ на употребленіе его: *вся къ созиданію да бываютъ.* Помните, что никто ничего не получаетъ исключительно для себя, но все, что ни получаетъ, получаетъ для всего собранія вѣрующихъ. Съ нимъ онъ и долженъ дѣлиться, не славы своей ища, а исполняя Божіе порученіе относительно дарованнаго. Въ самомъ дарованіи Богъ будто говоритъ каждому: возьми и раздай.

Св. Златоустъ говоритъ на это: „Видишь ли основаніе и правило христіанства? Какъ дѣло зодчаго строить, такъ дѣло христіанина всѣми способами приносить пользу ближнимъ. Кто псаломъ, кто ученіе, кто языкъ имѣетъ: но все это, говоритъ, пусть клонится къ одно-

му—къ назиданію ближняго; пусть ничто не дѣлается напрасно; ибо если ты приходишь не для назиданія брата, то для чего и приходишь? Для меня не очень важно различіе дарованій; мои заботы и старанія клонятся только къ одному, чтобы все дѣлалось для назиданія; тогда даже имѣющій малое дарованіе превзойдетъ имѣющаго великое, если будетъ употреблять его съ назиданіемъ. Дарованія для того и даются, чтобы каждый получалъ назиданіе; если же этого не будетъ, то дарованіе послужитъ даже къ осужденію получившаго его; ибо скажи мнѣ, какая польза пророчествовать, какая польза воскрешать мертвыхъ, если никто не получаетъ назиданія? Если же въ этомъ состоитъ цѣль дарованій, которой можно достигнуть и другимъ способомъ безъ дарованій, то не превозносись знаменіями и не считай себя несчастнымъ, не имѣя дарованій.“

бб).

Этотъ общій законъ прилагая къ возможнымъ въ собраніи случаямъ, Апостолъ говоритъ:

а).

Къ говорящимъ языками.

Ст. 27. 28. *Аще языкомъ кто глаголетъ, по двѣма, или множае по тріемъ, и по части; и единъ да сказуетъ. Аще ли не будетъ сказатель, да молчитъ въ церкви; себѣ же да глаголетъ и Богови.*

Языками говорить въ собраніи, только когда будетъ сказатель, истолкователь, переводчикъ; а когда его не будетъ, молчать, себѣ говоря и Богу. *По двѣма, или множае по тріемъ, и по части*... Не то значитъ, что могутъ говорить двое и трое за разъ, а то, чтобъ во все собраніе говорили одинъ-другой, много-много и третій, и то не вдругъ, а раздѣльно, одинъ за другимъ

(Экум.). *Себѣ же да глаголетъ и Богови.* Т.-е. „говори про себя, въ умѣ, тайно и безъ шума“ (св. Злат.); въ умѣ предъ Богомъ перебирай, что бы хотѣлось изречь языкомъ, и углубляйся въ то. „Говорящій языками самъ по себѣ недостаточенъ: посему, если кто имѣетъ и даръ истолкованія, пусть говоритъ; если же не имѣетъ, а хочетъ говорить, то пусть дѣлаетъ это при истолкователѣ. Если нѣтъ сказателя, да молчитъ, ибо ничего не должно дѣлать напрасно и по честолюбію. Не для того вы собираетесь, говоритъ, дабы показать, что имѣете дарованіе, но дабы назидать слушателей“ (св. Злат.).

β).

Къ пророкамъ.

Ст. 29. *Пророцы же два или тріе да глаголютъ, и друзіи да разсуждаютъ.*

Пророки—это тѣ, которые получили отъ Духа Божія откровеніе, разумъ, наученіе, чтобъ передать то собранію на общемъ ему языкѣ. *Два или тріе да глаголютъ,* т.-е. одинъ за другимъ. „Какъ прежде касательно языковъ, такъ и здѣсь требуетъ, чтобы это было порознь“ (св. Злат.). *Друзіи же да разсуждаютъ,* да внимаютъ слышимому и углубляются, усвояя себѣ слышимое; ибо только такимъ образомъ открытое одному-другому можетъ сдѣлаться общимъ достояніемъ. Или слова: *да разсуждаютъ* даютъ занятіе тѣмъ, которые имѣли даръ разсужденія духовомъ. Такъ блаженный Ѳеодоритъ: „Бож. Апостолъ причислялъ уже къ духовнымъ дарованіямъ и *разсужденіе духовомъ* (1 Кор. 12, 10). Здѣсь говоритъ, что сподобившіеся сего дарованія да разсуждаютъ о произносимомъ, по дѣйствію ли Духа Божія говорится это. Ибо діаволъ, какъ Пророкамъ противопоставлялъ лжепророковъ, такъ и Апостоламъ лжеапосто-

ловъ; и сіе даетъ видѣть Апостолъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ; ибо говоритъ: *таковіи лживи апостоли, дѣлатели льстивіи* (2 Кор. 11, 13)." То же разумѣетъ и св. Златоустъ: „Апостолъ сказалъ это для предостереженія слушателей, чтобы между ними не случился μάντις, бѣсопрорицатель. Остерегаться этого онъ повелѣлъ и въ началѣ, и теперь повелѣваетъ различать и наблюдать то же самое, дабы не вкралось что-либо діавольское."

Ст. 30. *Аще ли иному откроется сѣдящу, первый да молчитъ.*

„Что означаютъ эти слова? Если, говоритъ, въ то время, когда ты пророчествуешь и говоришь, Духъ другаго возбудитъ его, тогда ты молчи. Ибо для чего тебѣ продолжать рѣчь, когда другой возбуждается къ пророчеству? Но не слѣдовало ли говорить обоимъ? Это неумѣстно и произвело бы безпорядокъ. Не слѣдовало ли (продолжать, пока кончитъ) первому? И это неумѣстно; ибо для того Духъ и возбудилъ другаго, когда говоритъ первый, чтобы и онъ сказалъ что-нибудь (а тотъ замолчалъ). Потомъ въ утѣшеніе тому, которому заповѣдуетъ молчать, говоритъ" (св. Злат.):

Ст. 31. *Можете бо вси по единому пророчествовати, да вси учатся и вси утѣшаются.*

Какъ-бы такъ: пусть этотъ, вновь возбужденный поговоритъ, потомъ и тотъ, кто прерванъ, можетъ опять говорить, если осталось еще что сказать. Почему такое предпочтеніе вновь возбужденному? Потому, что рѣчь у такого бываетъ пламеннѣе, сердечнѣе и потому влiятельнѣе. Какъ цѣль распоряженій у Апостола, да вси учатся и утѣшаются, то справедливо такому дать поскорѣе мѣсто говорить; а тотъ, прежде говорившій, предполагается получившимъ благія внушенія прежде собранія, во время домашней молитвы и богомыслія;

слѣдовательно они у него не новы, не разъ повторялись въ умѣ, и предлагаются уже болѣе по памяти. Но и эта перемѣна должна была происходить въ порядкѣ. Ѳеодоритъ пишетъ: „Ничто да не дѣлается безпорядочно и съ замѣшательствомъ; потому что можетъ всякій изъ васъ предложить пророчество собравшимся, и чрезъ это принести имъ пользу. Этотъ порядокъ и до настоящаго времени остался въ церквахъ, и изъ учителей одни бесѣдуютъ съ народомъ въ одно торжественное собраніе, а другіе—въ другое.“

Ст. 32. *И дуси пророчестіи пророкомъ повинуются.*

„Видишь ли, какъ онъ опять приводитъ и причину, почему такъ заповѣдуетъ? Дабы человѣкъ не возражалъ и не противился (отговариваясь неудержимостію Духа), онъ говоритъ, что самое дарованіе повинуется (тому, кто получилъ его). *Духомъ* здѣсь онъ называетъ дѣйствіе (Его). Если же *Духъ повинуется*, то тѣмъ болѣе ты, получившій его, не имѣешь права возражать“ (св. Злат.).

Ст. 33. *Нѣсть бо нестроенія Богъ, но мира, яко во всѣхъ церквахъ святыхъ.*

„Доказываетъ, что и Богу такъ угодно. Видишь ли, сколь многими доводами онъ побуждаетъ къ молчанію и утѣшаетъ уступающаго другому? Вопервыхъ тѣмъ, что въ этомъ случаѣ и онъ не исключается: *можете бо*, говоритъ, *вси по единому пророчествовати*; во вторыхъ тѣмъ, что это свойственно Духу: ибо *дуси пророчестіи пророкимъ повинуются;* далѣе тѣмъ, что это согласно съ волею Божіею: *нѣсть бо нестроенія Богъ, но мира;* въ третьихъ тѣмъ, что это правило простирается на всю вселенную, и что онъ не заповѣдуетъ ничего новаго: *яко*, говоритъ, *во всѣхъ церквахъ святыхъ* (заповѣдую). Можетъ ли быть что-нибудь изумительнѣе этого? Церковь тогда была небомъ; Духъ устроялъ все въ народѣ, руководилъ и вдохновлялъ каждаго изъ

предстоятелей. А теперь у насъ одни только знаки тогдашнихъ дарованій. И нынѣ мы говоримъ; но все это только знаки и памятники прежняго. Въ древности говорили не по собственной мудрости, но по внушенію Духа. А теперь не то; я говорю свое. Нынѣ Церковь подобна женѣ, лишившейся прежняго богатства, сохраняющей во многихъ мѣстахъ только знаки первоначальнаго благоденствія и показывающей вмѣстилища и хранилища золотыхъ сокровищъ, а самаго богатства не имѣющей; такой женѣ уподобилась нынѣ Церковь. Говорю это, имѣя въ виду не дарованія,—не было бы слишкомъ прискорбно, если было бы только это,—но и жизнь и добродѣтель" (св. Злат.).

γ).

Къ женамъ.

Ст. 34. *Жены ваша въ церквахъ да молчатъ; не повелѣся бо имъ глаголати, но повиноватися, якоже и законъ глаголетъ.*

Поелику рѣчь у Апостола идетъ все объ ученіи въ церкви, то и здѣсь конечно о томъ же говорится. Вѣрно и жены приходили въ воодушевленіе, и опираясь на то, что во Христѣ Іисусѣ нѣсть мужскій полъ, ни женскъ, вставали въ собраніи и говорили въ назиданіе всѣхъ. Св. Павелъ находитъ это неумѣстнымъ и запрещаетъ, налагая на уста ихъ печать молчанія закономъ повиновенія въ отношеніи къ мужамъ. Св. Златоустъ говоритъ: „обличивъ безпорядокъ, происходившій отъ языковъ и отъ пророчествъ, Апостолъ переходитъ къ безпорядку, производимому женщинами, и пресѣкаетъ неумѣстное ихъ дерзновеніе. Здѣсь онъ не увѣщеваетъ, не совѣтуетъ, а повелѣваетъ со властію, приводя о томъ и древній законъ. Какой? Къ *мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати*

будетъ (Быт. 3, 16). Видишь ли мудрость Павла, какъ онъ привелъ такое свидѣтельство, которое повелѣваетъ имъ не только молчать, но и молчать со страхомъ, и притомъ съ такимъ страхомъ, съ какимъ надлежитъ безмолвствовать рабѣ?—Если же онѣ таковы должны быть въ отношеніи къ мужьямъ, то тѣмъ болѣе въ отношеніи къ учителямъ и отцамъ и общему собранію Церкви. Имъ должно слушать что слѣдуетъ, а о сомнительномъ спрашивать у мужей дома."

Ст. 35. *Аще ли чесому научитися хотятъ, въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ: срамно бо есть женѣ въ церкви глаголати.*

„Имъ, говоритъ, непозволительно въ церкви не только самимъ говорить открыто, но и спрашивать о чемъ-нибудь. Если же не должно спрашивать, то тѣмъ болѣе не позволительно говорить. Почему же онъ поставляетъ ихъ въ такомъ подчиненіи? Потому, что жена существо слабѣйшее, непостоянное и легкомысленное. Посему онъ и поставляетъ имъ въ учители мужей и доставляетъ пользу тѣмъ и другимъ: женъ дѣлаетъ скромными, а мужей внимательными, такъ какъ они должны съ совершенною точностію передавать женамъ то, что услышатъ. Далѣе, поелику у нихъ считалось честію говорить въ собраніи, онъ опять доказываетъ противное и говоритъ: *срамно бо есть женѣ въ церкви глаголати*; доказываетъ это сначала закономъ Божіимъ, а потомъ общечеловѣческимъ сужденіемъ и обычаемъ, какъ поступилъ онъ и тогда, когда бесѣдовалъ съ ними о волосахъ. И вездѣ можно видѣть такой его образъ рѣчи, что онъ обличаетъ не только Божественнымъ Писаніемъ, но и общеизвѣстными обычаями. Кромѣ того онъ заимствуетъ обличеніе отъ согласія всѣхъ и отъ повсюдности заповѣдей, какъ дѣлаетъ и здѣсь" (св. Злат.).

Ст. 36. *Или отъ васъ слово Божіе изыде? Или васъ единыхъ достиже?*

„Здѣсь онъ выражаетъ, что прочія церкви соблюдаютъ тотъ же законъ, и такимъ образомъ пресѣкаетъ безпорядокъ указаніемъ на нововведеніе, и дѣлаетъ слова свои болѣе убѣдительными указаніемъ на голосъ всѣхъ. Онъ говоритъ какъ-бы: вы не первые, и не одни вы вѣрные, но (такова) вся вселенная. Вы, говоритъ, не можете сказать: мы были учителями другихъ и намъ не слѣдуетъ учиться у другихъ; здѣсь только утвердилось ученіе вѣры, и намъ не слѣдуетъ подражать примѣру другихъ. Видишь ли, какъ много доводовъ онъ привелъ въ ихъ обличеніе? Привелъ законъ, показалъ постыдность дѣла, представилъ въ примѣръ прочія церкви“ (св. Злат.).

Нынѣшніе толковники и слова: *яко во всѣхъ церквахъ святыхъ* (—33) соединяютъ съ: *жены ваша въ церквахъ да молчатъ*. Такъ что, и въ началѣ и въ концѣ, наложеніе молчанія на женщинъ въ церкви ограждается общностію такого закона во всей Церкви. Вѣрно ожидалось какое-либо, въ семъ отношеніи, непослушаніе, отъ котораго могла предотвратить увѣренность, что дѣйствуя такъ, онѣ особятся отъ всѣхъ и слѣдовательно дѣйствуютъ на срамъ себѣ: ибо особности въ христіанствѣ срамятъ, а не возвышаютъ.

вв).

Ст. 37. *Аще кто мнится пророкъ быти или духовенъ, да разумѣетъ, яже пишу вамъ, зане Господни суть заповѣди.*

Этимъ подтверждаетъ св. Павелъ свои распоряженія относительно дѣйствованія въ Церкви дарами пророчества и языковъ. Итакъ, говоритъ, вы, говорящіе

языками и пророчествующіе, вникните какъ слѣдуетъ въ то, что пишу, и исполняйте то въ точности; ибо это Господни заповѣди. „Богъ повелѣваетъ это чрезъ меня“ (св. Злат.). Я не какъ совѣтъ предлагаю это вамъ, а даю отъ лица Господа, какъ заповѣдь къ исполненію. „Не самъ отъ себя подвигся я сказать это“ (Экум.). Кто это *духовенъ* здѣсь у Апостола? Вообще подъ духовнымъ можно разумѣть того, „въ комъ обитаетъ Духъ Божій“ (Ѳеод.), или „кто имѣетъ какое-либо дарованіе духовное“ (Экум., Ѳеоф.). Но здѣсь, по теченію рѣчи, будто ближе разумѣть имѣющаго даръ языковъ. Ибо объ немъ съ пророчествомъ говорилъ все Апостолъ, и къ нимъ обращаетъ это заключительное внушеніе.

Ст. 38. *Аще ли кто не разумѣетъ, да не разумѣваетъ.*

Мысль темновата! Если, говоритъ, кто изъ тѣхъ, къ кому онъ обращаетъ рѣчь, не разумѣетъ, что это Господни заповѣди, пусть не разумѣетъ,—будто такъ: какъ хочетъ, его воля, не приневоливаю; но пусть беретъ на себя и отвѣтственность, лежащую на тѣхъ, кои волѣ Божіей противятся. „Я сказалъ, что нужно; желающій слушайся, а не желающій дѣлай, какъ хочетъ“ (Экум., Ѳеоф.). И св. Златоустъ почти тоже говоритъ: „для чего онъ присовокупилъ это? Дабы показать, что онъ не принуждаетъ и не хочетъ состязаться. И въ другомъ мѣстѣ онъ похоже на это сказалъ: *аще ли кто мнится спорливъ быти, мы таковаго обычая не имамы* (1 Кор. 11, 16). Впрочемъ не вездѣ онъ поступаетъ такъ, но только тамъ. гдѣ проступки были не очень велики.“ Ѳеофилактъ выставляетъ еще такую мысль. Напереди сказалъ: *духовный да разумѣетъ*; здѣсь говоритъ: если *кто не разумѣетъ*, — тоже, что если кто не духовенъ,—*да не разумѣваетъ* — тоже, что и оставайся недуховнымъ. Такой оборотъ рѣчи всѣхъ заста-

витъ послушаться даннаго распоряженія, чтобъ не обличить себя недуховными.

в).

Заключеніе всего сказаннаго о дарѣ пророчества и языковъ.

Ст. 39. 40. *Тѣмже, братіе моя, ревнуйте еже пророчествовати, и еже глаголати языки не возбраняйте. Вся же благообразно и по чину да бываютъ.*

Начавъ разсуждать о сихъ дарахъ, Апостолъ сначала доказалъ, что даръ пророчества лучше и полезнѣе для Церкви дара языковъ; теперь заключаетъ: итакъ о дарѣ пророчества ревнуйте, но и когда кому данъ даръ языковъ, не возбраняйте употреблять его, съ тѣми ограниченіями, какія я сдѣлалъ. Потомъ Апостолъ писалъ правила, какъ дѣйствовать въ Церкви этими дарами; и въ заключеніе къ этому преимущественно прилагаетъ слова: только все благообразно и по чину; а какъ благообразно и по чину будетъ, это онъ изобразилъ въ изложенныхъ правилахъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ возвращается къ прежнему предмету, который подалъ ему поводъ говорить объ этомъ. И видишь ли, какъ онъ до конца соблюдаетъ различіе (между этими дарованіями), и какъ внушаетъ, что первое весьма необходимо, а послѣднее не такъ необходимо? О первомъ говоритъ: *ревнуйте*, а о послѣднемъ: *не возбраняйте*. Потомъ, какъ-бы въ совокупности предлагая и всѣ данныя правила, присовокупляетъ: *вся же благообразно и по чину да бываютъ.*“ „Чинъ же этотъ Апостолъ далъ видѣть въ сказанномъ прежде (т.-е. въ правилахъ)“ (Ѳеод.).

СЕДЬМОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

О ВОСКРЕСЕНІИ МЕРТВЫХЪ.

(Гл. 15).

„Окончивъ рѣчь о духовныхъ дарованіяхъ, Апостолъ переходитъ къ предмету самому важному, къ ученію о воскресеніи; ибо Коринөяне и въ этомъ отношеніи были весьма немощны. Какъ въ тѣлѣ, когда болѣзнь коснется самыхъ основныхъ частей его, зло дѣлается неисцѣльнымъ, если не приложить великаго попеченія; такъ и здѣсь предстояла подобная опасность, потому что зло простерлось до самыхъ основаній благочестія. Посему Павелъ и прилагаетъ великое попеченіе. Коринөяне разногласили касательно ученія о самомъ воскресеніи. Такъ какъ въ немъ заключается вся наша надежда, то діаволъ сильно возставалъ противъ него, и иногда совершенно отвергалъ воскресеніе, а иногда говорилъ, что оно уже было. Въ посланіи къ Тимоөею, Павелъ назвалъ это нечестивое ученіе гангреною (ракомъ), и указалъ распространителей его, Именея и Филита, которые говорили, что воскресеніе уже было (2 Тим. 2, 17. 18). Иногда они говорили это, а иногда то, будто, если говорится гдѣ о воскресеніи, то тутъ разумѣется не воскресеніе тѣла, а очищеніе души (что и есть ея воскресеніе). Такое ученіе внушалъ имъ бѣсъ, желая не только отвергнуть воскресеніе, но и представить баснею все совершенное для насъ. Ибо, еслибы повѣрили, что нѣтъ воскресенія тѣлъ, то онъ мало-помалу убѣдилъ бы, что и Христосъ не воскресъ, и отсюда далѣе вывелъ бы, что Христосъ не приходилъ и не совершалъ того, что совершилъ. Такова злоба діа-

вола! Посему Павелъ и называетъ дѣйствія его *козня-ми* (Еф. 6, 11); ибо діаволъ не обнаруживаетъ прямо того, что хочетъ надѣлать, дабы не быть обличеннымъ, но принимая на себя нѣкоторую личину, производитъ нѣчто другое, подобно какъ коварный врагъ, приступивъ къ городу и стѣнамъ, тайно подкапывается снизу, дабы такимъ образомъ не быть замѣченнымъ и успѣть въ своемъ предпріятіи. Но св. Павелъ всегда открывалъ такія сѣти его и преслѣдовалъ злыя козни его: *не не разумѣваемъ бо*, говорилъ онъ, *умышленій его* (2 Кор. 2, 11). Такъ и здѣсь онъ открываетъ все лукавство діавола, показываетъ всѣ его хитрости.—Говоритъ же объ этомъ предметѣ послѣ другихъ, потому что онъ есть самый важный и составляющій для насъ все" (св. Злат.)

Откуда зашли къ Коринѳянамъ такія противныя истинѣ мнѣнія о воскресеніи?—Когда св. Павелъ говорилъ о семъ предметѣ въ Аѳинахъ, то нѣкоторые, выслушавъ его, насмѣхались надъ нимъ (Дѣян. 17, 32). Такъ невѣроятнымъ оно казалось тогдашней учености. Подобные ученые могли быть и въ Коринѳѣ, и даже въ числѣ увѣровавшихъ. Они и были,—говорившіе, что воскресенія мертвыхъ нѣтъ. Это было не общее заблужденіе, а нѣкоторыхъ. Но и ихъ нельзя было оставить безъ вразумленія; ибо отъ нихъ зло могло перейти на другихъ, а пожалуй и всѣхъ заразить.—Видно, что изъ числа ихъ одни совсѣмъ не вѣрили воскресенію или сомнѣвались въ немъ (—12), а другіе только недоумѣвали, какъ возстанутъ мертвые, и какимъ тѣломъ пріидутъ (—35).—Исправляя тѣхъ и другихъ, Апостолъ: 1) *сначала* доказываетъ истину воскресенія мертвыхъ—1—34; 2) потомъ объясняетъ, какъ оно будетъ,—35—53, и 3) наконецъ поетъ пѣснь побѣдную надъ смертію, съ краткимъ увѣщаніемъ—54—58.

1).

Приступая къ убѣжденію въ сей истинѣ Апостолъ: а) кладетъ прочное основаніе всему послѣдующему разсужденію—въ несомнѣнности воскресенія Христова — 1—11. Потомъ б) на этомъ основаніи строитъ доказательства и общаго всѣхъ воскресенія—12—32.—А въ заключеніе прилагаетъ в) краткое увѣщаніе — 33. 34.

а).

Истина воскресенія Христова несомнѣнна

15, 1—11.

Въ истинѣ воскресенія Христова въ числѣ увѣровавшихъ Коринөянъ никто не сомнѣвался. Св. Павелъ и не усиливается доказывать ее, а только напоминаетъ о ней, воспроизводя, какъ онъ ихъ самихъ оглашалъ вѣрою. Оглашеніе первое всегда и начиналось такъ: умеръ Христосъ и воскресъ, и вознесся на небо, откуда и придетъ судить живыхъ и мертвыхъ.—Такъ было и въ Коринөѣ, и такъ они увѣровали.—Объ этомъ напоминаетъ имъ Апостолъ, чтобы, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, когда послѣ станетъ онъ выводить отсюда истину воскресенія мертвыхъ, имъ нельзя уже было не вѣрить: ибо это значило бы не вѣрить самимъ себѣ и себя самихъ предавать осужденію.

Ст. 1. 2. *Сказую же вамъ, братіе, благовѣствованіе, еже благовѣстихъ вамъ, еже и пріясте, въ немже и стоите, имже и спасаетеся, коимъ словомъ благовѣстихъ вамъ, аще содержите, развѣ аще не всуе вѣровасте.*

Сказую же вамъ—γνωρίζω,—даю знать; но какъ они знали объ этомъ, то Апостолъ хочетъ этимъ сказать: возбуждаю ваше знаніе, возстановляю въ вашемъ со-

знаніи, напоминаю. Такъ всѣ наши толковники. Ѳеодоритъ: „намѣреваюсь напомнить вамъ.“ Ѳеофилактъ и Экуменій: „напоминаю.“ Св. Златоустъ: „внушаетъ, что не преподаетъ ничего новаго, а напоминаетъ о томъ, что уже было извѣстно имъ.“—Можно такъ: припомните, братіе, *благовѣствованіе, еже благовѣстихъ вамъ*. Цѣль Апостола напомнить, какъ шло у нихъ благовѣстіе, съ чего началось, на чемъ утверждалось, какъ видно изъ словъ: *коцѣмъ словомъ благовѣстихъ;* но здѣсь вообще говоритъ о томъ,—въ той мысли однакожъ, что и это напомнитъ имъ, около чего преимущественно вращалось благовѣстіе. „Сущность благовѣстія состоитъ въ томъ, что Богъ сдѣлался человѣкомъ, былъ распятъ и воскресъ“ (св. Злат.). Это и было всегда первымъ словомъ благовѣстія; объ этомъ и хочетъ напомнить св. Павелъ.

Еже и пріясте. Я благовѣстилъ, а вы приняли. Еслибъ я только благовѣстилъ, а вы не приняли, можетъ быть, вы затруднились бы припомнить; а какъ приняли, то вамъ трудно не помнить: ибо то, что напоминаю, составляетъ основу вѣры, есть причина того, что вы приняли. *Въ немже и стоите*. Не только приняли, но и стоите въ благовѣстіи. Ἑστήκατε,—стали, установились, утвердились, или утверждены есте. Принять можно иную вещь и сложить ее въ сокровищницу; но благовѣстіе не таково: если принято, то уже составляетъ духъ жизни; таково оно и у васъ, оно у васъ въ дѣйствіи, имъ живете и дышете. Никакого нѣтъ труда припомнить о томъ, что всегда на глазахъ.—*Имже и спасаетеся*. Погибали прежде, а теперь спасаетеся, видите и сознаете, что вышли изъ бездны пагубы, и находитесь на пути спасительномъ, въ увѣренности, что пребывъ до конца на пути, улучите и вѣчное спасеніе. Слѣд. благовѣстіе такой предметъ, который долженъ

быть дорогъ, какъ дорога жизнь, и жизнь вѣчная,— какъ не помнить?

Кацѣмъ словомъ благовѣстихъ вамъ. Итакъ припомните, какимъ словомъ я благовѣстилъ вамъ. Ниже, съ 3-го стиха онъ самъ сказываетъ, какимъ словомъ благовѣстилъ, т.-е. что говорилъ о смерти Господа, а потомъ о Его воскресенiи. Нельзя было не говорить о смерти, ибо на ней стоитъ наше спасенiе; но сказать о смерти и не сказать о воскресенiи значитъ подсѣкать вѣру въ самомъ ея зародышѣ. Проповѣдь Евангелiя всегда и состояла въ этомъ: умеръ Господь грѣхъ ради нашихъ, потомъ воскресъ, вознесся на небо и взявъ бразды правленiя, всѣхъ къ Себѣ ведетъ, чтобы, съ Собою облаженствовать въ вѣчномъ царствѣ Своемъ. Итакъ, говоря: припомните, какимъ словомъ я благовѣстилъ вамъ,—объ этомъ словѣ напоминаетъ св. Павелъ. Главное здѣсь воскресенiе. Оно свѣтомъ божественнымъ освѣщаетъ крестъ и вводитъ во вседержительство Христово. На немъ и благовѣстiе стоитъ. *Кацѣмъ словомъ:* прямо возстановляло въ сознанiи слово о воскресенiи. Св. Златоустъ и опредѣляетъ смыслъ сего слова такъ: „какимъ образомъ я проповѣдывалъ вамъ дѣйствительность воскресенiя."

Аще содержите.—Если содержите въ памяти. Это обычный оборотъ: припомните, если не забыли.—Но онъ былъ увѣренъ, что не забыли, а содержатъ, что доказываютъ всѣ предыдущiя слова. Онъ хочетъ этимъ выразить, что еслибъ забыли, то это было бы ни на что не похоже. Нѣкоторые переставляютъ эти слова съ предыдущими такъ: *аще содержите, кацѣмъ словомъ благовѣстихъ вамъ*—и всю эту рѣчь сочетаваютъ съ: *имже и спасаетеся*, въ такой мысли: спасаетесь, если содержите, какъ я благовѣстилъ вамъ. — Никакой нѣтъ нужды въ такой перестановкѣ; рѣчь Апостола и безъ

того течетъ плавно. Не было у него въ цѣли, выставлять условія спасенія, а напомнить лишь, на чемъ стояло благовѣстіе, какимъ словомъ образовалась вѣра ихъ. *Кацѣмъ словомъ*—зависитъ отъ: *сказую*, напоминаю, или припомните.

Развѣ аще не всуе вѣровасте. Если только вы не попусту увѣровали, не легкомысленно приняли вѣру, а установясь напередъ на твердомъ основаніи вѣры. Основаніе же вѣры есть воскресеніе Христово. Онъ говоритъ: если только вы разумно увѣровали, то должны держать постоянно въ мысли истину воскресенія Христова. „*Аще содержите*. Содержите же конечно,—*развѣ аще не всуе вѣровасте*, т.-е. если только не тщетно именуетесь христіанами. Ибо всецѣлость христіанства держится на догматѣ о воскресеніи Христовомъ" (Ѳеод.). „Этимъ показываетъ, что зло касается главнаго предмета, что дѣло идетъ не о чемъ-нибудь маловажномъ, но о цѣлой вѣрѣ" (св. Злат.).

Ст. 3. *Предахъ бо вамъ испервa, еже и пріяхъ, яко Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради, по Писаніемъ*.

То ихъ приглашалъ припомнить, а теперь и самъ повторяетъ, какъ было дѣло, т.-е. кацѣмъ словомъ благовѣстилъ онъ; это было благовѣстіе о смерти и воскресеніи Господа. Съ первыхъ словъ моихъ къ вамъ рѣчь началась объ этомъ. Это смыслъ слова: *исперва*—ἐν πρώτοις. Но въ этомъ словѣ могло скрываться для нихъ особое нѣкое внушеніе: „указываетъ на время и внушаетъ, что крайне постыдно измѣнять вѣрѣ послѣ того, какъ вѣрили столь долгое время, и не только это, но и то, что объясняемый догматъ необходимъ; потому онъ и преподанъ между первыми и въ самомъ началѣ" (св. Злат.).

Предахъ, еже и пріяхъ. Ничего не вводилъ отъ своего ума; истина сошла съ неба и расходится по землѣ;

мы—передатчики. „Внушаетъ, что въ благовѣстіе ничего не должно вводить отъ себя, и показываетъ, что изъ догматовъ нѣтъ ни одного человѣческаго“ (св. Злат.). „Не самъ я изобрѣлъ проповѣдь, и не человѣческимъ послѣдовалъ разсужденіямъ; но отъ Владыки Христа пріялъ ученіе о семъ. Что же пріялъ ты? *Яко Христосъ умре грѣхъ ради нашихъ по Писаніемъ*. Сіе предсказали и Пророки, и Исаія взываетъ: *Той язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша* (Ис. 53, 5)“ (Ѳеод.).

Язычники съ укоромъ всегда обращались къ христіанамъ: вы въ Распятаго вѣруете. Апостолы знали, что убѣжденіе вѣровать въ Распятаго само себя разрушаетъ,—но однакожъ съ этого всегда начинали слово, не прикрываясь и говоря истину, какъ она есть. Былъ на землѣ человѣкъ—Іисусъ; и распятъ: вѣруйте въ Него и спасетесь. Что въ Коринѳѣ такъ было, прежде поминалъ уже объ этомъ св. Павелъ, говоря: *не судихъ что вѣдѣти въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята* (—2, 2).—А между тѣмъ вѣра все росла и росла и обняла всю вселенную. Чѣмъ прикрѣплялась она къ сердцамъ?—Тѣмъ убѣжденіемъ, что Христосъ Іисусъ *умеръ грѣхъ ради нашихъ*. Никто не могъ скрывать отъ себя, что онъ грѣшенъ, и что грѣшнику нѣтъ спасенія. Слухъ о смерти подъятой ради грѣховъ нашихъ отверзалъ дверь спасенія. Въ нее и потекли всѣ. Надлежало только увѣреніе возымѣть, что смерть та не именуется только смертію грѣхъ ради нашихъ, но и дѣйствительно такова есть. А что она такова, объ этомъ свидѣтельствовало воскресеніе Умершаго. Вотъ златая цѣпь спасительныхъ истинъ и убѣжденій! Вотъ почему и слово о смерти смѣло было, и вѣра въ Него дерзновенна!

По Писаніемъ. „Крестъ былъ всѣмъ извѣстенъ, потому что Христосъ распятъ въ глазахъ всѣхъ, а при-

чина не всѣмъ была извѣстна: что Онъ умеръ, это всѣ знали; а что Онъ претерпѣлъ смерть за грѣхи вселенной, этого многіе не знали; посему Апостолъ и приводитъ свидѣтельство изъ Писаній" (св. Злат.). Указываетъ на Писаніе, опредѣляя имъ значеніе смерти Христовой. „Не станемъ исчислять порознь всѣхъ мѣстъ Писанія, изъ которыхъ одни прямыми словами, а другія прообразованіями въ нихъ заключающимися доказываютъ, что Христосъ умеръ плотію, и что Онъ умеръ за грѣхи наши. *Ради беззаконій*, говорится въ Писаніи, *людей Моихъ ведеся на смерть*; и: *Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ*; и еще: *язвенъ бысть за грѣхи наша* (Исаіи 53, 8. 6. 5)" (св. Злат.). Слово: *по Писаніемъ* показываетъ, что такъ издревле предречено; а древле предречено потому, что Богъ такъ внушалъ предречь; а Богъ такъ внушалъ предречь, потому что такъ положено въ предвѣчномъ совѣтѣ. Такимъ образомъ, вотъ куда возводило одно это слово. Дѣла идутъ во времени, а опредѣленіе объ нихъ предначертано въ вѣчности. Такое помышленіе тѣмъ паче необходимо было при словѣ о спасительной смерти Господа Іисуса Христа, умершаго яко человѣкъ.

Ст. 4. *И яко погребенъ бысть, и яко воста въ третій день, по Писаніемъ.*

И яко погребенъ бысть. „Желая показать, что смерть была истинная, а не кажущаяся, какъ думали нѣкоторые еретики, Апостолъ прибавилъ и это слово: *и яко погребенъ бысть.* Погребеніе есть подтвержденіе дѣйствительности смерти" (Экум.). *И яко воста въ третій день.* И это, говоритъ, я вамъ предалъ; и, какъ вслѣдъ за симъ приводитъ многія свидѣтельства о Его воскресеніи, то показываетъ тѣмъ, что въ этомъ и проповѣдь его главнымъ образомъ состояла, и теперь онъ поминаетъ о томъ съ тою особенно мыслію, чтобъ

они преимущественно этотъ предметъ возстановили въ сознаніи.—*По Писаніемъ* относится и къ: *погребенъ* и къ: *воста въ третій день*, и сказано не въ доказательство истины погребенія и воскресенія, а въ показаніе значенія ихъ, что это все случилось не просто, а по предначертанію предвѣчному и требуетъ не вѣры только, но и благоговѣнія, и углубленія въ созерцаніе всеобъятнаго значенія сихъ событій.

Св. Златоустъ говоритъ: „Гдѣ же сказано въ Писаніи, что Христосъ будетъ погребенъ и въ третій день воскреснетъ?—Въ прообразѣ Іоны, на который указываетъ Самъ Христосъ, когда говоритъ: *якоже бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи: тако будетъ и Сынъ Человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (Мѳ. 12, 40); въ прообразѣ купины въ пустынѣ: какъ она горѣла и не сгорала, такъ и тѣло Христово было мертво, но неудержано смертію навсегда; въ прообразѣ змія, бывшаго при Даніилѣ: какъ онъ, принявъ пищу, данную ему Пророкомъ, разсѣлся, такъ и адъ, принявъ тѣло Христово, распался; потому что оно расторгло чрево его и воскресло. Если же ты хочешь и въ словахъ слышать то, что видишь въ прообразахъ, то послушай Исаію, который говоритъ: *яко вземлется отъ земли животъ Его* (Исаіи 53, 8) (т.-е. Онъ погребается); и еще: *Господь хощетъ очистити Его отъ язвы и явити Ему свѣтъ* (т.-е. воскресить) (—10. 11); также Давида, который еще прежде (Исаіи) сказалъ: *не оставиши душу мою во адѣ, ниже даси преподобному Твоему видѣти истлѣнія* (Пс. 15, 10). Посему и Павелъ отсылаетъ тебя къ Писаніямъ, дабы ты зналъ, что это совершилось не просто и не безъ причины. Ибо могло ли быть такъ, если столь многіе Пророки предначисали и предвозвѣстили это.“

Ст. 5. *И яко явися Кифѣ, таже единонадесятимъ.*

О явленіи Господа св. Петру въ Евангеліи (Лк. 24, 34) упоминается; и нѣтъ сомнѣнія, что оно было. Св. Павелъ могъ слышать о томъ отъ самого Петра. Св. Златоустъ говоритъ: „въ Евангеліи говорится, что Христосъ прежде всѣхъ явился Маріи; но изъ мужей—прежде всѣхъ Петру, который особенно желалъ видѣть Его.— Кто первый сподобился видѣть Господа, тому нужна была великая вѣра, чтобы не смутиться отъ необычнаго видѣнія. Посему Христосъ явился прежде всѣхъ Петру. Кто первый исповѣдалъ его Христомъ, тотъ справедливо первый удостоился видѣть и воскресеніе Его. И не поэтому только Христосъ явился прежде всѣхъ одному Петру, но и потому, что Петръ отрекся Его; дабы совершенно утѣшить его и показать, что онъ не отвергнутъ, Христосъ удостоилъ его Своего явленія прежде другихъ.“

„Кифа достаточное для свидѣтельства лице, но оно одно. Посему Апостолъ прибавилъ: *таже единонадесятимъ*“ (Ѳеод.). У св. Златоуста и всѣхъ другихъ нашихъ толковниковъ стоитъ не одиннадцать, а двѣнадцать,—*δώδεκα*. Такъ обычно Писанію именовать все собраніе Апостоловъ, по первоначальному числу ихъ, хотя изъ числа ихъ и палъ Іуда; почему и Ѳома названъ у Евангелиста Іоанна однимъ *изъ обоюнадесяте* (20, 24). Собранію Апостоловъ явился Господь вечеромъ въ самый день воскресенія, и въ осьмый день спустя послѣ того, а можетъ быть и еще когда, хотя не записано. Когда же явился Апостолу Петру? Если принять, что св. Павелъ въ перечисленіи явленій соблюдаетъ порядокъ времени, то надо полагать, въ самый день воскресенія.

Ст. 6. *Потомъ же явися болѣ пяти сотъ братіямъ единою, отъ нихже множайшіи пребываютъ доселѣ, нѣцыи же и почиша.*

Послѣ упоминанія о явленіи Господа двѣнадцати,— „чтобы не сталъ кто подозрѣвать, будто бы они о любимомъ учителѣ проповѣдали воскресеніе, котораго не было, Апостолъ помянулъ и о явленіи болѣе, чѣмъ пяти стамъ братій,—не порознь, а всѣмъ вкупѣ. Свидѣтельство такого числа людей неподозрительно. И чтобы не подумалъ кто, что онъ самъ говоритъ, чего не было, прибавилъ, что изъ нихъ многіе живы доселѣ. Кому угодно, можетъ дознать объ этомъ отъ нихъ самихъ“ (Ѳеод.). „Хотя я, говоритъ, повѣствую о прошедшихъ событіяхъ; но имѣю свидѣтелей еще живущихъ. *Нѣцыи же и почиша*; не сказалъ умерли, но: *почиша*, утверждая и этимъ выраженіемъ истину воскресенія“ (св. Злат.).

Ст. 7 *Потомъ же явися Іакову, таже Апостоломъ всѣмъ.*

Іакову—„мнѣ кажется, брату Своему; его говорятъ, Онъ самъ рукоположилъ и поставилъ первымъ епископомъ въ Іерусалимъ“ (св. Злат.). „Это было лице значительное не по одному родству, такъ какъ назывался братомъ Господнимъ, но и по собственной своей добродѣтели, такъ какъ нареченъ былъ праведнымъ“ (Ѳеод.).

Таже Апостоломъ всѣмъ. „Ибо были и другіе Апостолы (кромѣ 12), именно семьдесятъ“ (св. Злат.). „Апостолами назвалъ здѣсь св. Павелъ не опять тѣхъ же двѣнадцать, ибо объ нихъ упоминалъ, но всѣхъ пріявшихъ такое рукоположеніе“ (Ѳеод.). „Были и другіе Апостолы изъ учениковъ Господа по подражанію двѣнадцати, каковы напр. Варнава, Ѳаддей“ (Экум.). Не избраны ли были они Самимъ Господомъ изъ числа увѣровавшихъ по воскресеніи?!

Обозрѣвъ всѣ сіи явленія, св. Златоустъ наводитъ: „Христосъ не вдругъ всѣмъ явился по воскресеніи, но сначала являлся порознь, дабы посѣять предварительно сѣмена вѣры въ немногихъ и чрезъ нихъ приготовить

къ вѣрѣ и всѣхъ. Ибо кто первый увидѣлъ Его и совершенно удостовѣрился, тотъ сказалъ о томъ другимъ; потомъ сказанное распространялось, производило въ слышавшихъ ожиданіе великаго чуда и пролагало путь вѣрѣ въ явленіе. Посему Христосъ явился не вдругъ всѣмъ вмѣстѣ и немногимъ въ началѣ. Тѣ, которые увидѣли послѣ того, какъ видѣли другіе и когда уже слышали отъ нихъ, въ свидѣтельствѣ ихъ имѣли не малое пособіе, располагающее къ вѣрѣ и предуготовляющее душу. Прежде всѣхъ явился Онъ одному только верховному. Послѣ Петра являлся и другимъ порознь, и вмѣстѣ,—немногимъ и многимъ: дабы они сдѣлались другъ для друга свидѣтелями и учителями въ этомъ дѣлѣ.—Такъ шло дѣло. Достовѣрнѣйшіе же свидѣтели и проповѣдники воскресенія суть безъ сомнѣнія Апостолы."

Ст. 8. *Послѣди же всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явися и мнѣ.*

Выслушавъ все сказанное доселѣ, могъ иной подумать: ты все говоришь по слухамъ. Слухъ не вѣрный свидѣтель. Чтобъ этого кто не сказалъ, или чтобы кто-либо самъ себя не смутилъ такими мыслями, св. Апостолъ выставляетъ и себя очевидцемъ и свидѣтелемъ воскресенія Господня, придавъ словамъ своимъ обычную ему скромность въ образѣ мыслей (Өеод.). *Извергъ*—не злодѣй, а выкидышъ. „Уподобляетъ себя выкинутому зародышу, который не включается и въ число людей" (Өеод.). „Что хочетъ онъ сказать здѣсь такими смиренномудрыми словами, и по какому поводу? Если онъ хочетъ показать себя достовѣрнымъ и причислить себя къ свидѣтелямъ воскресенія, то слѣдовало бы сдѣлать противное, слѣдовало бы превознести и возвеличить себя, какъ онъ дѣлаетъ во многихъ мѣстахъ, когда требуютъ обстоятельства. Но здѣсь онъ

унижаетъ себя потому, что намѣревается сдѣлать то же самое, только не вдругъ, а съ свойственнымъ ему благоразуміемъ. Ибо уничиживъ напередъ себя и высказавъ на себя много укоризнъ, онъ потомъ возвеличиваетъ дѣла свои. Для чего? Для того, чтобы когда онъ скажетъ о себѣ великое и высокое изреченіе: *паче всѣхъ потрудихся,* слова его были несомнѣнными и приняты, какъ-бы сказанныя по ходу рѣчи. Кто говоритъ что-нибудь великое о другихъ, тотъ говоритъ смѣло и дерзновенно; а кто принужденъ хвалить самого себя, особенно когда представляетъ себя въ свидѣтели, тотъ стыдится и краснѣетъ. Потому и этотъ блаженный мужъ напередъ уничижаетъ, а потомъ возвеличиваетъ себя. Онъ дѣлаетъ это какъ для того, чтобы смягчить непріятность самохваленія, такъ и для того, чтобы сдѣлать чрезъ то достовѣрными слѣдующія слова свои; ибо, сказавъ неложно о томъ, что достойно осужденія, и не скрывъ ничего такого, напр., что онъ гналъ Церковь, что истреблялъ вѣру, онъ дѣлаетъ чрезъ то несомнѣнными и достохвальными дѣла свои. И смотри, какъ велико его смиренномудріе. Сказавъ: *послѣди же всѣхъ явися и мнѣ,* онъ не удовольствовался этимъ,— ибо *мнози будутъ*, говоритъ Господь, *послѣдни первіи и первіи послѣдніи* (Мѳ. 19, 30),—но присовокупляетъ: *яко нѣкоему извергу;* и на этомъ не останавливается, но присоединяетъ собственное осужденіе, и приводитъ причину“ (св. Злат.).

Ст. 9. *Азъ бо есмь мній Апостоловъ, иже нѣсмь достоинъ нарещися Апостолъ, зане гонихъ церковь Божію.*

Перечисленіе очевидцевъ-свидѣтелей воскресенія кончено. Ихъ такъ много, что не вѣрить воскресенію Господню будетъ тоже, что называть день ночью.—Слѣдовало бы теперь сказать только то, что сказалъ чрезъ два стиха: такъ проповѣдуемъ, и такъ вы увѣровали.

Но коснувшись себя и своего призванія, Апостолъ не могъ удержаться, чтобы не остановиться на этомъ и по своему чувству смиренія и благодарности и по цѣли, съ какою приводилъ свидѣтельства воскресенія. *Гонихъ церковь,* говоритъ, и потому Апостоломъ не стою именоваться. Сильное выраженіе смиренія; но между тѣмъ. если прежде гналъ Церковь, а теперь сталъ проповѣдникомъ вѣры, основаніемъ которой служитъ воскресеніе Христово, то для всякаго отсюда выходило наведеніе: вѣрно этотъ гонитель имѣлъ поразительное удостовѣреніе въ воскресеніи, когда изъ гонителя сдѣлался проповѣдникомъ вѣры. Это наведеніе придавало свидѣтельству св. Павла о воскресеніи Христовомъ высшую цѣну предъ всѣми другими; оно и ихъ всѣхъ возвышало и вѣнчало собою. Св. Златоустъ говоритъ на это: „*Азъ есмь,* говоритъ, *мній Апостоловъ.* Не сказалъ: только двѣнадцати, но и всѣхъ прочихъ (въ Еф. 3, 8—и всѣхъ святыхъ). Все это онъ говоритъ, какъ по смиренію, такъ и съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы расположить слушателей къ скорѣйшему принятію послѣдующихъ словъ. Ибо еслибы онъ вмѣсто этого сказалъ: вы должны вѣрить мнѣ, что Христосъ воскресъ, потому что я видѣлъ Его, и я достовѣрнѣе всѣхъ свидѣтелей, потому что потрудился болѣе всѣхъ: то могъ бы такими словами оскорбить слушателей. А теперь, изображая напередъ обстоятельства, служащія къ его уничиженію и осужденію, онъ и смягчаетъ рѣчь свою, и пролагаетъ путь къ вѣрѣ въ его свидѣтельство.“

Ст. 10. *Благодатію же Божіею есмь, еже есмь, и благодать Его, яже во мнѣ, не тща бысть, но паче всѣхъ ихъ потрудихся: не азъ же, но благодать Божія. яже со мною.*

Опять тоже и обнаруженіе смиренномудрія, и возвышеніе своего свидѣтельства до несомнѣнности, за-

граждающей уста всякому пререканію. *Благодатію Божіею есмь еже есмь,* а онъ есть Апостолъ языковъ, огласившій до того времени всю Малую Азію, Македонію, Грецію и нѣкоторые острова. Послѣ этого онъ могъ сказать, что благодать Божія, избравшая его, не тща бысть въ немъ, что она не напрасно его избрала, что она чрезъ него успѣшно дѣлаетъ, что преднамѣрила сдѣлать. Потому хотя и указываетъ на то, что потрудился больше всѣхъ Апостоловъ, но видитъ въ этомъ не плодъ своего усердія, а тоже дѣло благодати. Ибо не достало бы у его собственнаго духа силы возгрѣвать такъ напряженно это усердіе, и у его воли энергіи къ продолженію такихъ неимовѣрныхъ трудовъ. Это искреннее исповѣданіе: *не азъ, но благодать яже со мною.* Сведите теперь во едино: *благодатію Божіею есмь, еже есмь,—благодать во мнѣ не тща бысть, благодатію Божіею потрудихся,* и вы должны убѣдиться, что это есть лице, носящее благодать и носимое благодатію. Если такъ, то что есть въ устахъ его свидѣтельство о воскресеніи, если не то же, что свидѣтельство свыше, отъ Самого Бога? Такимъ образомъ обнаруженіе смиренія стало непреоборимымъ удостовѣреніемъ въ несомнѣнности свидѣтельства о воскресеніи Христа Господа.

Ст. 11. *Аще убо азъ, аще ли они, тако проповѣдуемъ, и тако вѣровасте.*

Сводитъ все сказанное. Припомните, говоритъ, какимъ словомъ благовѣстилъ я у васъ Евангеліе. Я говорилъ вамъ, что Христосъ Господь умеръ грѣхъ ради нашихъ, потомъ погребенъ и воскресъ въ третій день, свидѣтели чему безчисленны,—не одни Апостолы, но и множество вѣрующихъ, которые доселѣ живы, наконецъ и я самъ. И вотъ слово, которымъ мы оглашаемъ всѣхъ, которымъ оглашены и вы, и которому повѣрили.

Это значило: если вы вѣрующіе, то несомнѣнно стоите на твердомъ камнѣ вѣры въ воскресеніе Христа Господа. Апостоломъ очень достаточно сказано для того, чтобы возобновить въ сознаніи Коринѳянъ истину воскресенія Господня и оживить убѣжденіе въ ней. Экуменій пишетъ: „*аще азъ, аще ли они, тако проповѣдуемъ.* Мы согласны, говоритъ, въ проповѣди,—согласны всѣ и проповѣдуемъ такъ не гдѣ-либо въ углѣ, а открыто, всѣмъ всюду. Такъ и вы увѣровали вмѣстѣ со всѣми. Эту самую вѣру ихъ призываетъ теперь Апостолъ въ свидѣтели истины (воскресенія). Ибо говоря: *вѣровасте,* даетъ разумѣть, что они не обманчивыми и лживыми словами были увлечены, а убѣждены вѣрными доказательствами въ истинѣ проповѣди, и потому повѣрили."

б).

Доказательства воскресенія мертвыхъ

15, 12—34.

„Положивъ воскресеніе Спасителя нашего и Бога какъ-бы въ нѣкое основаніе, Апостолъ назидаетъ на немъ ученіе объ общемъ воскресеніи, доказывая его самыми твердыми умозаключеніями" (Ѳеод.).

аа).

Первое доказательство беретъ Апостолъ изъ разъясненія того, какъ нелѣпо при вѣрѣ въ воскресеніе Христово думать, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ, и какое разстройство эта мысль вводитъ въ систему вѣрованія христіанскаго (ст. 12—19).

Ст. 12. *Аще же Христосъ проповѣдуется, яко изъ мертвыхъ воста, како глаголютъ нѣцыи въ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть?*

Всюду проповѣдуется воскресеніе Христово, несомнѣнными свидѣтельствами удостовѣряемое, всюду вѣруютъ ему, вѣруете ему и вы. Такъ какъ же говорятъ у васъ нѣкоторые, что воскресенія мертвыхъ нѣтъ? Вотъ оно: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ. Ибо Онъ, будучи Богъ, былъ и человѣкъ; какъ человѣкъ, умеръ и погребенъ и затѣмъ возсталъ; чѣмъ умеръ, тѣмъ и воскресъ; тѣломъ умеръ, тѣломъ и воскресъ, тѣмъ самымъ, которое имѣлъ, обращаясь среди насъ, и въ которомъ распятъ; и по воскресеніи оно имѣло язвы принятыя въ распятіи. Итакъ вотъ вамъ воскресеніе мертваго! Какъ же говорятъ у васъ, что воскресенія мертвыхъ нѣтъ? Надо полагать, что смыслъ словъ ихъ былъ такой: воскресеніе мертвыхъ невозможно. Указавъ имъ на дѣйствительное воскресеніе, Апостолъ вполнѣ опровергъ ихъ: ибо если есть—совершилось, то возможно; ab esse ad posse valet consequentia.

Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „Мы проповѣдали, говоритъ Апостолъ, что Христосъ не только Богъ, но и человѣкъ; ибо *во образѣ Божіи сый*, пріялъ Онъ зракъ раба (Фил. 2, 6. 7); и сказали, что Онъ и умеръ и возсталъ. Но очевидно, что Божество безстрастно, страданію же подлежитъ тѣло. Его-то и кресту предалъ Христосъ, и воздвигъ отъ гроба. Посему какъ же продолжаетъ Апостолъ, нѣкоторыми подвергается сомнѣнію воскресеніе тѣлъ, когда мы увѣровали въ воскресеніе Владыки Христа?“ Св. Златоустъ говоритъ: „Не сказалъ: какъ говорите вы, но: *како глаголютъ нѣцыи въ васъ*; не всѣхъ укоряетъ, и укоряемыхъ не открываетъ, дабы не ожесточить ихъ, и не скрываетъ ихъ совершенно, дабы исправить ихъ. Для того онъ отдѣливъ ихъ отъ всѣхъ, устремляется противъ нихъ, и такимъ образомъ съ одной стороны обезсиливаетъ и поражаетъ ихъ, а съ другой утверждаетъ другихъ въ

истинѣ для борьбы съ ними, не допуская вѣрующихъ уклоняться къ тѣмъ, которые старались развратить ихъ; противъ такихъ людей онъ приготовился сказать сильную рѣчь."

Ст. 13. *И аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста.*

Возьмемъ, говоритъ, вашу мысль съ другой стороны. Пусть она истинна. Смотрите теперь, что изъ нея должно слѣдовать? Если невозможно воскресеніе мертвыхъ, то и воскресеніе Христа невозможно; если невозможно, то его не было. Ибо a non posse ad non esse заключеніе идетъ само собою. Или: что есть неотъемлемая принадлежность рода, то имѣетъ мѣсто въ каждомъ недѣлимомъ. Если по вашему воскресеніе мертвыхъ немыслимо, то оно немыслимо и во Христѣ; слѣдовательно Онъ не воскресъ. Вы не можете ссылаться на то, что Христосъ былъ Богъ. Онъ былъ не Богъ только, но и человѣкъ, и тѣло было у Него настоящее наше тѣло со всѣми его существенностями. Если по вашему тѣламъ существенно не воскресать, то тоже должно принадлежать и тѣлу Христову. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „если невозможно одно (т.-е. воскресеніе мертвыхъ), то не было и другаго (т.-е. воскресенія Христова), потому что Владыка Христосъ имѣлъ тѣло (одинаковое съ нашимъ)."

Ст. 14. *Аще же Христосъ не воста, тще убо проповѣданіе наше, тща же и вѣра ваша.*

Если же Христосъ не воста, то отсюда выходятъ страшныя заключенія. Первое то, что стало-быть проповѣдь наша пуста, ничего истиннаго и существеннаго не содержитъ, пуста и вѣра ваша, ничего существеннаго вамъ не даетъ; мы разсказываемъ вамъ мечты, а вы мечты приняли; все у насъ одно сновидѣніе. На этомъ одномъ и останавливается Апостолъ. Надлежало бы при-

бавить: такъ думать нельзя ни о проповѣди нашей, ни о вѣрѣ вашей. Но это онъ предполагалъ столь очевиднымъ, что и говорить о томъ находитъ излишнимъ. Увѣрованіе Коринѳянъ основывалось не на однихъ словахъ, а было подтверждено знаменіями и чудесами, изъ которыхъ они уразумѣли, что предъ ними Божіи послы и возвѣщаютъ имъ волю Божію, и вѣра ихъ не была пуста, и сопровождалась очевидными удостовѣреніями, что они вступили на путь истинный, Божій. Осязательнѣе всего это доказывали чрезвычайные дары Духа Святаго. Если же вѣра такъ явно не пуста, то и проповѣдь. То и другое было такъ очевидно, что нечего было и разъяснять эти пункты. Св. Златоустъ и говоритъ: „онъ хочетъ потрясти души ихъ. Мы, говоритъ, все потеряли, все погибло, если Христосъ не воскресъ. Видишь ли таинство домостроительства? Если Христосъ умерши не могъ воскреснуть, то и грѣхъ не истребленъ, и смерть не побѣждена, и клятва не разрушена, и не мы только тщетно проповѣдывали, но и вы тщетно увѣровали.“

Ст. 15. 16. *Обрѣтаемся же и лжесвидѣтеле Божіи, яко послушествовахомъ на Бога, яко воскреси Христа, Егоже не воскреси, аще убо мертвіи не востаютъ: аще бо мертвіи не востаютъ, то ни Христосъ воста.*

Но не тщета только нашей проповѣди и вашей вѣры отсюда выходитъ, а еще и большее нѣчто, именно: мы лжесвидѣтели, вы во грѣхахъ еще, и мертвые о Христѣ погибоша. *Обрѣтаемся лжесвидѣтеле Божіи*, т.-е. о Богѣ; *яко послушествовахомъ*, потому что засвидѣтельствовали, удостовѣряли; *на Бога*, — κατὰ τοῦ θεοῦ,—противъ Бога. Свидѣтельствовали будто въ славу Божію, а вышло противъ Бога, въ хулу на Него, будто воскресилъ, когда не воскрешалъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „мы подлежимъ наказанію за клевету, осмѣлившись утверждать, что Богъ воскресилъ Христа,

Егоже не воскреси." Не воскреси, какъ это слѣдуетъ по вашей мысли, т.-е., *аще мертвіи не востаютъ.* Ибо то уже непремѣнно должно слѣдовать, какъ я сказалъ: *аще мертвіи не востаютъ, ни Христосъ воста.* Апостолъ часто повторяетъ это умозаключеніе съ намѣреніемъ утвердить его въ мысли, ибо оно очень впечатлительно и въ такомъ, отчасти ужасающемъ, а болѣе нелѣпомъ видѣ представляетъ мысль о невоскресеніи мертвыхъ; потому что она ставится чрезъ то въ противорѣчіе съ очевидностію воскресенія Христова, столь неопровержимо доказаннаго, свидѣтель котораго есть самъ, вѣру утверждавшій въ Коринѳянахъ, и пишущій сіи убѣжденія.

Ст. 17. *Аще же Христосъ не воста, суетна вѣра ваша, еще есте во грѣсѣхъ вашихъ.*

А вотъ и для васъ что выходитъ изъ того, если Христосъ не воскресъ: *суетна вѣра ваша, еще есте во грѣсѣхъ вашихъ.* Вы увѣровали въ надеждѣ получить отпущеніе грѣховъ и пріять силы на противустояніе грѣху и истребленіе его въ себѣ новою жизнію. Эта надежда ваша суетна. Ибо на чемъ основывается надежда, что вѣрующему отпущаются грѣхи? На томъ, что Христосъ, умерши на крестѣ, принесъ за всѣ ихъ искупительную жертву: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). А что сія жертва принята, это чѣмъ свидѣтельствуется? Воскресеніемъ Умершаго за грѣхи. Если Онъ не воскресъ, жертва не принята. Смерть Его, какъ и смерть всѣхъ. Съ другой стороны, избавленіе отъ грѣховъ, имѣетъ двѣ стороны: первая есть отпущеніе грѣховъ, а вторая сѣмя новой жизни во истребленіе грѣха. Первое подается пріобщеніемъ смерти Христа, а вторая пріобщеніемъ воскресенія Его. То и другое пріемлютъ вѣрующіе въ купѣли крещенія — омываются отъ грѣховъ и возвращаются къ новой жизни, чтобъ по

крещеніи ходить въ новой жизни, свѣтлой, какъ свѣтло состояніе Христа по воскресеніи. Если же не воста Христосъ, то и общенія воскресенію Его нѣтъ; а если этого нѣтъ, то нѣтъ и сѣмени въ насъ новой жизни; если этого нѣтъ, то грѣхъ по прежнему нами обладаетъ, то мы во грѣхахъ еще. Грѣхи, кои на насъ, смываются, когда грѣхъ въ насъ пресѣкается. Изъ этого выходитъ, что хотя бы смерть Христова и цѣну имѣла, мы все бы оставались въ грѣхахъ, ибо не могли бы получить новой жизни, на коей стоитъ и самое отпущеніе грѣховъ. Итакъ, *аще Христосъ не воста, еще есте во грѣсѣхъ вашихъ.*

Ст. 18. *Убо и умершіи о Христѣ погибоша.*

Вотъ и еще страшное слѣдствіе вашей мысли, приводящей къ тому, что Христосъ не воста. Если Христосъ не воста: *убо умершіи о Христѣ погибоша.* Почему погибли? Потому что умерли во грѣхахъ. Если вы, живые, еще есте во грѣхахъ, безъ воскресенія Христова, то и они, когда живы были, оставались во грѣхахъ; если же живые были такими, то такими и отошли отселѣ; если такими, т.-е. сущими во грѣхахъ, отошли, то какая имъ отрада тамъ? Погибли, пошли въ пагубу, въ адъ, на вѣчныя мученія. Въ вѣрѣ же Христовой то и отрадно, что она избавляетъ отъ ада и дѣлаетъ наслѣдниками царства небеснаго со Христомъ, по воскресеніи и вознесеніи сѣдящимъ одесную Отца. Одна ваша пустая мысль о невоскресеніи мертвыхъ разстраиваетъ всю цѣпь утѣшительныхъ христіанскихъ истинъ и надеждъ.

Умершими о Христѣ называетъ Апостолъ не вѣрующихъ только, но и потерпѣвшихъ за вѣру, — тѣхъ и другихъ. Такъ св. Златоустъ: „Выраженіе—*умершіи о Христѣ* означаетъ умершихъ или въ вѣрѣ, или за Него претерпѣвшихъ многія опасности и великія страда-

нія, шедшихъ путемъ тѣснымъ."—Ѳеодоритъ всю мысль текста изображаетъ такъ: „Напрасно, повидимому, умерщвлены за исповѣданіе Христово добродѣтельные мученики; и хотя съ усердіемъ подъяли подвиги, но вѣнцовъ не пріяли; потому что, если нѣтъ воскресенія, то нѣтъ возглашенія и о побѣдѣ." Кто будетъ раздавать вѣнцы, когда Самъ Подвигоположникъ не увѣнчанъ? А Онъ не увѣнчанъ, если не воскресъ.

Ст. 19. *И аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы.*

Тутъ двѣ мысли возможны. Или такая: если всѣ наши надежды, какія питаемъ мы, прилѣпляясь вѣрою ко Христу, ограничимъ только сею жизнію, только въ сей жизни будемъ чаять получить отъ Него что-либо; то, сами видите, мы несчастнѣе всѣхъ людей; и образоваться невозможно такой надеждѣ, ибо насъ всѣхъ тѣснятъ, гонятъ, лишаютъ всего, и мы сами себя подвергаемъ всякаго рода лишеніямъ, въ видахъ нравственнаго преспѣянія. Какъ кто можетъ придти къ мысли чаять чего-либо отъ Христа въ сей жизни? И еслибы кто сталъ ее питать, неразумнѣе и жалче такого человѣка и вообразить нельзя.—Или такая: если, живя здѣсь, въ сей жизни, всю надежду нашу мы имѣемъ во Христѣ,—ἐν Χριστῷ,—въ томъ, что послѣ сей скорбной жизни, отъ Него получимъ утѣшеніе въ будущей, а между тѣмъ и мы, какъ умершіе уже, умремъ во грѣхахъ и погибнемъ, по сказанному предъ симъ,—т.-е. если Христосъ не воста,—то мы самые несчастные изъ людей. Здѣсь всего лишаемся, и тамъ ничего не получимъ, и это тѣмъ горше, что чаемъ тамъ получить то, чего и вообразить невозможно. Не такъ горько не получить нечаемаго, сколько горько не получить, что чаешь несомнѣнно получить. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Мы проходимъ жизнь среди опасностей всякаго рода: томимые

голодомъ, терпя непрестанно обиды, переходя изъ темницы въ темницу по вселенной, не имѣя пріюта, скитаясь, борясь съ непрестанными треволненіями. Насъ поддерживаетъ добрая надежда (на упокоеніе въ будущемъ), и въ воскресеніи Спасителя нашего имѣемъ мы залогъ нашего воскресенія (и будущаго прославленія).“ А если Христосъ не воскресъ,—дополнимъ сію рѣчь,—то и прославленія въ будущемъ не будетъ. И останемся мы ни при чемъ.—Что можетъ быть горше такой участи?!

бб).

Второе доказательство беретъ Апостолъ изъ силы воскресенія Христова, несомнѣнно доказаннаго и всѣми тѣми, къ кому онъ говоритъ, вѣруемаго. Тамъ онъ разъяснялъ, какъ та нелѣпая мысль (о невоскресеніи мертвыхъ) противна сей очевидности воскресенія; теперь раскрываетъ, какъ изъ сей очевидности воскресенія Христова выходитъ мысль совершенно противоположная той нелѣпой, именно: поелику Христосъ воскресъ, то и всѣ воскреснуть должны. Онъ говоритъ какъ-бы: тамъ я разъяснялъ, что выходитъ, если допустить вашу мысль; теперь покажу не только что выходитъ, но что есть и должно быть, если принять сущую истину. Ст. 20—28.

Ст. 20. *Нынѣ же Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть.*

Нынѣ же. То выводилъ я слѣдствія изъ того, если Христосъ не воста; теперь беру истину, что Христосъ воста, и покажу вамъ, что отсюда выходитъ. — Или *нынѣ же*, на дѣлѣ же, въ настоящей дѣйствительности вотъ что есть. Изъ вашей мысли мрачная картина выходитъ; а въ дѣйствительности не то есть, не то выходитъ по истинному исповѣданію вѣры нашей. — И

живописуетъ α) картину воскресенія всѣхъ (20—23) и β) преславное измѣненіе всего по возустроеніи всяческихъ (—24—28).

α).

Христосъ воста отъ мертвыхъ. Берите эту истину, которую вы приняли и въ которой стоите. *Христосъ воста* для Себя ли? Не для Себя. Онъ весь есть не для Себя. Не для Себя сошелъ на землю Единородный Сынъ Божій, не для Себя Онъ воплотился, не для Себя страдалъ и умеръ, не для Себя и воскресъ. Для кого же? Для того, ради кого и пришелъ,—для рода человѣческаго. Не смотри на сіе воскресеніе такъ, какъ бы оно въ Немъ совершилось и Имъ однимъ ограничилось; но какъ смерть Его упразднила смерти всѣхъ, такъ о воскресеніи Его разумѣй, что оно есть основа воскресенія всѣхъ. „Въ воскресеніи Спасителя нашего имѣемъ залогъ воскресенія нашего. Онъ первый сокрушилъ державу смерти, а за Нимъ, яко за начаткомъ, конечно послѣдуетъ и все смѣшеніе (и все человѣчество)“ (Ѳеод.).

Воскресши, Онъ воскресъ, какъ *начатокъ умершихъ*, имѣющихъ, т.-е, воскреснуть, какъ *перворожденный изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18), за которымъ и другіе всѣ родятся изъ мертвыхъ въ жизнь нескончаемую. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда приносили въ храмъ Богу начатки, напр., первые снопы съ жатвы, тѣмъ самымъ освящали всѣ снопы и всю жатву: такъ Христосъ Господь, воскресши, освятилъ, благословилъ и утвердилъ воскресеніе всѣхъ, которые возстанутъ изъ земли, какъ колосья изъ сѣмянъ. Но Апостолъ хотѣлъ сказать этимъ и большее нѣчто, именно: что въ воскресеніи Христовомъ положено начало и основаніе воскресенію всѣхъ, что сила его такъ велика, что изъ него изыдетъ жизнь для всѣхъ, или что воскресеніе сіе есть въ возмож-

ности уже воскресеніе всѣхъ. Потому сколько не сомнѣваетесь вы въ воскресеніи Христа Господа, столько же не должны сомнѣваться и въ воскресеніи всѣхъ.

Ст. 21. 22. *Понеже бо человѣкомъ смерть бысть, и человѣкомъ воскресеніе мертвыхъ: якоже бо о Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ.*

Объясняетъ, почему воскресшій Христосъ есть такой начатокъ умершихъ, въ которомъ положено основаніе воскресенію всѣхъ. Для сего выставляетъ двухъ родоначальниковъ: праотца Адама, въ которомъ всѣ умерли, и Христа Господа, въ Которомъ всѣ оживутъ. Умираютъ всѣ, кои отъ Адама, по той причинѣ, что умерли уже въ немъ; и оживутъ всѣ о Христѣ, по той причинѣ, что оживлены уже въ Немъ всѣ. Умираніе всѣхъ есть явленіе въ дѣйствительности того, что въ Адамѣ совершилось въ возможности; и оживленіе всѣхъ будетъ исполненіемъ въ дѣйствительности того, что во Христѣ воскресшемъ положено въ возможности. Ѳеодоритъ пишетъ: „Обратите вниманіе на основаніе рода, и увидите, что за прародителемъ послѣдовали и потомки, и всѣ стали смертными; потому что онъ пріялъ смертность. Такъ все естество человѣческое послѣдуетъ за Владыкою Христомъ и пріобщится воскресенія; потому что и Онъ *перворожденъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18), какъ Адамъ есть перворoccидный. Не безъ причины же Христа наименовалъ здѣсь Апостолъ человѣкомъ, зная, что Онъ Богъ; но чтобы, показавъ соестественность, подтвердить ученіе о воскресеніи.“

Эти послѣднія слова блаж. Ѳеодорита относятся къ первому положенію: *человѣкомъ смерть и человѣкомъ воскресеніе*, въ сопоставленіи его съ послѣднимъ: *во Адамѣ вси умираютъ, во Христѣ вси оживутъ*. Тамошнему: *человѣкомъ воскресеніе*, соотвѣтствуетъ здѣсь: *во Христѣ оживутъ*. Выходитъ: во Христѣ человѣкѣ получатъ

воскресеніе или оживутъ. Лежащая въ основаніи мысль та, что надлежало обоженному человѣческому естеству пройти весь путь возстановленія, чтобъ проложить дорогу возстановляемымъ. Для того Христосъ умираетъ, чтобъ разрушить силу смерти, для того воскресаетъ, чтобы для всѣхъ положить основаніе воскресенія; для того входитъ въ славу, чтобъ и всѣмъ открыть дверь ко вступленію въ сію славу. Древніе святые не входили въ рай, а сходили въ особое мѣсто — шеолъ, и тамъ ждали, пока придетъ Обѣтованный и проложитъ имъ туда путь. Пришелъ, прошелъ и ввелъ ихъ въ рай, только человѣческою душею, потому что то есть еще предначинательный рай. Такъ всюду прошло обоженное человѣческое естество, чтобъ собою проложить путь возстановленію всѣхъ людей. Это и выражаетъ Апостолъ, когда говоритъ: человѣкомъ смерть, человѣкомъ и воскресеніе.—Симъ воскресеніемъ положено основаніе, проложенъ путь воскресенію всѣхъ.

Ст. 23. *Кійждо же во своемъ чину: начатокъ Христосъ, потомъ же Христу вѣровавшіи, въ пришествіи Его.*

Слова: *кійждо же во своемъ чину,* двояко понимать можно. Если поставить ихъ въ связи съ предыдущимъ, они будутъ значить, что во Христѣ всѣ оживутъ; но участь получитъ по воскресеніи всякій по своему достоинству; всѣ оживутъ о Христѣ, не не всѣ вкусятъ блаженной жизни о Немъ, оживутъ прежде для суда, а по судѣ для пріятія участи, какую кто заслужилъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Дабы ты не подумалъ, что и грѣшники спасутся, онъ присовокупляетъ: *кійждо же въ своемъ чину.* Слыша о воскресеніи, не подумай, что всѣ получатъ равное воздаяніе: ибо если наказаніе не всѣ понесутъ равное, но весьма различное, то тѣмъ болѣе между грѣшниками и праведниками будетъ великое различіе.“ И Ѳеодоритъ пишетъ: „Поелику ска-

залъ: *вси оживутъ*, по воскресеніи же будетъ раздѣленіе жившихъ цѣломудренно и предававшихся въ жизни невоздержанію, страдавшихъ невѣріемъ и просіявшихъ вѣрою и, однимъ словомъ, стремившихся къ дѣламъ похвальнымъ и къ дѣламъ укоризненнымъ; то по необходимости присовокупилъ: *кійждо же въ своемъ чину*. Такъ и Господь въ священномъ Евангеліи учитъ, что агнцевъ поставитъ одесную, а козловъ ошуюю (Мѳ. 25, 33).“ Такъ и всѣ и другіе наши толковники. Оправдываетъ такое толкованіе слово: τάγμα, которое означаетъ воинскій отрядъ, полкъ. Это подаетъ вмѣстѣ мысль, что самое воскресеніе уже укажетъ каждому свой отрядъ и полкъ, къ которому онъ самъ собою и понесется.

Другіе поставляютъ сіи слова въ связи съ послѣдующимъ, какъ общее указаніе на порядокъ, въ какомъ будетъ идти воскресеніе. Всѣ оживутъ о Христѣ, но это оживленіе будетъ идти въ своемъ порядкѣ: сначала воскресъ Христосъ, потомъ во второе Его пришествіе воскреснутъ тѣ, кои Христовы суть, за тѣмъ кончина,— т.-е., какъ думаютъ иные, послѣдуетъ и окончательное всѣхъ воскресеніе,—воскресеніе и тѣхъ, кои послѣ воскресенія Христовыхъ оставались еще невоскресшими. Что касается до значенія словъ: *кійждо же въ своемъ чину*, то ихъ можно поставлять въ такой связи, только не въ той мысли, какъ инымъ кажется, что тутъ означаются отряды воскресающихъ: т.-е. воскресаетъ Христосъ, потомъ вѣрующіе, потомъ невѣры и грѣшники, а въ той, что всему свое время. Всѣ оживутъ во Христѣ, но не вмѣстѣ съ воскресеніемъ Христовымъ, а въ свое время,—когда придетъ череда, придетъ же она во второе пришествіе Христово. Св. Златоустъ говоритъ: „теперь, по воскресеніи Христовомъ, дѣла человѣческія остаются въ обычномъ поряд-

кѣ,—а тогда, во второе пришествіе, и всѣ воскреснутъ, и всему будетъ конецъ."

Христосъ воскресшій есть начатокъ, въ которомъ положено основаніе и указанъ путь всеобщаго воскресенія; а чрезъ это воскресеніе совершится окончательное возстановленіе падшаго человѣчества, и явленіе его въ предназначенной ему славѣ и въ свойственномъ ему свѣтѣ и совершенствѣ. Воскресеніе Христово потому есть ручательство за вѣрность всѣхъ христіанскихъ надеждъ, почему и славится христіанами паче всего. Воскресши и вознесшись на небеса, Господь повелѣлъ ждать втораго Его пришествія. Мы и ждемъ,— каждый часъ и каждую минуту. Никто не знаетъ, когда протрубитъ труба, возбуждающая мертвыхъ. Но когда протрубитъ, всѣ подымутся изъ гробовъ, или изъ того мѣста, гдѣ чьи сложены кости. Тогда исполнится то, что говоритъ Апостолъ: *потомъ же Христу вѣровавшіи*, οἱ τοῦ Χριστοῦ,—Христовы „т.-е. вѣрующіе и благочестивые" (св. Злат.). „Не только увѣровавшіе во Христа послѣ Его вочеловѣченія, но и просіявшіе благочестіемъ и добродѣтелію подъ закономъ и прежде закона" (Ѳеод.). Но это только одна часть человѣчества спасеннаго, — гдѣ же другая часть — невѣровъ и грѣшниковъ погибающихъ?—Иные говорятъ: воскресеніе этой части разумѣется въ словахъ: *таже кончина*, которыя означаютъ: потомъ послѣдуетъ окончательное всѣхъ воскресеніе; и такимъ образомъ вводятъ два момента воскресенія, а иные—даже два періода, раздѣленные немалымъ пространствомъ времени. Совершенно произвольно. О двухъ воскресеніяхъ и намека нѣтъ въ Писаніи; а слова: *таже кончина*, означаютъ, что за воскресеніемъ послѣдуетъ конецъ всему,—судъ, распредѣленіе оправданныхъ и осужденныхъ по своимъ мѣстамъ, прекращеніе теперешняго порядка бытія вещей

и начало новаго, когда откроются новое небо и новая земля. Другую какую мысль соединять съ сими словами и въ умъ не должно бы приходить. Св. Златоустъ говоритъ: „Тогда всему будетъ конецъ.“ Ѳеодоритъ пишетъ: „Тогда все приметъ конецъ, и настоящій порядокъ вещей и предреченія Пророковъ.“ Гдѣ же воскресеніе грѣшниковъ и невѣрующихъ?—Его надо доразумѣвать при словахъ: *потомъ же Христу вѣровавшіи*, доразумѣвать—т.-е. не безъ исключенія и тѣхъ, кои не суть Христовы. Мысль всего будетъ такая: теперь Христосъ воскресъ, а во второе Его пришествіе воскреснутъ и Христовы, но не одни конечно, а со всѣми другими людьми. При этомъ останется только рѣшить, чего же ради Апостолъ не помянулъ объ нихъ особо? На это отвѣтимъ: такъ ему было угодно; помянулъ онъ о Христовыхъ, потому что говорилъ къ тѣмъ, кои Христовы суть, и ихъ надежды оживлялъ, а о нехристовыхъ промолчалъ, чтобъ не омрачать свѣтлой картины воскресенія, давая доразумѣть о нихъ читающимъ самимъ,—изъ того, что впереди сказалъ, что о Христѣ всѣ оживутъ, безъ различія. Но изъ-за того, что онъ объ нихъ не помянулъ, раздѣлять воскресеніе на два момента, прикрываясь кривотолкованіемъ слова: *таже кончина*, совершенно несправедливо. Св. Златоустъ и намека не дѣлаетъ на такіе моменты; тоже, кажется, и Ѳеодоритъ. Экуменій и Ѳеофилактъ, хотя полагаютъ, что праведные не много упредятъ воскресеніемъ грѣшниковъ и невѣрующихъ, для того, чтобы срѣтить Господа на воздухѣ; но какъ они тутъ же говорятъ, что грѣшники останутся внизу, то этимъ подаютъ мысль, что время воскресенія умершихъ и по ихъ разумѣнію будетъ одно:—въ пришествіе Господне,—только одни изыдутъ изъ гробовъ впереди, а другіе позади, какъ выходящіе изъ какого дома всѣ находятся

въ состояніи и дѣйствіи исхода, но выходятъ одни впереди, а другіе позади. Новымъ толковникамъ, не знать почему, нравится навязывать св. Павлу мысль о двухъ моментахъ или временахъ воскресенія мертвыхъ.

β).

Ст. 24. *Таже кончина, егда предастъ царство Богу и Отцу, егда испразднитъ всяко начальство и всяку власть и силу.*

Таже кончина. Т.-е. конецъ настоящему порядку вещей, конецъ и царству благодати! По воскресеніи судъ, по судѣ приговоръ, однимъ—*пріидите*, другимъ—*отыдите. И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.* Этимъ кончится все.

Егда предастъ царство Богу и Отцу. Когда это *егда?* Когда все кончится, тогда предастъ царство Богу и Отцу; и когда Онъ предастъ его Ему, тогда все кончится. Это неотдѣлимыя современности или событія, одно другое вызывающія, взаимно себя предполагающія. Какое царство предастъ? То, которое принялъ, яко основатель, устроитель, и совершитель царства благодатнаго. По воскресеніи Онъ сказалъ: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли,*—яко побѣдителю ада и смерти. По вознесеніи и сѣдѣніи одесную Бога Отца, Онъ взялъ въ руки бразды правленія Своего царства, во исполненіе всего предначертаннаго въ предвѣчномъ совѣтѣ объ устроеніи спасенія человѣчества. По сей власти устроена Церковь на землѣ, по ней обращаются народы, по ней совершаются всѣ благодатныя дѣйствія обычныя (чрезъ таинства) и необычныя непосредственно и по молитвѣ Церкви, по ней все человѣчество ведется къ послѣднему концу, по ней разрушится окончательно власть сатаны истребленіемъ

антихриста, по ней и смерть упразднится воскресеніемъ, и послѣднимъ судомъ завершится участь всего. Итакъ, когда все это предназначенное совершится въ царствѣ благодати, тогда Господь Іисусъ Христосъ предастъ царство Богу и Отцу, т.-е. тогда Онъ отдастъ то, что получилъ по воскресеніи. Этимъ выражается, что царство благодати кончится, и начнется царство славы. Царство сіе есть царство Пресвятыя Троицы, въ коемъ и Сыну такая же часть принадлежитъ, какъ и Отцу и Духу Святому. Но Апостолъ всего не говоритъ, а только то, что касается Христа Спасителя. Если разумѣть подъ царствомъ всѣхъ, вошедшихъ въ сіе царство, въ той мысли, что тогда изречетъ Господь: *се азъ и дѣти*,—то отъ этого главная мысль нисколько не измѣнится. Ибо царство Христово конечно имѣетъ подцарственныя лица, а они и суть всѣ вѣрующіе, изъ коихъ составится Его царство. Къ этому прибавить только можно: когда всѣ предназначенные къ сему царству войдутъ въ него, тогда и конецъ царствованію Христову, яко Искупителя и Спасителя. Искупительныхъ и спасительныхъ силъ Его приложеніе прекратится: будетъ только непрерывное и нескончаемое дѣйствіе ихъ въ спасенныхъ уже и прославленныхъ.

Сіе преданіе царства Богу и Отцу будетъ послѣднимъ дѣйствіемъ Христа Господа, Царя благодатнаго царства. Ему предшествовать должно покореніе и упраздненіе всѣхъ враговъ сего царства,—діавола, смерти, грѣха. Все продолженіе царства Христова есть постоянное ихъ побѣжденіе. Въ своемъ лицѣ Онъ побѣдилъ ихъ Своею смертію, воскресеніемъ и вознесеніемъ. Непрерывно же ихъ побѣждаетъ и будетъ побѣждать до скончанія вѣка, въ лицѣ Своихъ вѣрующихъ. Въ концѣ вѣковъ возстанетъ антихристъ, совмѣстить имѣющій въ себѣ всю сатанинскую и бѣсов-

скую силу. Его Господь убіетъ духомъ устъ Своихъ, и тѣмъ во главу поразитъ сатану и всѣ полчища его. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ, которое есть упраздненіе смерти, или окончательная надъ нею побѣда. Остается еще грѣхъ. И онъ, въ лицѣ грѣшниковъ, будетъ упраздненъ окончательнымъ рѣшеніемъ: *отъидите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его*. Царство Божіе очистится отъ всего противнаго и богоборнаго, и свѣтъ славы Божіей возсіяетъ во всѣхъ областяхъ бытія. Послѣ всего этого уже Господь предастъ царство Богу и Отцу.

О такомъ упраздненіи Господомъ Спасителемъ враговъ и говоритъ далѣе св. Павелъ. *Егда испразднитъ всяко начальство и всяку власть и силу*. Этимъ указывается на окончательное уничтоженіе сатаны и клевретовъ его. Они будутъ заключены въ адъ, еще прежде суда: ибо на судѣ объ нихъ и помина не будетъ, а только о мѣстѣ, въ которомъ они уже находятся. Св. Златоустъ говоритъ: „Объ упраздненіи какого начальства говоритъ здѣсь Апостолъ? Ангеловъ? нѣтъ! Вѣрующихъ? нѣтъ! Какого же? Начальства бѣсовъ, о которомъ онъ же говоритъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего* (Еф. 6, 12). Теперь оно еще несовершенно упразднено, ибо они еще дѣйствуютъ часто; а тогда перестанутъ дѣйствовать.“

Ст. 25. *Подобаетъ бо Ему царствовати, дондеже положитъ вся враги подъ ногама Своима.*

Такъ, говоритъ, положено въ предвѣчномъ совѣтѣ, чтобы Господу царствовать, пока положитъ всѣхъ враговъ подъ ногами Своими; и слѣд. прежде этого не слѣдуетъ и нельзя Ему предать царство Богу и Отцу. Надобно при семъ имѣть въ мысли, что какъ *предастъ*

царство, такъ и *подобаетъ Ему царствовати, дондеже...*, должно разумѣть, по домостроительству спасенія. Ибо, какъ Сынъ Божій и Богъ, Господь имѣетъ надъ всѣмъ неизмѣнное царство, какъ Богъ Отецъ и Богъ Духъ Святый. Мы можемъ не ясно себѣ представлять, что есть пріятіе царства и преданіе его по домостроительству нашего спасенія; но не можемъ не разумѣть, что это не можетъ касаться измѣненія безпредѣльной власти и силы вседержительной, принадлежащихъ Господу Іисусу Христу, яко Богу; не можемъ также не полагать, что многое о Христѣ Спасителѣ и говорится, и имѣющимъ въ Немъ мѣсто представляется, чего не можемъ мы ни понять, ни пояснить, а должны принимать, какъ оно преподается намъ въ словѣ Божіемъ. Такъ то, что Господь Іисусъ Христосъ пріялъ царство, яко Спаситель, и предастъ его яко Совершитель спасенія человѣчества, вѣрою примемъ, не умѣя до ясности представить, въ чемъ это и какъ. Одно будемъ содержать, что это точно такъ есть, и что это нисколько не нарушаетъ Его Божескаго надъ всѣмъ царствованія. На этой мысли особенно останавливаются наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ при словѣ: предастъ царство: „Если мы будемъ принимать это просто, а не боголично, то слѣдуетъ, что Христосъ послѣ того уже не будетъ имѣть царства; ибо кто отдастъ что-либо другому, тотъ самъ уже перестаетъ владѣть тѣмъ. И не одна только эта слѣдуетъ нелѣпость, но и та, что принявшій также не имѣлъ того прежде, нежели получилъ; т.-е., по ихъ мнѣнію, ни Отецъ не былъ прежде Царемъ и только еще ожидаетъ царства надъ нами, ни Сынъ послѣ того не останется Царемъ. Какъ же Онъ Самъ сказалъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17)?—Также изъ словъ: *подобаетъ Ему царствовати, дондеже положитъ*, и проч.—выйдетъ иная

нелѣпость, если мы будемъ принимать это небогоприлично. Ибо *дондеже* означаетъ конецъ времени и предѣлъ, а этого нѣтъ въ Богѣ. *Дондеже* — сказалъ онъ не въ томъ смыслѣ, чтобы означить конецъ царствованія, но чтобы сдѣлать сказанное несомнѣннымъ и внушить надежду. Когда, говоритъ, ты слышишь, что Христосъ низложитъ всякое начальство, не опасайся, что у Него не достанетъ на то силы: Ему надлежитъ царствовать, доколѣ Онъ совершитъ это. Онъ владычествуетъ, управляетъ, и царство Его не прекращается.“ Ѳеодоритъ пишетъ: „Богъ всяческихъ вѣченъ, совѣченъ Ему Единородный Сынъ Его. И царство имѣетъ также вѣчное; и сему именно научилъ насъ прор. Даніилъ, когда сказалъ: *царство Его царство вѣчное* (Дан. 7, 27), оно не разрушится въ вѣчное время!“

Ст. 26. *Послѣдній же врагъ испразднится смерть.*

Смерть испразднится воскресеніемъ, послѣ уже того какъ испразднятся начальство, власть и сила бѣсовская чрезъ пораженіе антихриста. Ѳеодоритъ пишетъ: „Діавола и споспѣшниковъ его пославъ во тьму кромѣшнюю, Христосъ положитъ конецъ смерти, воскресивъ всѣхъ усопшихъ.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Какъ *послѣдній?* Послѣ всѣхъ, послѣ діавола, послѣ всего прочаго; ибо и въ началѣ смерть вошла послѣ всего: прежде совѣтъ діавола, потомъ преслушаніе, а за тѣмъ и смерть. Сила ея и теперь упразднена, но дѣйствіе прекратится тогда.“ Смерть испразднится не въ отношеніи только къ людямъ, но и въ отношеніи ко всѣмъ тварямъ: ибо нельзя тѣлу нашему сдѣлаться чуждымъ смерти и тлѣнія безъ того, чтобы тлѣніе и смерть совсѣмъ не были изгнаны изъ всѣхъ областей бытія. Настанетъ періодъ бытія неба и земли и всего, что въ нихъ, нетлѣнный.

Ст. 27. *Вся бо покори подъ нозѣ Его. Внегда же рещи,*

яко вся покорена суть Ему, явѣ, яко развѣ Покоршаго Ему вся.

Апостолъ приводитъ слова Писанія въ подтвержденіе, что Господу Спасителю все должно покориться. Мѣсто взято изъ Псалма 8 го, ст. 7, гдѣ говорится, что всѣ твари земныя покорилъ Богъ человѣку. Къ Господу Спасителю примѣняетъ это мѣсто Апостолъ по той причинѣ, что Онъ есть первообразъ возстановленнаго человѣка, и что въ немъ совершеннѣйшимъ образомъ осуществляется то, чѣмъ долженъ быть человѣкъ по первоначальному предназначенію. Но какъ Онъ есть не человѣкъ только, но и Богъ; то и человѣческія принадлежности не могли оставаться въ Немъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ прилично имъ быть въ человѣкѣ, а принимаютъ необычайные размѣры. Посему и власть человѣка надъ тварями только земными, въ Христѣ Спасителѣ, яко Богочеловѣкѣ, стала властію надъ всѣмъ сотвореннымъ. Эту мысль особенно и выясняетъ Апостолъ въ послѣдующихъ словахъ. Чтобы изъ приведеннаго мѣста кто не подумалъ, что и Ему, какъ-бы простому человѣку, покорена только земная тварь, онъ говоритъ: *внегда же рещи, яко вся покорена суть Ему, явѣ, яко развѣ Покоршаго Ему вся,* Т.-е. когда говоритъ Писаніе, что *все* покорено Ему, то подъ этимъ *все* надо разумѣть все сотворенное, все, кромѣ Самого Творца, покорившаго Ему все.

Выше сказалъ Апостолъ, что Господь Спаситель Самъ покоритъ подъ ноги Свои всѣхъ враговъ Своихъ, Самъ испразднитъ всяко начальство, власть и силу; а здѣсь говоритъ, что Богъ Отецъ покорилъ все подъ ноги Его. Но здѣсь нѣтъ разномыслія, а одно и тоже утверждается въ разныхъ отношеніяхъ. Вся покори Богъ, — предназначилъ покорить, или предназначилъ, чтобы все Ему было покорно. Въ семъ предназначеніи

участвовалъ и Сынъ столько же, сколько Отецъ по единодѣйствію Пресвятыя Троицы. Въ исполненіе же это опредѣленіе приводится Сыномъ Божіимъ самимъ по воплощеніи, смерти, воскресеніи и сѣдѣніи одесную Отца. Съ сего момента воспринята Имъ власть надъ всѣмъ покорнымъ и началось покореніе непокорнаго, именно грѣха, діавола, смерти. Покореніе сіе въ дѣйствіе идетъ къ концу, но еще не совершилось: *не у видимъ Ему всяческая покорена* (Евр. 2, 8), говоритъ сей же Апостолъ. Если мы будемъ смотрѣть только на видимость, то можемъ подумать: никакого покоренія нѣтъ,—всѣ враги Христа Господа и наши свирѣпствуютъ, и власть ихъ съ вражествомъ не только не умаляется, но возрастаетъ. Но не на это надо смотрѣть, а на то, что совершаетъ Господь въ вѣрующихъ; въ нихъ Онъ попираетъ грѣхъ, побѣждаетъ діавола и отъемлетъ силу у смерти. Число же истинно вѣрующихъ когда умаляется, когда увеличивается, но всегда они есть и покореніе враговъ сихъ, и исторженіе изъ рукъ ихъ жертвъ ихъ идетъ непрерывно. Трофеи побѣды надъ ними—сонмы святыхъ, которые зрѣютъ въ церкви на землѣ, а просіяваютъ побѣдною славой на небѣ. Враги наши думать могутъ, что они берутъ силы, а Господь оставляетъ ихъ еще дѣйствовать въ видахъ приготовленія чрезъ нихъ побѣдителей ихъ. Когда же исполнится все по преднаписанному, тогда и всѣ враги сіи въ собственномъ ихъ лицѣ будутъ положены Господомъ подъ ноги Свои. Пока покоритъ такимъ образомъ Господь всѣхъ враговъ Своихъ и нашихъ, до тѣхъ поръ подобаетъ Ему царствовати. А что говорится: *покори*, — это значитъ далъ власть покорять, сдѣлалъ властелиномъ и Царемъ.

Въ предыдущемъ стихѣ говорится: *послѣдній врагъ испразднится смерть;* въ настоящемъ: *вся бо покори.*

Основаніе указывается вѣрить, что смерть точно испразднится. Не смотри, что смерть еще царствуетъ. Въ числѣ преданныхъ во власть Господу и она состоитъ. Придетъ время и ей конецъ будетъ. Въ посланіи къ Филиппійцамъ Апостолъ прямѣе выражаетъ ту же мысль. Ибо сказавши: *иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* — это тоже, что упразднитъ смерть и воцаритъ нетлѣніе,—присовокупилъ: *по дѣйству еже возмогати Ему и покорити Себѣ всяческая* (—3, 21),—это тоже что: ибо Ему въ руки предана власть покорить всяческая. Этою властію и силою изгонитъ Онъ и смерть и украситъ тлѣнное нетлѣніемъ (Ѳеод.).

Ст. 28. *Егда же покоритъ Ему всяческая, тогда и самъ Сынъ покорится Покоршему Ему всяческая, да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ.*

Все, говоренное Апостоломъ, — въ ст. 25 — 27,— направлялось къ тому, чтобы пояснить слова: *егда предастъ царство Богу и Отцу*. Сущность дѣла въ слѣдующемъ: Ему предано все во власть, чтобъ всѣхъ враговъ Бога и человѣчества упразднилъ. Когда это исполнено будетъ, тогда и цѣль врученія означенной власти будетъ достигнута и самой той власти продолжаться нужды не будетъ; почему она и сложена должна быть. И сложится: *Сынъ покорится Покоршему Ему всяческая,* — или, что тоже, *предастъ царство Богу и Отцу*. Въ чемъ именно будетъ сіе состоять, мы не можемъ ясно себѣ представить; но что такъ будетъ, не можемъ сомнѣваться; не можемъ сомнѣваться и въ томъ, что хотя это будетъ по домостроительству спасенія, однако покорится самъ Сынъ,—такъ впрочемъ, что этимъ ни мало не будетъ явлено, и тѣмъ паче дѣломъ совершено какое-либо умаленіе славы, силы и державы Божества Единороднаго. Св. Златоустъ гово-

ритъ: „Покорится такъ, какъ прилично Сыну-Богу, и не почеловѣчески, но свободно и съ полною властію. Иначе какъ Онъ сѣдитъ на престолѣ вмѣстѣ съ Отцемъ? какъ *Онъ живитъ, ихже хощетъ, якоже и Отецъ* (Іоан. 5, 21)? Какъ все принадлежащее Отцу принадлежитъ и Ему, и принадлежащее Ему принадлежитъ и Отцу (Іоан. 17, 10)? — Это показываетъ намъ совершенную власть Его наравнѣ съ Отцемъ.“

То, что здѣсь говорится: *егда покоритъ*, т.-е. Отецъ, а прежде сказано: *дондеже покоритъ* самъ Сынъ,— „выражаетъ какъ совершенное согласіе Сына со Отцемъ, такъ и то, что Родившій столь могущественнаго и совершающаго такія дѣла Сына есть начало и первая причина всѣхъ благъ“ (св. Злат.).

И *будетъ Богъ всяческая во всѣхъ*. И теперь Онъ во всѣхъ: о *Немъ бо живемъ, движемся и есмы*. Но тогда это совершится и проявлено будетъ особымъ нѣкіимъ образомъ, столько совершеннѣйшимъ, что настоящее исполненіе всяческихъ Богомъ сравнительно съ тѣмъ есть будто неисполненіе. И это непонятно, но такъ должно быть и будетъ. Ибо такія всеміpныя измѣненія, какъ упраздненіе всѣхъ враговъ добра, истребленіе всѣхъ слѣдовъ зла изъ всѣхъ областей бытія, съ заключеніемъ производителей его въ одно неисходное мѣсто гдѣ-то, какъ говоритъ св. Златоустъ, на послѣднихъ границахъ сущаго, а въ заключеніе всего покореніе Сына Отцу и преданіе Ему царства (хотя это дѣйствіе мы не можемъ хорошо представить),— такія измѣненія не могутъ не сопровождаться пріискреннѣйшимъ Бога пріобщеніемъ ко всѣмъ могущимъ вмѣщать Его общеніе.—Богъ всегда есть сокровеннѣйшій; и тогда Онъ пребудетъ таковымъ. Но есть степени Его откровенія. Иначе Онъ въ насъ, иначе въ Ангелахъ, и изъ Ангеловъ иначе въ Херувимахъ,

Серафимахъ и престолахъ. Если мы тогда подвигнемся нѣсколько повыше, по лѣстницѣ совершенства, то что дивнаго, если Онъ въ насъ откроется тогда столь полно, что настоящее будетъ сравнительно съ тѣмъ незначительно.

Мы отпали отъ Бога; для возсоединенія безпредѣльная благость Божія ввела Богочеловѣчество Сына Божія. Въ настоящій періодъ времени симъ неизреченнымъ посредствомъ совершается возсоединеніе, состоитъ въ дѣйствіи, въ ходу есть. Въ лицѣ Его человѣчество возсоединено съ Божествомъ ѵпостасно, какъ невозможно ему быть соединену ни въ комъ другомъ. Всѣ однакоже возсоединяются по образу Его, и этимъ показывается, какъ сему возсоединенію предназначено быть пріискреннимъ. На землѣ оно совершается таинственно, посредствомъ таинствъ, благодатію Святаго Духа. На небѣ, въ прославленныхъ, оно существеннѣе является,—но должно быть не во всей полнотѣ: ибо они находятся еще не въ цѣлостномъ естествѣ своемъ. Когда облекутся всѣ въ нетлѣнныя тѣла, тогда и съ человѣчествомъ Спасителя сочетаются полнѣе, а чрезъ Него и съ Божествомъ пріискреннѣе. Господь Спаситель, какъ глава, все тѣло спасаемыхъ проникнетъ и съ Собою сочетаетъ, а оно все чрезъ сочетаніе съ Его человѣчествомъ къ Божеству ближе, живѣе и существеннѣе прикоснется.—Вотъ это и есть: *будетъ Богъ всяческая во всѣхъ*. Всѣ подобныя соображенія суть дѣтскія лепетанія. Но что будетъ нѣчто изумительно великое и преславное въ самыхъ отношеніяхъ Божества къ намъ и насъ къ Нему, это есть несомнѣнный предметъ надеждъ, сколько дивный, столько же и вѣрный.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ на эти слова: „Теперь по сущности Богъ повсюду есть, потому что естество

Его неописанно, и *о Немъ,* по Апостольскому слову, *живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28); но не во всѣхъ по благоволенію, потому что *благоволитъ въ боящихся Его, и во уповающихъ на милость Его* (Пс. 146, 11). Но и въ нихъ Онъ—не всяческая, потому что *никтоже чистъ отъ скверны* (Іов. 14, 4); и *не оправдится предъ Тобою всякъ живый* (Пс. 142, 2). и *аще грѣхи назриши Господи, Господи, кто постоитъ* (Пс. 129, 3)?—Посему, хотя благоволитъ за то, въ чемъ преуспѣваютъ, но не благоволитъ за то, въ чемъ прегрѣшаютъ. Въ жизни же будущей, когда прекратится тлѣніе и преподастся безсмертіе, не будетъ мѣста страстямъ; а по конечномъ изгнаніи страстей не воздѣйствуетъ уже ни одинъ видъ грѣха. Такъ наконецъ будетъ *Богъ всяческая во всѣхъ,* когда всѣ избавлены будутъ отъ грѣхопаденій, и къ Нему обратятся, и не будутъ уже принимать въ себя наклонности къ худшему.—Но что божественный Апостолъ сказалъ здѣсь о Богѣ, то въ другомъ мѣстѣ изрекъ о Христѣ, говоря: *идѣже нѣсть Еллинъ, ни Іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и Скиѳъ, рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 11). Принадлежащаго Отцу не приписалъ бы онъ Сыну, еслибы благодатію Божіею не наученъ былъ Его равночестію."

вв).

Продолжая доказывать истину всеобщаго воскресенія, Апостолъ приводитъ два убѣжденія къ принятію сей истины: одно беретъ изъ крещенія, ст. 29; а другое—изъ своихъ смертныхъ опасностей при проповѣди о семъ воскресеніи, 30—32.—*Понеже,*—ἐπεὶ, — стоитъ здѣсь въ значеніи: ктомуже.

Ст. 29. *Понеже что сотворятъ крестящіися мерт-*

выхъ ради? Аще отнюдъ мертвіи не востаютъ, что и крещаются мертвыхъ ради?

Это мѣсто темновато. Видно, что св. Павелъ выводитъ необходимость вѣры въ воскресеніе изъ таинства крещенія; а въ какой силѣ, не видно.—Не такъ ли?—Крещаемся въ смерть Господа съ пріобщеніемъ и силы воскресенія Его; ибо выходящій изъ купели новою уже живетъ жизнію. Это обновленіе жизни есть залогъ воскресенія, какъ воскресеніе Христово основаніе воскресенія мертвыхъ.—Апостолъ говоритъ имъ: вы крещаете себя мертвыхъ, но имѣющихъ ожить, здѣсь духовно, а потомъ и тѣлесно. Положите теперь, что кто-нибудь крещается безъ сей надежды воскресенія и слѣдовательно безъ пріобщенія силы воскресенія Христова, что онъ дѣлаетъ? Мертвый входитъ въ купель, мертвый и выходитъ. Таковые крестятся мертвыхъ ради, себя т.-е., и больше ничего. Что же и креститься? Такъ объясняетъ блаж. Фотій у Экуменія. „Что, говоритъ, творятъ крещаемые, чтобъ не быть навсегда мертвыми и навсегда содержимыми во адѣ? Т.-е. если нѣтъ воскресенія, то крещаемые въ такихъ надеждахъ что дѣлаютъ? Если мертвые не возстаютъ,— что и крестятся, чтобы возстать? Но онъ выражается разительнѣе, говоря: что и крестятся мертвыхъ ради, говоря какъ бы,—тѣхъ ради, которыхъ вы, по своему невѣрію въ воскресеніе, отчисляете къ имѣющимъ вѣчно быть мертвыми? Отчисляя же къ мертвымъ и другихъ и себя самихъ, и къ мертвымъ вѣчно, что дѣлаете вы, крестясь за себя самихъ, никогда не имѣющихъ воскреснуть, а навсегда осужденныхъ пребыть мертвыми?—Не къ нимъ же прямо говоритъ, а будто о стороннихъ (т.-е. не во второмъ, а въ третьемъ лицѣ), чтобъ не слишкомъ поразить ихъ.“

Почти въ этомъ же смыслѣ беретъ сіе и св. Злато-

устъ. Вотъ его пространная объ этомъ рѣчь:—„Апостолъ приступаетъ теперь къ другому доказательству дѣла, самихъ противниковъ приводя во свидѣтельство истины. Что же говоритъ онъ?—Но я напередъ скажу вамъ, какъ искажаютъ эти слова зараженные ересію Маркіона. Когда у нихъ умираетъ кто-нибудь изъ оглашенныхъ, то они, спрятавъ живаго подъ одромъ умершаго, приступаютъ къ мертвому и спрашиваютъ его, желаетъ ли онъ принять крещеніе? Спрятанный подъ одромъ вмѣсто его отвѣчаетъ за него, что онъ желаетъ принять крещеніе; тогда этого живаго крестятъ вмѣсто умершаго, разыгрывая какъ-бы представленіе на зрѣлищѣ. Потомъ когда ихъ осуждаютъ за это, они указываютъ на слова Апостола и говорятъ: Апостолъ сказалъ: *крестящіися мертвыхъ ради*. Видишь ли, какъ это смѣшно. И стоитъ ли опровергать ихъ?—Не думаю. Что же говоритъ св. Павелъ? Но припомните прежде, что дѣлаемъ мы, приступая къ св. крещенію. Мы исповѣдуемъ предъ тѣмъ принесенные съ неба догматы, въ числѣ коихъ произносимъ и слѣдующее: *вѣрую въ воскресеніе мертвыхъ*. Въ такой вѣрѣ мы и крещаемся; ибо послѣ сего исповѣданія мы сходимъ въ источникъ тѣхъ священныхъ водъ. Это самое припоминая, Апостолъ говоритъ: если нѣтъ воскресенія, то для чего и крестишься ты *мертвыхъ ради*, т.-е. тѣлъ? Ибо при крещеніи ты вѣруешь воскресенію мертваго тѣла,—тому, что оно уже не останется мертвымъ. Ты словами исповѣдуешь воскресеніе мертвыхъ, а священникъ, какъ-бы въ образѣ, показываетъ тебѣ самымъ дѣломъ то, чему ты вѣровалъ и что исповѣдалъ словами; ты вѣруешь безъ знака, а онъ тогда же представляетъ тебѣ знакъ; ты дѣлаешь зависящее отъ тебя, и Богъ тогда же удостовѣряетъ тебя. Какъ и какимъ образомъ? Водою. Ибо нисхожденіе и погруженіе въ воду, а потомъ вос-

хожденіе отъ воды есть знакъ нисхожденія во адъ и восхожденія оттуда. Посему Павелъ и называетъ крещеніе гробомъ, когда говоритъ: *спогребохомся Ему крещеніемъ въ смерть* (Римл. 6, 4). Этимъ онъ удостовѣряетъ и въ несомнѣнности будущаго, т.-е. воскресенія тѣла. Ибо изгладить грѣхи гораздо труднѣе, нежели воскресить тѣло. Въ банѣ же паки-бытія благодать касается самой души и съ корнемъ исторгаетъ изъ нея грѣхъ. Душа крещенаго чище самыхъ солнечныхъ лучей, бываетъ такою, какою была въ началѣ, или даже гораздо лучше; ибо она получаетъ Духа, который совершенно воспламеняетъ ее и дѣлаетъ святою. Какъ ты, переплавляя желѣзо или золото, дѣлаешь чистымъ и новымъ, такъ точно и Духъ Святый, переплавляя душу въ крещеніи, какъ бы въ горнилѣ, и истребляя грѣхи, дѣлаетъ ее чистѣйшею и блистательнѣйшею всякаго чистаго золота. Отсюда теперь ты можешь убѣдиться и въ истинѣ воскресенія тѣлъ. Такъ какъ грѣхъ ввелъ смерть, то по истребленіи корня, безъ всякаго сомнѣнія, истребится и плодъ его. Посему ты и говоришь напередъ объ *оставленіи грѣховъ* (исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ), а потомъ исповѣдуешь и *воскресеніе мертвыхъ* (чаю воскресенія мертвыхъ), переходя отъ перваго къ послѣднему далѣе, такъ какъ слово: *воскресеніе*, еще не показываетъ всего,—то тебѣ повелѣвается говорить и *въ жизнь вѣчную* (и жизни будущаго вѣка), дабы никто не думалъ, что смерть будетъ и послѣ того воскресенія. Такимъ образомъ, припоминая эти слова, Павелъ говоритъ: *что сотворятъ крестящіися мертвыхъ ради?* Если нѣтъ, говоритъ, воскресенія, то эти слова—шутка; если нѣтъ воскресенія, то какъ мы убѣждаемъ другихъ вѣрить тому, чего не даемъ? Заставляемъ подтверждать согласіемъ истину воскресенія, котораго они не получатъ?—

Какая нужда въ самомъ исповѣданіи, еслибы за нимъ не слѣдовало дѣло?"

Блаж. Ѳеодоритъ своимъ образомъ выражаетъ мысль Апостола, держась все тойже исходной мысли—силы крещенія. По нему Апостолъ говоритъ: „крещающійся спогребается со Владыкою, чтобы, пріобщившись смерти, содѣлаться общникомъ и воскресенія. Если же тѣло мертво и не воскреснетъ, то для чего и креститься?"

Итакъ, въ поясненіе сего мѣста или надобно принимать какое-либо мнѣніе изъ нашихъ толковниковъ, или оставлять его въ числѣ непонятныхъ. Новѣйшіе толковники очень дурно дѣлаютъ, полагая, будто Апостолъ говоритъ здѣсь о крещеніи за мертвыхъ,—т.-е. о томъ, что такъ осмѣиваетъ св. Златоустъ. Можно ли допустить, чтобы Апостолъ Павелъ оставилъ безъ обличенія такое нелѣпое нововведеніе, еслибы оно было въ Коринѳѣ? И сообразно ли съ его характеромъ пользоваться заблужденіемъ для подтвержденія истины, очень твердо доказанной имъ уже изъ другихъ источниковъ?"

Ст. 30. *Почто же и мы бѣды пріемлемъ на всякъ часъ?*

Второе убѣжденіе беретъ св. Павелъ изъ самоотверженныхъ трудовъ Апостольскихъ въ проповѣди Евангелія, къ предметамъ которой принадлежитъ и догматъ о воскресеніи мертвыхъ. Онъ говоритъ какъ-бы: какъ бы мы рѣшились переносить бѣды, лишенія, смерти, еслибъ не было осязательно достовѣрно Евангеліе, и въ немъ истина воскресенія, послѣ коего трудящихся въ Евангеліи ожидаетъ свѣтлое воздаяніе?! Это немыслимо. „Смотри, чѣмъ еще старается онъ подтвердить догматъ,—собственнымъ рѣшеніемъ (т.-е. рѣшимостію на всѣ бѣды и смерти), или лучше не своимъ только, но и прочихъ Апостоловъ. И это не маловажное доказательство—указывать на учителей, вполнѣ увѣренныхъ въ истинѣ и подтверждающихъ ее не только словами, но и дѣла-

ми. Посему онъ не просто говоритъ: и мы убѣждены въ этомъ,—одного этого недостаточно было для убѣжденія, — но представляетъ доказательство отъ дѣлъ и какъ-бы такъ говоритъ: исповѣдывать это словами, можетъ-быть, кажется вамъ нисколько неудивительнымъ; но если мы представимъ вамъ доказательство отъ дѣлъ, то что вы скажете противъ этого? Послушайте же, какъ мы проповѣдываемъ это каждый день своими страданіями. Не сказалъ: *азъ*, но *мы*, имѣя въ виду всѣхъ Апостоловъ вмѣстѣ, и такимъ образомъ съ одной стороны показывая свое смиреніе, а съ другой — дѣлая достовѣрными слова свои. Что вы можете сказать? Не обманываемъ ли мы васъ, проповѣдуя это, и не изъ тщеславія ли учимъ такъ? Но допустить такое мнѣніе не позволяютъ наши страданія; ибо кто сталъ бы непрестанно подвергаться страданіямъ тщетно и напрасно? Посему и говоритъ: *почто же и мы бѣды пріемлемъ на всякъ часъ?* Изъ тщеславія, можетъ-быть, кто-нибудь рѣшился бы на это одинъ, или два раза, но не на всю жизнь, подобно намъ; а мы посвятили на это всю жизнь свою“ (св. Злат.).

Ст. 31. *По вся дни умираю, тико ми ваша похвала, братіе, юже имамъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

Послѣ указанія на всѣхъ Апостоловъ, на себя одного упираетъ взоръ, своимъ примѣромъ подтверждая и страданія прочихъ Апостоловъ. Вотъ я, говоритъ, умираю всякій день,—изъ-за чего, если нѣтъ воскресенія? *Умираю по вся дни*—значитъ: по вся дни нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что мнѣ угрожаетъ смерть; но я не отступаю, а предаю себя въ рѣшеніе воли моей на сію смерть и такъ себя держу, какъ имѣющій тотчасъ умереть. Такимъ образомъ, хотя смерти и не бываетъ, но я все испытываю чувства умирающаго, какъ будто прохожу сѣнь смертную. Св. Златоустъ говоритъ:

„какъ же онъ умираетъ *по вся дни?* Ревностію и готовностію къ тому. А для чего онъ это говоритъ? Опять для того, чтобы и такимъ образомъ подтвердить истину воскресенія. Кто рѣшился бы, говоритъ, подвергаться столь многимъ родамъ смерти, если нѣтъ воскресенія и будущей жизни? Если и для вѣрующихъ воскресенію нужно великое мужество, чтобы за него подвергаться опасностямъ, то тѣмъ болѣе невѣрующій не рѣшился бы подвергнуться столь многимъ и столь тяжкимъ родамъ смерти.“

Тако ми похвала ваша—удостовѣрительный оборотъ рѣчи. Значитъ или: вы сами мнѣ отдадите сію похвалу, потому что и у васъ я былъ всегда въ такомъ же положеніи. Или: клянусь вашею похвалою (Фотій), будто прозакладую похвалу, какую имѣю о Христѣ Іисусѣ въ васъ, ради вашего обращенія и спасенія,—если говорю неправду. Первая мысль самая удобная: ибо таковое усиленное доказываніе сего, всѣмъ извѣстнаго, обстоятельства, какое предполагаетъ вторая мысль, совершенно излишне. Достаточно указать на него.

Ст. 32. *Аще бо по человѣку со звѣремъ боряхся въ Ефесѣ, кая ми польза, аще мертвіи не востаютъ? Да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ.*

По теченію рѣчи ожидается, что здѣсь Апостолъ поминаетъ о чемъ-либо большемъ, нежели о чемъ давалъ знать прежде словами: *бѣды пріемлемъ на всякъ часъ*, и *умираю по вся дни*. Потому слова *со звѣремъ боряхся въ Ефесѣ*, надо понимать въ прямомъ, а не въ переносномъ смыслѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „показываетъ Апостолъ, какими родами смерти онъ умиралъ: я боролся, говоритъ, со звѣрями. Богъ избавилъ меня отъ опасностей; но что изъ того?“ Тоже и бл. Ѳеодоритъ: „я дѣлался пищею звѣрей, но чудесно спасенъ. Какой же для меня плодъ отъ сей опасности, если нѣтъ вос-

кресенія мертвыхъ?“ То, что въ Дѣяніяхъ объ этомъ не поминается, и что самъ св. Павелъ не поминаетъ о томъ во 2 Кор. 11 гл., это не мѣшаетъ такъ понимать сіе мѣсто, потому что ни Дѣянія не говорятъ всего объ Апостолѣ, ни самъ онъ. Какъ это могло случиться? По человѣку, *κατὰ ἄνθρωπον*,—по человѣческому навѣту. Раздражились недоброжелатели, и рѣшили предать его звѣрямъ. Богъ избавилъ, заградивъ уста звѣрей. Инымъ думается, что Богъ разстроилъ самое злоумышленіе; и Апостолъ хотя не боролся дѣйствительно, тѣмъ не менѣе однакожъ въ рѣшимости имѣлъ себя преданнымъ звѣрямъ. Но *боряхся* даетъ мысль о дѣйствительности событія.

Слово: *по человѣку*, трудно здѣсь улаживается. Св. Златоустъ говоритъ: „сколько возможно человѣку.“ Өеодоритъ: „по человѣческому разсужденію.“ Фотій у Экуменія, какъ св. Златоустъ, и еще: „если не для будущей надежды и воздаянія боролся я со звѣремъ, а для человѣческой славы, какая мнѣ польза?“

Кая ми польза? „Если не придетъ время воздаянія и всѣ наши дѣла ограничиваются настоящимъ, то мы терпимъ большій вредъ; вы увѣровали безъ опасностей, а мы закалаемся каждый день. Впрочемъ все это онъ говоритъ не потому, чтобы подвизался для награды, но по немощи многихъ, дабы ихъ утвердить въ истинѣ воскресенія. Для него достаточнымъ было воздаяніемъ дѣлать угодное Богу. И подлинно (для вѣрующаго), великая награда уже въ томъ, чтобы во всемъ угождать Христу, и безъ награды для него великое уже воздаяніе въ томъ, чтобы за Него подвергаться опасностямъ“ (св. Злат.).

Да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ. Если нѣтъ воскресенія, нѣтъ другой жизни и воздаянія, которое можетъ быть полно только при цѣлости естества въ человѣкѣ,

т.-е., чтобъ онъ былъ не духъ только и душа, но и тѣло; то изъ-за чего лишать себя какихъ-либо удовольствій: ѣшь и пей: умрешь и всему конецъ. „Этими словами теперь Апостолъ пристыжаетъ ихъ и говоритъ не отъ себя, но приводитъ слова великаго пророка Исаіи противъ безпечныхъ (Ис. 26, 13. 14)“ (св. Злат.). „И Апостолъ привелъ сіи слова кстати, какъ бы такъ гогоря: излишенъ постъ, излишне воздержаніе, насладимся удовольствіями настоящей жизни, если любителямъ добродѣтели не уготовано никакого воздаянія“ (Ѳеод.). Это слѣдствіе прямо выходило изъ невѣрія въ воскресеніе. Ибо хотя и при этомъ возможно еще вѣрить въ безсмертіе души; но этого недостаточно. Одна душа— не человѣкъ, и жизнь душою—неполная человѣческая жизнь. Всѣ святые въ настоящее время живутъ душою и духомъ, и Божіимъ укрѣпляемые могуществомъ помогаютъ призывающимъ ихъ, но и дѣйствованіе сіе и вкушеніе благъ, до воскресенія не совершенно, есть только начатокъ и залогъ того, что будетъ по воскресеніи. Оно и есть потому, что есть воскресеніе. Не будь сего и того не было бы. Св. Павелъ не различаетъ безсмертія души отъ воскресенія; но полагаетъ, что коль скоро сего нѣтъ, нѣтъ и того; слѣдовательно смертію все кончается, а отсюда прямо выходитъ: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ.*

в).

Краткое увѣщаніе,—по поводу всего сказаннаго.

Ст. 33. 34.

Ст. 33. *Не льститеся: тлятъ обычаи благи бесѣды злы.*

Не льститеся μὴ πλανᾶσθε, не обманывайтесь, не впадайте въ заблужденіе, не поддавайтесь обману. *Бесѣды*

злыя—собесѣдованіе съ людьми злыми, у которыхъ умъ развращенъ, потому обладаетъ бѣсовскою хитростію вкрадываться въ умы другихъ и развращать ихъ понятія, а за понятіями и жизнь. Или бесѣды означаютъ вообще сообращеніе, интимныя сношенія съ людьми превратно о всемъ разсуждающими. Впереди привелъ Апостолъ слова людей предавшихся отчаянію. Теперь говоритъ какъ бы: такихъ людей всегда много можно встрѣчать; смотрите, берегитесь. Рѣчь идетъ у Апостола о здравыхъ и нездравыхъ понятіяхъ, и бесѣды злыя понятія развращаютъ; потому ожидалось бы, что онъ скажетъ: злыя бесѣды растлѣваютъ умы, изгоняя изъ нихъ истину и посѣвая ложь; а онъ говоритъ: растлѣваютъ обычаи добрые, т.-е. добрые навыки, нравы, доброе поведеніе, добрую жизнь. Нравъ утвердившійся нельзя разстроить не разстроивъ понятій. Злыя бесѣды точно прямо умы развращаютъ, но когда умъ развратится, чѣмъ поддержишь нравъ? Онъ тотчасъ и начнетъ портиться. Апостолъ, минуя это посредствующее звено развращенія ума, прямо указываетъ на большую опасность развращенія нрава. Благій нравъ и очевиднѣе и дороже. Еслибъ Апостолъ сказалъ: бесѣды злыя попортятъ ваши понятія, иной могъ бы сказать или подумать: какъ попортятъ? Въ одно ухо вошли, въ другое вышли; хоть такъ никогда не бываетъ. Но когда сказалъ, что онѣ портятъ нравы, то всякаго заставилъ призадуматься и съ одного уже этого слова заготовляться опасеніемъ отъ злыхъ бесѣдъ и людей. Или подъ благими нравами онъ разумѣетъ и души легкомысленныя, удобопреклонныя ко всякому вѣтру ученія (св. Злат., Ѳеод. и др.). „Этими словами съ одной стороны онъ укоряетъ Коринѳянъ, какъ неразумныхъ (легко увлекающихся), а съ другой—сколько можно извиняетъ ихъ въ прежнихъ заблужденіяхъ, снимая съ нихъ боль-

шую часть вины и возлагая на другихъ, дабы и такимъ образомъ обратить ихъ къ покаянію (къ оставленію заблужденія)“ (св. Здат.).

Ст. 34. *Истрезвитеся праведно, и не согрѣшайте; невѣдѣніе бо Божіе нѣцыи имутъ, къ сраму вамъ глаголю.* *Истрезвитеся*: прогоните ложныя мысли, возстановите здравыя о всемъ понятія, какъ научены мною, разсуждайте о всемъ трезвенно, вѣрно, твердо, не колеблясь, не такъ, какъ пьяные, которымъ не знать что мерещится. *Праведно* значитъ: какъ должно, какъ правда Божія требуетъ, какъ Богъ повелѣлъ въ откровеніи. *И не согрѣшайте*, не погрѣшайте въ образѣ мыслей вашихъ. „Какъ заблудившимся и упоеннымъ невѣріемъ, сказалъ: *истрезвитеся*“ (Ѳеод.). „Говоритъ, какъ опьянѣвшимъ и неистовствующимъ. Ибо опьянѣвшимъ и неистовствующимъ свойственно не видѣть того, что прежде видѣли и не вѣрить тому, что прежде исповѣдади“ (св. Злат.).

Не согрѣшайте можно поставлять въ отношеніи къ *истрезвитеся*, какъ средство къ цѣли. Не грѣшите, чтобы и возымѣть и всегда хранить здравый образъ мыслей о всемъ, и о самомъ воскресеніи мертвыхъ, и будущемъ воздаяніи. Св. Златоустъ говоритъ: „справедливо прибавилъ онъ: *не согрѣшайте*, показывая, что отсюда происходили у нихъ сѣмена невѣрія. Онъ во многихъ мѣстахъ выражаетъ, что развратная жизнь пораждаетъ худыя мысли, напр. говоритъ: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть, егоже нѣцыи желающе, заблудиша отъ вѣры* (1 Тим. 6, 10). (Такъ и здѣсь). Многіе, сознавая свои пороки и не желая понести наказаніе, отъ страха перестаютъ вѣрить и воскресенію; напротивъ, дѣлающіе много добраго желаютъ увидѣть его каждый день.“

Съ другой стороны и трезвеніе можно поставлять въ

отношеніи къ несогрѣшенію, какъ средство къ цѣли.— Такъ оно стоитъ у всѣхъ святыхъ. Хотя у нихъ трезвеніемъ означается неблужданіе мыслями туда и сюда, стояніе умомъ и вниманіемъ на единомъ, но такого рода состояніе не иначе возможно, какъ по утвержденіи ума во всѣхъ истинахъ. Тогда прекращается блужданіе мысли или пустомысліе и суетномысліе. Но переходъ вниманіемъ ума отъ одной святой истины къ другой не считается нарушеніемъ трезвенія; онъ напротивъ способствуетъ къ возгрѣянію его. Вліяніе же трезвенія на несогрѣшеніе зависитъ отъ того, что трезвенный умъ не допускаетъ не только страстныхъ, но и пустыхъ мыслей; когда же нѣтъ помысловъ, страсти молчатъ; а когда страсти покойны, откуда быть грѣху? ибо всякій грѣхъ есть осуществленіе страсти.

Невѣдѣніе бо Божіе нѣцыи имутъ.—Невѣдѣніе Божіе есть невѣдѣніе о Богѣ, о свойствахъ Божіихъ и дѣлахъ. Еслибъ они знали это какъ слѣдуетъ, то никакъ не впали бы въ невѣріе о воскресеніи тѣлъ. Ибо если Богъ открылъ о семъ, а Онъ есть истина, то какъ не вѣрить сему? Кто понимающій, какъ слѣдуетъ, что есть Богъ, посмѣетъ поперечить умомъ своимъ уму Божію? Когда Богъ говоритъ, тварь должна принимать слово Его безпрекословно, съ теплою покорностію. Съ другой стороны, кто знаетъ Бога, тотъ не можетъ допустить ни малаго сомнѣнія о возможности воскресенія, ясно понимая, что Создавшему изъ ничего ничего не стоитъ возсоздать изъ готоваго уже, хотя распавшагося вещества. „Не вѣрить воскресенію свойственно тому, кто не имѣетъ совершеннаго понятія о непобѣдимой и вполнѣ достаточной на все силѣ Божіей. Ибо если Онъ сотворилъ сущее изъ несущаго, то тѣмъ болѣе можетъ воскресить разрушившееся“ (св. Злат.). Ѳеодоритъ тоже заключеніе выводитъ съ другой стороны. „Весьма

премудро невѣрованіе воскресенію назвалъ Апостолъ невѣдѣніемъ Бога. Кто *исповѣдуетъ Бога вѣдѣти* (Тит. 1, 16), тотъ вѣруетъ, что Онъ праведенъ. Праведному прилично воздаяніе (праведное). Но праведнаго воздаянія въ настоящей жизни не видимъ. Посему исповѣдающему, что вѣруетъ въ Бога, должно ожидать воскресенія."

Такое невѣдѣніе, говоритъ, *нѣцыи имутъ*, и тѣмъ смягчаетъ укоръ; но потомъ прибавляетъ: *къ сраму вамъ глаголю*, внушая, что хотя виновны въ этомъ *нѣцыи*, но вина эта такого рода, что срамитъ всѣхъ васъ. Какъ допускаете вы, чтобы былъ кто-нибудь среди васъ такой? — Если они не по упорству таковы, то какъ доселѣ не исправлены вами; а если по упорству, то какъ доселѣ терпимы среди васъ? Надобно или исправить ихъ, или очистить общество отъ нихъ. Св. Златоустъ находитъ, что слова сіи прибавлены для смягченія обличенія. „*Къ сраму глаголю*, т.-е., чтобы исправить, чтобы вразумить, чтобы вы, устыдившись, сдѣлались лучшими. Ибо онъ опасался, чтобы поразивъ болѣе надлежащаго, не отвратить ихъ отъ себя."

2).

Объ образѣ воскресенія.

Ст. 35—53.

Сначала ставитъ Апостолъ тему на все послѣдующее разсужденіе, въ видѣ вопроса со стороны, какъ воскреснутъ тѣла, и въ какомъ видѣ, ст. 35.

Затѣмъ рѣшаетъ первый вопросъ: а) какъ воскреснутъ тѣла, т.-е. какою силою? ст. 36 — 38. Потомъ второй: б) въ какомъ видѣ воскреснутъ они, ст. 39—50. Наконецъ пророчески сказываетъ в) какъ совершится самое воскресеніе, ст. 51—53.

Ст. 35. *Но речетъ нѣкто: како востанутъ мертвіи? коимъ же тѣломъ пріидутъ?*

Это обычные вопросы относительно воскресенія тѣлъ, вѣрующій ли ищетъ наученія, или невѣрующій думаетъ озадачить вѣрующаго, полагая, что нечего отвѣтить на такіе вопросы. Апостолъ предполагаетъ вопросъ со стороны послѣднихъ. „Здѣсь онъ опровергаетъ возраженія, представляемыя язычниками (принятыя и поколебавшимися въ вѣрѣ въ воскресеніе тѣлъ увѣровавшими Коринѳянами). Не сказалъ: *но можетъ быть вы скажете* (хотя ихъ прямо имѣлъ въ виду), а неопредѣленно указываетъ на какого-то возражателя, дабы прямымъ рѣзкимъ указаніемъ не слишкомъ поразить виновныхъ. Онъ приводитъ два недоумѣнія: касательно образа воскресенія и касательно качества тѣлъ; ибо возражавшіе сомнѣвались въ томъ и другомъ и говорили: какъ воскреснетъ разрушившееся и въ какомъ явится видѣ? Что значитъ: *коимъ тѣломъ?* Т.-е., въ этомъ ли истлѣвшемъ, разрушившемся, или въ какомъ-либо другомъ?“ (св. Злат.).

а).

Вопросъ, какъ воскреснутъ тѣла, т.-е. какою силою, рѣшаетъ Апостолъ сравненіемъ воскресенія съ возрожденіемъ изъ сѣмянъ растеній, выводя отсюда: воскреснутъ силою Божіею.

Ст. 36. *Безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ.*

„Съ такими строгими словами обращается онъ къ нимъ потому, что они спрашиваютъ не о чемъ-либо сомнительномъ, но о томъ, что достовѣрно извѣстно. Такъ обыкновенно поступаемъ и мы съ тѣми, которые противорѣчатъ чему-нибудь достовѣрно извѣстному. А почему онъ не тотчасъ указываетъ на силу Божію?

Потому, что разсуждаетъ съ невѣрующими. Когда онъ говоритъ съ вѣрующими, то не прибѣгаетъ къ умозаключеніямъ. Такъ въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну Тѣлу славы Его*, и открывъ здѣсь нѣчто болѣе воскресенія, онъ не привелъ сравненій, а вмѣсто всякаго доказательства указалъ прямо на силу Божію, прибавивъ слѣдующее: *по дѣйству, еже возмогати Ему и покорити Себѣ всяческая* (Филип. 3, 21). Здѣсь же онъ употребляетъ и умозаключенія. Доказавъ истину словами Писаній, онъ теперь съ силою направляетъ рѣчь противъ невѣрующихъ Писаніямъ и говоритъ: *безумне, ты еже сѣеши;* т.-е. ты самъ у себя имѣешь доказательство воскресенія въ томъ, что дѣлаешь ежедневно, и еще ли сомнѣваешься? Безумнымъ я называю тебя за то, что не знаешь совершаемаго ежедневно самимъ тобою и, тогда какъ самъ ты бываешь виновникомъ воскресенія сѣмянъ, сомнѣваешься въ томъ по отношенію къ Богу. Весьма выразительно говоритъ: *ты еже сѣеши*, т.-е. ты смертный и разрушающійся. И смотри, какъ самыя выраженія его соотвѣтствуютъ настоящему предмету: *не оживетъ*, говоритъ, *аще не умретъ*. Не употребляя выраженій, относящихся къ сѣменамъ, какъ-то: прозябаетъ, произрастаетъ, согниваетъ, истлѣваетъ, онъ приводитъ соотвѣтствующія плоти нашей: *не оживетъ, аще не умретъ,* что свойственно не сѣменамъ, а тѣламъ. И не сказалъ: оживетъ послѣ того, какъ умретъ; но, что выражаетъ болѣе, потому оживетъ, что умретъ. Видишь ли, какъ онъ выводитъ противное? Изъ чего другіе выводили заключеніе противъ воскресенія, то самое онъ обращаетъ въ доказательство воскресенія. Они говорили, что тѣло не воскреснетъ, потому что умерло. Чтоже онъ говоритъ вопреки этому? Еслибы оно не умерло, то и не воскресло бы, и потому вос-

креснетъ, что умретъ. Подобнымъ образомъ и Христосъ ясно показываетъ тоже самое, когда говоритъ: *аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Іоан. 12, 24). Отсюда же и Павелъ заимствуя сравненіе, не сказалъ: *не будетъ житъ*, но *не оживетъ* (οὐ ζωοποιεῖται, не оживотворится); указываетъ опять на силу Божію и внушаетъ, что не земная природа, но самъ Богъ совершаетъ все“ (св. Злат.).

Ст. 37. 38. *И еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ прочихъ; Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ, и коемуждо сѣмени свое тѣло.*

На вопросъ, какъ воскреснутъ умершіе, Апостолъ въ предыдущемъ стихѣ отвѣтилъ: такъ же, какъ изъ брошеннаго въ землю сѣмени и умершаго тамъ возраждается и выростаетъ живое тѣло какое-либо. Какъ изъ умершаго сѣмени, и подъ условіемъ умертвія сего, возрождается новое тѣло; такъ и изъ умершаго тѣла человѣческаго въ свое время возродится новое живое тѣло. Но такимъ сравненіемъ выясняется только ходъ дѣла, а какъ и какою силою это совершается,—не видно. Это теперь и указываетъ св. Павелъ говоря: ты сѣешь голое зерно пшеничное или другое какое, а когда оно умретъ въ землѣ, Богъ потомъ въ свое время даетъ ему тѣло, каждому сѣмени свое, такъ совершится и воскресеніе мертвыхъ: изъ каждаго умершаго тѣла силою Божіею возстанетъ новое тѣло. Этимъ вопросъ о *какъ* совершенно рѣшается. Можетъ родиться недоумѣніе: но въ возрожденіи растеній изъ сѣмени дѣйствуетъ природа; какъ въ возрожденіи тѣла будетъ она дѣйствовать, когда до сихъ поръ она не явила никакого слѣда такого дѣйствованія? На это надо сказать, что слово: природа—пустое слово. Воля Божія

положила законы, воля Божія хочетъ, чтобы они дѣйствовали; они и дѣйствуютъ и производятъ то, что угодно Богу, чтобъ они производили. Приписываемое обычно природѣ принадлежитъ Богу. Если же теперь Богъ дѣйствуетъ въ возрожденіи растеній, на какомъ основаніи сомнѣваться, что Онъ не можетъ дѣйствовать такимъ образомъ и въ возрожденіи умершихъ тѣлъ человѣческихъ? Чтобы доселѣ Онъ не являлъ опытовъ сего, никто не можетъ говорить; а что не являетъ надъ всѣми, то это потому, что еще не всѣ тѣла посѣяны и еще не пришла весна, въ которую подобаетъ имъ возродиться и возстать къ новой жизни. Св. Златоустъ говоритъ на это возраженіе, что въ растеніяхъ дѣйствуетъ природа, слѣдующее: „Какая, скажи мнѣ природа? И здѣсь все совершаетъ Богъ, а не природа, не земля, не дождь. Посему-то Апостолъ, не упоминая ни о землѣ, ни о дождѣ, ни о воздухѣ, ни о солнцѣ, ни о рукахъ земледѣльца, говоритъ: *Богъ даетъ ему тѣло*. Не изслѣдывай же и не допытывайся, какъ и какимъ образомъ, когда слышишь, что это—дѣло силы и воли Божіей.“

Св. Златоустъ замѣчаетъ еще при семъ, что нѣкоторые еретики, не понимая хорошо значеніе словъ Апостола: *не тѣло будущее сѣеши*, пришли къ такому заключенію, будто иное тѣло умираетъ, а иное тѣло воскреснетъ, и учить такъ стали. На это онъ говоритъ имъ: какое же это будетъ воскресеніе? Это новое твореніе, а не воскресеніе, тогда какъ тѣла воскреснутъ. Вотъ его слова: „Но что это за воскресеніе? Воскресеніе относится къ тому, что умерло. И гдѣ та чудная и славная побѣда надъ смертію, если одно умретъ, а другое воскреснетъ? Тогда уже не видно будетъ, что она возвратитъ то, что держала въ своемъ плѣну. Нѣтъ; не иное существо сѣется, а иное возрастаетъ, но воз-

растаетъ то же самое въ лучшемъ видѣ. Иначе и Христосъ, бывъ начаткомъ воскресающихъ, воскресъ не въ томъ же самомъ тѣлѣ, но, по вашему, одно тѣло Онъ оставилъ (во гробѣ), хотя оно было безъ всякаго грѣха, а другое принялъ (воскресши). Откуда же Онъ взялъ другое? То отъ Дѣвы, а это откуда? Видишь ли, до какихъ нелѣпостей доводитъ такое мнѣніе? Также для чего показалъ Онъ язвы гвоздиныя? Не для того ли, чтобы доказать, что это самое тѣло было пригвождено ко кресту и оно самое воскресло? И что значитъ прообразъ Іоны? Безъ сомнѣнія, не иной Іона былъ поглощенъ, а иной извергнутъ на землю. И еще, почему Христосъ говоритъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. 2, 19)? Онъ, конечно, воздвигъ тотъ самый храмъ, который разрушенъ; потому Евангелистъ и присовокупилъ: *Онъ же глаголаше о церкви Тѣла Своего* (ст. 21). Итакъ, что же означаютъ слова: *не тѣло будущее сѣеши?* Не колосъ цѣлый и не пшеницу новую. Сѣешь голое зерно; изъ него уже послѣ возраждается новый колосъ съ новою пшеницею. Спрашивается, какъ сей колосъ относится къ зерну посѣянному? Онъ тотъ же съ нимъ и не тотъ же: тотъ же потому, что одного существа съ зерномъ; не тотъ же потому, что онъ лучше: существо осталось тоже, но явилось большее благолѣпіе, и онъ возсталъ въ новомъ видѣ. Такъ и будущее тѣло будетъ тоже, но явится въ совершеннѣйшемъ видѣ. Тоже видно и изъ того, что *Богъ каждому сѣмени даетъ свое тѣло*. Гдѣ же чужое (иное) тѣло? Даетъ *свое*. Посему когда Апостолъ говоритъ: *не будущее тѣло сѣеши,* утверждаетъ не то, будто вмѣсто одного воскреснетъ другое существо; воскреснетъ тоже, но въ лучшемъ, славнѣйшемъ видѣ." Туже мысль проводитъ здѣсь и Ѳеодоритъ: „какъ отъ пшеницы родится пшеница, отъ чечевицы—чечевица,

и отъ каждаго вида тотъ же видъ: такъ и наши тѣла воскреснутъ тѣже самыя, но съ большею силою, нетлѣніемъ и безсмертіемъ."

б).

Объясняя, въ какомъ видѣ воскреснутъ тѣла, св. Павелъ аа) сначала перечисляетъ самыя свойства будущихъ тѣлъ, ст. 39—44; а потомъ выставляетъ бб) основаніе, что такъ, а не иначе и должно быть, именно по домостроительству спасенія нашего, ст. 45—50.

аа).

Тѣло воскреснетъ тоже, такъ что всякій признаетъ то тѣло, въ какомъ воскреснетъ, своимъ собственнымъ тѣломъ, тѣмъ самымъ, которое носилъ живя прежде; но оно будетъ обладать совсѣмъ другими качествами. Оно будетъ тоже, да не тоже. Какими свойствами будетъ обладать будущее наше тѣло, это β) показываетъ Апостолъ ниже, ст. 42—44; но прежде того показанія онъ представляетъ вниманію α) разнообразіе тѣлъ на землѣ и на небѣ, ст. 39—41. Для чего это онъ дѣлаетъ? Еслибъ онъ имѣлъ въ мысли этимъ пояснить, въ какой разной славѣ воскреснутъ тѣла наши, то дѣлая потомъ наведеніе о свойствахъ будущаго тѣла, ст. 42—44, онъ представилъ бы тѣ свойства такъ, чтобъ видно было, что они принадлежатъ разнымъ степенямъ имѣющихъ воскреснуть тѣлъ. Но онъ представляетъ ихъ такъ, что хотя они различны, но будутъ принадлежать каждому воскресшему тѣлу. Тамъ идетъ сличеніе тѣла, какимъ оно хоронится въ землю, съ тѣломъ, какимъ оно возстанетъ. Различіе ихъ велико до противоположности; они по свойствамъ отстоятъ другъ отъ друга, какъ небо отъ земли. Между тѣмъ,

приступая къ сему сличенію, онъ говоритъ: *такожде и воскресеніе мертвыхъ,* давая разумѣть, что онъ хочетъ теперь дѣлать наведеніе изъ того, что говорилъ предъ симъ, т.-е. изъ указанія разнообразія тѣлъ земныхъ и небесныхъ, ст. 39—41. Отсюда получаемъ мысль, что перечисляя эти разныя тѣла, онъ имѣлъ въ виду одно лишь, сказать: смотрите, какъ грубы и мрачны тѣла земныя, и какъ свѣтлы и свѣтоносны тѣла небесныя. Таково же будетъ различіе тѣлъ умирающихъ отъ тѣлъ имѣющихъ воскреснуть.

а).

Ст. 39. *Не всяка плоть, таже плоть; но ина убо плоть человѣкомъ, ина же плоть скотомъ, ина же рыбамъ, ина же птицамъ.*

Перечисляетъ всѣ почти классы земныхъ организмовъ, или тѣлъ, чтобъ нагляднѣе представить, что хотя они разнятся по степени совершенства, но всѣ одного чина, грубы, плотяны, скорогиблющи, удоборазлагаемы. Существенное во всѣхъ ихъ, какъ организмахъ, одно; разности касаются внѣшняго проявленія существеннаго.

Ст. 40. *И тѣлеса небесная, и тѣлеса земная: но ина убо небеснымъ слава, и ина земнымъ.*

Подъ небесными тѣлесами разумѣетъ Апостолъ солнце, луну и звѣзды, какъ само собою видно по теченію рѣчи; а никакъ не тѣла Ангеловъ, какъ полагаютъ иные. Подъ земными же тѣ, которыя перечислилъ, и всѣ другія подобныя имъ. Онъ говоритъ: есть и небесныя тѣла, какъ есть земныя. Но небесныя совсѣмъ другое, чѣмъ земныя. Они свѣтоносны, неизмѣнны, тверды, постоянны. Довольно простаго взгляда, чтобъ увидѣть, какъ небесныя тѣла славнѣе земныхъ. Этотъ пунктъ кажется, у Апостола и есть главный. И говоритъ онъ

это за тѣмъ, чтобы навесть на мысль, что какъ небесныя тѣла разнятся отъ земныхъ, такъ будущія тѣла— отъ теперешнихъ.

Ст. 41. *Ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ.*

Какъ выше, говоря о земныхъ тѣлахъ, не удовольствовался Апостолъ сказать вообще объ нихъ, но перечислилъ разные ихъ роды; такъ говоря о тѣлахъ небесныхъ, не удовольствовался сказать объ нихъ вообще, а тоже перечисляетъ ихъ, какъ они представляются простому глазу: солнце, луна и звѣзды. Разныхъ степеней они; но всѣ одного ранга—свѣтящія на землю тѣла. Перечисляетъ ихъ, чтобъ подолже подержать на нихъ вниманіе и утвердить въ мысли, что они совсѣмъ не тоже, что земныя. Небо съ тѣлами своими, въ общемъ мнѣніи, есть представитель всего лучшаго и совершеннѣйшаго, какъ земля представительница всякихъ недостатковъ и немощей.

Во всѣхъ этихъ текстахъ, 39 — 41, Апостолъ не имѣлъ намѣренія указывать различіе въ славѣ воскресшихъ по нравственному ихъ различію; цѣль его рѣчи выяснить, что воскресшее тѣло будетъ хотя тоже, но по совершенствамъ будетъ несравненно выше теперешняго. Это и обозначаетъ онъ двумя родами тѣлъ земныхъ и небесныхъ. Но можно это мѣсто брать и какъ указаніе на различіе будущихъ тѣлъ по нравственному состоянію. Такъ и толкуютъ всѣ наши толковники. Земныя тѣла, говорятъ они, представляютъ грѣшниковъ, а небесныя праведниковъ; разные же виды тѣхъ и другихъ—разныя степени грѣшности и праведности. Св. Златоустъ говоритъ: „Доказавъ истину воскресенія, Апостолъ теперь доказываетъ, что великое будетъ тогда различіе въ славѣ, хотя воскресеніе одно.

Раздѣливъ всѣхъ на два разряда, на праведниковъ и грѣшниковъ, онъ потомъ раздѣляетъ эти два разряда на многія части, показывая, что праведники и грѣшники получатъ не одинаковую участь, что ни праведники всѣ не будутъ равны съ праведниками, ни грѣшники съ грѣшниками. Первое дѣленіе—праведниковъ и грѣшниковъ—онъ дѣлаетъ въ словахъ: *тѣлеса небесная и тѣлеса земная,* разумѣя подъ земными послѣднихъ, а подъ небесными первыхъ. Потомъ показываетъ различіе между самыми грѣшниками въ словахъ: *не всяка плоть таже плоть, но ина убо плоть рыбамъ, ина же птицамъ и скотомъ;* хотя всѣ они суть тѣла, но одни болѣе, другія менѣе маловажны, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ устройствѣ. Сказавъ объ этомъ, онъ обращается затѣмъ къ небу и говоритъ: ина слава солнцу, ина слава лунѣ. Какъ въ земныхъ тѣлахъ есть различіе, такъ и въ небесныхъ; есть различіе не только между солнцемъ и луною, между луною и звѣздами, но и между самыми звѣздами; ибо хотя всѣ онѣ на небѣ, но однѣ имѣютъ болѣе славы, другія менѣе. Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что хотя всѣ праведники будутъ въ царствѣ небесномъ, но не всѣ получатъ одинаковое блаженство; и грѣшники, хотя всѣ будутъ въ геенне, но не всѣ будутъ одинаково мучиться. Потому онъ и присовокупляетъ: *такожде и воскресеніе мертвыхъ;* такъ и тогда будетъ великое различіе."

Наведши на мысль о различіи будущихъ тѣлъ отъ нынѣшнихъ, какъ разнятся небесныя тѣла отъ земныхъ, Апостолъ опредѣленно высказываетъ самыя черты различія.

β).

Ст. 42—44. *Такожде и воскресеніе мертвыхъ. Сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи; сѣется не въ честь,*

востаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное.

Таковы черты различія! Нынѣшнее тѣло тлѣнно, нечестно, немощно, душевно; будущее будетъ нетлѣнно, славно, сильно, духовно.

Такожде. Чему отвѣчаетъ это сравненіе?—Кажется, должно отнести его къ ст. 36 и 37. Ты, что сѣешь, не оживетъ, если не умретъ,—и сѣешь ты не будущее тѣло, а голое зерно, которое должно умереть, чтобы изъ него вышло новое лучшее тѣло. Такъ, говоритъ, и въ воскресеніи будетъ: возстанетъ тѣло наше совсѣмъ не съ тѣми свойствами, съ какими полагается въ землю.—За тѣмъ, ст. 39—41, указаніе на различіе тѣлъ не лучше ли счесть вводною рѣчью, по поводу слова, что Богъ каждому сѣмени даетъ *свое* тѣло, предоставляя себѣ свободу понимать ихъ, не стѣсняясь теченіемъ рѣчи? Св. Златоустъ и говоритъ о нихъ: „зачѣмъ Апостолъ уклонился здѣсь отъ воскресенія?"—И хотя вслѣдъ за симъ говоритъ: не уклонился; но понимаетъ ихъ независимо отъ теченія рѣчи. Замѣчается сіе потому, что во всемъ этомъ отдѣленіи трудно установить опредѣленность въ понятіяхъ и сочетаніи ихъ.

Словомъ: *сѣется* указывается на погребеніе въ землѣ мертвыхъ тѣлъ (св. Злат.). Но въ сравненіе берутся вообще нынѣшнія тѣла, какими они являются на землѣ, а не то только, какими оказываются въ гробѣ и могилѣ, хотя здѣсь очевиднѣе всего открывается, что такое они суть. Такъ надо думать потому, что между чертами сѣемыхъ тѣлъ стоитъ и то, что они душевны, когда въ нихъ уже нѣтъ души; да и то, что они въ немощи, не совсѣмъ уже приложимое къ тѣламъ, опускаемымъ въ могилу.

Противополагаемыя черты нынѣшнихъ и будущихъ тѣлъ понятны сами собою.

Сѣется въ тлѣніе, затѣмъ, чтобъ разложиться на стихіи, изъ коихъ сложено. „Въ два или три дня подвергается оно зловонному тлѣнію“ (Ѳеодоритъ). Но оно и въ существѣ своемъ тлѣнно. Будучи само составляемо и поддерживаемо чрезъ разложеніе потребляемыхъ яствъ и потомъ чрезъ насильственное ихъ сочетаніе внутри дѣйствіемъ жизненной силы, а не простаго химическаго сродства, оно обречено уже на то, чтобы, коль скоро отойдетъ отъ него это животворящее начало, распасться и разложиться дѣйствіемъ химическаго процесса, властнаго вовнѣ, наперекоръ которому оно существовало дотолѣ.

Востаетъ въ нетлѣніи. Такъ возстанетъ, что его уже нельзя будетъ почитать обреченнымъ на разложеніе. Оно будетъ составлено и поддерживаемо не чрезъ разложеніе и сочетаніе грубыхъ принимаемыхъ внутрь веществъ; потому и само свободно будетъ отъ разложенія. Апостолъ прежде сказалъ, что чрево Богъ упразднитъ: инымъ способомъ будетъ поддерживаться тогда жизнь; иной будетъ образъ и сложенія тѣла. Жизненная сила, которая теперь работаетъ надъ сооруженіемъ и поддерживаніемъ тѣла, борясь съ грубымъ веществомъ, чтобъ доставить изъ него способныя оживотворяться частички,—тогда въ непосредственной будетъ связи съ самою источною всеоживляющею силою, и пить изъ нея жизнь, или что нужно для жизни.

Сѣется не въ честь. „Что безобразнѣе мертваго, разрушившагося тѣла?“ (св. Злат.). Тѣло наше, и помимо тлѣнія, хотя честнѣе всѣхъ земныхъ тѣлъ, но настоящая его честь потеряна. Оттого твари и не отдаютъ ему должной чести. Ему надлежало бы быть свѣтлымъ, но оно померкло, одебелѣвши отъ грубыхъ веществъ, входящихъ въ него. Тѣла святыхъ, въ часы сильнаго возбужденія духовной жизни, просвѣтлялись

подобно просвѣтлѣнію Спасителя на Ѳаворѣ; и свѣтъ этотъ видимъ былъ для другихъ. И животныя покорствовали имъ, обонявъ въ нихъ воню тѣла Адамова, каково оно было до паденія, какъ объясняютъ повѣствующіе о семъ. Это и подобное сему, напр., раскрытіе зрѣнія до способности видѣть далекое и сокрытое, слуха — до способности слышать пѣніе ангельское, обонянія — до способности обонять въ вещи запахъ страсти, съ которою она дана, движенія—до способности быть въ другомъ мѣстѣ не выходя изъ своего, — все сіе и подобное, проявляющееся въ тѣлѣ у святыхъ, облагодатствованныхъ, не нынѣшнему вѣку принадлежитъ, а будущему, и свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ умалено въ чести и славѣ нынѣшнее тѣло наше, въ обычномъ его состояніи.

Востаетъ въ славѣ. Славно — свѣтло и свѣтоносно. Тѣ проявленія славы тѣла въ облагодатствованныхъ уже даютъ разумѣть, коль славно будетъ будущее тѣло, освободившись отъ дебелости вещества грубаго; но вполнѣ опредѣлить и представить той славы мы теперь не можемъ. Не у явися, что будемъ. Пиша къ Филиппійцамъ, св. Павелъ опредѣлилъ это такъ: *Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну Тѣлу славы Его* (—3, 21). Будетъ смиренное, униженное и посрамленное тѣло наше славно, какъ тѣло Господа Спасителя.—Этого для насъ достаточно.

Сѣется въ немощи. Ужъ какая тамъ мощь, когда ни движенія, ни чувства нѣтъ!—Но и вообще тѣло наше многонемощно: немного труда, и утомляется; немного бдѣнія, и сномъ одолѣвается; мало какое неблагопріятное прикосновеніе чуждыхъ стихій, и болѣзнію поражается; сколько времени потребно, чтобъ перейти съ мѣста на мѣсто, сколько усилій, чтобы подьять что-либо. сколько предосторожностей, чтобъ избавиться

отъ непріятныхъ воздѣйствій со внѣ – одежда, кровъ! Мы привыкли ко всему этому и кажется намъ это въ порядкѣ вещей. Нѣтъ; не пристало являться въ такой немощи царю тварей земныхъ.

Востаетъ въ силѣ. „Тогда уже ничто не одолѣетъ его" (св. Злат.). „Воспріиметъ оно негиблющую силу" (Ѳеод.). Не всемогущество обѣщается, а что для насъ понятно, упраздненіе всего того, чѣмъ оно немощно нынѣ. Будетъ оно дѣятельно безъ утомленія, бодренно безъ потребности сна, неподверженно болѣзненнымъ и разрушительнымъ вліяніемъ совнѣ, быстродвижно, какъ мысль, мощно столько, что въ исполненіи должнаго не встрѣтитъ преградъ со стороны стороннихъ вещей и стихій, и подобное сему.

Сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное. Изъ многихъ понятій, какія соединяютъ съ словами: *тѣло душевное* и *тѣло духовное*, кажется, самое здѣсь пригодное будетъ видѣть — *тѣло страстное и тѣло безстрастное.*

Наши толковники такъ изъясняютъ слова сіи. Ѳеодоритъ пишетъ: „душевнымъ называетъ Апостолъ, что управляется душею, а духовнымъ, что домостроительствуется Духомъ." Св. Златоустъ говоритъ: „что говоришь ты? А это тѣло развѣ не духовно? Оно духовно, но то будетъ гораздо больше. Теперь великая благодать Св. Духа часто отлетаетъ, когда кто впадаетъ въ тяжкіе грѣхи; но тогда не такъ, а напротивъ Духъ будетъ непрестанно пребывать во плоти праведниковъ и станетъ господствовать въ ней, хотя и душа будетъ присутствовать. Такимъ образомъ Апостолъ разумѣлъ или что-нибудь подобное, когда сказалъ: духовное,— или то, что оно будетъ легче, тонѣе, и будетъ способно носиться даже по воздуху—или лучше то и другое." Тоже говорятъ Экуменій и Ѳеофилактъ. Фотій

у Экуменія толкуетъ: „сіе смертное тѣло наше душевно, потому что работаетъ страстямъ; возстанетъ же душевное тѣло духовнымъ, потому что не будетъ уже работать страстямъ,—и это не только у праведныхъ, но и у грѣшниковъ.“ Сѣдалище страстей, опора ихъ и орудіе—это тѣло, когда душа не исполнена Духа. Духомъ Божіимъ исполненная душа вооружается противъ страстей и изгоняетъ ихъ изъ тѣла. Потому духовный тоже что безстрастный, а душевный тоже что страстный.

Перечисливъ и пояснивъ всѣ означенныя противоположности въ чертахъ тѣлъ—нынѣшняго и будущаго, св. Златоустъ прибавляетъ: „если не вѣришь сказанному, то посмотри на тѣла небесныя, столь свѣтлыя, неизмѣнныя и никогда нестарѣющіяся, и вѣруй, что Богъ можетъ и тлѣнныя тѣла сдѣлать нетлѣнными и гораздо лучшими видимыхъ.“ Сдѣлаемъ отсюда наведеніе, что и по св. Златоусту приведенныя выше различія тѣлъ были сдѣланы лишь для того, чтобы показать превосходство тѣлъ небесныхъ надъ земными и въ этомъ представить отображеніе превосходства будущихъ тѣлъ надъ нынѣшними.

Есть тѣло душевное и есть тѣло духовное. Нынѣ стали читать: если есть тѣло душевное, то есть и тѣло духовное. Къ мысли это нисколько не прибавляетъ ни ясности, ни силы. Апостолъ могъ изречь сіе и прямымъ утвержденіемъ. И это понятнѣе. Есть, т.-е. бываетъ, или возможно - тѣло какъ душевное, такъ и духовное. Обусловливать же такъ, что коль скоро есть тѣло душевное, то есть и духовное, не совсѣмъ удобно.

Ѳеофилактъ приводитъ мнѣніе Оригена, что духовное тѣло значитъ тѣло эѳирное, наитончайшее, а душевное—нашъ грубый организмъ,—грузный, неподвижный, многими потребностями бременящій. И такъ можно,

но это не представляетъ большой разности отъ нашего пониманія — душевнаго страстнымъ и духовнаго безстрастнымъ.

бб).

Въ словахъ: *душевное тѣло и духовное* Апостолъ будто совмѣстилъ всѣ отличительныя черты будущихъ тѣлъ сравнительно съ нынѣшними. Почему доказывая, что, по домостроительству спасенія нашего, такъ и быть должно, онъ преимущественно руководится понятіями: *душевный и духовный*.

Ст. 45. *Тако и писано есть: бысть первый человѣкъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ.*

Что Адамъ бысть въ душу живу, это написано въ книгѣ Бытія 2, 7,—а что Господь Спаситель бысть въ духъ животворящъ, этого нигдѣ не написано слово въ слово такъ. Посему св. Павелъ или говоритъ это отъ себя, прилагая къ сказанному въ Писаніи, безъ обозначенія, гдѣ кончилось слово Писанія и гдѣ началось его собственное: для насъ и въ такомъ случаѣ это будетъ слово Божіе; или онъ совмѣщаетъ въ этомъ словѣ смыслъ многихъ изреченій Писанія о грядущемъ Избавителѣ, яко преизобильнѣйшемъ помазанникѣ отъ Духа, — какъ-то: *помаза тя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости* (символъ Духа) *паче причастникъ твоихъ* (Пс. 44, 8); еще: *почіетъ на немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума* и проч. (Исаіи 11, 2. 3); такъ же: *Духъ Господенъ на мнѣ, егоже ради помаза мя* и проч. (Исаіи 61, 1). И о рожденіи Его сказано: *Духъ Святый найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя* (Лук. 1, 35): и во время крещенія сошелъ на Него Духъ въ видѣ голубинѣ. Или, какъ говоритъ св. Златоустъ и всѣ наши, онъ взялъ это изъ событія: такимъ явился Гос-

подь, что о Немъ надлежало сказать, что Онъ бысть въ духъ животворящъ. Вотъ слова св. Златоуста: „Первое (т.-е. бысть Адамъ въ душу живу) дѣйствительно написано. а послѣдняго не написано; какъ же Апостолъ сказалъ: *писано есть?* Онъ вывелъ это изъ событій, какъ и часто дѣлаетъ. Такъ обыкновенно поступаютъ и Пророки; напр. Пророкъ сказалъ, что Іерусалимъ наречется градъ истинный (Захар. 8, 3); однако онъ не назывался такъ. Что же? Неужели Пророкъ сказалъ неправду? Нѣтъ, онъ говоритъ о названіи посредствомъ событій. Такъ же: Христосъ *наречется Эммануилъ* (Исаіи 7, 14); и однакоже онъ не назывался такъ; но дѣла даютъ Ему это названіе. Такъ и здѣсь.“

Но какая мысль у Апостола въ сихъ словахъ?—Онъ указываетъ на два періода бытія человѣчества, представителями коихъ служитъ душевный Адамъ первый и животворимый Духомъ Христосъ — Адамъ вторый. Свойство того и другаго періода означаетъ послѣ, а здѣсь только указываетъ на представителей, какъ-бы такъ: бысть Адамъ въ душу живу,—вотъ тебѣ человѣкъ душевный, и тѣло душевное, а вторый Адамъ въ духъ животворящъ, — вотъ тебѣ человѣкъ животворимый Духомъ и тѣло духовное. Вникни, что значитъ тотъ и другой, и поймешь, что есть тѣло душевное, и что духовное, и почему въ будущемъ вѣкѣ умѣстно быть только тѣлу съ послѣднимъ свойствомъ, т.-е. духовному. Фотій у Экуменія пишетъ: „не колеблись, говоритъ, въ вѣрѣ, что нынѣшнія душевныя тѣла наши тогда содѣлаются духовными. Имѣемъ уже тому доказательства. Адамъ имѣлъ душевное тѣло, а Христосъ имѣлъ тѣло духовное, бывшее пріятелищемъ всей полноты Св. Духа. Это показываетъ пребывшій на Немъ голубь. Ибо поколику Іисусъ Христосъ есть и познается человѣкомъ, Онъ есть вмѣстилище Духа, хотя Духъ

съ Нимъ, поколику Онъ есть и познается Богомъ, пребываетъ въ единомъ Божескомъ существѣ.“ Тоже говоритъ и св. Златоустъ: „Апостолъ сказалъ это для того, дабы ты зналъ, что уже есть знаменія и залоги какъ настоящей, такъ и будущей жизни: настоящей—Адамъ, и будущей—Христосъ. Такъ какъ лучшія блага онъ поставляетъ въ будущемъ, то теперь доказываетъ, что начало ихъ уже пришло, что корень и источникъ ихъ уже явились. Если же корень и источникъ для всѣхъ очевидны, то не должно сомнѣваться и о плодахъ. Посему онъ и говоритъ: послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ; и въ другомъ мѣстѣ: *оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша живущимъ Духомъ Его въ насъ* (Рим. 8, 11).“

Настоящую мысль Апостола опредѣленно представить очень трудно. Но очевидно, что, по нему, въ лицѣ Христа Спасителя человѣчество начинаетъ новую жизнь не душевно только, но и тѣлесно, такъ какъ это явилось и въ Немъ самомъ. Когда явился Господь Іисусъ Христосъ, всѣ люди были, по первому Адаму, душевны. Онъ первый бысть въ Духъ животворящъ. Но Онъ чрезъ воскресеніе и вознесеніе на небо сталъ Главою новаго человѣчества, отъ Него рождаемаго. Характеристическая черта сего новаго человѣчества есть духовность, — то, что оно носитъ въ себѣ Духа Божія; Сей Духъ есть залогъ будущаго оживленія и тѣла, которое явится тогда одухотвореннымъ. Духовныя тѣла готовятся въ области душевнаго Адама; явятся же въ духовной славѣ въ свое время. Надлежитъ совсѣмъ прекратиться сему душевному періоду. Прежде качествовала въ человѣчествѣ одна душевность; отъ Христа Спасителя изъ душевнаго, благодатію Духа, образуется человѣчество духовное; во второе Его пришествіе душевность престанетъ, возсіяетъ духовность. Всему свое время!

Ст. 46. *Но не прежде духовное, но душевное, потомъ же духовное.*

Ужъ такъ, говоритъ, законъ проявленія жизни требовалъ, чтобъ душевное предшествовало, а изъ него, дѣйствіемъ Божіимъ, возникло и духовное. Такъ Богу угодно было постановить. „Не говоритъ: почему, но довольствуется указаніемъ на распоряженіе Божіе, имѣя во свидѣтельство превосходства домостроительства Божія опытъ событій и чрезъ то доказывая, что все съ нами происходитъ къ лучшему, а вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ еще болѣе достовѣрности словамъ своимъ“ (св. Злат.). Еслибъ не палъ Адамъ, душевность претворялась бы въ духовность тамъ-же въ раю. По паденіи же назначенъ особый продолжительный періодъ душевный, чтобъ въ теченіи его, то особыми промыслительными дѣйствіями (во всѣхъ народахъ), то особыми учрежденіями (въ іудейскомъ народѣ), то наконецъ чрезвычайнымъ домостроительствомъ спасенія чрезъ воплощеніе Бога-Слова, постепенно выработалось человѣчество духовное, и въ свое время явилось въ славѣ. Душевному необходимо предшествовать духовному, какъ низшей степени къ высшей.

Ст. 47. *Первый человѣкъ, отъ земли перстенъ; вторый человѣкъ, Господь съ небесе.*

Какъ первый человѣкъ отъ земли перстенъ, это извѣстно изъ образа сотворенія перваго человѣка; отъ чего и названъ онъ Адамъ—земляной, перстный. А какъ вторый человѣкъ съ небесе? Развѣ не отъ Пречистыя Дѣвы Богородицы принялъ Онъ человѣческое естество? Развѣ съ неба Онъ принесъ плоть? Были какіе-то еретики, которые такъ думали. Но изъ словъ Апостола такой мысли выводить нельзя. Первый человѣкъ развѣ весь былъ только изъ земли перстенъ? Нѣтъ; онъ бысть и въ душу живу. И такъ какъ онъ не весь былъ изъ земли

перстенъ, хотя и называется здѣсь такимъ, но имѣлъ въ себѣ и другую сущность—высшую, небесную, Богомъ въ него вдохнутую: такъ разсуждай и о второмъ человѣкѣ, что Онъ не весь есть Господь съ небесе, хотя и именуется таковымъ, но имѣетъ и другую сущность—низшую, земную, съ нами сродную, взятую Имъ въ утробѣ Матери дѣйствіемъ Духа Божія. Говоритъ же такъ Апостолъ о томъ и другомъ, чтобы рѣзче выставить отличія ихъ; почему въ первомъ указываетъ одну низшую сторону, а во второмъ одну высшую. О Христѣ Спасителѣ можно говорить, что Онъ Господь съ небесе по причинѣ единства Лица при двухъ естествахъ.

Впереди сказалъ: первый человѣкъ бысть въ душу живу; здѣсь говоритъ: первый человѣкъ—отъ земли перстенъ. Выходитъ, что отличительная черта жизни перваго человѣка, или по первому человѣку, есть *душевнотѣлесность*.—О второмъ Адамѣ впереди сказалъ, что Онъ въ духъ животворящъ, а здѣсь—что Онъ Господь съ небесе.—Отсюда отличительная черта жизни втораго человѣка или по второму человѣку, есть *животворная духовность* и *Богодѣйственная небесность*. Цѣль у св. Апостола та, чтобы провесть мысль, что еслибы человѣчество оставалось только живущимъ по первому человѣку, пребывая лишь душевно-тѣлеснымъ, то конецъ его былъ бы: земля еси и въ землю пойдеши; перстное возвращалось бы персти, а душа одна—не человѣкъ; вслѣдствіе того человѣка не стало бы. Но когда въ среду жизни, по первому человѣку, вторымъ человѣкомъ введены начала жизни животворно-духовной и богодѣйственно-небесной; тогда вмѣстѣ съ симъ человѣчеству открыта возможность вмѣсто тлѣнія наслѣдовать небесную, духовную, божественную жизнь.

Ст. 48. *Яковъ перстный, таковы и перстніи; и яковъ небесный, тацы же и небесніи.*

Въ какомъ это смыслѣ? Св. Златоустъ говоритъ: „по перстному перстные, т.-е. также всѣ погибнутъ и умрутъ, а по небесному небесные, т.-е., также всѣ пребудутъ безсмертными и свѣтлыми.“ Какимъ глаголомъ дополнить положенія Апостола: суть, бываютъ, или должны быть? По отцу дѣти, по родоначальнику поколѣніе, и суть, и бываютъ, и должны быть. Св. Павелъ пишетъ естественную исторію человѣчества. Всѣ мы являемся на свѣтъ по первому родоначальнику; но потомъ перерождаемся и становимся такими, каковъ вторый родоначальникъ, — таковы есмы, таковыми и быть должны, духовными, небесными, для нетлѣнной вѣчной жизни предназначенными, зачатки которой и пріемлемъ. Апостолъ не ограничиваетъ взора одними увѣровавшими, а смотритъ на Господа Спасителя по силѣ Его и значенію, или по идеѣ, — какъ на Спасителя всего человѣчества, и на человѣчество смотритъ въ его цѣлости, какъ ему слѣдуетъ быть, по намѣренію Бога, въ Троицѣ поклоняемаго, т.-е. перерожденнымъ и обновленнымъ въ Господѣ Спасителѣ.

Ст. 49. *И якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго.*

Вмѣсто: *да облечемся*, по гречески читается *облечемся*. Съ ходомъ рѣчи это будто сообразнѣе. Апостолъ не нравственные уроки пишетъ, а выясняетъ основанія, по которымъ воскресшимъ тѣламъ слѣдуетъ быть такими, какъ онъ ихъ изобразилъ—нетлѣнными, славными, живодѣйственными, духовными. И въ этомъ мѣстѣ послѣднее слово его объясненій. Облечемся, говоритъ, не сомнѣвайтесь. Облечемся во образъ небеснаго, т.-е. станемъ таковыми, каковъ Онъ есть. Удостовѣреніе въ этомъ возьмите изъ того, что мы облеклись во образъ перстнаго Адама. Во образъ перстнаго облеклись мы путемъ естественнаго рожденія; во образъ Небес-

наго духовно облекаемся въ купели крещенія, а всецѣло явимся таковыми по воскресеніи въ будущемъ вѣкѣ. Принявъ залогъ духовнаго облеченія въ Небеснаго, не сомнѣвайтесь, что явитесь вполнѣ облеченными въ Него, подобно, какъ облеченными являетесь въ перстнаго. „Какъ стали мы участниками и общниками смерти перстнаго, такъ сдѣлаемся причастниками славы небеснаго Владыки. Ибо сіе: *да облечемся*, сказалъ Апостолъ въ видѣ предреченія, а не увѣщанія" (Ѳеод.). „Образъ перстнаго Адама есть: *земля еси и въ землю пойдеши*, а образъ небеснаго Христа есть воскресеніе изъ мертвыхъ и нетлѣніе. Апостолъ предрекаетъ имѣющее быть, въ видѣ однакожъ рѣшительнаго опредѣленія, говоря: всеконечно облечемся мы во образъ Небеснаго, какъ облеклись и во образъ перстнаго. Образъ перстнаго есть смерть, а образъ Небеснаго воскресеніе. Въ смерти — образъ Адама; ибо онъ первый былъ причиною того, что стали умирать всѣ другіе. А въ воскресеніи и нетлѣніи образъ Христа; ибо Онъ первый воскресъ, побѣдивъ смерть, и чрезъ то всему роду человѣческому даровалъ воскресеніе и нетлѣніе" (у Экуменія Меѳодій—въ словѣ о воскресеніи).

Ст. 50. *Сіе же глаголю, братіе, яко плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ, ниже тлѣніе нетлѣнія наслѣдствуетъ.*

„Плотію и кровію называетъ Апостолъ природу смертную. А ей, пока она смертна, не возможно улучить небеснаго царства. Сіе-то и присовокупилъ Апостолъ: *ниже тлѣніе нетлѣнія наслѣдствуетъ*. Но явно, что сдѣлавшись нетлѣнною, насладится обѣтованныхъ благъ" (Ѳеод.). Также судитъ и Фотій у Экуменія.

Сіе же глаголю, — все это, начиная съ 45 ст., я говорилъ вамъ для того, чтобъ убѣдить васъ, что *плоть*

и кровь,—это тѣло наше, въ томъ видѣ, какъ оно теперь есть—грубое, многостихійное, грузное, и всегда готовое распасться, негоже для царствія Божія. Если предназначено ему участвовать въ семъ царствіи, то оно наслѣдовать его иначе не можетъ, какъ претворено будучи. Тлѣнное должно быть отдано тлѣнію. Наслѣдники нетлѣннаго царства должны облещися въ нетлѣніе: ибо тлѣніе нетлѣнія не наслѣдуетъ. Не то хочетъ онъ сказать, что всѣ воскресшіе въ нетлѣнномъ тѣлѣ непремѣнно и царство наслѣдуютъ; но что безъ воскресенія и облеченія въ нетлѣніе, хотя бы и святъ кто былъ, царствія, какъ оно устроено, не увидитъ. Онъ смотритъ на человѣка цѣлостнаго — въ полномъ составѣ. Душа одна—не человѣкъ; тѣло же, какъ оно теперь есть, грубо и негоже для царствія. Ему и положено истлѣть; вмѣсто его дастся нетлѣнное тѣло. Для сего былъ новый Адамъ, который воскресъ и положилъ основаніе воскресенію всѣхъ. Воскресеніемъ своимъ Онъ далъ возможность быть наслѣдниками нетлѣннаго царства Его. Участіе въ наслѣдіи подлежитъ другимъ условіямъ; но не будь воскресенія въ нетлѣніи, исполненіе этихъ условій не ввело бы въ наслѣдіе его. Надобно облещись въ нетлѣнное тѣло, и тогда войти въ царство, если достоинъ того. Такъ оно устроено, что иначе сему быть нельзя, хотя устроено тоже сообразно съ природою человѣческою.

По ходу рѣчи Апостола можетъ родиться мысль, что кто не присвоился новому Адаму, небесному, тотъ не будетъ имѣть участія и въ нетлѣніи. Надо поимѣть въ мысли, что Апостолъ беретъ человѣчество въ цѣломъ его составѣ и въ его предназначеніи: оно все предназначено къ перерожденію въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Для того и сила воскресенія Христова такова, что въ Немъ воскрешено уже все человѣчество. Это уже всѣмъ

принадлежитъ, къ славѣ ли кто воскреснетъ, или не къ славѣ. Сила воскресенія Христова и не можетъ быть инакова: ибо воскресшій есть Богъ. Божеское нельзя ограничить какимъ-либо предѣломъ времени или мѣста. Воскресеніе Христово имѣетъ всемірное значеніе и ввело чинъ бытія, на все простирающійся.

Во всемъ этомъ отдѣленіи, ст. 45—50,—св. Павелъ разсуждаетъ догматически, какъ выражается блаж. Фотій. Но внѣ контекста, всѣ эти мѣста, особенно же послѣдніе тексты: *плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ*, и: *да облечемся во образъ небеснаго*, также: *яковъ небесный, тацы же и небесніи*,—могутъ быть принимаемы въ смыслѣ нравственныхъ уроковъ, какъ принимались всегда и доселѣ принимаются. Св. Златоустъ въ этомъ смыслѣ и толкуетъ ихъ; Фотій и Меѳодій у Экуменія параллельно проводятъ и догматическія мысли и нравственные уроки.

в).

Пророческое сказаніе, какъ дѣломъ совершится будущее воскресеніе.

Ст. 51—53.

Ст. 51. *Се, тайну вамъ глаголю: вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся.*

Се тайну вамъ глаголю. „О страшномъ и неизреченномъ, о томъ, что не всѣ знаютъ, намѣревается говорить Апостолъ, и оказываетъ слушателямъ великую честь, бесѣдуя съ ними о предметахъ неизреченныхъ" (св. Злат.). „*Тайною* называется, что не всѣмъ объявлено, но ввѣрено однимъ друзьямъ." Посему Апостолъ утѣшаетъ Коринѳянъ.

„Что же это такое: *вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся?* Смыслъ словъ его слѣдующій: не всѣ мы умремъ,

но всѣ измѣнимся, даже и тѣ, которые не умрутъ; ибо и они смертны. Итакъ, когда умираешь, не бойся этого, какъ будто не воскреснешь; есть, несомнѣнно есть такіе, которые избѣгнутъ смерти, но для воскресенія имъ будетъ того недостаточно, а необходимо, чтобы тѣла и тѣхъ, которые не умрутъ, измѣнились и сдѣлались нетлѣнными“ (св. Злат.). „Ибо не только скончавшіеся возстанутъ нетлѣнными; но и остающіеся еще въ живыхъ облекутся въ нетлѣніе“ (Ѳеод.).

Ст. 52. *Вскорѣ, во мгновеніи ока, въ послѣдней трубѣ: вострубитъ бо, и мертвіи воскреснутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся.*

Вскорѣ, ἐν ἀτόμῳ, въ такой короткій моментъ времени, котораго и дѣлить нельзя. Между повелѣніемъ Божіимъ о воскресеніи и самымъ воскресеніемъ и мгновенія времени не пройдетъ (Ѳеод.). Они современно послѣдуютъ. Какъ гласъ трубы, возвѣщающій Божіе повелѣніе, прозвучитъ, такъ въ то же мгновеніе мертвые возстанутъ, а живые измѣнятся, т.-е. примутъ нетлѣнное тѣло, въ каковомъ воскреснутъ и умершіе. „Слово—*мы* здѣсь относитъ Апостолъ не къ себѣ, а къ тѣмъ, которые тогда окажутся живыми. Такъ, послѣ многаго, сказаннаго о воскресеніи, онъ теперь открываетъ въ немъ весьма дивное. Ибо не то только удивительно, что тѣла сперва сгніютъ, а потомъ воскреснутъ, и не то, что возставшія послѣ гніенія будутъ лучше нынѣшнихъ, и не то, что живые перейдутъ въ лучшее состояніе, и не то, что каждый получитъ собственное, а не чужое тѣло, но и то, что столь многія и столь великія дѣла, превосходящія всякій умъ и всякое разумѣніе, совершатся *вскорѣ*, т.-е. во мгновеніе времени, или, какъ онъ яснѣе выражаетъ это, *во мгновеніи ока*, такъ быстро, какъ смежаются вѣжды“ (св. Злат.).

Ст. 53. *Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе.*

Подобаетъ — неотложный законъ. Какъ бы на тѣло свое указывая, говоритъ: это мертвенное, это тлѣнное должно стать нетлѣннымъ и безсмертнымъ. „*Тлѣнное* есть тѣло, и *мертвенное* есть тѣло. Тѣло остается тѣломъ, потому что оно есть то, что облекается; исчезаютъ же смертность и тлѣнность, когда оно облечется въ безсмертіе и нетлѣніе. Посему не сомнѣвайся, какъ тѣло будетъ жить безконечно, когда слышишь, что оно будетъ нетлѣнно“ (св. Злат.).

Вмѣстѣ же тутъ и та мысль подтверждается, что возстанутъ именно эти тѣла, а не другія. „Апостолъ ясно далъ знать, что воскреснетъ не другое что, но то самое, что истлѣваетъ: ибо какъ-бы нѣкіимъ перстомъ указалъ на то словомъ: *сему*, говоря: *тлѣнному сему, и мертвенному сему*“ (Ѳеод.).

3).

Побѣдная надъ смертію пѣснь съ краткимъ увѣщаніемъ

54—58.

Ст. 54. *Егда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда будетъ слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою.*

Когда тлѣніе такимъ образомъ изгнано будетъ изъ всѣхъ областей бытія и всюду воцарится безсмертная жизнь, тогда все преисполнено будетъ радостію жизни. Освободившись отъ узъ тлѣнія, страхомъ смерти обдержавшіеся дотолѣ, какъ-бы свободно вздохнувъ, скажутъ: слава Богу! Смерть поглощена въ конецъ. Слова сіи взяты у Исаіи 25, 8, гдѣ онъ обѣщаетъ Іудеямъ полную побѣду надъ врагами и такое спокойное житіе, что непріятели ихъ не станутъ губить ихъ какъ ни

вздумается. Это прилагаетъ Апостолъ къ свѣтлому состоянію по воскресеніи. Смыслъ словъ его: *тогда будетъ слово написанное,* таковъ: тогда можно будетъ сказать словомъ Писанія: пожерта бысть смерть побѣдою. *Побѣдою,*—такъ будетъ побѣждена и поражена смерть, что не встать ей болѣе, тоже, что въ конецъ, смерти не будетъ ктому. Св. Златоустъ говоритъ: *побѣдою,* т.-е. окончательно, такъ что не останется ни слѣдовъ ея, ни надежды на возвращеніе, когда тлѣніе будетъ поглощено нетлѣніемъ.“

Ст. 55. *Гдѣ ти, смерте, жало? гдѣ ти, аде, побѣда?*

Смерть представляется подъ образомъ ядовитаго змія, который жаломъ своимъ убивалъ всѣхъ, а когда отнято у него жало, сталъ нестрашенъ и въ посмѣшище дѣтямъ. Адъ, по обычному тогдашнему представленію, вмѣстилище всѣхъ отходящихъ изъ сей жизни, представляется забирающимъ всѣхъ въ свою власть посредствомъ смерти. Теперь и его жертвамъ конецъ. Апостолъ олицетворяетъ ихъ и словами Пророка Осіи (13, 14), обращаетъ къ нимъ такую уничижительную рѣчь. „Онъ какъ бы созерцаетъ уже самое исполненіе, видитъ и побѣду Владыки, и воскресеніе мертвыхъ, и воспѣвая торжество надъ врагами, изрекаетъ эту пророческую пѣснь“ (Ѳеод.). „Видишь ли величіе души? Какъ бы торжествуя побѣду, онъ воодушевляется и, созерцая будущее, какъ бы уже совершившееся, восхищается, попираетъ ногами низложенную смерть, и надъ главою поверженной произноситъ побѣдный кликъ, громко взывая: *гдѣ ти, смерте, жало? Гдѣ, ти, аде, побѣда?* Она прошла, погибла и исчезла совершенно. Господь не только обезоружилъ и побѣдилъ смерть, но истребилъ ее и обратилъ въ ничто“ (св. Злат.).

Ст. 56. *Жало же смерти, грѣхъ; сила же грѣха, законъ.*

Чрезъ грѣхъ вошла смерть. Были мы поставлены въ

раю на безсмертную жизнь. Согрѣшили, и осуждены на смерть. Грѣхъ ужалилъ насъ на смерть; онъ есть смертное, смертельное жало. Истина сія осязательно испытывается грѣшащими: и душу и тѣло разстраиваетъ и поражаетъ грѣхъ, душу во всѣхъ ея способностяхъ, тѣло въ корнѣ жизни; жизнь отъ него становится вялою. *Сила грѣха законъ*. Отъ чего? Отъ дѣйствія совѣсти. Совѣсть Богъ всадилъ въ душу нашу, какъ руководящую, а потомъ какъ судящую, осуждающую и карающую силу Свою. Къ ней идетъ то, что говорится о словѣ Божіемъ: *проходитъ до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ*. Это и бываетъ, когда вооруженная словомъ Божіимъ, изрекающимъ законъ, она находитъ человѣка преступникомъ закона. Она дѣйствуетъ въ это время, какъ разъѣдающая и разлагающая какая стихія. Вотъ чѣмъ грѣхъ оказывается столько сильнымъ, что причиняетъ смерть. Законъ проясняетъ совѣсть; имъ просвѣтленная, она зорче смотритъ за дѣяніями человѣка, и не даетъ ему покоя, коль скоро онъ является нарушителемъ закона; а чрезъ это возмущаетъ жизнь и души и тѣла, и разстраивая ее ведетъ къ смерти. Быть же сему такъ положилъ Богъ. Совѣсть исполняетъ законъ правды Божіей.

Съ какою цѣлію приложилъ сіи слова Апостолъ? Не продолжаетъ ли онъ вопросъ: *Гдѣ ти, смерте, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда?* Гдѣ жало смерти, т.-е. грѣхъ? И гдѣ сила грѣха — законъ? Ибо тогда ни грѣха не будетъ, ни закона, потому что будетъ царствовать правда вѣчная и святость всесовершенная. Ничто не мѣшаетъ и такъ взглянуть на дѣло. Но прямѣе, можетъ быть, будетъ положить такъ: переносясь мыслію въ созерцаніе преславнаго состоянія по воскресеніи, когда всюду будетъ преизобиловать радость жизни, онъ

восхитился тѣмъ состояніемъ и воззвалъ: *гдѣ ти, смерте, жало?* Но тотчасъ же припомнилъ, что то состояніе еще впереди, хотя несомнѣнно вѣрно; мы же еще на пути къ нему должны исполнять условіе, чтобы, вступивъ въ область безсмертія, начать вкушать блаженство, а не мученіе. При этой мысли жало смерти навело его на грѣхъ; а отсюда родилось побужденіе напомнить всѣмъ: торжествуя надъ смертію, пойте: гдѣ ти, смерте, жало? но не забывайте, что жало смерти грѣхъ. Для насъ пока торжество надъ смертію есть побѣда надъ грѣхомъ въ себѣ самихъ. Воодушевляйтесь же на такую побѣду, чтобы потомъ на радость, а не на ужасы вступить, и въ состояніе торжества надъ смертію. Жало смерти грѣхъ: сила же разрушительная грѣха отъ того, что онъ есть нарушеніе закона, за которое правда Божія караетъ чрезъ совѣсть и отнимаетъ или умаляетъ жизнь. Будьте же стражами закона и вѣрными исполнителями всѣхъ его велѣній! Это прямой путь къ торжеству надъ смертію.

Съ такимъ пониманіемъ связи означенныхъ словъ, въ прямомъ согласіи стоятъ и слѣдующее благодареніе, и дальнѣйшее еще увѣщаніе (въ ст. 58).

Ст. 57. *Богу же благодареніе, давшему намъ побѣду Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ.*

Торжество побѣды надъ смертію еще въ будущемъ; но оно такъ вѣрно, что Богъ какъ бы уже отдалъ ее намъ въ руки. Побѣда въ дѣйствіи. Въ лицѣ Христа Спасителя она уже состоялась; вѣрою и мы усвояемъ ее себѣ, не уповательно только, но и дѣйственно чрезъ пріобщеніе жизни Іисусъ-Христовой въ крещеніи и причащеніи. Исторженіе насъ изъ челюстей смерти идетъ; основанія блаженному безсмертію прочныя кладутся. И все сіе Господомъ нашимъ Іисусъ-Христомъ!—Благодареніе Богу, все сіе тако устроить благоволившему.

Св. Златоустъ говоритъ при семъ: „Трофей воздвигнулъ самъ Христосъ, а вѣнцевъ удостоилъ и насъ, не по обязанности, а по одному человѣколюбію.“

Благодаритъ Апостолъ Бога за дарованіе побѣды, но надъ чѣмъ, не сказываетъ. Можно разумѣть, и надъ смертію; можно разумѣть, — и надъ грѣхомъ, жаломъ смерти. Благодареніе Богу, давшему намъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ грѣхопобѣдительную силу, которая ведетъ насъ къ радостному торжествованію побѣды надъ смертію. Впереди въ словахъ: *жало же смерти грѣхъ*, онъ сказалъ: смотрите однакожъ, жало смерти отсѣкайте. При этомъ могла родиться мысль: гдѣ съ нимъ сладишь? Это могло навесть на домостроительство спасенія, которое все направлено къ тому, чтобы побѣждать и искоренять въ себѣ грѣхъ.—А отсюда и: благодареніе Богу! Не бойтесь! Все у насъ есть подъ руками. Богъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ даетъ намъ полную побѣду и надъ грѣхомъ.

Ст. 58. *Тѣмже, братіе моя возлюбленная, тверди бывайте, непоступни, избыточествующе въ дѣлѣ Господни всегда, вѣдяще, яко трудъ вашъ нѣсть тощь предъ Господемъ.*

Тѣмже, ὥστε, *такъ что*,—поставляетъ сіи уроки въ прямой зависимости отъ непосредственно предшествующаго. Тамъ—торжество надъ смертію, и вмѣстѣ мимоходное внушеніе побѣждать напередъ грѣхъ, къ чему и силы даны въ Господѣ.—Съ этимъ послѣднимъ внушеніемъ прямо и состоитъ въ связи, что говоритъ теперь Апостолъ.

Тверди бывайте, непоступни. Какъ Апостолъ не указываетъ предмета, то ограничивать твердость и непоступность только въ отношеніи къ вѣрѣ въ воскресеніе, не будетъ справедливо. Скорѣе положить должно, что, какъ впереди благодареніе возносилось къ Богу

за дарованіе побѣды и надъ грѣхомъ, а къ этому ведетъ все домостроительство спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, — то здѣсь твердость и непоступность разумѣется всесторонняя: и въ вѣрѣ, и въ жизни по вѣрѣ, и въ принятіи таинствъ, и въ участіи во всѣхъ освятительныхъ чинахъ церкви,—твердость и непоступность во всемъ этомъ не такая, что поревновалъ и бросилъ,—опять началъ, но поревновалъ и опять бросилъ,—перемежающаяся, а постоянная, неизмѣнная, ровная.

Избыточествующе въ дѣлѣ Господни всегда. Какое это дѣло Господне? Дѣло спасенія. А оно въ чемъ?—*Отложити вамъ по первому житію ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 22). Это и есть то, что разумѣетъ св. Златоустъ подъ дѣломъ Господнимъ. Онъ говоритъ, что избыточествованіе есть избыточествованіе „въ чистой жизни." Та же мысль и у Ѳеодорита: „трудолюбно собирайте богатство благочестія." Дѣла Господня дѣланіе будетъ дѣланіе всякаго добра.—Надо дѣлать добро не кое-какъ, не какъ случилось, а избыточествовать въ дѣланіи его, „чтобы добро было совершенно обильно и выше предписанныхъ предѣловъ" (св. Злат.).

Вѣдяще, яко трудъ вашъ нѣсть тощь предъ Господемъ. „Справедливо это увѣщаніе; ибо ничто столько не колеблетъ (твердости и непоступности), какъ мысль, что трудишься тщетно и напрасно" (св. Злат.). Итакъ, говоритъ, не колеблитесь! Твердо стойте въ вѣрѣ, въ добродѣланіи, и терпѣніи на пути семъ. Плодъ трудовъ вашихъ вѣренъ. „Судія правдивъ и подвижникамъ соплетаетъ вѣнцы (1 Тим. 4, 8), дѣлателямъ уготовалъ уже мзду (Мѳ. 20, 8)" (Ѳеод.).—Откуда *вѣдяще?* Изъ того, что сказалъ о воскресеніи и будущей жизни. *Предъ Господемъ*—даетъ мысль, что слѣдовательно весь

трудъ свой такъ и надобно направлять, чтобы онъ былъ *предъ Господемъ*, — Ему былъ посвящаемъ и совершаемъ такъ, какъ бы все, что ни дѣлалось, дѣлалось на глазахъ у Господа. Такой трудъ всегда свободенъ бываетъ отъ всякой примѣси нечистыхъ побужденій и всегда бываетъ пріятенъ Господу. Онъ и не допуститъ, чтобы трудъ для Него и предъ Нимъ былъ тощъ и здѣсь, и тѣмъ паче тамъ.

„Не будемъ же, возлюбленные, предаваться сну: невозможно, совершенно невозможно безпечнымъ сподобиться царствія небеснаго, равно и преданнымъ роскоши и невоздержанію. Скорѣе, изнуряя и изможадая свое тѣло и перенося безчисленные труды, мы можемъ получить небесныя блага. Развѣ не видите, какое разстояніе между небомъ и землею, какая предстоитъ намъ брань, какъ склоненъ человѣкъ ко злу, какъ окружаетъ насъ грѣхъ и какія разставляетъ сѣти? Развѣ не знаете, что обѣщанное вамъ выше человѣческаго? Развѣ не знаете, какому предстанемъ мы судищу? Развѣ не помните, что намъ должно будетъ дать отчетъ въ словахъ и помышленіяхъ?—Вѣдайте, что если мы будемъ безпечны, то насъ не защититъ никто, ни праведникъ, ни пророкъ, ни апостолъ; если же будемъ ревностны, то имѣя достаточную защиту въ собственныхъ дѣлахъ, съ дерзновеніемъ удостоимся благъ, уготованныхъ любящимъ Бога“ (св. Злат.).

ПОСЛѢДНЕЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

РАЗНОЕ: 1) РАСПОРЯЖЕНІЯ, 2) ИЗВѢСТІЯ, 3) НАКАЗЫ, 4) НАПОМИНАНІЯ, 5) ЦѢЛОВАНІЯ, 6) БЛАГОЖЕЛАНІЯ, Гл. 16.

1).

Распоряженіе о заготовленіи милостыни для Іерусалимлянъ.

16, 1—4.

Ст. 1. *О милостыни же, яже ко святымъ, якоже устроихъ церквамъ Галатійскимъ, тако и вы сотворяйте.*

Эта милостыня собиралась на Іерусалимлянъ, которые больше всѣхъ въ началѣ подвергались лишеніямъ, утѣсненіямъ и гоненіямъ. Извѣстенъ неумолимый фанатизмъ Евреевъ. Со времени гоненія по убіеніи Стефана первомученика нападенія на христіанъ тамъ не прекращались; и они были тѣмъ горше, что совершались по своеволію народа. Св. Павелъ о собраніи на нихъ милостыни получилъ заповѣдь отъ Апостоловъ, не между прочимъ, а какъ первое дѣло, которое онъ и старался исполнять со всѣмъ усердіемъ.—*Святыми* названы іерусалимскіе христіане всѣ, а не особыя какія между ними лица. Такъ обычно именуетъ Апостолъ христіанъ, яко освященныхъ благодатію Святаго Духа и обѣтъ святости давшихъ, и ревнующихъ о ней. Въ Галатійскихъ церквахъ Апостолъ сдѣлалъ распоряженіе о собраніи означеннымъ образомъ милостыни, во время пребыванія своего у нихъ, а не въ посланіи, гдѣ объ этомъ не поминается. Помянулъ объ этомъ Апостолъ, чтобъ раздражить соревнованіе въ Коринѳянахъ.

Св. Златоустъ говоритъ на это: „*милостынею*, λογία, онъ назвалъ сборъ (на бѣдныхъ) для того, чтобы тот-

часъ же съ самаго начала представить это дѣло легкимъ; ибо, если она должна собираться со всѣхъ, то такое установленіе для каждаго становится легкимъ. Указаніемъ на совершаемое другими (Галатійцами) онъ возбуждаетъ ихъ къ соревнованію, предлагая имъ это въ видѣ повѣствованія. Такъ онъ поступилъ и въ посланіи къ Римлянамъ, гдѣ, объясняя имъ причину своего отправленія въ Іерусалимъ, говоритъ между прочимъ и о милостынѣ: *нынѣ же гряду въ Іерусалимъ, служай святымъ. Благоволиша бо Македонія и Ахаіа общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ* (Римл. 15, 25. 26). Тѣхъ располагаетъ къ милостынѣ примѣромъ Македонянъ и Коринѳянъ (здѣсь, въ посл. къ Римл. онъ поминаетъ о милостынѣ, собранной по распоряженію, о коемъ рѣчь), а этихъ примѣромъ Галатійцевъ. Имъ стыдно было оказаться ниже Галатійцевъ.—*Якоже устроихъ въ церквахъ Галатійскихъ*. Не сказалъ: я убѣждалъ, или совѣтовалъ, но *устроихъ*, чѣмъ выражается большая власть; привелъ въ примѣръ не одинъ городъ, не два, и не три, но цѣлый народъ, какъ дѣлалъ онъ и въ отношеніи къ догматамъ: *яко*, говоритъ, *во всѣхъ церквахъ святыхъ* (1 Кор. 14, 33), ибо если такое убѣжденіе сильно для вѣры въ догматы, то еще сильнѣе въ отношеніи къ дѣламъ. Что же, скажи мнѣ, устроилъ ты?"

Ст. 2. *По единѣй отъ субботъ кійждо васъ да полагаетъ у себе сохраняя, еже аще что благопоспѣшится: да, не егда пріиду, тогда собранія бываютъ.*

По единѣй отъ субботъ, κατὰ μίαν σαββάτων,—субботы, σάββατα, означаетъ недѣлю, всѣ семь дней; едина отъ субботъ, μία σαββάτων, означаетъ первый день недѣльный, день Господень, воскресенье. *По единѣй*—не послѣ, а въ каждый первый день недѣли, по воскресеньямъ. Въ воскресенье, съ Апостольскихъ временъ, было

въ обычаѣ между христіанами устроять дѣла благотворенія. Своихъ бѣдныхъ достаточные питали въ этотъ день на вечери любви; а дальнихъ посредствомъ сборовъ и посылокъ имъ вспомоществованія.—Не вдругъ отлагать, а понемножку заповѣдуетъ Апостолъ, потому что этимъ способомъ незамѣтно можно собрать больше, нежели сколько готова была бы рука дать заразъ. Почему употребилъ слово: сохраняя, ϑησαυρίζων—сокровиществуя, собирая въ сокровищницу. *Что благопоспѣшится,* смотря по тому, какая у кого будетъ прибыль у самого отъ оборотовъ и трудо́въ; но вмѣстѣ намекается и на благорасположеніе: не хочетъ неволить, *доброхотна бо дателя любитъ Богъ.* „Количество подаянія Апостолъ предоставляетъ расположенію, научая, что душамъ, избирающимъ лучшее, содѣйствуетъ Богъ. Ибо сіе выразилъ словами: *еже аще что благопоспѣшится*" (Ѳеод.). Почему: *да не когда пріиду собранія бываютъ?* Или опять, чтобъ не стѣснять ихъ, или чтобъ когда придетъ, умы ихъ были свободны отъ всякихъ стороннихъ заботъ, а только внимали тому, что онъ имѣлъ имъ предлагать.

Св. Златоустъ говоритъ: „Смотри, какъ онъ убѣждаетъ ихъ самымъ временемъ; ибо этотъ день самъ по себѣ достаточно располагаетъ къ милостынѣ. Вспомните, говоритъ, чего вы сподобились въ этотъ день: неизреченныя блага, корень и источникъ нашей жизни получили начало въ этотъ день. И не потому только это время располагаетъ къ человѣколюбію, но и потому, что оно доставляетъ отдохновеніе и свободу отъ трудовъ; ибо души, облегченныя отъ бремени трудовъ, бываютъ удобопреклоннѣе и способнѣе къ милосердію. Кромѣ того и причащеніе въ этотъ день страшныхъ и безсмертныхъ Таинъ производитъ великую готовность къ подаянію. Итакъ, въ этотъ день *кійждо васъ,* не тотъ

или другой, но *кійждо*, бѣденъ ли онъ, или богатъ, жена или мужъ, рабъ или свободный, *да полагаетъ у себе сохраняя*. Не сказалъ: пусть приноситъ въ церковь, дабы имъ не стыдно было приносить малое, но: пусть, сберегая мало-по-малу, увеличиваетъ приношеніе, и потомъ покажетъ его, когда я приду; а до того времени, говоритъ, отлагай у себя, и домъ свой дѣлай церковію, ковчегомъ, сокровищницею; будь стражемъ священнаго имущества, самопоставленнымъ домостроителемъ бѣдныхъ; человѣколюбіе даетъ тебѣ сіе священное право. Знакомъ этого остается и донынѣ сосудохранительница. Но знакъ остается, а дѣла нѣтъ.— Смотри опять, какъ это не трудно. Не сказалъ: столько-то, или столько-то, но: *еже аще что благопоспѣшится*, много-ли, мало-ли. Не сказалъ также: сколько кто пріобрѣтетъ, но: *еже аще что благопоспѣшится*, выражая, что пріобрѣтеніе отъ Бога. И не такимъ только образомъ онъ дѣлаетъ совѣтъ свой удобоисполнимымъ, но и тѣмъ, что не повелѣваетъ вносить все въ одно время; ибо, если собирать мало-по-малу, то служеніе и иждивеніе дѣлается нечувствительнымъ. Посему онъ и повелѣваетъ не тотчасъ принести, но назначаетъ продолжительный срокъ и приводитъ причину: *да не егда пріиду*, говоритъ, *тогда собранія бываютъ*, т.-е., дабы не дѣлать сборовъ тогда, когда наступитъ время взноса. И не безъ цѣли предлагаетъ имъ такое замѣчаніе; ожиданіе Павла должно было возбуждать въ нихъ болѣе усердія.“

Ст. 3. *Егда же пріиду, ихже аще искусите, съ посланми сихъ послю отнести благодать вашу во Іерусалимъ.*

Возбуждаетъ къ собранію подаянія и дѣлаетъ всѣ относящіяся къ сему распоряженія, а самъ себя держитъ вдали отъ прикосновенія къ собранному. Кого,

говоритъ, послать съ милостынею, сами изберете довѣрія достойныхъ людей. Это дѣлаетъ онъ для того, „чтобы самому первому дѣлать то, что совѣтуетъ другимъ, и быть безпреткновенну Іудеомъ и Еллинномъ и Церкви Божіей. 1 Кор. 10, 32“ (Ѳеод.). А чтобы не показалось, что онъ безучастенъ къ сему дѣлу, то говоритъ: я пошлю ихъ, и дамъ имъ письма, буду ихъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ. Тутъ все будетъ, говоритъ, идти отъ васъ: я не заслоню собою вашего лица. Іерусалимляне увидятъ въ этомъ не мои труды, а ваше доброхотство. Почему и назвалъ милостыню благодатію, яко благое даяніе ихъ, или какъ доброе дѣло, благодатію въ нихъ совершаемое, и благодать приносящее, и благодатному обществу христіанскому приличное. Св. Златоустъ говоритъ: „Не сказалъ: кого нибудь пошлете, но *ихже аще искусите*, т.-е. кого изберете, дабы служеніе было несомнительно. Дѣло избранія тѣхъ, которые отнесутъ милостыню, онъ предоставляетъ самимъ Коринѳянамъ. Но чтобы не показалось, будто устраняетъ себя отъ нихъ, онъ прилагаетъ и свои посланія: *съ посланми сихъ послю;* какъ бы такъ сказалъ: и я буду съ вами, и я приму участіе въ служеніи посредствомъ посланій. Не сказалъ: пошлю ихъ отнести *милостыню* вашу, но: *благодать* вашу, дабы показать, что они совершаютъ великое дѣло, и дабы внушить, что и сами они отъ этого получаютъ пользу.“

Ст. 4. *Аще же достойно будетъ и мнѣ ити, со мною пойдутъ.*

Аще достойно будетъ,—если нужно будетъ, если такъ случится, что и мнѣ необходимо будетъ идти, *со мною пойдутъ*. Я буду имъ проводникомъ и послужу имъ вмѣсто писемъ руководственныхъ. Количество сбора не имѣло вліянія на такое рѣшеніе. Какъ бы оно велико ни было, все несутъ его повѣренные. Это, ска-

залъ Апостолъ, вмѣсто писемъ. Когда со мною пойдутъ, не нужно будетъ писемъ. Такая мысль кажется прямѣе. Но можетъ быть и та есть здѣсь мысль, что коль скоро такъ много соберется, что и мнѣ надо будетъ идти, и я пойду. Такъ впрочемъ понимаютъ всѣ и старые и новые. Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь онъ опять располагаетъ ихъ къ щедрости: ибо если, говоритъ, будетъ столько собрано, что понадобится и мнѣ идти, то и я не откажусь. Но прямо не обѣщалъ этого и не сказалъ: когда приду, то самъ отнесу; ибо не столько расположилъ бы ихъ къ увеличенію подаянія, еслибы сказалъ это въ началѣ; а послѣ такое прибавленіе хорошо и благовременно; потому онъ и не рѣшительно обѣщалъ, и не совершенно умолчалъ объ этомъ, но сказалъ напередъ: *послю*, потомъ упомянулъ и о себѣ. И въ этихъ словахъ: *аще достойно будетъ и мнѣ ити*, онъ опять предоставляетъ на ихъ волю, т.-е., отъ нихъ зависѣло собрать много и столько, чтобы не стыдно было ему предпринять путешествіе.“

2).

Извѣщеніе о своихъ намѣреніяхъ относительно путешествія и трудовъ въ проповѣди

Ст. 5—9.

Ст. 5. *Пріиду же къ вамъ, егда Македонію преиду; Македонію бо прохожду.*

Пріиду. „Онъ сказалъ то же и прежде, но тогда съ гнѣвомъ, прибавивъ: *и уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу* (1 Кор. 4, 19); а теперь благосклоннѣе, дабы они желали его прибытія“ (св. Злат.).—*Македонію прохожду*,—не то хочетъ сказать, что онъ въ пути: ибо писалъ въ Ефесѣ и тутъ же говоритъ: пребуду еще во Ефесѣ (—ст. 8); но что такъ положилъ идти,

и распоряженія уже о томъ сдѣлалъ, пославъ впередъ св. Тимоѳея, который долженъ былъ и до Коринѳа дойти (Дѣян. 19, 21 и д.). Такъ, говоритъ, когда пройду Македонію, и тамошнія церкви посѣщу, тогда и къ вамъ приду, давая имъ разсчитать самимъ, къ какому времени придется его приходъ.

Ст. 6. *У васъ же, аще случится мнѣ, пребуду, или и озимѣю, да вы мя проводите, аможе аще пойду.*

Аще случится мнѣ,—τυχον,—можетъ быть. „Дабы не сказали: для чего ты предпочитаешь намъ Македонянъ, онъ говоритъ: а чрезъ васъ не пройду только, но у васъ побуду. Онъ писалъ это зимою, находясь въ Ефесѣ. Посему и говоритъ: пребуду же во Ефесѣ до Пентикостіи, потомъ пойду въ Македонію; прошедши ее лѣтомъ, приду къ вамъ и, можетъ быть, проведу у васъ зиму. Но почему онъ сказалъ: *можетъ быть,* а не утвердительно? Потому что не все предвидѣлъ Павелъ, и потому, что это было полезно. Посему онъ и не утверждаетъ прямо, дабы, еслибы этого не случилось, имѣть оправданіе въ томъ, что говорилъ тогда неопредѣленно, равно и въ томъ, что имъ руководилъ Духъ по своей власти, куда хотѣлъ, а не куда желалъ самъ Павелъ. — *Да вы мене проводите, аможе аще иду.* И это слова любви и великаго благорасположенія“ (св. Злат.). Ихъ гостепріимству и попеченію себя ввѣряетъ. Вы меня у себя упокоите, вы будете проводниками и блюстителями моими и въ дальнѣйшемъ пути. Ничего не предрѣшаетъ, а готовъ направляться, куда перстъ Божій укажетъ. И хотя у него уже былъ планъ, чтобы прошедши всѣ эти мѣста, побыть въ Іерусалимѣ, а потомъ направиться и въ Римъ (Дѣян. 19, 21), но какъ исполненіе его онъ не полагалъ состоящимъ въ своей власти, то и умолчалъ объ немъ.

Ст. 7. *Не хощу бо васъ нынѣ въ мимохожденіи ви-*

дѣти, уповаю же время нѣкое пребыти у васъ, аще Господь повелитъ.

„Хочу, говоритъ, не мимоходомъ зайти къ вамъ, но остановиться и пожить у васъ“ (св. Злат.). „Достаточно утѣшилъ Коринѳянъ, обѣщаясь пробыть съ ними нѣсколько времени“ (Ѳеод.). Хочетъ побыть; ибо, какъ видно изъ посланія, много вкралось у нихъ непорядковъ; надлежало и поведеніе ихъ исправить, и образъ мыслей ихъ во многомъ измѣнить. Исправнымъ это извѣстіе приносило радость и удовольствіе; а у неисправныхъ должно было родить страхъ и безпокойство. „Здѣсь онъ выражаетъ любовь свою и вмѣстѣ устрашаетъ грѣшниковъ, впрочемъ не прямо, а подъ видомъ дружескаго расположенія“ (св. Злат.). Словами: *аще Господь повелитъ,* Апостолъ показываетъ, „что ничего не намѣренъ дѣлать безъ Божія мановенія, но желаетъ, чтобы управляла имъ Божія десница.“

Ст. 8. *Пребуду же во Ефесѣ до Пентикостіи.*

„Не напрасно онъ говоритъ обо всемъ этомъ съ точностію, но все открываетъ имъ, какъ друзьямъ; ибо дружбѣ свойственно объявлять причину, почему не приходитъ, почему медлитъ, и гдѣ находится“ (св. Злат.). Этотъ планъ едва ли исполнился; потому что по случаю возмущенія Димитрія среброковача, св. Павелъ кажется долженъ былъ оставить Ефесъ нѣсколько раньше. Но зиму онъ провелъ у нихъ, какъ видно изъ того, что пробывши три мѣсяца въ Элладѣ, дни опрѣсночные провелъ онъ въ Филиппахъ на возвратномъ пути (Дѣян. 20, 6), а къ Пятидесятницѣ надѣялся прибыть въ Іерусалимъ (Дѣян. 20, 16).

Ст. 9. *Дверь бо ми отверзеся велика и поспѣшна, и сопротивніи мнози.*

Подготовленное въ трехлѣтнее пребываніе начало приносить плодъ. Многіе начали обращаться; но это

же раздражило противниковъ, возбудившихъ возстаніе. Дѣло Божіе однакожъ могло быть кончено и безъ Павла, его учениками и оставленными предстоятелями; только самъ св. Павелъ долженъ былъ удалиться. Св. Златоустъ говоритъ: „Если же дверь велика, то откуда *сопротивніи?* Отъ того самаго и много противниковъ, что велика вѣра, что великъ и широкъ входъ. Что же значитъ: *дверь велика?* Многіе готовы принять вѣру; многіе готовы приступить и обратиться; широкъ у меня входъ, потому что души приступающихъ охотно принимаютъ послушаніе вѣры. Сильною злобою дышалъ тогда діаволъ, видя, что многіе отступаютъ отъ него. Посему Павлу надлежало остаться тамъ по двумъ причинамъ: потому что велика была польза, и потому что великъ былъ подвигъ. Такими словами онъ также ободрялъ Коринѳянъ, сообщая имъ, что наконецъ слово повсюду дѣйствуетъ и удобно возрастаетъ. А что много было противниковъ, и это означаетъ успѣхъ Евангельской проповѣди. Злой бѣсъ никогда такъ не свирѣпствуетъ, какъ когда видитъ, что многіе изъ его сосудовъ расхищаются. Посему и мы, когда захотимъ совершить что-нибудь великое и отличное, будемъ смотрѣть не на то, что дѣло представляетъ много труда, а на его пользу. И Павелъ, смотри, не теряетъ бодрости и не убѣгаетъ потому, что много противниковъ, но остается и напрягаетъ свои силы, потому что велика была дверь. Ибо это, какъ я сказалъ, было знакомъ обнаженія діавола. Не можетъ раздражить этого злаго звѣря тотъ, кто сдѣлалъ что-нибудь малое и незначительное. Посему не удивляйся, когда видишь, что праведный мужъ, совершающій великіе подвиги, терпитъ множество бѣдствій; ибо надлежало бы дивиться противному, т.-е. еслибы діаволъ, бывъ часто поражаемъ, оставался въ покоѣ и кротко переносилъ на-

носимыя ему раны. Неудивительно, если змій, получая непрестанные удары, свирѣпѣетъ и бросается на ударяющаго. А діаволъ, пресмыкаясь, свирѣпствуетъ противъ всѣхъ злѣе всякаго змія и нападаетъ, выставивъ жало, подобно скорпіону.“

3).

Наказъ о Тимоѳеѣ, съ вѣстію объ Аполлосѣ.

Ст. 10—12.

Ст. 10. *Аще же пріидетъ Тимоѳей, блюдите, да безъ страха будетъ у васъ: дѣло бо Господне дѣлаетъ, якоже и азъ.*

Что послалъ къ нимъ св. Тимоѳея, поминалъ Апостолъ прежде (4, 17); теперь дѣлаетъ наказъ имъ на случай его прихода. Когда писано было посланіе, св. Тимоѳея не было уже въ Ефесѣ; онъ былъ на пути, направляясь чрезъ Македонію въ Коринѳъ. Это то самое шествіе его, о которомъ поминается въ книгѣ Дѣяній (19, 22). Наказъ состоитъ въ томъ, *да безъ страха будетъ*. Это можетъ быть и то значитъ, чтобы онъ не подвергся никакой опасности и бѣдѣ,—какъ-бы такъ: укройте его, какъ знаете, если случится что. Но прямѣе этимъ означается, чтобъ сами они приняли его любовно и уважительно, чтобъ предъ ними самими не имѣлъ онъ страха; почему и говоритъ: πρὸς ὑμᾶς,— въ отношеніи къ вамъ, предъ вами. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ предостерегаетъ ихъ и говоритъ, *да безъ страха будетъ у васъ*, т.-е. чтобы кто-нибудь изъ безстыдныхъ не возсталъ противъ него. Ибо ему, можетъ быть, предстояло сдѣлать имъ замѣчаніе за то, о чемъ писалъ Павелъ, для чего онъ и былъ посланъ, какъ выразилъ Апостолъ въ словахъ: *послахъ къ вамъ Тимоѳея, иже вамъ воспомянетъ пути моя* (1 Кор. 4, 17).

Итакъ, дабы они, надѣясь на знатность, на богатство, на защиту отъ народа и на мірскую мудрость, не напали на него, не стали оскорблять его и строить противъ него козни, негодуя на его обличенія, или на вразумленія учителя, и желая отмстить послѣднему въ лицѣ перваго, Апостолъ говоритъ: *да безъ страха будетъ у васъ.*"

Св. Тимоѳей посланъ былъ вслѣдствіе извѣстій, полученныхъ отъ домашнихъ *Хлоиныхъ*, чтобъ узнать истинное положеніе дѣлъ и, вѣроятно, чтобъ въ случаѣ нужды сдѣлать зависящія распоряженія. Посланіе же пишется по отправленіи его по случаю прибытія нарочитыхъ пословъ изъ Коринѳа съ письмами. Эти послы удостовѣрили, что дѣла точно требовали исправленія, и что св. Тимоѳею предлежало дѣлать распоряженія. Св. Павелъ и упреждаетъ ихъ. Посланные сіи съ посланіемъ св. Павла, отправясь моремъ, должны были прибыть въ Коринѳъ гораздо прежде св. Тимоѳея.

Ѳеодоритъ понимаетъ эти слова вообще, безъ отношенія къ содержанію посланія, какъ-бы такъ: „примите его, послужите ему, да не испытаетъ никакого огорченія."

Дѣло бо Господне дѣлаетъ, якоже и азъ. „Достаточное свидѣтельство, чтобы и лѣниваго побудить къ оказанію услугъ ученику" (Ѳеод.). Не своего ищетъ, а Божіяго. „Апостолъ хочетъ внушить имъ довѣріе и уваженіе къ Тимоѳею по самому его служенію: *дѣло бо Господне дѣлаетъ*. Не смотрите на то, что онъ не богатъ, необразованъ и не старъ, а на то, что поручено ему, и что онъ исполняетъ. Это замѣняетъ ему и знаемость, и богатство, и старость, и мудрость. Не довольствуясь этимъ, присовокупляетъ: *якоже и азъ*" (св. Злат.). Онъ будетъ дѣлать то, что я ему повелѣлъ, мое дѣло; но мое дѣло есть дѣло Господне, слѣдовательно и его. Господне дѣло есть дѣло спа-

сенія людей. Средства къ тому—утвержденіе Евангельской истины въ сердцахъ и введеніе христіанскихъ порядковъ жизни. Вотъ о чемъ мы оба трудимся: онъ по моему указанію, а я по Господню повелѣнію.

Ст. 11. *Да никтоже убо его уничижитъ, проводите же его съ миромъ, да пріидетъ ко мнѣ; жду бо его съ братіею.*

Да никтоже убо его уничижитъ. Поелику дѣло Господне дѣлаетъ, то не дерзайте его уничижать. „Не смотрите на юность возраста, но примите въ немъ во вниманіе Апостольскіе труды“ (Ѳеод.). „Такъ какъ онъ былъ молодъ и ему одному поручено было исправленіе такого общества, то же и другое могло быть причиною пренебреженія къ нему, то Апостолъ справедливо предотвращаетъ ихъ отъ уничиженія его. И не только этого требуетъ для него, но еще большей чести: *проводите,* говоритъ, *его съ миромъ,* т.-е., безопасно, безъ ссоръ и словопреній, безъ вражды и ненависти, но съ покорностію и попечительностію къ нему, какъ къ учителю.—*Да пріидетъ ко мнѣ.* И этимъ онъ внушаетъ имъ страхъ, дабы они, зная, что онъ разскажетъ Апостолу все съ нимъ случившееся, были болѣе кроткими; для сего и присовокупляетъ: *жду бо его.* А съ другой стороны этимъ онъ также внушаетъ довѣріе къ Тимоѳею, выражая, что онъ самъ, намѣреваясь отправиться, ожидаетъ его, и вмѣстѣ свидѣтельствуетъ любовь свою къ нимъ, показывая, сколь полезнаго послалъ онъ къ нимъ человѣка“ (св. Злат.).

Жду его съ братіею. Жду его и братію, что съ нимъ посланы и должны воротиться вмѣстѣ. Или: жду я и братія, которая со мною. Тамъ онъ, какъ глава посольства, а здѣсь, какъ лице всѣмъ дорогое. Въ томъ и другомъ—побужденіе относиться къ нему и съ уваженіемъ и съ любовію. Съ св. Тимоѳеемъ посланъ былъ Ерастъ.

Ст. 12. *О Аполлосѣ же братѣ: много молихъ его, да пріидетъ къ вамъ съ братіею, и всяко не бѣ воля, да нынѣ пріидетъ; пріидетъ же, егда упразднится.*

Объ Аполлосѣ вѣрно въ посланіи писали Коринѳяне, желая его видѣть. Апостолъ пишетъ на это: что касается до Аполлоса—брата, то я много просилъ его, чтобъ онъ шелъ къ вамъ съ братіею. Съ какою? Вѣроятно съ тою, которая прислана изъ Коринѳа и теперь должна была возвращаться туда. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что просилъ много, умолялъ; но *не бѣ воля, да нынѣ пріидетъ*. Чья воля? Конечно Аполлосова. Или обстоятельства ему препятствовали, или занятія мѣшали: ибо не видно, чтобы дѣло проповѣди было главнымъ дѣломъ Аполлоса. Почему прибавилъ: *пріидетъ же, егда упразднится*. Когда передѣлаетъ свои дѣла, придетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „*О Аполлосѣ же*... Этотъ, какъ видно, былъ и образованъ и старше Тимоѳея; посему, дабы они не сказали, почему онъ не послалъ къ нимъ этого мужа, а прислалъ молодого человѣка, смотри, какъ Апостолъ и касательно его успокоиваетъ ихъ, называя его братомъ и сообщая, что много просилъ его отправиться къ нимъ. И дабы не подумали, будто онъ предпочелъ ему Тимоѳея и потому не послалъ его, и дабы не возбудить въ нихъ большей зависти, говоритъ: *много молихъ его, да пріидетъ*. Что же? Онъ не согласился и не послушался, но воспротивился и отказался? Павелъ не говоритъ это, но дабы и его не обвинить и себя оправдать, говоритъ: *всяко не бѣ воля, да нынѣ пріидетъ*. Затѣмъ, дабы не сказали, что это только отговорка и предлогъ, присовокупляетъ: *пріидетъ же къ вамъ, егда упразднится*. Такимъ образомъ онъ и его оправдалъ, и ихъ желавшихъ видѣть его успокоилъ надеждою на его прибытіе.“

4).

Напоминанія—бодренно и мужественно стоя въ вѣрѣ, пребывать во взаимной любви, повинуясь предстоятелямъ, и отдавая должную честь служащимъ и труждающимся въ дѣлѣ Божіемъ. Ст. 13—18.

Ст. 13. 14. *Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся. Вся вамъ любовію да бываютъ.*

Что напоминаетъ? Бодренность, стойкость въ вѣрѣ, мужество, крѣпость и взаимную любовь. Можно прибавить: яко сіе всякъ христіанинъ. Бодрствующій смотритъ во всѣ стороны и сторожитъ, чтобъ не напалъ нечаянно врагъ. Когда врагъ подходитъ и хочетъ сбить бодрствующаго съ позиціи, онъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, не поддаваясь. Позиція христіанъ—вѣра, во всеобъемлющемъ ея значеніи. Врагъ усиливаетъ нападенія; ему противостоятъ мужественно; въ мужествѣ же крѣпятся. Чѣмъ? взаимною любовію. Всѣ составляютъ одно тѣло плотно скрѣпленное. Въ немногихъ словахъ Апостолъ сказалъ имъ и напомнилъ очень многое. „Повидимому онъ предлагаетъ увѣщаніе, а между тѣмъ укоряетъ ихъ за безпечность; и потому говоритъ имъ: *бодрствуйте,* какъ спящимъ, *стойте,* какъ колеблющимся, *мужайтеся, утверждайтеся,* какъ малодушнымъ, *вся вамъ любовію да бываютъ,* какъ неимѣющимъ взаимнаго согласія. Одно направлено противъ обольстителей, именно: *бодрствуйте, стойте*; другое противъ оскорбителей, именно: *мужайтеся*; третье противъ возбуждающихъ несогласія и распри, именно: *вся вамъ любовію да бываютъ,* которая есть союзъ совершенства, корень и источникъ благъ. Что же значитъ: *вся любовію да бываютъ?* Обличаетъ ли кто, начальствуетъ ли кто или служитъ, учитъ ли кто или учится, все должно быть

съ любовію; ибо и все упомянутое зло (у Коринѳянъ) произошло отъ пренебреженія любви. Еслибы любовь не была пренебрегаема, то они не гордились бы и не говорили: *азъ убо Павловъ, азъ же Аполлосовъ* (1 Кор. 1, 12); еслибъ она была между ними, то они не судились бы у внѣшнихъ (язычниковъ), или лучше, не судились бы вовсе; еслибы она была между ними, то блудникъ не жилъ бы съ женою своего отца, то они не презирали бы немощныхъ братій, не имѣли бы раздѣленій, не тщеславились бы духовными дарованіями. Посему-то и говоритъ имъ Апостолъ: *вся вамъ любовію да бываютъ*“ (св. Злат.).

Ст. 15. *Молю же вы, братіе: вѣсте домъ Стефаниновъ, яко есть начатокъ Ахаіи, и въ служеніе святымъ учиниша себе.*

„Еще въ началѣ посланія онъ упомянулъ объ этомъ, когда сказалъ: *крестихъ же и Стефаниновъ домъ* (1, 16), и теперь называетъ его начаткомъ не только Коринѳа, но и всей Греціи. Не маловажная честь первыми приступить ко Христу. Но Апостолъ не то только сказалъ, что они первые увѣровали, но что были начаткомъ, выражая, что вмѣстѣ съ вѣрою они показали и прекрасную жизнь, какъ ея плодъ, и оказались достойными во всѣхъ отношеніяхъ. Подлинно, начатокъ долженъ быть лучше всѣхъ прочихъ, которыхъ онъ есть начатокъ, что Павелъ дѣйствительно и засвидѣтельствовалъ объ нихъ такимъ выраженіемъ. Ибо они, какъ я сказалъ, не только искренно увѣровали, но и на дѣлѣ показали великое благочестіе, высокую добродѣтель и ревность въ дѣлахъ милосердія. И не только этимъ онъ доказываетъ, что они достойны чести, но и тѣмъ, что весь домъ былъ исполненъ благочестія. А какъ они были ревностны въ добрыхъ дѣлахъ, это Апостолъ показываетъ въ дальнѣйшихъ словахъ: *въ служеніе свя-*

тымъ учиниша себе. Слышите ли, какую онъ воздаетъ похвалу ихъ страннолюбію? Не сказалъ: служатъ, но: *учиниша себе въ служеніе,*—такую жизнь они избрали себѣ навсегда, объ этомъ заботятся постоянно" (св. Злат.).

Ст. 16. *Да и вы повинуйтеся таковымъ, и всякому споспѣшествующу и труждающуся.*

Теченіе рѣчи такое: прошу васъ, братіе,—вы знаете конечно домъ Стефаниновъ—такой и такой, такъ прошу васъ, повинуйтеся таковымъ, и всякому...

Повинуйтеся,—ὑποτάσσησθε,—больше значитъ нежели почитайте. Повиновеніе,—ὑποταγή;—подчиненіе, покорность есть обязанность подчиненнаго къ властному. Потому надобно полагать, что Стефаносъ былъ въ числѣ предстоятелей церкви. То, что Апостолъ обставляетъ его словами: *таковымъ—и всякому,*—смѣшивая его въ массѣ другихъ достойныхъ уваженія лицъ, зависѣло отъ того, что Стефаносъ былъ налицо и долженъ былъ представить посланіе Коринѳскому обществу. Надлежало его прикрыть. Св. Павелъ не оставилъ конечно коринѳскаго общества безъ блюстителей. Кому же лучше онъ могъ поручить его, какъ не такому какъ Стефаносъ и подобные ему. Общество было большое: конечно и блюститель не одинъ. *Споспѣшествующими* называетъ св. Павелъ лица пособствующія благоустройству и благосостоянію церкви чѣмъ-либо другимъ, кромѣ предстоятельства; *труждающимися*—служащихъ въ церкви и внѣ,—при крещеніи, проповѣди, помоганіи бѣднымъ и больнымъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ отличаетъ труждающихся въ словѣ. Не ихъ ли онъ и здѣсь разумѣетъ? Ѳеодоритъ пишетъ: „приказаніе даетъ, чтобы они и соизволяющіе на подобное сему пользовались всякою честію." Св. Златоустъ говоритъ вообще съ той точки, что они *на служеніе святымъ учиниша себе.* „Содѣйствуйте имъ и денежными пожертвованіями, и тѣлес-

нымъ служеніемъ, имѣйте съ ними общеніе; потому что и трудъ для нихъ сдѣлается легче, если они будутъ имѣть сотрудниковъ, и дѣйствія благотворительности будутъ простираться на большее число людей. Не просто сказалъ: содѣйствуйте, но: *повинуйтеся* имъ, что бы они вамъ ни повелѣли, внушая самое строгое повиновеніе. Но дабы не показалось, будто онъ угождаетъ имъ, присовокупляетъ: *и всякому споспѣшествующему и труждающемуся.* Пусть, говоритъ, этотъ законъ будетъ общимъ; я говорю не объ нихъ исключительно, но и всякій, подобный имъ, пусть получаетъ тоже. Посему, еще начиная говорить о нихъ, онъ призываетъ во свидѣтели самихъ Коринѳянъ. Вы, говоритъ, сами знаете, какъ они трудятся, и не имѣете нужды слышать объ этомъ отъ насъ."

Ст. 17. *Возрадовахся же о пришествіи Стефаниновѣ и Фортунатовѣ и Ахаіковѣ, яко ваше лишеніе сіи исполниша.*

Стефаносъ, Фортунатъ и Ахаикъ были послы отъ Коринѳянъ, принесшіе и посланіе отъ нихъ, на которое по пунктамъ отвѣтилъ св. Павелъ. Радъ былъ, говоритъ, я ихъ приходу, потому что въ ихъ лицѣ я увидѣлъ всѣхъ васъ. Изъявляетъ сильную любовь къ нимъ, свидѣтельствуя, что всѣхъ ихъ желалъ бы видѣть,—да нѣтъ васъ; эти посланные восполнили такое лишеніе васъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ изъявленіемъ радости и пославшихъ одобряетъ за выборъ, и посланныхъ похваляетъ, что они такъ достойно себя держали, что ничѣмъ не умалили радости, какую доставила первая ихъ встрѣча. „Похваляя пришедшихъ къ нему, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ воздаетъ похвалу и другимъ, съ посланными соединяя пославшихъ. Они пришли къ нему вмѣсто всѣхъ, представили въ лицѣ своемъ весь городъ, были представителями всѣхъ вѣрующихъ Коринѳянъ" (св. Злат.).

Ст. 18. *Упокоиша бо мой духъ и вашъ. Познавайте убо таковыя.*

Упокоили духъ св. Павла тѣмъ, что дали возможность видѣть въ себѣ всѣхъ любимыхъ чадъ Коринөской церкви, и особенно тѣмъ, что представили состояніе этой церкви въ истинномъ ея видѣ, — что т.-е. есть неисправности, но онѣ скорѣе суть дѣло неразумія, чѣмъ нерадѣнія о добрѣ и нежеланія являть себя во всемъ исправными. А это значило, что стоитъ только указать имъ, какъ чему слѣдуетъ быть, и все пойдетъ какъ должно. Что и дѣлаетъ св. Павелъ въ посланіи. Упокоили духъ Коринөянъ тѣмъ, что согласились принять на себя трудъ путешествія и тѣмъ дать имъ надежду, что духовныя нужды ихъ будутъ удовлетворены и все смущавшее ихъ предотвращено,—упокоили надеждою. Это даетъ мысль, что посланные предъ самыми пославшими были лица, на которыхъ во всемъ положиться можно. Въ этомъ же словѣ, можетъ-быть разумѣется и то, — что упокоятъ; а что упокоятъ, въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Апостолъ и говоритъ объ этомъ какъ-бы оно совершилось уже.

Познавайте убо таковыя, — т.-е. воздавайте имъ за это признательностію, вниманіемъ, любовію, почтеніемъ. „Для васъ они оставили отечество и домъ свой; за всѣхъ васъ рѣшились предпринять такое путешествіе: познавайте убо ихъ. Это вы исполните, если вознаградите ихъ добрымъ къ нимъ расположеніемъ, если станете почитать ихъ, если будете принимать ихъ, если покажете участіе въ ихъ добрыхъ дѣлахъ“ (св. Злат.).

5.

Цѣлованія,—изъявленія благожеланій,—поклоны.

Ст. 19. 20.

Ст. 19. *Цѣлуютъ вы церкви Асійскія; цѣлуютъ вы о Господѣ много Акила и Прискилла, съ домашнею ихъ церковію.*

Цѣлуютъ вы церкви Асійскія. „И сіе присовокупилъ Апостолъ на пользу Коринѳянамъ, показывая распространеніе проповѣди“ (Ѳеод.). Такъ обычно Апостолу Павлу. „Онъ всегда въ своихъ привѣтствіяхъ сближаетъ и соединяетъ членовъ (Церкви)“ (св. Злат.). Обращенные Апостоломъ всѣ сознавали себя въ духовномъ отношеніи дѣтьми одного отца духовнаго; потому искренно привѣтствовали другъ друга, какъ родныхъ. Но и кромѣ этого, всѣ христіане одного духа суть, одного Господа главою имѣютъ и въ Немъ единомъ роднятся, составляя какъ бы одну семью.

Акила и Прискилла шлютъ свои привѣты и потому еще, что были имъ извѣстны лично, и вѣроятно не мало содѣйствовали св. Павлу въ насажденіи вѣры въ Коринѳѣ. Получить отъ нихъ цѣлованіе не могло не быть утѣшительно для Коринѳянъ, свидѣтельствуя, что сіи лица помнятъ ихъ доселѣ и не перестаютъ питать къ нимъ доброе расположеніе. Это и особо означилъ св. Павелъ словами: *много и о Господѣ.—Съ домашнею ихъ церковію,* — или со всѣми, находящимися въ домѣ ихъ, или съ тою частію христіанъ, которая собиралась въ ихъ домъ, для молитвъ и причащенія. Св. Златоустъ и другіе наши толковники замѣчаютъ, что св. Павелъ жилъ у нихъ, и слѣдовательно собранія тутъ бывали многочисленнѣе. Какъ отдѣльныхъ церквей тогда

не было, то для собраній уступались дома. Едва ли можно найти домъ, который могъ бы вмѣстить всѣхъ вѣрующихъ; потому, вѣроятно, назначался для этого не одинъ домъ. Это начало того, что по городамъ бываетъ и теперь много церквей. „Они, по великой добродѣтели содѣлали домъ церковію, вознамѣрившись дѣлать то одно, что прилично церкви“ (Ѳеод.). „И это немаловажная заслуга—обратить домъ свой въ церковь“ (св. Злат.).

Ст. 20. *Цѣлуютъ вы братія вся. Цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ.*

Не Акила только и Прискилла съ церковію своею домашнею, но и всѣ ефесскіе христіане привѣтствуютъ. И безвѣстные вамъ не отстаютъ въ благожеланіи отъ извѣстныхъ. Но если далекіе отъ васъ такъ близятся съ вами, не тѣмъ ли паче въ искреннемъ сближеніи надлежитъ пребывать вамъ между собою. Это я и прошу васъ сдѣлать теперь же, по прочтеніи посланія, взаимнымъ другъ друга цѣлованіемъ, да изгонитъ оно изъ среды васъ всякій разладъ, всякое разномысліе, да будете едино и умомъ и сердцемъ. „Апостолъ изгналъ раздоръ, и святымъ лобзаніемъ связалъ ихъ между собою“ (Ѳеод.). „Такое прибавленіе: *лобзаніемъ святымъ*, онъ дѣлаетъ только здѣсь. Почему? Потому что между Коринѳянами было великое раздѣленіе; они говорили: *азъ убо Павловъ*, и проч.; одни изъ нихъ терпѣли голодъ, а другіе упивались; между ними происходили ссоры, распри и тяжбы; даже изъ-за самыхъ даровъ благодати у нихъ была великая зависть и великая надменность. Примиривъ ихъ своимъ увѣщаніемъ, онъ справедливо повелѣваетъ имъ соединиться и святымъ цѣлованіемъ; оно могло соединить ихъ и сдѣлать единымъ тѣломъ; оно *свято*. если чуждо коварства и лицемѣрія“ (св. Злат.).

6.

Послѣднее слово и благожеланіе Апостола.

Ст. 21—24.

Ст. 21. *Цѣлованіе моею рукою Павлею.*

Привѣтъ любви вамъ и отъ меня, который пишу своею рукою. Этимъ подтвердилъ онъ, что и все посланіе идетъ отъ него. Цѣлованіе свое Апостолъ обычно выражалъ словами: *благодать Господа нашего* и проч. (ст. 23). Но иногда, сообразно съ лицами, къ которымъ писалъ, онъ прибавлялъ что-нибудь къ сему слову. Въ этомъ посланіи онъ обставляетъ его словами о любви...

Ст. 22. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ, маранъ-аѳа.*

Существо христіанства въ сочетаніи съ Господомъ— существенномъ. Но кто состоитъ въ семъ сочетаніи, можетъ ли не любить Господа? Если кто не любитъ Господа, то прямой знакъ, что онъ не состоитъ въ союзѣ съ Нимъ; а если не состоитъ съ Нимъ въ союзѣ, то чуждъ христіанства, чуждъ тѣла Церкви, самоотлученъ отъ нея, хотя и носитъ имя христіанина,—анаѳема и значитъ отлученъ отъ тѣла Церкви. Въ подлинникѣ стоитъ только ἀνάθεμα, — а что прибавить здѣсь: *есть* или *да будетъ*,—оставляется на волю читающаго. Думается, что здѣсь лучше идетъ: есть, въ такой мысли, что кто не имѣетъ любви къ Господу, тотъ уже отсѣченъ отъ Церкви, не членъ ея, или членъ отторгшійся. Слова: *маранъ-аѳа* — лучше понимать, какъ удостовѣрительное слово въ смыслѣ: право такъ, ей, такъ. Въ переводѣ это значитъ: *Господь пріиде.* Апостолъ выражаетъ: кто не любитъ Господа, тотъ анаѳема. Это

такъ вѣрно, какъ вѣрно то, что Господь пришелъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ Онъ былъ грядый, имѣющій придти, чаемый, а для насъ Онъ есть пришедшій. Исповѣданіемъ этого удостовѣряетъ Апостолъ, что нелюбовь ко Господу дѣлаетъ христіанина анаөемою.

Св. Златоустъ говоритъ: „Однимъ этимъ изреченіемъ Онъ приводитъ въ страхъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣлали члены свои членами блудницы, которые соблазняли братію вкушеніемъ жертвъ идольскихъ, назывались по именамъ людей, не вѣровали воскресенію, — и не только приводитъ въ страхъ, но и указываетъ путь къ добродѣтели и источникъ пороковъ. Какъ любовь ко Христу, когда она сильна, изгоняетъ и истребляетъ всѣ виды грѣховъ, такъ точно она, когда слаба, позволяетъ произрастать имъ. Что значитъ: *маранъ-аөа?* Господь нашъ пришелъ. Для чего онъ говоритъ это? Дабы подтвердить ученіе о домостроительствѣ Божіемъ, такъ какъ преимущественно въ этомъ заключаются сѣмена воскресенія; и еще для того, чтобы пристыдить ихъ, какъ бы такъ говоря: общій всѣхъ владыка благоволилъ уничижить Себя до такой степени, а вы еще остаетесь въ томъ же положеніи и продолжаете грѣшить? Васъ не поражаетъ чрезмѣрная любовь Его, важнѣйшая изъ всѣхъ благъ? Помните только это одно, и вы будете въ состояніи преуспѣвать во всякой добродѣтели и истреблять всякій грѣхъ.“ Бл. Өеодоритъ дополняетъ сіе слѣдующимъ еще наведеніемъ: „какъ любящіе плотски никого не хотятъ имѣть сообщникомъ въ любви, такъ напротивъ бл. Апостолъ желаетъ, чтобы всѣ люди вмѣстѣ съ нимъ были любителями (Господа), и кто не таковъ, того отсѣкаетъ отъ Церкви.“

Ст. 23. 24. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами. И любы моя со всѣми вами о Христѣ Іисусѣ. Аминь.*

„Учителю свойственно помогать не только совѣтами, но и молитвами. Апостолъ и молится: *благодать... съ вами. И любы моя съ вами.* Будучи отдаленъ отъ нихъ по мѣсту, онъ какъ-бы простираетъ свою десницу и объемлетъ ихъ объятіями любви: *любы моя*, говоритъ, *съ вами*; какъ-бы такъ: я самъ со всѣми вами. Это показываетъ, что написанное имъ происходило не отъ раздраженія и не отъ гнѣва, но отъ попеченія объ ихъ благѣ, если онъ и послѣ такихъ обличеній не отвращается отъ нихъ, но любитъ и объемлетъ ихъ, несмотря на далекое разстояніе, и изливаетъ предъ ними свою душу въ писаніяхъ и посланіяхъ. Но дабы они не подумали, что онъ изъ лести къ нимъ дѣлаетъ такое заявленіе любви, говоритъ: *о Христѣ Іисусѣ*; любовь его не имѣетъ въ себѣ ничего человѣческаго, ничего плотскаго, но есть духовная, и потому самая искренняя; слова его впрочемъ выражаютъ сильную любовь“ (св. Злат.).

„А мы извлечемъ (изъ предпослѣднихъ словъ Апостола) себѣ пользу, и возлюбимъ возлюбившаго насъ Владыку, чтобы не пала и на насъ клятва; но чтобы сподобиться намъ всякихъ о Немъ благословеній. Съ Нимъ Отцу, со Святымъ Духомъ честь и велелѣпіе, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь“ (Ѳеодоритъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ КЪ КОРИНѲЯНАМЪ.

Введеніе.

HECKMAN
BINDERY INC.
MAR 91
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

